
МАРКОВ

и марковцы

Б Е Л Ы Е В О И Н Ы

Портрет С.Л. Маркова.
Художник Р.В. Былинская. 2001 г.
Частная коллекция

МАРКОВ *и марковцы*

МОСКВА «ПОСЕВ» 2001

Военно-историческая серия «Белые войны»
*Издается по благословлению настоятеля
Спасского храма Подольского Благодичиния
священника Александра Шумаева*

Марков и марковцы.

М., НП «Посев», 2001.

Автор проекта серии – *А.Н. Алекаев.*

Научный редактор серии –
кандидат исторических наук *В.Ж. Цветков.*

Средства от реализации издания будут направлены
на установку памятника генералу С.Л. Маркову.

Первая книга серии представляет собой сборник документов и воспоминаний об одном из самых выдающихся военачальников Русской армии генерал-лейтенанте Сергее Леонидовиче Маркове. Основой книги стал известный в эмиграции двухтомник подполковника В.Е. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию», но практически неизвестный широким кругам российских читателей. Помимо значительных отрывков из этого издания в книгу вошли и архивные материалы, никогда не вводившиеся в научный оборот. Это документы С.Л. Маркова, воспоминания о 2-м Кубанском походе (их начало в № 3 альманаха «Белая Гвардия»), записки начальника штаба Марковской дивизии полковника Битенбиндера, приказы по формированию марковских частей. Немалую часть издания составляют аналитические материалы по социальному составу марковских полков, особенностям их создания и участию в боевых действиях в 1917-1920 годах. Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями, посвященными как жизни генерала Маркова, так и боевой истории марковцев.

Составители издания:

Р.Г. Гагкуев, Н.Л. Калиткина, В.Ж. Цветков.

Художественное оформление –

Е.Г. Клодт.

Заказы и отзывы направлять по адресу:

103031. Москва, ул. Петровка, д.26, стр. 2, пом. 96.

Главному редактору альманаха «Белая Гвардия» *В.Ж. Цветкову.*

Тел. (095) 925-92-48, e-mail: posev@online.ru

ISBN 5-85824-146-8

© Некоммерческое Партнерство
«Издательское, исследовательское и
просветительское содружество «Посев», 2001
© А.Н. Алекаев, проект серии, 2001
© Р.Г. Гагкуев, Н.Л. Калиткина, В.Ж.
Цветков., составители, 2001.
© Е.Г. Клодт, оформление, 2001.

Предисловие редактора

«...Я только склоняю почтительно голову перед героями всех добровольческих армий и отрядов, полагавших бескорыстно и самоотверженно душу свою за други своя.»

А.И. Куртин.

Купол св. Исаакия Далматского.

В российском обществе все больший интерес вызывает литература по отечественной истории, ее незаслуженно забытым страницам. Потребность в новых, изданных в России, а не в зарубежье книгах велика. Особым вниманием пользуется история Белого движения, рейтинги спроса данной литературы одни из самых высоких. Книгой «Марков и марковцы» издательство «Посев» начинает серию исследований, посвященных истории Белых армий. Идея создания серии «Белые воины» принадлежит русскому предпринимателю господину А.Н. Алекаеву.

Память прошлого не должна предаваться забвению, и долг сегодняшних поколений – делать все возможное для того, чтобы осмыслить, сохранить и передать в будущее богатейшее историческое наследие уходящего столетия. Сейчас идет процесс переоценки событий «второй русской смуты», «кровавой истории XX века». На смену штампованным характеристикам «белобандитов», «контрреволюционеров» приходит глубокий анализ истории Белого движения.

Историография по этой теме за последние десять лет насчитывает уже десятки и сотни наименований. Особенно интенсивно изучается военная история Белой борьбы. Тем не менее, до сих пор военно-исторические исследования сводятся зачастую лишь к тому, какой цвет погон и петлиц был у того или иного «цветного полка», сколько артиллерийских орудий и бронепоездов состояло на вооружении Белых армий, как и при каких обстоятельствах была занята какая-нибудь деревня или город. Очень мало работ по истории социального состава Белых армий, об особенностях их формирования и комплектования. Между тем, именно это направление можно считать приоритетным в развитии исследований по истории Белого движения и антибольшевистского сопротивления в России в целом.

Представляемая читателям книга посвящена истории частей Марковской пехотной дивизии и биографии их командира – генерал-лейтенанта Сергея Леонидовича Маркова. Один из легендарных героев Великой и гражданской войн, Георгиевский кавалер, один из основателей Добровольческой армии, защитник идеалов Веры и русского патриотизма, бесспорный авторитет среди офицерства, юнкерской и кадетской молодежи. Именно таким он запомнился большинству участников Белого движения. И за этим легендарным ореолом долгое время было трудно разглядеть талантливого офицера российского Генерального штаба, смелого и самоотверженного военачальника, подлинного **РУССКОГО ПАТРИОТА**.

Именно на эти его качества хотелось бы обратить внимание читателей. Ведь говоря о судьбе русского офицерства, о страшной его трагедии в годы российского «безвременья», нельзя забывать о стойкости духа лучших его

представителей. Тех, кто не смирился с позором Брестского мира, кто смело выступил ЗА ВЕЛИКУЮ, ЕДИНОДЕРЖАВНУЮ РОССИЮ, не ожидая выгод и наград, не надеясь остаться в живых в страшной междоусобной войне. Офицерство стало тем стержнем, вокруг которого объединились представители практически всех сословий русского общества начала XX века, объединились, пользуясь словами профессора Генерального штаба Н.Н. Головина, в организации «общенародного, общенационального сопротивления» правящему «интернациональному режиму» в России того времени. Белое движение стало ярким проявлением российского патриотизма, политики и идеологии, ориентированных на сохранение и, что особенно важно, защиту с оружием в руках традиционных ценностей русского общества (Православной Веры, Самодержавия, уважения права собственности, национального достоинства своей страны и личного достоинства ее граждан, законности и государственного порядка). Белое движение при всей своей разнородности, гибкости политических и экономических программ, сохраняло неизменными свои стержневые позиции.

Создание исторической серии «Белые войны» выражает нашу историческую и политическую позицию. История и политика неизбежно связаны друг с другом. «Белые войны» – русские офицеры и солдаты, рабочие и крестьяне, русская молодежь – искренне, бескорыстно взявшие в руки винтовку, оставившие свои семьи, своих любимых и близких ради защиты Веры и Отечества от хамства и подлости, предательства и «ишкурничества», отдавали свои жизни за Белую Россию. Вечная им память...

...Ближайшие выпуски серии планируется посвятить истории Белых армий Юга, Востока, Севера и Северо-Запада России. В них будет отражена не только история полков и дивизий, но и жизненный путь их командиров, офицеров, рядовых бойцов.

Научный аппарат серии составляют, главным образом, архивные документы, а также опубликованные, но неизвестные широкому российскому читателю материалы. В данном издании это книга «Марковцы в боях и походах за Россию» подполковника В.Е. Павлова. Архивные источники представляют Российский государственный военный архив, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный архив кинофотодокументов, а также частные коллекции. Среди архивных источников можно отметить документы С.Л. Маркова, воспоминания о 2-м Кубанском походе (их начало – в 3-м номере альманаха «Белая Гвардия»), записки начальника штаба Марковской дивизии полковника Битенбиндера за 1920 год, приказы по формированию марковских частей. Книга иллюстрирована многочисленными photographиями, посвященными как жизни генерала Маркова, так и боевой истории марковцев. Структура данного издания построена таким образом, что в ней сочетаются как основные этапы биографии генерала Маркова, так и этапы боевой истории марковских частей. Издание сопровождается рисунками, картами, а также диаграммами, графиками, показывающими особенности комплектования марковских полков и дивизии. Предполагается, что подобная структура издания будет сохранена и в следующих выпусках нашей серии.

С Божией помощью приступим...

Василий Цветков –
главный редактор альманаха «Белая Гвардия»,
кандидат исторических наук

часть первая

МАРКОВ

Имя генерал-лейтенанта СЕРГЕЯ ЛЕОНИДОВИЧА МАРКОВА не относится к широко известным. Несмотря на то, что он принадлежит к числу основоположников Белого движения, вместе с такими генералами как М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин и др. – имя его больше знакомо специалистам-историкам, нежели широкому кругу. Не участвуя в политической борьбе, более всего занимаясь военным делом, Марков до начала «красной смуты» был известен, главным образом, в армейских кругах как военный ученый и фронтовой офицер, прошедший две войны. В 1917–1918 гг. имя Маркова ярко блеснуло на фоне всеобщего хаоса, вдохновляя на борьбу с развалом русской государственности тех, кто до конца был верен принятой присяге. Но его служение в рядах белого воинства продолжалось недолго. 25 июня 1918 года, совсем немного не дожив до своего сорокалетия, он был смертельно ранен осколком снаряда и от полученных ранений скончался.

Имя его осталось жить в описании совершенных им подвигов и в названиях белых частей, получивших в гражданскую войну именованное шевство Маркова. Память о нем, как и о многих других, была унесена остатками белых войск в эмиграцию, пролившись воспоминаниями на страницах газет и журналов.

Между тем, в истории Русской армии было не так много офицеров, столь ярко сочетавших в себе таланты боевого командира и военного преподавателя, автора научных трудов и литературных заметок.

«Мне редко приходилось встречать человека, с таким увлечением и любовью относившегося к военному делу. Молодой, увлекающийся, общительный, обладающий даром слова, он умел подойти близко ко всякой среде – офицерской, солдатской толпе – иногда далеко не расположенной, и внушать им свой воинский символ веры – прямой, ясный и неоспоримый», – написал в свое время о личности Маркова Деникин¹.

Пройденная школа Генерального штаба, преподавание в военно-учебных заведениях, работа над трудами по военным наукам, боевой опыт двух кампаний – все это в большинстве случаев отходило на второй план при рассказах о Маркове. Чаще всего упоминалось о его участии в Белом движении, о сделавшем его имя легендарным 1-м Кубанском походе. И это не случайно – последний период жизни Сергея Леонидовича многократно описан многими участниками событий тех лет, от Главкома А.И. Деникина до строевых офицеров. Почти все они в своих воспоминаниях непременно касались личности «Бога войны», сделавшегося еще до своей смерти живой легендой...

Спустя более чем 80 лет со дня смерти, история жизни С.Л. Маркова по-прежнему остается малоизвестной, а отдельные ее периоды отражены фрагментарными сведениями. При большом количестве литературы, посвященной другим вождям белого дела, о Маркове не на-

писано ни одной фундаментальной работы – не считая нескольких десятков публикаций в периодике времен гражданской войны, русского зарубежья и отдельных глав в книгах, посвященных истории воинских частей, получивших его именованное шефство. Но вся эта масса литературы, разбросанная по центральным библиотекам, только сейчас, благодаря публикациям серий воспоминаний участников гражданской войны, становится доступной для широкого круга читателей.

Ранее, когда не было еще многочисленных современных переизданий трудов Деникина, уделившего немало места на страницах своих работ Сергею Леонидовичу, о Маркове можно было узнать лишь из энциклопедических справочников или таких художественных портретов, каким наградил его А. Толстой в романе «Хождения по мукам», рисуя образ «типичного» генерала-белогвардейца в 1-м Кубанском походе:

«На берегу вертелся на грязной лошадке небольшой человек с бородачкой, в коричневой байковой куртке, в белой, глубоко надвинутой папахе. Грозя нагайкой, он кричал высоким, фатовским голосом. Это был генерал Марков, распорядившийся переправой. О его храбрости рассказывали фантастические истории.

Марков был из тех людей, дравшихся в мировую войну, которые навсегда отравились ее трупным дыханием; с биноклем на коне или с шашкой в наступающей цепи, командуя страшной игрой боя, он, должно быть, испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение. В конце концов он мог бы воевать с кем угодно и за что угодно. В его мозгу помещалось немало готовых формул о боге, царе и отечестве. Для него это были абсолютные истины, большего не требовалось. Он, как шахматный игрок, решая партию, изо всего мирового пространства видел только движение фигур на квадратиках.

Он был честолюбив, надменен и резок с подчиненными. В армии его боялись, и многие таили обиды на этого человека, видевшего в людях только шахматные фигуры. Но он был храбр и хорошо знал те острые минуты боя, когда командиру для решающего хода нужно пошутить со смертью, выйдя впереди цепи с хлыстиком под секущей свинец»².

И это все, чего удостоился от «красного графа» (как называли в эмиграции «возвращенца» А.Н. Толстого) человек, всю свою жизнь отдавший служению Отечеству, заслуживший награды и общее признание в боевом строю и за преподавательской кафедрой, всегда думая о пользе общего дела, а не о собственной выгоде.

Первый раздел книги – «МАРКОВ» – включает в себя два очерка, рассказывающих о жизни С.Л. Маркова, и представляет собой первую в историографии попытку анализа жизненного пути генерала.

ГЕНЕРАЛ МАРКОВ

Сергей Леонидович Марков родился 7 июля 1878 года в Санкт-Петербургской губернии, в семье офицера, потомственного московского дворянина. В 1895 году кадет Сергей Марков окончил 1-й Московский Императрицы Екатерины II кадетский корпус и с блестящим аттестатом 26 августа был переведен в Константиновское артиллерийское училище³. Через три года учебы, произведенный 8 августа 1898 года в подпоручики Гвардии, Марков также с блестящим результатом был выпущен из училища в Лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду.

Увлечение подпоручика Маркова военными науками побудило его поступить в 1901 году в Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба. В октябре 1901 года, выдержав двойной конкурсный экзамен, Марков был зачислен в младший класс академии. В ее стенах он предается изучению военных наук, сумев завоевать исключительное отношение к себе среди преподавателей⁴. В ходе учебы, 8 августа 1902 года Марков был произведен в поручики. После окончания двух классов по 1-му разряду и дополнительного курса 31 мая 1904 года «за отличные успехи в науках» он был произведен в штабс-капитаны⁵.

НА ФРОНТЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ

Русско-японская война стала первой военной кампанией Сергея Леонидовича. Только что блестяще окончив Николаевскую академию и получив чин штабс-капитана Гвардии, Марков по собственному желанию отправился на фронт, где находился более года. Здесь он зарекомендовал себя не только как штабной работник, но и как офицер Военно-топографического отделения, проводивший лихие разведки и рекогносцировки местности, за что неоднократно был отмечен наградами. Сохранилась фотография штабс-капитана Маркова в числе других выпускников академии Генерального штаба, отправившихся после ее окончания на фронт войны, сделанная летом 1904 года.

Свою службу во 2-й Маньчжурской армии Сергей Леонидович начинает в июле 1904 года в Управлении начальника военных сообщений, расположенном в Ляояне⁶. 7 августа он был переведен в распоря-

жение Генерал-квартирмейстера, с приказанием явиться в Военно-топографическое отделение, располагавшееся также в Ляояне. А уже 8 августа Марков получает задание по рекогносцировке дорог в районе деревень Сыфантай, Кусанцзы, Хвамайтунь и др.⁷ В дальнейшем на протяжении августа–сентября месяцев он выполнил ряд рекогносцировок местности в районе от Ляояна до Мукдена⁸.

Находясь при штабе 1-го Сибирского армейского корпуса и осуществляя его связь с Маньчжурской армией, Марков с 16 по 19 августа участвовал в боях у деревни Шаушаньпу и на «высоте 99»⁹.

22 августа штабс-капитан Марков получил задание, приняв под свое командование группу из трех офицеров, произвести рекогносцировку пути отступления армии от Мукдена до Телина и севернее по Южно-Маньчжурской железной дороге в направлении на Харбин. Под его командой группа офицеров сумела пройти до железнодорожного узла Сыпингай, проведя от Телина разведку пути, примерно равного расстоянию от Мукдена до Телина¹⁰.

В сентябре 1904 года Марков был переведен на должность офицера Генерального штаба в сформированный штаб Восточного отряда Маньчжурской армии, где оставался вплоть до его расформирования в декабре месяце¹¹. 6 октября 1904 года штабс-капитан Марков принял участие в усиленной рекогносцировке, осуществленной бригадой пехоты генерал-майора барона Бринкена, усиленной двумя батареями в направлении со стороны деревень Лиученхутун на деревню Хамытан, исполняя обязанности начальника штаба этого отряда¹².

Война оставила глубокий след в жизни Сергея Леонидовича и его семьи. 3 октября 1904 года в бою на Новгородской сопке был тяжело ранен подпоручик 86-го Вильманstrandского полка Леонид Леонидович Марков – родной брат С.Л. Маркова – и от полученных ранений 13 октября скончался в лазарете Евгеньевской общины¹³.

6 декабря 1904 года после расформирования штаба Восточного отряда Марков был переведен в штаб 1-го Сибирского армейского корпуса¹⁴ и вскоре был назначен исполняющим должность старшего адъютанта штаба. В составе штаба Сергей Леонидович участвовал во всех боях и походах, начиная с 7 декабря по день ратификации мирного договора 2 октября 1905 года. В их числе: январские бои под Хуанлотоцзы и Хейгоутаем (Сандепу) 11–15 января 1905 года, марш-маневр корпуса с правого фланга всех армий из деревни Шуанго к левому флангу – деревне Шихуйчен и обратно к городу Мукдену. В окрестностях этого города Марков пробыл с частями корпуса все дни Мукденского сражения¹⁵.

После окончания войны Марков не раз возвращался к теме минувшей кампании, анализируя как общие причины поражения, так и отдельные ее неудачи. Одна из его работ на эту тему – вышедшая в 1911 году брошюра «Еще раз о Сандепу», сохранившая дневниковые

записи Сергея Леонидовича – дает представление о его переживаниях в этот период¹⁶. Марков описал в этой книге четыре дня боев 1-го Сибирского корпуса в боях под Хейгоутаем 11–15 января 1905 года. Анализируемая Марковым операция под Сандепу была разработана командующим 2-й маньчжурской армией генерал-адъютантом Оскаром Фердинандом Гриппенбергом. План операции был подготовлен в расчете на переход в наступление всех трех русских армий, находившихся в распоряжении Главнокомандующего – генерал-адъютанта Алексея Николаевича Куропаткина. Эта операция, закончившаяся поражением русских войск, вызвала впоследствии большие споры и взаимные обвинения Куропаткина и Гриппенберга в неудачных действиях*. Марков главной причиной неудачи считал именно пассивное руководство действиями русских армий Главнокомандующим генералом Куропаткиным, который не только не решился ввести полностью в дело 1-ю и 3-ю армию, но и в самый ответственный момент остановил наступление 2-й армии. При этом Марков отмечал, что совсем не симпатизирует и генералу Гриппенбергу.

Опуская большую часть подробностей самой военной операции, остановимся на личных переживаниях молодого офицера.

Еще раз о Сандепу¹⁷

Общая обстановка

В первой половине октября 1904 года стали затихать почти безрезультатные шахэйские бои: обе армии – Японская и Русская, после ряда столкновений, остановились одна перед другой, разделяемые узкой полосой, местами не более версты шириною. Войска превратились в кротов: окопы, редуты, землянки выросли как грибы на маньчжурских сопках. В штабах закипела другая работа – свыше потребовали планов, соображений на случай нашего продвижения на юг. Одним из таких планов был план генерала Гриппенберга. <...>

К этому времени все наши войска, занимавшие укрепленные позиции на реке Шахэ, были уже подразделены Главнокомандующим на три армии, причем численность 2-й армии достигла 68700 при 296 орудиях. На левом фланге русских войск была расположена 1-я армия, центр занимала 3-я, и правый фланг составляла 2-я армия.

1-й Сибирский корпус, входящий в состав 1-й армии и еще в начале октября оттянутый в армейский резерв, в ноябре месяце был сосредоточен почти за серединой своей армии, располагаясь в двух группах: 1-я дивизия со штабом корпуса – в окрестностях деревни Сыгуантунь, а 9-я дивизия – верстах 6-8 к югу, в деревне Басинзай.

* А.Н. Куропаткин написал отчет «Бой под Сандепу», в котором обвинял О. Гриппенберга в неудаче операции. Гриппенберг ответил изданием двух брошюр: «Изнанка операции охвата левого фланга расположения армии Оку в январе 1905 года» (СПб., 1910) и «Ответ Оскара Гриппенберга на обвинения генерал-адъютанта Куропаткина» (СПб., 1909), в которых доказывал, что виновником неудачи под Сандепу, а затем и под Мукденом является сам Куропаткин.

В день приезда командующего 2-й армией в Мукден генерал Куропаткин писал ему следующее: «По прибытии ожидаемых в войска укомплектований мною предложен общий переход в наступление всеми тремя армиями. Нарочно подчеркиваю эти слова, неоднократно повторить благие намерения Главнокомандующего на словах и на бумаге от почти полной бездеятельности 1-й и 3-й армии в трудные январские дни операции под Сандепу.

11-го декабря Командующим 2-й армией был представлен Главнокомандующему общий план перехода в наступление всех трех русских армий, в котором генерал Гриппенберг предлагал нанести японцам главный удар на их левый фланг, где ровная местность наиболее благоприятствовала маневрированию и где мы, несколько охватывая своим расположением неприятеля, имели более выгодное исходное положение для наступления своих обходных колонн. Для нанесения этого удара генералом Гриппенбергом предназначалась 2-я армия, которую он и просил усилить возможно больше (доведя ее численность до 7 корпусов), ввиду важности возлагаемой на нее задачи. Этому наступлению должны были содействовать прочие армии, которые, после того как разовьются действия 2-й армии, должны будут перейти в наступление. <...> Генерал-адъютант Гриппенберг, предполагая нанести неприятелю главный удар на его левом фланге, бросает в бой сначала свою армию и, только завязав здесь дело, предлагает остальным двум армиям перейти в решительное наступление. Казалось бы, военная наука и история учат обратному, требуя завязывать бой энергичной демонстрацией где-нибудь в стороне от точки, назначенной для главного удара. Сознательно, в спокойной обстановке, одним из русских вождей предлагалось, а другим подхватывалось полное искажение тех принципов военного дела, которые достались миру путем многих войн с их победами и поражениями. И на этот раз, как в минувшие бои под Ляояном и Шахэ, Главнокомандующий не рискнул поставить на карту всю свою армию. Ему хотелось полумерами, работая частью своих корпусов, сломить противника, уже доказавшего кровавыми успехами свое умение пользоваться каждым отдельным солдатом резерва. Наш противник умел рисковать всем, а мы к январю 1905 года создавали планы наступлений, как бы считая японцев только обозначенным противником. <...>

...В начале января 2-я армия была усилена вновь прибывшим на театр военных действий Сводно-стрелковым корпусом, а 9-го числа – 1-м Сибирским армейским корпусом, выделенным из 1-й армии. <...> Не симпатизируя командиру корпуса барону Штакельбергу, генерал-адъютант Куропаткин знал, что этот корпус от последнего солдата до корпусного командира строго выполнит свой долг и сумеет умереть, воспользовавшись всем опытом предшествующих боев. <...>

7-го января

Утром 7 января части корпуса покинули свои стоянки. Корпус двинулся тремя дорогами (приказ по корпусу от 5-го января 1905 года № 10) и в двух эшелонах (приказ № 8 от 3-го января). <...> Генерал Штапельберг вместе со своим начальником штаба генерал-майором Бринкеном уехали в коляске к генералу Линевицу и Куропаткину для получения личных указаний и добавочных директив. Я со своими товарищами по штабу только в 9 часов утра покинул гостеприимные фанзы деревни Сыгуантунь. Стоял прелестный, солнечный маньчжурский зимний день. Роскошные в эту пору дороги, свежий воздух и какой-то беспричинный задор заставляли нас идти очень крупной рысью. Быстро миновав ряд разрушенных деревень в тылу 1-й армии, мы через два с половиною часа достигли Байтану. Скоро туда же стали подходить полки дивизии Гернгросса (1-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия).

Байтану наполнилась пылью, звуками музыки, шумом двуколок, орудий и проходящих рот. Сюда же подтягивались и полки только что прибывшего на театр военных действий 16-го армейского корпуса. Щеголевато выглядели свеженькие части новых европейских полков, оборванцами казались перед ними наши пестро одетые и снаряженные стрелки. Сзади двигались их громоздкие обозы. Мне с товарищем стало и горько и смешно, когда за одним из вновь прибывших полков мы увидели огромный русский фургон, доверху нагруженный лыжами. После почти года кампании, привезти из европейской России в Маньчжурию такой удивительный хлам можно только при полном нежелании познакомиться хотя бы с главными климатическими особенностями той страны, где приходится воевать. Совершенно бесснежная зима (снег в этой части Маньчжурии выпадает крайне редко и в очень ограниченном количестве) делала лыжи в Байтану пригодными в лучшем случае для костров.

На ночь устроились мы очень плохо в какой-то огромной фанзе, переделанной русскими в казарму-церковь. Было холодно, шумно и тесно. Вместе с офицерами, докторами, чиновниками пришлось разместить и наших чинов штаба – работать при этой обстановке позволяла только привычка.

Перед сном мы с Ахвердовым (капитан Генерального штаба, обер-офицер для особых поручений при штабе корпуса) пошли прогуляться по длинной улице поселка. Расположенная на большой Мандаринской дороге Байтану представляла собой огромную деревню с многочисленными китайскими лавчонками, обычной кумирней на окраине и очень оригинальной старинной башней. Казалось, порыв сильного ветра, и эта заброшенная теперь постройка рухнет, засыпав собой низенькие фанзы. Обращенное в этапный пункт местечко до известной степени потеряло свою своеобразную китайскую наружность. Только когда мы

добрались до причудливых башенок, стен, гангов и богов кумирни, почувствовалось вновь, как все это далеко и чуждо. Высокие стройные пихты, все залитые лунным светом, бросали таинственную тень на маленький домик кумирни. Где-то далеко на юге глухо прозвучал один, а за ним другой орудейный выстрел.

8-го января

На другой день я проснулся в 6 часов, температура в фанзе была ниже нуля. Вернувшиеся вчера поздно ночью генералы не привезли нам ничего нового. Части корпуса уже двинулись дальше, чтобы засветло достигнуть ночлегов у реки Хунь-хэ. <...>

Командир корпуса и генерал Бринкен опять уехали одни в штаб 2-й армии явиться генерал-адъютанту Гриппенбергу. До деревни Ся-хэ тунь, занятой штабом 2-й армии, я ехал вместе с товарищами, от Ся-хэ туня пришлось отделиться и заняться расстановкой постов летучей почты, которая должна была связать нас, помимо полевого телеграфа, со штабами Командующего и Главнокомандующего. В пункт ночлега приехали еще днем. Дорогой изводила только ужасная пыль, от которой не спасали никакие очки-консервы. В Мамхузе устроились прекрасно... Деревни здесь большие, богатые и неразоренные, даже с невырубленными деревьями, что значит – войска стоят еще недавно. <...>

9-го января

Утром 9-го числа, чуть ли не накануне боя, пришлось возиться с наградными листами и другими бумажками по моей скучной специальности старшего адъютанта штаба корпуса. Если можно примириться с тем, что офицеры Генерального штаба в дни относительного спокойствия армий сидят за разрешением судебных вопросов, наградными листами и определениями, может или нет данный офицер вступить в брак без реверса, то в дни, непосредственно предшествующие боям, во время самих боев – подобная деятельность уже развратна. Молча, одобряемый ближайшими начальниками, я самым бесцеремонным образом складывал всю подобную переписку в сумку моего старшего писаря, и в длинные боевые периоды, как январские и мукденские бои, подобных бумажонок накапливались тучи. Да простят мне товарищи-сослуживцы: добросовестность солдата пересиливала во мне исполтельность писаря.

Только в 10 1/2 часов утра тронулись наконец в деревню Сыфантай – стоянку Ляохейского отряда генерала Косоговского. Погода изменилась к худшему. Солнце пропало, ужасная пыль отравляла наше существование, забиваясь во все отверстия, покрывая толстым слоем лицо, одежду и, что хуже всего, скрывая окрестности. Около 2-х часов дня достигли Сыфантая и совершенно неожиданно нашли его занятым кроме частей генерала Косоговского еще и 14-й пехотной дивизией. Такой сюрприз, как назначение уже занятой отдыхающими вой-

сками деревни для расквартирования вновь подходящих частей, война и высокие штабы преподносили нам не в первый раз. <...>

10-го января

На другой день, 10-го января, проснувшись очень рано, когда еще на дворе царил зимний полумрак, мы, благодаря сборам, тронулись на рекогносцировку к деревням Тутайцзы и Хуанлотоцзы.

Местность будущих боев 1-го Сибирского корпуса, незначительно всхолмленная и покрытая перелесками в районе деревень Сыфантай – Ченмахулицизы – Цыото и к востоку от этих поселков, представляла совершенно открытую равнину. Снятые поля гаоляна и чумизы давали тусклую серую окраску всему фону, еще более скучному благодаря ненастной погоде. Единственными складками этой равнины, способными скрыть передвижения войск, были русла реки Хунь-хэ и впадающих в нее ручьев. Разбросанные повсюду деревни сливались своими глиняными постройками с общим тоном всей картины, и было трудно, следя по карте, вполне определенно указать ту или другую из них. Выпавший накануне небольшой снег запорошил все и еще более затруднял ориентировку.

Таким образом, единственными местными предметами, за которые нам предстояло бороться, были бесчисленные китайские деревушки. Но еще нигде в Маньчжурии я не видал таких крепостей вместо импаней и деревень, как в этой местности. Каждый из исследованных нами сегодня поселков был обнесен очень толстой глинобитной стеной со рвом, общей профили до 1 1/2 – 2-х сажней. Зачастую такие ограды имели только один общий вход и выход. Улицы поселка представляли собой чрезвычайно путанный лабиринт с рядом редюнтов вместо фанз и дворов. Каждый даже небольшой участок стены непременно фланкировался башней. Почти повсюду виднелись бойницы. Все это построил мирный китаец в защиту своего постоянного врага – хунгуза. Шрапнель нашей артиллерии была совершенно бессильна против такого рода постоянных укреплений. Все сказанное следует иметь в виду при разборе действий 1-го Сибирского корпуса в январские бои, оценивая медленность наступления, а порой и запоздалое выполнение приказаний. Впрочем, мне до сих пор совершенно непонятно, как мог штаб 2-й армии указывать заранее часы, в которые наши стрелки должны были последовательно занять целый ряд деревень.

Результатом нашего исследования было решение начальника штаба корпуса генерал-майора Бринкена атаковать деревни Тутайцзы и Хуанлотоцзы непременно внезапно, подойдя к ним незаметно ночью. <...>

Сильно продрогнув (в этот день поднялся северный ветер), устав и проголодавшись, мы вернулись в Сыфантай, куда уже приехал командир корпуса и подходили полки генерала Гернгросса. Плохо разместились стрелки, благодаря соседству 14-й дивизии и Ляохейского отряда.

Вечером наша неудобная, холодная фанза превратилась в кипучий муравейник. Все мы что-нибудь строчили, составляли, чертили, выслушивали и отдавали распоряжения. Кто только не перебивал у нас за инструкциями, разъяснениями и просто от скуки. К ночи вышел приказ по корпусу № 17 об атаке деревень Хуанлоцзы, Хейгоутай и Тутайцзы. Уже было очень поздно, когда мы потушили догорающие свечи. <...>

11-го января

Штаб корпуса утром переехал в Цыото – исходный пункт наших первых шагов в эту операцию. Цыото – это большой, богатый городок; едва нашли отведенные для нас корпусным комендантом фанзы. Мы, молодежь Генерального штаба, разместились вместе с бароном Бринкеном в одной половине роскошной фанзы, уступив точно такой же второй дзьянь командиру корпуса.

Генерал Штакельберг, всегда энергичный и подвижный в дни боев, начинал нервничать, удивляясь долгому отсутствию полков 1-й дивизии. Начальнику штаба стоило некоторых усилий успокоить его, ссылаясь на опытность генерала Гернгросса, который, конечно, успеет вовремя стянуть дивизию к Цыото, дать отдохнуть и покормить свои части перед началом ночных действий.

Закипела предбойная горячка. Вечером должно было начаться... К нам в фанзу каждую минуту кто-нибудь да приходит, что-нибудь да приносит. Только днем одиннадцатого числа части корпуса заняли исходное положение. Почти восьмидесятиверстный переход был очень труден не по своей величине, а по условиям, при которых пришлось двигаться и отдыхать. Мороз, сковав дороги, служил плохим подспорьем во время ночлега, а холодный ветер нес в лицо тучи песка и мелкой маньчжурской пыли.

Свободных фанз в тылу армий не было, землянки имелись только в Байтану, и то очень плохие. Ночевать войскам приходилось прямо в поле, прикрываясь шинелями, китайскими халатами да полотнищами палаток. Недостаток дров (все уже было сожжено, что только могло гореть) не давал возможности разводить костры и греться около них. Едва хватало гаоляновых стеблей для приготовления чая. А когда подошли ближе к противнику, на правый фланг всех армий, где запасы не были еще уничтожены, разводить огни было запрещено. Хотели сделать переход корпуса с одного фланга на другой незаметным для японцев и на этот раз достигли полного успеха. Появление 1-го Сибирского корпуса на левом фланге противника было полной для него неожиданностью.

К вечеру 11-го января корпус расположился следующим образом: 1-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия с приданными ей двумя батальонами – в Цыото, а 9-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия – в деревнях Хуамахулинзы (34-й Восточно-Сибирский стрелковый

полк с 2-мя батальонами 5-го мортирного полка) и Пиянтуцзы (остальные полки дивизии с артиллерией).

Дислокацией по армии № 2 корпусу предписывалось атаковать противника на фронте Тутайцзы – Хаунлотоцзы и далее овладеть селением Хейгоутай. Затем следовало выделить бригаду стрелков с пулеметами, мортирными и поршневыми батареями в распоряжение командира 8-го армейского корпуса, а остальными частями нашего корпуса прикрыть правый фланг отряда генерал-лейтенанта Мылова во время его атаки на Сандепу. Такова была задача, возложенная на 1-й Сибирский корпус. <...>

Дни боев

Ночь с 11-го на 12-е января

Около 2 1/2 часов ночи генерал Штакельберг выехал со своим штабом из Цыото. Таинственная, холодная, лунная ночь, северный ветер, отсутствие каких-либо донесений, сознание важности предстоящих событий, мертвая тишина кругом – все перемешалось, создав странное нетерпеливое ощущение чего-то решительного, скорого. Казалось, прошлое отошло далеко-далеко, оставив лишь милье туманные образы; все существо сковывалось настоящим, тянулось к будущему. Несколько минут простояли на холмике у селения Цыото, но жажда знать побольше, желание быть поближе к тому месту, где с минуты на минуту могла начаться штыковая работа, перетянули нас в деревню Ченмахулинцзы. Спрятав свой конвой и лошадей за фанзами деревни, мы сгруппировались на восточной окраине поселка, жадно всматриваясь в туманную лунную мглу. Все было подернуто какой-то пеленой; разглядеть, что творится около деревни Хуанлотоцзы, не было никакой возможности. Напрасно глаз искал желанный зеленый оонек – условный цвет нашего успеха. Не чувствовалось никаких признаков наступающих колонн, наших выстрелов нельзя было ожидать, т.к. войскам строго запрещалось стрелять. Беспорядочное щелканье японских винтовок привычное ухо различило бы и издали. Перед нами простиралась только ровная, скучная, местами запорошенная снегом равнина. Пятнадцатиградусный мороз загал нас в фанзу, занятую сторожевым постом. Дрема на грязных полуразрушенных конах, писание приказаний и донесений замерзающими руками, рассылка ординарцев, начальство, товарищи, нижние чины, набросанные пожитки китайского скарба – все это, тускло освещенное 2-3-мя огарками свечей, создавало общую картину ночи штаба. А в это время атакующие колонны уже приближались к намеченным деревьям. <...>

Мне до сих пор совершенно непонятно, каким образом японцы могли так полно и дружно прозевать появление нашего корпуса на своем левом фланге? С их широко развитой системой шпионства при помощи китайцев подобное явление становится трудно объяснимым. Все это только лишний раз подтвердило тот взгляд на японцев, мало распрост-

раненный в армии, что они вовсе не так талантливы, бдительны и искусны, как показалось большинству из нас. После первых неожиданных и тяжелых неудач вся Россия с армией во главе стремительно перешла от формулы «шапками закидаем» к какому-то мистическому поклонению перед вчерашними «макаками». Бой 12 января без артиллерии показал, что их промах на этот раз был серьезнее, чем простая небрежность передовых постов.

12-го января

Уже совсем рассвело, когда в штаб корпуса пришло наконец известие, что деревня Хуанлотоцзы взята штыками 1-го полка, а Тутайцзы занята колонной Мухелова. Генерал Штакельберг сейчас же на крупных рысях переехал в деревню Хуанлотоцзы.

Пошел поглядеть следы ночного боя и... и вновь наткнулся на ужасную картину убийства людей друг другом. Страшны, жутки, непонятны эти разбросанные, изувеченные, полураздетые трупы; ужасны раны, позы мертвых и умирающих. Вон у входа лежит навзничь опрокинутый, в одном белье, с открытыми застывшими глазами, сломанной винтовкой в руках молодой японец; а здесь в стороне целых три трупа – беспорядочно наваленных черных человечков, кажущихся теперь еще миниатюрнее, чем при жизни. Сквозь выломанную раму фанзы несутся ноющие, слабые стоны недобитых, покалеченных существ... нет, прочь, кровавые призраки, и без вас трудно: вы колеблете дух, парализуете волю, а воевать надо и надо упорно...

Ближайшей задачей корпуса на сегодняшний день было овладение деревне Хейгоутай. По диспозиции 2-й армии ее следовало занять к 12 часам дня. Но подобные приказания, созданные заранее, до начала боев, можно отдавать, а не исполнять. Самые ничтожные военные операции слишком богаты случайностями, чтобы иметь право назначать время их окончания.

Только в 9 часов утра началось наступление. <...> Искусно применяясь к местности, скрытно двинулись 1-й и 2-й полки по льду реки Хуньхэ. Вторая бригада 1-й дивизии продолжала составлять заслон против возможного наступления японцев с юга и юго-востока с целью помешать взятию Хейгоутая.

Мы, с генералом Штакельбергом во главе, находились чуть ли не впереди наступающих частей корпуса. На этот раз плохие карты и трудность по ним определить, где же деревня Хейгоутай, вполне оправдывали подобный, казалось бы, бесполезный риск командира корпуса: нацелить правильно части было первой задачей нашего штаба. <...>

Не останавливаясь здесь на описании штурмуемых нами деревень. Свообразный, укрепленный характер их мною подчеркнут на первых страницах настоящего очерка. Добавлю только, что замерзшая глина построек еще более чем обыкновенно сопротивлялась действию нашей шрапнели, а деревня Хейгоутай оказалась приспособленной японцами

к обороне. Ближние подступы к этой деревне сильно затруднялись высокими, совершенно отвесным левым берегом реки Хунь-хэ. Кроме обычных бойниц кругом Хейгоутая, в наиболее доступных для атаки местах были устроены засеки. Поваленные деревья были очищены от мелких веток, толстые концы заострены. Отдельные деревья и ряды их скреплялись проволокой. Сегодня вновь испытали неприятное чувство, наблюдая преждевременные разрывы своих же шрапнелей над головами наших войск. Ничто так скверно не действует на дух солдат, как потери от своих же снарядов. <...>

Целый день скитался штаб корпуса по ровной долине Хунь-хэ. Досталось всем – от младшего ординарца-офицера до старших чинов штаба. Наши измученные монголы устало прыгали по грядкам гаоляна, цепляясь передними ногами за острые концы срезанных стеблей этого растения. Трудно и в мирной обстановке при полном спокойствии отыскать на огромном пространстве какую-нибудь часть или отдельного начальника среди перепутанной массы наступающих войск; здесь же, где карты были еще в младенческом состоянии, где на все ваши вопросы, куда двинулась часть, обыкновенно отвечают незнанием и где, наконец, предшествующая голодовка и долгие морозы совершенно измотали организм, разыскать полк или батарею становится трудно разрешимой задачей. Меня всегда удивляла неосторожность и необдуманность нападков большинства офицеров на роль многочисленных ординарцев при нашем штабе. Надо самому побывать в их положении, работая свыше сил человека и лошади, разыскивая всех и все каким-то особым чутьем, чтобы понять, насколько трудна эта служба. Никакая связь, никакие драгуны и казаки не в состоянии заменить толкового, развитого, испытанного офицера. Появляясь всюду, и перед цепями, и в глубоком тылу, рыская днем и ночью, делая иногда огромные переходы, они служат серьезными пружинками в сложной машине работающего корпуса.

Нам, офицерам Генерального штаба, ездить в часы боев приходится очень редко. Слишком много дела на месте и слишком мало подчас рабочих рук. Каждое отделение товарища или двух в особые отряды и колонны трудно отражалось на остающихся. При этих условиях возлагать передачу приказаний на офицеров Генерального штаба надо чрезвычайно осторожно и скупо, а то начальник рискует остаться привычных исполнителей его воли. Только приказания особой важности, требующие дополнительных разъяснений и указаний, которых начальник не может заранее предвидеть, но необходимость в которых может возникнуть, оправдывает рассылку офицеров Генерального штаба. Каждый из нас обязан знать, что хочет и к чему стремится пославший его начальник, может и должен взять на себя самостоятельное решение вопросов, возникающих где-нибудь на отдельном участке дерущихся войск. А каким количеством вопросов забрасывают

приехавшего «момента» и что это за вопросы – об этом... об этом должна возникнуть особая литература, а я и без того увлекся...

День склонялся к вечеру. Так и тянуло в какую-нибудь хоть самую жалкую фанзу, коченеющие руки отказывались писать, глаз с трудом боролся с наступающими сумерками. Уже около 10 часов во рту не было ничего кроме опротивевших плиток Гала-Петра.

Больной и слабый в обыкновенное время генерал Штакельберг весь перерождался в такие минуты. Целые дни напряженной деятельности на ногах или, вернее, верхом, вызывали во мне и знавших его чувство глубокого удивления и уважения к этому человеку. Мы, молодые, здоровые, готовы были пасовать перед ним. Нечего было и думать увезти барона Штакельберга в фанзу до взятия хотя бы одной деревни. Командир корпуса хотел быть в рядах своих войск, и никакие доводы о большей успешности работы штаба в более благоприятной обстановке не могли заставить его уйти с полей Хейгоутая и Тоунау. <...>

Вскоре после занятия деревни Тоунау мы двинулись в Хуанлотоцзы, где должен был ночевать штаб корпуса. Два огромных зарева горящих деревьев на темном фоне неба, ружейная трескотня, кучки раненых и отбившихся стрелков говорили о еще не остановившейся жизни боевого дня. Но первый успех кружил голову, уменьшал усталость всех – от корпусного командира до последнего стрелка.

С трудом удалось отыскать в Хуанлотоцзы фанзу для ночлега. Народа, обозов, патронных двуколок и артиллерийских зарядных ящиков скопилось такое множество, что трудно было двигаться по улицам деревни. Масса фанз, еще хранивших следы ночного боя, не могли быть нами заняты. Темная ночь нависла над Хунь-хэ, и только костры солдат освещали места закоулки деревни. Переключаясь, теряя друг друга, мы, наконец, вместе с генералом Бринкеном добыли себе фанзу. Точно по волшебству, мановением палочки наших фей-денщиков, прибывших сюда вместе с обозом штаба корпуса, большая, темная, грязная фанза превратилась в уютное помещение с раскинутыми койками, горящими свечами, банками разогретых консервов, горячим чаем. Усталость мигом была забыта. Скинутые неуклюжие полушубки, вымытые руки, согретый желудок возобновили силы для дальнейшей работы. Началась чисто канцелярская штабная деятельность: стروчили донесения в армию, отдавали приказания на завтрашний день, допрашивали только что найденного у нас во дворе в копне гаоляна японца и радостно приветствовали полученное около 10 часов известие о взятии Хейгоутая. Болезненно хотелось узнать, что делается там, около Сандену. Уже чувствовалось, что все успехи могут сойти на нет, если соседние корпуса будут тянуть с началом энергичных действий. <...>

Убыль в частях корпуса за весь день была свыше 500 человек нижних чинов и 16 офицеров убитыми и ранеными. Таким образом была выполнена задача, поставленная корпусу на 12-е января. <...>

13-го января

<...> ...На 13-е число усилия армии вновь сосредотачиваются на овладении Сандепу. Неудачной стороной этой диспозиции является неуклюжее использование сил армии: только 50% назначаются для активных целей, а остальной части армии предложено обеспечивать, наблюдать и вообще бездействовать. <...>

Чтобы выполнить задачу корпуса на этот день – прикрыть с юга операцию 8-го корпуса против Сандепу барон Штакельберг приказал 2-й бригаде 1-й дивизии с 2-мя батареями, оставив один батальон гарнизоном под Хейгоутаем, занять деревни Пяоцяо, Гученицзы и Датая. 9-й дивизии, заняв одним батальоном деревню Тоупао, сосредоточиться в деревне Хейгоутай, эскадронам приморцев расположившись в деревне Изюцяпу, вести разведку в направлении на юго-восток.

Но раньше, чем удалось выполнить эти распоряжения, деревня Сунану под натиском японцев была очищена охотниками 33-го полка. <...>

Настал серьезный момент. Чувствовалась необходимость иметь весь свой корпус в кулаке; с другой стороны, надо было исполнять приказание и выделить бригаду на поддержку 8-го корпуса. Мы как-то уже начинали сознавать, что вялая по своему характеру диспозиция по армии вызовет и вялые действия на фронте. Плохо верилось в успех необстрелянного 8-го корпуса. При этих условиях легко могла возникнуть трудная для нас обстановка. Японцы, всегда считающиеся с энергией, проявленной против них на отдельных участках фронта, могли противопоставить войскам 8-го корпуса укрепления Сандепу и сосредоточить свои резервы против наиболее настойчивого неприятеля, каким были полки 1-го Сибирского корпуса.

Впоследствии так и оказалось: неудача генерала Маслова под Сандепу позволила японцам в подавляющем большинстве обрушиться на нас. <...>

Ошибки на войне никогда не проходят даром. Слабо занятое нами в ночь с 12-го на 13-е Сунану очищается охотниками при первом натиске противника и заставляет весь корпус провести несколько тревожных часов. Будь вместо охотничьей команды хоть один батальон, утро 13-го числа прошло бы спокойно, и Бог весть, понес бы 1-й Сибирский корпус такие огромные потери, как это было 13-го, 14-го и 15-го января при атаке Сунану.

Я помню пережитые нами волнения, когда вдруг на улицах Хейгоутая засвистали пули и со всех сторон посыпались донесения о переходе японцев в наступление. Помню, как вдруг потребовалась особая энергия, особая распорядительность командира корпуса. И вот тут-то нервный, деятельный генерал Штакельберг вместе со своим всегда спокойным в бою начальником штаба сумели быстро и просто наладить оборону занятых деревень и вселить в войска уверенность в даль-

нейшем успехе. А были минуты, когда казалось, что неприятель вот-вот чуть не голыми руками захватит одну из наших батарей, открывших огонь с позиции восточней деревни Хейгоутай, или обрушится на нас, стремясь отрезать корпус от остальных войск 2-й армии.

Как бы то ни было, захват Сунапу дал полную возможность японцам приблизиться к Хейгоутаю на одну версту и держать под ружейным огнем эту деревню и ее окрестности.

Таким образом, натиск японцев в течение 13-го числа был остановлен. Однако бой этого дня показал, что обороняться у Хейгоутая, не владея деревней Сунапу, очень трудно. Занимая Сунапу, противник постоянно держал не только передовые позиции, но и деревню Хейгоутай под сильным ружейным огнем с дистанции 800-1400 шагов. Штаб корпуса все время находился под огнем. <...>

В 8 часов вечера генерал Штакельберг получил приказание Командующего армией отнюдь не переходить в наступление и держаться оборонительно на занятых позициях, а если выдвинулись далеко вперед, то отойти назад к Хейгоутаю. Нечего и говорить, что подобное приказание можно было отдать только не вкляпываясь в обстановку боя и расположение корпуса. Нам было тесно, душно и в том узком плацдарме, который занимали наши войска. Каждый шаг назад при условии продолжать держаться у Хейгоутая увеличивал кучность, а вместе с тем и потери корпуса. Генерал Штакельберг приказал отступить на занимаемых местах и укрепиться. <...>

Так неудачно окончился второй день боя армии генерала Гриппенберга. Спокойно, не втягиваясь в бой, как бы чуждые завязавшейся драме, стояли 1-я и 3-я армии на своих позициях. Главнокомандующий все чего-то ждал, удивляя своих подчиненных и противника непонятной бездеятельностью. <...>

Солнце успело закатиться, когда мы покинули берега Хунь-хэ, промерзнув по льду целый день, и забралась в Хейгоутай. Дымная темная фанза, запах бобового масла, грязь, дневная усталость и нервозность пережитых часов вызвали во мне какое-то равнодушие, какую-то приглушенность.

14-го января

В 5-м часу утра было получено приказание генерал-адъютанта Гриппенберга (№ 6), предписывающее армии употребить 14-е число на отдых, имея, однако, полную возможность отбросить противника в случае его наступления: 1-му Сибирскому корпусу приказывалось занять район деревень Хейгоутай – Сунапу – Пяоцяо. Следовало только считаться с тем, что деревни Сунапу и Пяоцяо были еще в руках японцев, и приказанием расположиться в них на отдых как бы благословлялось генералом Гриппенбергом дальнейшее наступление корпуса.

С рассветом началась старая музыка... У нас во дворе разорвалась одна из первых шимоз, убив, к счастью, только верховую лошадь и соба-

ку. Пули, как шмели, зажужжали на улицах Хейгоутая. Мы снова перекочевали на вчерашнее место у берега Хунь-хэ.

В пять часов утра генерал-лейтенант Штакельберг приказал 3-му Восточному-Сибирскому стрелковому полку немедленно, пользуясь темнотой, атаковать Сунапу. 34-й полк готов был поддержать атаку. <...>

Рассвет 14-го января застал 3-й полк наступающим на Сунапу. Открытая местность, близость японцев, действенность современного оружия и появившаяся наконец у противника артиллерия сразу поставили 3-й полк в тяжелое положение. <...> ...Около 10 часов утра генерал Штакельберг приказал 34-му полку поддержать 3-й полк, двинувшись сперва на деревню Таупао, не доходя которой следовало повернуть на деревню Сунапу для атаки этой деревни с запада. <...> Несмотря на большие потери, стрелки продолжали теснить противника к Сунапу. Силы 3-го и 34-го полков заметно слабели. Командир корпуса решил поддержать их 35-м полком – своим последним полком резерва. Вместе с тем было послано приказание 36-му полку поддержать атаку из деревни Тоупао. Чтобы уменьшить потери, было предписано наступать возможно быстрее и энергичнее. <...>

А потери все росли и росли, мимо нас непрерывной вереницей тянулись раненные к перевязочным пунктам, которые были расположены на другом берегу Хунь-хэ. Всякий, кто еще мог с трудом двигаться, отказывался от носилок, но и при этих условиях носилок не хватало и их пришлось заменять ружьями, покрытыми шинелями. Стрелки, выносившие раненых, сами быстро возвращались в строй. Многие, получив перевязку, брели обратно, помогать своим товарищам. Возвращавшихся в бой раненых было так много, что удалось составить целые две сводные роты под командой также раненых офицеров. <...>

Бои 13-го и 14-го января показали, как трудно было держаться у Хейгоутая, не владея деревней Сунапу. Нужно было взять ее во что бы то ни стало. Таково было убеждение командира корпуса, его штаба и всех старших начальствующих лиц.

Ночной штурм Сунапу

День склонялся к вечеру, когда мы вновь пришли во вчерашнюю фанзу. Деревня обстреливалась последними вечерними снарядами, пули нет-нет, да и шлепались где-нибудь поблизости. На дворе вдруг зазвенел о камни шрапнельный стакан, как бы напоминая, что жалкая крыша нашей фанзы не спрячет от судьбы; круглая пуля, прорвав оконную бумагу, упала среди нас...

На очереди сейчас же встал вопрос о штурме деревни Сунапу. Сознание необходимости занять эту деревню было общим, стрелки рвались вперед, и только ряд распоряжений из штаба армии мог некоторое время мешать генералу Штакельбергу принять решение ночью овладеть Сунапу. <...>

В 9 1/2 часов вечера 14-го января войска тронулись с занятых ими позиций. Благодаря темноте, штурмующие полки с криком «ура» ворвались в Сунапу, встречаемые огнем противника. Большая часть деревьев, несмотря на отчаянное сопротивление японцев, была занята нами. Неприятель спешно отступил в южную часть Сунапу, оставив свыше 1000 человек убитыми. Но и наши потери были также велики. <...>

Все 14-е число ушло на энергичное действие корпуса для овладения деревней Сунапу. Не вина этого корпуса, если в то время, когда он, расходуя все свои силы, притягивая на себя японцев, активно прикрывал с юга операцию против Сандепу, центр и левый фланг 2-й армии бездействовали. <...>

Около часа ночи комендант Сунапу донес, что охотники 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка обнаружили движение японцев в контратаку на правый фланг позиции 33-го полка. Командир корпуса приказал немедленно усилить 33-й полк одним батальоном 7-го стрелкового полка. Генерал Бринкен назначил меня служить колонновожатым и поставить батальон уступом за правым флангом 33-го полка. Разобраться ночью в путях при условии сравнительно малого знакомства с окрестностями Хейгоутая и общей нервозности было далеко не просто. Судя по тревожному тону донесений, помощь требовалась скорая и в строго определенном пункте. Страшен был прорыв японцев между Хейгоутаем и позицией 33-го полка. Ошибка в избранной мною дороге могла привести к опозданию батальона и ухудшить и без того трудное положение корпуса. Потребовалось время для сбора и построения батальона на льду реки Хунь-хэ, и только через полчаса мы тронулись с места.

Я шел впереди темной массы свежих неиспытанных рот. Солдаты двигались молча, и только глухой шум шагов нарушал общую тишину. Луна освещала дорогу, фантастично окрашивая фанзы Хейгоутая, стены деревни и целый лес искусственных препятствий. Выпавший в последние дни снег саваном покрыл грядки гаоляна, скованные пятнадцатиградусным морозом. На горизонте над Сунапу высоко к небу тянулись какие-то яркие светлые полосы. Большое воображение видело в них условные сигналы японцев, стягивающих свои резервы к Сунапу. На полпути попался стрелок 33-го полка и помог добраться до цепей. В боевой линии было полное затишье, донесение о контратаке японцев не подтвердилось. <...> Командира 33-го полка отыскать не удалось. Сдав батальон и указав его назначение командиру 1-го батальона подполковнику Кванчихадзе, я вернулся на берег Хунь-хэ. Резерв корпуса был ослаблен еще на один батальон. <...>

Обратно возвращался один. Лошадь и своего конного вестового я еще раньше отправил в деревню. На душе было скверно. Досужие мысли лезли в голову; рисовалась картина случайной раны шальной пулей

и полная возможность замерзнуть здесь. А тут еще редкие зачоченные трупы увеличивали реальность этой фантазии. Глубоко внутри зарождалось то чувство, которое попросту следует назвать трусостью, а на условном языке – слабостью нервов.

15-е января

Всю ночь так и не пришлось вздремнуть, только к утру выяснилось, что мы успели занять лишь часть Сунапу. Чтобы окончательно выбить японцев из деревни, генерал-лейтенант Гернгросс приказал к рассвету 15-го января передвинуть два орудия к Сунапу. Сделать это уже не удалось. <...>

К 10 часам утра 15-го числа деревня Сунапу была совершенно оставлена нами. <...> Около 12 часов дня генерал-лейтенант Штапельберг получил от начальника штаба армии записку (№ 714) с приказанием отойти на линию Хейгоутай – Цзюцайхецзы и держать Хейгоутай до последней крайности. <...>

Несмотря на сильное утомление и огромную убыль в течение 4-х дней непрерывных боев, войска были бодры духом и твердо верили, что и дальше сдержат напор превосходного противника. Штаб весь день провел под откосом берега Хунь-хэ. Генерал-лейтенант Штапельберг, вместе с начальником штаба корпуса, в дохе и белой папахе стоял на высоком берегу реки, нервно следя за ходом боя. Казалось, для него не существует усталости, а рвущиеся над головой снаряды и шальные ружейные пули не смеют задеть командира корпуса.

День стоял ясный, холодный, мы как-то привыкли к совершившемуся вокруг; раненые переставали интересоваться, гудящие снаряды забывались, падающие изредка вблизи пули казались обычным явлением. Знакомая усталость – апатия ряда боевых дней – охватила весь организм. К вечеру японские батареи будто сорвались с цепи и открыли очень сильный огонь, обстреливая всю позицию, долину реки и местность к северу до параллели деревни Тутайцзы. Целый ураган снарядов пролетал над нашими головами, взрывая песок на противоположном берегу Хунь-хэ. Иногда, противно ною, кувыркаясь в воздухе, пролетал стакан шрапнели, звучно ударяясь о поверхность реки и обдавая ближайших осколками льда. Все озарялось лучами заходящего солнца. Картина была настолько эффектна, а огонь японцев так безвреден, что мы, невольно забыв об опасности, любовались красивым зрелищем. <...>

Таким образом, части 2-й армии к ночи 15-го января, слегка подавшись назад в своем правом фланге, теснее охватили Сандепу с востока и отделили эту деревню от другой сильно укрепленной позиции японцев у села Лидиутуня.

На 16-е число генерал-адъютант Гриппенберг предполагал продолжать наступление. Но в 8-м часу вечера Главнокомандующий лично передал начальнику штаба армии распоряжение отказаться от наступ-

ления на Сандепу и всеми силами отойти на линию Сыфантай – Чжантань – Яманду. Это распоряжение было вызвано будто бы наступлением значительных сил японцев против 3-й армии.

Так окончилась операция у Сандепу.

Отступление корпуса от Хейгоутая

С началом отступления нас, молодых офицеров Генерального штаба, разослали во все стороны: кто отправился во главе колонн, выставляя маяки на поворотах, кто наблюдал за порядком движения.

Я долго стоял у выхода из деревни Тутайцзы, следя за вытягиванием колонны и время от времени греясь у костра. Ночь подходила к концу, приближался рассвет. Последние части оставили Хейгоутай около 4-х часов ночи. Войска отошли в полном порядке. <...> Все шли пешком. Морозное ясное утро осветило медленно тянущиеся на север колонны всех родов оружия, ряд носилок и нашу печальную группу. Казалось, двигаются не войска после боя, а какая-то грандиозная похоронная процессия. Грустно было на сердце у каждого. К чему все эти жертвы, отдельные успехи, подвиги, зачем столько смертей, крови, если ими не сумели воспользоваться?..

А солнце, яркое маньчжурское солнце, блестело и нежно ласкало своими лучами остатки героических частей. В душе пробуждалось чувство благодарности Творцу за сохраненную жизнь. <...>

Опрос свыше ста пленных японцев выяснил, что против 1-го Сибирского корпуса и отряда генерал-адъютанта Мищенко действовали различные части пяти японских дивизий. В боях с 11-го по 16-е января корпус потерял убитыми и ранеными 241 офицера и 7229 нижних чинов, т.е. около 40 % своего состава.

Русско-японская война закончилась. Однако обидное для России поражение в войне на Дальнем Востоке принималось далеко не всеми. Мир, подписанный в Портсмуте 5 сентября 1905 года председателем Совета Министров С.Ю. Витте, многими в армии признавался более чем несвоевременным.

Действительно, два года войны, несмотря на достигнутые успехи, сильно истощили Японию. Ее дальнейшее усиление на Дальнем Востоке уже не было выгодно Англии, поддерживавшей ее до этого. Падение Порт-Артура, поражения в Маньчжурии, Цусимская катастрофа – все это, хотя и дорого стоило России, не поставило ее на грань катастрофы. Войска сохраняли боеспособность и были готовы вести боевые действия дальше. Но развитие внутренней ситуации в стране требовало заключения мира.

Показательно мнение на этот счет А.И. Деникина, во многом отражающее настроения в армии: «В середине июля (1905 года – Р.Г.) поползли в армии слухи, что президент США Теодор Рузвельт предло-

жил нашему правительству свои услуги для заключения мира... Установившееся на фронте затишье подтверждало эти слухи. Как были восприняты они армией? Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в преобладающей массе офицерства перспектива возвращения к родным пенатам – для многих после двух лет войны – была сильно омрачена горечью от тяжелой, безрезультативной и в сознании всех незавершенной кампании. <...> Россия отнюдь не была побеждена. Армия могла бороться дальше. Но... Петербург «устал» от войны более, чем армия. К тому же, тревожные признаки надвигающейся революции, в виде участников террористических актов, аграрных беспорядков, волнений и забастовок, лишили его решимости и дерзания, привели к заключению преждевременного мира»¹⁸.

Подобные же взгляды на итоги войны для России имел и Марков. Об этом говорят, в частности, листовки, сохранившиеся среди его бумаг. В них содержатся призывы против заключения мира с Японией*.

Оценивая в целом итоги войны для России, Сергей Леонидович писал: «Было бы ошибочно утверждать, что мы вышли на войну с отсталыми теоретическими взглядами, невеждами в военном деле. Все крики о полной непригодности наших уставов, проповедь новой тактики, новых боевых форм – все это лишь крайние мнения, с которыми нужно считаться, но считаться вдумчиво и осторожно. Конечно, характерные особенности войны в Маньчжурии заставили нас кое-чему переучиться, кое-что создать, но основное, главное давно твердилось в мирное время в военной литературе и с профессорских кафедр. Трагедия заключалась не в ложной отсталой теории, а в поверхностном знакомстве большинства строевых офицеров с основными требованиями уставов и в каком-то гипнозе старших начальников. Иногда получались свыше приказания, шедшие в разрез всей обстановке, всему – чему учили, во что верили, что требовал здравый смысл и положительные знания. <...> При современных огромных армиях и еще больших массах, кабинетные тонкости стратегии должны отойти в область предания. Главнокомандующему в будущих наступательных боях из всей массы предлагаемых ему планов надо уметь выбрать самый простой и иметь гражданское мужество довести его до конца. Пусть при выборе плана явится ошибка, и в жизнь толкнут сложную, запутанную идею – это только отдалит успех, увеличит потери, но не лишит победы. Страшны полумеры, полурешения, гибель страх Главнокомандующего поставить на карту всю свою армию»¹⁹.

* См приложения

Участие Сергея Леонидовича в ратных делах не осталось незамеченным. С первой своей кампании он вернулся награжденный многими боевыми наградами. Начиная с лета 1904 по февраль 1905 года Марков был награжден 5-ю орденами: Святой Анны 4-й степени с надписью «за храбрость», Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами и Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. 4 июня 1905 года Высочайшим приказом Марков был переведен в Генеральный штаб капитаном с назначением старшим адъютантом штаба 1-го Сибирского армейского корпуса²⁰. 20 октября 1905 года капитан Марков был переведен из штаба 1-го Сибирского армейского корпуса в распоряжение начальника штаба Варшавского военного округа²¹.

Начинался новый этап его жизни.

МЕЖДУ ДВУХ ВОЙН

Пожалуй, самым малоизвестным периодом в жизни Сергея Леонидовича является время между двумя войнами – русско-японской и Великой. Окончание службы в 1-м Сибирском армейском корпусе, штабная работа в Варшавском округе, работа преподавателем в Николаевской академии Генерального штаба и военных училищах – это все, что сообщают скупые строки многократно воспроизводимой краткой биографии Маркова, взятые из его послужного списка.

Между тем, эти годы были временем наиболее плодотворной работы Сергея Леонидовича. Несколько учебников для военно-учебных заведений, статьи в военной печати, книги, военно-преподавательская деятельность – все это составляло основу его деятельности в этот период.

А.И. Деникин, характеризуя состояние Русской армии после русско-японской войны, писал: «... маньчжурская неудача послужила для большинства моральным толчком к пробуждению, в особенности среди молодежи. Никогда еще, вероятно, военная мысль не работала так интенсивно, как в годы после японской войны. О необходимости реорганизации армии говорили, писали, кричали. Усилилась потребность в самообразовании, значительно возрос интерес к военной печати»²². И среди этих «писавших» и «кричавших» был и возвратившийся с фронта капитан Сергей Марков.

По окончании русско-японской войны Марков отбывал строевой ценз командования ротой в Лейб-гвардии Финляндском полку, в котором пробыл на должности командира 4-й роты в течение года. Это

прикомандирование было засчитано ему за двухлетнее цензовое командование ротой²³.

В январе 1907 года Марков был назначен старшим адъютантом штаба 16-й пехотной дивизии, а с июня этого же года и по январь 1908 находился на должности помощника старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа²⁴. В июне 1908 года Марков был переведен в Генеральный штаб и по 1911 год служил на должности помощника начальника делопроизводителя в отделе генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба²⁵. В этот же период, 29 марта 1909 года он был произведен в подполковники (утвержден в декабре)²⁶.

Фактически перевод Маркова в Генеральный штаб означал новый этап в его жизни. От штабной работы, на которой он находился по окончании войны, Сергей Леонидович в скором времени перешел к преподавательской деятельности, в которой добился немалых успехов. Начиная с 1911 года, в возрасте 33 лет, Марков работал штатным преподавателем в оконченной им семью годами ранее Императорской Николаевской военной академии, читая курс истории военного искусства периода Петра I. В это же время, 6 декабря 1911 года, он был произведен в полковники²⁷.

Помимо академии, Марков преподавал также в Павловском военном и Михайловском артиллерийском училищах²⁸. Он начал преподавать в них в чине капитана в 1908–1909 гг., еще до академии Генерального штаба, и читал курсы по тактике, военной географии и русской военной истории²⁹.

Сохранились немногочисленные воспоминания, написанные уже много лет спустя в эмиграции, о Маркове-преподавателе. Одно из таких свидетельств относится к преподаванию курса военной географии, занимавшего в военно-учебной деятельности Маркова одно из ведущих мест.

«Юнкера Павловского военного училища, готовящиеся стать офицерами, естественно, обращали большее внимание на такие предметы, как тактика, фортификация, артиллерия, чем на военную историю и географию, особенно на последнюю, так как она не находила в их представлении ясного практического применения, да и была, в сущности, малоинтересна. Поэтому военная география проходилась юнкерами формально, лишь для получения хорошей отметки. Это был предмет, подсобный для основных и имевший второстепенное значение.

Но преподавать его стал подполковник Марков, не терпящий формального отношения к делу, внесший в преподавание живой дух, связавший все, что давалось предметом военной географии, с реальной жизнью, с войной, со всеми деталями, с которыми столкнется офицер на войне. Начав с того, что он привлек внимание юнкеров к себе – видом, манерами, живостью и энергией, красивой речью, ее

образностью – постепенно, но и быстро, он увлек юнкеров и самим предметом. Все – и местность, и жизненные ресурсы, и само население районов возможных боевых действий, все принимало важное значение.

Подполковник Марков коротко, выпукло и ясно рисовал жизненные картинки, в которых участвовали леса, реки, болота, горы, ресурсы районов, само население, благоприятно или неблагоприятно относящееся к армии. «Вообразите» или «фантазируйте» – говорил он юнкерам и, нарисовав картину, спрашивал: «Как вы поступаете?». Для пояснения он рассказывал примеры из военной истории, касающиеся действий мелких воинских частей, т.е. таких, начальниками каких могут быть молодые офицеры. Он говорил, что примеры, рассказываемые им, и те примеры, которые юнкера, а затем офицеры прочтут в книгах («Читать всегда нужно. Много читать!»), и даже их богатая фантазия не покроют всех возможных на войне случаев; часто случаи могут быть совершенно не предусмотренные, но знания и «реальная фантазия» облегчат быстрое решение всяких задач.

На образных примерах подполковник Марков развивал у юнкеров между прочим два важных чувства: наблюдательность и соображение. Вот пример.

Офицер послан в разведку на приграничную с соседним государством полосу. Он отлично знает военную географию, он даже специально подготовился к этой разведке. Выполняя полученное задание, офицер, проходя населенный пункт, видит, что учитель играет с детьми. Дело нормальное, но офицер все же заинтересовался игрой. Оказалось, учитель играет с детьми «в войну». Он разделил детей на две стороны: желтую и синюю, и всегда проводит решение игры так, что «желтая» сторона побеждает «синюю». При каждой такой победе учитель говорит детям, что «желтые» победили потому, что у них было больше порядка, они слушаются своих начальников, они более смелы и прочее. Дети в восторге все, и «желтые», и «синие».

– Какой вывод делает офицер? – спрашивает подполковник Марков. – Ответ: ведется моральная подготовка детей к войне, и им внушается, что при известных условиях желтые (японцы!) должны всегда побеждать синих (русских!).

– Что требуется от разведчика? – Ответ: знать местность, население и... быть наблюдательным во всем и всегда. Другой пример.

Разведчик направляется в приграничную зону Восточной Пруссии. В лесу он наталкивается на... проволочные заграждения. Разведчик сообразителен – он видит в проволочных заграждениях не случайность и доносит, куда следует. Делу дается ход: Германскому правительству делается запрос. Оно отвечает: «Русский рогатый скот часто ищет тень в жаркую погоду, входит в лес, ломает и портит деревья. Проволока оберегает лес». Подполковник Марков расшифровывает

этот ответ: «Конечно, господа, рогатый скот – это наша кавалерия в предстоящих боевых действиях в Восточной Пруссии». Так указан был не только пример сообразительности разведчика, но и определенно сказано было о возможной войне с Германией. Результат: «фантазия» юнкеров стала развиваться сильнее, а интерес ко всей географии возрос настолько, что этот предмет занял в их представлении перво-степенной важности положение среди остальных предметов.

Во время занятий подполковник Марков задавал неожиданные вопросы, обращаясь то к одному, то к другому юнкеру. Беда, если юнкер не даст ответа, но хуже, если он что-то ответит, лишь бы ответить. Подполковник Марков не стеснялся и отчитывал круто. Особенно страдными часами для юнкеров были репетиции, которые они должны были сдавать. Подполковник Марков не ценил формального запоминания предмета, а глубину его осознания и усвоения. Он признавал продуманные, серьезные ответы. Иные ответы вызывали с его стороны резкую отсылку юнкеров «на свое место» и постановку неудовлетворительной отметки. Особенно трепетали перед его добавочными вопросами. Одному юнкеру подполковник Марков задал такой вопрос:

– Скажите, о каком событии теперь много пишут газеты?

Вопрос ошеломил всех, тем более потому, что юнкерам было не до чтения газет. Однако некоторые, хотя и с неуверенностью, сказали о разгоравшихся событиях на Балканах. Подполковник Марков тут же объяснил свой вопрос: юнкерам и офицерам необходимо всегда быть в курсе всех важных событий, особенно могущих вызвать войну; ничто не должно смутить офицера, привести его в растерянность, т.к. в любой момент и в любом положении офицер должен быть готов к выполнению своего долга, сохраняя полное спокойствие духа. Зная, где и какие произойдут события, он подготовится к ним морально не только сам и подготовит к ним своих подчиненных, но и возьмется за учебник военной географии, тактики и другие книги.

В Михайловском артиллерийском училище подполковник Марков преподавал историю Русской армии. Для артиллеристов этот предмет не казался особенно важным, однако, и тут он привлек к преподаваемому им предмету большое внимание и интерес»³⁰.

Существует и другое достаточно курьезное воспоминание об этом периоде жизни Сергея Леонидовича: «Павловское военное училище. Преподаватель тактики Генерального штаба капитан Марков. Идут репетиции в одном из классов. Заместитель инспектора классов Генерального штаба подполковник А.А. Колчинский получает по окончании испытаний экзаменационный лист с выставленными отметками. Собираясь занести их в официальный журнал, он неожиданно обращает внимание на то, что самые высокие отметки – единицы; остальные – нули. Не желая взять на себя ответственность занесения этих

странных результатов, подполковник Колчинский решает дожидаться возвращения Инспектора и по приезде последнего показывает ему поданный капитаном Марковым экзаменационный лист. Точно так же пораженный отметками, Инспектор класса просит подполковника Колчинского переговорить с капитаном Марковым.

– А что же делать, если они ни черта не знают?! – возражает капитан Марков.

Однако, это возражение вызывает сомнение у подполковника Колчинского. В дальнейшем разговоре выясняется, что капитан Марков произвел экзамен по программе Генерального штаба, предусмотренной для военных училищ. Это обстоятельство приводит к повторению экзаменов, в результате которых капитан Марков подает лист с экзаменационными отметками. Теперь самый низший балл – 11, остальные – 12. На новое объяснение следует ответ:

– Этот курс они прекрасно знают, и, кроме того, раз вы этого хотели...

Маленькая забавная подробность. После первых отмененных экзаменов юнкера Павловского военного училища заказали по телефону гроб, который и был доставлен на квартиру капитана Маркова. Реакция капитана Маркова мне неизвестна»³¹.

Как уже отмечалось выше, Марков дополнял свою преподавательскую деятельность выпуском учебных курсов. Наиболее проработанный из них – курс военной географии России – выдержал до Великой войны два издания и уже подготавливался к третьему, но разгоревшаяся мировая война помешала его выходу.

Первое издание учебника военной географии, написанного в соавторстве с полковником Генерального штаба Г.Г. Гиссером – «Военная география России Исследование отдельных театров военных действий» – вышло в 1909 году³². На титульном листе учебника Марков числится уже как преподаватель Павловского военного училища и, судя по предисловию, к этому времени имел опыт преподавательской деятельности. «Преподавание военной географии впервые было введено в курс юнкерских училищ в 1903 году. Четыре года спустя, в 1907 году, Главное управление военно-учебных заведений предписало преподавание этого предмета и на военные училища. Прохождение курса военной географии в училищах до последнего времени крайне затруднялось отсутствием соответствующих учебников. Читая этот предмет с самого введения его в курс училищ и зная по опыту, как тяжело для преподавателя изложение курса, а для юнкеров его усвоение без печатных руководств, мы поставили себе задачей составить учебник военной географии для военных училищ, придерживаясь указаний данных Главным управлением военно-учебных заведений на 1909–1910 учебный год. Главным стремлением при составлении издаваемого руководства было дать юнкерам, кроме фактического мате-

риала, приемы военно-географического исследования государств и отдельных театров», – написали авторы учебника в предисловии³³.

В 1911 году учебник выдержал новое издание и был доработан авторами в соответствии с изменениями в программе Главного управления военно-учебных заведений³⁴. Как видно уже из его названия, учебник был посвящен разбору отдельных театров военных действий на территории России. При этом основное внимание уделялось исследованию западного театра военных действий, т.е. будущим фронтам Великой войны, где впоследствии воевал и Марков. Среди театров действий были выделены: Финляндский, Балтийское и Черноморское побережья, Кавказский и Туркестанский театры, Восточная Сибирь и Западно-пограничная полоса, в свою очередь, разделенная на 4 театра (Передовой, Северо-Западный, Полесье и Юго-Западный).

Главы учебника избегают многочисленных повторов, призывая учащихся самих делать выводы на основе уже полученных знаний: «Как и в первом издании, при распределении и освещении географического материала, мы, прежде всего, стремились дать, кроме определенных сведений, еще и приемы исследования отдельных театров военных действий, чтобы этим путем облегчить желающим дальнейшие самостоятельные работы в указанной области. В равной степени мы преследовали цель сделать наш курс «военной географии» военным не только по одному названию. В силу этого, каждая река, дорога, возвышенность и т.д. затронута нами лишь настолько и с тех сторон, насколько они имеют военное значение. Новая программа, создающая неодинаковые условия прохождения отдельных театров в разных училищах, не позволила нам сократить курс в его объеме, но принятый в учебнике порядок изложения дает возможность каждому преподавателю самостоятельно делать желательные сокращения»³⁵.

Интересна характеристика театров будущей войны, показывающая правильное понимание авторами развития военных действий: «...при изучении Кавказа было бы ненормально представить нашу борьбу на этом театре оборонительной. Как вся история войн на кавказской окраине, так и оценка сил наших соседей (Турции и Персии), все говорит за необходимость наступательного образа действий, и только с этой точки зрения и следует изучать Кавказский театр. <...> Несколько иначе рисуется обстановка на западе России: быстрота мобилизации Германии и Австро-Венгрии, их численное превосходство, серьезная фортификационная и железнодорожная подготовка пограничной полосы, все это, вместе с запоздалостью боевой готовности русских армий, говорит за необходимость нашей обороны хотя бы в 1-й период кампании. <...> Конечно, стратегические соображения, выросшие на современной оценке политической обстановки, сил и средств своей страны и противников, не могут и не должны оставаться неизменными, но следует твердо усвоить, что, приступая к исследо-

ванию любого театра, надо, прежде всего, сказать, с какой целью это делается и какой образ действий в данное время в изучаемом районе наиболее вероятен и возможен. Пройдут года, и в жизни государств много изменится, придется, быть может, тот же Передовой театр изучать как район для сосредоточения русских армий, готовых наступать к Берлину или Вене, но приведенное выше основное положение останется неизменным»³⁶.

Учебник в числе других аналогичных изданий выдержал конкурс в Главном управлении военно-учебных заведений и после многочисленных рецензирования и комиссий был принят для распространения в военных училищах. Сохранился отзыв подполковника Генерального штаба Алексеева на направленное ему для рассмотрения издание: «Небольшой по объему, но богатой по содержанию является разбираемая <...> книга: в ней кратко, без излишних подробностей, но, вместе с тем, весьма обстоятельно проведено исследование всей нашей пограничной полосы, с указанием самим порядком изложения – приемов военно-географического исследования отдельных театров. Совершенно справедливо поступили составители, ограничившись в своих исследованиях отдельных театров характеристикой, в основу которой положено то значение, которое присуще ему по занимаемому положению. Легкость изложения в связи с отчетливыми схемами способствует изучению предмета. <...> В общем, книга эта является прекрасным пособием для ознакомления с нашей пограничной полосой и желательной для самого широкого распространения в училищах как учебник»³⁷.

Третье издание учебника было подготовлено в 1913 году. В число авторов вошел также подполковник Генерального штаба Канненберг³⁸. Соглашение о создании учебника для военных училищ между авторами и Главным управлением военно-учебных заведений было заключено еще в 1912 году. В 1913–1914 гг. новый учебник, пройдя всевозможные рассмотрения и обсуждения, был готов, и осенью 1914 года предполагалось пустить его в печать³⁹. Но разгоревшаяся война помешала его выходу. «Возникшие военные обстоятельства дают повод предполагать, что как политическая жизнь почти всех государств Европы, их границы, а также и прочие данные, которые необходимо включить в курс военной географии, после окончания войны неизменно подвергнутся значительным изменениям, вследствие чего и издаваемый учебник военной географии будет подлежать некоторой переработке. <...> При таких обстоятельствах признается необходимым не приступать к изданию этого учебника до окончания войны», – заключил исполняющий должность начальника Главного управления военно-учебных заведений генерал-лейтенант Яковлев⁴⁰.

При этом особой комиссией ГУ ВУЗа было признано, что авторы выполнили свои обязательства и по окончании войны должны будут

внести в текст учебника изменения, произошедшие в границах государств, после чего он будет, наконец, издан⁴¹. За выполненную работу составителям был определен гонорар в 4000 рублей. Сохранилась асигновка от 28 марта 1915 года на выдачу подполковнику Маркову 1333 рублей 33 копеек за составление учебника⁴². Получили авторы вознаграждение или нет – неизвестно, к этому времени и Гиссер, и Марков были уже на фронте⁴³.

Курс военной географии России не был единственным учебником, принадлежащим перу Маркова. В 1911 году вышел учебник «Военная география иностранных государств», составленный Марковым также совместно с подполковником Гиссером⁴⁴. Он состоял из двух частей: «Военной организации Германии, Австро-Венгрии, Румынии, Турции, Китая и Японии» и «Краткого обзора иностранных пограничных театров», и также был принят в качестве учебника для военных училищ*. Уже в ходе войны, в 1915 году, вышел еще один учебник по военной географии, в создании которого принимал участие Сергей Леонидович – «География внеевропейских стран»⁴⁵.

Между тем, военная география не была единственной темой научной деятельности Маркова. Как уже отмечалось, он преподавал также курсы тактики, военного искусства и военной истории.

Результатом работы с последним предметом стали книги по русской военной истории. В качестве своего курса по этому предмету Марков издал «Записки по истории Русской армии. 1856–1891», в которых давал анализ проводившихся в России в XIX веке военных реформ⁴⁶. Немало места было уделено и русско-турецкой войне 1877–1878 гг. При этом Марков затрагивал не только военный анализ событий, но и политическую обстановку, а также причины, вызвавшие войну. Особое внимание он обращал на «самобытные национальные черты нашей армии и русского солдата, гибкие формы боевого порядка, развитие духа»⁴⁷.

Продолжая тему русско-турецкой войны, Сергей Леонидович составил книгу «Приказы Скобелева в 1877–1878 гг.», коснувшись судьбы легендарного «белого генерала», которого он своими ратными делами впоследствии сильно напоминал⁴⁸. Позднее, уже без участия Маркова, вышло второе издание книги⁴⁹.

Не оставлял Марков и тему другой войны – русско-японской – тему, горькую для него и всего русского офицерства. Наряду с уже упоминавшейся книгой «Еще раз о Сандепу» (1911), целиком посвященной разбору операции Русской армии под Хейгуотаем, Марков печатает в военной периодике также ряд обративших на себя внимание статей, продолжая анализ причин поражения России в минувшей кампании. Так, еще в 1906 году Генеральным штабом была выпущена книга «Русско-Японская война в сообщениях академии Генерального

* См. приложения.

штаба» под редакцией А.И. Баиова⁵¹. Наряду с такими уже известными авторами, как полковники Н.А. Данилов, князь Н.П. Вадбольский, В.Ф. Новицкий, М.Ф. Матковский, С.К. Добровольский, П.Д. Комаров, подполковник Незнамов, тогда еще капитан Марков пишет статью о действиях Восточного отряда генерала Штакельберга на реке Шахэ⁵². В предисловии редактор особо отмечает статью молодого офицера: «Кроме сообщений, сделанных в академии, в 1-ю часть сборника, в видах полноты и цельности описания событий войны, включена также и статья Генерального штаба капитана Маркова. <...> Статья эта не сделалась предметом сообщений только лишь по недостатку времени. Академия искренне благодарна капитану Маркову за доставленную им возможность сделать настоящий сборник более полным и полезным...»⁵³.

С последним упомянутым автором «Сообщений» – подполковником (позднее генералом) Генерального штаба Незнамовым – Маркова связывали помимо профессиональных и дружеские отношения⁵⁴. Об их встречах сохранились воспоминания племянника Незнамова – Д. Незнамова, впоследствии участника гражданской войны в рядах марковцев, эмигрировавшего из России после поражения белых:

«1911–1912 гг. В Петербурге молодой студент Д. Незнамов нередко посещал своего дядю, генерала Незнамова, профессора военной академии Генерального штаба. Племянник преклонялся перед большим умом своего дяди и не оставался равнодушным и к той сфере знаний, которые были его специальностью – военной науке.

Однажды у генерала Незнамова его племянник встретил и познакомился с молодым подполковником Генерального штаба Марковым. То, что дядя, человек преклонных лет, очень ценил тридцатидвухлетнего офицера и то, что этот офицер произвел сразу же огромное впечатление не только своим внешним обликом, энергией, но и живым, глубоким и всеобъемлющим умом и даром речи, Д. Незнамов почувствовал в подполковнике Маркове исключительного человека и незаурядного офицера и возмел желание встречаться с ним чаще. Дядя удовлетворил это его желание и дал ему разрешение присутствовать при их разговорах.

Беседы генерала Незнамова и подполковника Маркова касались, главным образом, военных тем, иногда отвлекаясь на вопросы высшей государственной политики. Но все темы разговоров всегда носили характер стремления к нахождению лучших положительных решений и никогда не соскальзывали на путь критики. Это были разговоры двух умных и рассудительных людей. Из них Д. Незнамов постигал то, что до этого его мало интересовало или о чем он знал лишь поверхностно. Армия! Русский Солдат – «имя, общее для 1-го генерала и последнего рядового!» Стратегия, тактика... Роль офицера в армии в мирное и военное время!..

Д. Незнамов слушал с огромным вниманием и глубокими переживаниями. Перед ним ярко вставали картины и образы выполнения гражданского долга перед Родиной – ее народ, облаченный в солдатскую форму.

Напомнили ему старорусское: «Ляжем костыми за Русь!» Но тут же и слова генерала Гурко: «Вы говорите – ляжем костыми? Но мне нужно, чтобы пали костыми не вы, а турки!» Необходимость достижения «малой кровью», которая может быть только при умелом водительстве войсками их начальниками.

Требования, предъявляемые к офицерам, качества, которым они должны были обладать, оказались чрезвычайно огромными и тяжелыми. Д. Незнамов стал понимать и ценить Офицера.

Говорилось о состоянии военной науки в России. Тут было не все благополучно, хотя урок русско-японской войны и не прошел даром. Нужно непрерывное развитие творческой мысли; не только учет опыта на победах и поражениях, но и проникновение в будущее, создание новых методов и способов в ведении боев и сражений. Стратегия и тактика не могут оставаться неизменными: новое оружие – новая тактика, но и новая тактика – новое оружие.

Но есть и неизменное – прежде всего, правильно и всеобъемлюще поставленная Идея войны и знание «чего я хочу», т.е. задачи войны. Затем – неизменные принципы в ведении боевых действий. Суворов учил: «Быстрота, глазомер, натиск»; он говорил о «подлой ретиреде»; о том, что «пуля – дура, штык – молодец». Есть и такой принцип: «Противник обходящий может быть легко обойден».

Молодого студента эти врезавшиеся в память принципы поразили не своим утверждением, а глубоким их разъяснением, которое он вынес из разговоров двух теоретиков военной науки. Его поразили утверждения, шедшие будто бы вразрез с понятием воинской дисциплины «беспрекословного и точного выполнения приказаний начальников» – утверждения: «Местный судит лучше. Я – вправо, должно влево, меня не слушай». «Не придерживайся устава, как слепой стены...» И еще, Суворовское: «Нам тяжело, но и противнику не легче».

Для Д. Незнамова было над чем серьезно задуматься, и в размышлениях о слышанных разговорах он приходил к заключению, что ведение войны не есть чисто техническое дело, но чрезвычайно глубоко связано с психологией бойцов и их развитием, а среди них и главным образом – начальников, офицеров. Он стал понимать, что военное дело – не просто ремесло, а искусство.

Генерал Незнамов говорил: «Я не поставлю удовлетворительной отметки за пассивное решение задачи». Подполковник Марков утверждал, что при пассивном выполнении задач и даже при полумерах невозможен решительный успех; чаще это приводит к неудаче и лишнему пролитию крови. Воинские качества: дисциплинирован-

ность, мужество, храбрость и другие – сами по себе для начальников не являются абсолютно ценными качествами; дисциплина должна быть сопряжена с разумностью, мужество – с силой воли и силой влияния на подчиненных, храбрость должна быть активной и должна быть связана с инициативой.

Теме инициативы особенно уделялось внимание. Инициатива на верхах командования и инициатива на всех его ступенях, до самой низшей включительно. На верхах командования, где ставятся задания и проводятся с намерением заставить противника действовать в зависимости от принятых ими решений; на низах – когда инициативой начальников разрушаются планы и намерения противника на тактических участках боя, когда захватываются тактические рубежи, когда противник становится в менее удобное положение и когда это используется для развития успеха. Инициатива – это постановка задач, диктуемых обстановкой в каждый момент боя. Активность – это выполнение этих задач.

Об активной храбрости, основанной на проявлениях инициативы, разговор был особенно серьезен. Высказывалось утверждение, что она легко может перейти в партизанство, даже помимо воли и сознания начальника, т.е. к действиям, имеющим чисто местное значение, без всякой связи с общими действиями и могущих привести хотя и к успехам, но коротким и местным, не приводящим к общему успеху. Ставилась дилемма: активная храбрость – партизанство или пассивное регулярство. Подполковник Марков высказывался горячо за предпочтение активной храбрости, однако, подчиненной общей задаче. «Чаще активное партизанство предпочтительней пассивного регулярства», – говорил он. Он утверждал, что регулярство очень часто создает и покрывает безответственность начальников. Приводились десятки примеров, когда «пассивное регулярство» приводило в лучшем случае к сохранению положения, а «активное партизанство» – к большим успехам. Принцип «противник обходящий легко может быть сам обойден», находит свое решение, когда в полной мере осуществляются инициатива, активная храбрость, «партизанские» меры... При регулярстве в этом случае достаточно донести об обходе противника, принять пассивные меры и ждать распоряжений начальства.

В уме и чувствах Д. Незнамов от этих разговоров совершалась целая революция, успокоить которую он мог не сразу. Приходилось серьезно задумываться над всеми этими проблемами, осуществить которые можно было лишь зная тактику, будучи активно храбрым и держа в руках свою часть. Ему было ясно, насколько глубоко проникнут знанием Военной науки и Военной психологии его дядя, генерал Незнамов, человек кабинетного труда. Ему становилось понятным то внимание, которое уделял дядя молодому офицеру, подполковнику Маркову. И Д. Незнамов был полностью увлечен последним, который в его

глазах и его представлении был уже не только кабинетным штабным работником, но и строевым боевым офицером. Подполковник Марков стал для него ярким типом русского офицера, идеалом Офицера. Он стал его кумиром»⁵⁵.

В скором времени и у Маркова, и у свидетеля его бесед с профессором Незнамовым появилась возможность проверить правильность тех или иных теоретических утверждений – наступило время суровых испытаний для всей страны.

Размеренный ход жизни Сергея Леонидовича с многочисленными экзаменами, заседаниями, комиссиями, рассмотрениями и т.д. был прерван начавшейся в августе 1914 года Великой войной. Уже в первые месяцы после ее начала Марков, повинувшись долгу офицера-патриота, отправился на фронт. Началась новая страница его жизни, внезапно оборвавшая предыдущую. Вихрь революций и войн не позволил Маркову в полной мере проявить свой талант военного ученого и преподавателя. Отправляясь на фронт, он едва ли мог себе представить, что ему не суждено уже будет вернуться к полноценной преподавательской деятельности, и следующие, последние четыре года своей жизни он проведет почти целиком на фронтах двух войн – 1-й мировой и гражданской.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

После начала 1-й мировой войны Марков был направлен в Управление генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующими армиями Юго-Западного фронта (начальником штаба фронта был в это время генерал-лейтенант М.В. Алексеев), где занимал должность начальника Разведывательного отделения. В начале сентября Сергей Леонидович направил генерал-квартирмейстеру записку с предложениями по проведению опросов пленных, предложив для эффективности упростить их процедуру и сделать анонимными⁵⁶. 22 сентября 1914 года полковник Марков был назначен начальником Управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта. Через месяц Сергей Леонидович был переведен на должность начальника штаба 19-й пехотной дивизии 9-й армии⁵⁷. В ее составе он с 28 по 30 октября участвовал в блокаде крепости Перемышль, а с 30 октября по 26 ноября – во всех боях дивизии на Карпатах в районе Дуклинских проходов. «За отличия в боях в указанный период полковник Марков представлен мною к награждению мечами к ордену Святой Анны 2-й степени», – написал в дополнении к послужному списку Маркова начальник 19-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Г.Ф. Янушевский⁵⁸.

В декабре месяце новое назначение сталкивает Маркова с человеком, с которым он был связан самым тесным образом все оставшиеся годы своей жизни. 7 декабря 1914 года Марков был назначен начальником штаба 4-й стрелковой бригады генерала А.И. Деникина в составе 8-й армии⁵⁹, позднее развернутой в 4-ю дивизию, имевшую неофициальное название «железной»⁶⁰.

4-я стрелковая бригада прославилась в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начало ее известности относится к переходу через Балканы отряда генерала И.В. Гурко и боям на Шипке, куда бригада пришла форсированным маршем на выручку к попавшему в тяжелое положение гарнизону и сумела отстоять перевал. С этого времени она носила название «железной». Положение ее на фронте Великой войны было особым. Части бригады (дивизии) почти не принимали участия в позиционном стоянии, выходясь после боев в резерв командующего 8-й армией, и направлялись наиболее тяжелые участки, являясь своеобразной «пожарной командой»⁶¹.

А.И. Деникин писал впоследствии о назначении Маркова: «Приехал он к нам в бригаду, никому не известный и неожиданный: я просил штаб армии о назначении другого. Приехал и с места заявил, что только что перенес небольшую операцию, пока нездоров, ездить верхом не может и поэтому на позицию не поедет. Я поморщился, штабные переглянулись. К нашей «запорожской сечи», очевидно, не подойдет – «профессор»...

Выехал я со штабом к стрелкам, которые вели горячий бой впереди города Фриштака. Сближение с противником большое, сильный огонь. Вдруг нас покрыло очередью шрапнели.

Что такое? К цепи совершенно открыто подъезжает в огромной колымаге, запряженной парой лошадей, Марков – веселый, задорно смеющийся:

– Скучно стало дома. Приехал посмотреть, что тут делается...

С этого дня лед растаял, и Марков занял настоящее место в семье «железной» дивизии»⁶².

На должности начальника штаба дивизии Марков пробыл два с лишним месяца и проявил себя с самой лучшей стороны. 15 января 1915 года Высочайшим приказом Сергей Леонидович был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени, а 5 февраля – мечами к имеющемуся ордену Святой Анны 2-й степени (к последним представлен в 19-й дивизии)⁶³.

14 февраля 1915 года Марков принял временное командование 13-м стрелковым генерал-фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полком⁶⁴.

Деникин писал о времени принятия Марковым полка: «Вспоминаю тяжелое для бригады время – февраль 1915 г. в Карпатах... Бригада, выдвинутая далеко вперед, полукольцом окружена командующи-

ми высотами противника, с которых ведут огонь даже по одиночным людям. Положение невыносимое, тяжкие потери, нет никаких выгод в оставлении для нас на этих позициях, но... соседняя 14-я пехотная дивизия доносит в высший штаб: «кровь стынет в жилах, когда подумаешь, что мы оставим позицию и впоследствии придется брать вновь те высоты, которые стоили нам потоков крови...» И я остаюсь. Положение, однако, настолько серьезное, что требует большой близости к войскам; полевой штаб переносу на позицию – в деревню Творильню. <...> В такую трудную минуту тяжело ранен ружейной пулей командир 13-го стрелкового полка, полковник Гамбурцев, входя на крыльцо штабного дома. Все штаб-офицеры выбиты, некому заметить. Я хожу мрачный из угла в угол маленькой хаты. Поднялся Марков.

– Ваше Превосходительство, дайте мне 13-й полк.

– Голубчик, пожалуйста, очень рад!

У меня у самого мелькала эта мысль. Но стеснялся предложить Маркову, чтобы он не подумал, что я хочу устранить его от штаба. С тех пор со своим славным полком Марков шел от одной победы к другой. <...> Он не жил, а горел в сплошном порыве»⁶⁵.

Однако, назначение командиром полка по Высочайшему приказу состоялось только 22 сентября 1915 года – спустя почти девять месяцев со дня принятия временного командования⁶⁶. Причиной была так называемая «мертвая линия старшинства», не позволявшая Маркову «законно» принять командование – в кандидатских списках на принятие командования полком он стоял во втором десятке⁶⁷: «Заслужил уже и Георгиевский крест, и Георгиевское оружие, а Ставка 9 месяцев не утверждала его в должности – не подошла мертвая линия старшинства. <...> Представил его за ряд боев в чин генерала – не пропустили: «Молодой». Какой большой порок молодость!»⁶⁸ Еще в мае 1915 года Деникин писал в штаб 8-й армии исполняющему должность начальника штаба генерал-майору П.Н. Ломновскому (прилагая рапорт на имя командира 17-го корпуса генерала от инфантерии П.П. Яковлева) с просьбой утвердить полковника Маркова в должности командира полка*. Сам Марков примерно в это же время ходатайствовал на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Н.Н. Янушкевича с просьбой о помощи в утверждении его командиром полка: «...Я прошу как милости и высшей награды утверждения меня командиром славного 13-го стрелкового имени Августейшего отца Верховного главнокомандующего. <...> Трудно вообще писать о себе, еще труднее что-либо просить для себя. Мне будет больно, если Вы посмотрите на это письмо, как на способ обогнать товарищей. Бог с ними, никого я не хочу обскакивать и обгонять, в эти дни не до карьеры. Здесь постоянно ходишь по краю могилы и твердо знаешь,

* Полностью документ – см приложения

что не имеешь легкой карьеры. В последние бои я давно приговорил себя к мысли умереть в рядах полка, которым руковожу уже почти 4 месяца войны, честь и слава стрелкам близким моему сердцу»*. Но официальное утверждение последовало только осенью.

Боевые действия под Лутовиском и на Ужгородском направлении, бои на реке Сан – все это вехи боевого пути Маркова в составе дивизии в 1914–1915 гг. Как и на фронте русско-японской войны, Марков был отмечен многими, но теперь более высокими боевыми наградами. Командуя полком, он проявлял доблесть, сделавшую впоследствии его имя легендарным. Всегда со своими стрелками, неизменно во главе полка, он личным примером показывал образец служения Родине. В июле 1915 года за бой под Творильней Марков был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В августе последовало награждение Георгиевским оружием⁶⁹. Марков мог с гордостью носить свои высокие боевые награды, зная, что ими в не меньшей степени гордятся его подчиненные. «Одно из двух: деревянный крест или Георгий 3-й степени» – высказал он однажды мысль⁷⁰.

Сохранилось воспоминание врача, повстречавшего Маркова на фронте еще в должности начальника штаба 4-й дивизии, в конце 1914 – начале 1915 г. Оно как нельзя лучше показывает отношение Маркова к своему долгу и преданность делу:

«Входит хозяин дома и заявляет, что в соседней комнате лежит больной русский полковник, и просит посетить его. Мы вошли. В узенькой комнатке на кровати лежал бледный изможденный молодой человек с маленькой, французского типа бородкой. Мы представились друг другу. Это был Генерального штаба полковник С.Л. Марков.

– Вы ранены? – спросил я.

– Какой там! – с гримасой отчаяния возразил Марков. – Не так обидно было бы, если бы ранили, а то заболел подлейшей болезнью – аппендицитом, и, как колода, лежи вот, а там, в дивизии, не успел я уехать (уехал я третьего дня утром), а вечером полк потерял половину состава. Ай, не могу я так лежать. Завтра уеду. Иначе все погубят, все, все.

Больной, корчась от боли, приподнялся в постели.

– Куда вам ехать? Помилуйте, на вас лица нет.

– Надо ехать, надо! – с энергией возразил он.

Оказалось, в это время полковник Марков состоял начальником штаба одной из наших боевых пехотных дивизий.

На другой день я встретил его в г. Ржешуве в коридоре суда, в котором расположился штаб 8-й армии.

Он опирался на костыль. Вид у него был, что называется, «краше в гроб кладут».

* Полностью документ – см. приложения.

– Что вы здесь делаете, господин полковник? – в изумлении спросил я.

– Не могу я здесь сидеть, не могу лечиться, когда моя дивизия гибнет, еду туда, а они не пускают! – с энергией и силой возмущенного говорил он, а сам в изнеможении прислонился к стене, и холодный пот крупными каплями выступил у него на лбу.

Я пошел отыскивать генерал-квартирмейстера 8-й армии, милейшего графа Г.

– Ради Бога, отговорите, не пускайте полковника Маркова в дивизию, – попросил я.

– Видимо, это ценный человек. Ведь даром погибнет.

– Да что с ним поделаешь?! Доктора говорят, что ему необходимо сделать операцию, иначе смерть, а он слышать ничего не хочет, точно помешанный, настойчиво просится в дивизию. А человек драгоценный, герой.

В тот же день я уехал в командировку»⁷¹.

Незадолго до утверждения в должности командира полка, во время Луцкой операции в начале сентября 1915 года, Марков, командуя левой колонной дивизии, прорвал фронт австрийцев и потерял связь с остальными частями. Вспоминая этот момент, Деникин писал, что уже потерял надежду вновь увидеть Маркова: «Австрийцы замкнули линию. Целый день не было никаких известий. Наступил вечер. Встревоженный участью 13-го полка, я выехал к высокому обрыву, наблюдая цепи противника и безмолвную даль. Вдруг, издали, из густого леса, в глубоком тылу австрийцев раздались бравурные звуки полкового марша 13-го стрелкового полка. Отлегло от сердца.

– В такую кашу попал, – говорил потом Марков, – что сам черт не разберет – где мои стрелки, где австрийцы; а тут еще ночь подходит. Решил подбодрить и собрать стрелков музыкой.

Колонна его разбила тогда противника, взяла тысячи две пленных и оружие и гнала австрийцев, в беспорядке бегущих к Луцку»⁷².

Бои под Журавиным, Горыньей, Перемышлем, Луцком, Чарторыйском – 1915 год добавил славы 4-й стрелковой дивизии и 13-му стрелковому полку во главе с его славным командиром полковником Марковым, никогда не терявшим самообладания и действовавшего дерзко и неожиданно для противника. Марков «...никогда не берег себя. В сентябре 1915 г. дивизия вела бой в Ковельском направлении. Правее работала наша конница, подвигавшаяся нерешительно и сбивавшая всех нас с толку маловероятными сведениями о появлении значительных сил противника против ее фронта на нашем берегу Стыри. Маркову надоела эта неопределенность. Получаю донесение: «Съездил вдвоем с ординарцем попить лошадей в Стыри: вплоть до Стыри никого – ни нашей конницы, ни противника»⁷³.

«В октябре 1915 года 4-я стрелковая дивизия вела известную свою Чарторыйскую операцию, прорвав фронт противника на протяжении 18 верст и на 20 с лишним верст вглубь. Брусилов, не имевший резервов, не решался снять войска с другого фронта, чтобы использовать этот прорыв. Время шло. Немцы бросили против меня свои резервы со всех сторон. Приходилось тяжело. Марков, бывший в авангарде, докладывает по телефону:

– Очень оригинальное положение. Веду бой на все четыре стороны света. Так трудно, что даже весело стало».

«Не только Маркову, но и всей дивизии в течение двух суток (29 и 31 октября) пришлось драться фронтом на все четыре стороны. И не только паники, ни малейшего падения духом, ни малейшего колебания не было в рядах моих славных стрелков». «Только один раз я видел его совершенно подавленным, когда весной 1915 года под Перемышлем он выводил из боя остатки своих рот, весь залитый кровью, хлынувшей из тела стоявшего рядом командира 14-го полка, которому осколком снаряда оторвало голову», – написал в «Очерках русской смуты» Деникин⁷⁴. Более года находился Сергей Леонидович во главе 13-го стрелкового полка, сроднившись за это время не только со своими офицерами, но и со стрелками, многих из которых он знал в лицо. В боевые будни, несмотря на всю их напряженность, Марков оставлял место и празднику, и заботе о своих стрелках: «Обходил сегодня окопы семи рот, с особенным удовольствием прошел по 9-й роте, все окопы украшены ветвями, имеют веселый праздничный вид (имеется ввиду праздник Святой Пасхи – Р.Г.). Сердечно благодарю от лица службы командующего 9-й ротой прапорщика Мельтцера за его заботы о вверенных ему стрелках», – отметил Марков в приказе по полку⁷⁵. Однако, уже в это время во вверенной ему части Марков сталкивается с первыми, пока еще единичными случаями падения дисциплины – того, на чем держится любая армия. В «Полевой книжке» командира полка С.Л. Маркова описан случай выхода австрийских и русских солдат навстречу друг другу во время праздника Святой Пасхи и ухода части стрелков к австрийцам⁷⁶. Это произошло в апреле 1916 года.

В это время 4-я дивизия вела подготовку к Луцкому прорыву. Но Маркову не пришлось участвовать в этой операции. После многократных отказов Ставка вынудила Сергея Леонидовича повторно принять должность начальника штаба дивизии⁷⁷. Из-за огромного некомплекта офицеров Генерального штаба, полковников и генералов перед получением должности начальника дивизии заставляли повторно, на особых основаниях нести должность начальника штаба дивизии. Приложив все усилия, чтобы остаться во главе своей части, Марков в конце апреля 1916 года оставил полк, сдав командование полковнику П.П. Непенину*.

* Документы об оставлении полка С.Л. Марковым – см. приложения.

Весною он оказался на новом для себя театре военных действий – Кавказском фронте, вступив с 20 апреля 1916 года в должность начальника штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии уже в чине генерал-майора⁷⁸.

Пробыв в течение нескольких месяцев на фронте войны против Турции, Марков осенью 1916 года был вызван в открывшуюся Николаевскую академию Генерального штаба, где пробыл до начала 1917 года.

«Все это, господа, вздор, только сухая теория! На фронте, в окопах – вот где настоящая школа. Я уйду на фронт, куда приглашаю и вас!», – наставлял он слушателей академии, офицеров-фронтоников, уходя в действующую армию⁷⁹.

Наступил 1917 год.

1917 ГОД

1917 год – трагичный для судеб как русского офицерства, так и всей России – начался для Маркова с назначения в январе месяце на должность генерала для поручений при командующем 10-й армией генерале от инфантерии В.Н. Горбатовском. В начале февраля 1917 года он находился в командировке по делам службы в Петрограде⁸⁰, из которой возвратился, видимо, до начала Февральской революции, положившей начало процессу демократизации, а вместе с ним и развалу Русской армии.

В марте-апреле 1917 года Марков был назначен на должность 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М.В. Алексеева. Здесь он вновь встретился с А.И. Деникиным, назначенным в конце марта 1917 года начальником штаба Верховного главнокомандующего. В дальнейшем вся деятельность Маркова была связана с судьбой Антона Ивановича.

Деникин приводит на страницах «Очерков русской смуты» фрагменты дневников Маркова, относящихся к марту–апрелю 1917 года, самой революции и ее первым месяцам, когда Сергею Леонидовичу приходилось заниматься не только непосредственно своей штабной работой, но и напрямую столкнуться с революционными процессами в армии. В этих отрывках «отражаются те внутренние переживания и то постепенное изменение настроения», те опасения, которые испытало вместе с Марковым все русское офицерство. Первые дневниковые записи относятся ко времени отречения Николая II, которое, безусловно, произвело на Маркова большое впечатление. Впоследствии он не раз подчеркивал, что является монархистом и видит будущее устройство России как конституционной монархии, что, впрочем, не мешало ему, пока была возможность, сотрудничать с Временным правительством. И в дальнейшем, уже в ходе гражданской войны, Марков,

несмотря на монархические взгляды, твердо считал, что выявить свои убеждения должно только после окончания борьбы, которая была начата осенью 1917 года на Дону⁸¹.

«1 (14) марта*. Был у Горбатовского**. Говорили о событиях в Питере. Дай Бог успеха тем, кто действительно любит Россию. Любопытна миссия Иванова*** ...

2, 3, 4 (15–17) марта. Все отодвинулось на второй план, даже война замерла. Телеграмма за телеграммой рисуют ход событий. Сначала все передавалось под сурдинку, затем громче и громче. Эверт проявил свою обычную нерешительность, задержав ответ Родзянко. Мое настроение выжидательное; я боюсь за армию; меня злит заигрывание с солдатами, ведь это разврат и в этом поражение. Будущее трудно угадать; оно трезво может разрешиться, (если лишь) когда умолкнут страсти. Я счастлив буду, если Россия получит конституционно-демократический строй и пока не представляю себе Россию республикой.

5 (18) марта. Написал статью для «Армейского вестника», а ее приняли как приказ по армии. Все думы, разговоры и интересы свелись к современным событиям. Наша поездка на вокзал; говорил с толпой на дебаркадере; все мирно, хорошо...

6 (19) марта. Все ходят с одной лишь думой – что-то будет? Минувшее все порицали, а настоящего не ожидали. Россия лежит перед пропастью и вопрос еще большой – хватит ли сил достичь противоположного берега?

7, 9 (20, 22) марта. Все то же. Руки опускаются работать. История идет логически последовательно. Многое подлое ушло, но всплыло много накипи. Уже в № 8 от 7 (20) марта «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» появились постановления за немедленное окончание войны. Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию.

10 (23) марта... Получено приказание выехать в Минск для поездки в Брянск. Мое первое выступление перед толпой.

11 (24) марта. В Брянске волнуется гарнизон, требуют от меня привести его в порядок...

12 (25) марта. Еду вместе с Большаковым, он член петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов».

Далее Деникин прерывает дневник Сергея Леонидовича, сам пересказывая поездку Маркова в Брянск:

«В Брянске вспыхнул военный бунт среди многочисленного гарнизона, сопровождавшийся погромами и арестами офицеров. Настро-

* В скобках приведены даты по новому стилю.

** Командующий 10-й армией. Здесь и далее примечания А.И. Деникина.

*** Карательный отряд генерала Иванова, направленный на Петроград.

ение в городе было крайне возбужденное. Марков неоднократно выступал в многочисленном совете военных депутатов, и после бурных, страстных и иногда крайне острых прений ему удалось достигнуть постановления о восстановлении дисциплины и освобождении 20 арестованных. Однако после полуночи несколько вооруженных рот двинулись на вокзал для расправы с Марковым, Большаковым и арестованными. Толпа бесновалась. Положение грозило гибелью. Но находчивость Маркова спасла всех. Он, стараясь перекричать гул толпы, обратился к ней с горячим словом. Сорвалась такая фраза:

– ...Если тут был кто-нибудь из моих железных стрелков, он сказал бы вам, кто такой генерал Марков!

– Я служил в 13-м полку, – отозвался какой-то солдат из толпы.

– Ты?!

Марков с силой оттолкнул нескольких окружавших его людей, быстро подошел к солдату и схватил его за ворот шинели.

– Ты? Ну так коли! Неприятельская пуля пощадилась в боях, так пусть покончит со мной рука моего стрелка...

Толпа заволновалась еще больше, но уже от восторга. И Марков с арестованными при бурных криках «ура» и аплодисментах толпы уехал в Минск.

Возвращаюсь к дневнику.

18 (31) марта... Приняли все радушно*, я оказывается, уже выбран почти единогласно в наш офицерский комитет...

19 марта (1 апреля)... организуем офицерско-солдатский комитет штаба 10-й армии и местного гарнизона. После обеда первое собрание, в которое я попал в числе шести единогласно...

<...>

Далее говорится о непрестанной работе во всяких советах и комитетах.

24 марта (6 апреля)... Приезд полковника Кабалова, которому вместе с князем Крапоткиным было выражено недоверие 133-й дивизией... Возвращение членов Думы с позиций к нам. Отказ двух эшелонов 445-го полка ехать на позицию: «воевать хотим, а на позицию не желаем, дайте отдых месяц-два». До двух часов ночи уговаривал и разговаривал...

26 марта. События во 2-м Кавказском корпусе, отказ 2-й Кавказской гренадерской дивизии стать на позицию, смещение Мехмандрова, начальника дивизии, и его наштадива**.

30 марта (12 апреля). Спокойное плодотворное заседание армейского съезда до глубокой ночи. В перерыве до обеда я собрал лишь

* По возвращении в свой штаб.

** Начальник штаба дивизии.

председателей всех наших комитетов, и мы выслушали доклад офицеров, приехавших или бежавших из частей 2-й Кавказской гренадерской дивизии. Возмутительная история, вера колеблется, это начало разложения армии.

31 марта (13 апреля). Вместо Минска, куда меня приглашали на митинг в качестве оратора, поехал по приказанию командарма во 2-й Кавказский корпус. Видел Бенескула, принявшего управление корпусом из рук прапорщика Ремнева*. Затем отправился в Залесье, где был собран корпусной комитет 2-го Кавказского корпуса... Получил от него полное осуждение роли Ремнева и 2-й Кавказской гренадерской дивизии... Ушел при криках овации по моему адресу...

2 (15) апреля. Утром узнал о самоубийстве генерала Бенескула. Днем Головинский сказал мне, что офицеры штаба 2-го Кавказского корпуса обвиняют меня в этом и что они решили написать три письма одинакового содержания генералу Мехмандарову, мне и госпоже Бенескул, давая последней право напечатать письмо в газетах. Мне в первый раз в жизни сказали, что я убийца. Не выдержал, сделалось дурно, самосознание говорит, что я виновен. Не надо было говорить Бенескулу о некорректности его принятия корпуса из рук прапорщика Ремнева. Я должен был знать его слабость духа, воли, его мягкость. Вечером собрались все наши комитеты и многочисленная публика; я пришел, и, заявив, что я убийца, просил судить меня. Через несколько времени за мной прибежали офицеры и солдаты с просьбой выслушать их постановление. Мое появление, чтение постановления, в котором говорилось, что я поступил, как честный солдат и генерал, и мой уход – сплошная овация всего собрания. И все же это великий урок на будущее.

3 (16) апреля. Продолжаю чувствовать физическую слабость и моральную подавленность...

10 (23) апреля. Утром подал заявление в оба комитета о своем отъезде. Устал я, да, вероятно, скоро, наконец, получу назначение.

13 (26) апреля. Я верю, что все будет хорошо, но боюсь – какой ценой? Мало говорить – война до победного конца, но надо и хотеть этого...»⁸².

В конце мая 1917 года, после назначения командующим Западным фронтом генерала Деникина, Марков был назначен начальником штаба Западного фронта. Вместе с командующим он пережил драму июньского наступления, окончившегося полной неудачей из-за разложения армии.

* Известный демагог прапорщик Ремнев с толпой солдат арестовал и сместил командира корпуса генерала Мехмандарова и вручил командование генералу Бенескулу. Марков очень горячо обрушился по этому поводу на генерала Бенескула.

После назначения генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова Верховным главнокомандующим в июле 1917 года на его прежнюю должность командующего Юго-Западным фронтом был назначен генерал Деникин. Вслед за ним, на должность начальника штаба Юго-Западного фронта, был переведен и Марков. В это же время Сергей Леонидович был произведен в генерал-лейтенанты. Наступил август 1917 года, отмеченный в истории «Корниловским мятежом».

В переломный момент русской революции Марков полностью поддержал Корниловское выступление, примкнув к Деникину и некоторым другим офицерам штаба Юго-Западного фронта. Не участвовав в нем прямо, они сделали запрос в Ставку с предложением помощи, высказывая тем самым поддержку Корнилову и его программе вывода армии и страны из кризиса (реальную помощь штаб Юго-Западного фронта оказать не мог). Деникин, в числе других командующих фронтов, отправил наиболее резкую телеграмму в адрес Временного правительства, в которой целиком встал на сторону Корнилова. Одновременно послал телеграмму правительству и Марков, выражая солидарность с высказанными Деникиным положениями⁸³.

В ожидании исхода драмы, разыгравшейся в Могилеве, «Марков каждый вечер собирал офицеров генерал-квартирмейстерской части для доклада оперативных вопросов на этот день. 27-го он знакомил их со всеми известными нам обстоятельствами столкновения и нашими телеграммами и не удержался, чтобы в горячей речи не очертить исторической важности переживаемых событий, необходимости поставить все точки над «i» и оказать полную нравственную поддержку генералу Корнилову...»⁸⁴.

29 августа (11 сентября) за попытку вооруженного восстания против Временного правительства генералы Деникин, Марков и генерал-квартирмейстер штаба генерал-майор М.И. Орлов были арестованы по приказанию комиссара Юго-Западного фронта и заключены в Бердичевскую тюрьму. Вскоре была ликвидирована и Ставка Верховного главнокомандующего, а участники Корниловского выступления во главе с самим генералом были заключены в городе Быхов Могилевской губернии.

Почти месяц, до 26 сентября (9 октября) 1917 года, находились Деникин и Марков в Бердичеве, испытав за это время немало унижений, нездорового внимания толпы и ожидая скорой расправы «военно-революционного» суда. Томительными были дни заключения. Деникин позднее напишет: «Камера № 1. Десять квадратных аршин пола. Окошко с железной решеткой. В двери небольшой глазок. Нары, стол и табурет. Дышать тяжело – рядом зловонное место. По другую сторону – № 2, там – Марков; ходит крупными нервными шагами. Я почему-то помню до сих пор, что он делает по карцеру три шага, я ухитряюсь по кривой делать семь. Напряженный слух разбирается в них

и мало-помалу начинает улавливать ход жизни, даже настроения. Караул – кажется, охранной роты – люди грубые, мстительные»⁸⁵. Автор этих строк две недели не выходил из камеры, не желая стать «предметом любопытства товарищей».

«Впрочем, не всегда мы встречали одну наглость. Иногда сквозь напускную грубость наших тюремщиков видно было чувство неловкости, смущение и даже жалость. Но этого чувства стыдились. В первую холодную ночь, когда у нас не было никаких вещей, Маркову, забывшему захватить пальто, караульный принес солдатскую шинель; но через полчаса – самому ли стыдно стало своего хорошего порыва, или товарищи пристыдили – взял обратно. В случайных заметках Маркова есть такие строки: «Нас обслуживают два пленных австрийца... Кроме них нашим метрдотелем служит солдат, бывший финляндский стрелок (русский), очень добрый и заботливый человек. В первые дни и ему туго приходилось – товарищи не давали прохода; теперь ничего, поуспокоились. Заботы его о нашем питании прямо трогательны, а новости умилительны до наивности. Вчера он заявил мне, что будет скучать, когда нас увезут... Я его успокоил тем, что скоро на наше место посадят новых генералов – ведь еще не всех извели...»⁸⁶.

Дорога «мятежников» до Быховской тюрьмы, места заключения Корнилова и поддержавших его, не была безопасна. Путь генералов из заключения до вокзала 26 сентября (9 октября) едва не привел к расправе над ними. Только хладнокровие и самоотверженность роты юнкеров 2-й Житомирской школы прапорщиков и ее командира штабс-капитана Бетлинга спасли их от самосуда:

«Юнкера, славные юноши, сдавленные со всех сторон, свою грудью отстраняют напиральную толпу, сбивающую их в жидкую цепь. Проходя по лужам, оставшимся от вчерашнего дождя, солдаты набирали полные горсти грязи и ею забрасывали нас. Лицо, глаза, уши заволокло зловонной липкой жижицей. Посыпались булыжники. Бедному калеке генералу Орлову разбили сильно лицо; получил удар генерал Эрдели*, и я – в спину и голову. По пути обмениваемся односложными замечаниями. Обращаюсь к Маркову:

– Что, милый профессор, конец?!

– По-видимому...»⁸⁷

В конце сентября бердичевские узники прибыли в Быхов, где вместе с Корниловым находилось около 20 человек арестованных генералов и офицеров. Об атмосфере в тюрьме, в которой быховские узники находились уже более двух месяцев, о настроении узников говорят отрывочные записи, сделанные Сергеем Леонидовичем:

* Командующий Особой армией генерал от кавалерии И.Г. Эрдели также был арестован 29 августа (11 сентября) и заключен в Бердичевской тюрьме.

«Я был бы окончательно сражен, если бы почему-либо товарищ Керенский со своими присными не признал меня достойным быховского заключения. <...> Зачем нас судят, когда участь наша predetermined! Пусть бы уж сразу расстреляли... Люди жестоки, и в борьбе политических страстей забывают человека. Я не вор, не убийца, не изменник. Мы иначе мыслим, но каждый ведь любит свою Родину, как умеет, как может: теперь насмарку идет 39-летняя упорная работа. И в лучшем случае придется все начинать сначала... Военное дело, которому целиком отдал себя, приняло формы, при которых остается лишь одно: взять винтовку и встать в ряды тех, кто готов еще умереть за Родину. <...> Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной и униженной России. <...> Как бы мне страстно хотелось передать всем свою постоянную веру в лучшее будущее! Даже теперь, когда уже для себя я жду одно плохое»⁸⁸.

Пробыв в Быховской тюрьме до середины ноября 1917 года, заключенные были освобождены распоряжением последнего Главнокомандующего Русской армии генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина. Дальнейшее нахождение в Быхове ставило узников под угрозу расправы, которой вскоре подвергся сам генерал Духонин*.

19 ноября (2 декабря) генералы А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский и С.Л. Марков отправились на Дон, где в это время уже находился генерал Алексеев, под руководством которого велось формирование первых добровольческих частей – зарождалось Белое движение. Отдельно, вместе с Текинским полком, в ночь с 19 на 20 ноября (2–3 декабря) выступил из Быхова генерал Корнилов. Уже в ходе похода он вынужден был расстаться с полком, появившись в Новочеркасске 6 (19) декабря.

«Быховцы» отправлялись на юг переодетыми, по одному или по два, рискуя погибнуть в пути. Марков, вместе с бывшим генерал-квартирмейстером Ставки генерал-майором И.П. Романовским, часть пути проделал на экстренном поезде полковника П.А. Кусонского, переодевшись в денщика-прапорщика, сопровождавшего Романовского. В Харькове они повстречались с Деникиным, ехавшим на Дон переодетым в польского помещика**.

«Марков – денщик Романовского – в дружбе с «товарищами», бегает за кипятком для «своего офицера» и ведет беседы самоуверенным тоном, с митинговым пошибом, ежеминутно сбиваясь на культурную

* После бегства Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского во время октябрьских событий 1917 года Духонин принял на себя временное исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего (до этого был начальником штаба Ставки). 20 ноября (3 декабря) он был арестован в Ставке Могилевским Советом и передан прибывшему красному командованию. В тот же день Духонин был убит толпой солдат и матросов при конвоировании на станции Могилев у вагона нового командующего, прапорщика Н.В. Крыленко.

** См. приложения.

речь. Какой-то молодой поручик, возвращающийся из отпуска в Кавказскую армию, посылает его за папиросами и потом мнет нерешительно бумажку в руке: дать на чай или обидится?», – записал свои впечатления от встречи с Романовским и Марковым Деникин⁸⁹.

1917 год подходил к концу. Среди немногочисленных пока добровольцев и офицеров, собравшихся в Новочеркасске, появился еще один, прибывший до конца исполнить свой долг перед Родиной. Зарождалось Белое движение, одним из лидеров которого суждено было стать прибывшему на Дон С.Л. Маркову. Впереди были последние полгода его жизни, полные тяжелых испытаний и жестокой борьбы: «Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной и униженной России».

У ИСТОКОВ БЕЛОГО ДЕЛА

Первые месяцы существования Белого движения на юге России, овеянные ореолом героизма и самопожертвования, сделали легендарными имена его вождей – Корнилова, Алексеева, Деникина и Маркова. Но если первые трое относились к организаторам Добровольческой армии, ее идейным вдохновителям, то Сергей Леонидович больше запомнился всем как человек, способный повести за собой первых добровольцев и выполнить любую, пусть самую сложную задачу, как командир, лично направляющий свои части в бой, используя весь свой огромный опыт двух военных кампаний и блестящее военное образование. Его героизм, способность находить выход из тупиковых ситуаций стали легендой. «Белый витязь», «шпага генерала Корнилова», «Бог войны», «Ангел-хранитель» – это только некоторые из многих эпитетов, которых он был удостоен. И хотя Марков погиб в самом начале гражданской войны и не принадлежал к вождям белого воинства, его имя стало одним из символов Белого движения. Несмотря на свои монархические взгляды, Марков был человеком довольно далеким от политики, более всего военным, а не приверженцем какой-либо политической партии, и опасался в первую очередь за судьбу своей Родины.

По словам Деникина, в «его ярко-индивидуальной личности нашел отражение пафос добровольчества, свободного от темного налета наших внутренних немощей, от разъедающего влияния политической борьбы. Марков всецело и безраздельно принадлежал армии. Судьба позволила ему избежать политического омута, который засасывал других. <...> Догматизм и политическая нетерпимость были чужды Маркову. Те острые вопросы, которые разъедали и теперь разъедают наши ряды, он решал для себя и за себя, не насилуя ничью совесть и исходя исключительно из так или иначе понимаемой целесообразности. И когда в горячие минуты боя слышался его обычный приказ

«Друзья, в атаку, вперед!» – то части, которыми он командовал, люди, которых он вел на подвиг и смерть, шли без колебаний, без сомнений. Их не смущала пресловутая «неясность и недоговоренность» лозунгов. Они несли свои головы не за революцию, не за реакцию, не за «землю и волю» и не за помещичью реставрацию, не за «рабочий контроль» и не за «эксплуатацию капиталом». Суровая и простая обстановка первых походов и в войнах, и в вождях создавали такую же упрощенную, быть может, военную психологию Добровольчества; одним из ярких представителей ее был Марков. «За Родину!» Страна поработана большевиками, их надо разбить и свергнуть, чтобы дать ей гражданский мир и залечить тяжелые раны, нанесенные войной и революцией. В этом заключалась вся огромная, трудная и благодарная задача Добровольчества. <...> Конечно, Маркова, как человека вполне интеллигентного, не могли не интересовать вопросы государственного бытия России. Но напрасно было бы искать в нем определенной политической физиономии – никакой политической штамп к нему не подойдет. Он любил Родину, честно служил ей – вот и все»⁹⁰.

Очутившись на Дону после годичного наблюдения за развалом Русской армии и безуспешной борьбы за сохранение ее боеспособности, Марков, как и другие первые добровольцы, очутился среди единомышленников – тех, кто приехал на юг России продолжать борьбу против развала русской государственности и политики большевиков. И здесь он приложил всю свою энергию для формирования и организации новой армии. В декабре Сергей Леонидович вместе с Деникиным совершали первые обходы добровольцев, внушая им своим появлением уверенность и стремление к продолжению борьбы:

«17 (30) декабря 1-й Офицерский батальон в первый раз посетил генерал Деникин, которого многие офицеры хорошо знали в лицо, знали о славных боевых делах его 4-й «железной» стрелковой дивизии, и почти все слышали о нем по его смелой речи на офицерском съезде в Ставке. Сняв при входе черное пальто с черным барашковым воротником и трех с головы, генерал, одетый в полевую форму, с двумя Георгиями, обошел строй рот, пожимая руку каждому. Затем он попросил чинов батальона окружить его и, сказав всего несколько фраз о деле, ради которого все собрались в Новочеркасске, повел беседу по вопросам хозяйственного обихода, и только в конце недолгой беседы генерал Деникин сообщил: генерал Корнилов в Новочеркасске, о чем, однако, не следует говорить.

С генералом Деникиным пришел и при обходе рот следовал за ним некто в обветшалом пиджаке, явно не по росту, и обшарпанных и укорашенных длинной бахромой брюках. Неизвестный не носил ни усов, ни бороды, но, видимо, не брился уже с неделю. На него невозможно было не обратить внимание не только за его вид, но и за свободную манеру держаться, пылливость, живость. Добровольцы решили: он, веро-

ятно, адъютант генерала Деникина. Личность неизвестного сильно заинтриговала всех. Представился удобным момент, когда генерал Деникин из одной комнаты, поздоровавшись с частью батальона, перешел в другую, неизвестный подошел к кроватям и стал заглядывать под одеяла.

– А вот у меня, так и подушки нет. Налегке приехал! – весело заметил он. И тут один офицер, ответив на заданный ему вопрос предполагаемым адъютантом, спросил его:

– Простите! А ваш чин?

– А как вы думаете? – игриво был поставлен вопрос.

– Поручик?

– Давненько был. Уже и забыл...

Такой ответ заставил офицером прибавить сразу два чина:

– Капитан?

– Бывал и капитаном, – засмеялся он.

– Полковник? – спросили его, уже начиная подозревать что-то неладное.

– Был и полковником!

– Генерал? – и даже зажмурились – уж вид-то больно неподходящий.

– А разве вы не помните, кто был в Быхове с генералом Корниловым?

– Генерал Марков?

– Я и есть!

Попрощавшись с батальоном, генерал Деникин начал одеваться.

– Одевайся, одевайся, буржуй! – смеясь, сказал генерал Марков, натягивая на себя заношенное серое пальтишко, рукава которого оканчивались где-то посередине между локтем и кистями руки, а воротник украшался имитацией барашка с вытертыми лысынами.

Встреча добровольцев с генералом Деникиным произвела на них большое и радостное впечатление. Они почувствовали в нем не просто Генерала, боевого и славного, но Генерала-Добровольца одного с ними духа и одних стремлений. Они увидели в нем первого авторитетного Генерала, который прибыл вести дело с генералом Алексеевым, до сего времени остававшегося одним и ведущего самостоятельно всю сложную работу по формированию Добровольческой организации. <...> Восторженные разговоры велись о генерале Маркове, которого сразу же все причислили к главным начальникам Добровольческой организации»⁹¹.

24 декабря 1917 года (6 января 1918 г.) Марков был назначен начальником штаба командующего добровольческими войсками, а с января 1918 года принял должность начальника штаба 1-й Добровольческой дивизии. На Маркова легла обязанность по срочному завершению формирования частей и приведению их в боевую готовность. «Он

требовал минимальную численность штабов и при том соответствия их численности частей. Он боролся с «канцелярщиной» и требовал дела. Он был грозой «штабной психологии», за что его не любили одни, но полюбили и оценили все рядовые добровольцы, чувствуя в нем близкого им по духу начальника»⁹².

Деникин писал о характере Сергея Леонидовича: «У Маркова была одна особенность – прямота, откровенность и резкость в обращении, с которыми он обрушивался на тех, кто, по его мнению, не проявлял достаточного знания, энергии или мужества. Отсюда – двойственность отношений: пока он был в штабе, войска относились к нему или сдержанно (в бригаде), или даже нестерпимо (в ростовский период Добровольческой армии). Но стоило Маркову уйти в строй, и отношение к нему становилось любовным (стрелки) и даже восторженным (добровольцы). Войска обладали своей собственной психологией: они не допускали резкости и осуждения со стороны Маркова – штабного офицера; но свой Марков – в обычной меховой куртке, с закинутой на затылок фуражкой, помахивающий неизменной нагайкой, в стрелковой цепи, под жарким огнем противника – мог быть сколько угодно резок, мог кричать, ругать, его слова возбуждали в одних радость, в других горечь, но всегда искреннее желание быть достойными признания своего начальника»⁹³.

И в своей меховой куртке, в белой папахе, Марков часто навещал добровольческие части до начала «Ледяного похода», стараясь вселить, особенно в молодежь, уверенность в победе и возрождении России. Сергей Леонидович был постоянным гостем юнкеров-артиллеристов. Его многое связывало с Константиновским и Михайловским артиллерийскими училищами. В одном он учился, в другом до начала войны преподавал:

«С юнкерской батареей встречал Новый год генерал Марков. Он пришел в помещение батареи, где еще не были вполне закончены приготовления к встрече.

– Не смущайтесь! – сказал он юнкерам. – Я могу быть полезным и при накрывании стола.

Первый гост генерал Марков поднял за гибнущую Родину, за Ее ИМПЕРАТОРА*, за Добровольческую армию, которая принесет всем освобождение. Этим тостом генерал Марков предложил закончить официальную часть. Затем за глинтвейном началась общая беседа. Между прочим, он высказал свою наболевшую мысль, что в этот черный период русской истории Россия не достойна еще иметь Царя, но когда наступит мир, он не может себе представить Родину республикой.

Двухчасовая беседа закончилась такими словами генерала Маркова:

* Выделено – В.Е. Павлов.

– Сегодня для многих последняя застольная беседа. Многих из собравшихся здесь не будет между нами к следующей встрече. Вот почему не будем ничего желать себе – нам ничего не надо, кроме одного: «Да здравствует Россия!»

Протившись с батарейцами, генерал Марков поспешил к своей семье»⁹⁴.

В начале февраля начался 1-й Кубанский «Ледяной» поход, любой рассказ о котором обязательно содержит упоминание об С.Л. Маркове*. Бывший начальник штаба двух фронтов Русской армии становится во главе образованного при переформировании Добровольческой армии в станице Ольгинской Сводно-Офицерского полка, по величине своей равного батальону. Лежанка, Кореновская, Усть-Лабинская, Ново-Дмитровская, штурм Екатеринодара, Медведовская – вехи пути Добровольческой армии в «Ледяном» походе, которые нельзя представить без Маркова.

«Уже почти с первых дней мы, добровольцы, от рядового до командиров, сразу преисполнились глубоким уважением к нему. В отдаваемых им приказаниях он был резок, в выполнении требователен. Он сам за всем наблюдал. Его можно было видеть повсюду – в боях, на самых важных участках, он был там и брал на себя руководство. Где появится генерал Марков, – это означало, что именно тут пункт тяжести, и каков бы он ни был, и каким неразрешимым не казался бы, он своей напористостью заставлял его преодолеть. Добровольцы сразу поверили в генерала Маркова и шли за ним, и не существовало для них преград, когда Марков шел с ними в бой, которых нельзя было преодолеть. Казалось, что не мы, а он, титан, схватился с врагом, а мы – только молчаливые зрители. Как в дневных походах, так и в ночных передвижениях – Марков и тут, Марков и там, и слышится его резкий, повелительный голос, дающий те или иные распоряжения или указания. Его характерная фигура в белой, сильно пожелтевшей папахе, в темно-серой, штатского покроя, ватой подстеганной до колен куртке, с генеральскими погонами, с плетью в правой руке, часто резко поднимавшейся с угрозой, иногда не только рассекавшей воздух, но и ложившейся по плечам, появлялась перед нами в совершенно неожиданных для нас местах, на невысоком, но крепко сложенном коне»⁹⁵.

В апреле Марков был назначен командиром 1-й отдельной пехотной бригады. С июня 1918 года, перед началом 2-го Кубанского похода – начальником 1-й пехотной дивизии. На этой должности он и погиб в бою у станции Шаблиевка 12 (25) июня 1918 года, в самом нача-

* О 1-м Кубанском походе см. Часть 2

ле 2-го Кубанского похода, когда предпоследний снаряд отходящего бронепоезда красных разорвался рядом с генералом, сидящим на коне, и смертельно ранил его...

– Умираю за вас, как вы за меня... – были его последние слова.

Деникин, потрясенный смертью друга и соратника, написал в «Очерках русской смуты»:

«К вечеру тело привезли в Торговую. После краткой литии гроб на руках понесли мы в Вознесенскую церковь сквозь строй добровольческих дивизий. В сумраке, среди тишины, спустившейся на село, тихо продвигалась длинная колонна. Над гробом реял черный с крестом флаг, мелькавший так часто в самых опасных местах боя...

После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей, и отдался своему горю.

Уходят, уходят один за другим, а путь еще такой длинный, такой тяжелый...

Вспомнились последние годы – Галиция, Волынь, Ставка, Бердичев, Быхов, 1-й Кубанский поход... Столько острых, тяжких и радостных дней, пережитых вместе и сроднивших меня с Марковым... Но не только потерял друг. В армии, в ее духовной жизни, в пафосе героического служения образовалась глубокая брешь. Сколько предположений и надежд связывалось с его именем. Сколько раз потом в поисках человека на фоне жуткого безлюдья мы с Иваном Павловичем*, точно угадывая мысль друг друга, говорили со скорбью:

– Нет Маркова...»⁹⁶

Смерть поразила его тогда, «когда Добровольческая армия вышла из окружения на широкую дорогу, когда так нужны были люди таланта, воли и доблести; поразила человека, предназначенного, казалось, самой судьбой для командования Добровольческой армией в составе развернувшихся впоследствии Вооруженных сил юга России. Той армией, которая шла к Харькову и Орлу»⁹⁷.

«И жизнь, и смерть за счастье Родины» – таков был жизненный путь русского офицера-патриота, погибшего в братоубийственной войне и не успевшего в полной мере реализовать свой талант на благо Родины.

Смерть Сергея Леонидовича была трагедией не только для Добровольческой армии, но и для его родных. После смерти Марков оставил одинокими жену и детей.

С окончанием русско-японской войны Марков женился на княжне Марианне Павловне Путятиной и имел двух детей – сына Леонида (родился в 1907 году) и дочь Марианну (родилась в 1909 году).

* Имеется ввиду генерал-лейтенант И П Романовский (Р Г)

Смерть Маркова застала его родных в Новочеркасске, где они оказались еще до приезда Маркова из Быхова. Жена, дети и мать Сергея Леонидовича присутствовали на его похоронах. Последнее, что известно об их судьбе – отъезд за границу весной 1920 года во время новороссийской эвакуации, о чем говорит один из эпизодов марковской полковой истории.

«В штаб военного губернатора Черноморской области генерала Лукомского пришла женщина, скромно одетая, с маленьким сыном. Она пришла, чтобы записаться на эвакуацию. Ожидающих приема было много. В это время в штаб прибыл генерал Шиллинг, бывший начальник Одесской области. Генерал Лукомский принял его, а ожидающим было объявлено, что прием их откладывается на следующий день. Тем не менее, эта женщина обратилась с просьбой к адъютанту, поручику Котягину:

– Не могу ли я просить генерала принять меня после Шиллинга? Я готова ждать. И тут же спросила меня (запись поручика Котягина), какого я полка?

Когда я ей ответил, что марковского, она сказала:

– Я – вдова вашего Шефа, генерала Маркова, – и, указывая на своего мальчишку, спросила, – не узнаете?

Я не понял вопроса, несколько смутился и растерялся. Она, взяв мальчишку за плечо и, указывая на его пальтишко, объяснила:

– Разве не узнаете на сыне Сергея Леонидовича его знаменитой куртки? Я не имела возможности купить материал на пальто сыну и пришлось перешить ему куртку мужа.

«Говорила она что-то о папaxe, но у меня как-то в памяти не удержалось. Какая судьба постигла «Белую папаху», не помню».

Для каждого марковца, и первопоходника в особенности, этот эпизод с «серой курткой» и «белой папaxой» – целая глава о незабвенном Шефе.

Просьба вдовы генерала Маркова была, конечно, удовлетворена, и семья эвакуировалась за границу»⁹⁸.

«Я СМЕРТИ НЕ БОЮСЬ...» генерал-лейтенант С.Л. Марков

Рыцарь, герой, патриот, с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам», – эти слова из приказа генерал-лейтенанта А.И. Деникина о смерти генерала Сергея Леонидовича Маркова от 13 июня 1918 года как нельзя лучше характеризуют сподвижника Деникина и кумира Добровольческой армии. Человек, в котором редко сочетались качества талантливого офицера Генерального штаба, профессора Николаевской военной академии, с храбростью блестящего строевого командира, вобрал в себя пафос Добровольчества, заключавшийся в одном девизе: «За родину!».

Воспитанник 1-го Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса, затем Константиновского артиллерийского училища, Марков был выпущен подпоручиком Лейб-гвардии во 2-ю артиллерийскую бригаду (1898). В октябре 1901 года он зачислен в младший класс Николаевской военной академии Генерального штаба и по окончании двух классов по 1-му разряду и дополнительного курса в мае 1904 года «за отличные успехи в науках произведен в штабс-капитаны»⁹⁹. По собственному желанию молодой офицер отправился на Маньчжурский фронт русско-японской войны. По пути в Мукден, 12 июля 1904 года, в Харбине 26-летний Марков пишет полное тревоги и заботы письмо своей матери – на случай своей смерти, в котором есть такие строки: «Я смерти не боюсь, больше она мне любопытна, как нечто новое, неизведанное, и умереть за своим родным кровным делом разве – это не счастье, не радость?»¹⁰⁰. Уже подводя некоторый итог своей жизни, Марков сознает, что он никогда не сможет довольствоваться малым, и все его способности, энергия и силы должны пойти на одно дело «на мою службу»¹⁰¹. Молодому офицеру оставалось 14 лет жизни, которые он действительно посвятил только одному делу*.

Во 2-й маньчжурской армии штабс-капитан Марков сначала служил в Управлении начальника военных сообщений, а затем, 7 августа 1904 года, был откомандирован в распоряжение генерал-квартирмейстера, в Военно-топографическое отделение, находившееся в то время в г. Ляояне. С 28 июля по 8 сентября 1904 года он выполнил ряд важ-

* Полностью документ – см приложения

ных заданий по рекогносцировке дорог: вначале из Ляояна на Мукден, затем между Мукденом и Сыпингайскими высотами (причем в очень короткий срок он должен был представить генерал-квартирмейстеру кроки важнейших позиций и ответ о пригодности дорог для наступления армии со всеми видами вооружений¹⁰²), и, наконец, в качестве руководителя партии офицеров Марков произвел маршрутную съемку путей для всех корпусов Маньчжурской армии на случай отхода от Мукдена на Телин и далее на север (работы были остановлены на высоте станции Сыпингай)¹⁰³. За это время Марков несколько раз был под огнем японцев: 12 августа, когда они перешли в наступление, и в дни боев под Ляоляном на «высоте 99», и в деревне Шоушаньпу (с 16 по 19 августа), где Марков находился для связи штаба 1-го Сибирского армейского корпуса со штабом Маньчжурской армии¹⁰⁴. Приказом по войскам Маньчжурской армии за № 685 «за отличия в разновременных делах против японцев» Марков был отмечен орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «за храбрость»¹⁰⁵.

В сентябре 1904 года Марков назначается на должность офицера Генерального штаба во вновь сформированный штаб Восточного отряда. 6 октября, исполняя обязанности начальника штаба Восточного отряда, штабс-капитан Марков принял участие в усиленной рекогносцировке местности бригадой пехоты с двумя батареями артиллерии под начальством генерал-майора барона Бринкена¹⁰⁶.

В далекой маньчжурской земле молодого офицера настигло первое большое горе. Раненый 3-го октября во время атаки Путиловской сопки, через десять дней умирает его родной брат¹⁰⁷. Маркова не оставляют мысли о матери, оставленной в Петербурге. Он с болью думает, что будет с ней в случае смерти и его, второго сына. Выстрадавшие им и другими молодыми офицерами пожелания правительству – обратить внимание на одиноких, остающихся почти нищими после смерти сыновей-офицеров, русских матерей и увеличить им в пределах возможного пенсии – Марков направляет в письме в редакцию одной из газет¹⁰⁸. Строки о матери мы находим и в «Страничках из дневника» Маркова, рассказывающих о Всенощной в канун Рождества в 1-м Восточно-Сибирском стрелковом Его Величества полку*. Марков молился в церкви, в которую был превращен солдатский барак-столовая. С гаюляновыми стенами без окон, со скромным иконостасом, наполненная серыми солдатскими фигурами со свечами в руках, она казалась ему «какой-то пещерой первых веков христианства»¹⁰⁹. Одна горячая молитва, молитва без слов, но понятная для всех... Марков перенесся думами в Петербург и представил свою мать в церкви: «на коленях, сторбленная, одинокая, до боли знакомая фигура. Черное траурное платье, мокрое от слез лицо, заглушенные рыдания – вот молитва, вот слезы войны.

* Полностью документ – см приложения

Родная, не плачь, брат нашел славную долю, верь в то, что я вернусь, верь в Того, Кто сохранит тебе последнего сына»¹¹⁰.

Это Рождество Марков встречал на позициях 1-го Сибирского армейского корпуса, в штаб которого он был переведен в декабре после расформирования Восточного отряда¹¹¹, и через некоторое время стал исполняющим обязанности старшего адъютанта штаба. Человек кипучей энергии и недюжинных способностей, Марков и на этой должности сумел проявить себя. Вместе с войсками корпуса он участвовал во всех боях и походах с 7 декабря 1904 года. Январские бои под Сандепу (12–15 января 1905 года), марш-маневр вместе с корпусом в феврале 1915 года с правого фланга всех армий к левому и обратно к г. Мукдену¹¹², все дни Мукденских боев – вехи его фронтовой биографии. Доблесть Сергея Леонидовича за период с 22 сентября 1904 года по 25 февраля 1905 года была отмечена 4-я Орденами: Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В июне 1905 года он был Высочайшим приказом переведен в Генеральный штаб капитаном с назначением старшим адъютантом штаба 1-го Сибирского армейского корпуса¹¹³.

По окончании войны, на основании опыта, вынесенного из нее, Марков пишет ряд обративших на себя внимание статей о боевой подготовке русской армии. Будучи прикомандирован к Лейб-гвардии Финляндскому полку откомандовав один год 4-й ротой (прикомандирование это было засчитано ему за двухлетнее цензовое командование ротой¹¹⁴), в январе 1907 года Марков назначается старшим адъютантом штаба 16-й пехотной дивизии, а с июня 1907 по январь 1908 года он нес службу помощником старшего адъютанта Варшавского военного округа¹¹⁵. Затем в его карьере следует прикомандирование к Главному управлению Генерального штаба и назначение «исправляющим должность помощника делопроизводителя»¹¹⁶. В декабре 1909 года Марков был утвержден в этой должности и произведен в подполковники¹¹⁷. Удачной военной карьере сопутствуют и счастливые события в личной жизни Сергея Леонидовича: женатый на княжне Марианне Павловне Путятиной, он обрадован рождением сына Леонида – в 1907 году, и дочери Марианны – в 1909 году.

В послужном списке Маркова есть сведения о его командировке в Германию с 3 мая по 3 августа 1910 года для усовершенствований знаний немецкого языка¹¹⁸. Вероятно, к этому времени относится яркий эпизод из весьма спорных по своей информативности, «апокрифических» воспоминаний одного из юнкеров Владимирского военного училища в Петербурге¹¹⁹, передающих обстоятельства выполнения Марковым секретного разведывательного задания по фотографированию усовершенствованных фортов немецкой крепости Торн. Заметив

за собой слежку, Марков, не теряя находчивости и присутствия духа, использовал единственное средство спасения – выгребную солдатскую яму, где просидел довольно длительное время, пока немцы не прекратили его поиски. Даже если этот эпизод целиком выдуман, характерна передача его из уст в уста в военной среде Петербурга, по достоинству оценивающая характер и силу воли Маркова.

В октябре 1911 года Сергей Леонидович стал штатным преподавателем Николаевской военной академии, а в декабре 1913 года получил чин полковника.

С началом Первой мировой войны, 22 сентября, Марков был назначен начальником отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (22 сентября 1914 года), ровно через месяц – начальником штаба 19-й пехотной дивизии IX армии¹²⁰, и, наконец, 7 декабря – начальником штаба 4-й Особой стрелковой бригады генерала Деникина (VIII армия)¹²¹, которая, развернутая в дивизию, приобрела название «железной» и оперировала на Юго-Западном фронте против австрийских войск. Военное искусство, проявленное «железными» стрелками, заставило противника считать эту часть лучшей на фронте. Марков как начальник штаба поражал неутомимой энергией, живостью, быстротой ориентировки и смелостью планов. 15 января 1915 года Высочайшим приказом ему пожалован орден Святого Владимира 3-й степени, 5 февраля он был награжден мечами к имеющемуся ордену Святой Анны 2-й степени¹²².

В феврале 1915 года Марков вступил во временное командование 13-м стрелковым Генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полком¹²³ (назначение командиром полка состоялось по Высочайшему приказу 22 сентября 1915 года¹²⁴) «железной дивизии», которая в это время вела бои под Лутовиском на Ужгородском направлении и в результате отбросила австрийцев за реку Сан.

После боя под Творильней в июле 1915 года Марков получил орден Святого Георгия IV степени, а в августе этого же года последовало награждение доблестного офицера Георгиевским оружием¹²⁵. Он был необычным командиром полка, который сам водил в атаки свой полк, воодушевляя солдат своей необычной смелостью. Солдаты подчас боялись своего горячего командира (Марков был «страшным ругателем»), но в то же время обожали за храбрость, прямоту и справедливость. Марков был один воплощенный порыв, он никогда не нуждался в повторении приказа об атаке. Он наступал и преследовал противника с удалью, с увлечением, не раз, как под Журавиным и Чарторыйском, теряя связь со своей дивизией, забираясь в тыл противника, прославив себя и свой 13-й стрелковый полк.

Свою беспримерную военную доблесть Марков проявил в боях под Журавиным, Горыньей, Перемышлем, Луцком, Чарторыйском (во

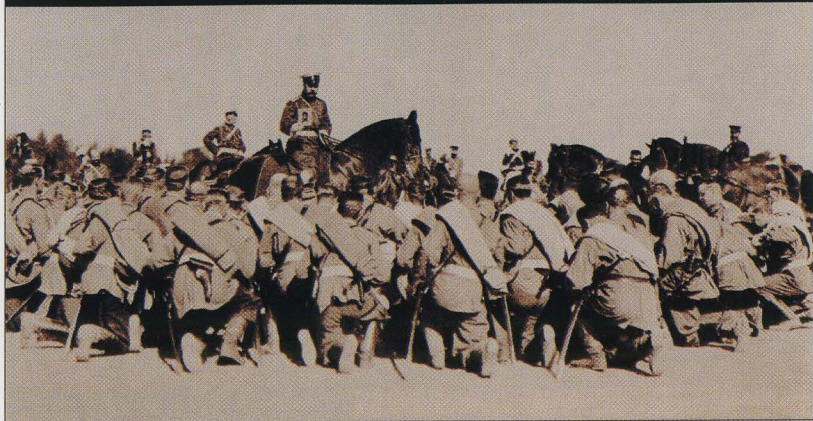

*Группа офицеров, окончивших
Николаевскую академию
Генерального штаба в 1904 г.
и командированных
в распоряжение наместника
на Дальнем Востоке.
Капитан С.Л. Марков
во втором ряду, третий справа
(библиотека академии РВСН)*

*Брат С.Л. Маркова –
подпоручик 86-го пехотного
Вильманstrandского полка
Леонид Леонидович Марков.
Ранен 3 октября 1904 г.
на Новгородской и 13 октября
умер от ран в лазарете
Евгеньевской общины
(РГПИБ)*

*Николай II провожает на фронт
части 1-го армейского корпуса
(библиотека академии РВШ)*

*Офицеры 2-го батальона
4-го Восточно-Сибирского полка 1-го Сибирского армейского корпуса
(библиотека академии РВШ)*

*Купажанцаго со
марк Сергій Марков*

„Знаіе своего противника— есть
важнйшій залогъ успѣха военныхъ
дѣйствій“.

1924/11

С. Петербург

ВОЕННАЯ ГЕОГРАФІЯ

0-3258

ВНТ 741

I. Военная организація

Германіи, Австро-Венгріи, Румыніи, Турціи, Китая
и Японіи.

II. Краткій обзоръ

иностранныхъ пограничныхъ театровъ.

Составили, примѣнительно къ программѣ 1910 г., преподава-
тели Павловскаго и Владимірскаго военныхъ училищъ Генера-
льнаго Штаба Полковникъ ГИССЕРЪ и Подполковникъ
МАРКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.
1911 г.

Титульный лист учебника военной географии с личным автографом
С.Л. Маркова (РГПИБ)

ВОЕННАЯ ГЕОГРАФІЯ РОССІИ.

ОКЛАДЪ.
* УЧЕБН. ПОСОБ. *
с Д. В. ЧАСТЬ.)
(ПРИКЛАДНАЯ ЧАСТЬ.)

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ ТЕАТРОВЪ
ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Составили преподаватели Павловскаго и Петербургскаго
военныхъ училищъ Генеральнаго Штаба Полковникъ
ГИССЕРЪ и Капитанъ МАРКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.
1909 г.

Титульный лист учебника военной географии (РГПИБ)

*Генерал-квартирмейстер Ставки
генерал-лейтенант С.Л. Марков. 1917 г.
(ГА РФ)*

Генерал С.Л. Марков. 1917 г.

*Генерал С.Л. Марков среди участников
съезда военных редакторов.
Направо от генерала,
сидящего в центре – председатель
съезда капитан А.П. Брагин
(ГА РФ)*

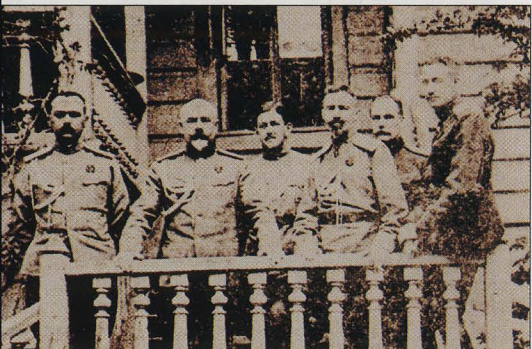

Штаб Верховного
Главнокомандующего
и представители
союзных держав:

- 1) начальник штаба
Верховного
Главнокомандующего
генерал-лейтенант
А.И. Деникин,
- 2) начальник морского
штаба адмирал Русин,
- 3) майор Эдвардс
(Великобритания),
- 4) генерал Бэрчер
(Великобритания),
- 5) генерал Ромен
(Италия),
- 6) полковник Маренго
(Италия),
- 7) генерал-адъютант
М.В. Алексеев,
- 8) генерал Коанда
(Румыния),
- 9) первый генерал-
квартирмейстер
генерал-лейтенант
Я.Д. Юзефович,
- 10) второй генерал-
квартирмейстер
генерал-лейтенант
С.Л. Марков,
- 11) командир
Георгиевского батальона
полковник
Н.С. Тимановский.
(ГА РФ)

В Ставке. Могилев. 1917 г.

Слева направо: генерал-лейтенант С.Л. Марков,
генерал-лейтенант А.И. Деникин,
генерал-адъютант М.В. Алексеев (ГА РФ)

Генералы А.И. Деникин
и С.Л. Марков
в Могилеве. 1917 г.
(ГА РФ)

Быховские узники:

1. Генерал Л.Г. Корнилов 2. Генерал А.И. Деникин
3. Генерал И.Г. Эрдели 5. Генерал Е.Ф. Эльснер 6. Генерал А.С. Лукомский
7. Генерал И.П. Романовский 9. Генерал С.Л. Марков

В Быховской тюрьме. На прогулке.
Слева направо: генерал-лейтенант
С.Л. Марков, генерал-лейтенант
А.И. Деникин, генерал-лейтенант
И.П. Романовский (ГА РФ)

Быховская тюрьма.
Здание бывшей женской гимназии
(ГА РФ)

Легко быть сильным в пустыне, помня
что смерти лучше пурной существование
в гниющей, униженной России

4 мая
1917г

С. Марков

Автограф С.Л. Маркова
(ГА РФ)

Рабочая модель
памятника
С.Л. Маркову.
Скульптор В. Суворцев.
2001 г. Находится
в музее Академии РВСН
имени Петра Великого
(бывшем Михайловском
артеллерийском
училище, где преподавал
Марков)

время Луцкой операции в сентябре 1915 года «Железная Дивизия» взяла в плен 150 офицеров, 9773 солдата и много различных трофеев)

В 13-м стрелковом полку Сергей Леонидович оставался больше года, а в апреле 1916 года, вопреки своему желанию, был переведен на Кавказ и назначен начальником штаба 2 й Кавказской казачьей дивизии (с переводом в Генеральный штаб)¹²⁶ Но и здесь он лично участвовал в боях

Осенью 1916 года Маркова вызвали в Петроград для чтения лекций по общей тактике в Николаевской военной академии Молодой боевой генерал сразу удостоился любви слушателей первых ускоренных курсов военного времени необычного состава – все они были офицерами, имевшими Георгиевский крест или Георгиевское оружие Образная речь молодого преподавателя, громадный запас примеров из личного опыта японской и мировой войн, всегда резкие умозаключения покорили аудиторию с первой лекции Да и были это скорее не лекции, а захватывающие беседы с соратниками, сверкавшие живой мыслью, порвавшей с шаблонами прошлого и ищущей новых путей вызывавшей офицеров на диспут, возражения, критику На прощание в академический праздник, Марков напутствовал офицерскую молодежь « Хотя я здесь призван уверять Вас, что ваше счастье за письменным столом, в науке, но я не могу, это выше моих сил нет, ваше счастье в подвиге, в военной доблести, на спине прекрасной лошади Идите туда, на фронт, и ловите ваше счастье»¹²⁷ Восторженная молодежь подняла на руки своего преподавателя

С началом революции генерал Марков принял (с февраля 1917 года) должность 2 го генерал квартирмейстера при Ставке (Его бывший начальник «железной» дивизии генерал А И Деникин стал начальником штаба Верховного главнокомандующего) Генерал Марков, лояльно служа Временному правительству, говорил спорил, ругался, «ублажал», как он выражался, «полуграмотных в военном деле чинов комитета» и «несведущих, фантазирующих, претендующих на особую роль комиссаров» Но очень быстро, теряя терпение, выходя из себя, понял, что армию они погубили Кроме того, служба в Ставке была не по нутру Маркову с его бодрым, энергичным характером «Не по мне эта штабная служба Святое дело строй, но где же он? – говорил Сергей Леонидович в это время – Кажется, снял бы свои генеральские погоны и бросил в лицо этим негодяям, погубившим русскую армию Но надо подождать»¹²⁸

Ждать ему пришлось до ноября 1917 года Еще суждено было ему занять должность начальника штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта генерала Деникина (с мая 1917 г), затем, с переходом Деникина к командованию армиями Юго-Западного фронта – на чальника штаба Юго Западного фронта (с августа 1917 г), уже в звании генерал лейтенанта Вместе с генералами Деникиным и И Г Эр

дели за поддержку Корниловского выступления (из пяти Главкомандующих фронтами только Деникин выразил солидарность с Корниловым, послав резкую телеграмму Временному правительству) Марков также был смещен с должности и после ареста переведен из Бердичева (где находилась Ставка армии) в Старый Быхов Могилевской губернии. Путь генералов бывшей русской армии по Бердичеву с Лысой горы до вокзала 26 сентября 1917 года был ужасен. Разнузданная озверевшая солдатская толпа превзошла саму себя в гнусностях и издевательствах над своими славными командирами, так что прибыли они в Быхов заброшенные грязью, некоторые с кровоподтеками. «Марков! Голову выше! Шагай бодрее!», – кричали «товарищи»¹²⁹. Но Марков не терял присутствия духа – он, не переставая, резко отвечал на брань и окрики солдат. От самосуда генералов спасла только охрана из юнкеров.

В Быховском заключении узников охранял Текинский полк; верные соратники генерала Корнилова помогли бежать генералам. Утром 19 ноября, освобожденные по распоряжению начальника штаба Ставки генерала Духонина, генералы Деникин, Лукомский, Романовский и Марков отбыли на Юг (ночью генерал Корнилов). «Быховские пленники» ехали на Дон по одному или по два, в костюмах солдат, рабочих. Марков искусно играл роль денщика «прапорщика» генерала И.П. Романовского.

В Добровольческой армии генерал Марков развернулся во всю ширь своей натуры. Если поля сражений в японской и Первой мировой войнах принесли ему заслуженную боевую славу, то в 1-м Кубанском походе имя Маркова стало легендарным, рассказы о его безрасудной храбрости, блестящем исполнении военных задач любой сложности передавались из уст в уста.

Во время двухмесячного наступления большевиков на Ростов генерал Марков руководил Батайским фронтом, организовав оборону важнейшего подступа к городу с горстью храбрецов, среди которых выделялась Морская рота.

В момент выхода Корнилова из Ростова, 9 февраля 1918 года, в начале Корниловского – 1-го Кубанского – «Ледяного» похода Добровольческой армии Марков находился в Заречной, откуда ушел по льду левым берегом Дона к станице Ольгинской. Здесь, 12 февраля, при реорганизации армии он получил в командование Офицерский полк, в состав которого вошли три Офицерских батальона разного состава, Кавказский кавалерийский дивизион и Военно-Морская рота. В итоге в полку четырехротного состава (примерно по 200 человек в роте) на положении рядовых оказались почти все офицеры (всего из 3689 участников 1-го Кубанского похода количество офицеров вдвое превышало количество нижних чинов). «Немного же вас здесь. По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал уви-

деть больше. Но не огорчайтесь. Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем, а то все равно скажу, что идем мы... за синей птицей... Командиры батальонов переходят в положение ротных командиров; но и тут вы, господа, не огорчайтесь. Ведь и я с командующего фронтом фактически перешел в батальон»¹³⁰, – говорил своим «рядовым офицерам» Марков на параде Добровольческой армии в станице Ольгинской.

Армия уходила... Куда? Никто не знал и не мог знать. Каждое утро Офицерский полк выступал походным порядком в авангарде армии, и всегда впереди – Сергей Леонидович «в белой высокой папахе, черной куртке с белыми генеральскими погонами и брюках и сапогах русского фасона»¹³¹. Резкие русские черты лица, и такая же резкая характерная речь, на слова не скупился...

21 февраля 1918 года под селением Лежанка на границе Ставропольской губернии полк выдержал первый серьезный бой, имевший огромное нравственное значение для Добровольческой армии. Марковцы показали, что лучший способ разбить большевиков – решительное наступление, не останавливаясь перед естественными преградами. Имея силы в 2 полка и 2 батареи 39-й пехотной дивизии и защищая мост через реку Средний Егорлык энергичным артиллерийским огнем, большевики не ожидали, что марковцы, наступавшие длинной цепью, как на параде, «шагом, выровнявшись, винтовки у ноги»¹³², бросятся прямо в реку (1-я Офицерская рота) и, не останавливаясь, далее вперед. Другая рота во главе с Марковым бросилась на мост, и через несколько минут Лежанка была в руках у белых. В этом бою большевики оставили убитыми 540 человек, потери добровольцев составили всего 3 человека 1-й офицерской роты.

После этого боя Добровольческая армия делала многоверстные переходы по Кубани, и переправы через реки для добровольцев стали обыденным делом: 4 марта 1918 года в бою под станицей Кореновская, в котором со стороны большевиков участвовало 10000 человек с двумя бронепоездами и многочисленной артиллерией¹³³, полк Маркова совершил такой же подвиг, обойдя станицу с левого фланга. Задача взять Кореновскую во что бы то ни стало (иначе невозможно было идти дальше к Екатеринодару, находившемуся уже в 70 верстах), была выполнена.

В марте Добровольческая армия, окруженная врагом со всех сторон, вела почти ежедневные бои, и в каждом отличался своей доблестью полк Маркова: 1 марта – у станицы Березанской, 2–3 марта – у станицы Выселки, 7–8 марта – в переправе с боем через Лабу у станицы Некрасовской, 9 марта – в бою у станицы Филипповской, 10 марта – спасая критическое положение армии при переправе через реку Белую. Перед каждым сражением Марков, в неизменной

белой папахе, с нагайкой в руке, появлялся перед своими рядовыми офицерами: «Здравствуйте, мои друзья», – было излюбленным его приветствием. В отдаваемых приказаниях он был резок, в выполнении их требователен. В боях он появлялся неожиданно на самых ответственных участках и брал на себя руководство. Добровольцы верили своему командиру, повинуюсь одному его слову, и не существовало для них преград, которых нельзя было преодолеть, когда Сергей Леонидович вел их в бой.

Одно из доказательств тому – беспримерный переход Офицерского полка под станицей Ново-Дмитриевской, движение на которую было предпринято 15 марта с целью соединения с Кубанской армией. Этому походу из аула Шенджий погода не способствовала: проливной дождь, затем ветер, снег, выпавший почти по колено, и мороз, перешедшие в снежную ледяную вьюгу, привели к тому, что промокшие люди стали покрываться ледяной коркой. Лошади, вывезшие на позиции пушки, падали одна за другой. Вечером Марков подошел с авангардными частями к речке Черной. Мост был смыт поднявшейся водой. Недолго думая, Марков первым бросился в ледяную воду с возгласом «Вперед, за мной!» и вброд перешел реку, за ним – 1-я офицерская рота¹³⁴. Остальному полку Марков организовал переправу на крупах лошадей, которая была очень тяжела в ледяной воде насквозь промерзшим людям. «Сыровато!» – единственное слово, которым мог командир их приободрить. Подтянув весь полк, Марков ворвался в станицу и вступил в рукопашный бой с большевиками¹³⁵, отчаянно защищавшимися. Этот переход и бой по праву можно назвать Марковскими.

В Ново-Дмитриевской Добровольческая армия, соединившись с Кубанской и увеличившись почти до 6000, провела целую неделю. При реформировании частей генерал Марков получил в командование 1-ю Отдельную пехотную бригаду: к его Офицерскому полку был придан 1-й Кубанский стрелковый полк, две батареи артиллерии, 1-я инженерная рота. У кубанцев-добровольцев, от рядового до командира¹³⁶, Марков сразу же снискал любовь, преданность и веру, те же чувства, что и в родном полку. Генерал сам входил во все дела бригады, во все детали, чтобы быть в курсе любого вопроса. Но не только требовательность и строгость отличала его, но и то, что умел в любой нужде защитить своих подчиненных, интересы своей бригады. Нравились его витиеватые шутки, на которые он был мастер. Сам Сергей Леонидович скромно объяснял свое влияние не своими талантами, а только тем, «что живет жизнью солдат и разделяет все опасности со своими подчиненными»¹³⁷.

Во главе 1-й бригады Марков двигался к Екатеринодару – главной цели Добровольческой армии. 24 марта была взята станица и станция Георгие-Афипская: бригада Маркова ворвалась в станицу с востока,

совместно с другими частями разгромив до 1000 человек красных и захватив до 700 артиллерийских снарядов. 26–27 марта последовала паромная переправа через реку Кубань у станицы Елизаветинской: «В продолжении нескольких дней мы видели на пароме высокую фигуру нашего любимца в белой папахе с пистолетом в руке, распоряжавшегося переправой войск и раненых»¹³⁸, – свидетельствует очевидец о Маркове.

28 марта 1918 года начались бои Добровольческой армии за овладение столицей Кубани. Но бригада Маркова, находившаяся в арьергарде, еще не подтянулась к Екатеринодару. С ее прибытием Корнилов решил возобновить наступление на город общим фронтом, нанося главный удар с северо-запада и окраину. На второй день штурма, 29 марта, в 12 часов 45 минут генералу Маркову был отдан приказ: «овладеть конно-артиллерийскими казармами, а затем наступать вдоль северной окраины, выходя во фланг частям противника, занимающего Черноморский вокзал»¹³⁹. Атака, начавшись в 17 часов (она была подготовлена всего 7-ю снарядами – до такой степени приходилось экономить снаряды), увенчалась успехом: артиллерийские казармы были взяты 1-й бригадой генерала Маркова, которая стала закрепляться под сильным огнем противника. Все, кто видел в этой атаке генерала Маркова под оглушительной стрельбой пулеметов, бомбометов и слышал его повелительный голос «Друзья, в атаку, вперед!», невольно подумали: «Бог войны».

Добровольческая армия не смогла использовать успех бригады Маркова: противник значительно превосходил силами – 28000 человек с 2–3 бронепоездами и 20–25 орудиями. Потери добровольцев под Екатеринодаром составили до 50%. На военном совете 30 марта все, кроме генералов Корнилова и Алексеева, были за прекращение штурма Екатеринодара. Насколько велика была усталость, свидетельствует то, что генерал Марков тут же, во время совещания, уснул, сидя в углу на соломе: сказались две бессонные ночи и крайнее напряжение. Он громко заявлял, что его люди не выдержат. Когда же все-таки новый штурм Екатеринодара был назначен на утро 1 апреля, Марков, вернувшись к себе, сказал своим разведчикам: «Наденьте чистое белье, у кого оно есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если возьмем, то погибнем»¹⁴⁰.

Смерть Корнилова 31 марта отменила повторный штурм столицы Кубани. Новый командующий Добровольческой армией генерал Деникин принял решение об отходе на север... К ночи на 1 апреля армия подошла к немецкой колонии Гначбау. Следующий день был ужасен – все усиливающаяся стрельба красных, снаряды падали по всей колонии, убивая лошадей, добывая раненых. Настроение добровольцев, потрясенных смертью Корнилова, было крайне подавленное. Поползли темные слухи...

Спасением своим Добровольческая армия почти всецело обязана Маркову, проявившему необычайное мужество и находчивость в ночном бою со 2-го на 3-е апреля у станции Медведовской. Приказ Деникина за № 198, изданный в самый тяжелый день для армии, 2 апреля 1918 года, при выступлении из Гначбау на станцию Дядьковскую, гласил: «Генералу Маркову с частями 1-й бригады выступить из колонии Гначбау в 17 часов и следовать по направлению Медведовской, по взятии которой выставить заслоны к северу и югу по железной дороге, по проходе обоза следовать за ним, составляя арьергард»¹⁴¹. Армия в полторы тысячи человек собралась для последнего броска, оставалась последняя возможность проскочить через железную дорогу у станции Медведовской.

Около 4 часов утра части Маркова стали переходить через железнодорожное полотно. Марков, захватив железнодорожную сторожку у переезда, расположив пехотные части, выслал разведчиков в станцию для атаки противника, спешно начал переправу раненых, обоза и артиллерии. Внезапно от станции отделился бронепоезд красных и пошел к переезду, где уже находился штаб вместе с генералами Алексеевым и Деникиным. Оставалось всего несколько метров до переезда – и тут Марков, осыпая бронепоезд нещадными словами, оставаясь верным себе: «Стой! Такой-растакой! Сволочь! Своих подавишь!», бросился на пути. Когда тот действительно остановился, Марков отскочил (по другим сведениям тут же бросил гранату), и сразу две трехдюймовые пушки в упор выстрелили гранатами в цилиндры и колеса паровоза. Завязался горячий бой с командой бронепоезда, которая в результате была перебита, а сам бронепоезд – сожжен¹⁴². В центре боя, вплотную к стене бронепоезда – Марков. Его распоряжения и голос доминировали над всем. Трофеи, захваченные в этом бою – до 100000 орудийных патронов и 400 артиллерийских снарядов¹⁴³ – вселили в добровольцев надежду на успех.

В станции Дядьковской Добровольческая армия была вынуждена оставить своих тяжелораненых. «Ваше Превосходительство, правду ли говорят, что мы окружены?», – обратился к генералу Маркову доктор. – «Совершенно верно, мы окружены», – спокойно ответил Марков. И, глядя на печальное лицо доктора, закончил, садясь на своего коня: «Знаете, доктор, Г... тот начальник, и Г...ые те войска, которые не прорвут окружения»¹⁴⁴.

Добровольческая армия с честью вышла из окружения... Деникин вывел ее на отдых в станцию Успенскую, и здесь была получена долгожданная весть. Вернулся полковник Борцевич, посланный на разведку на Дон с делегацией от казаков из южных станций. Донцы заявили, что весь Дон готов к восстанию и только ждет на помощь Добровольческую армию. Это предопределило дальнейшее движение: на Дон – было единогласным решением¹⁴⁵.

16 апреля добровольцы выступили из Успенской. На страстной неделе вновь заняли Лежанку. 19 апреля, уже в пределах Донской области, выдержали тяжелый бой под станицей Мечетинской и разбили отстававших большевиков в слободе Гуляй-Борисовка. Поддержав восставших донцев, заняли район станиц Мечетинской, Кагальницкой, Хомутовской.

Для пополнения армии оружием, снаряжением, патронами, а также с целью парализовать передвижение красных войск, Деникин решил захватить в свои руки участок Владикавказской железной дороги: станции Крыловская, Сосыка-Ейская, Сосыка-Владикавказская. Бригаде Маркова был поручен набег на Сосыку, закончившийся удачно в смысле захвата трофеев (Маркову в руки попало 3 поезда с 70-ю пулеметами), но обошедшийся слишком дорого: 1-я Офицерская рота потеряла 27 человек убитыми и 44 ранеными¹⁴⁶.

30 апреля, с окончанием этой операции, завершился и Первый Кубанский поход, во время которого Добровольческая армия потеряла две трети своего состава – более 3000 человек, возила 1200 человек ранеными, провела 35 из 75 дней в боях, выдержала 20 крупных столкновений, совершила 10 переходов через реки, 8 раз переходила через железную дорогу.

К 1 мая 1918 года вся армия сосредоточилась в районе станиц Мечетинская – Егорлыцкая. Бригада генерала Маркова, расположившаяся в Егорлыцкой, приводила себя в порядок, починаясь; 1-й Офицерский полк ушел на отдых в Ростов-на-Дону. В одно майское утро генерал Марков собрал чинов своей бригады в помещении станичной школы и после своей речи о значении 1-го Кубанского похода, указывая на лежавшие на столе бумаги, сказал: «Вот здесь лежат несколько рапортов... их подали мне некоторые из чинов моей бригады. Они устали... желают отдохнуть... И я задаю себе и им вопрос: одни ли они устали?... Одни ли они желают отдохнуть?... и где?.. А если, паче чаяния, они нашли бы где-либо желанный отдых, то пусть знают, за чьей спиной они будут отдыхать!»¹⁴⁷. После столь гневной отповеди большинство из подавших рапорты тут же забрали их обратно.

Приехав в Новочеркасск, Марков в первую очередь навещал своих раненых в госпиталях, справляясь об их здоровье и желая скорейшего возвращения в строй. В Офицерском летнем собрании Марков выступил с докладом о 1-м походе, о целях и задачах Добровольческой армии, о необходимости восстановления Великой России. Слушали генерала с исключительным вниманием, оратор он был превосходный.

В начале июня 1918 года Добровольческая армия, отдохнув и пополнившись более чем вдвое (ее ряды увеличились до 10000 бойцов), двинулась во Второй Кубанский поход. 1-я пехотная бригада переформировалась в 1-ю пехотную дивизию, начальником ее остался генерал Марков. В состав дивизии вошли 1-й Кубанский стрелковый

полк под командой полковника Туненберга, батарея артиллерии полковника Миончинского, Саперная команда, Ординарческая команда при генерале Маркове, его помощник полковник Тимановский (заменивший штаб). Офицерский полк еще не подтянулся из Ростова.

Генерал Марков во главе 1-й пехотной дивизии, вместе с другими частями 2-й группы Добровольческой армии, 1-й конной дивизией генерала И.Г. Эрдели и донскими частями полковника И.Ф. Быкадорова, направился к линии железной дороги Тихорецкая – Царицын с целью ее перерезать. 12 июня части Маркова подошли к железнодорожной ветке Царицын – Торговая и встретили сильное сопротивление красных у хутора Попова (конный завод), лежащего вплотную к станции Шаблиевка. Бой сильно затянулся, но все же к полудню, сломив сопротивление противника, марковцы стали занимать хутор Попова. Его взятие решило и участь станции Шаблиевки, от которой начался отход красных. Марков выслал им вслед несколько сотен пехоты, чтобы занять станцию, и распорядился о высылке к 9 часам вечера команды подрывников для порчи железнодорожного пути в сторону станции Великокняжеской¹⁴⁸. Сам же он перешел на открытое место вместе с полковниками Туненбергом и Тимановским и начальником пулеметной команды Э.Ф. Кариусом и устроил для себя наблюдательный пункт на сложенных в рост человека железнодорожных шпалах, чтобы лучше видеть обстановку возле Шаблиевки в бинокль. Но тут же появившейся группе офицеров артиллерия красных открыла огонь... Едва успев распорядиться об уходе из сферы огня, Марков был брошен на землю новым взрывом гранаты... Тяжело раненого в голову и левое плечо, его отнесли в дом, где в четвертом часу ночи 13 июня 1918 года он скончался, ненадолго придя в себя. Перед смертью он попросил поднести находившуюся в доме икону Казанской Божией Матери и ею благословил Кубанский стрелковый полк¹⁴⁹.

Наутро дивизия Маркова провожала своего героя-командира... Командир полка сказал глубоко прочувствованное слово, многие кубанцы рыдали.

В 5 часов 13 июня тело Маркова было перенесено в украшенный зеленью вагон на вокзале, и поезд с почетным караулом от 1-го отделения Инженерной роты отошел на станцию Торговую, где тогда находился штаб командующего армией. Здесь генерал Деникин попрощался со своим верным соратником, оставив красноречивую запись на венке: «И жизнь, и смерть за счастье Родины». Его приказом 1-й Офицерский полк стал именоваться «1-й Офицерский генерала Маркова полк».

В Новочеркасске, в церкви епархиального училища была отслужена панихида по Маркову, на которой в почетном карауле стоял Офицерский полк. 15 июня было совершено отпевание в Войсковом Соборе, и состоялось погребение на кладбище, где, помимо семьи, генерала

Алексеева и Офицерского полка, присутствовала половина жителей Новочеркасска. Все поголовно плакали во время патриотической речи генерала Алексеева, в которой он подчеркнул верность Маркова России и его жертвенность христианина-воина. Став на одно колено, генерал обратился к матери Сергея Леонидовича: «Благодарю вас, матушка, от имени Земли Русской за то, что вы воспитали сына-рыцаря без страха и упрека!..»¹⁵⁰. Полк дал салют...

Имя Сергея Леонидовича Маркова безупречно и славно. Офицер, Доброволец, Военный вождь, он любил Родину и честно и мужественно служил ей.

БИБЛИОГРАФИЯ

С.Л. Маркова

Бобин, Марков, Менжинский. География внеевропейских стран. – Пг., 1915.

Еще раз о Сандепу. 1-й Сибирский армейский корпус в боях под Хейгоугаем с 11 по 15 января 1905 г. Из дневника офицера, причисленного к Генеральному штабу. С.Л.М. – Спб., /Б.г./.

Гиссер Г.Г., Марков С.Л. Военная география иностранных государств. – Спб., 1911.

Гиссер Г.Г., Марков С.Л. Военная география России (прикладная часть). Исследование отдельных театров военных действий. – Спб., 1909.

Гиссер Г.Г., Марков С.Л. Военная география России (прикладная часть). Исследование отдельных театров военных действий. – 2-е издание. – Спб., 1911.

Марков, капитан. Операция на реке Шахэ. Действия Восточного отряда генерал-лейтенанта Штакельберга. // Русско-японская война в сообщениях академии Генерального штаба. / А. Баиов. – Спб., 1906. – С. 305-339.

Марков С.Л. Записки по истории Русской армии. 1856-1891. – Спб., /1910/.

Приказы Скобелева в 1877-1878 гг. Составил и редактировал Генерального штаба капитан Марков. – Спб., /Б.г./.

БИБЛИОГРАФИЯ о С.Л. Маркове

А.Г. Из встреч с генералом Марковым. // Донская Волна. – Екатеринодар. 1918. № 3 от 24 июня. С. 5-6.

Ангел-хранитель: памяти генерала Маркова. // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1963. № 17. С. 13-14.

Васильев полковник. Из воспоминаний. // Первопоходник. – Лос-Анжелес. 1971. № 1. С. 15-17.

Веригин В. Генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков – солдат, гражданин и патриот. // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1968. № 82-83. С. 9-12.

В.К. Из Быхова на Дон. // Донская Волна. – Екатеринодар. 1918. № 3 от 24 июня. С. 6.

Д. Генерал Марков. // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1963. № 26. С. 18-19.

Деникин А.И. Генерал Марков. // Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. – Париж, 1921. – С. 94-101.

Деникин А.И. Генерал Марков (к 35-летию со дня смерти). // Часовой. – Париж. 1953. № 335 (10). С. 13-14.

Демьяненко Я. Маленькое воспоминание о генерале С.Л.Маркове // Военная быль. 1961. № 51. С. 20.

З.У. Генерал Сергей Леонидович Марков (Маленькие сценки). // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1967. № 75. С. 22.

Игорь Владимирович. Славной памяти генерала Маркова. Стихотворение. // Первопоходник. – Лос-Анжелес. 1974. № 19. С. 56.

/К 50-летию со дня смерти генерала Сергея Леонидовича Маркова/. // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1968. № 82-83. С. 2.

Камилин Я. Генерал Сергей Леонидович Марков. – Ростов-на-Дону, 1919.

Кариус Э.Ф. Ледяной... // Вестник Первоходника. – Лос-Анжелес. 1961. № 3. С. 20-21.

Николаев К.Н. Белый Витязь. // Часовой. – Париж. 1958. № 388 (6). С. 12.

Приказ по Добровольческой армии № 322 13 июня 1918 г. Село Воронцовское. // Первоходник. – Лос-Анжелес. 1974. № 19. С. 53.

Р. Незабвенной памяти генерал-лейтенанта С.Л. Маркова. // Донской Край. 1918. № 47. 16 июня 1918 г.

Р. Незабвенной памяти генерал-лейтенанта С.Л. Маркова. // Первоходник. – Лос-Анжелес. 1974. № 19. С. 53-56. (Воспроизведение статьи из «Донского края»).

Свободный Казак. – Екатеринодар. 1919. № 15.

Туземцев Н. Генерал Марков. // Донская волна. – Екатеринодар. 1919. № 3.

Чибиринов А. Заветы. // Вестник Первоходника.. – Лос-Анжелес. 1964. № 37-38. С. 7-8.

Шаблиевка. – Париж, 1933.

Эльснер Е. Памяти генерала С.Л. Маркова. // Жизнь. – Ростов-на-Дону. 1919. 13 июня.

Эльснер Е. Памяти генерала С.Л. Маркова. // Первоходник. – Лос-Анжелес. 1975. № 25. С. 43-45. (Воспроизведение статьи из газеты «Жизнь»)

Примечания

- 1 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. – Париж, 1921. С. 95.
- 2 Толстой А.Н. Хождение по мукам. – Л., 1985. С. 330-331.
- 3 РГВИА. Ф. 310. Оп. 2. Д. 659. Лл. 330-331 об., 151-151 об.
- 4 Среди работ академии, выполненных учащимися в 1903 году, упоминается работа поручика Маркова «Война 1848-1849 гг. Действия на Трансильванском театре» (сдана 8 октября 1903 года). – РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1755.
- 5 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 2.
- 6 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- 7 Получив задание 8 августа, к 14-му Марков уже должен был представить подробный отчет о рекогносцировке, представив при этом краткое описание пути большой протяженности, его препятствиях и пригодности для 3-х родов оружия. – РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- 8 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2, 3.
- 9 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
- 10 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Лл. 7, 8, 9; Ф. 409. Оп. 2. Д. 37647. Л. 17.
- 11 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
- 12 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- 13 Новое Время. 1905. № 10458. С. 7. С.Л. Марков пишет, что Л.Л. Марков погиб во время атаки Путиловской сопки. – РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
- 14 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
- 15 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- 16 Еще раз о Сандепу. 1-й Сибирский армейский корпус в боях под Хейгоутам с 11 по 15 января 1905 г. Из дневника офицера, причисленного к Генеральному Штабу. С.Л.М. – Спб., /Б. г./ . Марков пишет, что источниками для работы послужили: «1) мои личные наблюдения как участника боя, находившегося все время в штабе 1-го Сибирского корпуса; 2) веденный тогда же мною дневник и, наконец, 3) копии с реляций, донесений, диспозиций и инструкций». – Там же. С. 1.
- 17 Текст печатается с сокращениями по: Еще раз о Сандепу... С. 1-51.
- 18 Деникин А.И. Путь русского офицера. – М., 1990. С. 155, 158.
- 19 Еще раз о Сандепу... С. 54-55.
- 20 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 3.
- 21 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
- 22 Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 183.
- 23 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 4.

- 24 Там же. Л. 4.
 25 Там же. Л. 4.
 26 Там же. Л. 4; Список полковникам по старшинству. Исправлен по 1-е августа 1916 года. Пг., 1916. С. 133.
 27 Там же.
 28 Согласно приказу по Михайловскому артиллерийскому училищу от № 263 20 сентября 1911 года, объявляющему список преподавателям, приглашенным на 1911/1912 гг., Марков числится среди преподавателей по условию с годовым окладом в 100 руб. (РГВИА. Ф. 310. Оп. 1. Д. 123. Лл. 316-317.); приказ № 263 от 19 сентября 1912 года содержит сведения о преподавателях, приглашенных на 1912/1913 гг. Подполковник Марков числится среди приглашенных преподавателей с годовым окладом в 200 руб. (Там же. Д. 124. Лл. 322-322 об.).
 29 Отвечая в 1914 году на замечания по тексту учебника «Военной географии», Марков писал: «Мое введение (определение, что и как изучают в отделе прикладной географии) является не теоретическим придуманным положением, а результатом 6-летней практической деятельности преподавателя. Как преподаватель я не указываю, а останавливаюсь лишь на вопросах, как изучать...». – РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 677. Л. 34.
 30 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Кн. 1. – Париж, 1962. С. 380-382.
 31 З.У. Генерал Сергей Леонидович Марков (Маленькие сценки). // Вестник Первопоходника. Лос-Анжелес. 1967. № 75. С. 22-23.
 32 Гиссер Г.Г. Марков С.Л. Военная география России (прикладная часть). Исследование отдельных театров военных действий. – Спб., 1909.
 33 Там же. С. 1.
 34 Гиссер Г.Г. Марков С.Л. Военная география России (прикладная часть). Исследование отдельных театров военных действий. – 2-е издание. – Спб., 1911.
 35 Там же. С. 4.
 36 Там же. С. 7.
 37 РГВИА. Ф. 725. Оп. 46. Д. 1077. Л. 3.
 38 РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 677. «О составлении полковником Гиссером и подполковниками Марковым и Канненбергом учебника военной географии для военных училищ».
 39 Одна из Комиссий ГУ ВУЗ по рассмотрению учебника была собрана еще в мае 1913 года. В ее состав входили: генерал-лейтенант Гончаренко (2-е отделение ГУ ВУЗ), генерал-майор Тихобразов, полковник Майер (преподаватель Пажеского Его Императорского Величества корпуса) и подполковник Завадский (преподаватель Николаевского кавалерийского училища). – РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 677. Лл. 1-1 об.
 40 Там же. Л. 63.
 41 Там же. Лл. 53, 63-63 об.
 42 Там же. Л. 73.
 43 Там же. Лл. 54 об. - 55.
 44 Военная география иностранных государств. – Спб., 1910.

- 45 Бобин, Марков, Менжинский Географическая внешняя Европа. – Пг., 1915.; РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 677. Л. 76.
- 46 Марков С.Л. Записки по истории Русской армии. 1856-1891. – Спб., /1910/.
- 47 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 383.
- 48 Приказы Скобелева в 1877-1878 гг. Составил и редактировал Генерального штаба капитан Марков. – Спб., /Б.г./.
- 49 Приказы генерала М.Д. Скобелева (1876-1882). Под ред. А.Н. Маслова. – Издание второе. – Спб., 1913.
- 50 Памяти М.Д. Скобелева. К открытию памятника генералу М.Д. Скобелеву в Москве в 1912 году. Очерк. С.Л.М. – /Б.м./, 1912.
- 51 Русско-японская война в сообщениях академии Генерального штаба. / А. Баиов. – Спб., 1906.
- 52 Марков /С.Л./ Операция на реке Шахэ. Действия Восточного отряда генерал-лейтенанта Штакельберга. // Русско-японская война в сообщениях Академии Генерального Штаба. / А. Баиов. – Спб., 1906. – С. 305-339.
- 53 Русско-японская война в сообщениях академии Генерального штаба... С. V.
- 54 Ординарный профессор Николаевской военной академии Генерального штаба подполковник (генерал) Незнамов был автором целого ряда книг, среди которых: Незнамов. Современная война. Действия полевой армии. – Изд. второе. – Спб., 1912 (рекомендована войскам Гвардии и Петербургского военного округа приказом Августейшего Главнокомандующего); Его же. Текущие военные вопросы (рекомендована в качестве пособия для поступающих в Николаевскую академию); Его же. Стратегическое и тактическое значение управляемых воздухоплавательных аппаратов; Прикладная тактика в задачах. – Спб., 1910 (перевод Незнамова, рекомендована в качестве пособия для поступающих в Николаевскую академию). – РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 529. Лл. 1-3.
- 55 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 377-380.
- 56 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 14. Лл. 1-2.
- 57 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 5.
- 58 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
- 59 Там же.
- 60 В состав 4-й стрелковой бригады, развернутой в ходе войны в дивизию, входили: 13-й стрелковый Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича, 14-й стрелковый генерал-фельдмаршала Гурко, 15-й стрелковый Короля Черногории Николая I и 16-й стрелковый Императора Александра III полки.
- 61 Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 250-251.
- 62 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 94.
- 63 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 5.
- 64 Там же.
- 65 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 95-96.
- 66 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 6.
- 67 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 14. Лл. 25-26.
- 68 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 96-97.
- 69 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 5.

- 70 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 97.
71 Р. Незабвенной памяти генерал-лейтенанта С.Л. Маркова. // Первопоходник. – Лос-Анжелес. 1974. № 19. С. 54.
72 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 96.
73 Там же. Т. 1. Вып. 1. С. 97.
74 Там же. Т. 1. Вып. 1. С. 97. Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 285.
75 РГВИА. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 125. Лл. 27-27 об.
76 РГВИА. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 107. Л. 14.
77 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 14. Лл. 11-12.
78 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 7.; Список полковникам по старшинству. – Пг., 1916. С. 133.
79 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 387.
80 Первопоходник. – Лос-Анжелес. 1975. № 25. Без нумерации страниц.
81 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 318-319.
82 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 98-101.
83 Там же. Т. 1. Вып. 2. С. 213-214.
84 Там же. Т. 1. Вып. 2. С. 214-215.
85 Там же. Т. 1. Вып. 2. С. 219.
86 Там же. Т. 1. Вып. 2. С. 221.
87 Там же. Т. 1. Вып. 2. С. 230.
88 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 22-23.
89 Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. // Белое Дело. Генерал Корнилов. – М., 1993. С. 22.
90 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 389.
91 Там же. Кн. 1. С. 59-61.
92 Там же. Кн. 1. С. 85.
93 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 95.
94 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 74.
95 Кариус Э.Ф. Ледяной... // Вестник Первопоходника. Лос-Анжелес. 1961. № 3. С. 20-21.
96 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май-октябрь 1918 г. – Берлин, 1924. С. 161.
97 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 389.
98 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 220-221.
99 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 2.
100 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
101 Там же.
102 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2, 3, 8, 9.
103 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 37647. Л. 17.
104 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
105 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 3.
106 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
107 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
108 Там же. Лл. 6-7.
109 Там же. Л. 4.
110 Там же. Л. 5.
111 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

- 112 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
113 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 3.
114 Там же. Л. 4.
115 Там же. Л. 4.
116 Там же. Л. 4.
117 Там же. Л. 4.
118 Там же. Л. 9.
119 Демьяненко Я. Маленькое воспоминание о генерале С.Л. Маркове // Военная быль. 1961. № 51. С. 20.
120 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 69312. Л. 5.
121 Там же. Л. 5.
122 Там же. Л. 5.
123 Там же. Л. 5.
124 Там же. Л. 6.
125 Там же. Л. 5.
126 Там же. Л. 7.
127 Донская Волна. Екатеринодар. 1918. № 3 от 24 июня. С. 5.
128 Р. Незабвенной памяти генерал-лейтенанта С.Л. Маркова // Первопоходник. Лос-Анжелес. 1974. № 19. С. 53-56.
129 Камилин Я. Генерал Сергей Леонидович Марков. – Ростов-на-Дону, 1919. С. 6.
130 ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 28. Л. 15.
131 Пауль С.М. С Корниловым. // Белое дело: Избр. произведения в 16 кн. Кн. 2. Ледяной поход. – М., 1993. С. 191.
132 Там же. С. 193.
133 Богаевский А.П. 1918 год. // Белое дело: Избр. произведения в 16 кн. Кн. 2. Ледяной поход. – М., 1993. С. 56.
134 Туземцев Ник. Генерал Марков. // Донская волна. 1919. № 3.
135 Богаевский А.П. Указ. соч. // Белое дело... С. 72.
136 Кариус Э.Ф. Ледяной... // Вестник первопоходника. Лос-Анжелес. 1961. № 3. С. 20-21.
137 ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 28. Л. 15.
138 Там же. Л. 18.
139 Там же. Л. 32.
140 Камилин Я. Генерал Сергей Леонидович Марков. С. 14.
141 ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 36.
142 Эльманович В. Морская рота Добровольческой армии // Вестник первопоходника. Лос-Анжелес. 1962. № 12. С. 13.
143 Богаевский А.П. Указ. соч. // Белое дело... С. 105.
144 Гетманов М. «Первый Корниловский поход» (Воспоминания участника). // Вестник Первопоходника. Лос-Анжелес. 1961. № 2. С. 5.
145 Богаевский А.П. Указ. соч. // Белое дело... С. 105.
146 Марченко Д.А. На боевых постах // Часовой. № 566. С. 13.
147 Васильев. Из воспоминаний // Первопоходник. Лос-Анжелес. 1971. № 1. С. 15.
148 Кариус Э.Ф. Ледяной... // Вестник первопоходника. Лос-Анжелес. 1961. № 3. С. 25.

- 149** Васильев. Из воспоминаний // Первоходник. Лос-Анжелес. 1971. № 1. С. 17.
- 150** Марченко Д.А. Последний долг чести // Часовой. 1984. № 647 (1). С. 23.

часть вторая

МАРКОВЦЫ

Гибель генерала Маркова не сломала духа бойцов Добровольческой армии. Традиции воинской доблести, патриотизма, жертвенности во имя России, заложенные Марковым, получили свое дальнейшее развитие в истории полков и дивизий, получивших его именованное шефство, пронесших славу Маркова через всю гражданскую войну и приумноживших ее.

Историография «марковских» частей достаточно обширна. Это относится и к пехотным, и к артиллерийским подразделениям: Марковской пехотной дивизии и Марковской артиллерийской бригаде*. Остановимся лишь на наиболее значительных.

Первой среди них стала «История Марковской артиллерийской бригады», изданная исторической комиссией Марковского артиллерийского дивизиона в 1931 г.¹ Составленная на основе сохранившихся дневников и записных книжек более 20-ти марковцев-артиллеристов, она стала первой в ряду аналогичных изданий, посвященных истории «цветных» частей, охватывая события с ноября 1917 г. до окончания гражданской войны². Работа над созданием «Истории» продолжалась более трех лет. Книга содержит большое количество схем, рисунков, в ней приведены тексты песен Добровольческой армии.

Следующим крупным изданием по истории марковцев стал труд, созданию которого его автор, подполковник В.Е. Павлов, посвятил 20 лет жизни. Работа над наиболее обширной по охвату источников и количеству привлеченных материалов книгой «Марковцы в боях и походах за Россию. 1917–1920 гг.» в 2-х томах велась еще до начала 2-ой мировой войны, когда под руководством последнего командира Марковского полка генерала Г.В. Жданова начался сбор материалов по истории марковцев. Начавшаяся война уничтожила уже собранный материал³. После ее окончания работа возобновилась. По предложению возглавлявшего тогда Объединение марковцев подполковника С.А. Касьянова В.Е. Павлов вновь приступил к сбору материала. Итогом напряженной работы стал выпуск в 1962 и 1964 гг. 2-х томов книги⁴. Помимо общеизвестных источников, таких как «Очерки Русской Смуты» генерала А.И. Деникина, «Записок» генерала П.Н. Врангеля, Павлов привлек при написании книги и менее известные издания, такие как «Календарь боевых действий Марковского полка», сборник «В память 1-го Кубанского похода», уже упомянутую «Историю Марковской артиллерийской бригады» и др. Но главная ценность этого обширного труда – многочисленные документы. Так, для 1-го тома по неполным данным, приводимым Павловым⁵, дали свои свидетельства 83 человека (по истории 1-го Кубанского похода – 46 человек, из них 37 бывших марковцев⁶, и по истории 2-го Кубанского похода – 37 человек, из которых 34 марковцы)⁷. То же относится и ко 2-му тому, для составления которого дали свои свидетельства 94 марковца и 7 человек из других частей⁸. Среди

* Развитие и эволюция этих частей – см Часть 3 данного издания

тех, кто давал свои свидетельства, были начальник штаба Марковской дивизии полковник А.Г. Битенбиндер, командир 1-го Марковского полка полковник Д.А. Марченко, командир 3-го полка полковник П.Я. Сагайдачный и др. Свыше 100 человек участвовали в создании книги. Особо ценно и то, что Павлов использовал целые фрагменты рукописей до сих пор не изданных воспоминаний о гражданской войне, таких как «Записки» полковника А.Г. Битенбиндера или «Корниловский поход» полковника Биркина, а также архив Марковского артиллерийского дивизиона. Несомненным достоинством издания стали редкие фотографии марковцев, а также многочисленные схемы, выполненные полковником Николаевым. К сожалению, судьба архива, собранного В.Е. Павловым с таким большим трудом, до сих пор не известна. Василий Ефимович умер в 1989 г., не оставив после себя наследника и сильно нуждаясь в средствах в старости. Документы же, находившиеся у него, а также его боевые награды были куплены французскими офицерами (ВВС) и, по всей видимости, находятся теперь в одном из военных архивов Франции (предположительно, в Музее Дома инвалидов в Париже).

Последней крупной работой, целиком посвященной истории марковцев, был коллективный труд «Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России», изданный в Париже в 1967 г. под общей редакцией полковника В.В. Щавинского⁹. Работа состояла из нескольких десятков отдельных статей марковцев-артиллеристов, описывающих те или иные фрагменты боевой жизни. Среди авторов: Б.Я. Земчихин, С.В. Иегулов, П.Н. Каменский, В.А. Ларионов, А.М. Леонтьев, И.Э. Лисенко, Н.Н. Мино, К.К. Сломинский, В.М. Терентьев, Б.А. Фишер, В.В. Щавинский и др. Изданная в количестве всего 165 экземпляров книга также содержит многочисленные схемы, рисунки, тексты песен и фотографии. «Работа была произведена спешно: отсутствие документов, давность событий и почтенный возраст ее затрудиляли. Все сделано самими: свои статьи, сами печатали на машинке и размножали на ротаторе...» – написал в послесловии полковник В.В. Щавинский, подводя итог работе, делать которую в уже преклонном возрасте было нелегко.

Данный список работ о марковцах далеко не полон. Достаточно упомянуть очерки марковцев-артиллеристов, изданные под заглавием «Марковцы-Первопоходники-артиллеристы» под редакцией В. Ларионова, И. Лисенко и Н. Прюца, или книгу Виктора Ларионова «Последние юнкера», увидевшую свет в 1984 г.¹⁰ Помимо этого, в разное время выходило множество статей и очерков о марковцах, как в годы гражданской войны – на страницах журнала «Донская Волна», газеты «Жизнь» и др., так и в эмиграции – в журналах «Часовой», «Вестник Первопоходника», «Первопоходник» и т.д. Некоторые из них частично или полностью приведены на страницах этого издания. Упомянутые работы – лишь наиболее значительные из тех, которые увидели свет, многие же из воспоминаний и документов до сих пор не опубликованы.

Раздел «МАРКОВЦЫ» охватывает три года войны на юге России и состоит из нескольких очерков, посвященных истории 1-го и 2-го Кубанских походов 1918 г., боевым действиям марковцев в ходе «Похода на Москву» летом–осенью 1919 г., а также описания Заднепровской операции Русской армии генерала Врангеля осенью 1920 г. Основу 2-й части составляют отрывки из книги В.Е. Павлова, а также публикация «Очерка об участии 1-го Офицерского генерала Маркова полка во 2-м Кубанском походе» и фрагмента воспоминаний начальника штаба Марковской дивизии А.Г. Битенбиндера «Действия Марковской дивизии на правом берегу Днепра в районе города Александровска с 24/09 по 01/10 1920 г.» об участии в Заднепровской операции¹¹. Фрагменты воспоминаний приводятся без сокращений, имеющихся в первоисточниках. Главное внимание в разделе уделено 1-му и 2-му Кубанским походам, роли в них С.Л. Маркова, они приведены практически полностью. Отрывок о 2-м Кубанском походе из книги В.Е. Павлова приводится только до момента смерти С.Л. Маркова, остальная его часть фактически дублируется приводимым «Очерком о 2-м Кубанском походе». Все данные по переформированию частей, их численности, потерях, пополнениях, биографические данные командного состава содержатся в отдельных приложениях в последующих разделах книги, без специальной ссылки на них.

Тексты очерков приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации, вместе с тем, максимально сохранены особенности авторского стиля.

Заканчивая предисловие, хотелось бы отметить слова, написанные полковником В.В. Щавинским в 1967 году в послесловии к книге «50 лет верности России»: «Естественно, что труд грешит невольными ошибками, но он совершался во имя любви к далекой Родине, Армии и в полном уважении к боевым соседям. <...> Объединение просит читателя извинить за все возможные недочеты, возможные ошибки и не забывать, что это есть повествование строевых офицеров, не искушенных в литературных талантах»¹².

1-й КУБАНСКИЙ «ЛЕДЯНОЙ» ПОХОД

Первый Кубанский («Ледяной») поход – первый поход Добровольческой армии на Кубань. После отказа донского казачества в поддержке Добровольческой армии и начала наступления большевиков на Кавказ генералом Л.Г. Корниловым, как Главнокомандующим армией, было принято решение об оставлении Дона. Основной целью похода было соединение Добровольческой армии с кубанскими белыми отрядами, которые, как выяснилось уже после начала похода, оставили Екатеринодар.

В ночь с 9 на 10 (22 на 23) февраля 1918 г. Добровольческая армия покинула Ростов*. Начался 1-й Кубанский поход. 12 (25) февраля в станице Ольгинской Добровольческая армия была реформирована. Основными частями ее стали Сводно-Офицерский, Корниловский ударный и Партизанский полки. Добровольческая армия, с тяжелыми, кровопролитными боями продвигалась на Кубань, проходя станицы Хомутовская, Мечетинская, Егорлыцкая, Незамаевская, Березанская, Кореновская и т.д. 28–30 марта (10–11 апреля) армия вела бой за станицу Ново-Дмитриевскую. Во время перехода и боя проливной дождь внезапно сменился сильной метелью. Идти приходилось под ледяным ветром. По этой причине данный период похода (а впоследствии и весь 1-й Кубанский поход) получил название «Ледяного». После взятия Ново-Дмитриевской произошло соединение Добровольческой армии с Кубанскими отрядами. Начался штурм Екатеринодара, окончившийся неудачей (в ходе него погибли Л.Г. Корнилов и командир Корниловского ударного полка полковник М.О. Неженцев).

После смерти Л.Г. Корнилова А.И. Деникиным, возглавившим Добровольческую армию, было принято решение о возвращении на Дон, где в это время уже росли антибольшевистские настроения. После занятия 13 (26) мая станиц Мечетинской и Егорлыцкой «Ледяной» поход закончился.

За 80 дней похода (из них 44 дня боев) Добровольческая армия прошла 1054 версты. Участники «Ледяного» похода стали основным кадром Белого движения на юге России и выдвинули из своих рядов многих командиров Белых армий юга России, прошедших зачастую путь от

* В скобках приведены даты по новому стилю

штабс-капитана или поручика до полковника или генерала, командуя сначала взводом или ротой, а в конце войны – бригадой или дивизией.

Участники «Ледяного» похода награждались знаком в виде серебряного тернового венка, пересеченного серебряным мечом. Знак носился на Георгиевской ленте с розеткой национальных цветов (для гражданских чинов – на ленте ордена Святого Владимира).

Текст очерка печатается по книге В.Е. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг.». Кн. 1. Главы «Первый поход Добровольческой армии» и «На Екатеринодар»¹³.

ПЕРВЫЙ ПОХОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Э тот поход получил названия: Кубанский, потому, что совершен он был главным образом на территории Кубанской области; Корниловский, потому что всю наступательную часть его армия совершила под командой генерала Корнилова и Ледяной, так как один день этого похода прошел в исключительно тяжелых климатических условиях.

ОСТАВЛЕНИЕ РОСТОВА

Ночь с 9 (22) на 10 (23) февраля 1918 г. Ростов погружен в темноту; в домах не видно света. Город мертв; на улицах редкие, куда-то пробирающиеся люди.

Холодный ветер, несущий сухой снег и городскую пыль. Кое-где раздаются ружейные выстрелы, и они кажутся зловещими.

Только на углу Таганрогского проспекта и Садовой улицы оживление: там собрались небольшие колонны войск, всего, может быть, человек до 500. Для иного эта жизнь кажется страшной, роковой, безумной: собравшиеся люди, не желающие укрыться от погоды в больших, теплых, уютных домах, не желающие скрыться от ожидаемого врага за кирпичными стенами домов, кажутся обреченными. Но эти люди сделали вызов и страшной ночи, и зимней непогоде, и надвигающейся опасности. Они сделали его сознательно и с целью.

Легкий гул разносится над колонной войск. Слышны команды, распоряжения... Ею руководит воля Вождя; ею распоряжается в большой белой папахе генерал. Его голос наиболее громок, тверд, категоричен...

Вот стоит броневедомость: «Когда колонна тронется – взорвать!» – приказал генерал.

Вот стоит 1-й офицерский батальон, и около него пыхтят несколько грузовых автомобилей, на которые грузятся пулеметы.

– Это еще что? Да вы с ума сошли? – в недоумении остановился у грузовиков генерал Марков. – Перегрузить на лошадей.

Генералу Маркову доложили о невозможности в настоящее время найти лошадей и повозки.

– Чушь! – коротко бросил он, и, круто повернувшись, зашагал к столбу с пожарным сигналом. Под ударом рукоятки нагайки зазвенело разбитое стекло. Генерал Марков обернулся и крикнул полковнику Борисову, требуя от него отправления людей по домам для отыскивания повозок. Не прошло и 15 минут, как из темноты появилась пожарная команда. Лихой брандмайор смело пробиравался сквозь толпы людей и автомобилей, пока не поравнялся с генералом Марковым.

– Стой! – приказал генерал. – Распрячь лошадей!

Напрасно протестовал брандмайор. Великолепные, холеные пожарные кони стали в строй пулеметной команды 1-го офицерского батальона. Извозничьи пролетки и частные экипажи, обратясь в пулеметные двуколки, заменили никчемные грузовики.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДОН

10 (23) февраля. Техническая рота проработала на переправе всю ночь, подготавливая спуск к реке для проезда батарей и обозов, устраивая настил с берега на лед. Стучали кирки по обледенелой земле, рубили и сколачивали доски, бревна. Рассыпался на спуске песок... Лед на реке достаточно крепок, чтобы выдержать тяжесть орудий. Однако чины Юнкерской батареи предусматривают худшее и готовили доски. Еще затемно Дон перешли конный дивизион полковника Гершельмана и Партизанский отряд сотника Грекова, которые должны были, первый, обеспечивать армию с востока, второй – с запада, в сторону Батайска. За ними группа квартирмейстеров.

С утра стали переправляться части и обозы по указанной очереди. Техническая рота оставалась на переправе для поддержания порядка и оказания нужной помощи. Рано утром пришел генерал Марков. Он был в серой куртке с генеральскими погонами, в большой белой папаче, в бриджах с генеральскими лампасами и с плеткой в руке.

– Ну, как, полковник? Все идет по-хорошему? – громко обратился он к командиру Технической роты. Генерал Марков надолго задержался у переправы. Иных грозно призывал к порядку и спокойствию, других подбадривал; отпускал шутки.

Переправу главных сил начал генерал Алексеев, который пешком, опираясь на палку, и ею как бы ощупывая крепость льда, перешел Дон.

Генерал Корнилов, выйдя из дома, прошел некоторое расстояние пешком, пока ему и генералу Романовскому не подвели коней.

– Кто вы и куда направляетесь? – спросил генерал Корнилов вышедшего из боковой улицы одного офицера.

– Поручик Б., командир взвода 1-й роты 1-го офицерского батальона. Ищу свою роту, – последовал ответ.

Генерал Корнилов строго посмотрел на командира взвода, потерявшего свой взвод.

– Передайте командиру роты, что я отрешаю вас от командования взводом. Свою роту вы найдете... – и указал направление.

Поручик Б. действительно нашел там, где указал генерал Корнилов, свой батальон. Он доложил командиру роты, подполковнику Плохинскому, о случившемся, который посмеялся над неудачником: он знал, что поручик Б. отстал ночью, помогая артиллеристам вытаскивать из канавы застрявшее орудие. Этот маленький случай показал всем, что требования генералом Корниловым дисциплины и порядка остаются в силе в любой обстановке. <...>

СВОДНО-ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК

12 (25) февраля в 8 часов утра на одной из площадей станицы выстраивались все части Добровольческой армии. Три офицерских батальона и Батайский отряд стали рядом. До 11 часов происходило какое-то странное перемещение людей из одних колонн в другие, в результате чего одни колонны исчезали, но другие росли. Маленькая колонна 2-го офицерского батальона выросла в несколько раз.

Около 11 часов на площади прекратилось всякое движение. Части подвнялись. Раздалась команда:

– Смирно! Господа офицеры!

Перед ними проезжала группа всадников. Впереди генерал Корнилов, за которым непосредственно ехал казак с трехцветным Русским флагом. Генерала Корнилова не все видели раньше, но все сразу же узнали его. Он и Национальный флаг! В этом было что-то величественное, знаменательное, захватывающее! Взоры всех и чувства были направлены туда. Те, кто ехали за ним, – люди в шинелях, кожаных, штатских пальто, – не привлекали внимания.

Генерал Корнилов здоровался с частями. Затем на середине площади он слез с коня, а за ним и все остальные. К группе сейчас же подошли старшие начальники, и минут через десять они уже возвращались к своим колоннам.

К трем офицерским батальонам и Батайскому отряду шли трое: один в белой папаче, черной куртке, с плетью в руке. Его узнали: генерал Марков. Двое других были неизвестны. Генерал Марков подошел к строю энергичной, бодрой, молодой походкой и обратился к выстроившимся со следующей речью:

– Не много же вас здесь! По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь! Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем – я все равно скажу, что идем мы к черту на рога, за синей птицей. Теперь скажу только, что приказом Верховного главнокомандующего, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром Офицерского

полка, который сводится из ваших трех батальонов, роты моряков и Кавказского дивизиона. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров, ротные командиры на положение взводных. Но и тут вы, господа, не огорчайтесь: здесь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешел на батальон!

Едва генерал Марков произнес это, как командир 1-го батальона, полковник Борисов, громко заявил:

– Я считаю для себя невозможным с должности командира полка возвращаться в роту.

Без единой минуты промедления генерал Марков резко оборвал его:

– Полковник! Вы мне не нужны! Назар Борисович (подполковник Плохинский), примите роту!

Затем, не останавливаясь на только что происшедшем инциденте, генерал Марков продолжал:

– Штаб мой будет состоять из меня, моего помощника, полковника Тимановского, и доктора Родичева, он же и казначей. А если кто пожелает устроиться в штаб, так пусть обратится ко мне, а я уж с ним побеседую.

– Вижу, что у многих нет погон. Чтобы завтра же надели. Сделайте хотя бы из юбок ваших хозяек.

На том речь кончилась, и все части разошлись по своим квартирам. Полк был сформирован 12 (25) февраля 1918 г.

С этого дня в месте расположения штаба полка стал развешиваться полковой флажок: черный, с белым Андреевским крестом, цветов формы одежды, принятой для полка и установленный комиссией 1-го офицерского батальона.

К концу дня окончательная организация Сводно-Офицерского полка, как тогда он был назван, свелась к следующему:

1-я рота – из 1-го Офицерского батальона при 4 пулеметах. Численный состав – свыше 200 человек. Командир – подполковник Плохинский.

2-я рота – из 2-го Офицерского батальона, пополненная частично чинами расформированных Школы прапорщиков, Ростовской офицерской роты и разных команд. 2 пулемета. Около 200 человек. Командир – полковник Лаврентьев.

3-я рота – из 3-го Офицерского батальона. 3 пулемета. Около 200 человек. Командир – полковник Кутепов.

4-я рота – из Батайского отряда. 4 пулемета. Около 110 человек. За болезнью полковника Ширяева, командир роты – ротмистр Дударев.

Команда связи и подрывников – 28 человек.

При штабе полка – 5 конных офицеров-ординарцев.

При полку небольшой боевой и хозяйственный обоз и походный лазарет с сотней раненых и при нем несколько сестер милосердия, во

главе с сестрой Пелагеей Осиповной, под наблюдением доктора Родичева. Были и санитары, они же и конюхи, почти все – офицеры, наиболее пожилые.

Всего в полку было около 800 человек.

Настроение офицеров только что родившегося полка было исключительно бодрое. Свое положение рядовых они приняли как нечто должное, как требование исключительного для Родины момента. Высказывалось даже сожаление, что такая строевая организация офицеров не была проведена раньше на фронте Великой войны в революцию. Единая цель, общность духа и чувство ответственности доминировали. Они являлись основанием крепкой дисциплины, сплоченности, боеспособности. Первый в истории России Офицерский полк не мог не быть огромной боевой и, главное, моральной силой.

Мысли и разговоры офицеров переходили к личности командира их полка – генерала Маркова. Он произвел великолепное впечатление. Его речь вызвала восхищение. Так сказать, убежденно и твердо, мог бы только начальник, уверенный в своих силах. Высокие боевые награды, полученные им не за службу в штабах, а за действительные боевые подвиги во главе 13-го стрелкового полка, говорили всем о его достоинствах в командовании полком. В нем теперь не сомневались. Но не это, все же, было последней оценкой генерала Маркова, а проявленное им гражданское мужество, когда он встал на защиту армии против экспериментов революции, попал за это в заключение и незамедлительно прибыл на Дон для борьбы за Россию.

За короткий ростовский период некоторым офицерам приходилось слышать о генерале Маркове, как о начальнике беспощадном, жестоком, резком, грубом: недаром он всегда с плеткой в руке! Но теперь судили о нем иначе: он энергичен, распорядителен – качества положительные и одабриваемые всеми. 1-я рота вся поголовно восхищалась, как генерал Марков коротко и решительно «освободил» ее от полковника Борисова.

Генералу Маркову было чуждо чувство тщеславия, и он не признавал его и у других. Свой Офицерский полк он свел фактически в батальон, став сам командиром батальона. И эта мера признана и одобрена всеми: никаких промежуточных инстанций между штабом полка и ротами. Все в строю, все в передовой линии, все в бою... Психологическое давление! Даже штаб полка – всего три человека, да нескольких конных ординарцев, что говорило о присутствии штаба непосредственно в передовой линии, о непосредственном руководстве им боем. Это, в свою очередь, говорило о гарантии быстроты решений и их выполнении без потери минуты времени. Свою зависимость от командира полка отныне чувствовал каждый офицер.

Все знали, что командный состав в ротах был назначен с согласия генерала Маркова и с учетом его требований, поэтому не поднимался вопрос о кажущейся ненормальности, когда заместителем командира 1-й роты был назначен штабс-капитан из фельдфебелей Згривец; командиром одного из взводов 4-й роты – прапорщик, в то время как иными взводами командовали бывшие командиры полков, а некоторые из них и вообще не занимали никакой должности и были просто рядовыми бойцами.

В разговорах о генерале Маркове все не сразу вспомнили о двух лицах, которых он представил полку. На них тогда не обратили внимания, а многие даже не запомнили их внешность.

Полковник Тимановский? Помощник и заместитель генерала Маркова – большого роста, могучего телосложения, опирающийся на длинную, толстую палку, в офицерской папахе, в романовском полушубке, с большой бородой, покрывающей все его лицо и широко ниспадавшей на грудь. В очках... Казалось, ему лет 40. Стар для генерала Маркова! Никто тогда еще не знал, что ему 29 лет, что он моложе генерала на 10 лет и что он отрастил бороду, пробираясь на Дон. (Позднее он с ней расстался).

Но... были офицеры, которые знали полковника Тимановского, и они поведали о нем всем. Он один из самых заслуженных и отмеченный всеми высшими боевыми наградами офицер Русской армии, сослуживец генерала Маркова по 13-му стрелковому полку, командир Георгиевского батальона при Ставке Верховного главнокомандующего, несколько раз раненый... Выбор генерала Маркова стал ясен и понятен.

А о докторе Родичеве говорили вскользь и только как о невзрачном, маленьком человеке, известном, видимо, только генералу Маркову. Вскоре узнали, что эта «троица» были большими друзьями. Генерал Марков одного называл «Степанычем» (полковника Тимановского), а доктора – «Гаврилычем». Доктор оказался человеком кипучей энергии и огромной трудоспособности. Он сформировал полковой походный лазарет и поставил в нем дело так, чтобы раненые терпели бы возможно меньше лишений. В лазарете работал он сам и работали все. Отдыхали тогда, когда все возможное и должное было дано раненым. Но на докторе Родичеве лежала еще и казначейская часть: выдача денежных авансов для уплаты за получаемые от населения продукты и оказываемые им услуги. Деньги и отчетность, а также и вся канцелярия полка помещались у доктора за голенищами сапог и в сумке через плечо. <...>

В ПОХОД

13 (26) февраля. Ночь прошла спокойно. Перед рассветом – подъем. «В поход!» – «Куда?» – «А ты спроси генерала Маркова!» – но все знали куда – туда, куда пойдет генерал Корнилов.

Уже рассветало, когда роты Офицерского полка выстроились на южной окраине станицы Ольгинской. Генерала Маркова нет. Спокойно отдает распоряжения полковник Тимановский.

Армия тронулась.

Впереди пошел Офицерский полк. За ним 1-я батарея, затем Техническая рота. Авангард! В голову его проскакал верхом на коренастом коне генерал Марков, здороваясь с частями. Все пытливо всматриваются в лицо генерала в белой высокой папахе. Он ведет колонну.

– К черту на рога! За синей птицей! – вспоминаются всем его слова, невольно заставляющие улыбаться.

Колонна авангарда поднялась на возвышенность. Сзади видны станицы Ольгинская, Аксайская. Левее, в дымке – Нахичевань, Ростов. Видна ясно и вся колонна Добровольческой армии, вытягивающаяся из Ольгинской. Юнкерский батальон прошел мимо стоявшего у своей коляски генерала Алексева, поздравившегося с ним.

Тяжело идти, особенно голове колонны – 1-й роте полка. Черноземная дорога глубоко пропитана влагой от почти стаявшего снега: едва ступишь ногой, как она углубляется в густую массу. Чтобы ее вытащить, нужны усилия, но вытянутая нога покрыта прилипшим черноземом. По щиколотку уходят ноги в гущу и с хлипким всасывающим звуком вытаскиваются из земли.

В строю роты особенно туго отделенным – поручику Якушеву и корнету Пржевальскому. Их длиннополые кавалерийские шинели, их «малинно-звонкие» шпоры, которые так выгодно отличали их от общей массы пехотинцев, теперь, в условиях пехотного похода, являются тяжелой обузой. На первом же привале вопрос решается просто и рационально: обе шинели обрезаны на четверть выше колен, более, чем положено по уставу, шпоры сняты и брошены. Взводный, капитан Згривец, смотрит косо и неодобрительно. Рота хохочет.

Дальше – не лучше. Многие озабочены: разваливаются сапоги, и ноги натерты до острой боли. Пришлось некоторых отправить в обоз. Другие обматывают ноги чем было. Последующим ротам идти легче: от сотен ног густая масса под ними превратилась в грязь.

За полком идет батарея. Коням также тяжело. От них валит пар. Но верные животные делают свое дело с усердием. В иных местах им на помощь приходят людские силы «батарейцев».

В Юнкерском батальоне особая забота: завязают окончательно в грязи девушки, пожелавшие идти с ним в поход в качестве сестер ми-

лосердия. Их маленькие ножки вылезают из больших для них сапог, которые остаются в грязи. Приходят на помощь юнкера: одни переносят сестер на более твердую почву, другие – их сапоги. Генерал Боровский отправляет сестер в обоз. Они смущены, пытаются протестовать...

К концу дня армия втянулась в станицу Хомутовскую, проделав двадцативерстный переход. Квартирьеры немедленно развели свои части по квартирам. На взвод – 1-2 дома. Не без радушия встретили пришельцев казаки и казачки, но равнодушны оказались они к идее их: «Большевики нас не тронут».

14 (27) февраля. С рассветом армия готовилась к дальнейшему походу, как неожиданно со стороны Батайска на станицу налетела кавалерия красных. Ее отбили заставы от Офицерского полка и Юнкерского батальона и 1-я батарея. Офицерский полк понес первые за поход потери: одного зарубленным и другого тяжело раненым в щеку сабельным ударом. Окончательно отбросил красных конный дивизион полковника Глазенапа.

Этот эпизод несколько задержал выступление армии. В прежнем порядке, по такой же тяжелой дороге и проделав те же 20 верст, она пришла в станицу Кагальницкую.

Памятно вступление в станицу: на окраине ее, окруженный своим штабом, под трехцветным флагом стоял генерал Корнилов и пропускал мимо себя свою армию. Его присутствие как рукой сняло все походные неприятности. Люди подтянулись, шли стройно и весело.

– Для меня навсегда осталось загадкой: на чем базировался каждый из нас в своей бесконечной вере в генерала Корнилова и каким образом чувствовал он эту нашу веру в него? Тот, которому не пришлось видеть в своей жизни природного Вождя, никогда не поймет наше чувство, нашу веру, – записал один из участников похода.

15 (28) – 16 февраля (1 марта). Два дня, неожиданно для всех, армия простояла в станице Кагальницкой. 17-го (2 марта) перешла в станицу Мечетинскую. 18-го (3 марта) – в станицу Егорлыцкую, последнюю станицу Донского Войска, находящуюся у станции Атаман на линии железной дороги Батайск–Торговая. На станции в охранении стояла Техническая рота, в которую тут была влита часть партизанского отряда сотника Грекова, подвергнувшегося расформированию. В Егорлыцкой армия простояла снова два дня, нетревожимая противником. Попытка преследовать ее стоила красным дорого: они попали в засаду, устроенную кавалерийским дивизионом полковника Гершельмана, с 10 (23) февраля поддерживавшего связь с Донским отрядом. Все переговоры генерала Корнилова с генералом Поповым не привели к соединению отрядов. Противобольшевистские силы оказались раздробленными.

За минувшие дни потеплело, и дороги подсыхали, что весьма радовало добровольцев.

БОЙ У СЕЛА ЛЕЖАНКА

21 февраля (6 марта). Утром Добровольческая армия выступила из станицы Егорлыцкой на село Лежанка Ставропольской губернии, находящееся в 22 верстах. В авангарде, по-прежнему, Офицерский полк с батареей полковника Миончинского и Техническая рота. Генерал Марков, обгоняя свои части, со всеми поздоровался и ускакал вперед со своими ординарцами. Снега нет совершенно, но густая, липкая, черноземная масса делает поход тяжелым. Сделали привал, затем второй. Было известно, что Лежанка занята красными, и, в частности, там стоят части 39-й пехотной дивизии. Следовательно, бой неизбежен.

Откуда-то по колонне Офицерского полка передается приказание: – Ротные командиры – к командиру полка!

Все следят, куда идут командиры. Слегка в стороне от дороги все видят генерала Маркова и полковника Тимановского. К ним идут полковник Плохинский, полковник Лаврентьев, полковник Кутепов, ротмистр Дударев, полковник Кандырин, подъезжают верхом полковник Миончинский и полковник Гершельман. О чем они там говорят? Но – «это дело хозяйское». Совещание кончилось, и все его участники направляются к своим частям и отдают распоряжения.

И, наконец... от авангардной 4-й роты отделяются взводы и идут влево от дороги, за ними вся рота. От 1-й роты один взвод идет по дороге вперед, другой вправо – на топографический гребень, вдоль которого идет дорога. Влево рысью уходит конница, скоро исчезнувшая за цепью курганов.

Когда походные заставы отошли примерно на версту, полк в колонне двинулся вперед. Генерал Марков значительно впереди. Все тихо. Что впереди? Где противник? – Не видно. Лишь за перегибом впереди лежащей местности видна верхушка колокольни села Лежанки.

Вдруг над колонной высоко в небе появляется маленькое белое облачко от разрыва шрапнели. Другое, третье... Наконец их уже не счесть. И все «журавли». Полк начинает разворачиваться в боевой порядок, левее его Техническая рота. А шрапнели все продолжают «давать журавлей»: со стороны Лежанки стреляет батарея, и стреляет прескверно.

Роты быстро достигли гребня, откуда местность начинает понижаться к реке Средний Егорлык, на противоположном берегу которой расположено село. Едва заметив появление цепей, красные открыли ружейный и пулеметный огонь. Расстояние слишком велико (около 2 верст), и стрельба их недействительна. Не снимая с ремней винтовок

и не прибавляя шага, роты идут на сближение. По дороге идет полковник Тимановский с трубкой в зубах, опираясь на палку.

Расстояние все уменьшается, и пули все чаще и чаще пролетают мимо ушей. Впереди уже ясно видна вся обстановка: полоса камышей, за ними огороды и на них окопы красных, за огородами село. Невольно усиливается шаг, перешедший затем в бег, чтобы скорее достичь камышей и укрыться от взоров противника. Но – взводу поручика Кромма приказано остановиться и ротным пулеметам открыть огонь. По этому взводу сосредотачивается главная сила огня противника, наносящая ему потери.

В это время над огородами по ту сторону реки с поразительной точностью разрываются несколько шрапнелей батареи полковника Миончинского, заставив красных ослабить свой огонь. Головные взводы без потерь достигают камышей. Ливень огня сбивает верхушки камышей над головами маршавливающихся там офицеров.

У моста генерал Марков, полковник Тимановский. Они нацеливают 2-ю роту на молниеносную атаку моста; левее 4-я, правее 3-я и 1-я роты должны поддержать атаку 2-й роты, всеми возможными мерами стараясь форсировать реку.

Но в это время 3-й взвод 1-й роты, штабс-капитана Згривец, достигнув и скрывшись в камышах, не остановился, а продолжал продвижение вперед. Раздвигая руками камыши, утопая в воде, офицеры взвода, пройдя двух-трех саженный пояс камышей, оказались на чистой воде. До камышей противоположного берега было всего лишь шагов 20; воды всего лишь по пояс. Но положение взвода создавалось трагичным: неглубокий Егорлык имел илистое дно, выше колен уходили в ил ноги. Движение сильно замедлилось. Красные, увидев идущую по воде цепь, открыли по ней огонь. Одна мысль была у всех: скорей добраться до камышей противоположного берега. Шли с трудом; некоторые пытались плыть... Но вот, наконец, и другой берег; снова скрыты от взоров противника и есть опора – камыши. Вперед!

Выйдя из камышей, взвод атаковал красных, находящихся в десяти шагах. Красные не оказали никакого сопротивления: их охватила паника, и они бросились бежать. Офицеры штыковыми ударами, выстрелами в упор, устлали путь их бегства в село трупами. Перед взводом и левее него толпы красных бежали на дорогу от моста в село. Здесь к ним подскакали двое верховых... в погонах. Один из них, оказавшийся прапорщиком Варнавинского полка, кричал:

– Товарищи! Собирайтесь на сборную гору! Кадеты штурмуют мост.

Залп – и оба падают убитыми (впоследствии, возвращаясь снова на Дон, офицеры видели на кладбище села среди свежих могил одну с надписью: «Барон, прапорщик Борис Николаевич Лисовский. Убит бандой Каледина 21 февраля 1918 г.»).

Выбежав на дорогу, взвод разделяется: два отделения преследуют красных, бегущих в село, другие два поворачивают налево, навстречу бегущим от реки... Красные не ожидали встретить у себя в тылу офицеров...

В этот момент генерал Марков атаковал мост. В момент офицеры были на другом берегу. Левее 4-я рота частью перешла вброд реку и опрокинула красных. Правее 3-я рота, частью вброд, частью на оказавшихся на реке лодках, также переправилась на другой берег. Генерал Марков бежал с головным взводом по дороге к селу за бегущими красными. И вдруг он остановился в недоумении, увидев перед собой офицеров 1-й роты.

– А вы откуда взялись? – спросил он. Он не ожидал такого маневра 3-го взвода 1-й роты.

Здесь генерал Марков отдал приказание: 1-й роте продолжать преследование противника по ведущей от моста улице села; 3-й роте обходить село справа; 2-й и 4-й – слева. Увидев, что офицеры собирают пленных, он закричал:

– Пленными не заниматься. Ни минуты задержки. Вперед!

А в это время отделения 3-го взвода продолжали преследование на улице села. Чем дальше в лихом и быстром преследовании бежали вперед, тем гуще перед ними были красные. Последние бежали, как куры перед автомобилем. Офицеры стреляли на бегу в упор, кололи...

Вот они на соборной горе... Церковь посреди площади и... четырехорудийная батарея с суевающейся возле орудий прислужгой; орудия стреляют. Впереди поручик Успенский, за ним другие. Они атакуют батарею. Прислуга бежит, остаются несколько человек, среди них трое в офицерских погонах... Они «сдались».

3-я рота обходит село справа. У ветряных мельниц стреляет красная батарея. Но она успевает сняться, оставив лишь зарядный ящик.

Перед 2-й ротой, обходящей слева, красные исчезли в селе. Еще левее скачет в обход села конный отряд полковника Гершельмана и конные разведчики 1-й батареи, посланные туда генералом Марковым.

Село взято. <...>

На опустевшей от красных площади остановились головные отделения 3-го взвода 1-й роты, дальше продолжать преследование не было сил. Подходит вся 1-я рота. Генерал Марков подскакал к 4-й роте. Увидя пленных, он закричал:

– На кой черт вы их взяли?

Скачет ко 2-й роте. Все благополучно, и спешит на церковную площадь. Сзади раздается беглая стрельба.

– Узнать, в чем дело, – приказывает он ординарцу.

Ординарец вернулся с донесением: «Стрельба по вашему приказанию, Ваше Превосходительство!»

На площади к генералу Маркову подвели пленных артиллеристов, среди них командир батареи. Офицеры видят, что генерал Марков вне себя от гнева, и слышат возбужденный его голос:

– Ты не капитан! Расстрелять!

Но подъехал генерал Корнилов:

– Сергей Леонидович! Офицер не может быть расстрелян без суда.
– Предать суду! (На следующий день над пленными офицерами был суд. Так как их преступление было очевидно, их не оправдали, но... простили и влили в части армии). <...>

Потери Офицерского полка выразились в количестве 4-х убитых (все взвода поручика Кромма) и нескольких раненых. Незначительные потери, огромный успех первого боя и восторг офицеров своим командиром влили во всех уверенность в дальнейших успехах полка и армии.

Патронов в бою было израсходовано мало, а добыто огромное количество. Приходилось весьма сожалеть, что были захвачены орудия горного образца, снаряды которых оказались для армии ненужными.

22 февраля (7 марта). Армия отдыхала в селе Лежанка, наполовину оставленном жителями. Бежали потому, что поверили рассказам красных о жестокостях, чинимых «кадетами». В течение дня немалая часть бежавших вернулась в свои дома, которые нашла совершенно нетронутыми и не разграбленными. Смущение было огромное, когда добровольцы не требовали, а просили и за все расплачивались. Не возвращались в село лишь люди призывного возраста, боясь, что их мобилизуют, и те, которые связали себя службой у красных.

В этот день, в присутствии генералов Алексеева, Корнилова, Деникина, Маркова и других в сельской церкви было отпевание четырех убитых офицеров.

Мы проводили их с воинскими почестями до их могилы на сельском кладбище. Отслужена была последняя лития, а потом генерал Алексеев сказал со слезами на глазах о наших первых жертвах похода, о нашей обреченности в дальнейшем. Генерал Корнилов внимательно осмотрел закрытые могилы и сказал нам: «Запомните, господа, где мы их похоронили: может быть, близкие будут искать эти одинокие могилы».

23 февраля (8 марта). Утром Добровольческая армия выступила из села Лежанки и скоро вошла в пределы Кубанской области. Конный отряд полковника Глазенапа несколько раньше выступил в юго-восточном направлении на село Белая Глина, дабы отвлечь внимание красных от истинного направления движения армии. Офицерский полк с 1-й батареей на этот раз шел в арьергарде. Погода была чудесная, дорога совершенно сухая; идти было легко. Колонны частей

шли в образцовом порядке. Вдоль колонны Офицерского полка проскакал генерал Марков. Роты быстро «взяли ногу». Проезжая 4-ю роту, он вдруг громко спросил:

– Четвертая рота, что это за строй?

Но успел ротмистр Дударев ответить, как вся рота сказала:

– Справа по три, Ваше Превосходительство!

Этот кавалерийский строй унаследован был всей ротой от главной составной ее части, Ударного дивизиона кавалерийской дивизии. В ответ раздалась реплика генерала Маркова:

– Я вам покажу! Пехота, а справа по три...

И так как генерал Марков ускакал дальше, так ничего и не «показав», то рота весь дальнейший поход и проходила в кавалерийском строю «справа по три».

Совершив без утомления двенадцативерстный переход, армия остановилась в первой кубанской станице Плоской, разместившись там по квартирам. Сразу же всех поразила резкая противоположность тому, что было в селе Лежанка: станица не была оставлена жителями, и казаки встретили их приветливо и радушно, страха перед пришедшей армией они не испытывали. Всего 12 верст разделяло два различных характера, две психологии – казачью и крестьянскую. И это несмотря на то, что крестьяне Ставрополя жили не беднее казаков.

Но задумываться над этим офицерам не хотелось, они были заняты приведением себя в порядок в ожидании скорого и, видимо, обильного вкусного обеда. Они видели, как расторопные казачки готовили еду. Особенно пострадали куры; их приходилось ловить офицерам «по всем правилам военного искусства» и не всегда удачно; особенно беспомощны были офицеры в «убийстве» кур: казачки и казаки это проделывали с поразительной ловкостью и без всякого «оружия». Курьезы и смех! Казачки решительно отказывались брать деньги за угощение.

В Технической роте особенное оживление: прапорщика Шмидта, одетого в черкеску, казаки принимали за Великого Князя Николая Николаевича. Впрочем, сходство действительно поразительное. Ему, как и тем, кто с ним, оказывалось особо почтительное внимание и хлебосольство. Казаков не разуверяли ни теперь, ни потом.

Был впоследствии даже такой случай: один офицер, подойдя к прапорщику Шмидту, сказал ему на ухо:

– Ваше Императорское Высочество, я вас узнал! – На это ему Шмидт также тихо ответил:

– Ну и молчи!

Когда спросили Петра Эдуардовича, зачем он дал такой странный ответ, он объяснил, что если бы он постарался разуверить офицера, что он не Великий Князь, ему офицер все равно не поверил бы, а приказ «Великого Князя» молчать действительно заставил бы его не распространять этот вздорный слух.

Несмотря на благожелательное отношение казаков станицы к добровольцам и несмотря на то, что они бесспорно разделяли цели и задачи Добровольческой армии (генерал Корнилов почти в каждой станице разговаривал с казаками), тем не менее они не внимали призыву вступить в борьбу против большевиков. Не ожидали этого добровольцы.

24 февраля (9 марта) армия выступила дальше в западном направлении, имея в арьергарде Офицерский полк. Сделав в хуторе Ново-Ивановском двухчасовой привал, перешла на ночлег в станицу Незамаевскую. Здесь она нашла иное отношение казаков и к большевикам, и к себе: предчувствуя или понимая, что могут дать им большевики, казаки взяли за оружие и дали армии пополнение – пешую и конную сотни.

25 февраля (10 марта). С утра армия снова в походе. Шедшему в арьергарде Чехословацкому батальону пришлось отбить атаку и нанести большие потери кавалерийскому отряду красных. За это дело генерал Корнилов выдал батальону награду в 5000 рублей.

Пройдя всего лишь 15 верст, армия остановилась в станице Веселая и расположилась по квартирам, что весьма удивило всех. Стали строить догадки о причинах этого. То обстоятельство, что армия находилась уже недалеко от Владикавказской железной дороги, заставляло предполагать о возможном переходе ею этой дороги и даже с весьма вероятным боем, и что все это может произойти ночью. И действительно, около 21 часа армия выступила дальше, имея в авангарде Офицерский полк, Техническую роту, Юнкерский батальон и 1 батарею, под общим начальством генерала Маркова. Направление движения было взято по прежнему на запад, на станцию Сосыка, но, пройдя верст десять, у хутора Упорный авангард круто повернул на юг.

В темноте Офицерский полк по небольшой проселочной дороге, спускаясь вниз, прошел по гати, перешел мост через реку Тихоньякая... Но орудия застряли на гати. Полковник Миончинский мобилизовал все силы батареи: кустарник, камыш, солома... все валится на гать. Ей на помощь подошла Техническая рота: вяжутся фашины, крепится мост... Стучат топоры. Среди глухого шума работающих людей слышен отчетливый резкий голос генерала Маркова. Наконец, орудия благополучно перешли мост, но снова застряли на второй половине гати. Подбежала Офицерская рота. Скоро орудия оказались на твердом грунте, и авангард тронулся дальше.

– С ним не пропадем и везде пройдем, – говорили про генерала Маркова.

Где-то вправо раздались 2-3 взрыва.

26 февраля (11 марта). Перед рассветом авангард вошел в станицу Ново-Леушковскую и, не задержавшись в ней, продолжал путь, но уже в западном направлении. Еще 5-6 верст, и он вышел на железную до-

рогу, пропуская мимо себя армию. Генерал Марков распоряжался на переезде. Здесь же был и генерал Корнилов. Однако, переход армией железной дороги не прошел спокойно: с севера, со стороны станции Сосыка, подошел бронепоезд красных и начал обстрел переезда. Оказалось, железнодорожный путь был подорван слишком близко, но его скоро отогнала 1-я батарея, выехав на версту вперед. Когда прошли последние части, тронулся за ними и Офицерский полк с батареями.

Наступила ночь. <...>

Уже было далеко за полночь, а Офицерский полк с батареями все еще в походе. Дорога была хорошая, но дул холодный ветер. Усталость давала себя чувствовать. Вспоминалась солдатская песенка:

«Хорошо служить в пехоте;
Впрочем, очень чижало...»

Короткие остановки мало облегчали. Одолевал сон. Вдруг длительная остановка: впереди задержка при переходе болотистой балки. Многие заснули. Даже резкий оклик генерала Маркова не сразу всех разбудил. Кое-кто задержался, приводя в порядок свою изорванную обувь; ему брошено короткое приказание:

– В первом же бою добыть цельные сапоги!

Отстающих нет; колонна идет в порядке. Беда, если «приспичило пойти до ветру» по большому делу: генерал Марков тут ничего не скажет, но догонять своих нелегко. Генерал Марков не может ехать спокойно: он должен быть всюду. И обоз он не оставляет без внимания. Он знает всех едущих на подводах.

– Что с вами? – обращается он к одному штаб-офицеру.

– Болен, Ваше Превосходительство!

– Позвать доктора и сказать ему, чтобы он доложил мне о состоянии здоровья этого офицера! – После доклада доктора, генерал Марков приказал передать «больному», что «армии такие больные не нужны».

Наконец, вот и станица Старо-Леушковская, но арьергард должен ждать, пока вся армия втянется в нее. Досадно утомленным тридцативерстным переходом в течение суток быть в степи на холоде и голодными. Но – «як треба, то треба».

27 февраля (12 марта). Только под утро Офицерский полк и батарея втянулись в станицу и остановились в указанном им районе. Конечно, некоторым взводам пришлось сразу же идти в заставы и оставить надежды на отдых и еду.

Полковник Биркин со своим отделением был послан в заставу у мельницы и неожиданно нашел там заставу корниловцев в 10 человек. Корниловцы были в возбужденном состоянии... Оказалось, ночью на них натолкнулась колонна красных, шедшая в станицу, и они бес-

шумно разделились с нею: около сотни убитых лежало на дороге, и стояло 5-6 захваченных подвод с оружием. Но быть сменными они не решились, так как не получили никакого уведомления об этом, и полковник Биркин с отделением вернулся в станицу. Отдохнуть ему опять не пришлось: армия уже выступала.

Пройдя еще 20 верст, армия пришла в станицу Ирклевскую, и только здесь было объявлено о ночевке и даже добавлено – спокойной. Необходимость отдыха была огромна: ведь армией за полутора суток пройдено до 50 верст.

28 февраля (13 марта). Объявлено о возможной дневке в станице, и, действительно, армия простояла не только весь день, но и еще одну ночь. Добровольцы основательно отдохнули.

Конечно, среди офицеров велись разговоры на темы, выдвигаемые походом. Прежде всего, о безболезненном переходе Владикавказской железной дороги. Объяснение у всех одно: армию ведет генерал Корнилов. Затем – куда направляется армия? Тут – разногласия. Одни убеждены, как убеждены были и до перехода железной дороги: она идет на станцию Тихорецкая и изменила лишь направление удара на нее; другие утверждают, что теперь она идет на Екатеринодар и что для этого совершенно не нужно предварительно разбить Тихорецкую группу красных. В одном офицерском взводе по этому вопросу шел весьма горячий спор, и мир восстановил командир взвода, штабс-капитан Згривец, своим обычным приемом: «Слышь! Почистите винтовки, а пойдем туда, куда прикажет генерал Корнилов».

1 (14) марта. Утром армия двинулась по дороге на станицу Березанскую, имея в авангарде Корниловский ударный полк с батареей. Офицерский полк на этот раз шел почему-то в голове главных сил, что всем казалось новым за поход.

Впереди начался бой и, судя по стрельбе, серьезный. Колонна остановилась.

В это время бывший в голове колонны генерал Корнилов, обратившись к генералу Маркову, сказал:

– Помогите корниловцам! Если мы не собьем противника до вечера, мы будем окружены.

Тревога генерала Корнилова была понятна: он не думал, что красные будут оказывать упорное сопротивление армии в таком отдалении от железной дороги; не допускал мысли, что кубанские казаки будут на стороне красных, как случилось теперь. Оказалось, что противник не только обороняет станицу большими силами, но и сидит в окопах.

Генерал Марков выехал вперед. За ним Офицерский полк с батареей. Вскоре полк свернул с дороги и перестроился в боевой порядок. Выйдя на линию корниловцев, оба полка перешли в наступление. На фланге – конный дивизион.

Красные встретили полки жесточайшим ружейным и пулеметным огнем. Но цепи, не останавливаясь, спокойно, с винтовками на ремне, шли вперед; лишь изредка кто-нибудь на ходу давал выстрел-другой по важной цели. Красные не выдержали такого уверенного наступления и, сначала одиночками, а затем и всей своей массой, поднялись и бросились бежать, бросая пулеметы и винтовки.

Пройдя окопы красных на пологом гребне, добровольцы в 3-4 сотнях шагов увидели станицу, куда ныряли красные, укрываясь в постройки, садах, в огородах и в камышах пересекающей станицу речки. Конный дивизион обошел станицу и преследовал красных уже за ней. В станице вылавливали укрывшихся; иные платились жизнью, а на станичной площади старики-казаки поучали свою молодежь за помощь красным.

Офицерский полк не задержался в станице и вслед за конным дивизионом перешел в занятую им станицу Журавскую, проделав за день до 30 верст. Потери полка в бою были ничтожны.

2 (15) марта. Вся армия перешла в станицу Журавскую, выделив Корниловский полк и конный дивизион полковника Гершельмана для занятия станции Высеки, на железной дороге Тихорецкая – Екатеринодар. Станция была взята. Оставшийся на ней конный дивизион не подорвал железнодорожный путь в сторону Тихорецкой, стоял беспечно и неожиданной атакой красных с бронепоездом был с потерями выбит.

Посланный для восстановления положения Партизанский полк встретил упорное сопротивление и не мог взять станции ночной атакой. Положение армии, имеющей теперь на фланге сильную группу красных, базирующуюся на Тихорецкую, было тяжелое. Разбить в первую голову красных в Выселках стало первой и неотложной задачей.

3 (16) марта. До рассвета на помощь партизанам выступил отряд генерала Маркова: Офицерский полк, Техническая рота и 1-я батарея; ему был придан и батальон корниловцев.

Под прикрытием утреннего тумана отряд подошел к станции версты на 2-3 и стал разворачиваться. Впереди была слышна стрельба. Не доходя гребня, офицерские роты встретили отходящих партизан, пропустили их и ускорили движение на гребень. Едва поднявшись на него, они нос к носу столкнулись с наступающими густыми цепями красных. С дистанции в 50 шагов офицеры ринулись в штыки. Местами произошел короткий рукопашный бой; красные были опрокинуты. Расстояние быстро увеличивалось: офицерские цепи, продолжая наступление, преследовали красных огнем, но, встреченные огнем многих пулеметов из построений поселка, залегли. Тем временем красные с помощью резервов снова перешли в наступление.

Генерал Марков был в цепи полка. В этот момент к нему подскочил красавец-казак, высокого роста, с красным башлыком 17-го Баклановского полка.

– Очень рад видеть вас, есаул Власов! – громко заговорил генерал Марков, – как нельзя вовремя подошли: на наш левый фланг наступают матросы... Как бы до штыков не дошло! Атакуйте их, только поскорее!

– Слушаюсь, Ваше Превосходительство! – ответил есаул Власов, изящно отдав честь, скачком сел в седло и, круто повернув коня, карьером понесся к своей сотне, стоявшей в укрытом от пуль месте. Через несколько минут лава казаков в 40 шашек с гиком бросилась в атаку. Затрещала пальба и... стихла.

– Вперед, бегом! – и с криком «ура» цепь Офицерского полка кинулась в атаку. Теперь снова цепи оказались шагах в ста от красных. Атака есаула Власова сделала свое дело: его сотня изрубила ведущую часть красных – матросов и соседних с ними.

Батарея затушила пулеметный огонь из мельницы; она заставила красный бронепоезд укрыться за зданиями поселка, а затем поспешно уйти в сторону станции Тихорецкой. Красные бежали через поселок на восток, но там они попали под огонь обошедшей станцию с севера офицерской роты. Генерал Корнилов в решающий момент атаки станции был с цепями.

Станция была взята и противник разбит, но части Добровольческой армии понесли большие потери. Это был первый серьезный и жестокий бой. На стороне красных, кроме матросов (их было до 150 человек, погибли почти все), участвовали казаки и части 39 пехотной дивизии, чем и объяснялось их упорство. Генерал Марков был вне себя. К нему не обращались с вопросами о случайных пленных, а священнику, просившему о помиловании «заблудившихся», он ответил:

– Ступайте, батюшка! Здесь вам нечего делать.

В конной атаке погиб и есаул Власов. В момент схватки с матросами под ним был убит конь. Есаул упал, но, вскочив, он снес голову стрелявшему матросу и тут же погиб под пулями другого.

– Есаул! Есаул! – закричали его казаки. Изрубив матросов, они уже не могли преследовать красных: они столпились у тела своего командира и рыдали. Ночью тело есаула Власова и других убитых были преданы земле на кладбище поселка Выселки.

Уже в полных сумерках Офицерский полк, Техническая рота и 1-я батарея расположились на ночлег в поселке станции Выселки и близлежащей станице Суворовской. Генерал Марков приказал отдохнуть «как следует» и, кроме того, всем нашить на головные уборы белые повязки, чтобы в бою легче было отличить своего от красного. Тем частям отряда, которые остановились в станице Суворовской, приказано было не платить за питание, как репрессия за участие казаков этой станицы на стороне красных.

Партизанский полк и батальон корниловцев со взятием станции ушли на присоединение к главным силам армии в станицу Журавскую. Стало всем известно об екатеринодарских добровольческих частях. Несколько дней назад здесь эти части потерпели поражение и отошли к Екатеринодару. Но факт существования добровольческого отряда в Екатеринодаре теперь был бесспорен, и путь в Екатеринодар не представлялся трудным: красные будут сжаты с двух сторон и не помешают соединению армии с Кубанским отрядом.

БОЙ У СТАНИЦЫ КОРЕНОВСКОЙ

4 (17) марта. Перед рассветом отряд генерала Маркова, сосредоточившись на станции Выселки, выступил вдоль железной дороги в направлении на Екатеринодар. В арьергарде остался конный дивизион и подрывная команда Офицерского полка.

Стояла хорошая погода со светлым утром. В лучах восходящего солнца над степью жаворонки пели свои песни, роты Офицерского полка – свои:

«Так за Корнилова, за Русь, за Веру
Мы грянем громкое “ура!”»

Генерал Марков задержался на станции, но затем крупной рысью нагнал свой отряд. Поздоровавшись с Технической ротой, шедшей в хвосте, он перешел на шаг и сразу же завел разговор со всеми, задав несколько относящихся к моменту вопросов, и сделал вывод:

– Вы у меня и инженеры, и пехота, закаленные в боях. Вы хороший кадр для новых формирований. Будем надеяться, что в конце концов мы разобьем красных. И вдруг строгий вопрос командиру роты:

– Я не вижу полковника Уральского войска?

Командир роты ответил, что полковник устал и находится в обозе.

– Мы все устали! – возразил генерал Марков, – на следующий раз передайте полковнику, чтобы он поборол свою усталость и был бы в строю вместе с другими. Обоз нашей маленькой армии – это раненые и больные. У нас не хватит сил, чтобы защищать здоровый элемент, если таковой будет находиться в обозе, – и поскакал дальше.

«Сколько бодрости, уверенности и надежд вливал он в наши души! Мы были как орлята около своего орла», – записал участник этого похода.

Впереди роты ехало несколько санитарных подвод. На одной из них ехала сестра милосердия Технической роты, Елена, и пожилой офицер. Последний, увидев приближающегося генерала Маркова, слез. И что же? Генерал Марков первым приветствовал офицера и даже сказал ему: «Садитесь на подводу!».

Офицеры роты были поражены: два один за другим следовавших совершенно одинаковых случая и разное отношение к ним? Объясни-

лось это весьма просто: генерал Марков не только все замечает, но он и все знает. Он знал, что штабс-капитан был в бою под Выселками ранен двумя пулями. Этот офицер отказался отправиться в армейский лазарет: «Раны пушечные. Заживут на ходу при роте».

Отряд, в голове которого уже был генерал Марков, спустился в широкую низину речки Малеванная. Дорога шла по гати среди густых зарослей камыша. Генерал Марков следил за состоянием гати: выдержит ли она тяжесть орудий? Задержки не произошло. Дорога пошла на подъем.

Разъезд Козырьки. Здесь отряду был дан отдых, но генерал Марков со своими ординарцами и конными разведчиками батареи был далеко впереди.

Колонна отряда двинулась. Кругом тишина. В природе полный покой и радость ранней весны, но у добровольцев нервы напряжены ожиданием скорого боя. Несколько взрывов сзади, где была подорвана гать и полотно железной дороги, отразились в них ощущением покоя за отряд. Но вот, не очень далеко вправо раздалась артиллерийские выстрелы и все, как по сигналу «к бою готовься», подтянулись. Стройнее стали их ряды. В отряде знали, что там, вправо, ведут наступление на станицу Кореновскую главные силы армии.

Вскоре, к продолжавшей идти колонне подъехал генерал Марков и приказал своему отряду на ходу разворачиваться в боевой порядок: 1-я и 2-я роты в передовую линию, упираясь правым флангом в железную дорогу; 3-й роте – уступом слева; Технической роте – во 2-ю линию по обе стороны железной дороги; и 4-й роте – в резерв, вправо от железной дороги.

Еще немного продвинувшись вперед, передовые цепи полка увидели далеко впереди постройки и дымки паровозов на станции Станичная, правее – станицу, ближайшая часть которой была прикрыта гребнем, а значительно ближе их, по гребню – полосу свежеврытых окопов идвигающихся вдоль них людей. Противник уже подготовился к встрече. Кроме того, было видно, что окопы противника тянутся далеко влево, далеко левее направления, которое мог взять левый фланг 2-й роты.

Перед фронтом полка было еще спокойно, но вправо уже, судя по силе огня, шел серьезный бой. Но вот первая неприятельская граната разрывается на небольшом недолете. Затем шрапнель – журавлиный разрыв за передовыми цепями. Генерал Марков влезает на крышу железнодорожной будки, но скатывается с нее кубарем, так как следующая шрапнель накрывает будку. Бой на участке Офицерского полка начался.

До окопов противника меньше версты. Офицерская цепь идет вперед, но красная пехота молчит. Орудия красных стреляют лихорадочно. Одна шрапнель нормальным разрывом накрывает взвод. Взвод

поднимается и идет дальше, оставив на месте 4-х офицеров. К счастью, следующие шрапнели рвутся над головами цепей. Стреляет красный бронепоезд из железнодорожной выемки.

К одному из холмиков вылетает 1-я батарея, снимается с передков, но вынуждена немедленно сняться, так как бронепоезд бьет по ней весьма точно.

Она занимает другую позицию, несколько правее, на которой она не может быть обстреливаема бронепоездом, когда тот в выемке, но может бить по нему, когда он пытается выдвинуться из нее. Бронепоезд стал безопасен для цепей, продолжавших идти вперед. До противника оставалось до 1200 шагов, когда он из окопов открыл пулеметный и ружейный огонь. Цепи усилили шаг. Еще несколько сот шагов и они рванулись бы в атаку, но передана команда: «Стой!».

Генерал Марков остановил наступление, так как красные в это время решили нанести удар по открытому левому флангу 2-й роты. Он покакал туда, нагнал оставших от роты пулеметчиков, тянувших пулемет, и, указав им влево на бугор, находящийся шагах в 800, сказал:

– Вот высота! Кто первый ее займет, одержит успех!

Трое пулеметчиков быстро потянули туда свой пулемет, четвертый нес ящики с лентами. Когда они подошли к высоте, то уже окончательно выдохлись, а цепь красных, человек в сто, всего лишь шагах в 150-ти. Откуда взялись силы у пулеметчиков? Они втянули пулемет на высоту. Момент, другой... По ним защелкали пули, но пулемет бешено залился своей очередью... Он не выпустил и полной ленты, как замолк.

Цепь красных бежала назад, оставив перед высотой убитых и раненых матросов; бежала от пулемета, на котором лежал без сознания, сильно раненый в руку, начальник его, поручик Смола-Смоленко, а рядом – убитый другой и раненый в ногу третий пулеметчики. К высоте подошла 3-я рота, еще левее – конный дивизион.

Время – около полудня. На участке полка перестрелка; правее – сильный бой. Представление у офицеров такое, что он не может не переброситься и на их участок, и... перед фронтом всего Офицерского полка красные ринулись в атаку густыми цепями. Офицеры встали и встретили их выдержанным огнем. На 250 шагов до них смогли добежать лишь обрывки красных цепей, чтобы немедленно бежать назад еще более поспешно. Офицеры устремились было их преследовать, но их остановили: они не знали, что в это время произошло за их правым флангом, по другую сторону железной дороги,

Там Корниловский полк, развивая наступление, довел его до атаки красных окопов, выбил противника из них, но, встреченный контратакой, стал быстро отходить. Красные преследовали и уже вышли за правый фланг 1-й роты. Полковник Тимановский приказал командиру 1-й роты, подполковнику Плохинскому, ударить во фланг наступа-

ющему противнику и остановить его продвижение, а Технической роте перейти в контратаку.

Удар взвода 1-й роты с отделением другого взвода был настолько быстр и решителен и настолько сокрушающ своим штыковым ударом, что красные мгновенно повернули назад. Пятьдесят офицеров преследовали, проскочили их окопы и только там, попав под фланговый огонь бронепоезда слева и под ружейный справа, остановились, но на короткие минуты: красные атаковали и вынудили их к отходу. Противник ограничился лишь занятием своих окопов.

Этот эпизод боя произошел столь молниеносно, что Техническая рота не успела даже двинуться со своего места, а полковник Тимановский едва успел остановить отходившие левофланговые роты корниловцев. Критический момент прошел: добровольцы удержались, но наступление армии было остановлено на всем фронте.

1-я рота теперь седлает железную дорогу. Вправо корниловцы. За ротой, шагах в 800, седлает железную дорогу Техническая рота. Ее обстреливает из выемки бронепоезд. За правым флангом роты – бугор. На нем – наблюдательный пункт 1-й батареи, одно орудие которой нацелено на окопы красных, другое должно следить за красным бронепоездом. Перед бугром – цепь пешего взвода батареи.

«Генерал Корнилов!» – мгновенно передалось по цепи взвода. За бугром остановилась прискакавшая конная группа с развевающимся трехцветным флагом. Генерал Корнилов взошел на бугор.

– Где генерал Марков? Позвать генерал Маркова! – сказал он и стал осматривать расположение противника. Красные начали усиленный обстрел бугра ружейным огнем. Генерала Корнилова просят сойти вниз, но он не слышит просьб. Артиллеристы в цепи и у орудий замерли.

Через какое-то недолгое время прискакал генерал Марков. Взоры всех обратились на двух кумиров армии.

– Как у вас на левом фланге? – спросил генерал Корнилов.

– Я послал туда подкрепление, – ответил генерал Марков.

– Сколько?

– Семь человек и пулеметы, а когда понадобится, сам отправлюсь туда с конными. Кроме того у меня еще в резерве Техническая рота (4-я рота Офицерского полка в это время числилась в армейском резерве, но генералу Маркову были приданы пулеметы Корниловского полка, которые и пошли на левый фланг).

Шум стрельбы заглушал разговор Вождей, но вот что удалось схватить близлежащим офицерам:

– Кажется, придется нам здесь заночевать, Сергей Леонидович! – сказал генерал Корнилов.

– Ночевать не будем! – ответил ему генерал Марков и как-то объяснил свое утверждение.

Еще несколько фраз и генерал Корнилов, сев на коня, уехал на правый фланг армии.

Генерал Марков вызвал к себе полковника Тимановского и командиров Технической роты и 1-й батареи и отдал им распоряжения касательно предстоящей атаки. Техническая рота будет атаковать красных вправо от железной дороги. Офицеры-ординарцы поскакали с распоряжениями в роты полка, а сам он быстрым шагом пошел влево, вдоль лежащей цепи Технической роты. И – совпадение: в этот момент бронепоезд открыл беглый огонь по роте. Генерал Марков скачками бежал по открытому месту к железной дороге, залез под бетонный переезд и встретился там с несколькими офицерами. Последние не успели даже смутиться появлением генерала Маркова, как услышали его ворчание:

– Черт возьми! Красная сволочь, видимо, заметила мою папаху и, не жалея, бросает снаряды. Как бы не попало по цепи. Нужно переждать здесь несколько минут. – И сейчас же стал спокойно говорить о нашей предстоящей атаке и... о бое на улицах. Затем он вдруг перешел на тему о политике, сказав, что наша политика – защита блага Родины, и что мы, как солдаты, должны вести нашу политику быстро, решительно и целесообразно.

Прошло, может быть, минут пять, как генерал Марков, заявив молчавшим офицерам: «Ну, скоро мы пошлем красным снаряда три и – в атаку!» – оставил убежище и побежал к передовым цепям Офицерского полка. Только теперь пришли в себя офицеры под мостом. Ожидали разноса, а вместо этого живая, бодрая речь и предупреждение о скорой атаке. Офицеры решили, раз генерал Марков говорил о бое на улицах, следовательно, их рота атакует станицу.

Перебежками, с болтающейся на ремешке через плечо плеткой, генерал Марков добрался до передовой цепи, держа в руке свою белую папаху. Не обращая внимания на стрельбу со стороны противника, он обычным бодрым голосом спросил радостно встретивших его офицеров:

– Жарко?

– Жара, Ваше Превосходительство! Патронов нет! – сразу ответило несколько человек.

– Вот нашли чем утешить! В обозе их также нет. По сколько? – также весело спросил он.

– Десять-пятнадцать-двадцать... – в разной манере ответили ему.

– Ну, это еще неплохо. Вот если останутся одни штыки, то будет хуже.

Идет подготовка к новой атаке. Подрывники взрывают полотно железной дороги в начале выемки, чем лишают бронепоезд возможности вырваться вперед и угрожать обстрелом цепей во фланг. Но он опасен будет во время самой атаки, так как может обстреливать во фланг местность непосредственно перед окопами своей пехоты, а поэтому необходимо заставить его уйти из выемки и поставить под обстрел добровольческих орудий. Эта задача дана отделению поручика Якушева.

Пользуясь тем, что возвышенность, в выемке которой стоит бронепоезд, имеет неровную поверхность и покрыта кустарником, офицеры смогли подползти к бронепоезду и бросить в него несколько ручных гранат. Бронепоезд попятился назад и оказался на виду у артиллерийских наблюдателей. Гранаты 1-й батареи заставили его маневрировать, временами отходить по железнодорожному мосту на другой берег реки. К великой досаде всех, одна граната попала в мост, когда бронепоезд был на той стороне, но все же теперь, из-за повреждения моста, он уже не может оказать большой поддержки своей пехоте на ее позиции.

Подготовка к атаке шла благоприятно. Техническая рота выдвигалась в передовую линию правее железной дороги. На остальных участках полка спокойно, хотя и шла непрерывная перестрелка: офицеры лежали группами и вели разговоры даже не относящиеся к делу. Полковник Морозов, без должности, но всегда находящийся в передовой цепи, обсуждает с офицерами назначение попадающихся в степи плетеных сарайчиков.

АТАКА

Время приближалось к 15 часам.

Генералом Марковым отданы все распоряжения, и последнее из них: сигнал к атаке подает он сам, и находится он будет в передовой цепи 1-й и 2-й рот.

Наконец, на правом фланге всей армии началась сильная артиллерийская и ружейная стрельба. Генерал Марков вскочил и, бросив свой взгляд вправо и влево по цепи, скомандовал:

– А ну-ка! В атаку! – и сам бросился вперед. Все видели его в белой папахе и без колебаний также рванулись вперед.

И вдруг, в этот же момент поднялись и густые цепи красных и также ринулись в атаку. Было мгновение – офицеры остановились было, но порыв генерала Маркова снова увлек их. Цепи противников быстро и молчаливо сближались. Нарушило тишину отделение поручика Якушева, находившееся в выдвинутом положении, открыв огонь почти во фланг красным, и этого оказалось достаточно, чтобы те мгновенно повернули назад. Красные бежали, не задержавшись даже в своих

окопах, за которыми местность круто обрывалась к реке Бейсужок. Красные катились вниз, спасались в камышах, толпами спешили перейти речку по бродам и толпами бежали по открытой местности то на станцию Станичная, то левее в лесок. Цели были отличные.

Успех атаки на всем фронте Офицерского полка полный. Его цепи начали преследование противника. Первым на тот берег реки по железнодорожному мосту перешел пулемет 1-й роты; за ним – отделение поручика Якушева и другой пулемет. Бронепоезд красных гремел орудиями и пулеметами. Два офицера-пулеметчика, сраженные разрывами снарядов, упали в реку. Перешедшие – на железнодорожной насыпи. Перед ними бронепоезд, по которому бьет 1-я батарея; он то отходит, то вырывается вперед. Вдруг он доходит до самого моста. Пулеметчики и отделение, оставив пулеметы, скатываются с насыпи и прижимаются к земле. Выручает батарея: она стреляет по бронепоезду и... по своим, не нанося никому потерь. Но бронепоезд быстро дает задний ход.

С берега реки генерал Марков видит бегство красных перед фронтом всего полка, но и слышит сильную стрельбу вправо на участке наступления Технической роты, которая, видимо, встретила сильное сопротивление перед станицей. Он видит, что получается большой разрыв между нею и 1-й ротой, пересеченный железнодорожной насыпью, на которой все еще господствует бронепоезд, и отдает приказание левофланговой 3-й роте бегом перейти на правый фланг 1-й роты, а сам, вскочив на коня, поскакал к Технической роте. Но эта рота все же сбила красных и вырвалась в южную окраину станицы, вместе с подошедшей 4-й ротой, руководил которыми полковник Тимановский.

Перейдя речку, 1-я и 2-я роты встретили сопротивление красных перед леском и станицей. Лесок был взят, но перед станицей произошла задержка: красным помогал бронепоезд. И только с подходом 3-й роты и после того, как по бронепоезду и станции открыла огонь и 2-я батарея, бронепоезд ушел, и 3-я рота ворвалась на нее. После отбития ею сильной контратаки красных последние отошли. Полку приказано остановить наступление. Стрельба смолкла.

Наступили сумерки. Последний взрыв боя уже впереди станицы, но у частей, взявших станицу.

Отлично вел наступление на станицу Юнкерский батальон. Он шел в авангарде главных сил. Под дальним огнем красных развернулся в цепь. С группой конных, с развевающимся Национальным флагом вдоль цепи проехал генерал Корнилов. Он сказал юнкерам:

– Я очень доволен, что в этом бою участвует Юнкерский батальон на ответственном участке.

Громкое «ура» неслось по цепи. Расстояние уменьшалось. Противник усиливал огонь. Но ничто не остановило бы юнкеров. Их остановило передаваемое по цепи приказание: «Цепь, стой!». Последовали добавочные приказания: примениться к местности и открыть редкий огонь. Так батальон простоял, как казалось, «целую вечность», не зная причин остановки.

Наконец: «Цепь, вперед!» и – «В атаку, ура!». Сбив красных с их позиций, батальон встретил сопротивление в самой станице, но быстро преодолел его с поддержкой подскакавшей чуть ли не в его ряды 4-й батареей полковника Третьякова. Уже в сумерках он вышел на юго-западную окраину станицы и далее к железной дороге, где и произошло у него и корниловцев последнее столкновение с бронепоездом и пехотой красных.

Ночь. Офицерский полк с 1-й батареей на станции. В охранении 4-я рота. Вся остальная армия – в станице.

Настроение у всех крайне возбужденное длительным и тяжелым боем; усталость и сон валили с ног. Чины полка и батареи быстро разобрали два больших котла с готовым борщом, оставленные красными на железнодорожных платформах, и уснули крепким сном.

Но не было отдыха медицинскому персоналу. Ему нужно было собирать на поле раненых и убитых, свозить их в станицу, оказывать помощь одним, похоронить других. Нужно было озаботиться о нахождении новых подвод для массы раненых.

Потери в частях армии были весьма большие.

Офицерский полк потерял до 130 человек при 30 убитых;

Техническая рота – 20 человек при 7 убитых;

Юнкерский батальон – до 50 человек при 8 убитых;

1-я батарея потеряла 1 убитым и нескольких ранеными.

Большие потери были и в других частях. За два боя у Выселок и Кореновской походный лазарет армии увеличился почти на 200 подвод. При уменьшившейся численности армии увеличение обоза крайне тяжело и стеснительно. Это понимали все.

На участке у железной дороги, где вначале наступали корниловцы, а затем «марковцы», как стали называть подчиненных генералу Маркову чинов Офицерского полка, лежал тяжело раненый в обе ноги капитан Корниловского полка, чудом не добитый красными. Он окликнул пробежавшего «марковца»:

– Есть у вас револьвер? – спросил он.

– Зачем? Красные отступают! Мы на той стороне. Я сейчас пришло за вами сестру.

– Я не хочу отягчать своим полутрупом и без того тяжелое положение армии. Дайте револьвер! – просто ответил капитан.

После некоторого колебания «марковец» дал ему револьвер и пошел дальше. Сзади раздался выстрел...

5 (18) марта. Сон всех был долгим и крепким. Его не прерывала даже временами возникавшая оживленная перестрелка в охранении. Просыпались в бодром настроении.

Стали выясняться некоторые подробности минувшего боя. Оказалось, что силы красных, защищавших станицы, исчислялись не менее чем в 10000 человек, т.е. раза в четыре превышавшие боевую силу Добровольческой армии. Кроме того, качественно вся эта масса была на большой высоте, хорошо руководима, упорна и даже активна. Бронепоезд дрался отлично. Среди красных было много матросов. Упорство противника стоило ему огромных потерь. Он побежден, но не разбит, как был разбит под Лежанкой или Выселками. Он отошел, сохранив порядок, и отошел он на какие-нибудь четыре-пять верст.

Захваченные у противника трофеи были значительны и ценны: необходимые для армии медикаменты, а главное – артиллерийские снаряды, до 600 штук. Они оказались в вагонах, оторванных от эшелона попаданием снаряда. Ночью эти снаряды были разобраны батареями. Взято много пулеметов. Патронов приобретено столько, что составлен их запас.

В Офицерском полку теперь определенно говорили о продолжении наступления на Екатеринодар. В успехе была полная уверенность. Ее не поколебала даже услышанная, вызвавшая некоторое беспокойство новость: Кубанский отряд оставил город Екатеринодар и ушел на юг за Кубань. Уверенность подкреплялась усилением армии пешей и конной сотнями кубанцев станицы Брюховецкой и надеждой еще пополниться казаками станицы Корневской.

Но предположения и стремления «марковцев» не осуществились. Генерал Корнилов, основываясь на докладах о состоянии частей их командиров, в том числе и генерала Маркова, решил иначе: цель – не Екатеринодар, а соединение с Кубанским отрядом, а посему и армии идти за Кубань, куда ушел Кубанский отряд. Кроме того, считалось, что за рекой Кубань армия выйдет из окружения большими силами красных, сбережет свои силы и даже отдохнет.

О решении генерала Корнилова догадались лишь, когда армия выступила в южном направлении.

Вечером вся армия стягивалась из станицы к станции и затем, имея в авангарде Корниловский полк, Чехословацкий и Юнкерский батальоны, двинулась на юг. Офицерский полк, его 1-я, 2-я и 3-я роты и Техническая рота с 1-й батареей шли в голове «главных сил», как в шутку стали называть огромную колонну на колесах – походный лазарет и обоз.

К 21 часу 4-я рота Офицерского полка снялась из охранения перед станицей и пошла вместе с Партизанским полком в арьергарде. Армия шла на станицу Усть-Лабинскую.

БОЙ У СТАНИЦЫ УСТЬ-ЛАБИНСКОЙ

6 (19) марта. Армия шла спокойно всю ночь и только утром завязался бой у арьергарда с преследующим ее противником. Утро принесло неприятность: погода изменилась к худшему, подул холодный ветер, небо покрылось тучами, стал накрапывать мелкий дождь.

К полудню армия, пройдя свыше 30 верст, приблизилась к станице Усть-Лабинской, оказавшейся также занятой большими силами красных и уже подготовившимися встретить ее. Перед станицей железной дороги и перед станицей красные сидели в окопах. Авангард должен был сбить противника, захватить переправу через реку Кубань и обеспечить переход армии за реку Кубань, как в сторону станции Кавказская, так и города Екатеринодара. Последняя часть задачи была дана Юнкерскому батальону. Около 14 часов началось наступление авангарда. Офицерский полк и за ним «главные силы» остановились. Генерала Маркова нет с полком. Полковник Тимановский покуривает свою трубку и спокойно поглядывает вперед, но из-за серой погоды не видит, как там «идут дела».

Но вот подсказал генерал Марков.

– Первая рота – за мной! – сказал он и, свернув с дороги, повел ее куда-то вправо. Пройдя некоторое расстояние, рота остановилась. Бой шел близко, так как пули то и дело посвистывали над колонной роты. Скоро огонь противника усилился. Наконец, исчезнувший было генерал Марков повел в колонне же роту дальше навстречу летящим пулям и подвел ее к высокой скирде, на которой сидел генерал Корнилов, наблюдавший за боем впереди.

– Сергей Леонидович, пошлите Офицерскую роту туда, – громко сказал генерал Корнилов, указав направление.

Тут же рота развернулась и цепями пошла вперед. Ей стало видно железнодорожное полотно, насыпь, бегущие от полотна навстречу какие-то жидкие цепи, а на полотне – все густеющая цепь, стреляющая по бегущим. Когда отступавшие, а это был Юнкерский батальон, поравнялись с Офицерской ротой, они повернули назад и с нею пошли вперед. Красные же в это время, не задерживаясь на насыпи, продолжали наступление. Противники шли на сближение без стрельбы. Уже только около 200 шагов разделяло их.

Вдруг, красные, как бы сообразив, что перед ними свежая часть, повернули назад. Офицерско-Юнкерская цепь стремительно мчалась за ними, и на железнодорожную насыпь взбирались уже и те и другие одновременно. С насыпи глазам наступавших представился сплошной

муравейник большевиков, бежавших к станице. Короткое преследование огнем и дальнейшее быстрое движение вперед.

До станицы шагов 600-800. Видны свежеврытые окопы. Но бегущая масса красных, сделав попытку остановиться в них, только дала время приблизиться к ним своему врагу, чтобы сейчас же продолжать бегство по улицам станицы. Красные бежали толпами. В них вливались новые беглецы. Цели были близкие и массовые...

В этот момент Юнкерский батальон был остановлен для прикрытия станции с запада, а офицерская рота, не задерживаясь, продолжала наступление по улицам вдоль северной окраины станицы в восточном направлении. Наконец, красные исчезли перед ней, свернув в боковые улицы, скрывшись в садах и постройках. Роте было приказано выйти на восточную окраину станицы.

При выходе в поле рота натолкнулась на большое количество неприятельских трупов. Чьей жертвой были они, рота не знала. Она не знала, что здесь, сбив красных, прошли к переправе корниловцы и чехословаки. Не знал и генерал Марков, подсказавший в этот момент к роте:

– Когда вы успели набить столько? – весело спросил он. Роте пришлось ответить, что это дело не ее рук, и что их жертвы – на западной окраине станицы. Приказав роте остановиться здесь, генерал Марков куда-то ускакал. Рота простояла на месте довольно долго.

Сейчас же после того момента, когда генерал Марков по приказанию генерала Корнилова направил 1-ю роту и Юнкерский батальон в контратаку, он получил новое приказание от генерала Корнилова: Офицерским полком обеспечить занятую станицу с востока, откуда ожидалось наступление свежих сил противника. Генерал Марков посылает ординарцев в 1-ю и в находящуюся в арьергарде 4-ю роты с приказаниями, не задерживаясь, быть у железной дороги на линии восточной окраины станицы, а сам поскакал к продолжавшим стоять в голове «главных сил» 2-й и 3-й ротам и 1-й батарее. Он повел их влево и, не доходя до железной дороги, остановил их, приказав быть готовыми к встрече противника, а сам помчался к 1-й роте, о чем было сказано выше. Через довольно долгое время подошла 4-я рота, которая остановилась у железнодорожной будки. Ей пришлось идти почти бегом по полю, обходя стоявшие в 3-4 ряда повозки «главных сил». Рота составила полковой резерв в нескольких сотнях шагов за выдвинутой вперед 1-й ротой, ставшей южнее железной дороги, и 2-й и 3-й ротами, стоявшими севернее ее.

Что произошло дальше, приводится по воспоминаниям полковника Биркина:

«К железнодорожной будке подъехал генерал Марков и слез с коня. Тут уже было несколько офицеров. Он, видимо, много гонял на коне, так как снимал свою папаху, вытирал платком лицо и распахивал

свою куртку. Его живая фигура ни на минуту не оставалась в покое, в руке играла плетка. Судя по тому, что генерал Марков, а за ним и все остальные, часто смотрели в сторону станицы Кавказской, можно было думать, что враг ожидается с минуты на минуту.

– Вот и они! – сказал вдруг генерал Марков.

Не далее, как верстах в двух, остановился поезд, из которого стали выскакивать красные и разворачиваться против станицы, а из-за поезда выкатили на руках четыре орудия и установили их на позицию.

Красные цепи развернулись по обе стороны железной дороги и немедленно пошли вперед.

Генерал Марков отдал распоряжения.

До орудий красных было до смешного близко; их можно было обстрелять ружейным огнем, если бы не присутствие генерала Маркова. Генерал Марков с артиллеристом уселись за деревом. Артиллерист растопырил перед своими глазами пятерню пальцев левой руки, смотря через них на большевистскую батарею, и начал отдавать приказания.

Но большевики открыли огонь раньше: перелет, недолет... и в этот момент команда: «Первое, огонь!». Столб дыма взвился прямо перед большевистским орудием. «Второе!» – быстро скомандовал артиллерист. Столб дыма поднялся уже между орудиями. «Огонь!» – новая команда.

Тут и генерал Марков, и мы, все бывшие около, вскочили в изумлении и радости: граната ударила прямо в орудие, и простым глазом было видно, как номеров веером разбросало вокруг него, и они остались недвижимы.

Произошло что-то очень странное: от поезда к орудиям побежали люди, схватили орудия и на руках поволокли их к поезду. Наши гранаты и шрапнель подгоняли их, но... перед самым локомотивом взвился столб дыма, и тотчас же поезд двинулся назад», – так записал об этом красивом моменте полковник Биркин.

Но артиллерийский обстрел станицы продолжался. Стрелял бронепоезд, стоявший за головным эшелонном красных.

А между тем пехота противника густыми цепями, в образцовом порядке приближалась. Ее левый фланг упирался в реку Кубань. Правый – охватывал Офицерский полк слева. Полк молчал. Но вот – «В атаку!» – крикнул генерал Марков. Атака была бешеной. 1-я рота сразу же оказалась под охватом справа, где не встреченный контратакой противник продолжал быстро подходить вдоль реки к станице, угрожая переправе через реку.

– 4-й роте атаковать! Скорей! С Богом! – приказывает генерал Марков, направляя ее влоборота направо.

«Мы уже выдохлись и не могли бежать. Сердце колотилось как бешеное. Вышли из станицы к полю и остановились. На поле, шагах

в ста, лежало много убитых. Кто их перебил, мы уже не могли видеть. Догадались только, что корниловцы, так как конный, мелькнувший перед глазами, был одет в форму этого полка».

Атака красных была отбита полком, и они бежали в полном беспорядке. На левом фланге их рубил конный дивизион.

Темнело. Офицерскому полку приказано прекратить преследование, отойти к станице и обеспечить переправу армии на южный берег реки Кубани.

Тем временем в станицу двигались «главные силы», предшествующие Технической ротой. Колонна шла к переправе через реку Кубань, занятую корниловцами. От станицы к каменному мосту вела почти двухверстная дамба, на которую втягивался обоз. Перед самым мостом остановка. По обозу разнесся слух, что мост взорван – известие, приведшее одних в панику, других – к решению дорого отдать свои жизни, третьих, наиболее беспомощных – не отдаваться в руки красных живыми.

Но, к счастью, только в одном месте, сбоку, зияла в мосту дыра от взрыва, через которую видна была вода быстро текущей Кубани; мост был высокий, и проезжать вплотную к дыре было жутко и людям, и лошадям. Техническая рота быстро накрыла дыру подручным материалом и стала пропускать осторожно «главные силы». Естественно, что переправа длилась долго и уже в наступившей ночи. На всякий случай для переправы пехоты были приготовлены лодки и другие плавающие средства.

В течение 1-й половины ночи под прикрытием Офицерского полка шла переправа армии. Прошел арьергард генерала Богаевского, кавалерия, Юнкерский батальон. В станице – жуткая тишина, изредка нарушаемая ружейными выстрелами. Большая ее часть, главным образом, западная, не находится уже под наблюдением дозоров Офицерского полка, а там как раз скрылась масса красных после дневного боя.

В одном дозоре войсковой старшина и два кадета.

– Господин Войсковой Старшина! Если нас окружают красные, то убейте нас, – сказали кадеты своему офицеру.

– Хорошо! Но если я буду ранен, то сделайте то же и вы со мной!

Наконец и Офицерский полк пошел к мосту, прикрываемый заставой. Над ним чаще свистели пули.

В темноте на том берегу у моста – движение.

– Девочки! Тащите сюда пулемет! – слышен женский голос.

Проходящая рота засмеялась, но коротким смехом, будто поняв особенность и серьезность услышанного приказа. У моста становилась на позицию, чтобы прикрыть отход армии, маленькая женская боевая часть, силою всего в 15-20 человек с пулеметом. Ее состав – ударницы

женских батальонов; иные в чине прапорщика, иные с георгиевскими крестами. Восемь месяцев назад, в разгар революции для России ставился вопрос: победа или позор поражения? Тогда героическая женская молодежь своим примером хотела поднять патриотическое чувство разлагающейся армии и добиться победы. Но в боях у Сморгони в июле месяце женский батальон своим достойным примером не увлек солдатской массы. А в конце октября месяца женский ударный батальон с ротой юнкеров защищал Временное Правительство в Зимнем дворце, хотя и плохую и вредную, но Русскую, Национальную власть против большевиков. Теперь часть этих героинь-воинов боролась за Россию в рядах Добровольческой армии. «Слава им! Вечная память!» – сказали офицеры, увидев у дороги лежащую, сраженную пулей, женщину-доброволицу. Суровый русский солдат, штабс-капитан Згривец, сняв фуражку и перекрестившись, сказал: «Не бабье это дело!»

ЗА РЕКОЙ КУБАНЬ

7 (20) марта. Время – за полночь. Колонна армии вытянулась по дороге на ближайшую станицу Некрасовскую, до которой оставалось около 10 верст. В Офицерском полку добровольцы теперь чувствовали себя спокойно: армия вышла из-под ударов Тихорецкой, Екатеринодарской и Кавказской групп красных, отделена от них рекой, и она – в районе, удаленном от железных дорог. Надежда на отдых, а пока – скорей в станицу Некрасовскую. Пройденные свыше 30 верст сказываются. Да и весьма сыро.

Полк продвигается вперед растянувшейся колонной, но идет он не по дороге, а стороной, так как на дороге стоят части и обоз. Почему задержка? Может быть, потому, что Офицерский полк теперь необходим в авангарде? Идти становится труднее: дорога идет на подъем.

Наконец, остановка. Роты подтянулись.

Вдруг впереди раздались едва слышно глухие выстрелы. Причина остановки колонны стала ясна! От полка отделяется шедшая в голове 4-я рота и уходит вперед. Там она развернулась в боевой порядок и стала медленно продвигаться дальше. Остальные роты продолжают стоять на месте, рядом с головой обоза.

– Генерал Алексеев! – сказал кто-то.

На дороге у своей коляски стоял генерал Алексеев. К нему подошли офицеры.

– Некрасовская занята красными. Армия оказалась в окружении, и придется пробиваться, – сказал он.

Но только с минуту удалось побыть офицерам со своим старым вождем. Роты двинулись вперед и, пройдя короткое расстояние, свернули с дороги влево и, рассыпавшись в цепи, пошли на подъем по ку-

старникам и зарослям, потом куда-то спускались, а затем карабкались по крутому обрыву вверх. Темной ночью, не отдавая себе отчета в своем маневре. Впрочем, задачу ротам знали их командиры: приказано обойти станицу с востока и сбить оборонявшего ее противника.

Преодолев еще ров с кустарником, роты вышли на ровное место, неожиданно столкнулись вплотную с красными. Раздался беспорядочный огонь. Красные исчезли в темноте, но в цепях рот, вернее – в бесформенных их обрывках, продолжавших наступательное движение, то там, то здесь раздавались выстрелы. Так шли до рассвета. Утром роты оказались в окопах красных, недалеко и левее станицы, видимо, только что брошенных ими. В это время вправо началась сильная стрельба...

Рассвет застал 4-ю роту верстах в 2-3 не доходя до станицы Некрасовской, и одновременно она оказалась под ружейным и пулеметным огнем противника, занимавшего удобную позицию. Вскоре рота была остановлена.

– Посмотри влево, – сказал офицер своему соседу. На копне соломы сидел генерал Корнилов и наблюдал за противником. – Что же мы лежим? – с недоумением спросил офицер. Недоумение среди 4-й роты было всеобщим. Но вот:

«Я услышал сзади музыку. Было, как будто, недалеко, но не видно еще за скатом. Наконец, на скате появилась цепь корниловцев с их эмблемами на рукавах около плеч.

Я много уже слышал про них, но теперь впервые и воочию увидел этот знаменитый полк и как раз в бою. Не отрываясь смотрел на него, даже не слыша свиста пуль. А полк разворачивался к атаке, не изменяя шага и отбивая ногу, как на параде. Ни криков, ни беготни, ни одной заминки...

Полк поравнялся с нашей цепью и прошел через нее, не ускоряя и не замедляя шага. Мне кажется, что я смотрел на полк, разинув рот, до того удивительно, картинно захватывающе и даже страшно было это зрелище.

Цепи их были в 6-8 шагов интервала, и удивительней всего, что они на ходу строились одна уступом за другой. Большевики встретили полк ураганным огнем, а корниловцы и не дрогнули: как шли, так и идут, даже шаг не прибавили, и казалось, что они чрезвычайно быстро приближаются к окопам большевиков.

Вдруг пальба большевиков сразу прекратилась. Густыми цепями они поднялись и побежали изо всех сил к станице. В ту же минуту грянуло корниловское «Ура!».

Генерал Корнилов, стоя во весь рост на копне, смотрел в бинокль вслед своему полку.

– Встать! – послышалось, наконец, у нас. – Вперед!

– Ну и корниловцы! – заговорили в рядах нашей роты. Показали

себя как нельзя лучше. Для нашего полка пример замечательный: мы залегли, а они...» (Из рукописи полковника Биркина.)

Некрасовская взята.

Увы! Офицерский полк не получил здесь полного отдыха. Его роты стояли на позициях за станицей к востоку и югу от нее: невдалеке были видны красные. Они в течение дня пытались приблизиться к станице, но легко отбрасывались. В общем, этот день был спокойным, но унылым, скучным и голодным. Только вечером роты были отведены на окраину станицы. На ночь от полка были выставлены заставы.

В течение дня в Офицерском полку слышали не только ружейную и пулеметную, но и артиллерийскую стрельбу на противоположной, западной стороне станицы. «Похоже на полное окружение нас», – говорили офицеры. И действительно, красные были на западном берегу реки Лаба, протекавшей вдоль станицы, и у них имелись даже орудия.

1-я батарея не раз заставляла замолкать батарею красных, обстреливавшую станицу. Юнкерский батальон, стоявший в охранении вдоль реки, вел перестрелку с красной пехотой. Его молодежь все еще сохраняла не только силы, но и боевой пыл, и только когда был убит юный прапорщик Архангельский, вскрикнувший в этот момент: «моя мама...», – все осунулись, замолчали... Молодежь снова ожила несколько спустя, когда ей была объявлена ответственная задача, данная их батальону.

Утром следующего дня армия должна выступить в западном направлении, т.е. перейти реку Лаба и сбить противника за ней. Мост через реку основательно испорчен красными, а поэтому форсировать ее остается лишь переходом вброд. Начать эту операцию выпало на Юнкерский батальон.

8 (21) марта. Полночь. Юнкерский батальон построен, и ему объяснена задача: перейти вброд реку, залечь под обрывистым берегом, а перед рассветом атаковать противника и занять ближайшие хутора. Начать выполнение задачи дано двум взводам: взводу недавно произведенных в офицеры юнкеров штаб-ротмистра Концепа и взводу полевых юнкеров поручика Гурчина. Перед рассветом они атакуют, и одновременно переходит реку весь батальон и также немедленно вступает в бой.

Сыро и холодно. Тишина. Во 2-м часу ночи взводы вошли в воду. Ширина реки 20-25 шагов, дно каменистое и неровное, глубина местами по грудь, течение быстрое. Переход реки прошел без единого выстрела со стороны противника. Брезжит рассвет. В нескольких десятках шагов от берега, за бревнами, появились фигуры красных. Переправившиеся взводы атаковали и моментально сбили противника. Он бежал к хуторам, из которых выходили его цепи. Но они имели перед собой уже весь Юнкерский батальон. Пулемет Кольта, перенесенный на

спине через реку прапорщиком Зильберманом, открыл огонь. Батальон ворвался в два хутора, отбил атаку в свой фланг из третьего. Ему на помощь подошел конный дивизион. Красные отходили. Юнкерский батальон блестяще выполнил ответственную и трудную задачу.

Вскоре к нему подошел Офицерский полк, еще ночью снявший свои заставы и переправившийся через реку на лодках и сколоченных плотах. Полк и Юнкерский батальон наступали по дороге на хутора Филипповские.

Офицерскому полку пришлось действовать поротно, выбивая красных из разбросанных хуторов, по группам носивших названия Марухинских, Ново-Севастопольских, Султановских. На одном хуторе 4-я рота захватила два орудия и грузовик со снарядами. Генерал Марков приказал испортить орудия и грузовик. Последний потому, что красные вылили горючее. Но ротмистр Дударев не выполнил приказа генерала Маркова. По настоянию морского лейтенанта, надевшегося найти хотя бы керосин, если не в этих хуторах, то в следующих, грузовик тащили волы, а за рулем сидел лейтенант. Керосина достать не удалось.

Отряд генерала Маркова заночевал на Киселевских хуторах, верстах к 15 от станицы Некрасовской. Красные находились в непосредственной близости.

Тем временем на поврежденном мосту кипела работа по его реставрированию. Однако, все усилия сделать его пригодным для переправы артиллерии и обоза не привели к положительному результату. Пришлось использовать слабый паром. Переправа затянулась на целый день. <...>

9 (22) марта. Едва стало светать, армия выступила дальше по дороге на хутора Филипповские. Она вклинилась в расположение противника, будучи в то же время преследуема его частями из станицы Некрасовской. Она находилась в положении тесного окружения, имея свой фронт всего лишь версты две, а глубину своей колонны версты четыре. «Главные силы» ее были не только под обстрелом артиллерии красных, но и под ружейным.

Красные старались всячески использовать тяжелое положение армии и действовали активно. Но идущие на охране флангов части (отряд генерала Маркова прикрывал левую сторону колонны) неизменно сбивали красных с каждого тактического рубежа.

С подходом армии к хуторам Филипповским, занимаемым большими и свежими частями красных, было необходимо сосредоточить для атаки возможно большие силы, для чего Офицерский полк получил приказание выйти в голову колонны, где были Корниловский и Партизанский полки.

Положение «главных сил» армии – ее походного лазарета и обоза, оставшихся без достаточного пехотного прикрытия, создавалось очень опасным, но с ними был оставлен генерал Марков. Он быстро сократил глубину колонны; он сформировал из раненых группы, которых высылал в обеспечение колонны. Нажим противника усилился. 1-я батарея, оставшаяся с генералом Марковым, вела огонь на все стороны. Был момент, когда Юнкерский батальон оказался в тяжелом положении, но его выручил пеший взвод батареи. Генерал Марков благодарил взвод и батарею.

Тем временем три пехотных полка и конный дивизион на их левом фланге перешли в атаку на хутора Филипповские. Партизанский полк – вправо от дороги, Офицерский – влево, Корниловский и конный дивизион – еще левее, в обход хуторов с востока. Офицерский полк имел две роты в передней линии, одну роту за ними во второй. 4-я рота была в резерве армии.

Перейдя складку местности, Офицерский полк увидел перед собой в 1000 шагах за ложбиной на следующем гребне свежеврытые окопы противника, из которых сразу же встретил его поток ружейного и пулеметного огня. Роты не остановились и шли вперед, спускаясь в ложбину, затем начали подниматься. Осталось менее чем 500 шагов. Отчетливо видны уже лица красных; все сильнее охватывает беспокойство: если вся их масса поднимется и перейдет в контратаку, она легко сомнет наступающих. Но вот, когда до окопов врага осталось 200 шагов, далеко влево и несколько впереди раздалось «ура», и красные мгновенно оставили окопы и бросились бежать в большой Княжеский лес в нескольких стах шагах за окопами и укрылись в нем.

Роты полка на несколько минут задержались в окопах. В них были ведра с водой, байки с медом, хлеб, было чем утолить жажду и голод.

Ожесточенный бой продолжался вправо, на участке партизан. Туда была направлена 4-я рота. Она добежала до маленького хутора, лежащего вдоль дороги, по обе стороны которой тянулся лес. Обстреляла и заставила скрыться в лесу красных, пересекла дорогу и вышла на другую сторону хуторка. Здесь она остановилась, пораженная огромным количеством неприятельских трупов, но частей добровольцев видно не было. Роте было приказано быть готовой к обтитию атаки.

«В цепи роты стоял во весь рост офицер и смотрел в бинокль.

– Да где красные? – громко спросил я (запись полковника Биркина).

– Под вашим носом! – ответил смотревший в бинокль, – до них и сотни шагов нет. Вон они накапливаются за валиком и сейчас пойдут в атаку.

Я посмотрел на говорившего. В глазах мелькнуло что-то знакомое, и, приподнявшись, чтобы разглядеть, с кем говорю, я очутился нос к носу с самым генералом Корниловым.

Пули густо засвистели. Я прилег и, сам не отдавая себе отчета, что делаю, схватил полу шинели Генерала и сильно потянул к себе. Генерал воспротивился и смотрел в бинокль, не отрываясь. Вдруг повернулся ко мне лицом и ногой отбросил мою руку от полы шинели.

– Небось, не убьют! Еще пора не пришла, – громко сказал он, улыбаясь. – Смотри! – тотчас же крикнул генерал Корнилов.

Перед нами выросла стена большевиков, но в то же мгновение грянул залп нашей цепи, и затрещали пулеметы. Вместо того, чтобы ринуться в атаку, большевики упали навзничь, как нам показалось, и скрылись. Высланная разведка никого перед нами не нашла.

Вскоре появилась связь от генерала Богаевского с известием, что большевики бегут, и он двинулся преследовать их.

– А просил подкрепления! – с укором сказал Корнилов. – И всегда так, – добавил он, – пошлешь ему пяток людей, и он переходит в атаку. Молодчина!

Мы собрались не строем вокруг Корнилова. В это время высокий стройный офицер вдруг схватился рукой за перевязь с патронами, как раз против сердца, и повалился навзничь. Шальная пуля пробила ему сердце. Не знаю почему, но эта смерть своей ненужной случайностью произвела больше неприятного впечатления, чем вид убитых на поле. Даже генерал Корнилов как-то печально махнул рукой, сказав коротко:

– Ну и судьба!»

Хутора Филипповские, растянувшиеся вдоль восточного берега реки Белой на многие версты, были заняты корниловцами. Конные части продвинулись дальше к югу и заняли примыкавшее к ним село Царский Дар.

Офицерский полк, пропустив «главные силы» армии и части, их прикрывающие, пошел за ними и расположился в северной части хуторов. С ним Юнкерский батальон. Они должны были обеспечить армию с севера.

За минувший бой Офицерский полк потерял около 50 человек. Из них на 2-ю роту, бывшую в атаке во 2-й линии, пала половина всех потерь: 6 убитых и около 20 раненых.

Наступила уже ночь, когда, наконец, Офицерский полк, выставив охранение, мог начать отдых. Им пройдено было около 15 верст, но моральное напряжение, недосыпание в течение ряда суток, усталость,

вызванная главным образом движением по размокшему чернозему, давали себя чувствовать. Жители почти все оставили хутора. Самим бойцам пришлось озаботиться о своем питании. Было всего вдоволь, но выбиралось только то, что могло быть быстро приготовлено. Ели торопясь, однако некоторые засыпали, не донеся вареного яйца до рта. Роты обошел генерал Марков и предупредил:

– Как видите, мы сидим в яме. Красные не оставят нас в покое и обязательно атакуют. Поэтому задерживаться здесь не будем. А пока будьте в полной готовности!

БОЙ ЗА ХУТОРАМИ ФИЛИППОВСКИМИ

10 (23) марта. Ночь прошла очень беспокойно. Была тревога, оказавшаяся ложной. Перед рассветом снова тревога, но на этот раз Офицерский полк и Юнкерский батальон должны были выступить на окраину хутора: красные наступали с севера и востока. Роты обскакал генерал Марков и коротко приказал: Отбросить! – Спускавшиеся с возвышенностей красные были не только остановлены, но и отброшены за них.

В это время армия выступала из хуторов на запад по дороге на станцию Рязанскую. Перед рассветом корниловцы сбили красных с позиций по западному берегу реки Белая, захватили мост и преследовали их. На возвышенности, верстах в двух от переправы, красные пытались задержаться, но были сбиты и с нее. Однако, силы противника, увеличившиеся подходом новых частей, остановили дальнейшее продвижение корниловцев, угрожая им охватом с правого фланга. На поддержку пошел Партизанский полк. Но и эта помощь не изменила положение. Пересеченная местность давала противнику возможность упорно обороняться; она же способствовала ему, занимающему более широкий фронт, активно угрожать флангам выдвинутых полков. Положение крайне тяжелое и опасное: в случае неустойки хотя бы на небольшом участке, красные выходили на гребень, и перед ними в непосредственной близости оказывались «главные силы» армии. Более того – вся армия оказывалась в низине, окруженной со всех сторон противником.

Положение было таково: от хуторов Филипповских к реке Белая шли дамба и дорога до 2-х верст длинной. За мостом, на западном берегу реки, дорога сворачивала к северу и тянулась между рекой и возвышенностью, на которой вели бой Корниловский и Партизанские полки, версты две-три, и только затем сворачивала к западу. Все это ее протяжение было на виду с восточного берега реки. На дороге стояли «главные силы» в ожидании поворота боя в пользу армии. Но сил двух полков чтобы сбить противника недостаточно, и из хуторов Филипповских срочно вызывается Офицерский полк. На хуторах остается

Юнкерский батальон с конным дивизионом. Техническая рота уже на переправе ее задача – с проходом последней части сжечь мост и не дать противнику переправиться через реку. К северу от роты, вдоль реки – Чехословацкий батальон.

Красные давят со всех сторон. Генерал Корнилов на возвышенности за Корниловском полком. Около него все батареи, которым он указывает цели. Партизаны едва сдерживают красных. Им на помощь вызывается рота чехословаков, которую заменяют снова мобилизованные раненые. Вводится в бой и конвой генерала Корнилова. Юнкерский батальон и конный дивизион не в силах задержать наступление красных, оставляют хутора Филипповские. Артиллерия красных с восточного берега реки обстреливает «главные силы». Один снаряд разрывается вблизи генерала Алексеева. Положение трагическое. Противник вводит новые силы и охватывает левый фланг корниловцев.

Офицерский полк перешел мост и остановился. Но сейчас же подскочил генерал Марков и направил 2-ю и 3-ю роты обеспечить левый фланг корниловцев. 4-ю роту он отправил в голову «главных сил», дав ей задачу прочищать им дорогу. Вся армия в бою, кроме последнего резерва – 1-й роты Офицерского полка. Но через весьма короткое время и она вошла в дело.

Совершенно неожиданно красные подошли к переправе с юга, вдоль западного берега реки. С дистанции версты с небольшим по переправе посыпались их пули.

– Отбросить! – приказал генерал Марков командиру 1-й роты, подполковнику Плохинскому. Рота ринулась вперед и отбросила красных. Она могла бы привести их в полное расстройство, но подскочил генерал Марков и повернул ее почти в обратном направлении: там, за складками местности, слышалась сильная стрельба. Рота не шла, а бежала. Она наскочила на фланги красных, большими силами обходящих левый фланг 3-й роты полка. Под перекрестным огнем рот, под ударами их штыков, красные бежали в полном беспорядке, оставив на поле боя до 300 убитых и раненых. Но в момент успешного преследования снова появился генерал Марков и снова 1-ю роту направил в обратном направлении, к реке. Рота бьет во фланг и тыл тем частям противника, которые она отбросила в первое свое выступление и которые, приведясь в порядок, снова перешли в наступление вдоль реки к переправе. На этот раз эти части красных, неся большие потери, в полном беспорядке бежали. Генерал Марков опять здесь и дает роте новое задание... У всех, несмотря на «кашу» и полную потерю ориентировки, отличное настроение, тем более, что в роте почти нет потерь.

Со вступлением в бой Офицерского полка красные по всему фронту стали отходить.

Отход Юнкерского батальона из хуторов Филипповских был весьма поспешным: за ним следовал противник. 1-я батарея по приказанию генерала Корнилова своим огнем сдерживала противника, но и то, порыв последнего был настолько стремителен, что Техническая рота вынуждена была зажечь мост раньше, нежели все части Юнкерского батальона смогли перейти его. Им пришлось переправляться через реку вброд. Наступление красных остановилось на линии реки.

Весь тяжелый бой окончился во 2-й половине дня, и лишь 4-я рота, оказавшаяся на правом фланге всей армии (правее ее был конный дивизион), до вечера вела перестрелку с отходившим к станице Рязанской противником. Не доходя нескольких верст до станицы, рота свернула с дороги влево и вскоре остановилась. Шедшие за ней «главные силы» продолжали движение в станицу, куда следом за ними пошли и все части армии, кроме Офицерского полка, Юнкерского батальона и 1-й батареи, собравшихся у 4-й роты.

Привал около часа. Несмотря на усталость, настроение у всех отличное. Говорили, будто бы от Кубанского отряда к генералу Корнилову приехал разъезд для связи, следовательно, нужно ожидать скорого с ним соединения. Некоторые подтверждали этот факт доносившейся до их слуха далекой артиллерийской стрельбы. Однако эту радость постепенно одолевало желание отдыха. Мечтали о станице Рязанской.

Но... на уставшей лошади подъехал генерал Марков, поднял лежавший свой отряд и повел его по полевой дорожке куда-то к западу. Рязанская осталась вправо. Отряду приказано прикрывать с юга движение армии.

Темная ночь. Медленно, рывками двигался отряд по сильно изрезанной местности. Перешел реку Пшиш.

11 (24) марта. В 2 часа ночи отряд остановился в небольшом ауле Бабукай. Генерал Марков сказал: «Дается 4 часа на отдых. Всем хорошо выспаться».

Несмотря на то, что все добровольцы первый раз в своей жизни попали в черкесский аул, никто не обратил на него внимания, не было никаких разговоров об отсутствии жителей, о разоренных домах. Все сразу же уснуло крепким сном, не подумав даже о еде. Сказывались не переходы и бои минувшего дня, а все пять суток, начиная с оставления станицы Кореновской. За рекой Кубань, где предполагалась более спокойная обстановка, выпали, оказывается, наиболее тяжкие испытания. Четыре часа проскочили незаметно. Подъем еще до рассвета; подъем тяжелый, и немедленное выступление. 1-я батарея проспала. Ее разбудил сам генерал Марков. Ей пришлось догонять отряд. С рассветом идти стало легче и бодрее: не было дождя и пахло весной. Но досаждали частые остановки при крутых спусках и подъемах. Лошади изматывались.

Аул Гатлукай. Привал на полчаса. И только здесь добровольцы могли, но очень поверхностно, познакомиться с аулом, понять определенно, что он подвергся разгрому. Жителей не было и здесь. Во дворах мычала голодная скотина. Что произошло в аулах? Предполагали, что здесь «хозяйничали» большевики...

Колонна шла дальше. С трудом преодолела крутые скаты к реке Марта и... неожиданная, радостная надежда: от частей высылаются вперед квартирьеры – признак длительного отдыха. Вскоре показались два высоких минарета. Перед вечером отряд вошел в большой аул Понежукай 1-й и расположился по квартирам. Аул оказался не брошенным жителями. Добровольцы, быстро поев, что «Бог послал» и что «Аллах дал» через своих правоверных, завалились спать. В охране Юнкерский батальон; еще дальше – кавалерийские заставы и разезды.

12 (25) марта. Все спали как убитые. Проснулись, когда уже наступил день, и были приятно поражены, что их не только не тревожили ночью и под утро, но и этим утром каким-либо распоряжением. Кругом полная тишина. Никакой стрельбы. Решение: приве ти себя и оружие в возможный порядок и набраться сил. <...>

И только во второй половине дня было нарушено благодушное настроение приказом о выступлении с началом ночи. По сведениям, полученным от черкесов, красные выступили из станицы Рязанской по стопам армии.

Отряд генерала Маркова в арьергарде. Красные подошли к аулу еще засветло. Юнкерский батальон отбил их атаку. В назначенный час, когда уже стемнело, батальон стал сниматься с позиции, и как раз в это время красные атаковали снова. Едва не погибло одно орудие 1-й батареи, сорвавшееся с мостика и вырученное контратакой батальона.

Снова моросил дождь.

Пропустив Юнкерский батальон, Офицерский полк пошел в арьергарде. Тяжелая дорога со спусками и подъемами.

13 (26) марта. Шли медленно всю ночь. Наступивший день мало облегчил поход. Около полудня отряд остановился на трехчасовой привал в ауле Вочепший. Дальнейший путь. В прикрытии – Техническая рота, которая ведет перестрелку с наступающим противником. Как-то внезапно на нее налетел грузовик красных, вооруженный пулеметами. Рота отбилась, но понесла потери. В их числе – 5 без вести пропавших офицеров.

Поздней ночью, проделав за сутки до 30 верст, отряд совершенно обессиленным пришел в аул Шенджий, где уже сосредоточились все остальные силы армии.

14 (27) марта. Тяжелое пробуждение. Части отряда генерала Маркова отдыхали полностью под прикрытием охранения от других час-

тей. Никаких распоряжений, и, судя по тому, что походный лазарет сгрузил с подвод всех раненых и разместил их по квартирам, можно было думать о возможности еще, по крайней мере, одной ночевки.

Этим воспользовались артиллеристы и занялись своими лошадьми и орудиями. На время их отвлекло от дела услышанное какое-то визгливое и монотонное пение. Оказалось, шел Черкесский полк Кубанского отряда.

Полк выстроился у дома генерала Корнилова. Генерал Корнилов поздоровался с ним и что-то сказал ему. Рядом с генералом Корниловым стоял молодой командующий Кубанским отрядом, генерал Покровский. Итак, соединение двух противобольшевистских отрядов – совершившийся факт. Кубанский отряд стоял в 18 верстах к югу, в станции Калужской. Добровольцы узнали о силе этого отряда: он почти удваивал боевую силу Добровольческой армии. Было чему радоваться!

Вечером этого числа части армии получили приказ: выступление с рассветом следующего дня; и добавлено новое: каждому сдать свои лишние вещи в обоз. Из этого делался вывод: будет и большой переход, и «жаркое» дело. Но... погода? Она не вызывала никаких надежд на улучшение.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

15 (28) марта. Рассвет. Низкие, серые, быстро несущиеся облака, пронизывающий ветер... Мелкий холодный дождь. Тяжелый подъем бойцов. Верхом на лошади по расположению своих частей проскакал генерал Марков и «помог» подъему. Вся армия в движении; запрягаются лошади, грузятся на подводы раненые, которых накрывают чем возможно, чтобы хоть как-нибудь предохранить от дождя, ветра и холода.

В первый раз армия должна была разделиться: вся боевая ее часть пойдет в одном направлении, известном только начальству, а «главные силы» – походный лазарет и обоз – в другом, в станции Калужскую, где Кубанский отряд; прикрывать эти «силы» назначены части кавалерии, за исключением одного дивизиона, который имел специальное задание: произвести демонстрацию в направлении станции Эйнем.

Роты Офицерского полка выходят из теплых домов, строятся. Не все идет гладко. Полковник Плохинский явно в прескверном настроении; шагает перед одним из выстроившихся взводов своей роты.

– Господин полковник! Ваше приказание исполнил! – докладывает ему подъехавший верхом офицер связи прапорщик Кедрин, «Хромышкин», как его называли в роте. Проходит несколько минут...

– Прапорщик Кедрин! Вы сказали: приказание исполнено! – вдруг громко, растягивая слова, обращается к «Хромышкину» полковник Плохинский.

– Так точно, господин полковник!

Проходит еще с минуту. Опять голос командира роты:

– Прапорщик Кедрин! Вы сказали, приказание исполнено! Где же оно... исполнено? – Прапорщик Кедрин немедленно исчезает в серой пелене дождя.

Подходят взводы. Следует нагоняй, и рота по узкой, крутой дорожке спускается от аула и выходит на большую дорогу. Рота идет в авангарде полка; полк – в авангарде армии. Куда они идут – никто не знает; впрочем, «к чертовой матери... за синей птицей!». Все ясно.

Тяжело хлопая по густой грязи, идут офицерские роты, а с ними 1-я батарея. Дорога ровная, и вода под ногами не имеет стока. Около 9 часов выглянуло было солнце, но на короткое время, и небо снова покрылось тучами, снова пошел дождь, ветер усиливался.

Колонна прошла лес и остановилась на короткий отдых у каких-то строений с крышами, но без стен. Есть спасение от дождя, но нет от ветра. Людям становилось холоднее, чем в движении и под дождем. Дальше...

От головной 1-й роты отделяется влево боковая застава – 3-й взвод. Сотня шагов – и взвод уже не видит свой полк, и полк не видит заставу. Наткнувшись на канаву, застава идет вдоль нее, обросшую по краям старыми, низкорослыми, кривыми ивами.

Неожиданно на заставе появляется генерал Марков.

– Сыровато! – говорит он, хотя сам и люди взвода промокли уже насквозь, не говоря про сапоги, полные воды, и меняет направление движения заставы. Надо переходить канаву шириной в 3-4 шага, наполненную до краев водой. К счастью, на краю канавы обнаруживается громадная коряга. Соединенными усилиями нескольких человек, ее бросают на середину канавы: теперь можно перепрыгнуть канаву двумя большими скачками, не задерживаясь на ней. Прыгает первый... коряга переворачивается, и скакун растягивается в воде. Он ничего не потерял, так как до прыжка уже был совершенно мокр. Он остается выше чем по колено в воде, придает коряге устойчивое положение и придерживает ее. Скачут следующие. Несколько офицеров перескочили удачно, но корнет Пржевальский растягивается в воде. Оставшись в ней, он также придерживает корягу. Дальше все шло благополучно: все были на той стороне, и застава продолжала свой путь.

Вскоре боковая застава вышла на большую дорогу. На ней стоял полк, а в голове его – генерал Корнилов, подполковник Неженцев, подполковник Миончинский и два проводника. Остановка длилась, казалось, очень долго. Становилось холодно без движения, и к тому

же, все стали замечать, что дождь превращался в мелкую ледяную крупу, больно бьющую и колющую лицо; стали замечать, что мокрые шинели стали затвердевать, леденеть. Температура резко падала. Еще немного времени, и мороз с ледяным ветром и все еще сыплющейся крупной окончательно превратят людей в обледеневшие фигуры, звенящие при движениях.

К счастью, колонна двинулась вперед: на ходу согреваешься. Люди грели руки своим теплым дыханием, а тело всевозможными движениями туловища. Шли навстречу ветру. Температура падала все ниже и ниже, и шла уже не крупа, а мелкий сухой снег. Часов в 14 вся местность покрылась белым саваном, а затем сильный ветер закрутил снежную пургу. Насыщенность ее снегом была такова, что с трудом уже можно было наблюдать спину впереди идущего соратника. Дороги не видно. Колонна полка идет в белую кружащую мглу.

Орудийные кони едва тянут орудия. Верховые уносов от холода не в состоянии сидеть в седлах, спешиваются, но тогда останавливаются кони. С трудом с помощью других верховые влезают на седла. Падают от изнеможения лошади, их заменяют. Но при каждой остановке колеса орудий и зарядных ящиков вмерзают в землю, орудия сдвигают совместными усилиями лошадей и людей. У орудий уже не колеса, а какие-то сплошные ледяные диски. Неимоверно тяжело идти людям... Медленно тащится колонна.

Остановка. Генерал Марков подбегает ко 2-й роте:

– Не занесло еще вас? Ничего, бывает и хуже!

Предлагает курить, вынимая пачку папирос, которую моментально разбирают.

– Пусятки! Держитесь! Не впервые ведь! Все вы молодые, здоровые, сильные. Придет время, когда Родина оценит вашу службу.

Разговор перешел на черкесов покинутого аула, но... подъехал ординарец. Генерал Марков вскочил на подведенного коня и поскакал вперед. Дальнейший путь...

Вдруг, где-то очень близко впереди, раздалось несколько заглушенных ветром выстрелов. Колонна остановилась. Еще, еще! Через несколько минут, показавшихся вечностью, к колонне спереди подбежало несколько всадников с генералом Марковым и с ними несколько пеших: привели пленных. Это снята была красная застава, стоявшая в хуторе у дороги; часть из заставы погибла, а оставшиеся в живых стояли перед колонной полка, подведенные к генералу Корнилову. Затем верховые черкесы и текинцы и пленные с генералом Марковым ушли обратно, скрывшись в пурге. Жилье близко! Скорей туда, какие бы препятствия ни стояли на пути! – была одна мысль и одно желание у всех.

Через короткое время колонна полка двинулась. Погода снова начала меняться: стихал ветер и падал уже снег густыми хлопьями; как

будто, стало теплее. Но кругом по-прежнему не видно ни зги. Вот какие-то строения, но колонна прошла мимо.

БОЙ ЗА СТАНИЦУ НОВО-ДМИТРИЕВСКУЮ

Было, может быть, часов семнадцать.

Вдруг колонна остановилась на спуске в овраг, она уперлась в реку (река Черная). Но то, что преграждало путь армии, не было похоже на реку – это было нечто серое, месиво из воды и снега, быстро текущее.

Впереди слышен голос генерала Маркова: он кричит пленным, по пояс погруженным в текущую массу, торопя их найти мост, по которому они накануне шли в заставу.

Рядом с головой колонны Офицерского полка стоит генерал Корнилов со штабом. Не колышется на древке Национальный флаг, он весь побелел от снега и мороза, сжался от стихии природы. Генерал Корнилов молча смотрит на неожиданное препятствие для армии, для Дела в походе за Россией.

Наконец, мост найден. Он посреди разлившейся реки, ставшей шириной шагов в пятьдесят. Конный текинец по приказанию генерала Маркова благополучно переезжает через мост на другую сторону реки, и его не видно за пеленой снега. Генерал Марков быстро подходит к голове колонны своего полка и возбужденно говорит:

– Не подыхать же нам здесь в такую погоду! – и отдает приказание головной 1-й роте на крупах лошадей переезжать на ту сторону реки. Один за другим офицеры с общей помощью взбираются на крупы, и лихие текинцы и черкесы, преодолевая упрямство своих коней, понуждают их войти в воду. Глубина доходит до брюха коней, на мосту – до колена, далее – снова до брюха. Несколько офицеров падают с коней; на мосту падает конь со своими всадниками. Для переправы пехоты мобилизованы все верховые.

На том берегу офицеры скатываются с коней, спешившиеся помогают спуститься следующим. Переправа началась.

Когда головной 3-й взвод весь был уже на том берегу, подъехал генерал Марков. Он отдает приказ командиру взвода:

– На станицу! Не стрелять – только колоть! Вперед! Быстро!

Взвод карабкается на крутой берег и, не имея никакого подобия строя, вытянувшейся толпой идет к еще невидимой станице. Переходит низину, наполненную водой. До станицы, оказывается, было не менее двух верст. За головным взводом, получив то же приказание, идут остальные взводы 1-й роты.

Генерал Марков, оставив у переправы полковника Тимановского, вскочил на коня и поскакал к станице, обгоняя взводы и торопя их. Он догнал головной взвод, когда тот уже вошел в станицу, втянувшись

в улицу гуськом по обе ее стороны. Вправо и влево в домах сквозь ставни виден был свет.

Случайная встреча: из одного дома вышел красногвардеец и, не подозревая ничего, спросил проходившего офицера:

– Вы из Екатеринодара?

– С оттелева!

– Стало – пополнение?

– Пополнение! – коротко ответил ему совершенно обессилевший и промокнувший офицер. Но, видимо, сообразив неладное, красный бросился на офицера, хотя и был без винтовки.

Офицер, имея винтовку на ремне, не смог сразу снять ее: у него руки и пальцы одеревенели. Но... в этот момент сзади оказался генерал Марков верхом на лошади, который из своего мелкокалиберного револьвера прикончил нападавшего.

– Вперед! Вперед! – прокричал генерал Марков – и сам поскакал назад, повторяя подходившим частям одно:

– Вперед!

Второй роте он приказывает:

– По станице влево!

– Третьей – по станице вправо!

А между тем, в станице, едва генерал Марков произвел свой выстрел, первый выстрел в этой атаке, и ускакал назад, из домов стали выбегать люди. Один кричал:

– Товарищи! Не разводите панику!

– А ты кто? – задает ему вопрос офицер.

– Я председатель военно-революционного комитета, – и... он медленно падает мертвым.

– Что вы наделали с нашим председателем? – кричит другой.

– А ты кто?

– Я секретарь! – и труп секретаря упал на труп председателя.

Спереди и сзади от идущих офицеров выбегавшие из домов красногвардейцы не отдавали себе отчета в положении и падали под штыками добровольцев без единого выстрела с той и другой стороны.

Где-то влево раздались глухие оружейные выстрелы. У красных определенно поднята тревога. Они с оружием выбегают из домов, но где противник, они не знают. Выскочившие из одного дома наталкиваются на поручика Топоркова. Они поняли движение его и поворачивают обратно в дом. Поручик Топорков следует за ними и падает убитым выстрелом из винтовки. Подбежавшие офицеры ворвались в дом...

Бегущие по улице красные встречают штык прапорщика Зиновьева, по прозвищу «Зиночка». Неудачный удар: враг ухватился за штык и дергает «Зиночку» из стороны в сторону. Мимо борющихся пробегают другие красные, не оказывая своему помощи. «Зиночка» в отчаянии кричит:

– Да помогите же! – офицеры выручили.

Три офицерских роты распространяются по станице веером. Продвижение сильно замедлившееся. 3-я рота, распространяясь по улицам вправо, проходит район, где у красных не поднята тревога. У одного дома стоят в нерешительности три офицера.

– В чем дело? – спросил проходивший командир роты, полковник Кутепов. Ему доложили, что в доме много красных. Полковник Кутепов немедленно входит в дом. За ним офицеры. Красные, человек 12-15, спокойно сидели за столом и пили чай из самовара. Полковник Кутепов, заслонив собой стоявшие у стены винтовки, громко спросил:

– Какого полка?

– Мы – варнавинские, – был ответ, но тут же вдруг, все разными движениями и выражениями лиц выявили неописуемый ужас – они увидели на полковнике Кутепове блестящие погоны...

– А мы – Офицерского!

– Кадеты! – воскликнул один.

– Выходи по одному! Выходи в чем есть! – властно сказал полковник Кутепов.

Без всякой заминки выходили ошеломленные красные. Когда вышел последний, полковник Кутепов, улыбаясь, сошел со своего места у винтовок, стряхнул со своей бороды снег, подошел к столу, налил себе кипятку и, выпив его, вышел.

По станице раздавались редкие выстрелы. Действовали, главным образом, штыки. Офицеры углубляются в станицу. Впереди видны силуэты. Их десятки. Вдруг группу офицеров человек в десять встречает ружейный огонь: первое организованное сопротивление противника. Падает убитым поручик Белокобыльский, двое ранено. Офицеры остановились и, в свою очередь, открыли огонь. Красные упорствуют, но вот офицеры подтянули пулемет. Огонь! Очередь смела врага. Вперед! С ранеными задерживаются несколько офицеров: нельзя их оставить, так как по улице бегают люди – свои ли, красные ли? Подбегают трое. Доктор Ревякин! Ему сдают раненых, и освободившиеся офицеры идут вперед.

На одной из улиц влево на идущих офицеров налетает красная четырехорудийная батарея. Ей кричат: Стой! – в ответ последовали выстрелы. Результат: батарея остановлена, но весь ее человеческий состав уничтожен. Офицеры шли дальше...

Генерал Марков после того момента, когда он на короткое время появился у головного взвода в станице, скакал обратно к переправе. В это время батарея красных, стоявшая значительно левее направления, по которому шли в станицу части Офицерского полка, открыла

огонь. Ее снаряды рвались в районе переправы. Встретив 4-ю роту, генерал Марков направляет ее вполоборота влево, в направлении на стреляющую батарею, и посылает приказание 1-й батарее немедленно переправиться через реку, встать на позицию и открыть огонь по стреляющей батарее красных, а сам спешит к переправе.

Там он встречает генерала Корнилова и докладывает о положении в станице, но через 2-3 минуты он уже мчится обратно.

В это время переправа частей была в полном разгаре, и не столько на крупах лошадей, сколько пешим образом. По пояс в воде шла и молоденькая сестра милосердия, лошадь которой остановилась, едва войдя в воду, и она не могла ее двинуть с места. Над своей головой сестра держала самое ценное для нее – сумку с перевязочными материалами.

4-я рота до батареи красных не дошла. Она уперлась в глубокий ров и остановилась, открыв ружейный огонь. Открыла огонь и пехота красных. Прошло какое-то время, когда за ротой встало на позицию одно орудие 1-й батареи. Другое орудие настолько вмерзло в землю, что все усилия лошадей и людей не смогли его сдвинуть с места. Вставшее же на позицию орудие открыло огонь. Первый выстрел и... оно остановилось в положении полного отката, и никакими усилиями его нельзя было подать вперед – замерзло масло в компрессоре. Произведенный выстрел был единственным за весь бой. Но, видимо, и он сделал свое дело, так как батарея красных прекратила свою стрельбу.

Генерал Марков снова в станице. Он в расположении 2-й роты. Слышно его короткое: – Вперед! – Но сам он с ординарцами обгоняет группы людей роты. Вот он на станичной площади. Там мечутся красные... Он подскакивает к большому дому, из которого выбегают красные. – Стой! – кричит он им. На площади поднялась стрельба. Ее открыли подбежавшие чины 2-й роты. Красные в панике. Бегут обратно в дом. – Выходи! – кричит генерал Марков, но те не выходят.

– Пулеметы сюда! – Угроза подействовала...

Генерал Марков – сплошной порыв без малейшего перерыва. Он заражает своих, но своих с ним мало, а красных много. Он видит, что там, на дальнем краю площади, на улицах красные все же пытаются привести себя в порядок. Нужно возможно скорей собрать своих. И... он куда-то скачет.

4-я рота лежала перед оврагом. Все окончательно окоченели от холода. Противник молчит, а может быть, бежал. Ротмистр Дударев решает послать разведку в станицу. Идет полковник Биркин с несколькими людьми.

Полковник Биркин, хотя и рядовой роты, но бросающийся всем в глаза своими серебряными погонами на плечах. Он и ротмистр Дударев полны друг к другу глубокого уважения и доверия. Задача, которая дана полковнику, конечно, не ответственная, но... кто знает, что в станице и какие могут быть неожиданности?

«Деревня (полковник Биркин еще не знал названия селения, которое атакуется) оказалась не так далеко, как казалось, и я скоро дошел до угловой избы. Заперта. Увидел мерцание света сквозь ставни в доме через улицу. Подошел к двери, слышу голоса. Раскрыл осторожно дверь и сразу же узнал генерала Деникина. Он в своей польской шубе и папахе сидел за столом; вокруг стола сидели и другие, у одного блестящие генеральские погоны. Сзади, снимая шинели, копошились кадеты 4-й роты и еще кто-то.

Я еще и слова промолвить не собрался, как вдруг дверь с треском распахнулась, и на пороге появился генерал Марков с нагайкой в руке.

– Вы что тут делаете? – сразу набросился он на меня.

– Ротмистр Дударев послал меня узнать обстановку. Он с ротой лежит на берегу оврага, в лоб орудия. Я только что пришел, – поспешил я доложить генералу Маркову, зная его вспыльчивый и несдержанный характер.

– Обстановка такая, что немедленно собирайте всех, кого найдете по хатам, и чтобы через четверть часа были на площади. У меня нет ни одного человека в резерве. Живо! Собирайте моим именем, и бегом ко мне: большевики опомнились и собираются атаковать. Живо! Скорей! – и, оглушительно щелкнув нагайкой по голенищу и не взглянув даже на генералов, выскочил на крыльцо.

– Всем выходить строиться! – закричал я и поспешил за генералом Марковым.

– Кто? – кричал он кому-то, столкнувшемуся с ним у крыльца.

– Пулеметчики Офицерского полка, – ответил испуганный поручик Полянский, начальник пулемета 4-й роты.

– Все к нему! – указал он Полянскому на меня, – и все бегом на площадь! – Вскочив на коня, генерал Марков поскакал по улице».

«Маркова так боялись, что сразу все высыпали из теплой хаты и, ничего не спрашивая, побежали за мной на площадь. Улицы до площади были пусты, в домах не видно было света, и только у самой площади ярко светились окна одного дома. У дома стояло 2 человека.

– Кто идет? – окликнули меня, но, увидев мои погоны и белую повязку на папахе, замолчали.

– Тут генерал Марков? – спросил я.

– А на что вам генерал Марков? – подозрительно спросил офицер.

– Явиться к нему с ротой, – и я пошел к двери, но офицер последовал за мной. Я оттрапортовал.

- Сколько?
- Около полуроты с пулеметом.
- Отлично! Займите крайний дом напротив.
- Слушаюсь!

В указанном мне большом доме никого не было, кроме тяжело раненого большевика. Тут, повидимому, делали перевязки: весь пол и стол были завалены окровавленными бинтами, на столе стояли бутылки с какими-то лекарствами. Значит, все-таки какой-то бой был, но не здесь, а на другом конце этого большого села. Да и сейчас там слышна стрельба». (Из рукописи «Корниловский поход» полковника Биркина).

Пробыв некоторое время на переправе, генерал Корнилов с группой верховых поехал в станицу. Группа ехала по пустынной улице. Лошади фыркали и шарахались в стороны от лежащих трупов, покрытых падающим снегом. Впереди заметили двух человек.

- Какого полка? – спросили его.
- Офицерского.
- Где генерал Марков?
- Не знаем, – был ответ.

Группа остановилась у одного дома и вошла в него, но несколько верховых промчались в разных направлениях все с тем же вопросом:

- Где генерал Марков?

Прошло некоторое время, когда вернулся один из них, и сейчас же все вышли из дома и поехали к станичному правлению. Здесь генерал Корнилов «нашел» генерала Маркова и здесь, как всегда, обосновал свой штаб.

Время – около полуночи.

Порыв офицеров слабел. Есть предел как силам физическим, так и моральным. Пройдена и занята лишь незначительная часть станицы, но противник уже не оказывает никакого сопротивления. Невольная остановка перемешавшихся групп бойцов разных взводов и даже рот. Необычайно страдало тело от холода, от мокрой одежды и обуви... Тянуло к теплу, которое вот тут, рядом. Группы стали заходить в дома, и были уже не в силах оставить их.

16 (29) марта. Чуть начало светать, как разбросанные по северным кварталам станицы группы Офицерского полка, уже несколько отдохнувшие и согретые, были готовы ко всем неожиданностям. Первой их заботой было соединиться со своими ротами, тем более, что снова стали раздаваться ружейные выстрелы, и по станице забегали красные.

Полковник Кутепов встал после трёх-четырёхчасового отдыха и умывался, когда в дом вошел бравый солдат.

– Товарищи!.. Где 3-я рота? – был его вопрос. Бывший с полковником Кутеповым офицер, сразу поняв, кто вошел, ответил:

– Здесь 3-я рота. Садись! – и взял винтовку у вошедшего.

– А тебе какую 3-ю роту нужно? Здесь – Офицерский полк.

Красного вывели из дома...

Полковник Кутепов быстро оделся, принял свой нормальный вид, которым всюду и всегда поражал своих офицеров: аккуратно подтянутый, в вычищенных, чуть ли не блестящих сапогах, и вышел из дома.

Вскоре все роты полка были собраны своими командирами и разведены по указанным им районам квартирования. К полудню стрельба в станице прекратилась. Сообщили, что она окончательно очищена от красных. Офицерский полк сделал свое дело и теперь мог спокойно отдыхать.

Поразительные картины наблюдались в домах: печи натоплены докрасна. Жарко. Люди раздеты почти догола. Обмундированием, бельем облеплены печи. Стоят, лежат сапоги... Воздух насыщен густым испарением от сохнувших вещей. А бойцы? Они громко говорят о состоянии своей обуви, обмундирования, белья. Многие внимательно рассматривают свои набитые до крови ноги и как только возможно забинтовывают их. Принимаются за бритье и стрижку. А потом – разговоры о пережитом за минувшие ночь и день, и прежде всего, о впервые в жизни испытанном явлении природы – норд-осте.

О походе и бое говорилось отрывисто, и все связывалось с двумя именами: генерала Корнилова и генерала Маркова, благодаря которым невозможное стало возможным. Генерал Марков представлялся как всеокрушающий «меч генерала Корнилова».

НА ПЕРЕПРАВЕ

Вслед за Офицерским полком, перебравшимся через густой поток полуснега-полуводы речки Черная, стали немедленно переправляться Корниловский и Партизанский полки. Но с переездом батарей и боевого обоза произошла задержка. Благодаря длительной остановке, не только колеса орудий и подвод вмерзли в землю, но и лошади, окончательно промерзшие, уже не были в силах сдвинуть свой груз с места. Некоторые подводы остановились на мосту, попав колесами в разрушенный его настил. Было приказано чинить мост, набрасывать на подъездах к мосту всякий материал, чтобы легче было преодолеть образовавшуюся глубокую грязь.

За это дело, помимо Технической роты, взялись Юнкерский батальон и все, кто мог. Шла безнадежная, как казалось, но необходимая работа, требующая сверхсильного напряжения. Вскоре появились признаки возможности добиться цели. Погода стала спокойной. Стала спадать вода в реке.

А до этого, чтобы не замерзнуть окончательно, люди развели костры, огонь которых не мог быть невидим противнику ночью, даже сквозь пелену снега. Батарея красных открыла огонь по переправе, и один снаряд угодил прямо в костер, убив четырех и ранив 22 человека, столпившихся вокруг его. К счастью, стрелявшие орудия скоро прекратили свой огонь.

Два-три дома, находившиеся у переправы, и все постройки при них были набиты ищущими тепла людьми. В один из домов вошел генерал Алексеев. Толпа потеснилась. Генералу вскоре доложили: Офицерский полк вошел в станицу.

Чтобы спасти лошадей, было приказано выпрячь их и отвести в станицу, а орудия и подводы оставить до утра, до того времени, когда будет приведен в порядок мост.

Всю ночь шла напряженная работа. К утру вода в реке спала настолько, что открыла весь мост, что облегчило его починку. В станицу ушел Юнкерский батальон и расположился в домах на ближайшей окраине.

Трудно представить, что перенесли за ночь юные добровольцы, в каком виде размещались они в теплых домах. Но сознание величия и важности дела, на которое они пошли, побороли все. В тепле, согретьшись горячим кипятком, они ожили, и бодрими голосами наполнились дома. Даже сон не скоро охватил их.

Из окон дома, занимаемого генералом Боровским, командиром Юнкерского батальона, была видна дорога от переправы в станицу. По ней тянулись группы людей, отдельные подводы. Из станицы на переправу артиллеристы везли волов, чтобы на них привезти свои орудия.

Генерал Боровский, наблюдавший эту картину, вдруг громко сказал бывшим с ним:

– Кажется, едет генерал Алексеев?! – и, действительно, все узнали знакомую коляску Вождя, которую едва тянула лошадь с помощью нескольких человек.

– Ну-ка! Скажите детям – пусть помогут генералу Алексееву, – сказал генерал Боровский.

Буквально в момент, натянув на себя все сырое, дети выбежали навстречу коляске и десяток человек, сменяемый вновь прибывшими, впряглись в нее. Генерала Алексеева встретил генерал Боровский и ввел его в свой дом, куда следом набилась и молодежь. Дрожащий от холода, совершенно обессиленный 60-летний Вождь, улыбаясь, благодарил юнкеров.

– Идите, отдохните! – говорил он.

Какая светлая радость охватила всех от этой неожиданной для них ими оказанной помощи своему Вождю.

Недолго пробыл генерал Алексеев у генерала Боровского: едва выпил он стакан горячего чая, как ему доложили, что квартира для него готова.

ЭПИЛОГ БОЯ

Утром генерал Марков собрал командиров рот своего полка, 1-й батареи и других начальников. Потери? Состояние частей? Офицерский полк потерял лишь 2 офицеров убитыми и до 10 ранеными. 2-3 человека – 1-я батарея. Ни он и никто не ожидал таких малых потерь. Сколько больных? Казалось, больные должны были бы быть, но и их почти не оказалось. Генерал Марков весел. Он в восторге от своих «марковцев».

По имеющимся у него сведениям, красные имели в станице отряд в 3000 штыков со многими орудиями. Они решили оборонять станицу и вырыли с трех ее сторон окопы. Взять ее, имевшую, кроме того, в тактическом отношении отличное расположение, при иных условиях, как в минувшем бою, было бы невозможно. Противник понес огромные потери убитыми – до 1000 человек. Захвачено 8 орудий, снаряды, госпиталь... Генерал Марков заявил, что победа имела бы несравненно больший результат, если бы кавалерия Кубанского отряда выполнила бы данное ей задание и не повернула бы назад, испугавшись непогоды. Отдав распоряжения и поблагодарив начальников, генерал Марков отпустил их, а сам направился с докладом к генералу Корнилову.

Генерал Корнилов благодарил генерала Маркова за бой. Говорил о минувшем походе.

– Это был чисто Суворовский переход! – так оценил генерал Корнилов.

– Никак нет! – возразил генерал Марков. – Это был Корниловский переход!

В Офицерском полку переход и бой у станицы Ново-Дмитриевской называли «Марковскими», так как приписывали весь успех генералу Маркову. Об этом впоследствии напишет и генерал Деникин: «Этот бой – слава генерала Маркова и слава Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях не то были, не то сказки».

Есть и иная оценка минувшего перехода. На улице станицы генерал Марков встретил юную сестру милосердия Юнкерского

батальона – Шуру. Видя обращенные на себя ее восторженные глаза, он остановился и поговорил с ней о походе, о том, как перенесла его она.

– Это был настоящий ледяной поход! – заявила сестра.

– Да, да! Вы правы! – согласился генерал Марков. Это название «ледяной» точно определило его и, данное сестрой и утвержденное генералом Марковым, осталось не только для одного дня 15 (28) марта, но и для всего Первого Кубанского Похода.

Как всегда во время остановок армии генерал Марков обязательно приходил к генералу Алексееву. Тут от него не требовался официальный доклад, но генерал Марков считал своим долгом, влекомый чувством глубокого уважения к Вождю, положившему начало Добровольческой армии и, знающий, какую громадную моральную ответственность нес Вождь за нее, хотя и не руководил ею, быть у него.

Генерал Алексеев сильно нездоров. Но вошел генерал Марков, и лицо старого Вождя сразу же просияло. Появилась улыбка. О чем говорили они?

Генерал Алексеев, которому, казалось, есть о чем спросить, ограничивался немногими вопросами касательно боя, состояния и настроения в частях. Его больше интересовало состояние самого генерала Маркова: он беспокоился о его здоровье, зная его незаменимое никем значение в армии.

Вождь не задерживал его у себя.

– Сергей Леонидович! Идите к себе. Нам нужно отдохнуть. Идите с Богом! – провожал его, как отец своего любимого сына.

Но генералу Маркову нужно было зайти еще к генералу Деникину, генералу Богаевскому и еще кое к кому.

17 (30) марта. Офицерский полк «завоевал» себе право на полный отдых, и он был дан ему. Есть у его чинов лишь мелкие заботы: стирка, починка, чистка... В обязательство каждому введена лишь чистка оружия, не исключая даже проверку начальством.

Но если 19-20-летние офицеры избегали по возможности чем-либо обременять свой отдых, то 17-18-летние кадеты, юнкера не могли усидеть дома. Они интересовались всем: и местом минувшего боя, и тем, что теперь происходит в занятой станице.

Получив разрешение, они рассыпались по станице и приносили много новостей. Видели стоявшие еще на позиции те два орудия красных, против которых была направлена 4-я рота; видели окопы на окраине станицы, залитые водой. Были на площади, где стоял штаб армии и где-то в углу ее несколько виселиц. Говорили, что захвачено было немало комиссаров. Они принесли сообщение о приходе из станицы Калужской «главных» сил армии – походного лазарета и обоза –

и о приезде представителей от Кубанского отряда. Затем – менее интересное: с южной окраины станицы доносится стрельба.

В этот день у генерала Корнилова было совещание с Кубанским атаманом, полковником Филимоновым, командующим отрядом, генералом Покровским и членами Кубанского Правительства.

Ни у кого из добровольцев не было сомнения в полном слиянии двух противобольшевистских армий. Однако оказалось, что оно не произошло гладко: члены Правительства Кубанского края настаивали на сохранении самостоятельной Кубанской армии. Это совещание шло в то время, когда на южной окраине станицы разгорался бой с наступающими красными и когда в районе штаба рвались неприятельские снаряды. Пришедший с наблюдательного пункта – колокольни – поручик Гернберг доложил генералу Корнилову о подходе красных к станице, указав направление их движения и их силы.

– Сергей Леонидович! – сказал генерал Корнилов генералу Маркову. – Распорядитесь! – Генерал Марков моментально выбежал из дома.

Это повлияло на представителей Кубанского края, и вскоре же был подписан протокол совещания:

«Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанским Правительством отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского Правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым».

Наступающие красные частично ворвались и станицу, но на улицах они были смяты и в полном беспорядке, уже под покровом ночи, бежали в свое исходное положение. Офицерскому полку была подана команда: «В ружье!»; и одна из рот уже выступила, но принять участие в бою ей не пришлось. Участвовала в нем лишь 1-я батарея.

Эта тревога показала, насколько трагичен был вопрос с обувью после «Ледяного похода»: высушенная, она настолько ссохлась, что стоило больших усилий ей ее одеть; иным пришлось ее даже разрезать.

18 (31) марта. Красные снова наступали с трех сторон, от станиц Григорьевской, Смоленской и Георгие-Афипской, и снова были отбиты. В этом бою принимал участие Юнкерский батальон. Офицерский полк был в готовности выступить, но его участие не потребовалось.

19–20 марта (1–2 апреля) красные уже больше не тревожили. Офицерский полк, Юнкерский батальон и Техническая рота стояли в резерве и несли лишь внутренние наряды и незначительное охранение.

Погода улучшалась с каждым днем: заморозки по ночам, и теплая весенняя погода днем. Было очевидно – зима окончилась, и это радовало. Все имели полную возможность навестить своих друзей в других частях и своих раненых, находящихся в полевом госпитале.

От последних узнали об отчаянной трагедии, пережитой за время похода, и особенно в день 15 (28) марта, день «Ледяного похода», из аула Шенжий в станицу Калужскую, и затем 17 (30) марта, когда их везли из Калужской в Ново-Дмитриевскую. Пришлось трястись по непролазной грязи, испытывать боли после каждой минутной остановки от рывков уставших лошадей. Многие раненые умерли от заражения крови. В походе не могло быть хирургического вмешательства, не хватало медицинских средств, даже просто бинтов для перевязок. Полная жертвенность сестер милосердия, давно разорвавших на бинты запас своего белья и все, что доставалось ими у казачек, быстро иссякало. О сестрах милосердия все говорили с необычайным восторгом и с глубокой благодарностью. Не мало раненых в походе покончили с жизнью пути самоубийством. На всем пути похода, лазарета оставались безымянные могилы.

В Ново-Дмитриевской раненые в первый раз были размещены по домам в сравнительно хороших условиях и, нетревожимые, пробыли в них 5 суток. Но и тут смерть не оставляла их. С радостью встречали пришедших их навестить. Задавали вопросы. У них начинали блестеть глаза, когда они слушали рассказы о генерале Маркове, о своих.

Умирал кадет 5-го класса, Тихонов Алеша. К нему подошел офицер, его воспитатель в корпусе и, положив руку на голову страдальца, говорил ему слова утешения, сам едва сдерживаясь от рыданий. Юноша-кадет, взяв руку своего офицера и держа в своей, уже холодеющей руке, слабым голосом сказал:

– Я знаю, что скоро умру! Но смерть за Веру, за Россию можно с радостью принять...

Томительно и нудно проходили дни полного отдыха и спокойствия. Добровольцы привыкли к сильным ощущениям и переживаниям. Обо всем уже переговорили, даже на тему «куда теперь пойдём?» Ответ был один и желательный для всех: на Екатеринодар!

Соображения были разные. Считалось, что теперь, когда силы армии увеличились вдвое, взять Екатеринодар возможно, а с его взятием поднимается против большевиков вся Кубань. Было и чувство естественной тяги к большому городу. Мечтанию об Екатеринодаре способствовало, кроме того, одно существенное обстоятельство: добровольцам было выдано жалование – по 250 рублей каждому.

Однако, когда-то «будет Екатеринодар», а пока, и это было очень удобно, так как жалование выдано монетами в 15-20 копеек, можно

развлечься игрой в «железку». За столом стояло оживление. Лежали кучки монет...

Вдруг открывается дверь, и входит генерал Марков. Все смущенно вскакивают. Ни слова не говоря, окинув всех игроков глазами, генерал Марков подходит к столу, сгребает в одну кучу лежащие на нем серебряные монеты и... приказывает одному из офицеров отнести эту «военную добычу» генералу Алексееву, пояснив:

– Так как вы не нашли для денег лучшего применения.

Нравоучений не было никаких, и, не сказав больше ни слова, генерал Марков вышел. То же повторилось и еще в нескольких домах. Но там, где генерал Марков не заставал игру, он задерживался на несколько минут в беседе с добровольцами, заражая их бодростью и уверенностью в будущих делах армии.

– Конечно, будет нелегко, – говорил он, – но ведь мы показали, что для нас нет препятствий. Мы пойдем туда, куда нас поведет генерал Корнилов.

«Налет» генерала Маркова снова дал темы для разговоров и, главным образом, о нем самом. У всех один восторг им, даже у любителей карточной игры. Правда, у последних не могло отвязаться чувство досады, что им не удалось поговорить с их Генералом.

НА ЕКАТЕРИНОДАР

С приходом Кубанского отряда в станицу Ново-Дмитриевскую Добровольческая армия была сведена в следующий состав:

1-я пехотная бригада – генерал Марков; начальник штаба – полковник Тимановский.

Офицерский полк.

Кубанский стрелковый полк – из Кубанского отряда.

1-я инженерная рота, переименованная из Технической.

1-я отдельная батарея, 4 орудия, из сведенных 1-й и 4-й батарей.

2-я пехотная бригада – генерал Богаевский.

Корниловский ударный полк.

Партизанский полк.

Пластунский батальон – из Кубанского отряда.

2-я инженерная рота из Кубанского отряда.

2-я отдельная батарея – 4 орудия.

Конная бригада – генерал Эрдели.

Конный полк, сведенный из конных дивизионов Добровольческой армии.

Кубанский конный дивизион – из Кубанского отряда.

Черкесский конный полк – из Кубанского отряда.

Конная батарея – 2 орудия из Кубанского отряда.

Отдельной частью при армии был Чехословацкий батальон.

Общая боевая численность армии достигала 6000 бойцов. Значительно вырос и обоз армии, в одном походном лазарете было до 700 раненых.

В Офицерский полк был влит двумя ротами, 5-й и 6-й, имевший к этому времени едва 200 штыков Юнкерский батальон. Полк стал двухбатальонного состава, и численность его снова дошла до 800 штыков при 12 пулеметах.

Полк принял генерал Боровский; его помощником стал полковник Кутепов. Командиры батальонов – полковник Дорошевич и полковник Назимов. Адьютант Юнкерского батальона, поручик Дончиков, стал первым за поход адъютантом полка. Образовался штаб полка с десятком чинов. Генерал Марков недовольно ворчал: «Нужно хорошо воевать, а не разводить хорошо канцелярщину».

Штаб своей бригады генерал Марков составил по своему образцу: кроме него и полковника Тимановского, в штабе было еще 3 офицера связи и при нем команда конных черкесов.

Командиром 1-й батареи генерал Марков назначил подполковника Миончинского.

Вся обстановка говорила за то, что в ближайшие дни предстоят бои, будет ли наступать армия на Екатеринодар или не будет.

23 марта (5 апреля). Утром в Офицерском полку узнали о выступлении 2-й бригады, а к вечеру и о том, что ею заняты станицы Григо-

рьевская и Смоленская, обе в южном направлении, т.е. обратном екатеринодарскому. Вечером же полк получил приказание быть готовым к выступлению во второй половине ночи, но куда он тронется, сказано не было.

БОЙ У СТАНИЦЫ ГЕОРГИЕ-АФИПСКОЙ

24 марта (6 апреля). 1-я бригада была поднята ночью и в 3 часа уже шла на сборный пункт на западной окраине станицы. Офицерскому полку пришлось довольно долго стоять в ожидании чего-то. В это время генерал Марков был у Кубанского стрелкового полка, который видел в полном составе в первый раз. Полк имел до 1000 штыков наполовину офицерского состава и 4 пулемета. Генерал Марков представился полку и объяснил задачу, данную бригаде: взять станицу Георгие-Афипскую с помощью 2-й бригады, атакующей левее, и в конце добавил:

– Да не бойтесь пули. Если суждено, то она найдет вас везде, не судьба, так и в жарком бою уцелеете. Я никогда не берегся пули и вот, видите, цел!

Достаточно было нескольких минут, чтобы кубанцы прониклись полным доверием к Генералу, и чтобы он мог смело говорить – «мои кубанцы».

Подъехав затем к Офицерскому полку, уже знавшему задачу, генерал Марков приказал ему выступить в голове колонны бригады. За полком пошла батарея, затем Кубанский полк, боевой обоз и Инженерная рота. Дорога была тяжелая: густая грязь, вода в низинах, слабые мостики... Колонна стала растягиваться.

Быстро светало. До станции оставалось еще до 2-х верст, но уже виднелись станционные постройки, стоящие на путях вагоны, и можно было различить красный бронепоезд. Молчание. Колонна бригады стала разворачиваться: Офицерский полк, взяв направление правее станицы, оставив 5-ю и 6-ю роты в резерве; левее его, фронтом на станцию, Кубанский стрелковый. Местность равнинная, покрытая мелким кустарником, но не дающим укрытия. Поражало продолжавшееся молчание противника и его бронепоезда, а затем и другого, появившегося из-за зданий.

В это время к левой из ротных колонн полка подъехал генерал Корнилов во главе своего штаба, с распущенным трехцветным флагом и группой текинцев, и обратился с какими-то указаниями к генералу Маркову. Прошло несколько минут. Полк был от противника в версте с небольшим. Вдруг сильнейший пулеметный огонь с бронепоездов обрушился на полк. Полк немедленно рассыпался в цепь и укрылся за небольшим валом-дамбой, тянувшимся немного впереди. Первые потери. Ранен в ногу начальник штаба армии, генерал Романовский, не-

сколько текинцев упало с лошадей. Генерал Корнилов и штаб спешились и легли за валом. Неподалеку от цепи стала батарея, но огня не открывала. Правофланговой 4-й роте было приказано выдвинуться вперед с целью перерезать железную дорогу на Екатеринодар и охватить противника с его левого фланга. Рота под выдержанным и метким огнем стала продвигаться вперед по кустарнику, но обнаружила перед собой сплошной фронт противника. К этому она увидела подходявший со стороны Екатеринодара поезд небольшого состава, набитый солдатами. Рота остановилась. Красные прекратили стрельбу.

Но вот – приказание: «Вперед!». Всего лишь верста отделяла противников, но ясно видимые цепи полка были снова встречены молчанием со стороны красных. Их бронепоезда застыли на двух крайних точках. Окопов красных и какого-либо движения у них обнаружено не было. Плохая примета! Значит, противник уверен в себе и готовит жаркую встречу.

Недолго продолжалось это тягостное безмолвие: над цепью пронесли первые снаряды батареи полковника Миончинского; она открыла огонь по бронепоездам и настолько точно, что они стали ползать по полотну железной дороги. Этими несколькими выстрелами, собственно, и начался бой, так как в ответ разразились огнем позиции красной пехоты, артиллерии и бронепоездов. Огонь, открытый красными, по силе своей превышал силу любого предыдущего боя. Ружейный, пулеметный и одновременно оружейный своими низкими и точными разрывами шрапнелей буквально придавливал к земле идущие цепи. Цепи залегли. Красные шрапнели заменили гранаты. Около 600 шагов всего лишь было до врага, цепи которого были замечены несколько впереди железнодорожной насыпи. Офицеры открыли ружейный огонь. Но как он был слаб по сравнению с огнем противника! По цепи приказание: «Перебежки по одному! Вперед!». Уже расстояние сократилось почти наполовину, но красные не проявляли никакой нервности, и огонь их все усиливался. К счастью, артиллерийские снаряды их рвались несколько позади цели. Зловещие стальные крепости красных маневрировали по линии и стреляли всей мощью своих орудий и пулеметов, не обращая внимания на рвущиеся вокруг них снаряды. Двигаться вперед, прямо на бронепоезда, офицерская цепь не смогла, она остановилась, не зная и не видя, что перед самыми позициями красных протекала речка Шелш, через которую был переброшен лишь один мостик: препятствие, которое, видимо, и давало такую силу сопротивления красным.

Уже Офицерским полком понесены большие потери. Раненые отползали назад, ища укрытия от огня за дамбой, откуда они начали наступление.

Было ровно 16 часов. Положение – отчаянное. Казалось, перейди красные в наступление своей подавляющей массой и при поддержке

огня своих бронепоездов, не удержаться цепям, и не помогли бы им 5-я и 6-я роты, высланные на правый фланг полка, чтобы все же охватить фланг противника.

Генерал Корнилов продолжал оставаться на дамбе и наблюдать за боем. Он в сильно возбужденно-недовольном состоянии. Наконец, он раздраженно сказал генералу Маркову:

– Сергей Леонидович! Я просил вас о ночном налете, а вы закатили мне дневной бой!

Это был упрек, более того – выговор. Генерал Корнилов больше не остался здесь, а уехал на левый фланг, туда, где наступала 2-я бригада.

В создавшемся положении на участке всей 1-й бригады генерал Марков видел лишь одну возможность успеха атаки – это в подавлении огня красных бронепоездов. Он приказывает полковнику Миончинскому отогнать красный бронепоезд, стоящий у станции, при этом напоминает: бить по поезду, а не по зданиям, где в одном из них находится склад снарядов. Первый же снаряд батареи лег на насыпи под вагоном бронепоезда; второй попадает в здание и... следует сильный взрыв. Видя, что снаряд полковника Миончинского попал в склад, генерал Марков громко воскликнул:

– Эх! Куда же ты стрелял?! Я же предупреждал...

Этот невольный взрыв столь нужных для армии снарядов, однако, имел то немедленное следствие, что красные, сидевшие до сего времени крепко и уверенно на своих позициях, вдруг вскочили и бросились бежать через железнодорожную насыпь. Бронепоезд немедленно дал ход в сторону Екатеринодара, вслед за ранее ушедшим и не вернувшимся назад потому, что к железной дороге подходили 5-я и 6-я роты. Мгновенно с криком «Ура!» рванулись вперед цепи 1-й бригады. Цепь Офицерского полка, поднявшись на железнодорожное полотно правее станции, увидела далеко убегающего противника. Далеко влево несло «ура» 2-й бригады, которая обходила станицу Георгие-Афипскую с запада. Последний взрыв пулеметного и ружейного огня был в верстах 2-х от станции в сторону Екатеринодара: отходящий бронепоезд красных, оказавшийся вооруженным лишь многочисленными пулеметами, обслуживаемыми матросами, попал под огонь 5-й роты с дистанции 200-300 шагов. Вдруг паровоз окутался густым облаком пара и поезд вскоре остановился. Грянуло юнкерское «ура», быстрая атака, захват поезда и уничтожение задержавшихся на нем матросов...

Бой кончился. Наступала ночь. В станицу Георгие-Афипскую одновременно вступали 1-я и 2-я бригады и сейчас же обозы. Вся станица оказалась забита пришедшей армией. Во многие дома свозили раненых, перевязывали их. Здесь полнота власти была у сестер милосердия; они задерживали в своем распоряжении проходивших здоровых, поручая им то принести воды, вскипятить чайник, рвать простыни, рубахи на бинты... Не хватало йода.

В этом бою потери в Офицерском полку были большие: до полутора человека. Станцию к станции оборонял отряд красных силою до 6000 человек.

Среди захваченных трофеев особенную ценность имели около 700 снарядов, которые находились в соседнем со взорванным здании.

Наступила ночь. После двух часовей передышки генерал Марков, взяв батальон кубанцев и роту Офицерского полка, повел их вдоль железной дороги на Екатеринодар. Где-то офицерская рота отделилась от кубанцев и пошла самостоятельно влево. Ей была дана задача дойти до реки Кубани и там остановиться.

25 марта (7 апреля). С утра конная и 2-я бригады выступили в северо-западном направлении, а за ними вытянулись и «главные силы». На ночь 2-я бригада остановилась в ауле Панахес, а конная продолжала движение к Елизаветинской паромной переправе через реку Кубань в 10 верстах западнее Екатеринодара. Ночью переправа была ею захвачена.

1-я бригада осталась в арьергарде армии в станице Георгие-Афипской, имея заслоны в сторону Екатеринодара и Новороссийска. Днем части Кубанского стрелкового полка вели бой у станции Эйнем, однако не переходя в наступление. Красные усиливали свой отряд подвозом резервов из Екатеринодара.

26 марта (8 апреля). Утром бригада оставила станицу Георгие-Афипскую и к вечеру пришла в аул Панахес. Только теперь все узнали, что у станицы Елизаветинской захвачена переправа через реку Кубань, захвачена сама станица, и идет переброска на тот берег конной и 2-й бригад. Для всех стало ясно, что армия атакует Екатеринодар, и все были поражены, как легко и просто генералу Корнилову удалось форсировать реку Кубань.

Ничего этого не знали в Офицерской роте, стоявшей на берегу реки в нескольких верстах от железнодорожного моста. Нетерпеливо ожидалось разворачивание событий к атаке города. Но вот уже ночь, а рота продолжает стоять в бездействии и в одиночестве. Офицеры невольно нервничают; спокоен, кажется, один лишь ее командир.

Вдруг все узнают, что приехал генерал Марков. Однако рота никуда не идет, и никаких изменений ее расположения не следует. Значит, все благополучно. Успокоились.

Неожиданно с постов сообщили, что впереди слышен шум движения колонны. Все приготовились к бою. Однако генерал Марков сейчас же выскочил вперед навстречу шуму. Оказалось, подошел батальон кубанцев. Генерал Марков взбесился:

– Почему вы здесь? Я же приказал вам оставаться на месте! – Ответ не замедлил: ночь, одни в степи, никакой связи; мы думали, что «нас бросили».

– Что? – заорал генерал Марков. – Вы видели, что я бросил кого-нибудь? А не хотите – ну вас к черту! Получайте расчет! – и, широко расставив ноги, он запустил руку в боковой карман своей неизменной куртки и вытащил оттуда бумажник. Кубанцы заголосили. Генерал Марков спрятал свой бумажник и приказал возвращаться на свое место, и сам исчез с ними в темноте. Жест генерала был замечательный, всех развеселивший.

Переправа через реку Кубань при наличии двух паромов и 1-2 десятков лодок при полном напряжении сил и использовании времени для армии неизбежно должна была затянуться на трое суток. Ведь переправить нужно было около 600 подвод, орудий и зарядных ящиков; до 4000 лошадей и свыше 9000 человек. Срок большой и достаточный для противника, чтобы сосредоточить свои войска и ударить ими по переправившейся части Добровольческой армии или ожидающей переправу. Генерал Корнилов рисковал. Но красные, не зная подлинных намерений своего противника, продолжали держать лучшие свои части у железнодорожного моста, сосредотачивая остальные на западной окраине Екатеринодара.

Между тем, в дни переправы как никогда Добровольческая армия была в чрезвычайно опасном положении: ее силы были разъединены рекой. На второй день на северном берегу реки были 2-я и конная бригады, на южном еще оставалась 1-я. Армия вынуждена не предпринимать серьезных активных действий, и тем более, не атаковать Екатеринодар.

БОИ У ГОРОДА ЕКАТЕРИНОДАРА

27 марта (9 апреля). В станице Елизаветинской собирается 2-я бригада. Конные части веером вокруг нее ведут наблюдение за противником. Чехословацкий батальон выдвигается для обеспечения станицы с запада. Переправляется пластунский батальон.

Во 2-й половине дня, когда красные выиграли еще 6-8 часов, они перешли в наступление на станицу, но были отброшены и отошли к белой ферме Кубанского экономического общества, на половине пути до Екатеринодара.

В 1-й бригаде спокойно. Она полукольцом, проходящим через аул Панахес, прикрывала переправу. Огромным табором на берегу реки стоял обоз. На паром одновременно могло быть доставлены 4 подводы. Раненые ждали своей очереди. Но в обозе с беженцами нервничали и стремились попасть на паром вне очереди.

У переправы генерал Марков. Его резкий громкий голос непрерывно обрушивался на одних, то на других, нарушающих порядок. Несколько нетерпеливых подвод отведены в сторону за кусты: будут переправляться последними.

28 марта (10 апреля). 2-я бригада перешла в наступление. Красные, видя свое численное превосходство над нападающими, упорно отбивались. Ферма переходила из рук в руки. Наконец, враг стал отходить к городу. На помощь бригаде подошел батальон Кубанского стрелкового полка. Было взято предместье города, кожевенный и кирпичный заводы, но перед казармами наступление уже в сумерках остановилось под сильным огнем противника, занимавшего отличную позицию. Левый фланг бригады оказался загнутым назад, так как встретил сильное сопротивление из садов и с линии Черноморской железной дороги, на которой курсировали бронепоезда противника. Бригада понесла большие потери; был ранен в плечо, но остался в строю командир Партизанского полка генерал Казанович; ранены командир пластунского батальона полковник Улагай, затем и заместивший его полковник Писарев.

В 1-й бригаде по прежнему спокойно, но волнение у «марковских» добровольцев огромное: с утра они слышат все удаляющийся к городу шум боя. Они переживают большую досаду, что им не придется принять участие во взятии города. Не вытерпев, излили свою досаду генералу Маркову:

– Ваше Превосходительство! Что же это? Всюду посылали в первую очередь, а как Екатеринодар брать – сиди в арбергарде!

Генерал Марков утешал:

– Без нас города, пожалуй, не возьмут.

Однако и сам переживал то же, что и все, и, как он сказал, послал в штаб армии записку о осаде, что его бригаде придется попасть в город к «шапочному разбору».

1-я батарея пригласила генерала Маркова к себе «на мамалыгу». (В этом районе аулов – хлеба не было). Гость пришел с краюхой хлеба, полученной им из Елизаветинской, которым и поделился. Разговор шел все о том же – о пассивном участии бригады. Генерал Марков утешал, но сам, прислушиваясь к звукам боя, не мог сдерживать спокойствия и пускал коротко: «Черт знает что...»

Во второй половине дня на тот берег был переправлен взвод 1-й батареи. С наступлением ночи переправлялись последние повозки обоза и, наконец, последним – Офицерский полк.

29 марта (11 апреля). Едва рассвело, весь Офицерский полк был на правом берегу Кубани и немедленно двинулся в сторону города Екатеринодара. За ним Инженерная рота и батарея. В станицу зайти не при-

шлось. Полк вышел на большую дорогу, затем свернул с нее вправо и проходил ряд небольших ферм, окруженных садами. День был светлый, идти было легко. Генерал Марков уехал вперед, в штаб генерала Корнилова. Там он выразил свое негодование генералу Романовскому:

– Черт знает что! Раздергали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной команды к обозу пришили.пустили бы сразу со всей бригадой, я бы уже давно был бы в Екатеринодаре!

Впереди шел бой. О силе шедшего боя офицеры судили по глухому шуму, напоминавшему шум сильного ветра. У одной из ферм полк встретил генерал Корнилов со своим штабом, тут же был и генерал Марков.

У белой фермы – остановка; приказание подкрепиться «чем Бог послал», осмотреть свое оружие, если нужно – заменить, выбрав лучшее среди массы брошенного красными, и обязательно взять штыки.

Через час колонна двинулась дальше, оставив на берегу Кубани взвод Инженерной роты на случай появления неприятельских вооруженных лодок.

От фермы полк и Инженерная рота тронулись вдоль реки к видневшимся спереди кирпичному и кожевенному заводам. По дороге колонна попала под артиллерийский огонь. Приняв рассредоточенный порядок, она продолжала движение без остановок. У кирпичного завода обстрел усилился, и к артиллерийскому присоединился обстрел с реки Кубани, с речной флотилии, вооруженной скорострельными пушками Гочкиса. Однако потерь в колонне почти не было.

Пройдя завод, полк четырьмя ротами пошел на смену выдохшимся в бою батальонам Кубанского стрелкового полка и пластунскому, занимавшим участок от реки Кубань до большой дороги из станицы Елизаветинской в город Екатеринодар, протяжением свыше 2-х верст. Смена происходила под сильным артиллерийским и ружейным огнем на восточной окраине предместья, горевшего в нескольких местах. Позиция противника проходила всего лишь шагах в 600 за голым полем с протекавшим ручьем, по краю огорогов, а левее – по валику, окружавшему казармы, и была отличной во всех отношениях.

В резерве полка были поставлены за правым флангом – 6-я рота, за левым – 4-я. Инженерная рота стала у самой реки. Кроме того, в резерве находился и смененный батальон Кубанского стрелкового полка.

Влево, уступом сзади, стояли части 2-й бригады. Таким образом, участок генерал Маркова занимал выдвинутое положение и был под обстрелом слева.

АТАКА

1-й и 2-й бригадам приказано в 17 часов атаковать противника и занять город. Конной бригаде обойти город с севера и востока.

До атаки было еще около двух часов, воспользовавшись которыми генерал Марков обошел все роты, стоявшие на передовом фланге. Задача: занять казармы, для атаки которых направлялись 1-я и 2-я роты и на левом их фланге 5-я.

– Главное – возможно быстрее к валу, – говорит он. 5-й роте он сказал:

– Сейчас будем брать артиллерийские казармы. Вы атакуете их в лоб, без задержек, без перебежек. Берегите патроны. Вашу атаку подержат кубанцы.

Атаке будет предшествовать артиллерийская подготовка взвода 1-й батареи. Условлено о... 7 выстрелах. Роты нацелились.

Генерал Марков возле 5-й роты. Он смотрит на часы, смотрит влево в сторону 2-й бригады. Наконец, артиллерийский взвод открыл «беглый» огонь.

– Ну, видно, без нас дело не обойдется, – сказал генерал Марков бывшим с ним и, подбежав к 5-й роте, громко прокричал:

– С Богом! Вперед!

– Вперед! Ура! – скомандовал полковник Зотов. За 5-й ротой поднялись другие...

Красные в первый момент даже прекратили ту редкую стрельбу, которую вели, но когда роты пробежали половину расстояния, опомнились и открыли убийственный огонь. В этом огне захлебнулась атака 5-й роты. Она залегла. Но из поселка бежала вперед цепь кубанцев, а впереди нее генерал Марков, размахивая своей папашой. Подбежав к цепи 5 роты, он закричал ей:

– Вперед! Еще немного – и казармы наши! Ура!

Минута, другая, и рота на валу, с которого красные толпами бежали к казармам, вливаясь в улицы между зданиями. По ним открыли огонь. У одного из оставленных красными пулеметов оказался неснятым замок, и прапорщик Гольдшмидт стал поливать бегущих пулеметным огнем. Но на третьей очереди – задержка.

Рота, а с ней и другие, завязали схватку с врагом среди зданий, в которых он пытался задержаться. Ручными гранатами, взятыми на валу, прекращали это сопротивление.

5-я рота вышла на окраину казарм, обращенную к городу, до которого оставалось шагов 400. Она увидела два стреляющих орудия красных. Капитан Чупихин, командир взвода роты, с группой бросился к ним, но, попав под огонь с флангов, отошел. Казармы были взяты, однако противник, находящийся вправо от них в огородах с их живыми изгородями, продолжал оказывать упорное сопротивление.

Дальнейшее продвижение Офицерского полка было приостановлено еще и в силу того, что наступление слева 2-й бригады задержалось. Посланные туда один за другим два офицера 5-й роты были убиты. Третьему, прапорщику Гольдшмидту, посчастливилось добраться до командира 2-й бригады, генерала Казановича.

«Между тем, прибыв ардинарец генерала Маркова и доложил, что им только что взяты артиллерийские казармы и что генерал просит нас продолжать наступление в связи с его бригадой, которая готовится проникнуть в город. Неженцев послал приказание своей цепи наступать. Цепь поднялась, но сейчас же снова залегла, будучи не в силах подняться из оврага, по дну которого протекал ручей. Тогда Неженцев сам пошел поднимать цепи и скрылся в овраге». (Из записок генерала Казановича).

Сам же генерал Казанович, взяв свой резервный батальон, перешел в наступление левее большой дороги и вышел почти на линию Офицерского полка. Наступала ночь.

Далее в своих записках генерал Казанович пишет: «Ко мне подошел полковник Кутепов, командовавший левым участком генерала Маркова, состоявшим из перемешавшихся во время атаки людей Офицерского и Кубанского стрелковых полков. Я спросил, где генерал Марков, и получил ответ, что он пошел к своему правому флангу, на участок генерала Боровского! Сказав полковнику Кутепову, что я сейчас атакую окраину города и проникну вглубь его по ближайшей улице, я просил атаковать вслед за мной и правее меня; эту просьбу я просил передать генералу Боровскому и их общему начальнику – генералу Маркову. Полковник Кутепов обещал атаковать, как только я ворвусь в город.

Но атака Офицерского полка не состоялась, так как, судя по запискам генерала Казановича, «ему (полковнику Кутепову) не удалось двинуть вперед смешанных людей разных полков, бывших на его участке», а генерал Марков – «ничего не знал о моем предприятии и услышал о нем впервые, когда по его телефону передавалось мое донесение в штаб армии».

Записки участников боя для этого момента говорят иное: левофланговые роты полка были готовы к продолжению наступления и недоумевали, не получая приказаний, и тем более потому, что стрельба со стороны города совершенно прекратилась. А между тем, как раз в это время, генерал Казанович с 250 человек проник в город до Сенной площади, не встретив никакого сопротивления, и отступил назад, так как не мог установить связь с Офицерским полком, продолжавшим стоять на месте. Генералу Казановичу на обратной пути пришлось пробиваться через линию красных, занявших западную окраину города со стороны Черноморского вокзала, куда левофланговым частям 2-й бригады продвинуться не удалось.

Казалось, успешное предприятие группы с генералом Казановичем могло бы иметь большие положительные результаты в атаке города, если бы его поддержал Офицерский полк. Но генерал Марков ничего о нем не знал. Он решил возобновить атаку утром. Сильная стрельба, поднявшаяся, когда из города пробивался отряд генерала Казановича, застал его уже отдавшим все нужные распоряжения и отдохавшим.

– Черт возьми! Отдохнуть не дадут, – проворчал он, выбегая из дома с плеткой, в папахе, без пояса. Но стрельба скоро стихла.

Атака артиллерийских казарм Офицерскому полку стоила огромных потерь – до 200 человек, но настроение в нем оставалось высоким и уверенным в успехе следующей атаки.

30 марта (12 апреля). Генерал Марков, узнав о налете генерала Казановича в город, предложил ему повторить атаку общими силами на рассвете. Но генерал Казанович отклонил это предложение: в его бригаде в обоих полках осталось едва по 300 штыков. Убиты были командир Корниловского полка, полковник Неженцев и его заместитель. Полковник Кутепов получил приказание принять Корниловский полк.

К утру вся западная окраина города уже была занята красными. Они массой засели в огородах. В казармах части Офицерского полка находились в выдвинутом вперед положении и всего лишь шагах в 400 от окраины города. Влево, через дорогу, уступом назад, стояли части Партизанского полка. В полдень их сменила 4-я рота Офицерского полка. Смена происходила под обстрелом. Позиция 4-й роты оказалась имеющей вид прямого угла с фасадами на город, т.е. на восток, и на Черноморский вокзал – на север. Оба ее фаса обстреливались фланговым огнем. Спасали роту глубокие окопчики, вырытые партизанами.

Вся площадь казарм обстреливалась ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Мало скрывал от обстрела валик у казарм, отделявший их от города. Красные вели огонь из окон городских зданий. Шагах в 2000 от казарм, среди огородов стоял взвод красной артиллерии, безнаказанно обстреливающий казармы. Добровольцы экономили снаряды и патроны. Ответная стрельба велась любителями: прапорщик Дитман вытащил матрац, и лежа на нем, редко и прицельно стрелял. Пули противника рвали матрац, но стрелок не уходил, пока ему не приказал командир роты.

Полк нес потери. Один снаряд попал в пулеметный окоп и вывел из строя всю его прислугу. Измаилу, кавказцу, осколком снаряда перебило руку. Сестра милосердия Шурочка, как все ее называли, немедленно произвела операцию: перочинным ножиком она перерезала сухожилия, на которых еще держалась рука, и перевязала раненого. Все поразились ее самообладанию и хладнокровию. Все поразились и огромному самообладанию Ибрагима: «Хорош была рука и нет больше

рука. Но есть еще одна», – говорил он, утешая себя примером поручика Федорова Павла, без правой руки управлявшегося с карабином при помощи другой руки и зубов.

У красных замечались приготовления к атаке, но всякий раз они погашались пулеметным и ружейным огнем. Но одна атака все же состоялась, и они сбили 5-ю роту. Генерал Марков подбежал к роте и контратакой восстановил положение.

Возникла новая неприятность: красные выдвинули свои части вдоль южного берега реки Кубань так, что теперь могли обстреливать позиции полка не только во фланг, но и в тыл, и, главное, единственная дорога в тыл, более или менее скрытая от наблюдения со стороны Екатеринодара, стала находиться под обстрелом.

После полудня генерал Марков был вызван в штаб армии на совещание, на котором обстановка, сложившаяся для армии, представилась следующей: силы противника во много раз превышают силы Добровольческой армии и непрерывно продолжают увеличиваться. У противника не менее чем в два раза больше орудий и 2 бронепоезда. У него неистощимый запас патронов и снарядов. Потери, понесенные армией, восполнить нечем. Мобилизация казаков, давшая несколько сот человек, свелась к нулю: казаки стали оставлять ряды армии. Замечено и явление: утечка добровольцев. В боевом составе армии осталось: в 1-й бригаде – около 1200 человек, во 2-й – около 600. Конная бригада, хотя и сохранилась, но она не может оказать существенной помощи, ее обход Екатеринодара никакой видимой помощи армии не дал. Число же раненых в походном лазарете перевалило 1500 человек. Помимо всего, здоровый, находящийся в строю состав армии утомлен физически и морально. И, как бы в подтверждение усталости, генерал Марков невольно заснул, но, разбуженный, извинился перед генералом Корниловым.

– Виноват, Ваше Высокопревосходительство! Двое суток не ложился.

Генерал Корнилов высказал свое мнение и решение:

– Положение, действительно, тяжелое, и я не вижу выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Все генералы, кроме Алексеева, ответили отрицательно, но и тот предложил отложить штурм на 1 (14) апреля.

– Итак, будем штурмовать на рассвете 1-го (14) апреля, – твердо сказал генерал Корнилов и отпустил генералов.

Вечером этого дня в разговоре с генералом Казановичем он сказал:

– Конечно, мы можем при этом погибнуть, но лучше, по-моему, погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели – без снарядов и патронов это будет медленная агония.

Генерал Марков вернулся на свой участок внешне в бодром настроении, но полковнику Тимановскому и немногим другим он сказал:

– Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Если не возьмем, а если и возьмем, то погибнем, – но вслед за этим приказал передать в части приказание о подготовке и об обязательном нашествии на головные уборы белых лент.

Для чинов Офицерского полка штурм Екатеринодара представлялся единственным решением.

АТАКА ПРОТИВНИКА

Наступила ночь, которая скрыла цепи и почти прекратила стрельбу с обеих сторон. На территории казарм бойцы могут чувствовать себя в меньшей опасности, чем днем: могут встречаться, разговаривать. Усилилось движение из казарм в предместье за продуктами питания. Но, вместе с тем, и обострилось внимание в сторону противника. Два фаса казарм особенно опасны: в сторону города и в сторону огородов. Третий фас, северный, менее опасен: там огромная голая площадь, находившаяся под обстрелом 4-й роты.

Но вот на правом фланге полка, в охранении, раздались несколько тревожных выстрелов. Сообщили – красные наступают, и, еще несколько минут, стрельба распространилась влево к казармам и перед ними, принимая все усиливающийся характер. Противник атаковал казармы со стороны огородов, ворвался в них. Им было захвачено несколько крайних зданий. 1-я, 2-я и 5-я роты отскочили к следующим зданиям и задержали дальнейшее продвижение противника. Бешеная стрельба. Обе стороны засели в зданиях, между которыми – «зоны смерти».

Генерал Марков сменяет на правом фланге полка 3-ю роту, перед которой красные не вышли из огородов, резервной 6-й ротой и переводит ее влево к казармам. Прodelывается это чуть ли не бегом. Готовится контратака. Наконец...

Контратакующих встречает адский огонь, разрывы ручных гранат. Среди темной ночи – огонь выстрелов. Офицеры залегают. Стреляют по окнам зданий, но на вспышки их выстрелов летят гранаты и пули. Они прижаты к земле. Уже не подняться им. Отползают раненые. Их много. Многие лежат неподвижно. Продолжение атаки уже невозможно. Кое-как по цепи передается: отползать.

Красные не продолжили свою атаку и ограничились занятием части казарм. В Офицерском полку огромные потери, особенно во 2-й роте.

31 марта (13 апреля). Рассветало. Ожидаемого возобновления атаки красных не было. Картина ночного боя ужасна: в «зоне смерти» лежат убитые и десятки раненых. Подобрать их невозможно. Красные стреляют из окон зданий.

К их ружейным выстрелам присоединились орудийные. Снаряды рвутся на территории добровольцев, несутся в тыл. Слышны их разрывы в предместье. Там горят постройки, и новые жертвы среди вынесенных и ушедших туда раненых. Летят снаряды и в более глубокий тыл. Но молчат артиллерия добровольцев. И в гуле стрельбы лишь со стороны противника чувствуют добровольцы «музыку» судьбоносную, роковую. Но воля их еще не сломлена, несмотря на ничтожную их численность. «Будь в армии хотя бы 10000 человек, давно бы взяли город», – говорили они. Не в первый раз в их разговорах упоминалась цифра 10000.

Около 8 часов Генерал Марков был вызван к телефону. Разговор у него был коротким и, отойдя от телефона, он крикнул: «Коня!». Мгновенно вскочив на него, он поскакал в штаб генерала Корнилова, сказав лишь несколько слов полковнику Тимановскому. На лице у него можно было прочесть лишь какую-то срочную и серьезную озабоченность. Полковник Тимановский сохранял свое обычное спокойствие, но никому не сказал ни слова из того, что передал ему генерал Марков. <...>

Генерал Марков недолго задержался в штабе и скакал обратно к Екатеринодару. У дороги на берегу Кубани стоял взвод Инженерной роты, который видел обстрел фермы. Командир взвода, увидев генерала Маркова, пошел к нему навстречу, держа руку под козырек. Генерал Марков поприветствовал коня.

– Ваше Превосходительство! Генерал Корнилов убит?

– Убит! Но об этом никому ни слова, – ответил генерал Марков и прищипил коня.

Прибыв в свой штаб, генерал Марков сообщил о смерти Вождя генералу Боровскому, полковнику Тимановскому и другим, кому находил нужным, но не для передачи этого известия в части. Туда посылались нужные распоряжения, которые до чинов доходили в форме: «генерал Марков приказал...» Это действовало успокаивающе.

Но томительно протекали часы. Мучили тревожные предчувствия. Однако, перекидываясь своими мыслями, офицеры говорили лишь о предстоящей новой атаке города. Ничего иного они не могли допустить. Да и повторное приказание – нацепить на головные уборы белые ленты – подтверждало их мысль. Ее не нарушала даже возможность атаки противника, встретить которую они готовы. Наступала ночь.

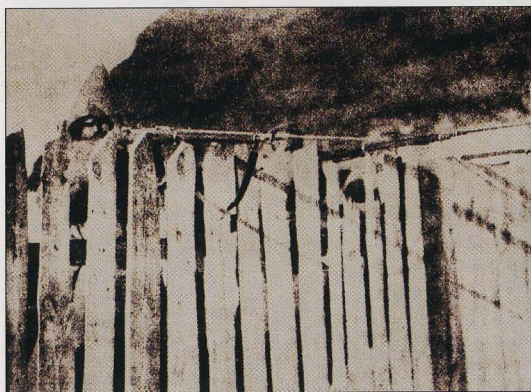
А между тем, старшими начальниками получен приказ из штаба армии: осада города снимается, армия отходит, но предварительно с наступлением полной темноты Офицерский полк должен провести демонстрацию атаки. Наступила ночь.

*Сводно-Офицерский
Добровольческой армии
полк выступает
в «Ледяной» поход.
Февраль 1918 г. (ГА РФ)*

*Бой Добровольческой
армии 23 февраля 1918 г.
за село Лежанка
(ГА РФ)*

*Отражение атаки
красной конницы от
станции Хомутовской
15 февраля 1918 г.
(ГА РФ)*

*Отступление
Добровольческой армии
от Екатеринодара
(ГА РФ)*

*Молитва за павших
смертью храбрых...
Кубань. 1918 г. (ГА РФ)*

*Дорога из станицы
Елизаветинской на
Екатеринодар – путь
наступления
Партизанского полка
генерала Казановича
27 марта. Вдоль дороги
видны трупы убитых
большевиков и
добровольцев (ГА РФ)*

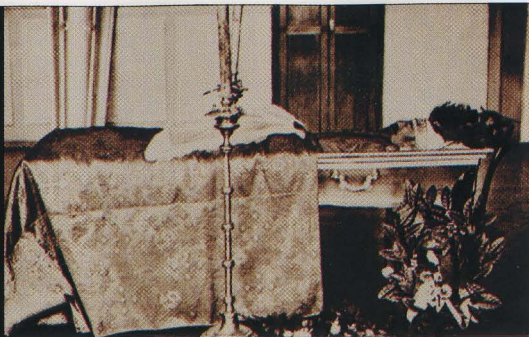

Генерал С.Л. Марков в рядах Добровольческой армии. 1918 г. (ГА РФ)

Подвиг генерала С.Л. Маркова. Захват красного бронепоезда в ходе боя за станцию Медведовская. С рисунка С.Ф. Ефремова (Часовой, № 30) (ГА РФ)

*Генерал С.Л. Марков
в гробу (ГА РФ)*

*Похороны генерала
С.Л. Маркова
в Новочеркасске.
Июнь 1918 г. (ГА РФ)*

*Панихида по генералу
С.Л. Маркову
в Екатеринодаре.
Июнь 1918 г. (ГА РФ)*

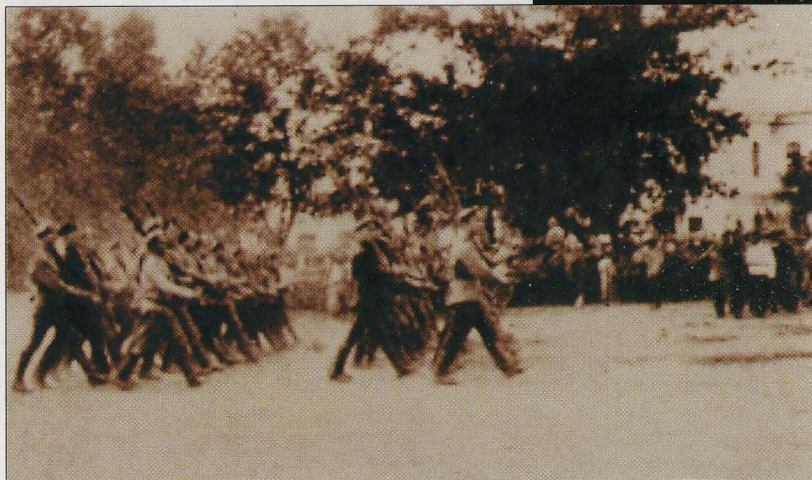

Марковцы. Группа офицеров 3-й роты 1-го Офицерского полка вышедших из Ростова 9 февраля 1918 г. с Добровольческой армией (рота состояла из 200 человек)

Вступление добровольцев в Екатеринодар 3 августа 1918 г. (ГА РФ)

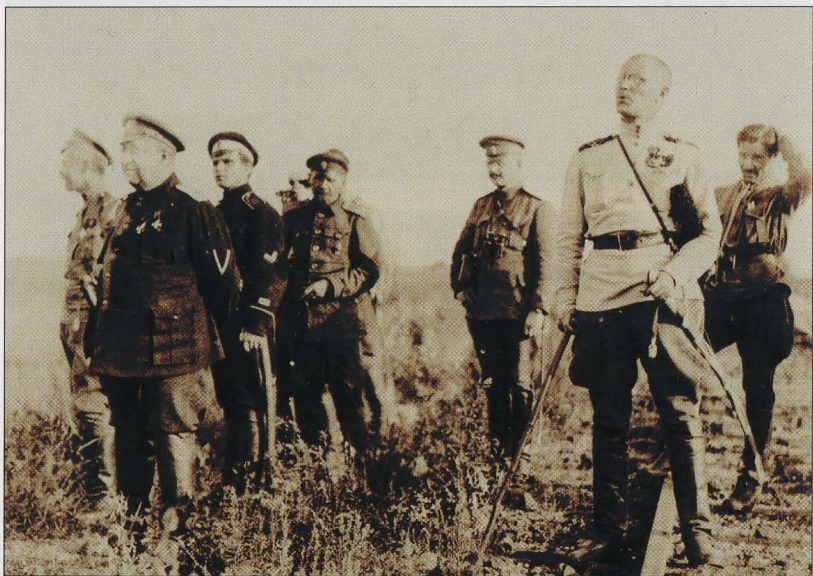
1-й Офицерский генерала Маркова полк на параде в Екатеринодаре. 1918 г. (ГА РФ)

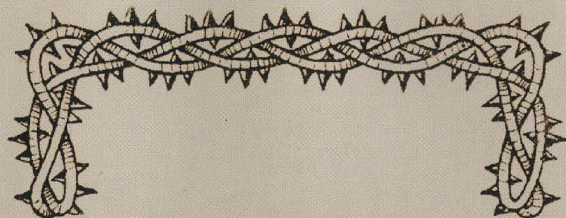
Штаб 1-й пехотной дивизии. 1918 г. Сидят слева направо: командир артиллерийского дивизиона полковник А.Н. Третьяков, командир бригады полковник А.П. Кутепов, начальник дивизии генерал-майор Б.И. Казанович, начальник штаба дивизии полковник В.И. Гейдеман (ГА РФ)

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД

Командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский и начальник 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н.С. Тимановский на фронте. Июнь 1919 г. (ГА РФ)

**МАРКОВЦЫ
В БОЯХ И ПОХОДАХ**

ЗА

РОССИЮ

||

1919-1920

Обложка 2-го тома книги подполковника В.Е. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию»

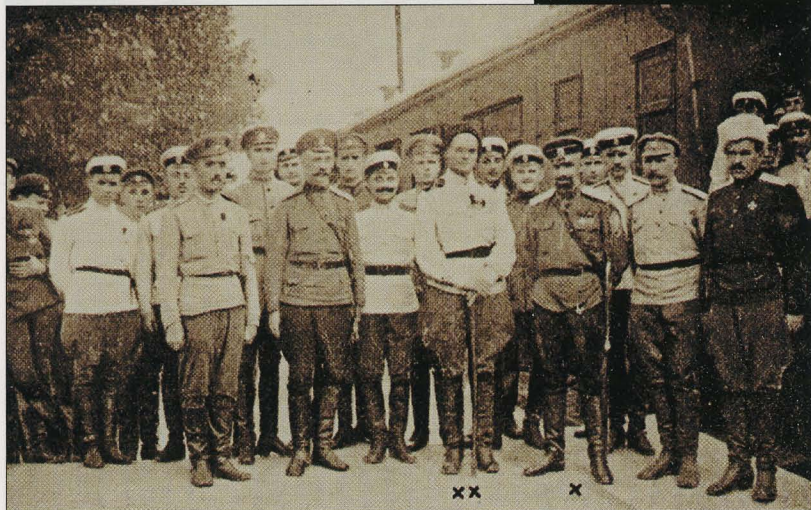

Икона «Св. Сергий Радонежский», Конец XVI века. Частная коллекция.
Святой Преподобный Сергий Радонежский – небесный покровитель
С.Л. Маркова и марковцев

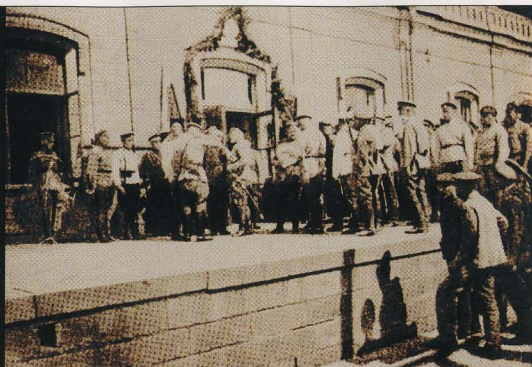

Начальник 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н.С. Тимановский выходит из вагона командующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта В.З. Май-Маевского. Белгород. Июнь 1919 г. (ГА РФ)

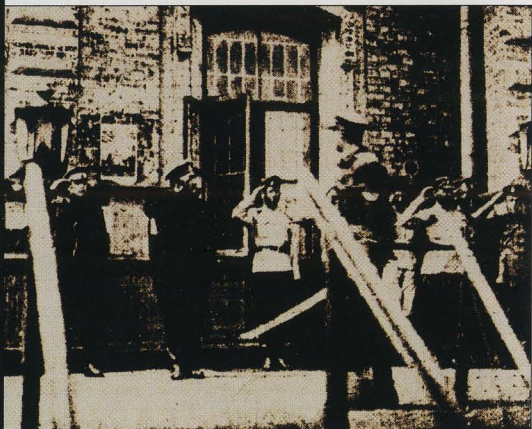
Штаб 1-й пехотной дивизии. Приезд генерала А.П. Кутепова перед взятием г. Курска. Командир 1-го армейского корпуса генерал-лейтенант А.П. Кутепов (x); начальник 1-ой пехотной дивизии генерал-лейтенант Н.С. Тимановский (xx). Белгород. 1919 г. (ГА РФ)

*Смотр Марковского полка. Белгород. 1919 г.
(ГА РФ)*

*Смотр командующим Добровольческой армией генерал-лейтенантом В.З. Май-Маевским Марковского полка. Белгород. 1919 г.
(ГА РФ)*

*Генерал Н.С. Тимаповский и полковник А.Н. Блейш среди марковцев. Белгород. 1919 г.
(ГА РФ)*

Командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский у марковцев. Начальник штаба Добровольческой армии генерал-лейтенант Н.П. Ефимов (к), командующий армией генерал В.З. Май-Маевский (жк), командир 1-го Офицерского генерала Маркова полка полковник А.Н. Блейш (лжк) (ГА РФ)

В штабе 1-й пехотной дивизии. Белгород. Июнь 1919 г.
Справа – начальник штаба дивизии полковник А.Г. Битенбиндер (ГА РФ)

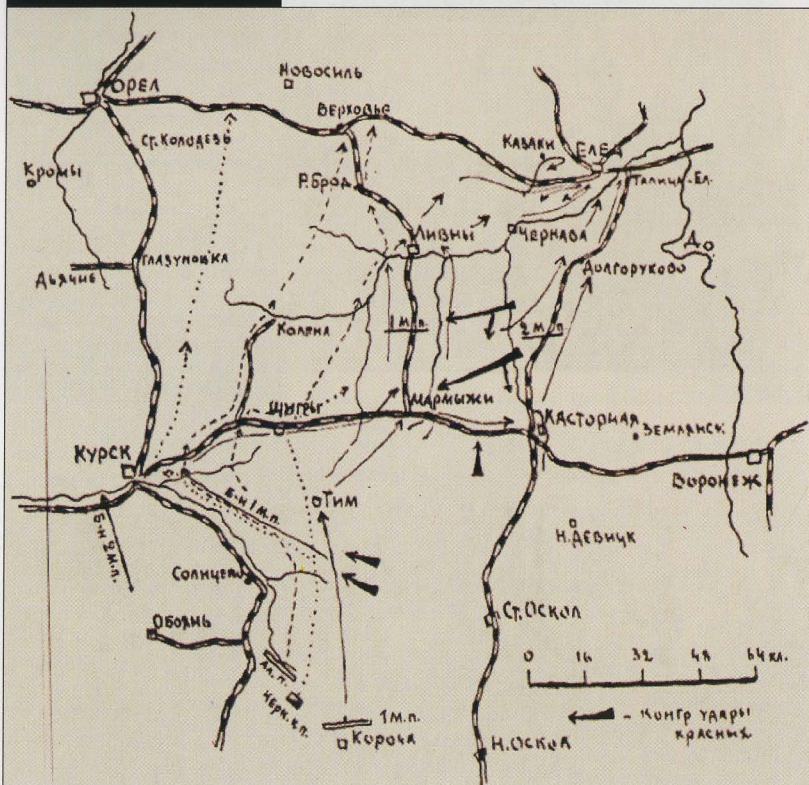

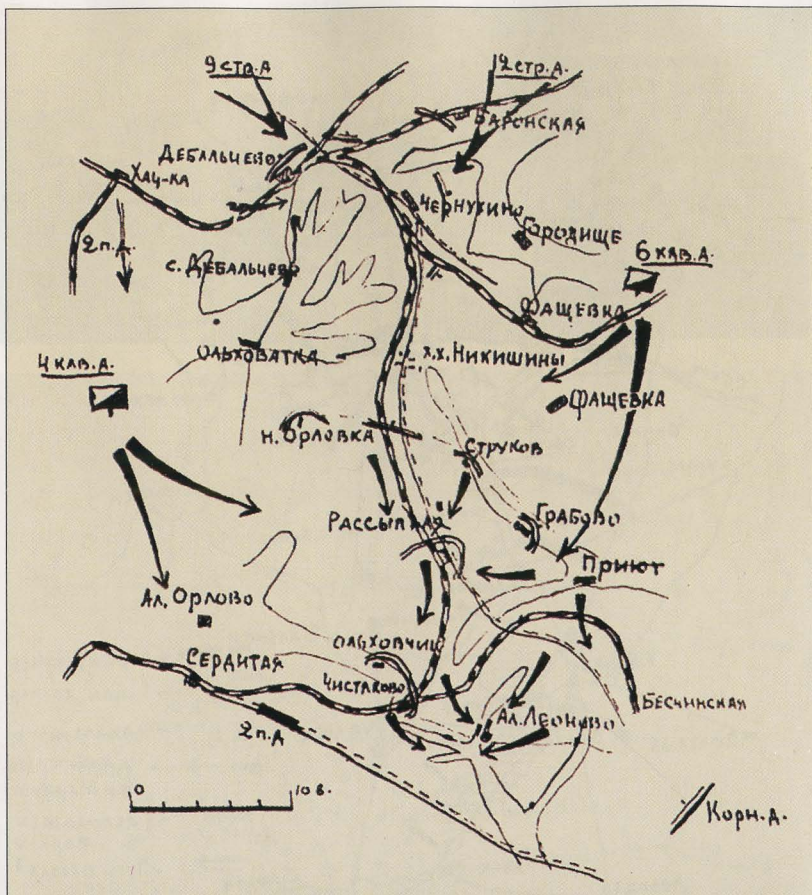
Пулеметная команды 1-го Офицерского генерала Маркова полка. г. Короча. 1919 г. (ГА РФ)

Добровольцы, вступающие в занятый город. 1919 г. (ГА РФ)

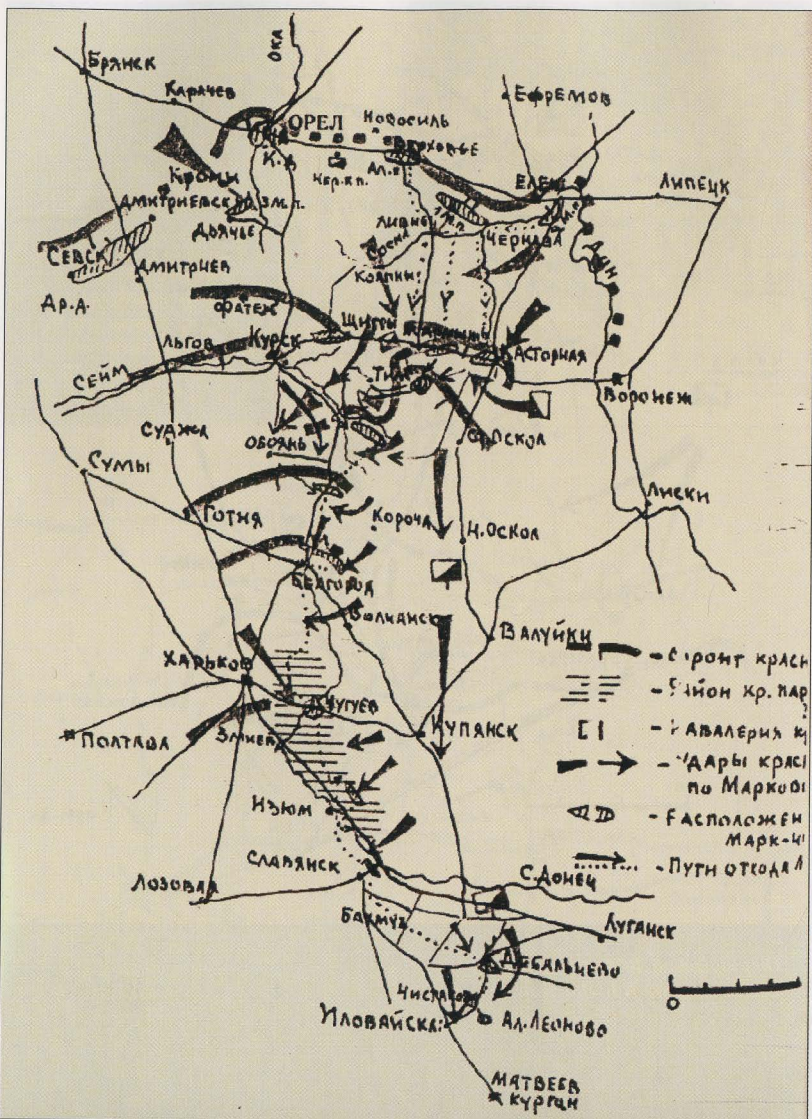

Схема боев в районе Курска-Орла в ходе наступления Добровольческой армии на Москву.
Из книги В.Е. Павлова

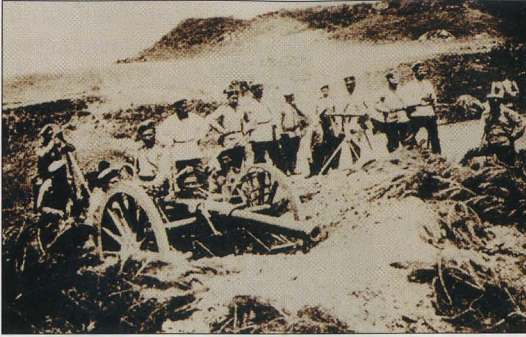

Отступление Добровольческой армии.
Схема из книги В.Е. Павлова

Отступление Добровольческой армии.
 Схема из книги В.Е. Павлова

Батарея Марковской артиллерийской бригады на позиции. 1920 г. В центре – генерал А.П. Кутепов (ГА РФ)

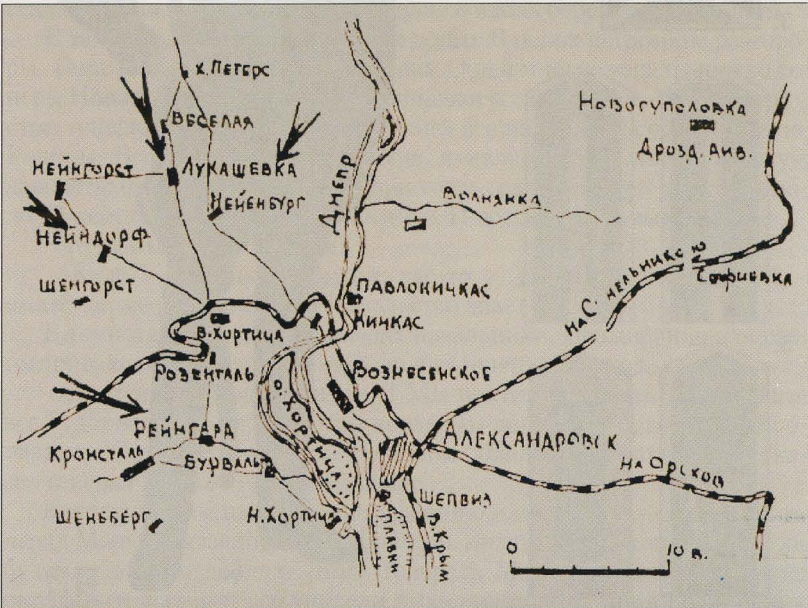
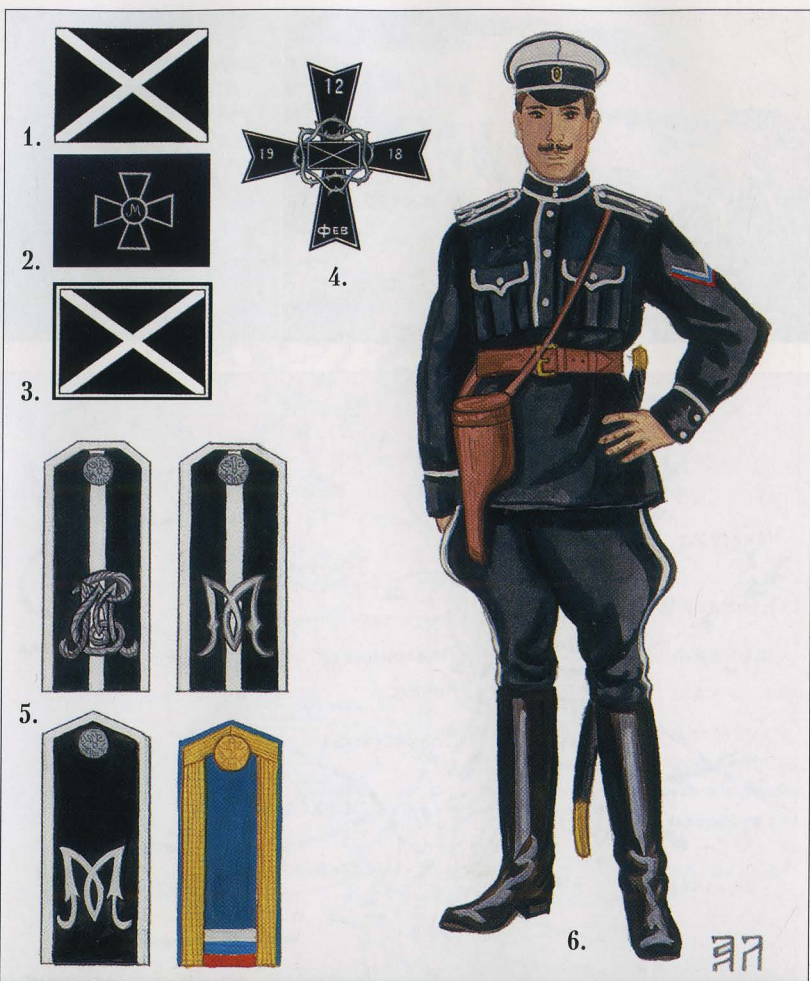

Схема Заднепровской операции Русской армии из книги В.Е. Павлова

1. Значок 1-го Офицерского генерала Маркова полка.
2. Значок 2-го Офицерского генерала Маркова полка.
3. Значок 3-го Офицерского генерала Маркова полка.
4. Знак 1-го Офицерского генерала Маркова полка.
5. Погоны чинов Офицерской генерала Маркова дивизии (первый - 1-й роты 1-го Офицерского полка, последний - Отдельного Юнкерского батальона).
6. Офицер Офицерской генерала Маркова дивизии.

Стрельба красных постепенно стихала. И вот в полной темноте и тишине вдруг в центре Офицерского полка, в расположении казарм, раздались пулеметные очереди и ружейная стрельба, и понеслось громкое «ура». Красные по всему фронту открыли в ответ бешеную стрельбу, которая заглушала огонь полка. Уже последний прекратил и стрельбу, и «ура», но красные не скоро успокоились. А в это время части полка постепенно снимались с передовых участков и уходили в тыл к заводам.

У кожевенного завода под прикрытием арьергарда построился весь полк. По предместью продолжали рваться снаряды, разрушавшие и поджигавшие дома. Полк тронулся по дороге к ферме – штабу армии. Было около 20 часов.

Не доходя до фермы, полк занял фронт лицом на Екатеринодар, седлая обе дороги – большую и идущую вдоль берега реки Кубани.

В таком положении полк стоял долго. В цепях негромкие разговоры. Тема: смерть генерала Корнилова. О ней многие узнали только теперь. Новость неожиданная, заслонившая все остальное. Ведь с личностью генерала Корнилова связывались все надежды на освобождение Родины. Вспомнили тут и событие, имеющее всего лишь годичную давность: отречение Императора; и тогда говорили: теперь все погибло! И действительно: Россия погибла. И вот теперь новый удар.

– Куда мы теперь пойдем?

– Куда?! – громко произнес кто-то. – Да куда глаза глядят! – но тотчас же поправился: – Начальство знает куда!

В темноте вдоль цепи проходят начальники. Неожиданно для разговаривающих на эту тему – около них генерал Марков.

– Да, генерал Корнилов убит! Мы почти окружены. Дальнейшее все будет зависеть от нас. Этой ночью мы должны оторваться от противника. Отход без привалов. В полном порядке, – четко и твердо сказал генерал Марков и пошел дальше.

Какое-то новое направление сознанию и мыслям дал офицерам генерал Марков сказанными им фразами. Значит – не все погибло, если будем в полном порядке. Воля генерала Маркова стала снова ясно ощущаться всеми, и все увидели выход из положения в подчинении этой воле.

Сразу же возник новый вопрос: кто же теперь поведет армию? И называли два имени: генерал Деникин и генерал Марков. За полтора месяца похода Офицерский полк не видел генерала Деникина:

– Он был в обозе. Его не знают, и как можно ему довериться? Генерал Марков! Вот единственный Генерал, завоевавший к себе полное доверие, абсолютную преданность, любовь, исключительный авторитет. Только он должен стать во главе армии! Он ковал славу Офицерскому полку, он вел к победам, его знает и ему доверяет вся армия!

– Но ведь генерал Корнилов еще в Ольгинской оставил своим заместителем генерала Деникина? – были возражения, хотя и не твердые. На это нашли контрвозражения:

– Марков был правой рукой Корнилова, его шпагой, мечом... Марков водил части в бой, ему негласно подчинялись все.

Вопрос о заместителе генерала Корнилова казался офицерам неразрешенным, хотя все останавливались на генерале Маркове.

Время шло и тянулось томительно и тревожно долго. Но время от времени внимание всех привлекали отдаваемые распоряжения.

Наконец – тихая команда: «Строиться!»

К одной из колонн полка подъехал генерал Марков и, как бы отвечая на волнуемый всех вопрос, сказал:

– Армию принял генерал Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе. – И этого было достаточно, чтобы все успокоились новым назначением.

ОТХОД ОТ ЕКАТЕРИНОДАРА

1 (14) апреля. Ровно в полночь армия пошла быстрым маршем куда-то в ночной темноте. Куда – никто не знал. Впереди шел Офицерский полк, в арьергарде – Корниловский.

Другая колонна армии, вся на подводах, выступила из станицы Елизаветинской с Чехословацким батальоном. 1500 одних раненых тряслось на подводах. Не всех можно было взять в поход: 64 человека тяжело раненых оставлено в станице «на милость победителя»... «Милость», по обычаю большевиков, была жестока: за исключением нескольких, все были убиты.

До рассвета армия прошла до 25 верст, но без остановок шла дальше, не задерживаясь даже в хуторах, где люди могли хотя бы утолить жажду. Порядок нарушился, части перемещались. Змейками, а не колоннами, шла она. Многие отставали, особенно среди молодежи. Слышавшийся вправо бой, где конная бригада, жертвуя собой, сдерживала красных, стремившихся от Екатеринодара пересечь путь армии, не производил никакого впечатления на крайне утомленных добровольцев.

На одной из подвод везли два гроба с убитыми – генералом Корниловым и полковником Неженцевым.

БОЙ У СТАНИЦЫ АНДРЕЕВСКОЙ

Но вот впереди послышалась довольно сильная стрельба. Конные разъезды, шедшие впереди Офицерского полка, донесли генералу Маркову, что большие силы красных наступают со стороны станицы

Андреевской, слева, на пересечение дороги, по которой шел полк, а за ним и вся армия.

В рукописи полковника Биркина так коротко описан происшедший бой:

«Хорошо, что с нами был генерал Марков».

«Этот удивительный Генерал не только ничего не боялся, но своей повадкой в бою влиял так на своих, что у них пропадал страх. Не долго думая и не считая врагов, он развернул роты и сам впереди бросился на цепи большевиков. Те до такой степени не ожидали нашей атаки, что бросились бежать не в станицу, а в сторону, и налетели на черкесов, шедших сзади нас. Черкесы врубались в банды большевиков, потерявших сразу строй. Бежали они, как лани, как заяц от орла; и некоторые растерялись до того, что кинулись назад к нам, и, конечно, никто из них уже не вернулся к своим...»

«Я с удивлением смотрел и на героя Маркова, и на добровольцев».

«При выходе из занятой станицы и после расправы с остатками перепугавшихся большевиков Марков так повеселел, что, улыбаясь, шел впереди, а мы за ним. Шли вдвоенными рядами, больше по привычке, чем по команде. Я шел между совершенно незнакомыми мне лицами, не то юнкерами, не то только что произведенными в офицеры.

Молодежь громко смеялась, шутила. И вдруг Марков обернулся, улыбаясь во весь рот, закричал: «Песню!»

Свою атаку генерал Марков произвел далеко не полным составом Офицерского полка, так как 4-я рота (собственно, в это время это была не рота, как таковая, а ее ядро, с которым шли чины других рот. Полковник Биркин, например, оказался в голове колонны полка), шедшая приблизительно в середине полка, даже не разворачивалась в боевой порядок и не вела наступление.

– Если бы впереди было плохо или тяжело, то генерал Марков безусловно подсказал бы к роте и дал бы ей задачу, – так говорили офицеры.

Прошло, видимо, очень немного часов с начала боя, так как когда полк вернулся на дорогу, с которой начал атаку, он уже оказался в арьергарде армии. Здесь к нему присоединился маленький отряд: взвод Офицерского полка, пеший взвод 1-й батареи и ее два орудия, которые имел назначение прикрывать отход армии справа.

Только к вечеру Офицерский полк пришел в хутора, расположенные вдоль реки Поньри, где генерал Марков дал ему короткий отдых. Усталость и голод охватили всех. Хутора были оставлены жителями, и, чтобы найти пищу, нужно было преодолеть усталость. У немногих нашлись силы. Иным посчастливилось: они нашли в трубах копченые колбасы и окорока, которые готовили жители к недалекому празднику Святой Пасхи.

Во второй половине дня, пройдя до 35 верст, армия стала втягиваться и располагаться на отдых в немецких колониях на восточном берегу реки Пониры, наибольшая из которых называлась Гнаденау или Гначбау. Офицерский полк пришел в Гначбау уже наступившей ночью и расположился частью в колонии, а частью на юго-восточной ее окраине, у дороги на станицу Нововеличковскую и далее на Екатеринодар. Направление для армии наиболее опасное. 1-я инженерная рота остановилась, не доходя колонии Гначбау, в колонии Ернахбау.

В КОЛОНИИ ГНАЧБАУ

2 (15) апреля. Ночь прошла спокойно.

Тяжело было пробуждение чинов полка: ныли ноги, плечи, руки, все туловище... Ночь была холодная; уснув, не чувствовали, как сжимал и парализовал тело холод, но проснувшись, это ощутили в полной степени. Первое желание – согреться, первая мысль – о чае. Разложили костры. Пили кто чай, кто просто кипяток. Захотелось есть. Сумки давно у всех были пусты. Командиры взводов командировали людей в колонию за покупкой пищи. Увы! Поиски были тщетны: в колонии, с вечера набитой людьми, немцы-колонисты давно уже все распродали ранее вошедшим в нее, и возвращались офицеры в свои взводы с ничтожными покупками. Покупали даже муку и зерно. И голодные люди жевали зерно и ели лепешки из муки, спеченные на жестянках или лопатах.

Одновременно с физическим пробуждением пробуждалось и сознание. Этому «помогали» раздававшиеся вокруг колонии ружейные выстрелы. Инстинктивно взоры направлялись в их сторону: там, верстах в двух-трех виднелись конные разъезды, охранявшие колонию и армию в ней. И в сознании у всех ясно вырисовывалась картина положения. Смерть Вождя! Армия окружена беспощадным врагом! Еще вчера, во время отхода от Екатеринодара, это не было так очевидно, как сегодня. Все об этом думали, но не говорили. Когда-то потом некоторые сообразили, что у них настроение в этот день было более чем подавленное. Внешне это ни в чем не выражалось, даже на дисциплине. Начальники были на своих местах и сохраняли авторитет среди подчиненных. Но душевная депрессия находила свое отражение в таких, казалось, бессмысленных поступках: кто-то ищет острый нож...

– Ты что? Зарезаться хочешь? – спрашивают его, смеясь. Уверил, что нет. Оказывается, нож ему понадобился для того, чтобы срезать погоны и другие знаки Добровольческой армии. Его никто не остановил от этого поступка, даже командир взвода. Вот группа офицеров достала из своих сумок какие-то документы и обсуждает какой-то вопрос. Оказывается, это красные документы, где-то, когда-то в походе приобретенные и которые теперь могут пригодиться. Над такими ма-

лoduшными добродушно посмеивались другие, говоря им, что ни шинель без погон, ни красные документы не спасут. Положение все равно безвыходное.

Тут, у Гначбау, как никогда раньше, офицеры уже не вели разговор и споров на темы стратегические и тактические. Никаких предположений, соображений и прочего никто высказать не мог, так как их у них не было, не могло быть. Внешне в это время все будто бы покорились жестокой к ним судьбе. Но это было лишь внешне, но внутреннее моральное настроение офицеров было иное: все сознательно или бессознательно ощущали или жили в данный момент чувством не одиночества, а принадлежности к воинской части, к полку, к армии, а следовательно, и представлением о какой-то общей силе, которая что-то сможет предпринять, сделать, и с более положительным результатом, чем каждый из них в отдельности; все сознавали или не сознавали, но переживали в себе представление, что покорность судьбе, доведенная до предела, готовит явный конец, но стоит только не покориться ей, т.е. действовать сообща, до конца может быть еще и далеко, а может его и вообще не быть. Такое моральное состояние среди чинов Офицерского полка поддерживало его боеспособность. Полк сохранял дисциплину и порядок.

Но что касается положения вообще, в армии говорили о тревожных вещах. Будто бы существует заговор в кавалерийских частях против генерала Деникина и генерала Романовского, которых хотят арестовать и выдать красным и тем, видимо, спасти свои жизни. Это подтверждалось тем, что 4-я рота Офицерского полка стала у штаба армии и выставила часовых. Подтверждение об открытых пораженческих настроениях офицеров нашли и в случайных разговорах с незнакомыми чинами.

Узнали, что в колонии есть клуб, где немки продают пиво и бутерброды. Несколько офицеров с разрешения побежали туда. Там уже не оказалось ни пива, ни бутербродов, а давали лишь голый чай. Разговорились с присутствующими о положении армии и в армии. Два молодых офицера утверждали, что сохраненный в частях порядок – это внешняя сторона; внутренняя же совершенно иная. Можно ли требовать, говорили они, от таких как они «четырёхмесячников», т.е. пробывших в Военных училищах 4 месяца, соблюдения офицерского долга и чести, когда эти понятия и чувства ими не осознаны до конца. А таких, как они, в армии много. Поэтому нельзя осуждать за оставление ее рядов.

Другие два офицера настаивали на безвыходном положении армии и необходимости спастись любым способом и приводили даже в пример кавалеристов, якобы бегущих из армии. Им возразил один из офицеров:

– Ну, вы как хотите, а я буду биться. У нас в Виленском училище девиз: Виленец один в поле – и тот воин.

Громко с возмущением обрушились на павших духом офицеры-корниловцы, поддержанные «марковцами», обвиняя тех в готовящемся с их стороны предательстве.

– Вы еще назовете предателями те тысячи офицеров, которые не пошли в Добровольческую армию? – возразили пораженцы.

– Да! Те, которые имели возможность пойти и не пошли – предатели!

В 4-ю роту забежал генерал Марков. Все вскочили.

– Садитесь! Ложитесь! Я хочу минутку отдохнуть у вас, – и заговорил как всегда бодрым и живым языком, отвечая на вопросы, которые, естественно, были у всех на уме. По его словам, дела не так уж скверны; выход из положения есть, и мы безусловно выберемся; придется, конечно, сразиться. На Офицерский полк он надеется. Затем стал шутить. Кто-то умудрился задать вопрос о дезертирстве из армии.

– Черт с ними! – на это коротко ответил генерал Марков и ушел в штаб.

Настроение в роте сильно поднялось.

Генерал Боровский только на короткие промежутки времени оставял свой полк. Он ходил из роты в роту, беседовал с их чинами, говорил, что армия сохранена, крепка и, безусловно, выйдет из тяжелого положения. Офицеры, конечно, хотели бы знать многие подробности, но не решались задавать вопросы своему командиру, они еще не знали его. Он был для них лицом лишь официальным.

Появление в 3-й роте ее бывшего командира, полковника Кутепова, произвело в ее среде несравненно большее впечатление, чем генерала Боровского. Полковник Кутепов – не начальник, а поэтому с ним можно поговорить откровенней. Он, как всегда, был образцово одет, с блестящими погонами и пуговицами на шинели, и бодр неизменно.

– Пришел навестить своих, – сказал он.

Ему стали задавать вопросы. Относительно положения армии он уверил всех, что оно не так уж безнадежно, как это может казаться, что выход из него будет найден. Обусловил он свои заявления одним условием: соблюдением дисциплины и, как было до сего времени, выполнением жертвенно всех распоряжений и приказов. Задали ему и вопрос о состоянии командуемого им Корниловского ударного полка. Ответил: полк понес большие потери и теперь в нем осталось едва 90-100 человек от прежнего его кадра, на который можно вполне положиться. Полковник Кутепов обрадовался, что в его бывшей роте было налицо до 100 человек.

Задержался он в роте всего лишь на несколько минут. Пожелав полного благополучия и успехов, уже уходя, сказал:

– А как бы я хотел быть теперь с вами!

Потрясенные отчаянными боями у Екатеринодара и сознанием тяжелого положения армии, добровольцы почти безразлично отнеслись к понесенным ими потерям, может быть, потому, что все их мысли

и чувства теперь были направлены на «выход из положения». Но в частях все же производился подсчет наличного состава.

Итоги были печальные. Офицерский полк в боях под Екатеринодаром и во время отхода от него потерял 50% своего состава, т.е. около 350 человек, из которых около 80 человек было убито и до 50 человек пропало без вести. Эти последние потери, главным образом, относились к 6-й роте, состоявшей из зеленой учащейся молодежи.

В полку оставалось не больше 400 человек. Состав рот такой: в 1-й и 3-й – приблизительно по 100 человек, во 2-й – только 40 человек, в 4-й – 60 и в 5-й и 6-й ротах – по 40. 2-я рота, понесшая огромные потери, потеряла убитыми своего командира, полковника Лаврентьева, и его заместителя полковника Зудилина.

Были потери убитыми и ранеными в 1-й батарее и 1-й инженерной роте. Последняя насчитывала в своем составе 80 человек.

Вся армия, начав бои под Екатеринодаром в количестве до 6000 человек, в колонии Гначбау имела менее 3000.

Для всех добровольцев было ясно, что неудача их – следствие огромного превосходства врага в силах и это не только в течение одного-двух дней боя, но и всех 5 дней. Армия не могла ввести в бой сразу все свои силы, задержанная переправой через реку Кубань. Каждый день она билась с врагом, уменьшалась в количестве, в то время, как враг усиливался. Требовалось огромное моральное и физическое напряжение. Могло ли быть оно крепким и неизменным без малейшего отдыха в течение 5 дней?

Каковы были силы противника, стало известно позднее: от 40 до 50000 человек. Известна стала и цифра его потерь – до 10000 одними ранеными.

Уменьшившаяся в численности армия требовала некоторой реорганизации.

В Офицерском полку 5-я и 6-я роты были сведены в одну – 5-ю. Роты рассчитаны на 2-3 взвода. Действующих пулеметов оставлено по 2-4 на роту.

Чрезвычайно огорчены были артиллеристы: из 10 орудий должно остаться 5 и только потому, что запас артиллерийских снарядов выражался в количестве 40. Четырехорудийные батареи становились двухорудийными, и при конной бригаде вместо 2-х орудий оставлено одно.

При батареях оставалось строго ограниченное число людей. Все конные прикомандировывались к командам конной связи, а пешие сводились в особую роту, названную «Артиллерийской», численность которой была 40-50 человек.

Распоряжения штаба армии коснулись и походного лазарета, и обоза с беженцами: нужно было сократить число подвод. Генерал Марков пронесся по обозам, как ураган, но приводящий все в норму. Последовало уплотнение на подводах как раненых, так и беженцев. Весь ненужный и обременительный груз сброшен. Никакие мольбы беженцев не помогли.

Были лишние подводы и в воинских частях. Исключены и они. На каждых 100 человек оставлено только по две для перевозки запаса продуктов, запасных пулеметов, оружия и необходимых вещей. В результате всей чистки количество подвод армии уменьшилось более чем на двести.

БОЙ У КОЛОНИИ ГНАЧБАУ

С утра – спокойно. Медленно тянутся часы. Но беспокойно на сердце у добровольцев: уверены, что каждый час, каждая минута приближает развязку. Они видят, как верховые с разных сторон мчатся к штабу армии, быстро соскакивают с коней и входят в дом; также быстро выходят и уезжают. Они не отвечают на задаваемые им вопросы.

Около 10 часов к югу от колонии раздалась стрельба. Там красные от станицы Андреевской подошли к хуторам по реке Поныри, но конница атаковала их, частью изрубил, а главную массу заставила отойти. Вскоре началась стрельба в сторону станицы Нововеличковской, красные наступали. Конные заставы вынуждены были отходить. Вперед выдвинулись роты Офицерского полка и заняли позицию. Красная пехота остановилась, открыла стрельбу. Роты молчали, у бойцов было всего лишь по 3-5 обойм патронов.

Около полуночи открыли огонь два красных орудия, направив его на колонию. Снаряды рвались в разных ее частях. В обозе возникла паника. Но в штабе – спокойно; спокойно стоит около него часовой 4-й роты.

– Начало конца, – решили одни; другие ограничились обычным словом:

– Началось...

К 14 часам со стороны красных стреляло уже 4 орудия, а затем и больше. Теперь они обстреливали и лежащую цепь Офицерского полка. Видно было, как к противнику подходили резервы и удлиняли его фронт. Готовилась атака. Внимание офицеров теперь было направлено исключительно на противника. Они приготовились так, как и раньше, подпустить противника возможно ближе и перейти в контратаку.

Так и произошло: красные бежали, обстреливаемые редкими выстрелами. Офицерская цепь продвинулась вперед на короткое расстояние и залегла. Остановились и красные. И слышны были у них крики, шум.

Темнело. Выдвинутые вперед посты от 5-й роты слышали, что у красных митингуют. Один голос кричал:

– Они от нас все равно не уйдут. Наступать ночью не нужно!

Спешно похоронили офицеры своих двух убитых и отправили в лазарет около десяти раненых.

К этому времени на левый фланг цепи Офицерского полка вышла его 4-я рота.

Успешный бой лишь против части кольца сил противника, окружавшего колонию, не мог облегчить положение армии. Главная и основная задача – выйти из окружения – оставалась в полной силе. Как ее разрешит генерал Деникин, никто не знал. Стали строить предположения: одни – в «сторону наименьшего сопротивления», которую выяснит кавалерия, другие – в любую иную, даже с неизбежным жестоким боем. И все переживали в себе борьбу духа и воли с покорностью судьбе, сознания своего долга с чувством самосохранения, борьбу голоса дисциплины с разрывом всяких связующих армию основ. Испытания напряженные...

Сняв осаду Екатеринодара, хотя это и казалось даже генералу Корнилову началом «медленной агонии армии», генерал Деникин, не теряя мужества и спокойствия, принял решение для вывода армии и дальнейшего ее пути. Его решение: дабы ей не быть прижатой между рекой Кубанью, морями и плавнями, вести ее в восточном направлении, хотя оно и особенно наблюдается и охраняется противником. Известно, что по линии железной дороги Екатеринодар – Тимашевская курсируют бронепоезда, что на всех важных переездах через нее стоят окопавшимися части красных, а другие находятся в эшелонах для немедленной их переброски в нужный пункт. Генерал Деникин выбрал это направление несмотря на то, что для перехода армии через железную дорогу потребуется до 4-х часов времени – срока, вполне достаточного, чтобы противнику подвести к этому пункту войска. Расчет генерала Деникина единственный – на сохранившуюся боеспособность армии, на «безумство храбрых» добровольцев. Армия пробьется – такова его уверенность, а пробившись – сможет уйти на восток в обширные степи Ставропольской губернии и, если потребуется, в Кавказские горы.

Путь перехода железной дороги был выбран по небольшой дороге на станцию Медведовскую, проходящей всего лишь в 2-х верстах к югу от станции Медведовской, занятой частью окопавшейся пехотой противника, частью находящейся в эшелоне, и бронепоездом.

Порядок следования армии: в авангарде – бригада генерала Маркова; затем – походный лазарет, обоз, Чехословацкий батальон и в арьергарде – 2-я бригада. Конная бригада получает задачу демон-

страции к северу от станции Медведовская, где и переходит железную дорогу. Что бой неизбежен, это бесспорно; что он должен быть успешно завершён – это жизненная необходимость. Не поэтому ли в авангард назначен генерал Марков с Офицерским полком, как это неоднократно было в походе и последний раз – при отходе от Екатеринодара?

Задачу, данную бригаде, генерал Марков объявил начальникам ее частей перед вечером, но только не для оповещения подчиненных: армия выступает с наступлением ночи; 1-я бригада в голове. Бригаде придется выдержать серьезный бой и довести его до быстрой победы.

– Необходимо поднять дух и веру в частях личным примером, твердыми распоряжениями и не допускающими никаких колебаний действиями. Необходимо проявление полной энергии и исключительной инициативы, – говорил он.

К этому он добавил – строжайшее запрещение курить и подымать малейший шум; и заключительное: «Приготовиться к выступлению, а пока все части на своих местах. О том, куда мы пойдем, объявлю я сам».

Добровольческая армия оставляла колонию. Испорченные орудия, брошенное имущество оставлялось большевикам. На кладбище – свежие могилы убитых в дневном бою добровольцев и... застрелившихся. Где-то оставалась могила с гробами генерала Корнилова и подполковника Неженцева, о чем никто не знал.

Еще засветло началось вытягивание обозов по дороге на север с тем, чтобы в темноте круто свернуть на восток. Красные заметили обоз и усилили артиллерийский огонь по колонии и обозу.

Прошел маленький дождь.

Уже ночь. Проходит часа два, когда приказано ротам Офицерского полка снять охранение. Затем роты построились и тронулись. Ноги скользили по чернозему. Роты подошли к дороге, на которой стоял обоз и стали выходить в его голову. Там был генерал Марков. Он пропускал части своей бригады, говоря:

– Идем на станицу Медведовскую.

Офицерский полк вышел на дорогу и стал в голове бригады. Начальники объявили задачу.

Генерал Марков с группой верховых и конвоем почти в 100 шашек проскакал вперед. От штаба отделился конный разъезд и исчез в темноте, двинувшись рысью вперед. Колонна бригады тронулась в следующем порядке: впереди генерал Марков и с ним генерал Боровский, командир Кубанского стрелкового полка – полковник Туненберг, полковник Тимановский, полковник Бонин – командир 1-й инженерной роты, полковник Миончинский – командир 1-й батареи и другие; за ними офицеры связи, конвой и конная команда подрывников; далее – 1-я батарея, Офицерский полк, Кубанский стрелковый полк, «Артиллерийская» рота.

За бригадой – генерал Деникин со штабом, генерал Алексеев, обозы и арьергард – 2-я бригада.

До станции Медведовской около 20 верст. До железной дороги – 18. Идти было легко. В начале нервы у бойцов были сильно приподняты, но постепенно их напряжение спадало, и бойцы в молчаливом движении уходили как бы в покой. Бессонные ночи, недоедание, усталость сказывались. Они шли машинально: спали на ходу, даже храпели во сне, и только взаимные столкновения пробуждали их. Некоторые, засыпая, падали, но мгновенно вскакивали, шли бессознательно. Но в минуты проснувшегося сознания они вспоминали: их ведет генерал Марков!

Генерал Марков ехал, тихо беседуя с бывшими с ним офицерами. Он не мог предугадать, как развернется неизбежное столкновение с врагом, хотя и предусматривал все, что было возможно для его прозорливого ума. Обо всех деталях он уже переговорил с подчиненными начальниками и говорит о новых. Бесспорно и ясно, что значительная доля успеха зависит от него, от всех начальников и, в сущности, от всей бригады.

БОЙ У СТАНЦИИ МЕДВЕДОВСКОЙ

3 (16) апреля. Пятый час утра.

До железной дороги оставалось с версту, когда к генералу Маркову подъехал верховой из дозора и доложил: «В железнодорожной будке виден свет, но на железной дороге никого и ничего не замечено».

Генерал Марков останавливает колонну и, приказав ей ждать распоряжений, сам с несколькими верховыми едет вперед. В колонне, шедшей до сего момента спокойным, равномерным шагом, сонные бойцы столкнулись и проснулись. Стоят. Тишина. И в этой тишине, как темная, тихая и зловещая молния, проносятся слова: «железная дорога». Напряжены нервы всех.

Не доезжая нескольких десятков шагов до будки, генерал Марков соскакивает с лошади и в сопровождении трех человек идет быстро к ней и входит в нее. В будке два человека. Один – у телефона. Генерал устраняет последнего от телефона.

– Я генерал Марков! Кто на станции? – спрашивает он. Ответ – бронепоезд и два эшелона с красногвардейцами. В ответе ничего нового.

– Колонне – вперед и остановиться, не доходя шагов 200 до железной дороги! – приказывает генерал Марков. Офицер карьером мчится к колонне и передает приказание. Колонна быстро идет к переезду.

Телефонный звонок. Генерал Марков берет трубку. Со станции спрашивают:

– Спокойно ли на посту? Нет ли кадет?

– Совершенно спокойно, – был ответ. Однако, со станции передали, что «для верности» к переезду подойдет бронепоезд.

– Пришлите, товарищи. Оно будет вернее, – согласился генерал Марков.

Немедленно посыпались короткие, твердые распоряжения подъехавшим к будке начальникам.

– Сейчас подойдет красный бронепоезд. Его мы не должны упустить, – заявил генерал Марков.

Полковнику Миончинскому приказано одно орудие перевести через полотно железной дороги и поставить на позицию для стрельбы по бронепоезду в упор, в бок ему, другое – у переезда, для стрельбы вдоль железной дороги. Полковнику Бонину – сорвать телефонные и телеграфные провода в сторону Екатеринодара. Выслать конных подрывников для подрыва железнодорожного полотна в ту же сторону и как только возможно дальше, при чем добавлено:

– Это задание нужно выполнить, в нем наше спасение.

Третье приказание для Инженерной роты – завалить у будки шпалами железнодорожную линию.

Генералу Боровскому – выслать сильный заслон в сторону станции Медведовской для обеспечения дороги, по которой идет армия, часть сил расположить вдоль железной дороги, часть перевести через дорогу и выставить их также заслоном в сторону станции. Конвою и «Артиллерийской роте» занять станицу Медведовскую. Кубанскому стрелковому полку оставаться в готовности.

Приказания выполнялись быстро. Через 5 минут орудие штаб-капитана Шперлинга уже стояло на позиции в 15 шагах от полотна и было нацелено. Рядом с ним – два батарейных пулемета.

Генерал Марков – на полотне железной дороги, ходит нервными шагами. Лежащие в цепях бойцы видят его характерную, в высокой папахе фигуру. Он зорко осматривается в сторону, откуда должен подойти бронепоезд. Он, конечно, думает: все ли нужные распоряжения сделал я? Он посылает конного офицера в обоз армии с приказанием: команде выздоравливающих немедленно идти в станицу. Он вдруг подходит к цепи 4-й роты и, заметив по блестящим погонам полковника Биркина, приказывает ему со взводом немедленно идти вдоль полотна с правой его стороны к станции и «атаковать» ее, но, если будет встречен бронепоезд, ничем не выдавать свое присутствие. Полковник Биркин, смущенный таким приказанием, тем не менее быстро двинулся вперед со своими 10 человеками. Из станицы прискакал всадник с донесением: красных там нет, и скачет назад с приказанием – конвою наступать на станцию.

Тишина. Тьма. Прошло с полчаса времени. В лежащих цепях Офицерского полка многие уснули.

Полковник Биркин со своим взводом был уже на полпути до станции, когда заметил тихо идущий бронепоезд. Не выдержали нервы, и часть его взвода побежала вправо, к небольшому леску, находящемуся шагах в ста, оказавшемуся кладбищем. Полковник Биркин с оставшимися с ним, прижался к земле в железнодорожной канаве. Слегка шипя, бронепоезд прошел мимо лежащих, рассыпая под себя искры из топки. Потеряв половину своего взвода, полковник Биркин уже не решился исполнить приказание генерала Маркова – атаковать станцию.

– Бронепоезд! – пронеслось по цепи ближайшей к железной дороге роты, и... в мгновение люди вскочили и побежали от дороги. Начальники едва удержали их шагах в полтораста.

– Кто там? – раздался громкий голос с бронепоезда. В ответ – полное молчание. С поезда застрочил короткой очередью пулемет, а сам он, не останавливаясь, медленно продолжал приближаться к железнодорожной будке.

Генерал Марков давно уже увидел противника и... приготовился. В руке у него ручная граната. Он снял свою белую папаху и пошел навстречу бронепоезду. Он встречает его на том месте, на которое нацелено орудие штабс-капитана Шперлинга.

– Кто на пути? – спрашивают с бронепоезда.

– Не видите, что свои! – отвечает генерал Марков и, подойдя вплотную к паровозу, бросает ручную гранату в машинистов. Граната взрывается.

– Орудие, огонь! – кричит генерал Марков, отбегая от паровоза.

Первый снаряд попадает в колеса паровоза, второй – в самый паровоз. Бронепоезд останавливается, но открывает огонь из двух орудий и пулеметов во все стороны. Затрещали пулеметы артиллеристов, винтовки близлежащих цепей. От попаданий снарядами в вагоны последние загорелись. Разнеслось «ура» 4-й и Инженерной рот. Они атаковали врага.

Гарнизон бронепоезда защищался геройски и погиб полностью. Составляли его матросы. Впрочем, одному из них посчастливилось: он выскочил из горевшего вагона в тлеющей на нем одежде и натолкнулся на генерала Маркова. Генерал приказал оказать ему помощь.

Генералом Марковым уже отдано приказание: Офицерскому полку атаковать станцию, кубанцам – быть готовым поддержать его. Стоявшей на дороге колонне армии послано приказание – быстро переезжать полотно железной дороги.

Вдруг генерал Марков увидел полковника Биркина.

– А вы что тут делаете? – закричал он. – Я приказал вам атаковать станцию!

– Вам помочь хотел, Ваше Превосходительство! – поспешно ответил полковник Биркин.

– Не надо мне никакой помощи! Впрочем, оттащите скорей заднюю платформу с орудием и вагон со снарядами. Скорее, пока не загорелись!

Соседний вагон пылал. Полковник Биркин со своими людьми и артиллеристами отцепили и откатали вагон и платформу, на которую моментально вскочил полковник Миончинский с артиллеристами, повернул орудие в сторону станции и открыл огонь.

Уже светало, и виден был вышедший со станции поезд. Шрапнели рвались как раз над ним, и тот быстро дал задний ход и скрылся. Подвезти свои войска красным не удалось.

– В атаку на станцию! Живо! – крикнул генерал Марков полковнику Биркину.

– Шмидт! Что вы делаете? – кричит генерал Марков. – Там снаряды!

Прапорщик Шмидт явно перестарался и чуть было не зажег вагон со снарядами, подложив под него охапку соломы.

Офицерский полк быстро развернулся фронтом на станцию и перешел в наступление. Уже было светло. Первой атаковала станцию, вправо от железной дороги, 5-я рота, но, попав под меткий пулеметный огонь и понеся потери, отошла к кладбищу. Остановилась, идущая влево от нее 4-я рота. Но левый фланг полка, его 1-я, 2-я и 3-я роты, преодолев огонь противника, сидящего в окопах, отчаянным порывом смяли его. Преследование по поселку. Действовали штыки. Красные бежали к своим эшелонам. Тот их эшелон, который пытался выехать к переезду, еще не успел разгрузиться, когда цепи Офицерского полка ворвались на станцию. Красные поспешно стали снова вскакивать в вагоны. Эшелон ушел, обстреливаемый с близкой дистанции. Но в другой эшелон успели вскочить многие из бежавших красных, так как он сразу дал быстрый ход. Он уходил под огнем в упор. Не успевшие вскочить спасались бегством через железную дорогу, но и там они попадали под удар 4-й и 5-й рот. До 2000 красной пехоты с бронепоездом понесли полное и кровавое для них поражение.

На станции красные оставили состав, груженный продуктами питания, бельем, медикаментами и прочим, и великий соблазн овладел победителями: чины Офицерского полка, обносившиеся, изголодавшиеся, стали разбирать все им нужное. Часть их рассеялась по домам поселка в поисках пищи. 1-я рота, имевшая до боя около 100 человек, потерявшая при атаке около 15 человек, вышла на северную окраину поселка всего лишь в количестве 20 человек. В Офицерском полку в это время совершенно не было порядка.

Такое положение застал приехавший на станцию генерал Деникин. Не стесняясь в выражениях, он обрушился на офицеров...

НА ПЕРЕЕЗДЕ

Когда Офицерский полк шел в наступление на станцию Медведовская, «главные силы» армии – «колонна на колесах» – стала быстро переезжать через переезд. Кругом падали излетные пули красных, снова ранив проезжавших раненых и тех, кто был у переезда. Но это продолжалось короткое время.

Под пулями к генералу Маркову подъехал генерал Деникин и генерал Алексеев. Они благодарили его. Но генералу Маркову было не до них. У него масса забот, хотя и одержана победа, пробита брешь в кольце красных, но возможная опасность существует с юга. Как далеко подрывники взорвали полотно железной дороги? Может оттуда подъехать другой бронепоезд противника и войска. Генерал Марков подгоняет обозы. С подвод несется: «Ура генералу Маркову!». Он озабочен скорейшей разгрузкой с бронепоезда всего нужного для армии: до 360 артиллерийских снарядов, до 100000 ружейных патронов, большого количества пулеметных лент, продуктов питания. Артиллеристы, обрадованные захватом двух орудий, решили ими пополнить свою батарею до четырехорудийного состава и уже принялись было скатывать орудия с платформ, но генерал Марков сказал твердо: «Орудия испортить!». Свозят раненых и убитых. В Офицерском полку – 15 человек убито, до 60 ранено. На кладбище быстро роют могилу и хоронят убитых. Артиллеристы хоронят своих 4-х убитых тут же у переезда.

Но времени оказалось вполне достаточно, чтобы без помехи со стороны противника мог спокойно пройти обоз и за ним 2-я бригада.

Вернувшись со станции, генерал Деникин снова подъехал к генералу Маркову. Теперь уже генерал Марков спокоен. Задача, данная ему и его бригаде, выполнена блестяще, и он мог переговорить с Командующим и рассказать ему в общих чертах, как прошло все дело и какие потери понесла бригада. Сказал и о себе: «один свой же мерзавец так хлопнул из винтовки у меня над ухом, что я чуть не огрел его нагайкой. Отделался я шумом в ухе».

К генералу Деникину прибыл разъезд с донесением от начальника Кавалерийской бригады, генерала Эрдели. Бригада при переходе железной дороги к северу от станции Медведовская в темноте нарвалась на красных, понесла потери и вынуждена была бросить орудие. Генерал Деникин приказал бригаде двигаться в станицу Дядьковскую, куда направляется армия, и выслать Черкесский конный полк в распоряжение генерала Маркова, остающегося со своей бригадой в арьергарде.

Через некоторое время генерал Деникин уехал в станицу, а за ним вскоре и генерал Марков, отдав последнее распоряжение: Черкесскому полку выслать разъезды и оставаться у переезда до получения приказа; Кубанскому и Офицерскому полкам, Инженерной роте и батарее перейти в станицу.

ПЕРЕХОД В СТАНИЦУ ДЯДЬКОВСКУЮ

К полудню все части армии, которые пропустила мимо себя 1-я бригада, втянулись в станицу Медведовскую и после короткого отдыха тронулись на станицу Дядьковскую. 2-я бригада пошла в авангарде. Так как красные всюду отстали, за колонной был послан и Кубанский стрелковый полк. В станице задержаны лишь Офицерский полк, 1-я батарея и 1-я инженерная рота.

Через час с небольшим им приказали выстроиться на окраине станицы, у дороги на Дядьковскую. С печальным удивлением и тревогой «марковцы» видели оставшуюся силу своего полка. В нем не было и 300 человек. Его 2-я рота имела всего лишь 9 человек. Оказалось, что отсутствовало 2-3 десятка человек, которых не считали погибшими, которых видели здравствующими после боя. Подумали: вероятно заснули в домах станицы и проспали подъем своих рот. Послали их разыскивать.

Но уже раздались команды. Из станицы подъезжала верхом группа всадников с развевающимся Национальным флагом, и в этой группе сразу же бросилась в глаза высокая белая папаха генерала Маркова. Но во главе ее ехал генерал Деникин. Взоры обратились на него. За весь поход все выстроившиеся видели его в первый раз, если не считать столкнувшихся с ним на станции Медведовской. Он был в расстегнутом штатском пальто, но в военной форме под ним, с двумя орденами Святого Георгия – на шее и на груди.

Генерал Деникин, поздоровавшись с частями, горячо благодарил их за одержанную ими блестящую победу, давшую армии выйти из почти безвыходного положения. Вызвав к себе подполковника Миончинского, он выразил ему особую благодарность за проявленное мужество в схватке с бронепоездом, а затем, повернувшись к генералу Маркову, громко благодарил его.

Взоры всех теперь направились на генерала Маркова. Генерал Марков, весьма смущенный столь торжественной, высказанной ему перед строем благодарностью, немедленно ответил генералу Деникину:

– Ваше Превосходительство! Это не я, а они. Сегодня день артиллеристов, – и указал на батарею.

В строю на всех лицах засияла улыбка от столь неожиданной оценки, показавшей необычайную скромность генерала Маркова, отказывающегося от своего подвига и приписывающего его другим.

После этой короткой встречи с Командующим части тронулись в станицу Дядьковскую. Генерал Деникин со штабом поскакал вперед, а генерал Марков – обратно в Медведовскую, куда стягивался Черкесский полк.

Бодро шла колонна. Погода хорошая, дорога легкая. Сон, усталость исчезли. Разговоры о бое, о генерале Маркове, о генерале Деникине.

Не находилось слов для оценки восторга перед генералом Марковым, как начальника, командира, имеющего сверхобычное влияние на подчиненных своими возбуждающим словом, заражающим примером на каждом шагу, в каждую минуту. Все безотказно чувствовали, как воля, энергия, смелость, дерзание и прочее, включая только что выявленную им скромность оценки своих действий, не только влияли, но и чувствовались, становились желанным содержанием и их натур. Стать «Марковцем» не только по признаку подчиненности, а и по духу, становилось невольным и вольным идеалом. Все усиливающаяся и углубляющаяся общность между генералом Марковым и теми, к которым он обращался со словами «Друзья мои!» – его подчиненными, связывала всех в одну неразрывную семью. Для «марковцев» их Генерал стал как никогда «свой», «их», и стали говорить о нем – «Наш Марков», отбросив официальное «Генерал».

О минувшем бое говорили как о части исключительного сражения, начало которого было положено еще в колонии Гначбау. Сама подготовка к бою была началом сражения. И в нем первое место уделялось генералу Деникину. Сражение имело задачу вывести армию из окружения, и это было сделано. Говорили тогда – генерал Деникин разработал план, по которому генерал Марков разбил врага, и армия была генералом Деникиным выведена. Это звучало почти так же, как и фраза, говорившаяся ранее – «Генерал Корнилов задумал, а генерал Марков выполнил». «С генералом Деникиным не пропадем» – решили «марковцы».

Дисциплина в армии – это ее душа. «Потеря души» ведет к развалу армии и к проигрышу войны. Революция 1917 г. показала это наглядно. Однако, она вскрыла огромный недостаток в понимании и внедрении Дисциплины. Устав говорил, «в чем состоит дисциплина», но не объяснял ее сущность, не говорил, что в основе ее лежит Идея, требующая подчинения воле «единого Вождя». В результате обращалось внимание на внешние показательные стороны, а не на Душу, Дух, Идею.

Рядом с «душой» есть и «сердце». «Потерять сердце», второе по значению качества дисциплины, т.е. потеря уверенности, твердости, настойчивости, ведет к нарушению порядка, внимания и в конечном случае – к отступлению, поражению в бою. «Потерю сердца» легче восстановить, чем «потерю души».

Два случая антидисциплинарных проступка произошли в Офицерском полку: один – во время боя на станции Медведовской, другой – после боя. На станции полк привел в порядок генерал Деникин, случай,

однако, не только не приведший к взысканиям, но и быстро забытый. Другой случай – при выступлении полка из станицы Медведовской.

В объявленный полку двухчасовой отдых часть офицеров позволила себе удалиться от полка и зайти в дома с намерением найти в них сытную еду. Хорошо наевшись, они поддались требованию сна, поручив радушным хозяевам разбудить их, когда полк будет выстраиваться. Но их разбудили поздно, полк уже выступил. Не зная, что в станице еще оставался Черкесский полк, офицеры очень обеспокоились возможностью захвата их красными. Почти бегом они направились по дороге за полком, который виден был далеко впереди. Оказалось, по дороге, нагоняя полк, шла не одна группа в 2-3 человека, а несколько.

Все группы шли, оглядываясь назад, думая о могущем быть преследовании красных. И вот, из станицы выехала рысью группа конных. До последнего звена отставшей цепочки было недалеко. Звено приготавлилось «к бою». И будь эта конная группа – противник, она не произвела бы на отставших такого сильного впечатления, как теперь, когда они увидели белую папаху на голове едущего впереди.

– Генерал Марков! – вырвалось сразу же у всех.

Трудно высказать тот комплекс переживаний, который охватил трех офицеров последней, отставшей группы. Радость, что конные – не противник, в этот комплекс уже не входила. Тут было иное: счастье видеть генерала Маркова, надежда услышать от него две-три фразы, коротких, бодрых, злободневных и как-то ответить на них. Тут было желание выразить ему свою любовь и преданность.... Но победило иное: сознание своей вины нарушением порядка. Они знали, как строг генерал Марков, и как всегда справедлива его строгость. Офицеры приготвились выслушать его выговор.

Топот коней близок. Офицеры остановились и стали «смирно».

– Здравствуйте, друзья мои! – весело и бодро прокричал им генерал Марков.

– Здравия желаем, Ваше Превосходительство! – громко и восторженно ответили офицеры.

Ни слова больше. Генерал Марков скакал дальше, а у офицеров вырвалось немедленно искреннее «ура» своему начальнику, продолжавшееся столько времени, насколько хватило сил. А там, впереди, уже катилось такое же «ура» других групп. И так докатилось оно до самого полка, подхватившего «ура», едва генерал Марков нагнал его.

Поступок не менее чем 20 отставших чинов полка остался без всяких последствий для них. Но как неловко чувствовали они себя: обманули генерала Маркова, показали себя недостойными его доверия. И это было для них наказанием гораздо большим, нежели выговор, если бы он был. Генерал Марков, помимо всех своих положительных качеств, всегда выявлял себя еще и как глубокий психолог. Он, нарушая уставное «не оставлять проступков и упущений без взыскания»,

не придерживаясь «устава, яко слепой стены», только укреплял дисциплину.

Генерал Деникин отчитал полк в совершенно иной обстановке, и это было воспринято, как напоминание: побеждающий всегда особенно близок к поражению в момент самой победы.

Поздно вечером, пройдя 15 верст, «марковцы» пришли в станицу Дядьковскую, расположились по отведенным им квартирам и быстро уснули крепким сном.

4 (17) апреля. Пробуждение всех было бодрое: давно не спали так спокойно и с «комфортом». Казаки охотно и обильно кормили своих постояльцев, но поглядывали на них мрачно, не то с недоверием, не то с какой-то тревогой. Среди добровольцев передавали, что вчера жители станицы встретили армию с колокольным звоном и с иконами, думая увидеть генерала Корнилова, но узнав, что он убит, как-то поспешно разошлись по домам.

Едва проснувшись, все вели разговоры о минувших переживаниях и о новом положении армии: она вышла из тесного кольца противника, но все же оставалась в окружении. Куда бы она ни пошла, ей придется снова переходить железную дорогу. Но где и на какое время она могла бы хотя основательно отдохнуть? О пополнении рядов теперь трудно было говорить.

На короткие минуты во многие дома, где помещались «марковцы», заходил генерал Марков, всегда приносящий с собой бодрость и уверенность в лучшее. Едва он ушел – разговоры о нем, сводившиеся к одному: не дай Бог, если что случится с ним! Посещение рот генералом Марковым начиналось и завершалось громким «ура».

Тяжело и тревожно отзывалась на чинах полка его малочисленность – всего около 300 человек, и это с приданной артиллерийской ротой.

– Это мой последний резерв, – сказал генерал Марков. Эта рота стала 2-й ротой полка, в которой оставалось лишь 9 человек, а теперь стало 50-60. Ее принял полковник Кортаев.

Во второй половине дня в частях передавали сначала как слух, потом как факт о решении Командования армией оставить в станице наиболее тяжело раненых, количество которых доходило до 200 человек. Это решение вызвало у всех сначала тревогу, не только за судьбу раненых, но, в дальнейшем, и за судьбу каждого, кто может оказаться раненым. За короткое время это второй случай оставления. Тревога переходила в возмущение, хотя никто в армии еще не знал о судьбе оставленных раненых в Елизаветинской.

«Корнилов этого не сделал бы», – утверждали все и возлагали ответственность на генерала Деникина. Вероятно, генерал Деникин не решился бы оставить раненых, если бы знал, что произошло в Елизаветинской, но оставляя их теперь, он принял все меры, чтобы раненых

не постигла жестокая участь: были оставлены все захваченные видные красные деятели, давшие слово защищать раненых; это же слово дали атаман станицы и многие другие. Атаману передавалась значительная сумма денег за уход за ранеными. С ними оставались доктор и сестры милосердия. Была надежда, но весьма слабая. Генерал Деникин решился на такой шаг потому, что его план дальнейшего похода армии рассчитан был на быстроту движения и возможную его длительность, что связывалось для раненых с непосильными мучениями.

В частях армии решили «спасать» своих. И вот к лазарету стали подъезжать пулеметные и обозные подводы, на которые замаскировано грузились раненые, и эти подводы должны были ехать не с лазаретом, а со своей частью. Очень немало таким образом «спас» Офицерский полк. Еще из Елизаветинской он также увез своих раненых.

В станице было оставлено не 200 человек, а 119. Впоследствии оказалось, что только двое из них были убиты, 16 умерли.

С наступлением ночи не тревожимая противником армия, посаженная на подводы, выступила из станицы.

5–9 (18–22) апреля. Армия переменным аллюром куда-то ехала. Куда – не знали даже командиры полков. На перекрестках дорог дальнейшее направление указывали конные маяки. В пути были лишь большие и малые привалы. К счастью, погода стояла хорошая.

Дважды армия благополучно пересекла железные дороги: Тихорецкая – Екатеринодар и Тихорецкая – Кавказская. При переходе последней был подбит ехавший поезд, оказавшийся товарным, с которого сгрудили лошадей, перевязочные материалы и другие нужные вещи. Генерал Марков, бывший на переезде с Кубанским стрелковым полком, протелефонировал в обе стороны: «Добровольческая армия благополучно перешла железную дорогу».

Вечером 9-го армия приехала в станицу Ильинскую, проделав за четверо суток около 150 верст. Все нуждались в отдыхе, раненые в особенности. Мечты сбылись – объявлена ночевка, а это означает многое: можно умыться, вообще освежиться, избавиться от покрова пыли, проникшей сквозь одеяние до тела, можно снять обмундирование, снаряжение, обувь... а раненым – оставить неудобные лежа на подводах, столь мучительные для них.

Но отдых оказался более длительным.

10 (23) и 11 (24) апреля армия оставалась на месте, несмотря на то, что 10-го красные вели наступление со стороны станицы Дмитриевской, отбитое 2-й бригадой, после чего конная бригада добила красных, заняв станицу Дмитриевскую.

Наступила совершенно весенняя, теплая, солнечная погода. К этому благополучию присоединялись и радостные слухи о восстании

против большевиков на Дону и в Ставропольской губернии и влитие в Офицерский полк пополнения – 200 кубанских казаков, из числа призванных в армию Кубанским Атаманом.

12 (25) апреля армия перешла в соседнюю станицу Успенскую. Этот переход всем показался прогулкой.

Вечером было объявлено, что 14-го генерал Деникин произведет смотр армии по бригадам.

– А я свою бригаду предварительно осмотрую завтра, – заявил генерал Марков.

Объявленным смотрам обрадовались все, так как в них видели не столько смотр начальством своих частей, сколько «смотр» подчиненными своих начальников.

ГЕНЕРАЛ МАРКОВ И ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК

13 (26) апреля. Полк выстроен поротно развернутым строем. В ней теперь до 600 штыков. За ним – полковой обоз до последней подводы. Быстрым и легким шагом подходит генерал Марков. Здоровается: «Здравствуйте, мои друзья!». Полк громко и восторженно отвечает и кричит долго раскатистое «ура», пока генерал Марков не делает энергичного жеста рукой.

– Ого! Полк еще большой. Воевать можно! – так начал генерал Марков свою речь.

– Ныне армия вышла из под ударов, отдохнула, пополнилась и готова к новым боям. У нас имеются сведения о восстании казаков на Дону. Возможно, скоро мы передвинемся к ним поближе, перейдем на Дон, но не будем терять влияния и связи с Кубанью и упускать из вида общероссийскую задачу. Куда мы перейдем, вас это не касается.

В дальнейшей своей речи он обратил внимание на недостатки, выявившиеся в походе, которые требуется решительно искоренить и, наконец, коснулся особенно большого вопроса:

– Я слышал, что в минувший тяжелый период жизни армии некоторые из вас, не веря в успех, покинули ряды и попытались спрятаться в селах. Нам хорошо известно, какая судьба их постигла. Если и теперь кто-либо еще желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану: вольному – воля, спасенному – рай и... к черту!

В заключение генерал Марков напомнил, что завтра мы представляемся Командующему армией, и сделал для этого случая ряд указаний и распоряжений. Пройдя вдоль фронта полка, взглядываясь в глаза каждому, перед иными останавливаясь и коротко переговорив с ними, он отпустил полк по квартирам.

Затем генерал Марков обошел и внимательно осмотрел боевой и хозяйственный обозы полка, напомнив, что каждая лишняя подвода

стесняет армию и служит нередко убежищем и удобным местом для уклоняющихся от боевой службы. Ни одной лишней сверх установленного им штата подводды.

Все было необычно в этом смотре. Полк не только представился и осмотрен, но полк ушел со смотра с огромным подъемом духа, зная теперь о положении, о задачах, о том, что требуется от него и каждого его чина и что должно быть решительно искоренено. Смотр скорее был моральным напутствием, уроком к предстоящим делам.

В этот день генералом Деникиным был отдан следующий приказ:

«В то время, когда рядовые бойцы, истекая кровью, защищают каждый шаг армии, есть и такие, которые малодушно скрываются в обозе, предавая этим находящихся впереди.

Замечено также, что при обозе ездят люди, не занимающие никаких должностей в армии и только отягчающие ее передвижение.

Поэтому приказываю:

1) Всем лицам, ведущим самостоятельное существование при армии, такое прекратить, вступив в строевую часть армии.

2) Назначаю комиссию под председательством генерала Маркова для проверки всех находящихся в обозе, и

3) Всех уклоняющихся, а равно не желающих вступить в армию вопреки моему приказу, вывести за околицу и плетью отогнать в сторону противника».

СМОТР КОМАНДУЮЩЕГО АРМИЕЙ

14 (27) апреля. На площади станицы Успенской выстроилась 1-я пехотная бригада в полной походно-боевой готовности со всеми ее обозами. Генерал Марков быстро обходит части. Его движения и распоряжения выдавали какое-то в нем волнение. Оно понятно: он не только должен представить Командующему свою бригаду, но он хочет, чтобы она почувствовала в нем своего Вождя, достойного восприимника власти генерала Корнилова, Вождя, которому он сам «верит больше, чем самому себе».

Раздались команды. Генерал Деникин со штабом, под сенью развевающегося Национального флага, объехал фронт бригады, здороваясь с каждой ее частью. Искренне и громко отвечали ему. Окончив объезд, генерал Деникин перед фронтом громким голосом обратился к войскам:

– Земной поклон вам, русские чудо-богатыри! Вы совершили одни из величайших походов Русской армии. Родина не забудет вас! – Далее он сказал, что та борьба, которую начала Добровольческая армия, борьба за освобождение Родины, получает свое развитие и расширяется. Армия показала пример. На Дону вспыхнуло большое восстание,

и она скоро выступит на помощь донским казакам. Могучим «ура» отвела бригада на слова генерала Деникина.

После этого она прошла перед Командующим церемониальным маршем, который всем – решительно-восторженным выражением на лицах, твердым и бодрым шагом, дружными и громкими ответами показал веру в успех борьбы и верность своему Командующему.

Настроение у всех исключительно высокое. Даже кубанские казаки, только что влитые в части, которым до этого обстановка казалась мрачной и малоутешительной, так как на стороне красных «была сила, а нас сколько?» и те повеселели.

– Теперь, небось, пробьемся, – стали говорить они.

Общий подъем духа увеличился, когда кое-кто у штаба армии лично видел и разговаривал с приехавшими для связи с Дона казаками.

15 (28) апреля. Назначено выступление. Пехота на повозках. «На Дон» – решили все. Но чтобы попасть туда, необходимо пересечь железную дорогу из Тихорецкой на Царицын. Сомнений не было – бой неизбежен.

После полудня 1-я бригада тронулась в авангарде в северном направлении. Наступила ночь, а авангард без остановок продолжал ехать по каким-то незначительным дорогам и без дорог. Наконец, спешился, пошел на начинавшийся впереди пожар и остановился, немного не доходя до него. Горел большой хутор во всю свою длину, может быть, версту. По равномерности огня было ясно: хутор подожжен красными. Вскоре полки бригады разошлись: Офицерский полк пошел вправо, вдоль горевшего хутора, обошел его и углубился во тьму ночи. Впереди раздались выстрелы. Полк остановился и перед рассветом 16 (29) апреля перешел в наступление. Легко сбив слабые силы красных, перешел железную дорогу и оказался перед новой позицией их, занимаемой уже большими силами и притом расположенной так, что для атаки ему нужно всем своим фронтом повернуть градусов на 45 вправо.

И вот в то время, когда полк заходил своим левым флангом под сильным обстрелом, 4-я его рота, шедшая за правым флангом, едва перейдя железную дорогу, подверглась нападению справа и в тыл бронепоезда красных: два орудия и его пулеметы строчили по ней с дистанции 300-400 шагов. К этому обстрелу присоединился еще и обстрел красной батареи с фронта.

Роте и всему полку казалось, что они попали в окружение. Но бронепоезд стрелял недолго: огонь орудия 1-й батареи заставил его быстро и далеко отойти на восток. А тем временем полк уже шел в атаку.

Красные были сбиты с позиции, и полк ворвался в село Горькая Балка. Пленных не брали, так как на окраине села были зверски убиты казаки, бывшие в разъезде от армии и захваченные красными. Большой отряд красных, бывший здесь, разбитый «на голову», бежал в полном беспорядке. Армия быстро перешла железную дорогу между

станциями Белоглинская и Ея. Это был 4-й переход ею железной дороги после Екатеринодара.

Не задерживаясь в селе, армия пошла в станицу Плосскую, имея теперь в арьергарде Офицерский полк, куда и пришла вечером. До 70 верст прошла армия за время немногим больше суток, проведя весьма серьезной бой. Все – и люди, и кони – были измотаны до крайности. Особенно тяжело пришлось конным частям, ведшим не только бой, но и разведку на все стороны. Все уснули быстро мертвым сном. Станица Плоская оказалась не только первой станицей Кубани, в которую вошла в начале похода Добровольческая армия, она оказалась и последней, из которой вышла армия в конце похода.

17 (30) апреля после полудня армия тронулась по старому для нее пути, в село Лежанка Ставропольской губернии, ей памятному по бою 21 февраля (6 марта). На этот раз село встретило ее без всякого сопротивления и с населением, уже не бросившим свои дома. Более того, выдававшим укрывавшихся большевиков и даже давшего, хотя и ничтожное, пополнение добровольцами.

Очень просилась в армию быть сестрой милосердия молодая девушка. Генерал Марков принял ее, но с условием: «У меня ухаживать за больными, а не за здоровыми».

18 апреля (1 мая). Офицерский полк занимал восточную часть села, выставив незначительное охранение. Далеко впереди находилась завеса кавалерийских разъездов. Неожиданного наступления красных не могло быть, что давало всем возможность полного отдыха. Генерал Марков обошел свои части, был весел и бодр. На вопрос о дальнейших действиях ответил незнанием: «Отдыхайте, пока есть полная возможность!» На вопрос: «Простоим ли мы здесь Святую Пасху?» – заявил, что, может быть, и простоим, и ничего не возразил против желания приступить к приготовлениям достойной встречи Великого Праздника.

Настроение у всех было великолепным: выбрались из окружения, соединились с восставшими донцами, армия пополнилась кубанцами, и даже генералом Покровским сформирован конный отряд в составе нескольких сотен. Все говорило о перемене настроения среди крестьян Ставропольской губернии в пользу армии. Не охладили настроение и слышимые далекие артиллерийский выстрелы и вечером отданный приказ – выставить усиленное охранение с пулеметами.

БОЙ У СЕЛА ЛЕЖАНКА

19 апреля (2 мая). Перед рассветом часть полка была посажена на подводы и выехала в северо-восточном направлении. Было приказано выбить красных из села Лопанка, находящегося в 15 верстах. Произошел встречный бой, и стремительным ударом противник был опрокинут и село занято. Ночью части вернулись в Лежанку.

20 апреля (3 мая). 2-я и Конная бригады срочно ушли на помощь донцам, которые вынуждены были оставить станицы Егорлыцкую и Мечетинскую. В Лежанке остались 1-я бригада и Конный отряд генерала Покровского, а с ними – весь походный лазарет армии с 1500 ранеными и обоз.

Вскоре обнаружилось наступление красных на село с востока и юга. Их была подавляющая масса. Генерал Марков отдал приказ – не допустить противника ворваться в село и разбить его. Вся бригада заняла позиции редкой цепью. Выдано по 30 патронов на человека. Кроме того, генерал Марков приказал в полках часть пулеметов держать на подводах, составить из них подвижные пулеметные батареи, готовые вынестись вперед, по возможности, на фланги цепей противника, поражать их фланговым огнем, чем облегчить пехоте переход в контр-наступление. Это был первый случай в армии организации таких батарей.

Противник приближался. Ему оставалась верста до села, когда он на ходу открыл огонь. Несколько его орудий обстреливали цепи 1-й бригады. Это пулеметы, выскочив вперед своих цепей, заливались огнем. Ему отвечали редким ружейным и орудийным огнем.

Но вот противнику оставалось пройти последние каких-нибудь 1000 шагов, как сильный огонь обороняющихся заставил его залечь. Еще момент, и вперед вылетели пулеметные батареи, открыв огонь с дистанции в 500-600 шагов, посыпая его огнем во фланги. У противника замешательство, а громкое «ура» перешедшей в атаку бригады обращает его в бегство по всему фронту. Только частью своих сил бригада преследовала красных несколько верст.

С прекращением преследования противник остановился и стал приводить себя в порядок. Его батареи стреляли по выдвинувшимся частям полка. 4-я рота остановилась в 2-3 верстах от села на линии больших стогов соломы и сараев с сельскохозяйственными машинами. Шрапнели рвались над ней, нанося ей потери. Несколько серьезно раненых были внесены в сарай, где пули были не столь опасны. К несчастью, один снаряд попал в сарай и зажег находившееся в нем сено. Огонь распространился так быстро, что из сарая не успели вынести всех раненых. Трое из них погибли в пламени.

Наступила ночь. Выдвинувшимся вперед частям приказано отойти к селу и выставить сильное охранение.

Потери в Офицерском полку были серьезны: до 50 человек. Был ранен в голову и командир полка, генерал Боровский. По приказанию генерала Маркова полк принял полковник Дорошевич.

21 апреля (4 мая). Страстная суббота. Пришло радостное сообщение: 2-я пехотная и Конная бригады разбили красных у села Гуляй-Борисовка и заставили их поспешно отойти от станицы Егорлыцкой и очистить станицу Мечетинскую. Итак, Добровольческая армия соеди-

нилась с восставшими донцами южных станиц, которые вошли в подчинение генералу Деникину. Теперь территория армии уже не ограничивалась территорией одной станицы или села. У армии теперь есть тыл, и в первой половине дня в тыл, в станицу Егорлыцкую, уехал весь походный лазарет. Вместе с лазаретом был отослан и обоз всей 1-й бригады. Обоз оставлял село под обстрелом артиллерии противника.

Обстрел начался с утра и постепенно усиливался. Одновременно было видно разворачивание красной пехоты на значительно большем фронте, нежели в предыдущие дни, и с охватом села с северо-востока и юго-запада. Затем вся эта масса перешла в наступление. Захваченные пленные в стычках передовых частей заявили, что на митинге минувшей ночью было решено во что бы то ни стало взять Лежанку, чтобы в ней встретить праздники.

Бой был жестокий. Неоднократно выскакивали вперед пулеметы на тачанках и 1-я батарея, расстреливая красных чуть ли не в упор. Неоднократно Офицерский и Кубанские полки то там, то здесь переходили в контратаки, но красные, подаваясь в иных местах назад, поддерживаемые резервами, продолжали наступать. Упорный бой шел на самой окраине села, на кладбище. Красные захватили кирпичный завод и угрожали перерезать дорогу на станицу Егорлыцкую. Для восстановления положения была послана Инженерная рота – последний резерв генерала Маркова. 80 человек, поддержавшие часть Офицерского полка, не смогли сломить сопротивление противника в 500 человек и залегли. Пришлось снять с соседнего участка полуроту в 50 человек. Немедленной атакой красные были выбиты из кирпичного завода и бежали, оставив на месте 2 пулемета и много патронов.

По всему фронту наступление красных стало выдыхаться. Генерала Марков приказал Инженерной роте «пройтись в село Лопанка с пасхальным визитом», но общая обстановка перед селом заставила его отменить приказание. Только к вечеру красные окончательно были отброшены от села.

На этот раз красные не задерживались на виду у села, а отошли в те села, из которых они пришли. Выставив охранение, части бригады расположились в домах на окраине. Мечта многих побывать в церкви у Светлой Заутрени не осуществилась. Не было приготовлено ничего для пасхального стола, так как еще утром хозяйственные чины вместе с обозом уехали в станицу Егорлыцкую. Разговорились только тем, чем угостили жители.

В минувшем бою части бригады понесли чувствительные потери – до 80 человек, из которых 7 убитых, потерял Офицерский полк; Инженерная рота одними убитыми потеряла 8 офицеров и свыше 20 ранеными. Снова при бригаде образовался походный лазарет с не менее чем 160 ранеными.

Опять ранен был и командующий Офицерским полком, полковник Дорошевич. Генерал Марков назначил командовать полком полковника Хованского.

Вечером, в конце боя из Лежанки в станицу Егорлыцкую уехал штаб армии.

22 апреля (5 мая). 1-й день Святой Пасхи. Перед рассветом части бригады приготовились к возможному наступлению красных, но последние не появлялись: решили праздновать. Так русские люди, вчера ведшие бой, сегодня отдыхали и отмечали день Святой Пасхи в пятнадцати-двадцативерстном удалении друг от друга.

Грустный праздник был у жителей: они боялись ухода добровольцев и прихода красных. Грустный он был и для добровольцев: в Светлое Христово Воскресение им пришлось хоронить своих соратников. Похоронили их на том же кладбище, на котором раньше были похоронены первые четыре жертвы начала похода.

Генерал Марков обошел свои части и поздравил их с Праздником. Ему кричали «ура». Посетил он и раненых, которые забыли на время свои боли, увидев своего любимого начальника. Пошутил он над 4 ранеными 4-й роты:

– Что это вы подставляете свои ноги и руки? (двое были ранены в ноги и двое в руки). А я так вообще не подставляю себя под пули.

Вызвал генерал Марков улыбку даже у тяжелораненых. Один офицер был ранен в живот навывлет, и у него началась кровавая рвота. Подошел генерал.

– Ну, что? Ранен? – Раненый улыбнулся, кивнул головой.

– По глазам вижу, что выздоровеете!

Эта улыбка смертельно раненого, этот случай запомнились. Раненый действительно выздоровел.

Трудно было подыскать название генералу Маркову, которое оценивало бы его целиком. Он и «Ангел-Утешитель», как в описанном случае, он и «Ангел-Хранитель», как называли его в обозе армии, грозой которого он был, он и «Бог войны», и «Шпага генерала Корнилова».

Вечером этого дня бригада выстроилась на северной площади села, и ей было объявлено, что она оставляет село. Колонна на подводах тронулась по дороге на станицу Егорлыцкую, перешла мост через реку Егорлык, ту реку, которую в свое время переходил вброд Офицерский полк, но вскоре свернула с дороги вправо. В сумерках хвост полка был внезапно обстрелян наскочившим на него грузовиком с пулеметом. Но одного артиллерийского выстрела было достаточно, чтобы грузовик поспешно скрылся.

23 апреля (6 мая). 2-й день Святой Пасхи. На рассвете бригада подошла к разъезду Прощальный на железной дороге Торговая – Батыйск. Высланные подрывники к станции Целина подорвали там путь, а бригада в это время основательно разрушила его у разъезда. Выпол-

нив эту задачу, она двинулась в станицу Егорлыцкую, куда и прибыла еще засветло, проделав за сутки до 50 верст.

Встреча и прием станичниками ставших у них по домам добровольцев были искренне радостными, с широким гостеприимством. Теперь их отношение к добровольцам совершенно не было равнодушным, как два месяца назад. Они признались в своем заблуждении. И это произошло ровно через два месяца, как тогда им и говорил генерал Корнилов. Старик-казак с гордостью заявлял, что его два сына, служивших раньше в Императорской Гвардии, теперь «бьют большевиков». Все это радовало добровольцев, усиливало пахальное настроение.

24 апреля (7 мая). 3-й день Святой Пасхи. За ночь все чины бригады спокойно выспались и проснулись в бодром и радостном состоянии. Не теряя времени, разбрелись по станице, чтобы встретить и похристосоваться со своими знакомыми и друзьями. Все спешили в походный лазарет навестить и поздравить раненых соратников. «Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!» – раздавалось по станице.

Во второй половине дня разнесся слух о выступлении. Досадно! Но бодрое настроение оставалось. На вечерней переключке и молитве было объявлено: рано утром бригада выступит на подводах. Никаких вещей с собой не брать, но патронами запастись. Итак, снова в поход, но, как будто, на короткое время. Куда и с какой целью? Ответ на эти вопросы генерал Марков дал бы короткий и определенный: «Это вас не касается!»

О предстоящей задаче похода узнали лишь 7 офицеров Инженерной роты во главе с подполковником Александровым, которых генерал вызвал к себе и им сказал:

– Инженеры! На вас возлагается серьезная задача, от которой зависит успех нашего набега на треугольник станций: Крыловская – Сосыка-Ейская и Сосыка-Владикавказская. Вам надлежит пробраться в тыл к красным и около разъезда Хуторской на железной дороге на Ейск подорвать основательно полотно железной дороги и перерезать телефонные и телеграфные провода. Нужно, чтобы все, что есть на этих трех станциях, попало нам в руки. В ночь на 27 апреля (10 мая) вы должны выполнить этот приказ, а с утра я примусь за красных. Вам в помощь дается три проводника и сотня черкесов. Подробные приказания даны подполковнику Александрову.

Ночью отряд тронулся в путь.

25 апреля (8 мая). В 6 часов утра 1-я пехотная и Конная бригады выступили в юго-западном направлении. Целый день тряски на подводах и прибытие в станицу Незамаевскую. Переход около 65 верст. Ночевка.

Казачи просили генерала Маркова оставить отряд для защиты их станицы, на что тот предложил им самим организовать для защиты, а еще лучше – влиться в части бригады. Те колебались.

26 апреля (9 мая). Утром генерал Марков объехал части и объявил задание, данное армии:

– Идем запастись боевой провизией. 2-я бригада будет наступать на станцию Крыловская. 1-я в центре, на станции Сосыка-Владикавказская и Сосыка-Ейская; Конная – левее, на станции Леушковская. Цель – захват всего, что имеется у красных на этих 4-х станциях. Боевая провизия необходима ввиду массового прилива в ряды армии кубанских казаков.

От станции Незамаевской 1-я и Конная бригады пошли по разным направлениям. Проехав около 30 верст, 1-я бригада остановилась, не доезжая нескольких верст до станции Сосыка-Владикавказская. Разъезды от Черкесского конного дивизиона, приданного бригаде, доносили, что станция занята большими силами противника с бронепоездом.

По диспозиции штаба армии атака трех бригад должна начаться одновременно с рассветом следующего дня.

С наступлением ночи 1-я бригада стала разворачиваться в боевой порядок: Офицерский полк – для атаки станции Сосыка-Владикавказская, Кубанский – левее его; с занятием этой станции бригада должна, заходя левым плечом вперед, наступать на станцию Сосыка-Ейская.

Отряд подполковника Александрова в течение 25 и 26 апреля (8 и 9 мая) скрытыми путями, весьма осторожно приближался к Владикавказской железной дороге севернее станции Сосыка. В ночь на 27-е (10 мая) он перешел дорогу и приблизился к месту своего назначения. Оставив шагах в 300 от железной дороги черкесов и проводников, офицеры подползли к полотну и принялись за работу. Через короткое время – команда: «Отползай». У полотна остались двое. Следующая команда: «Поджигай». Раздались сильные взрывы. И в этот момент всего лишь в нескольких шагах от места взрыва офицеры увидели силуэт остановившегося бронепоезда. Еще момент, и по ним понеслась с него пулеметная очередь: видимо, красные заметили отбегавших. На рассвете отряд взял направление на гул начавшегося боя и благополучно присоединился к бригаде.

27 апреля (10 мая). Незадолго перед рассветом 1-й роте было приказано произвести демонстрацию наступления. Рота сбила заставу красных, но, подойдя к железной дороге на 200 шагов, была встречена картечным и пулеметным огнем бронепоезда. Она залегла и в этот момент подверглась атаке красной пехоты с флангов. В жестокой схватке сопротивление роты было сломлено, и она стала отходить. Преследовавшие ее красные были остановлены пулеметным огнем батарейных и ротных пулеметов. На всем фронте разгоралась стрельба.

Едва стало светать, Офицерский полк перешел в наступление. Перед железной дорогой, не в силах преодолеть сильнейший огонь противника, он залег, но через несколько минут, когда 1-я батарея отогнала бронепоезд, а слева у кубанцев уже неслось «ура», он сбился красных, занял станцию и, не задерживаясь на ней, повел наступление вдоль железной дороги в северном направлении. Красные отходили, не оказывая уже сопротивления, и вскоре совершенно рассеялись.

Генерал Марков с Черкесским дивизионом, не обращая внимания на разбегавшихся красных, прискакал на станцию Сосыка-Ейская. На обеих станциях было захвачено несколько эшелонов с «боевой провизией», которую немедленно стали перегружать на те подводы, на которых ехала бригада, в то время как Офицерский полк продолжал двигаться на север. Бронепоезд красных успел проскочить станцию Крыловская до занятия ее 2-й бригадой.

Был момент тревоги: к станции Сосыка с востока подходила большая колонна пехоты и кавалерии. Выяснилось, что это были казаки станицы Незамаевской, шедшие на присоединение к бригаде. Их было свыше 500 человек. Генерал Деникин, приехавший на станцию, их всех назначил на пополнение в 1-ю бригаду, и им тут же было выдано оружие.

Тем временем, Офицерский полк занял станцию Павловскую, радостно встреченный жителями. Генерал Марков просил их немедленно разойтись по домам, так как станция не будет удерживаться, что вызвало у жителей восклицания: «Что теперь будет с нами?» Захваченных здесь пленных в числе нескольких десятков человек генерал Марков приказал отпустить.

К вечеру в станицу Павловскую пришел и Кубанский полк, а ночью вся бригада двинулась дальше на север.

28 апреля (11 мая) она пришла в станицу Ново-Михайловскую, в 6-7 верстах западнее станции Крыловской, занятую с жестоким боем 2-й бригадой, но еще ведшей бой севернее ее. Через несколько часов на станцию выступила вся 1-я бригада, но на ней не задержалась, а последовала на восток через станицу Екатериновку в станицу Ново-Пашковскую, где и расположилась на ночлег. За нею отошла и 2-я бригада.

29 апреля (12 мая). Бригада перешла в село Гуляй-Борисовку и 30 апреля вернулась в Егорлыцкую.

Уставшими вернулись части с «налета на Сосыку», но бодрыми. Одержан был большой успех и добыты трофеи, нужная для армии «боевая провизия». 2-я бригада захватила даже два орудия. В первый раз Добровольческая армия вела наступление на фронте в 30 верст.

Потери в Офицерском полку были большие: около 100 человек, из которых на долю одной 1-й роты пришлось 27 человек убитыми

и 44 ранеными, свыше половины ее состава. Был ранен и командующий полком, полковник Хованский, третий командир за время с 20 апреля (3 мая).

С 27 апреля (10 мая) в командование полком вступил полковник Тимановский. Генерал Марков расстался со своим неразлучным помощником, оставаясь, однако, его ближайшим начальником.

30 апреля (13 мая) – дата окончания Корниловского, Ледяного, 1-го Кубанского похода Добровольческой армии.

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД

Второй Кубанский поход начался выступлением 9–10 (22–23) июня 1918 г. из района станицы Мечетинская на Кубань частей Добровольческой армии и завершился занятием западной части Кубанской области и Черноморской губернии в августе 1918 г., а затем, к концу 1918 г., после тяжелых боев под Армавиром и Ставрополем, освобождением всего Северного Кавказа.

План похода разрабатывался с середины мая 1918 г. За овладение в первую очередь Кубанью высказывалось руководство Добровольческой армии в лице командующего армией генерала А.И. Деникина и начальника штаба генерала И.П. Романовского. Донской атаман генерал П.Н. Краснов, напротив, старался склонить руководство Добровольческой армии к удару на Царицын. В итоге, чтобы обезопасить свой тыл и провести пополнение рядов армии, Деникиным было принято решение наступать на Кубань.

Деникин писал, что «стратегически план операции заключался в следующем: овладеть Торговой, прервав тем железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией; прикрыв затем себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорецкую. По овладении этим важным узлом северокавказских железных дорог, обеспечив операцию с севера и юга захватом Куцевки и Кавказской, продолжать движение на Екатеринодар для овладения этим военным и политическим центром области и всего Северного Кавказа»¹⁴.

В силу указанной стратегической цели военные действия были в основном сосредоточены вдоль железнодорожных линий (главным образом, Владикавказской железной дороги) и их узловых станций: Тихорецкой, Торговой, Куцевки, Кавказской, Кореновской и Екатеринодара: «В этом походе армия, невзирая на свою малочисленность, двигалась все время широким фронтом для очистки района от мелких банд, для прикрытия железнодорожного сообщения и обеспечения главного направления от удара мелких отрядов и ополчений, разбросанных по краю»¹⁵. Оценивая значение похода, Деникин впоследствии писал: «...в течение 20 месяцев Северный Кавказ был отрезан от Центральной России, а центр страны – от всероссийских житниц – Кубанской области и Ставропольской губернии – и от грозненской нефти. Это обсто-

ательство, несомненно, подрывало экономический базис Советской власти...»¹⁶.

Частям Добровольческой армии противостояли силы 11-й Красной армии Главкома Сорокина, по своей численности значительно превосходящие силы добровольцев (Деникин оценивал соотношение сил к началу похода как 8,5-9 тысяч против 80-100 тысяч в пользу противника). Итогом длительных боев были огромные потери во всех частях Добровольческой армии (состав некоторых полков, в том числе Марковского, сменился за время похода несколько раз) и выход к началу 1919 г. в Каменноугольный бассейн.

Первая часть очерка о 2-м Кубанском походе, до смерти генерала Маркова, печатается по книге «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне за Россию». Кн. 1. Главы: «Снова на Дону» и «Второй поход на Кубань»¹⁷.

Вторая часть печатается по воспоминаниям неизвестного офицера 1-го Офицерского генерала Маркова полка, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации: ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 96. По структуре содержания очерк, очевидно, написан на основе полевой книжки или дневника боевых действий, имевшихся в руках автора, и состоит из нескольких частей. Достаточно кратко он повторяет ранее описанные В.Е. Павловым события, включая смерть генерала Маркова. Интересно мнение автора о 2-м Кубанском походе, отличающееся от общепринятой точки зрения (подчеркивается неправильность выбранного руководством армии направления движения на юг, и в этом видится основная причина поражения Белого движения) и прогерманская ориентация (союз с немцами для свержения большевиков).

ВТОРОЙ ПОХОД НА КУБАНЬ

СНОВА НА ДОНУ

8 (21) мая генерал Марков провел беседу с чинами своей бригады в здании станичной школы. Школа к назначенному часу была буквально набита, многие не могли уже в нее протиснуться. Легкий гул разносился в помещении от сдержанных разговоров, взоры всех часто обращались в сторону входных дверей.

– Генерал Марков!

С папкой бумаг быстрым шагом он вошел в помещение, поднялся на кафедру, поздоровался с присутствующими и закурил трубку.

– Я собрал вас, господа, чтобы поделиться с вами собранными из всевозможных источников сведениями о России, – начал он.

Кратко, выпукло, образно, в живой речи он осветил значение проделанного добровольцами Кубанского, Корниловского похода в начавшейся борьбе за освобождение Родины. «Сигнал для всех патриотов дан, и место сбора – Добровольческая армия». Долг патриотов и офицеров – продолжать борьбу с полным напряжением сил. Указывая на пачку газет, лежащих перед ним, генерал Марков заявил, что нашлись и другие организации, зовущие к себе на службу офицеров, сулящих им производство в чины, командное положение и большое содержание.

– Как офицер Великой Русской армии и патриот, я не представляю для себя возможным служить в какой-нибудь Крымской или Всевеликой республике, которые мало того, что своими идеями стремятся к расчленению Великой России, но считают даже допустимым вступить в соглашение и находиться под покровительством страны, фактически принявшей главное участие в разрушении нашей Родины.

– Что дадут офицерам, пошедшим на службу в какие-то Татарские и иные армии, несуществующие государства? Хотите хватать чины? Пожалуйста: обгоняйте меня, но я, как был произведен в генерал-лейтенанты законным Русским Монархом, так и останусь им до тех пор, пока снова не явится законный Хозяин земли Русской. И что будут делать офицеры этих армий, когда те будут расформированы?

Далее генерал Марков сказал, что генерал Алексеев и Командующий армией получают письма от всяких «благодетелей» и «патрио-

тов» с советами и рецептами по спасению Родины, о которых ставятся в известность разными темными лицами и чины армии. Добровольческая армия стоит на правильном пути и имеет свои «рецепты», достойные Родины и армии, и он передал просьбу генерала Деникина не осложнять и не затруднять ему его тяжелой работы.

Затем генерал Марков, указывая на лежащую отдельно пачку бумаг, сказал:

– Вот здесь лежат несколько рапортов. Их подали некоторые из чинов моей бригады. Они устали... желают отдохнуть, просят освободить их от дальнейшего участия в борьбе. Не знаю, может быть к сорока годам рассудок мой не понимает некоторых тонкостей. Но я задаю себе вопрос: одни ли они устали? Одни ли они желают отдохнуть? И где, в какой стране они найдут этот отдых? А, если, паче чаяния, они бы нашли желанный отдых, то... за чьей спиной они будут отдыхать? И какими глазами эти господа будут смотреть на своих сослуживцев, в тяжелый момент не бросивших армию? А если после отдыха они пожелают снова поступить в армию, то я предупреждаю: в свою бригаду я их не приму. Пусть убираются на все четыре стороны к чертовой матери, – и генерал Марков передал командирам частей несколько рапортов для немедленного увольнения их подателей.

Далее он добавил, что Командующим разрешены короткие отпуска для чинов армии. Желающие воспользоваться отпуском должны подать рапорты. Последовательно, насколько позволит боевая обстановка, их просьба будет удовлетворена.

После этого генерал Марков предложил задавать ему вопросы. Поднят был «больной вопрос» – о тыле армии, живущем за ее спиной и ничем не приходящим ей на помощь.

Генерал Марков упомянул о 400 рублях, которые дали ростовские богачи генералу Алексееву, и о миллионах рублей, которые они вручили большевикам, когда Добровольческая армия оставила Ростов. Как это понять? В то время, когда льется кровь, находящиеся за ее спиной должны чем-то платить, как-то поддерживать армию, помогать ей. Наша гуманность погубит нас. Война не терпит поблажек, тыл должен понимать это. Но, видимо, в таком случае приходится не просить, а требовать, тогда и результат войны будет другой.

– Поверьте мне, – сказал генерал Марков, – дайте время окрепнуть армии, немного больше территории, и я первый буду просить Командующую взяться за тыл, оздоровить его!

Был поднят офицерами и другой «больной» вопрос: ненормальность положения, когда младший по службе и в чине является начальником старшего. Генерал Марков на это ответил твердо и решительно:

– Мой принцип: достойное – достойным. Я выдвину на ответственный пост молодого, если он способнее старшего. – В заключение генерал Марков сказал:

– Наша работа – только начало обновления Родины. Кубанский поход – это первый маленький эпизод. Но верьте, Россия будет великой и сильной, будет как огромное, греющее и животворящее всех солнце. Нам надо хотеть Ее, дерзать и бороться. – И, попрощавшись с соратниками, добавил: – Не опаздывайте на переключку!

Эта беседа, длившаяся несколько часов, имела решающее влияние на всех. Сомнения, колебания отпали решительно и быстро. Подавшие рапорты об уходе из армии, за одиночными исключениями, взяли их обратно. С этого момента вопроса о срочном служении и борьбе за Родину уже не поднималось: служба стала бессрочной и могла кончиться лишь после освобождения страны и установления в ней порядка. Все вопросы политики были с полным доверием и безраздельно вверены Вождям армии.

Моральный кризис миновал. Армия сохранена.

На следующий день, 9 (22) мая, по случаю Престольного Праздника Егорлыцкой церкви был парад войск Егорлыцкого района. Принимал парад генерал Марков. Громким и восторженным «ура» встречали и отвечали генералу Маркову части. Громкое «ура» кричали они в честь генерала Деникина.

После парада 9 (22) мая стали разрешаться отпуска сроком на две недели. В виде исключения были отпущены все вновь произведенные в офицеры. Разрешались отпуска и в районы немецкой оккупации с условием не носить знаки, говорящие о принадлежности к Добровольческой армии. Скоро отпало и это условие: немцы относились весьма благожелательно к чинам армии.

Из отпусков в полк вернулись не все. Невернувшиеся принадлежали, главным образом, к 5-й роте Офицерского полка – молодые офицеры, произведенные в Ольгинской и Егорлыцкой. Оказалось, что штабс-капитан Парфенов, их бывший командир по Юнкерскому батальону до начала Кубанского похода, офицер открытых монархических убеждений, сыграл на монархических чувствах этой молодежи и убедил ее перейти с ним в Астраханскую армию, формирующуюся в Ростове и подчиненную донскому командованию. Для большей убедительности он говорил молодежи, что Добровольческая армия стоит за Учредительное Собрание, а следовательно, идет за социалистами и республиканцами, не будет иметь не только успеха в борьбе и быстро снизойдет на «нет», так как никто не пойдет в ее ряды, а те, кто войдет, скоро оставят ее. Ему поверили.

Штабс-капитан Парфенов оказался «голым» монархистом: в Ольгинской он отказался служить в одном батальоне с «социалистами», как он называл Студенческий батальон, теперь он рьяно стал на службу за немецкие деньги, отдавшись немцам для выполнения их тайных желаний. Помимо этого, методы его действий оказались далеко не честными в отношении Национальной армии, каковой была Добро-

вольческая армия. Всем этим он очернил себя и как монархиста, и как Русского Добровольца.

Штабс-капитану Парфенову удалось сформировать роту лишь в 40 человек. Месяца полтора спустя его рота была послана в бой к северу от станции Великокняжеской и была сметена контратакой красных. Вышло из боя 7 человек со своим командиром.

Добровольческая армия окрепла духом. Она усиливалась и своей численностью. Беседы и смотры, связанные одной Идеей, взаимно дополняя друг друга, сыграли положительную роль. Дисциплина в ее глубоком смысле и подлинном ее понимании была восстановлена и утверждена.

10 (23) мая вечером как-то неожиданно передано приказание, вызвавшее бодрое оживление. Офицерскому полку, 1-й батарее, дивизиону Черкесского полка и конной сотне Егорлыцкого ополчения приготовиться к выступлению утром 11 (24) мая. Оказалось, сильный отряд красных перешел в наступление со стороны станицы Великокняжеской и стал теснить Донской отряд к западу. Создавалась угроза тылу армии и перерыву сообщений с Новочеркасском.

11 (24) мая утром отряд под командой генерал Маркова выступил в северо-восточном направлении. Пехота на подводах. Прodelав до 40 верст, остановился на ночлег в зимовнике Королькова.

12 (25) мая отряд выступил дальше, взяв направление на казенный мост через реку Маныч. Расчет генерала Маркова был такой: когда главные силы красных перейдут мост и увлекутся преследованием Донского отряда, внезапным ударом им в тыл захватить мост, разрушить его и затем совместно с донцами уничтожить красных. Этот расчет всецело зависел от точных данных разведки. Но данные оказались неправильными, и удар отряда генерал Маркова пришелся не в тыл противнику, а по главным его силам, готовым к бою. Бой был жестокий и упорный. Красных разбить не удалось, они отстояли мост и смогли отойти за реку. Донской отряд захватил два орудия. Офицерский полк потерял несколько десятков человек.

13 (26) мая отряд вернулся в Егорлыцкую. В Офицерском полку сочли эту операцию удачной, но иначе оценили ее в штабе армии: там ожидали полный разгром красных. Не оправдавшаяся надежда штаба стала реальным упреком генералу Маркову и задела его весьма глубоко. Генерал Марков сам сознавал и переживал неудачу операции. Произошел серьезный конфликт между ним и штабом, устраненный принесенным генералом Романовским ему официальным извинением. Обо всем этом в частях не знали.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Генерал Марков, казалось, совершенно не отдыхал. С утра до вечера его можно было видеть в станице или скачущим куда-то верхом, или идущим куда-то быстрым шагом. Не было частей в его бригаде, которых он не навестил бы, не поговорил.

Особенное внимание он стал уделять Кубанскому стрелковому полку, который ежедневно увеличивался в составе, пополняясь приходившими с Кубани казаками. Вот он входит в один дом и застаёт казаков играющими в карты, а рядом других, занимающихся уничтожением насекомых на своем белье. Казаки вскочили с растерянным видом. Генерал бодро и весело поздоровался с ними и сейчас же заговорил:

– А играть в карты – не солдатское дело, а вот это – солдатское, – указав на ловцов зверей.

Начав с этой полушутки-полувыговора, генерал Марков продолжал шутить и незаметно перешел на серьезный тон и указание – быть готовыми к бою. Казаки отвечали ему дружным: «Так точно! Слушаюсь!».

– Ну, продолжайте свои дела! – сказал он в заключение и ушел. Его проводили толпой.

– Ну и генерал! Орел! Вот бы нам его Атаманом! – говорили все в один голос, занявшись «своим делом», но не карточной игрой.

«Налетал» генерал Марков и к черкесам, служившим в его конвое и в Черкесском конном полку – все так же весело, с шутками. Эти простодушные люди любили его за беззаветную храбрость, за сердечный, без высокомерия к ним подход, за заботу о них, за веселый нрав и справедливость. Поэтому черкесы всегда высоко ценили его похвалы, благодарности и по достоинству оценивали его взыскания, наказания и даже гнев. Случай, когда в походе генерал Марков плеткой выгнал в степь за грабеж одного черкеса с предупреждением: вернется – расстреляет, вызвал в них восхищение. Черкесы, как и все добровольцы, не только любили своего Генерала, не только боялись, но и буквально обожествляли его и были самозабвенно преданы ему.

В то время, как Кубанский стрелковый полк быстро рос, в Офицерский полк пополнений не поступало. Очевидно, начальство надеется на прибытие офицерского пополнения – так предполагали в полку, хотя были бы рады и кубанцам, так как судя по тем, которые пришли к ним из Кубанского похода, кубанцы показали себя великолепным исполнительным дисциплинированным элементом. Помимо этого, они показали, что питают большое уважение к офицерам, как к начальникам, так и рядовым из них, стоящих с ними в общих рядах и выполнявших те же задания, что и они. Казаки старались подражать офицерам и проявляли искреннюю готовность всячески услу-

жить им. Казалось, возвращались старые, дореволюционные времена, когда у русских солдат не было революционного угара и разнузданности.

Предположения офицеров об офицерском пополнении в полк подтвердил и генерал Марков. И, действительно, пополнение стало прибывать ежедневно, хотя и малыми группами. Группы представлялись генералу Маркову, и каждому добровольцу он задавал 2-3 вопроса. Присутствующие на одном из таких представлений обратили внимание на довольно продолжительный разговор Генерала с прибывшим поручиком.

– Как?! Вы решили идти по стопам дядюшки?

– Так точно! Насколько мне удастся, – был ответ поручика.

Попав в роту, этот поручик вызвал к себе большой интерес. Оказалось, он, поручик Незнамов, племянник профессора академии Генерального штаба, генерала Незнамова, был знаком с генералом Марковым еще до войны. Во время войны связь между ними была потеряна, и вот – эта встреча в Добровольческой армии. Поручику Незнамову пришлось много рассказывать офицерам о тогда еще подполковнике Маркове, но и спрашивать их о его службе в последние годы. Вывод поручика Незнамова: теория военного искусства, которую генерал Марков высказывал до войны, блестяще подтверждалась его делами последующих лет.

Порадовал поручик Незнамов офицеров своею уверенностью в поступлении в армию значительного числа офицеров и вообще добровольцев и, главным образом, сообщением о большом отряде полковника Дроздовского, имеющего чуть ли не 10 орудий и даже один бронев-автомобиль. Сомнения о росте Добровольческой армии окончательно рассеивались.

Генерал Марков хлопотал о возможном усилении своей бригады. Он довел свою 1-ю батарею до четырехорудийного состава, получив одно орудие от 2-й бригады и другое от донцев. Орудия, правда, были неисправны: их удалось поставить в строй лишь после начала нового похода армии. Для их обслуживания из 2-й роты Офицерского полка были выделены все артиллеристы, назначенные в нее во время отхода от Екатеринодара.

Для своей бригады генерал Марков считал необходимым иметь и маленькую кавалерийскую часть. По его просьбе командир конной бригады, генерал Эрдели, выделил сотню кубанских казаков под командой есаула Растегаева, которая получила название Отдельной конной сотни при 1-й пехотной бригаде.

– Сотне нашить черные погоны, – приказал генерал Марков, когда смотрел ее. С этого времени она неофициально стала называться

«марковской», как по подчинению генералу Маркову, так и по погонам его Офицерского полка.

Росла численно 1-я инженерная рота. Она оставалась еще как пехотная единица, но уже стала выделять своих чинов по разным специальным службам: по связи, на железную дорогу (небольшой отрезок линии Торговая – Батайск), в броневой дивизион (в армии появились бронев автомобили) и даже авиацию (авиация Добровольческой армии зародилась в Ростове, но как донская. Немцы дали 3 старых аппарата; из Киева прилетел русский аппарат. Эта эскадрилья производила полеты на фронте Донской армии, но когда Добровольческой армией была взята станция Тихорецкая, она перелетела туда).

В течение мая месяца шло непрерывное численное усиление Добровольческой армии. 26 мая (8 июня) с Кубани пробились даже два казачьих полка, до 1500 шашек, со своими Императорскими штандартами. В торжественной встрече их принимали участие части Егорлыцкого гарнизона с 1-й батареей (Офицерский полк в это время был на формировании в Новочеркасске).

Затем была торжественная встреча отряда полковника Дроздовского, пришедшего из Новочеркасска, отряда «рыцарей духа, пришедших издалека и вливших в армию новые силы», как сказал генерал Алексеев, встречая его у станицы Мечетинской. У Егорлыцкой его встречал гарнизон этой станицы, выстроившись вдоль дороги и отдавая ему честь. «Дроздовцы», как стали называть пришедших, пройдя перед фронтом, выстроились на левом фланге стоявших частей и предложили старым частям Добровольческой армии войти в станицу первыми и, когда те проходили перед ними, они отдали им честь. Все были поражены силой «дроздовцев»: Офицерский полк в 1300 штыков; конный дивизион – до 300 шашек; Инженерная рота; небывалая в Добровольческой армии артиллерия в 10 легких и 2 тяжелых орудия и бронев автомобиль «Верный».

К началу июня месяца армия почти утроила свой численный состав и особенно в коннице. Это позволило придать каждой пехотной бригаде по конному полку и переименовать бригады в дивизии. Армия получила следующую организацию и состав:

1-я пехотная дивизия. Начальник дивизии – генерал Марков.

1. 1-й Офицерский полк – «марковский», ставший под № 1 ввиду вхождения в армию 2-го Офицерского полка.

2. Кубанский стрелковый полк.

3. 1-й Офицерский конный полк.

4. 1-я инженерная рота.

5. 1-я Офицерская батарея.

6. Отдельная конная сотня.

2-я пехотная дивизия. Генерал Боровский.

Корниловский ударный и Партизанский полки; Кубанский конный полк; 2-я инженерная рота и 2-я Офицерская батарея.

3-я пехотная дивизия. Полковник Дроздовский.

2-й Офицерский стрелковый полк; 2-й Офицерский конный полк; 3-я инженерная рота и 10 легких и 2 тяжелых орудия.

1-я конная дивизия. Генерал Эрдели.

Четыре Кубанских казачьих полка.

Конная бригада. Генерал Покровский.

Два Кубанских казачьих полка; два орудия.

Два отдельных Кубанских пластунских батальона.

Броневой дивизион – 3 машины.

Общая численность – армии около 10000 штыков и сабель. <...>

В НОВОЧЕРКАССКЕ

«Генерал Марков уезжает в отпуск», – пронесся слух во всей его бригаде. Об этом заговорили: «Ему нужно отдохнуть!», «Раз он уезжает, значит не предвидится в ближайшее время боевых действий».

Он уехал 17 (30) мая, как и все отпускные, на две недели. Накануне, прощаясь со своим Офицерским полком, обрадовал его: «Скоро и вы пойдете в Новочеркасск! Пойдет туда и Конный офицерский полк». 1-ю батарею обрадовать не мог, его просьба удовлетворена не была, но утешил ее: «Ненадолго расстаемся».

За время отсутствия генерала Маркова произошло лишь одно выступление частей его бригады: Кубанского стрелкового полка и 1-й батареи с конной частью донцев в направлении на село Гуляй-Борисовку, где красные сосредотачивали свои силы. Меткий огонь батареи расстроил цепи противника, атака кубанцев обратила их в бегство, а донцы справились с ними холодным оружием.

22 мая (4 июня) выступил на отдых Офицерский полк. Его уход вызвал среди жителей станицы сильное беспокойство, несмотря на то, что в станице оставались Кубанский стрелковый полк, части кавалерии, а на ее окраине всегда стояло охранение, были окопы, и на позиции одно орудие. Успокоились жители, когда им было объявлено о приходе другого Офицерского полка.

Стояла чудесная весенняя погода. Степь покрыта свежей, сочной, богатой зеленью. В воздухе реют птицы, наполняя его своим пением. В природе радость и счастье.

Радость в сердцах у «марковцев»: они идут на полный отдых в большой культурный город, где получат возможность отвлечься от однообразия степи, станиц, хуторов. Поход их с остановками на ночлег в станицах, по сухой дороге не утомителен вовсе. Мысли и разго-

воры забегают вперед – в Новочеркасск. Там Марков, их раненные друзья и откровенные и тайные предположения.

Полк идет из Егорлыцкой в Мечетинскую, затем в Кагальницкую, в Хомутовскую, уже известные ему. В феврале он проходил их в обратном направлении, в непролазную грязь. Шел тогда в полную неизвестность, «к черту на рога». «Марковцы» вспоминали то время. Вот только очень многих уж нет в их рядах... Нет и Корнилова!

Из Хомутовской полк пошел не старой дорогой на Ольгинскую – там немцы, а свернул на Манычскую, из которой, переехав через Дон на пароходе, направился в Новочеркасск.

На одном из переходов колонна полка остановилась, и ей было приказано построиться вдоль дороги. Навстречу шла другая колонна с Национальным флагом впереди. Объявили: «отряд полковника Дроздовского». Раздались команды, разнеслось громкое «ура». 1-й Офицерский полк приветствовал своего нового соратника – 2-й Офицерский полк.

С восторгом всматривались в лица бойцы обоих полков. Ведь оба полка до их встречи пределали свыше чем по 1000 верст. Они не оставались перед препятствиями, шли врознь к одной цели, и теперь пойдут к ней вместе. Ура!

Поразила «марковцев» сила проходившей перед ними колонны – свыше 1000 человек (артиллерия и конница отряда полковника Дроздовского шли через Аксай). Еще больше поразил вид бойцов: отлично и однообразно одетых и с таким же боевым снаряжением. Ни лицах бодрость, уверенность. Порядок и дисциплина. Общее впечатление – восторженное.

Полки разошлись в противоположных направлениях. У «марковцев» – новая тема для разговоров: внешний вид их самих. Он не бодрящий. Разнородное обмундирование и, к тому же, потрепанное до последней степени. Убогое снаряжение... Разнообразие в бедности! Но стоит ли печалиться об этом? Ведь всякий знает, где были и что перенесли они. Лишь человек, придающий исключительное значение внешнему виду, может осудить или посмотреть свысока.

Первыми из участников Кубанского похода в Новочеркасск были раненные. Походный лазарет последний раз потряс их на подводах до станицы Манычской, откуда они в течение нескольких дней пароходами по Дону до Аксая и далее по железной дороге перевозились в Новочеркасск. Новочеркасск сердечно встретил раненых, которые в числе свыше 1500 человек заполнили все городские лазареты. Условия, в которые попали они, конечно, были несравнимы с условиями в походном лазарете. Внимание жителей радовало.

Трогательны были встречи и отношение к раненым того женского персонала на Грушевской, где раньше жили первые добровольцы.

«Нянюшки нас разыскали. Они знали почти всех на Грушевской по фамилиям и именам.

– А как Некрашевич, Ненинский, Казара?

– Убиты.

– А Шурка Рашевский, Шурка Андреев?

– Рашевский убит, Андреев ранен.

Кадетик Буковский, доброволец Боггаут, кадет Поляков – убиты. Прапорщики Шверин, Черных, Пантелеев в пенсне, Крылов с двумя наганами, над чем когда-то нянюшки смеялись, потому что в остальном вид у него был довольно мирный – убиты. Козловский, поручик Топорков со своим характерным ярославским говором – убиты... Нянюшки плачут... Родные их едва ли узнают, где погибли они. Но все-таки они были оплаканы от чистого сердца этими русскими женщинами».

Вскоре приехал в Новочеркасск генерал Марков, который после официальных визитов стал немедленно обходить лазареты.

«Появление генерала Маркова в лазаретах вызвало слезы радости у раненых. С гордостью мы смотрели на него и, кто мог, в своих равных мундирах выходили на Московскую улицу или в Александровский сад, чтобы лишний раз увидеть своего любимого Вождя, где он в сопровождении офицеров нагонял страх на тыловых патриотов».

«Почему вы небрежно приветствуете генерала? – строго обратился генерал Марков к проходившему хорунжему и сейчас же иронически сказал: – Впрочем, извините! Вы же не русский, а республиканский офицер! – и пошел дальше.

Замечена была какая-то большая перемена в психике генерала Маркова: «Он казался не таким, как раньше, а как-то сильно раздраженным и даже придиричивым. Не знаю, была ли усталость, было ли то предчувствие?».

В Новочеркасске генерал Марков сменил свои погоны офицера Генерального штаба на «марковские» – черные, что решительно побудило всех «марковцев» озаботиться приобретением таких погон.

ПЕРВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Вторая половина мая месяца. На вокзале города Новочеркаска с поездов, пришедших с севера и юга, выгружался народ и быстро куда-то расходился. Лишь одиночки и маленькие группы, не торопясь, шли на вокзал, ища коменданта станции. Одеты они были частью в штатское, частью в военное обмундирование, с погонами или без погон, с небольшим багажом и даже без него. Быстро перезнакомились: все офицеры, и все приехали поступить в Добровольческую армию.

Комендант дал адрес. Пошли бодро и весело. Радовал весь в цветущих акациях город; опьянял густой их запах... Многое тяжелое позади.

В Бюро записи явились полковнику. Опрос был строгий и пристрастный:

– Почему вы не сочли для себя нужным явиться значительно раньше?

Заявления, что они прибыли из Смоленска, Москвы, прямо с фронта, не считались уважительными.

– Вы полковник? Потрудитесь представить двух свидетелей.

Эти и подобные им вопросы несколько задевали самолюбие являвшихся, но «явка с опозданием» повелевала снести это безропотно.

Новоприбывшие были направлены в здание Мариинского женского института, где их встретил молодой офицер-«марковец», скромно и подтянуто одетый, деловито отведший их в одну из комнат, объяснивший все, что необходимо, и предложивший старшему в чине быть старшим в комнате.

– За всеми вопросами прошу обращаться ко мне, – добавил он.

В этот же день и на следующий прибыли новые добровольцы, и число их перевалило за сто человек. Уже несколько комнат было занято ими. Все были молодые офицеры, все фронтовики, почти всем пришлось пробиваться сквозь большевистские заставы, в пути терять своих компаньонов; и все неделями и месяцами бродили по югу России с одной мыслью – в Добровольческую армию! Армию они не застали на Дону и им пришлось осесть по станицам и хуторам, скрываться и путаться – многим без денег, подаванием.

Утром комнаты обошел дежурный по общежитию, просил соблюдать порядок и чистоту. Он заявил, что генерал Марков в Новочеркасске и весьма возможно сегодня придет в институт. Естественен был вопрос ему: «Кто генерал Марков?» Не столько слова его ответа, сколько тон и восторженный отзыв говорили всем об исключительности генерала Маркова. Судя по тому, что дежурный бегом подымался вверх в комнаты офицеров и не задерживался больше чем на минутку-две, также бегом сбегал вниз и еще по тому, что дежурный несколько нервничал, офицеры невольно заражались его настроением и с волнением ожидали прихода Генерала.

Но вот дежурный молнией промчался по комнатам, бросая: «Генерал Марков!»

Разговоры моментально прекратились. Все стали подтягивать пояса, приводиться в порядок. Никто уже не присел. Абсолютная тишина. Снизу послышался четкий рапорт дежурного офицера:

– Ваше Превосходительство! В помещении 1-го Офицерского полка все благополучно. Налицо 126 человек пополнения.

– Здравствуйте! – сказал молодой, энергичный голос.

– Здравия желаю, Ваше Превосходительство! – ответил дежурный.

– Идемте в помещение!..

Бодрым шагом по лестнице подымалось несколько человек.

– Господа офицеры! – скомандовал дежурный.

В комнату вошел Генерал. Если бы даже и не было предупреждения о приходе генерала Маркова, и то все сразу же догадались бы, что это вошел он.

– Здравствуйте, господа офицеры! – бодро поздоровался он. Офицеры ответили положенным поклоном.

– Садитесь! – и сам сел на стол, обводя взглядом своих черных, пронизывающих глаз всех присутствующих.

– Приветствую ваше решение встать на борьбу за Родину. Это дело и долг каждого честного офицера, – сказал генерал.

– Скажите, поручик, вы откуда прибыли? – обратился генерал Марков к первому офицеру. – Что известно было там о Добровольческой армии? Собираются ли ехать сюда другие?

Такие вопросы были заданы всем. Но его внимание особенно привлекали те, которые пробрались из центральных губерний: Смоленской, Курской, Московской... Их он спрашивал:

– Есть ли какие-либо организации среди офицерства? Не известны ли планы организаций?

Прибывшего из Смоленска спросил:

– Откуда и когда узнали о Добровольческой армии?

Закончив опрос всех и сказав, что скоро они вольются в ряды Офицерского полка, генерал Марков перешел в другую комнату.

Впечатление всех о генерале было необыкновенно сильное: молодость, живость, энергия... Эти серьезные вопросы, которые задавал он, этот пытливый, гипнотизирующий взгляд; воля – вне всякого сомнения... Много видели офицеры генералов, но генерал Марков казался исключением среди них: он сразу же побудил всех почувствовать в себе не генерала, который стоит где-то высоко и далеко на командном посту, но генерала, начальника, командира, находящегося не только физически, но и духовно тут же среди них. Генерал Марков ушел, но он здесь.

Весь день шли нескончаемые разговоры новых «марковцев» со старыми, прошедшими Кубанский поход, ранеными, которые в этот день пришли в институт посмотреть и поговорить со своими будущими соратниками. Все глубже и шире выявлялась по рассказам личность генерала Маркова как человека и начальника, как бесстрашного бойца. Его подвиги в походе поражали воображение всех, и тревожно билось сердца при мысли, что такой начальник как генерал Марков потребует и должного подъема духа, и воли всех их и каждого из них.

На следующий день офицерам было сообщено, что сегодня приходит в Новочеркасск и расположится тут же в институте 1-й Офицерский полк. Настроение приподнялось еще больше.

Наступил вечер, когда было приказано выходить строиться перед зданием института. В 1-й раз прибывшие офицеры, в числе около 150 человек, оказались в строю. В первый раз они ощутили в нем себя связанными воедино, послушными любой команде.

– Смирно, господа офицеры!

К строю подошел генерал Марков. Он прошел перед ним, приветствуя его прикладыванием руки к «головному убору» – своей высокой белой папахе. Встав затем перед серединой строя, он сказал:

– Господа офицеры! Сейчас вы увидите и будете приветствовать тех, кто презрел смерть во имя Родины, во имя и для победы, тех, кто в тяжелых условиях одержали первую победу. Вы вольетесь в их ряды и, я уверен, – с ударением произнес он, – вы будете достойны их. Так ли я вас понимаю?

– Так точно, Ваше Превосходительство! – вырвался громкий, дружный ответ офицеров, такой, какой и как в таких случаях отвечала каждая часть Русской армии.

– Стоять вольно!

Полная тишина в природе и на площади перед зданием института. И вот вдали раздались звуки военного марша. Все ближе и ближе. Офицеры затаили дыхание. Генерал Марков всматривался в направлении приближающихся звуков оркестра.

– Смирно! Господа офицеры! – громко скомандовал генерал Марков и сам замер перед строем.

Подходит полк. Лиц не видно, одни силуэты. Впереди несколько верховых. Полк выстраивается перед фронтом офицеров. Раздается команда:

– Полк смирно! Господа офицеры!

Генерал Марков быстро подходит к полку.

– Здравствуйтесь, родные!

И в дружном ответе полка чувствуется не уставной шаблон, а ответ людей, искренне приветствующих своего начальника. Генерал Марков обнимается с кем-то в полушубке, в папахе, в очках, с кем-то еще...

– Друзья! – говорит генерал Марков, – нам дан отдых. Отдохнем, сколотимся, пополнимся и – в новые бранные дела за Родину! – в ответ несется громкое «ура» полка.

– Вот вам первое пополнение. Будет еще!

К строю встречавших полк офицеров подходит командир Офицерского полка, полковник Тимановский, о котором офицеры уже слышали, и здоровается с ним.

– Ура! – кричит генерал Марков и оба строя разносят в эту тихую ночь их громкое, искреннее и раскатистое «ура».

Генерал Марков отпускает всех по своим помещениям в огромном здании института. В эту ночь пополнение в полк не скоро смогло зазвучать. <...>

ДОКЛАД ГЕНЕРАЛА МАРКОВА

Однажды было объявлено, что в городском театре выступит с докладом генерал Марков. Не было ни одного человека, кто бы не хотел попасть на него. Ввиду ограниченности количества мест в театре, в котором партер предназначался для городской публики, а балкон – для чинов Офицерского полка, от последнего получили разрешение быть на докладе, главным образом, «молодые марковцы». К назначенному часу театр был буквально набит народом, не было ни одного свободного места даже в проходах.

Когда стал тухнуть в зале свет, водворилась тишина. На сцену вышел полковник, который в часовом докладе обрисовал путь Добровольческой армии в Кубанском походе, ее бои, ее жертвы; рассказал о цели, смысле и значении похода; напомнил о страхе русских людей перед большевизмом, не поддержавших слабые силы армии и теперь убедившихся, что их страх был напрасен: маленькая армия, как «светоч во тьме», потеряв своего вождя и сотни людей, не только сохранила себя, но и честь Национального флага. Настало время без всяких колебаний встать в ряды армии для одних и поддерживать ее всеми силами – для других, пока еще не поздно.

Зажглось электричество. Следующий докладчик – генерал Марков. Никто из присутствующих в зале не сдвинулся с места.

Едва стал тухнуть свет, как водворилась полная тишина и взоры всех направились на сцену. Но... снова зал осветился полным светом. Гул досады пронесся среди присутствующих, мгновенно смолкший: на сцену быстрым шагом вышел генерал Марков в своей белой папаше, в походной форме, с блестящим белым крестиком Святого Георгия на груди.

Громовые аплодисменты продолжались долгое время. Напрасно генерал Марков раскланивался, махал папашой, садился на стол, вскакивал, разводил руками... Наконец зал стих и замер. При полном освещении театра, сказав: «Я привык видеть своих слушателей», – он начал доклад.

– «Помню, как сейчас, огромное поле, на котором двигались и выстраивались колонны войск», – громким и четким голосом начал генерал Марков. – «Над колоннами развевалось море красных флагов. И за ними... за ними не было видно старых, овеванных славой побед священных знамен. Войска готовились к встрече военного министра из адвокатов».

– «Раздались команды. Войска замерли и взяли «на караул». Заиграли оркестры. Стоя на автомобиле, Военный Министр объезжал войска, здороваясь с ними и выслушивая их громогласное «ура».

Красочными мазками рисовал генерал Марков картину парада, затем речь министра к войскам, призывающего их «во славу революции и Родины» выполнить долг «самой свободной армии» и «самого свободного солдата в мире» в предстоящем наступлении; затем как войска отвечали министру своим «ура». Рисовал он и самого министра, торжествующего и уверенного, что он владеет мыслями, душами и сердцами солдат революционной армии.

– «Рядом с министром стоял старый генерал – Командующий. Генерал был мрачен. На него не производили впечатления эти восторженные крики войск, он знал и чувствовал в них неискренность. Старый генерал знал солдата, его психологию, и знал, что такие красивые слова министра не побудят его к наступлению».

Далее генерал Марков коротко, но картинно, рассказал как наступление Керенского на 3-й день обернулось не только поражением, но и разгромом. Армия быстро развалилась, а с нею развалилась и Россия, и власть подхватили большевики.

К счастью для Родины, у нее нашлись Вожди и воины, которые поставили себе задачей создание в нелегких условиях армии для борьбы за восстановление и освобождение России: генералы Алексеев, Корнилов, Деникин... офицеры, юные добровольцы...

Описывая Кубанский поход, генерал Марков говорил о беззаветном самопожертвовании и храбрости рядовых чинов армии в десятках сражений. Он говорил о победах, одержанных молодежью в исключительно тяжелых условиях похода и о главной победе: армия не погибла, она показала всем – бороться можно, должно и... успех борьбы неизбежен.

Закончил свой более чем часовой доклад генерал Марков следующими приблизительно словами:

«Многие погибли уже в борьбе; в дальнейшем погибнем, может быть, и мы. Но настанет время, и оно уже близко, когда над Россией, Великой и Единой, снова взвьется наше Национальное трехцветное знамя. И этому не помешает присутствие по соседству армии в характерном головном уборе (германский шлем)».

Генерал Марков надел свою папаху и поклонился публике. Неистовое «ура», крики «Марков!». Они продолжались бы без конца, если бы на сцену не вышел офицер с букетом цветов. Мгновенно все стихло. Офицер подносил цветы от дам, но генерал Марков не дал ему договорить, громко сказав:

– В госпиталь раненым! Я не певица!

Новый взрыв аплодисментов, крики – «просим!», «ура!». Офицер снова попытался подойти с букетом к генералу и на этот раз услышал от него властное:

– Немедленно под арест!

Смущенный, тот сошел со сцены с дамским букетом.

«Марковцы», выйдя из театра, не сразу отправились в институт, они хотели еще раз увидеть своего кумира.

– Будем качать генерала Маркова, – решили они. Но походники, знавшие генерала, заявили:

– И не думайте! А то он начнет браниться.

Пришлось оставить свою мысль.

Доклад произвел на всех потрясающее впечатление. То, что у многих таилось в подсознании, в инстинктивной любви к Родине, теперь стало совершенно ясно осознано и прочувствовано, оставалось подкрепить это своею волею на деле, в боях. И на это решились все.

«Истинный сын народа Русского отдает Родине самое дорогое, что он имеет – свою жизнь!» – слова генерала Корнилова, которые напомнил генерал Марков.

В дальнейшее время среди новых «марковцев» только и говорили о генерале Маркове, о походе и о том, что они должны быть достойны тех, в ряды которых влились. Примеров для подражания было много, и данных генералом Марковым, и данных участниками похода. Оставалось собрать каждому свои силы, победив в себе все слабости.

На одну особенность доклада обратили «марковцы» внимание: генерал Марков в своем докладе ни разу, ни словом не высказался о себе, будто он лишь наблюдал в боях, а не командовал и не участвовал в них. Такая скромность в отношении себя поразила всех и... принята была всеми за правило для себя. «Забыв себя – служить России», «Скромность и доблесть».

В последний вечер своего пребывания в Новочеркасске генерал Марков посетил скромную вечеринку в институте, организованную 4-й ротой. Он разговаривал с начальницей института, в то время, как добровольческая молодежь танцевала с милыми хозяйками дома, приютившего полк, юными институтками в белых пелеринках, скромными в своей институтской форме, скромными в поведении и исключительно обаятельными.

Генерал Марков ушел с вечера далеко до его окончания, несмотря на уговоры остаться и офицеров, и институток. Он должен был сделать нужные приготовления к отъезду на фронт на следующий день. Он поблагодарил начальницу за прием его полка в здании института, а обступившим его он обещал привести своего 5-6-летнего сына. Через некоторое время он вошел в зал со своим сыном, которого сразу же окружили милые хозяйки.

Еще раз попрощавшись со всеми и, сказав офицерам: «До скорой встречи на фронте», он уехал.

Никто тогда не почувствовал, что в этот вечер они видели своего Генерала в живых в последний раз. <...>

ВТОРОЙ ПОХОД НА КУБАНЬ НАЧАЛО ПОХОДА

Когда генерал Марков вернулся из отпуска, в частях его дивизии решили: на днях пойдем в дело! Обсуждался вопрос, в каком направлении? Высказывались две мысли: на Сосыку и на Торговую – обе наперез железным дорогам. Однако, для всех было безразлично куда. Подсчитывались силы Добровольческой армии: 5 пехотных полков, инженерные роты, пластунские батальоны, не менее 6 конных полков. Насчитывалось что-то не более 10000 штыков и сабель (согласно сведениям генерала Деникина, до 9000 штыков и сабель, 21 орудие, 2 броневедомости). О силах противника не имелось представления, кроме уверенности во много раз превышающей его численности. Но это вовсе не играло никакой роли в настроении добровольцев: была вера в себя и вера в Вождей.

Проходили дни без каких либо явных признаков скорого похода. Но вот, 7-го (20) июня с переднего фаса фронта пришли в Егорлыцкую два батальона Кубанского стрелкового полка и взвод батарее; как будто, началось сосредоточение частей. А 8-го (21) июня – реальный признак к выступлению: по станице прошел станичный трубач и объявил казакам распоряжение о приготовлении каждым двором по полпуда сухарей и приведении в порядок стоведерных бочек на колесах.

Однако почему же не возвращается 1-й Офицерский полк? Генерал Марков ничего не говорит, а спрашивать его рискованно.

Наконец, 9 (22) июня в частях дивизии объявлено: приготовиться к походу, к вечеру все должно быть готово.

С наступлением ночи на северо-восточной окраине станицы выстроились:

1. Кубанский стрелковый полк.
2. Инженерная рота.
3. 1-я батарея (2 орудия).
4. Отдельная конная сотня.

«И это вся дивизия?» – задавали недоуменный вопрос, но оказалось, что ей приданы еще и

5. Донской пеший полк с 1 орудием и
6. Небольшого состава Донской конный полк.

Подъехал генерал Марков. Он здоровался с каждой сотней отдельно, приветствуя с походом и предупреждая экономить воду.

– Кубанцам поменьше есть сала, – шутил он.

– Свое все вышло, а у гостропузых (так кубанцы называли донцев) нет в заведении солить. Пора идти нам на Кубань за новыми запасами, – весело отвечали кубанцы.

Возразил на это казак-донец, бывший при генерале Маркове для связи:

– Никак нет, Ваше Превосходительство! Куркули (так донцы называли кубанцев) брешут, что сало поели, они его поизрасходовали на пятаки, когда утекали с Кубани.

Все смеялись. Поход начался очень весело. Хорошо и легко было идти свежей ночью.

10 (23) июня. Рассветало. Колонна с небольшими остановками продолжает идти. Солнце быстро подымалось и начинало припекать и, главное, прямо в лицо. Начиная мучить жажда, и у людей быстро стали опоражняться фляги. Большой привал. Раздача воды из бочек – по ведру на лошадь и на взвод людей. Генерал Марков присутствует при раздаче воды. Люди жуют сухари и запивают водой. Лошади «просят» добавки воды, и генерал Марков отпускает им его.

Снова в пути... Кругом голая степь и нестерпимый зной. Люди, кони уже не идут, а еле плетутся. Ведут колонну конные калмыки-проводники. Кто-то спросил одного из них:

– Сколько верст осталось до зимовника?

– Не знаю. Никогда не ходил, а на лошадях часа через два дойдем, – ответил тот.

И, действительно, вскоре на горизонте показались признаки растительности. Заметили это и кони и пошли быстрее. Последние версты две они даже подымались перейти в рысь. Пройдя около 30 верст, колонна остановилась в большом богатом зимовнике. Был объявлен привал до ночи. В течение семи часов люди и лошади просидели в воде большого пруда к великой досаде дежурного батальона. С наступлением ночи колонна снова двинулась в путь.

11 (24) июня. К рассвету она вошла в большой зимовник (Королькова). Зимовник пуст: ни людей, ни скота. Здесь уже хозяйничали большевики. В огромный колодезь, снабжавший зимовник водой, ими сброшена дохлая лошадь. После небольшого отдыха колонна перешла в другой небольшой зимовник, совершенно разрушенный. Уже все знали, что дивизия подходит к железной дороге Тихорецкая – Царицын и, следовательно, скоро бой. Колонна здесь простояла до ночи. Генерала Маркова не было видно. Узнали, что он с кошной сотней и батареей выехал на разведку в направлении на станции Шаблиевка.

Маленький отряд, не доехав до станции Шаблиевка верст 8-10, остановился. С возвышенного места генерал Марков отлично видел станцию, хутор Попова в 2-х верстах перед ней, в пологой балке с речкой. Противника не видно. Картина мирная. Но показался поезд, идущий к станции с юга. «Обстрелять его!» – приказал генерал Марков батарее. Снаряды ложились на большом недолете. От выстрелов картина быстро изменилась: на окраинах хутора и станции появились цепи красных. Разъезд, посланный влево, донес о красной кавалерии. Генерал Марков повел отряд влево в северном направлении. Колонна

кавалерии, силою в полк, шла на пересечение пути отряда. До нее было верст пять. «Рассеять ее!» – отдается приказание батарее. Беглым и удачно направленным огнем колонна была рассеяна и ускакала в направлении станции. Отряд продолжал движение к реке Маныч. Вскоре подскочил разъезд от донцев и доложил генералу Маркову о переходе красных на южный берег реки Маныч. Отряд направляется в указанном разъездом направлении и опять артиллерийским огнем принуждает красных, очевидно, их разведывательные части, быстро удалиться за реку.

Генерал Марков доволен: стало известно расположение сил противника и возможные его действия, но главное то, что противник узнал о готовящемся на него наступлении с участием артиллерии, а это, возможно, побудит его усилить оборону станции подводом к ней сил с других участков и, в частности, от станции Торговая.

Вся эта разведка, оказавшаяся столь сложной, протекала быстро, к вечеру генерал Марков уже был в своей дивизии и отдал приказание о расположении частей на ночь и об охране. Инженерная рота, конные части – в зимовнике. Кубанский стрелковый полк и батарея – на северной его окраине, окружив себя подводами наподобие дровнего вагенбурга, выставив на позиции пулеметы и орудия. Донской пеший и конные полки в отделе – в сторону реки Маныч.

Генерал Марков объехал части. «Инженерам» он сказал: «Ночь отдыхать будем здесь. Сегодня нет желания драться с красной сволочью. А завтра дадим бой, что небу будет жарко. Спите спокойно!».

В наступившей ночи генерал Марков собрал всех начальников частей в расположении батареи у ее костра, позволив чинам батареи присутствовать при его совещании.

Прежде всего, он осветил обстановку на фронте всей армии и данную ей задачу. Армия должна атаковать противника в районах станций Торговая (2-я и 3-я пехотная и конная дивизии) и Шаблевка (1-я дивизия). Завтра, 12-го (25), начнется наступление. Его дивизия, выступив с места стоянки задолго до рассвета, будет наступать следующим образом: Кубанский стрелковый полк – прямо на Шаблевку. Ему придется выбить противника из хутора Попова, сбить его с позиций на другом берегу речки, а затем атаковать и взять станцию, причем нельзя допустить, чтобы противник взорвал мост. Батарея задача – всемерная поддержка пехоты. Донской пеший и конный полки будут прикрывать наступление с севера. Инженерная рота – в резерве. Задачи конной сотне будут даваться в ходе боя.

Генерал Марков закончил с присушим ему весельем словами:

– Кажется все, как положено по полевому уставу. Да?! Заместители: Полковник Третьяков, Туненберг и ты – Миончинский. – Затем, обратившись к артиллеристам, сказал им:

– А вам всем, господа, могу сказать вот что: на пехоту ляжет штурм станции, а вам придется принять на себя весь огонь артиллерии и бронепоездов в открытом поле. Будут потери, но учить мне вас нечему!

Отпустив начальников, генерал Марков завернулся в бурку и ушел тут же у батарейного костра.

БОЙ У СТАНЦИИ ШАБЛИЕВСКАЯ

12 (25) июня. Дивизия была поднята задолго до рассвета и в темноте двинулась, имея впереди дозорные цепочки Кубанского стрелкового полка. Когда раздалась первые выстрелы сторожевого охранения красных, полк, не останавливаясь, развернулся в боевой порядок.

Светало. Впереди показался хутор, и вскоре оттуда по наступающим затрещали пулеметы и массовый ружейный огонь. Затем открыла огонь и батарея противника, стоявшая у станции. Стрелки вынуждены продвигаться перебежками по открытой и ровной местности. Атака неизбежно сулит большие потери. Генерал Марков это видит и приказывает командиру конной сотни, есаулу Растегаеву, указывая на низину вправо, обскákat по ней хутор с юго-востока и атаковать его. Сотня, проделав предварительный маневр по низине, с расстояния чуть ли ни с версту кинулась в атаку на хутор. Она налетела на левый фланг расположения красных. Снаряды красных рвались сзади нее. Огонь пехоты с противоположного берега речки почти не нанес ей потерь, когда она с гиком ворвалась в южный край хутора, захватив сразу же два пулемета и до 150 пленных. Углубиться в хутор сотня не смогла, но ее удар заставил красных оставить позиции перед хутором.

Генерал Марков, увидев это, вместе с группой бывших с ним конных, помчался к хутору. Орудие штабс-капитана Шперлинга с батарейным пулеметом скачет за генералом Марковым, обогнав цепь стрелков. Вскочив в хутор, группа конных с генералом Марковым была встречена огнем. Двое свалились с лошадей. Пулемет и орудие открыли огонь по сараям, в которых задержались красные. Помогла и артиллерия противника, снаряды которой ложились как раз по расположению красных. Через короткое время подбежали цепи стрелков. Хутор занят. Стрелки бегут вперед, на плечах убегающих красных переходят мост через речку и продолжают наступление на станцию.

За это время 1-я батарея обстреляла идущий из Торговой эшелон, подбила его паровоз и засыпала снарядами красных, выскочивших из эшелона и бегущих на станцию. Она заставила замолчать красную батарею и сняться с позиции. Но обстрел хутора артиллерийским огнем продолжался – стрелял красный бронепоезд.

Генерал Марков вышел из хутора, чтобы видеть переправу стрелков через речку. Он отдавал распоряжения кубанцам и батарее. Близ-

ко рвались снаряды. Есаул Растегаев, бывший в это время с ним, едва уговорил генерала Маркова уйти в хутор, но и там, едва он отошел от одного здания, как на месте, где он был, разорвался снаряд.

– Знатно, но поздно! – бросил генерал Марков.

Генерал Марков должен видеть все поле боя, должен видеть противника, его бронепоезд и красных, оставляющих свой подбитый эшелон, о чем ему только что доложили. Он взбирается на крышу одного сарая, где батарея устраивает свой наблюдательный пункт. Но быстро спускается: приехал разъезд от 3-й пехотной дивизии. Выслушав доклад о положении у станции Торговая, он приказывает передать туда, что его дивизия сбила красных с выдвинутой их позиции и переходит к атаке станции Шаблиевка, и сам спешит опять на окраину хутора. Рвутся снаряды красных. Стреляет их бронепоезд, стоявший у самого моста. Есаул Растегаев снова просит Маркова уйти с явно наблюдаемого противником места, но, получив задачу для конной сотни, отходит от него.

Было около 6 часов утра. Артиллерийский бой в полном разгаре. В 1-й батарее уже выбыло из строя 9 человек и 7 лошадей. Кубанские стрелки атакуют станцию, и вдруг...

«Один из вражеских снарядов упал с левой стороны, шагах в трех от генерала Маркова. Раздался взрыв и генерал Марков, как подкошенный, свалился на землю. Рядом – его белая папаха».

«Наблюдая за ним, я и находящийся рядом со мной прапорщик Петропавловский бросились вперед и подбежали к генералу Маркову. В первое мгновение мы думали, что он убит, так как левая часть головы, шея и плечо были разбиты и сильно кровоточили, он тяжело дышал. Мы немедленно подхватили раненого и хотели унести его назад, за сарай, как раздался новый взрыв с правой стороны. Мы невольно упали, прикрыв собой генерала. Когда пролетели осколки, мы отряхнулись от засыпавшей нас земли, снова подняли его и перенесли в укрытие», – из записи кубанского стрелка, поручика Яковлева, бывшего со взводом в прикрытии батареи.

Больше бронепоезд красных уже не стрелял по хутору, он уходил на север.

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА

Раненого перенесли в дом. Доктор ужаснулся при виде ранения: осколочное ранение в левую часть затылка, и вырвана большая часть левого плеча.

– Положение безнадежно, – сказал он.

Стоявшие тут перекрестились. Генерал Марков тяжело дышал. Спустя часа два он пришел в сознание.

– Как мост? – спросил он.

Командир Кубанского стрелкового полка поднес к лицу Генерала его икону, которую всегда возил его ординарец. Генерал Марков поцеловал икону и сказал отрывисто:

– Умираю за вас... как вы за меня... Благословляю вас... – дальше нельзя было разобрать, что говорил он.

Через несколько минут его не стало...

А в это время кубанцы ворвались на станцию и отбросили красных на север за реку. Железнодорожный мост оказался неповрежденным. Дивизия под командой генерала Маркова выполнила задачу, но тяжелой ценой!

12 (25) июня 1918 г. у станции Шаблиевской был смертельно ранен и скоро скончался генерал Марков.

Все потрясены этой смертью. Текут неудержимые слезы у «инженеров», «батарейцев», всхлипывают кубанцы прикрытия у батареи, полюбившие до самозабвения генерала с первого момента, как только встали под его команду.

Полковник Третьяков, заместивший генерала Маркова, едва смог собрать в себе силы, чтобы руководить еще не закончившимся боем. По его приказанию батарея должна быстро ехать к станции, для непосредственной поддержки кубанцев. С трудом снялась она...

Весть о смерти генерала Маркова дошла до одержавшего большой успех Кубанского полка и быстро распространилась по его цепи. Стрелки сбились в кучки, потеряли свой порыв. Беспокойство было на лицах их. Перейди противник в контрнаступление, не удержались бы они. Где генерал Марков – там победа! Нет теперь его...

У тела погибшего стояли почетные часовые от Кубанского стрелкового полка и Инженерной роты. На нем лежал флажок: черный, с белым Андреевским крестом, флажок первого командира Офицерского полка.

При тусклом мерцании света лампы и свечей тихими шагами входили и выходили из комнаты, где лежал Вождь, соратники, творя молитвы о вечном упокоении души усопшего.

А за стенами дома – бойцы в тяжелых думах. Вяло, с глубокими вздохами, они перебрасываются фразами все о нем, о своих душевных переживаниях, о своих тревогах...

Нет уже ни Корнилова, ни Маркова...

Почему в этой кровавой борьбе, когда так нужны люди сильные, авторитетные, люди ума и воли, люди, подающие пример любви к Родине – злой рок вырывает их из рядов Армии?

«Сердце упало... Уныния не было, не было и отчаяния: была какая-то пустота. Отомстить, отомстить! Ко многим счетам прибавился еще один – огромный. Не такой смерти заслуживал генерал Марков».

«Нам продлена еще жизнь для того, чтобы мы продолжали выполнять свой Долг перед Родиной и выполнять его так, как показал нам генерал Марков и те, кто погиб в бою...»

На следующий день, 13 (26) июня, гроб с телом генерала Маркова был перенесен на станцию Шаблиевка, погружен в вагон и отправлен на станцию Торговая, накануне взятую армией. В последний раз отдали ему честь стрелки, «батарейцы» и «инженеры»... Дрожали винтовки в их руках, слезы лились из глаз. Почетный караул от Инженерной роты сопровождал гроб.

«К 19 часам 13 (26) июня на улице, ведущей от станции Торговой в центр села Воронцовского, выстроились войска. Уже в сумерках с вокзала двинулась печальная процессия. Над гробом генерала Маркова плавно колыхался его черный с крестом флаг.

В церкви села отпевали и прощались с дорогим для всех генералом Марковым.

Главный священник армии в своем последнем слове призывал нас дать клятву выполнить долг до конца. И клятва эта была мысленно дана.

«В этот момент каждый из нас ярче, чем когда-либо, чувствовал правоту творимого армией дела и уходил от гроба генерала Маркова с полной уверенностью, что дело армии будет завершено» – так писал в газете «Свободный казак» кубанец.

Можно ли описать те переживания, которые перенес генерал Деникин, узнав о смерти генерала Маркова и прощаясь с ним? Какое должно было быть самообладание у человека и Вождя маленькой армии, начавшей свой новый поход и понесшей в первый же день невознаградимую потерю, чтобы не потерять сердце, не предаться унынию?

«После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей, и отдался своему горю. Уходят, уходят один за другим, а путь еще такой длинный, такой тяжелый...»

В этот день, 13 (26) июня, генерал Деникин отдал следующий приказ по армии:

§ 1.

«Русская армия понесла тяжелую утрату: 12 (25) июня при взятии станции Шаблиевки пал смертельно раненый генерал С.Л. Марков.

Рыцарь, герой, патриот с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам.

Железные стрелки чтут подвиги его под Творильней, Журавинным, Борьней, Перемышлем, Луцком, Чарторыйском... Добровольческая армия никогда не забудет любимого генерала, водившего в бой ее части в Ледяном походе, под Екатеринодаром, у Медведовской...

В непрерывных боях в двух кампаниях вражеская пуля щадила его. Слепой судьбе угодно было, чтобы великий русский патриот пал от братоубийственной русской руки.

Вечная память со славою павшему!

§ 2.

Для увековечения памяти первого Командира 1-го Офицерского полка части этой впредь именоваться – 1-й ОФИЦЕРСКИЙ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА ПОЛК».

Ночью гроб с телом генерала Маркова был отправлен для погребения в город Новочеркасск, куда и прибыл 14 (27) июня.

Весть о смерти генерала Маркова стоявший в Новочеркасске 1-й Офицерский полк получил утром 13 (26) июня. Она потрясла всех. Была отслужена первая панихида...

Всего лишь несколько дней назад генерал Марков был здесь, был в центре всех разговоров, вызывал желание и надежды всех, и главным образом, «молодых», идти в бой под его руководством, быть достойными его подчиненными, уметь бороться «по-марковски».

Теперь – печаль молчаливая, глубокая...

Вечером полк построился снова. Командир полка, полковник Тимановский, прочел приказ генерала Деникина и затем сказал: отныне каждый чин полка носит имя первого его командира; не будет с нами генерала Маркова, но он будет жить в сердцах всех нас и незримо вести нас, руководить нами; мы увековечим его память своей жертвенной любовью к Родине, непоколебимым духом, своими делами, пример которых он пока зал нам; мы в рядах полка его имени будем выполнять свой долг с полной верой, что Россия снова будет Великой, Единой и Неделимой. И в конце своего слова добавил: чтобы укрепить нашу духовную связь с Шефом, устанавливается день полкового праздника в день его Ангела – 25 сентября (8 октября), день, посвященный Святому Сергию Радонежскому.

Стало как-то легче на душе у добровольцев.

Утром 14 (27) июня гроб с телом генерала Маркова и несколько других гробов с убитыми были привезены в Новочеркасск и поставлены в Войсковом Соборе, а затем он был перенесен в домовую церковь при Епархиальном училище.

Все в городе узнали об этом и пошли поклониться телу убитого всем известного генерала.

«Я немедленно, чуть не бегом отправился в собор», – записал полковник Биркин. – «Подхожу к клиросу и вижу несколько гробов, стоящих на левом крыле. Вхожу на клирос и сразу остановился у первого гроба, так как через стекло, вделанное в крышке, увидел лицо своего удивительного командира полка.

Не помню уже, как долго я стоял над гробом.

Мыслей не было, а я не мог оторвать свой взор от лица того, кого больше всех других уважал и более всех других боялся.

И положив земной поклон великому воину и еще раз взглянув на того, который ничего не боялся, я поплелся домой.

Если бы все генералы были такие, как он, – думал я...

После смерти двух великих людей – генерала Корнилова и генерала Маркова – остался в живых только один, третий – генерал Деникин, заместитель последних и равный им. Что ожидает его?»

В церкви Епархиального училища у гроба генерала Маркова стали почетные часовые его полка. Целый день к церкви тянулся народ, несли венки. Приходили марковцы. Церковь всегда была полна.

Вот наполнившие церковь молящиеся стали тесниться: вошел генерал Алексеев. Он стал у гроба, молился, всматривался в лицо погибшего, и из глаз его текли слезы. И невольные слезы текли у всех. Старый Вождь попрощался с верным сыном Родины. Отвесив земной поклон, он вышел из церкви.

ПОХОРОНЫ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА

15 (28) июня. Гроб с останками Великого Русского Патриота перенесен в Войсковой Собор для последнего отпевания. Вокруг гроба много венков; лежит ряд черных подушечек с орденами. В центре их – подушка с орденом Святого Георгия 4-й степени. Орден как был накрепко пришит к гимнастерке генерала Маркова, так и остался пришитым к куску этой гимнастерки, вырезанному из нее и теперь приколотому к подушке.

В Соборе – генерал Алексеев, Донской Атаман, высшие чины Добровольческой и Донской армий. Семья генерала Маркова: мать, жена, дети... Собор полон. На площади перед ним выстроился 1-й Офицерский генерала Маркова полк.

Отпевание окончено. Последнее прощание, и гроб запечатан. К гробу подошел наряд офицеров от 7-й Офицерской роты и взял орден и венки. Процессия стала выходить из храма.

Впереди несли венок от Командующего Добровольческой армии генерала Деникина и его начальника штаба генерала Романовского с надписью на ленте:

«И жизнь, и смерть за счастье Родины».

За венком – офицеры с орденами покойного. Впереди с Орденом Святого Георгия офицер, фельдфебель 7-й роты, Георгиевский кавалер.

Гроб из Собора вынесли высшие чины и поставили на лафет орудия.

Полк взял «на караул». Оркестр заиграл «Коль славен».

Процессия вытянулась по Платовскому проспекту, направившись на кладбище за городом под звуки похоронных маршей. Полк шел за гробом.

Военное кладбище. Длинная аллея, вправо и влево от которой ряды свежих могил. Вот и вырытая могила. Последняя лития и... гроб опущен.

Несколько залпов полка генерала Маркова.

Семья покойного, генерал Алексеев и все со слезами на глазах смотрят на опущенный в землю гроб...

Но вот как-то тяжело генерал Алексеев поворачивается лицом к присутствующим и не сразу начал говорить свое последнее надгробное слово. Он говорил о Христолюбивом Воине Сергии, положившим «жизнь свою за други своя»; говорил о верном сыне Отечества, для которого жизнь была не дорога, «жила бы только Россия во славе и благоденствии»; говорил он о примере для всех, который дал воин Сергей... Хриплым, сдавленным, прерывающимся голосом говорил генерал Алексеев. Но вот он смотрит на семью покойного и, наконец, повысив с усилием свой голос, обращается к присутствующим:

– Поклонимся же мы земно матушке убиенного, вскормившей и вспоившей верного сына Родины, – и, упав на колени, отвесил ей земной поклон, а за ним – все присутствующие.

– Поклонимся мы и его жене, разделявшей с ним жизнь и благословившей его на служение Родине, – и снова земной поклон.

– Поклонимся мы и его детям, потерявшим любимого отца. – И, повернувшись к могиле, генерал Алексеев бросил первую лопату земли на гроб. Застучала земля по гробу и закрыла его. Новая могила со скромным деревянным крестом, как и на всех других могилах, появилась на Новочеркасском кладбище. На кресте не было надписи, но висел лишь терновый венец.

Все стали расходиться. 1-й Офицерский генерала Маркова полк большой колонной в 1500 штыков вернулся в свое расположение. Для него наступил новый период жизни и боевой службы: без Маркова, но по-марковски; для каждого – по правилу «жизнь и смерть за счастье Родины». Жизнь – всю жизнь, все годы жизни... Смерть – всегда, всю жизнь, быть готовым принять ее...

«За счастье Родины!»

На черных марковских погонах отныне уже был вензель генерала Маркова: «М», и вензель «Г.М.» для 1-й роты полка – «роты генерала Маркова».

ОЧЕРК ОБ УЧАСТИИ 1-го ОФИЦЕРСКОГО ГЕНЕРАЛА МАРКОВА ПОЛКА ВО ВТОРОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ

**КРАТКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК К НАЧАЛУ
2-го КУБАНСКОГО ПОХОДА, ТО ЕСТЬ К ИЮЛЮ 1918 г.**

Обескровленная, измученная физически беспримерным даже в мировой истории 1-м Кубанским походом, но сохранившая веру в своих Вождей и в прекрасную идею восстановления поруганной Родины, Добровольческая армия находит спасение и заслуженный ею отдых в южных пределах Донской области.

30 апреля (13 мая) 1918 г. Добровольческая армия сосредоточилась в станице Егорлыцкой, насчитывая в своих рядах не свыше 2000 штыков и сабель при нескольких орудиях во всех своих частях. В этом районе Добровольческая армия остается в течение мая — июня месяцев, совершая отсюда изредка налеты в известных направлениях для достижения выгодного походного положения или просто расширения зоны, занимаемой Добровольческой армией, в целях собственной безопасности и удобства.

Для того, чтобы лучше осознать значение и положение Добровольческой армии к июлю 1918 г., нам необходимо вернуться несколько назад, бросив беглый взгляд на события, имевшие место в России и вне ее в период времени от свержения большевиками Временного правительства, т.е. 25 октября (7 ноября) 1917 г., до фактического перехода всей Добровольческой армии во второе наступление на Кубань, т.е. начала июля 1918 г.

С захватом власти большевиками развал старой русской армии дошел до своего апогея. Не только большевикам, но и всем стало ясно, что войну надо кончать как можно скорее. 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) в Бресте-Литовске начались мирные переговоры между Советской Россией, с одной стороны, и Четверным союзом, с другой. На этом позорнице главными действующими лицами были:

Со стороны Германии: 1) статс-секретарь фон Кюльман и 2) начальник штаба Восточного фронта генерал Гофман.

Со стороны России – Л. Троцкий, Иоффе и госпожа Биценко.

Со стороны Австро-Венгрии – министр иностранных дел граф Чернин.

Со стороны Турции – Великий Визирь Талаам-бей.

Со стороны Болгарии – министр юстиции Попов.

Переговоры совершенно неожиданно затягиваются до февраля 1918 г., даже рвались два раза из-за неуступчивости немцев и большевиков. Между тем, Австрия находится также накануне революции, главным образом, из-за страшного продовольственного кризиса. Ее спасением является заключение мира 8 (21) февраля 1918 г. с Советской Украиной, приславшей в Брест-Литовск особую делегацию под председательством Раковского, несмотря на противодействие Троцкого. По этому миру Украина обязуется представить Германии и Австро-Венгрии громадное количество продовольствия и других продуктов. Вскоре (2 (15) марта) был заключен мир и с Советской Россией, обезображенной до неузнаваемости. Помимо Украины, от России была отрезана вся ее западная часть, образующая ряд самостоятельных «буферных» государств под протекторатом Германии. Но подписать мирное соглашение было легче, чем его выполнить. В это время вся Украина, как и вся остальная Россия, пылает заревом революционного пожара. Ясно, что для того, чтобы вывезти из нее столь необходимые немцам продукты, необходимо прежде всего водворить в этих житницах России хотя бы относительный порядок.

И мы видим, что в то время, как Добровольческая армия в марте и апреле 1918 г. держится в безбрежных кубанских степях, несколько Австро-германских корпусов, разбросанных на огромном фронте, стремительно и смело двигаются по железным дорогам Украины на восток, наводя ужас на большевиков, бегущих перед ними, и порядок в занятых местностях. Слово по мановению волшебной палочки возникает старый буржуазный порядок. Немедленно же начинается жесточайшее выкачивание и выколачивание продуктов из Украины (продовольствие, фураж, медь, каменный уголь).

К моменту сосредоточения Добровольческой армии в станице Егорлыцкой в Ростове-на-Дону находится уже штаб немецкого корпуса. Ростов взят немцами на третий день Пасхи – 24 апреля (7 мая) 1918 г. Очищение Украины от большевиков закончено. Почти одновременно с этим на Украине при явном попустительстве немцев происходит государственный переворот, и вместо социалистического правительства во главе Украины видим Гетмана всея Украины Павло Скоропадского. Примерно в это же время в Крыму укрепляется самостоятельное от Украины правительство, возглавляемое генералом Сулькевичем. Все разбойные и большевистские элементы, организаторы бесчисленных жесточайших «Еремеевских эчелей» на побережья Крыма, бежали заблаговременно на Кавказ, главным образом, в Ново-

российск, куда ушел из Крыма и красный Черноморский флот. Что же происходит в разбираемое нами время (март—июнь 1918 г.) на Кавказе, Дону, остальной территории России?

Кавказ представляет из себя какой-то кипящий котел человеческих страстей. Ряд многочисленных фантазмагорических республик, часто враждебных друг другу. Ряд выдающихся авантюристов (Автономов, Сорокин и другие), имеющих в своем распоряжении многочисленные вооруженные банды, грабящих все и вся и сохраняющих чисто номинальное подчинение центральной советской власти. Из республик Северного Кавказа главенствующее значение принадлежало, безусловно, Черноморско-Кубанской республике во главе с неистовым Полуяном, занимавшей территории бывших губерний Черноморской, Ставропольской и Кубанской областей. Города, особенно Екатеринодар, и казачье население стонут от кровавого советского террора. Значительных организованных противосоветских сил, кроме Добровольческой армии, нет. Но Кубанское и Терское казачество готово поддержать всякого, кто только выступит против большевиков. В апреле 1918 г. на Таманском полуострове вспыхивает восстание кубанских казаков во главе с полковником Комянским, свергающее в этом районе советскую власть. Не будучи в состоянии сопротивляться красным войскам, измученные казаки обращаются за помощью в Крым, к немцам, которые тотчас же перебрасывают два своих железных полка с артиллерией и прочно закрепляют за собой этот богатейший полуостров, становясь твердой ногой на территории Кавказа, угрожая Анапе и Новороссийску.

Находящийся в Новороссийске красный Черноморский флот получает ультиматум немцев немедленно вернуться в Крым. Унизительное требование поднимает на время в кровавых матросских душах нечто вроде патриотизма. Под влиянием адмирала Саблина, командовавшего тогда флотом, некогда наши главные корабли поднимают вместо красного исторический Андреевский флаг, готовясь оказать сопротивление немцам. Но новый немецкий ультиматум грозит уже Москве, и отсюда получается приказ адмиралу Саблину явиться в Москву, а флоту идти в Крым и сдаться на милость немцам. В мае 1918 г. в Новороссийске происходит величайшая трагедия. Половина флота во главе с дредноутом «Воля» («Император Александр III») уходит в Крым, а другая половина во главе с дредноутом «Советская Россия» («Императрица Екатерина II») в Новороссийской бухте топится революционными матросами... Ужасное зрелище. Потоплено около 15 судов, мачты которых еще долго будут свидетельствовать миру о результатах, к которым приводит братоубийственная гражданская война.

Этот факт имел колоссальное значение в дальнейшей истории Добровольческой армии. Очищение немцами Новороссийска от красно-

го флота значительно облегчило Добровольческой армии овладение в августе Новороссийском и вообще Черноморским побережьем. Половина же Черноморского флота, ушедшего в Крым при падении немцев, попала в руки Добровольческой армии, которая только благодаря этому сохранила за собой до конца гражданской войны господство на Черном море, что дало ей неисчислимые выгоды, вплоть до возможности благополучно эвакуировать армию из Крыма.

Распропагандированный большевиками Дон пал раньше других казачьих войск. Уже к началу февраля Дон был в руках советской власти, ознаменовавшей свою победу над казаками рядом тягчайших насилий, карательных экспедиций, расстрелов. Разочарованные в большевиках, обещавших им земной рай, казаки еще в конце марта (начале апреля) 1918 г. поднимают восстание в южной части Донской области, увенчавшееся, в конце концов, успехом после первоначальных неудач. Ряд станиц – Кагальницкая, Егорлыцкая, Мечетинская и другие – свергают ненавистное им советское иго, и в их районе в мае и июне находит заслуженный отдых Добровольческая армия, вернувшаяся из 1-го Кубанского похода. Восстание быстро разрастается благодаря исключительно благоприятным условиям: во-первых, благодаря очищению от большевиков австро-немецкими войсками всей Украины (уже 24 апреля (7 мая) 1918 г. немцы занимают Ростов, где и останавливаются, отвлекая на себя значительные силы красных со стороны Кубани). Только благодаря этому Добровольческая армия могла получить в мае и июне возможность отдыха и пополнения своего состава добровольцами с Украины и Крыма. Во-вторых, благодаря прибытию на Дон офицерского Отряда полковника Дроздовского в составе войск всех родов оружия, всего около 1500 испытанных бойцов.

Этот отряд выступил из Ясс 26 февраля (11 марта) 1918 г. и с боем прошел всю Украину, двигаясь в нескольких переходах впереди немцев. В Страстную Субботу, 21 апреля (4 мая), неудачно штурмовал Ростов и принужден был отойти в Чалтырь, а 26 апреля (9 мая) помог совершенно неожиданно восставшим донцам, под командой Генерального штаба полковника Денисова штурмовавших Новочеркасск, овладеть последним и закрепить его за собой. В Новочеркасске собирается «Круг Спасения Дона», избирающий Донским Атаманом известного генерала Краснова, начинающего при помощи немцев блестящий период истории Дона в гражданской войне. Со стремительной быстротой очищается от красных территория Дона. В июне месяце донские части ведут бои уже на северо-восточных границах области, а местами и переходят их. Всевеликое Войско Донское принимает, как Украина и Крым, определенную германофильскую окраску, получая от немцев с Украины вооружение и снаряжение. Часть огнестрельных припасов передает тайно от немцев Добровольческой армии, имеющей в них крайнюю нужду.

Зимой 1917–1918 гг. и весной 1918 г. на остальной территории России царит полная анархия и хаос, всюду свирепствует власть на местах. Центральная советская власть – призрак власти, стремящейся еще только стать властью. Наиболее умный, практичный и энергичный из всех народных комиссаров Л. Троцкий понимает, что для удержания власти необходима прежде всего послушная вооруженная сила.

Конец 1917 и начало 1918 г. знаменательны тем, что многие известные русские генералы (к великому стыду нашему, большей частью – Генерального штаба) – Парский, Гутор, Клембовский, Балтийский, Лебедев и другие – предлагают свои услуги по созданию регулярной Красной армии и водворению хотя бы относительного порядка на территории государства. Их услуги милостиво принимаются. 15 (28) января 1918 г. публикуется Декрет о формировании Красной армии. В начале 1918 г. по губернским городам европейской России разъезжают под руководством Подвойского карательные латышские экспедиции, насаждающие по приказу Троцкого военные инспекции (управления военных округов) во главе с бывшими в изгнании царскими генералами. Последние принимаются энергично за создание Красной армии. Производится регистрация и призывы бывших офицеров, которых принуждают служить или деньгами, или угрозами. Производится мобилизация не служившей еще свежей бодрой молодежи. Всем руководит Высший Военный Совет под наблюдением наркома военных дел Л. Троцкого. Необычайная энергия, проявленная последним, приводит к тому, что уже к июню 1918 г. Красная армия насчитывала в своих рядах до 100 тысяч бойцов, помимо 25 тысяч войск внутренней охраны (матросов и латышей) и 150–200 тысяч бойцов различных красногвардейских импровизированных отрядов. Этот факт, между прочим, имел громадное значение на всю дальнейшую историю гражданской войны.

15 (28) июня происходит в Пензе выступление чехословаков, перебрасываемых через Сибирь на Французский фронт. Некоторое время спустя, они в контакте с эсерами создают так называемый Волжский фронт. И только что сформированная молодая регулярная Красная армия бросается советами сюда, и не только не дает развиваться «белому наступлению на Москву», но и отбрасывает чехословаков и «Народную армию» за Волгу. Таким образом, положение на территории России к началу июля 1918 г., т.е. фактическому началу 2-го Кубанского похода, было следующим.

Центральная Россия с ее слабой центральной советской властью окружена с трех сторон враждебными ей силами: на западе Латвия, Эстония, Литва, Белоруссия и на юго-западе и юге Украина оккупированы австро-германскими войсками, готовыми двинуться вперед и раздавить большевиков, как только это будет им выгодно.

На юго-востоке несколько десятков тысяч донцев успешно продвигаются на север и восток (при помощи немцев вооружением и снаряжением), очищая от красных свои пределы. На востоке новый враг, чехословаки, и народная эсеровская армия отвлекает на себя значительные красные силы.

Кавказ почти лишен связи с центральной властью, но обладает значительными красными силами в несколько десятков тысяч бойцов. Наиболее опасная из них – армия Сорокина, свыше 30 тысяч бойцов, среди которых масса матросов. В южных пределах Донской области – значительно пополненная и отдохнувшая Добровольческая армия. Из опубликованной Декларации генерала Деникина видно, что армия не преследует никаких реакционных целей. Со всех концов Украины и Крыма в армию хлынули сотни идейных офицеров, честной, доблестной, интеллигентной молодежи, рвущейся в бой за освобождение Родины от красного ига. Немалое значение имело и присоединение к Добровольческой армии отряда полковника Дроздовского. Добровольческая армия насчитывает в это время в своих рядах до 8 тысяч бойцов, проникнутых верою в своих вождей, дисциплинированная, состоящая более чем наполовину из офицеров. Сила, хотя и небольшая по численности, но страшная по знанию военного дела (не достает его у большевиков), сплоченная, воодушевленная Великой Идеей Возрождения России. Положение Добровольческой армии в этот период из безнадежного становится крайне выигрышным. Перед нею раскрываются широкие перспективы. Нужно только правильно выбрать дальнейшее операционное направление к Москве и, в связи с этим, решить вопрос о своем отношении к Германии, предлагающей генералам Алексееву и Деникину через своего командира корпуса в Ростове свою помощь на условиях признания ими прекращения войны с Германией.

Реальная политика требовала от наших вождей соглашения с немцами. Это давало сразу же Добровольческой армии блестящее исходное положение, а именно, возможность перебросить Добровольческую армию на север и западные границы, Всевеликое Войско Донское – на Московское направление, на непосредственную близость к Москве. Вряд ли советская власть, обладавшая тогда еще незначительной Красной армией, устояла бы под двойным нажимом: с юга – Добровольческой армии и Донской, а с востока – чехословаков и Народной армии. В этом случае Добровольческая и Донская армии имели бы позади ближайший обеспеченный немцами тыл – Украину и Дон. Будь это, может быть, судьбы России были бы иные. Восстановив же могучую Россию, можно было бы и пересмотреть свое соглашение с Германией. Подобное соглашение с Германией облегчалось еще и тем, что в то время настроение среднего и младшего офицерства было, безусловно, германофильское, как и вообще всей интеллигенции, перенесшей уже ужасы красного террора.

Но... Вожди Добровольческой армии считали ее правопреемницей старой Русской армии и не считали для себя допустимым изменить старым союзным обязательствам. Они не желали идти ни на какие компромиссы в целях безусловных благ «реальной политики». Они считали для себя бесчестным держаться Бисмарковского правила – «в политике (внешней) честности места нет». Соглашение с немцами было отвергнуто. Добровольческая армия, а затем Русская армия остались до конца верны своим союзникам, но... эта верность всем нам, кроме массы разочарований, не дала ничего.

Итак, соглашение с немцами отвергнуто. Куда же идти армии? На север, то есть на Дон и Москву, или на юг, на Кубань? Разум требовал все-таки движения на север, на Дон, чтобы, несмотря ни на какие препятствия, быть ближе к цели дальнейших действий – Москве, пока большевики не успели окончательно утвердить свою власть, создав многочисленную регулярную армию. Чувство благодарности звало прежде всего на Кубань, ставшую для армии родной. Ведь Кубань дала столько бойцов в ряды армии, положивших жизнь свою за освобождение Родины. В ее безбрежных степях покоились вечным сном столько дорогих жизней, в ее городах и станицах томились в красной неволе столько дорогих сердцу лиц. Чувство взяло верх. Был решен 2-й поход на Кубань, как известно, увенчавшийся блестящим успехом – освобождением всего Северного Кавказа и выходом армии, но только через целый год, на «Широкую Московскую дорогу». Это были «пирровы победы». Шаг за шагом выбывают в бесчисленных боях лучшие ее Вожди, начальники, идейные рядовые добровольцы, гибнут моральные устои армии. В ряды вливаются мобилизованные, среди которых зачастую и масса враждебного ей элемента. В течение 1919 г. армия крепнет численно, но слабеет морально. Самое же главное – потеря времени. «Потеря времени смерти безвозвратной подобна», – говорил Петр I. Добровольческая армия, отвергнув соглашение с немцами и поставив себе главной задачей достижение второстепенной цели (освобождение Кубани) вместо главной (наступление через Дон на Москву), ввязет в борьбу на Северном Кавказе и теряет целый год. Начав только поздней весной 1919 г. наступление на Москву, Добровольческая армия встречает на своем пути уже не банды, а вполне организованные части регулярной Красной армии, насчитывающей к этому времени на боевых фронтах 16 армий общей численностью около 500 тысяч бойцов. Несмотря на слабую устойчивость своих частей, Красная армия все же давит своей массой и наносит Добровольческой армии, не сумевшей воспользоваться первоначальными благоприятными возможностями, окончательное поражение.

Но не будем отвлекаться больше в сторону, а обратимся теперь к рассмотрению собственно 2-го Кубанского похода, а в частности,

к тому, какую роль пришлось в нем играть Офицерскому генерала Маркова полку.

2-й КУБАНСКИЙ ПОХОД

С историей 2-го Кубанского похода связаны прекраснейшие страницы многих лихих дел марковцев, сумевших не только теоретически усвоить завет своего основателя, храбрейшего генерала Маркова, но и проявить его на деле.

Вот что сказал бессмертный генерал при формировании полка: «Легко быть честным и храбрым, когда осознал, что лучше смерть, чем рабство в униженной и оскорбленной Родине». Эти прекрасные слова, заключенные в такую небольшую, но сильную фразу, были тем надорванным сердцем молодежи, которое неописуемо болело, видя поваленную на землю Родину, и, пылая жаром патриотизма, стремилось приподнять и поставить на ноги дорогую Мать-Страдалицу.

Проведя май месяц в постоянных мелких стычках с красными на границе Донской области и Ставропольской губернии (район станицы Егорлыцкой) полк за этот период имел лишь одну значительную операцию, а именно: к 9 (22) мая противник был обнаружен в районе хуторов Жеребцова и Корнакова фронтом на юго-запад, по опушке казенного леса. Для его ликвидации были назначены следующие части: отряд донских казаков станицы Мечетинской, 1-й Офицерский полк, 1-й батальон Кубанского стрелкового полка, Черкесский конный полк, при одной батарее, каковые части утром 12 (25) мая должны были атаковать красных первыми в лоб со стороны станицы Мечетинской, остальные части, тотчас после завязки боя, в разгар его, наносят противнику удар по флангу и тылу¹⁹.

Ночью 11 (24) мая полк с приданными ему частями выступил в поход и к утру 12 (25) мая достиг расположения противника, своевременно нас обнаружившего и открывшего сильный артиллерийский огонь. Ввиду этого обстоятельства отряд развернулся в боевой порядок и занял исходное положение. В цепи были 1-й батальон Офицерского полка, влево от дороги Егорлыцкая – река Маныч, и батальон Кубанского стрелкового полка – правее. 2-й батальон Офицерского полка – в резерве, в стычке – на правом фланге уступом сзади – Черкесский полк, батарея – за левым флангом.

Донцы к назначенному часу не подошли, и поэтому генерал Марков атаковал к 9 часам своими силами занимавшего впереди леса бугры противника и после двух-трех часового боя опрокинул его. Подоспевшим к этому моменту донцам было приказано преследовать противника. Полк же с приданными ему частями, потеряв в этом бою около 100 человек убитыми и ранеными, возвратился

в станцию Егорлыцкую, где и продолжал свою стоянку до 1 (14) июня.

1 (14) июня полк в составе 2-х батальонов (1-й батальон: 1-я, 2-я и 5-я роты и 2-й батальон: 3-я, 4-я, 6-я роты) с незначительным количеством бойцов был отведен на отдых и укомплектование в Новочеркасск, куда и прибыл 3-го дня. Распространившиеся по земле Русской вести о начавшейся борьбе с глумящимися над Родиной большевиками привлекла к себе внимание патриотических элементов, преимущественно офицеров и учащейся молодежи. Со всех сторон начало стекаться сюда пополнение и становиться под черный с белыми выпушками полковой стяг, означавший собой печаль о России и веру в ее светлое воскресение. Прибывали и казаки группами, бросившие свои родные гнезда, превращенные большевиками в пепелища. Здесь полк не только пополнился, но сформировался еще один батальон – третий батальон в составе 7-й, 8-й и 9-й рот – и вырос в грозную боевую силу. Невероятные трудности в работе, благодаря создавшейся к тому времени политической обстановке на Дону, скрывавшей два противоположных течения: одно – ориентацию на немцев, занимавших Украину, Дон, Батайск и другие пункты, и другое – сохранение верности союзникам, – лишь укрепляли твердость духа и веру в правое дело, не внося в семью никаких разногласий.

В разгаре напряженной работы по завершению укомплектования, как гром среди ясного неба, поразила всех весть о трагической гибели всеми обожаемого своего основателя и вдохновителя генерала Маркова, скончавшегося от ран, полученных при взятии станции Шаблиевка 12 (25) июня. Прах этого великого рыцаря и патриота был доставлен в Новочеркасск, где и погребен 14 (27) июня при гробовом молчании всей семьи марковцев. Эта безвременная трагическая смерть «Бога войны», как называла его вся молодежь, великой скорбью пронзила сердца не только марковцев, но и всех чинов Добровольческой армии. Мираж его подвигов и его золотые слова стали с этого момента путеводной звездой и священным заветом. В рыдающих от незаменимой утраты сердцах растет негодование к опьянившимся от революции братьям, от рук которых погиб незаменимый для Армии и Отечества патриот и Генерал.

К 20 июня (3 июля) полк, имея в каждой роте сто и более штыков, готов и ждет приказа, под впечатлением царящих слухов о том, что разбитая немцами десантная группа большевиков у Таганрога, состоявшая из наиреволюционнейших элементов того периода – матросов и латышей – высадилась на берегу Азовского моря, пробивается к району Торговая – Великокняжеская, чтобы облегчить положение своих товарищей в этом районе и присоединиться к главным силам для дальнейших операций.

Командует полком полковник Тимановский.

Его помощник – Гварии полковник Дорошевич.

Командиры батальонов:

1-го – подполковник Плохинский;

2-го – Генерального штаба полковник Хованский;

3-го – полковник Наркевич.

22 июня (5 июля). Наконец, приказ получен и 22 июня (5 июля) утром, построившись у здания Мариинского Новочеркасского института, полк двинулся по улицам патриархального Новочеркасска на станицу Манычскую. Жара стояла невыносимая. Лежавшая через степь дорога, благодаря высокой траве, скрывала нас от врага. И здесь солнце жгло еще больше, обжигая всю кожу. Вместе с нами шел офицерский конный полк в составе 200-300 шашек. К вечеру достигли Дона, на пароходе переправились на другой берег и вышли в станицу Манычскую, где и расположились на ночлег, выставив собственное охранение. Полк находился в непосредственной близости к противнику, с которым ведут борьбу ополчившиеся казаки и отряд генерала Покровского.

Сложившаяся на фронте обстановка потребовала спешно новых операций, и поэтому полк начали вводить в дело. В тот же день, 22 июня (5 июля), к 23 часам 1-й батальон был отправлен в распоряжение генерала Покровского на хутор Грачева.

23 июня (6 июля). Этот батальон перешел в станицу Кагальницкую и к ночи в 3-4 верстах от нее занял фронтом на запад позицию, сменив кагальницкое казачье ополчение, утомленное утренними боями. В этот же день к ночи прибыли в станицу Кагальницкую 2-й и 3-й батальоны со штабом полка и расположились по квартирам в ожидании дальнейших распоряжений.

24 июня (7 июля). К вечеру полк получил приказ атаковать на рассвете 25 июня (8 июля) противника, охватившего полукольцом станицу Кагальницкую, и разбить его.

25 июня (8 июля). К 3 часам полк уже занимает походное положение и расположен в следующем порядке: на правом фланге к полотну железной дороги – конный офицерский полк и конная сотня донцев станицы Кагальницкой. Справа налево – 1-я рота 1-го батальона, 2-й батальон, пересекающий дорогу на станицу Хомутовскую, слева – 3-й батальон и на левом фланге – ополчение казаков Кагальницкой станицы, 2-я и 5-я роты первого батальона – в резерве, уступом сзади за правым флангом 2-го батальона. У станичной мельницы – 2 гаубицы, которые позднее содействуют полку в атаках путем выезда на открытые позиции.

Весьма упорный и подкрепленный за прошедшую ночь сильными резервами противник, обнаружив наше движение, открывает по цепям ураганный артиллерийский огонь, также пулеметный и ружейный; не взирая на это, полк не ложится, а продолжает двигаться в атаку, отвечая на весь ураганный огонь лихой песней: «Марш вперед! Россия

ждет! Марковцы родные!» Конная сотня из казаков Кагальницкой станицы обгоняет первую роту и несется мимо в атаку, но не выдерживает бешеного огня противника и поворачивает назад. Полк же энергично продвигается, достигает окопов противника и, несмотря на большие потери и упорное сопротивление красных, опрокидывает их и в беспорядке гонит. Самым трудным оказался участок 3-го батальона, который лишь благодаря своему воинскому духу достиг и, впервые померившись силами с противником, заслужил за этот бой всеобщие симпатии полка. Красные отошли в полном беспорядке за линию хуторов Ивановских, а полк на линии этих хуторов остановился, ввиду последовавшего на это приказа. Трофеи наши составили 1 орудие и 11 пулеметов. Бой под Кагальницкой – один из тяжелых и кровопролитнейших боев с отборными частями большевика Сорокина. К ночи полк сменяется донцами и отходит в станицу Кагальницкую. Потери полка в этом бою очень велики: 31 убитый, в том числе командир 8-й роты полковник Попов, и около 280 раненых²⁰.

26 июня (9 июля). Полк перешел в станицу Егорлыцкую, где и ночевал.

27 июня (10 июля). Полк передвинулся в село Горькая Балка Ставропольской губернии.

28 июня (11 июля). К полку приезжает генерал Деникин, производит парад и горячо благодарит полк за блестящую победу, особо подчеркнув удар 3-го батальона.

29 июня (12 июля). Полк остается на месте и в ночь на 30 (13) перебазирован на подводах к станице Кальниболотской, чтобы очистить эту станицу от противника. С рассветом полк подошел к станице. Назначенный для выполнения задачи 2-й батальон, не дойдя 3-4 версты, разворачивается в боевой порядок и движется на станицу. Противник тотчас после небольшой перестрелки начал очищать станицу. Этой операции содействовала конница генерала Эрдели, ворвавшаяся с севера в станицу одновременно с завязкой боя. Противник поспешно отошел на Тихорецкую. Противник расположился по квартирам, выставив 1-й батальон в сторону Тихорецкой сторожевым охранением. К вечеру в станицу прибыл 1-й Кубанский стрелковый полк²¹.

30 июня (13 июля). К 24 часам, сосредоточившись на сборном пункте, наш полк вместе с Кубанским стрелковым полком выступил из станицы Кальниболотской по дороге на хутора Николаевские, имея в авангарде 1-й батальон Марковского полка.

1 (14) июля. Около 5 часов занимавшиеся передовыми частями противника Николаевские хутора очищаются нашей авангардной ротой, причем противник отошел в направлении на железнодорожную линию Тихорецкая – Торговая. Немного спустя, противник опомнился и проявил намерение вновь занять хутора, тогда развернулся весь

1-й батальон и двинулся противнику навстречу. Противник повернул назад, взяв в общем направлении на станцию Тихорецкую. К полудню марковцы и Кубанский стрелковый полк сосредоточились в станице Ново-Романовской. Около 14 часов полк, имея в авангарде 1-й батальон, повел энергично наступление на станицу и станцию Тихорецкую – базу большевиков всего Кавказа, имевшую по своему центральному положению ответвления во все стороны. В этом пункте был сосредоточен штаб армии Сорокина и все центральные учреждения красных, питавшие всем необходимым свои части. Овладение этим большого стратегического значения узлом являлось первостепенной задачей, ибо с его овладением не только наносился непоправимый удар красным, но в наши руки попадали огромные склады всевозможных припасов и оружия, в котором чувствовался острый недостаток. Красные великолепно все это учитывали, и поэтому к обороне Тихорецкой привлекли лучшие свои части, состоявшие из «красы» и «гордости» русской революции – матросов – и прочей наиреволюционнейшей «челяди», усилив их большими техническими средствами. Были сооружены даже полевые укрепления с проволокой. О численном превосходстве здесь говорить не приходится. Соперничать в этом отношении с ними мы не могли.

Авангард полка, 1-й батальон, без сопротивления со стороны противника занял станцию Тихорецкую. Это обстоятельство еще более ободрило лихо двигавшийся вперед полк, хотя никто не недооценивал сгруппировавшегося здесь противника и не упускал из вида того упорства, которое встретится в борьбе за этот пункт.

Войдя в станицу Тихорецкую, полк получает тотчас задачу овладеть с северо-востока станцией Тихорецкой, перерезать путь отступления противнику на север и по железнодорожному полотну.

Для выполнения этой задачи назначается 3-й батальон, придается еще и 2-я рота 1-го батальона. 1-я и 5-я роты перерезают железнодорожную линию Тихорецкая – Ново-Леушковская, держа связь с 7-й ротой и обеспечение с севера всего полка. 2-й батальон остается в полковом резерве. С полком батарея капитана Шперлинга. Оседлав дорогу станица Тихорецкая – станция Тихорецкая, полк к 16 часам двинулся. Левее вел наступление Кубанский стрелковый полк, а левее его, вдоль железнодорожной линии Торговая – Тихорецкая, шла 3-я дивизия. Обнаруженное своевременно противником наше движение вызвало с его стороны сильный артиллерийский огонь, не прекращавшийся до конца боя. 3-й батальон двигался энергично, рота 1-го батальона ему содействует; выдвинутый противником заслон стремительным натиском 3-го батальона опрокидывается и уходит за проволоку в окопы. Наступают сумерки, и противник ведет ураганный ружейный огонь, поддерживаемый сильной артиллерией. Полк двигается по высокой пшенице, начиная терять между собою связь и, несмотря на это

и упорство противника, почти одновременно с криком «ура» врывается в окопы красных и штыками выбивает оттуда упорного врага и обращает в бегство.

Преследование в темноте принесло нам много неприятностей, ибо в этой сутолоке не только нарушается связь, но все перемешалось, и зачастую происходили такие явления: посылаемые штабом полка для восстановления связи ординарцы принимались за противника и обстреливались своими же, а разбитый противник, пробивавшийся сквозь наши ряды, принимался за своих, а при сближении оказывал упорное сопротивление, причиняющее урон. После больших усилий лишь поздно ночью удалось штабу полка восстановить полную связь со своими ротами, овладевшими и поселком Тихорецким. Захваченные трофеи не поддавались учету. Чувствовавшийся недостаток в оружии и, главным образом, в боеприпасах был устранен. Здесь разгромлен и штаб армии Сорокина. Начальник его штаба попал в плен, но сам «товарищ» Сорокин, ко всеобщему сожалению, из рук ускользнул²².

2 (15) июля. Полк отдыхает в станице Тихорецкой. Сюда прибыло пополнение из Новочеркасска²³.

3 (16) июля. После полудня полк грузится на станции Тихорецкой в эшелоны и получает боевое задание овладеть Сосыкским железнодорожным узлом. Дойдя до станицы Старо-Леушковской, полк разгружается и идет на ночлег в станицу Ново-Леушковскую. В сторону станции Сосыка выставляется сторожевое охранение 2-го батальона.

4 (17) июля. Полк поздно вечером на подводах двинулся к станции Сосыка.

5 (18) июля. Сильная гроза задержала движение, и лишь к рассвету 5 (18) июля полк подошел к станции Сосыка. Остановившись в 6-7 верстах, полк немедленно развернулся в боевой порядок, а именно влево от полотна железной дороги – 1-й батальон, оседлавший дорогу станица Ново-Леушевская – Сосыка. Вправо от полотна железной дороги – 2-й батальон. 3-й батальон – в полковом резерве, уступом сзади за первым батальоном. На правом фланге – 1-й Офицерский конный полк. При поддержке бронепоезда полк двинулся вперед. 1-й батальон гонит перед собой противника, почти совершенно не оказывающего сопротивления. 2-й батальон не отстает, несмотря на артиллерийский обстрел неприятельского бронепоезда, и без всякого усилия парализует противника. Батарея капитана Шперлинга и наш батальон заставляют осадить бронепоезд красных, и к 10 часам полк занимает станцию Сосыка и станицу Ново-Павловскую, выставив в сторону станции Крыловской и станицы Екатериновской сторожевое охранение от 3-го батальона. Левее нашего полка вдоль дороги Старо-Леушковская – Ново-Павловская наступает Кубанский стрелковый полк. В станице Ново-Павловской полк ночует.

Станица всю ночь обстреливается артиллерийским огнем с бронепоезда красных.

6 (19) июля. На 6 (19) июля полк получает задание овладеть станцией Крыловской и станицей Екатериновской. С полком 1-й офицерский конный полк и батарея капитана Шперлинга. Для овладения станцией Крыловской назначается 2-й батальон, а Екатериновской – 1-й батальон. В резерве – 3-й батальон и при нем 1-й офицерский конный полк. Рано утром 6 (19) июля полк выступил со станицы Ново-Павловской для выполнения полученной задачи. 2-й батальон шел вдоль полотна железной дороги и левее его, держа направление на Крыловскую, а 1-й батальон – правее полотна железной дороги на станицу Екатериновскую. 3-й батальон двигался вдоль полотна железной дороги правее его, и за ним 1-й Офицерский конный полк. 2-й батальон, пройдя 5-6 верст, попал в сферу артиллерийского огня противника и развернулся в боевой порядок. Пройдя еще около двух верст, батальон встретил пехотные части противника и завязал с ними бой. 1-й батальон, уклоняясь вправо по дороге на станицу Екатериновскую, пройдя всего 6-7 верст от исходного пункта, тоже встретил пехоту противника и сразу перешел в энергичное наступление.

2-й батальон переходит в решительное наступление, но упорствующий враг оказывал большое сопротивление, каковое, однако, высокой доблестью преодолевается, противник опрокинут, и к 16 часам станция Крыловская занята. 1-й батальон, пройдя с боем верст 5, встречает отчаянное сопротивление противника и приостанавливает свое движение, ведя с противником ожесточенный бой. Доблестный капитан Шперлинг огнем своей батареи наносит противнику огромный урон, не дающий, однако, возможности опрокинуть врага. Энергично помогает приданный полку броневедомитель «Генерал Марков». Своими выездами вперед к цепям противника он наносит ему большие потери и каждый раз заставляет осаживать левый фланг противника²⁴. Наш правый фланг, пользуясь этим, продвигается вперед, а все остальное стоит на местах.

2-й батальон, заняв станцию Крыловскую, выставил сторожевое охранение на станицы Кисляковскую и Екатериновскую. Конный офицерский полк перебазируется на наш правый фланг. К моменту его подхода обнаруживается отход левого фланга противника. 1-я рота немедленно переходит в наступление, и одновременно с ней бросается в атаку 1-й эскадрон конного полка. Закончивший свое преследование противник остановился и встретил эскадрон сосредоточенным пулеметным огнем и залпами. Эскадрон огня не выдержал и повернул назад и на карьере наскочил на 1-ю роту, смял ее и расстроил. Красные воспользовались этим и перешли в наступление сами. 1-я рота, отходя, преследовалась противником; остальные, хотя и успешно отражали противника, однако, обнаглевший неприятель мог причинить мно-

го неприятностей, ибо стремился занять образовавшийся прорыв. К этому тяжелому моменту подоспел 3-й батальон, две роты которого (7-я и 8-я) заняли позицию вправо от дороги и ввязались в бой, задерживая противника, проявлявшего исключительную активность.

И это обстоятельство не прекратило действий красных. Тогда вводится в бой резервная 9-я рота, которая, развернувшись, перешла в стремительную контратаку, увлекая за собой оторвавшуюся 1-ю роту. Противник отбрасывается назад, а все роты остановились на линии прежней позиции. Наступившие сумерки заставили прекратить бой, не меняя расположения. К рассвету 1-й и 3-й батальоны были свернуты и расположились по проселочной дороге, имея в сторону станции Екатериновской охранение. 2-й батальон оставался на станции Крыловской. Здесь вновь пришлось встретиться полку с лучшими частями противника, которые после жаркого дела в течение целого дня ночью спешно очистили станцию Екатериновскую²⁵.

7 (20) июля. На рассвете полк получил приказ овладеть станцией и станцией Кисляковской. Поздно вечером на подводах полк выступил для выполнения задачи²⁶.

8 (21) июля. Полк, не доходя 7-8 верст до станции, оставляет подводы и следует походным порядком по проселочной дороге, что в 4-5 верстах от линии железной дороги вправо. Пройдя некоторое расстояние, разведчики обнаруживают по отдельным хуторам передовые пехотные части противника. 1-й батальон получает задачу очистить хутора от противника, каковую задачу без особого затруднения и выполняет. Одновременно левее линии железной дороги завязывается горячий бой между красными и Кубанским стрелковым полком, атакующим противника во фланг. На поддержку кубанцам назначается 2-й батальон, который, оседлав линию железной дороги, развернулся влево и повел наступление вдоль полотна на станцию Кисляковскую. При подходе 1-го батальона станция была очищена. 2-й батальон повел весьма энергичное наступление на станцию, атакой выбивает оттуда красных и преследует вместе с кубанцами на север, на протяжении 3 верст, где и оказывается, перехватив линию железной дороги.

Отброшенный от станции противник, будучи поддержан сильными резервами, опрокидывается всей своей массой на 2-й батальон. 2-й батальон, утомленный упорным боем и преследованием противника, не выдерживает стремительного натиска красных и начинает отходить. Первой отошла 4-я рота, а за ней – 6-я, и лишь воодушевленная своим командиром 3-я рота бросается на красных, увлекая за собой 4-ю и 6-ю роты. Несмотря на это, положение батальона остается тяжелым, и ему на поддержку посылается 3-й батальон с фронта и 1-й батальон с фланга. Лишь исключительной энергией командира 2-го батальона Генерального штаба полковника Хованского 2-й батальон вторично бросается на противника, опрокидывает его и заставля-

ет отойти в исходное положение. 1-й и 3-й батальоны в этом участии не приняли. На участке Кубанского стрелкового полка, после его неудачной атаки расположения красных, противник вновь, поддержанный своими резервами, перешел на участке кубанцев в контратаку и начал теснить их к станции, угрожая в то же время и флангу 2-го батальона нашего полка. В дело вводится 3-й батальон марковцев, который стремительно бросается на красных, опрокидывает их и в беспорядке гонит. Отступившие кубанцы вновь переходят в атаку и, присоединившись к 3-му батальону, совместно преследуют противника. Могущественную поддержку красным оказывает их бронепоезд, засыпавший путь нашего движения снарядами. Наша слабая количественно, но прекрасная качественно артиллерия меткими попаданиями в вагон бронепоезда красных, наполненного снарядами, взорвала весь бронепоезд, последний из числа уцелевших на этой линии. Взрыв бронепоезда произвел на красных, уже опрокинутых нашими контратаками, ошеломляющее впечатление, и противник начал беспорядочный отход на всех участках. Вечером полк вошел в станицу Кисляковскую и здесь расположился на отдых, где и простоял до 10 (23) июля.

10 (23) июля. Полк получил задачу занять станцию Кушевку, куда позднее вечером и выступил. Над Кушевкой виднелось огромное зарево.

11 (24) июля. К рассвету 11 (24) июля полк подошел к станции Кушевке. Разведывательные части установили, что противник оставил этот пункт ночью и ушел в западном направлении. Полк вошел в станицу Кушевку и расположился по квартирам. Здесь произошла встреча с почти одновременно подошедшими сюда со стороны станицы Кагальницкой донскими казачьими частями²⁷.

12 (25) июля. Рано утром полк, согласно полученному приказу, грузится на станции Кушевка в эшелоны и следует в спешном порядке на станцию Платнировскую, куда пришел вечером и, не разгружаясь, простоял до 13 (26) июля.

14 (27) июля. В ночь на 14 (27) июля полк перебрасывается на станцию Пластуновскую, что в 2 верстах от станции. В 12 часов полк походным порядком, имея в авангарде 1-й батальон, вышел в направлении на станицу Динскую. Пройдя 4-5 верст, авангард полка обнаруживает в районе Девичьего монастыря, что по дороге в станицу Васюринскую, конную группу противника, на которую и повел наступление. После короткой перестрелки группа расплылась, а батальон получил новое приказание: двинуться на станицу Васюринскую и овладеть переправой через реку Кубань. 2-й батальон, перейдя Девичий монастырь, в 2-3 верстах остановился и, выставив сторожевое охранение, по приходу на станцию и в станицу Динскую тоже заночевал.

15 (28) июля. Неожиданно для всех получают сведения, что противник занял станицу Кореновскую в глубоком нашем тылу. Для лик-

видации красных в этом районе были направлены части 1-й и 3-й дивизий. В 19 часов 2-й батальон Марковского полка был отправлен эшелонам на станцию Пластуновскую, куда прибыл ночью и тотчас выгрузился. В 18 часов был снят с Васюринской переправы вместе с батареей и в том же порядке ночью отправлен на станцию Пластуновскую, где разгрузился. 3-й батальон продолжал оставаться на станции Динской, прикрывая тыл полка и наблюдая за Васюринской переправой и Екатеринодарским направлением²⁸.

16 (29) июля. 2-й батальон немедленно после выгрузки двинулся на станицу Кореновскую и с рассветом атаковал противника, занимавшего позицию в 3-4 верстах на юго-запад от станицы. Роты двигались в следующем порядке: 6-я шла по полотну железной дороги, 4-я – влево от полотна и 3-я – вправо. Атака вначале имела успех, и сбитый с позиции противник начал отход к станции. В момент преследования отступающих совершенно неожиданно появляются на нашем правом фланге несколько сотен красной кавалерии, которые атаковали во фланг 3-ю роту и начали распространяться в тылу всего 2-го батальона. Отступавшая красная пехота, заметив решительную атаку своей конницы, оправилась и, в свою очередь, перешла в контратаку с фронта. Стойкая 3-я рота отбивает атаку конницы, и батальон, атакуемый во много раз превосходящими силами противника с фронта и неся большие потери, отходит медленно с боем назад вдоль полотна и останавливается у железнодорожного моста, что у станции Пластуновской. К этому времени подоспел 1-й батальон и занял позицию правее полотна железной дороги, оставив в резерве на правом фланге 1-ю роту. Противник, встреченный дружным огнем, остановился и, придя в порядок, несколько раз переходил в атаку, но каждый раз, неся огромные потери от ружейного и пулеметного огня, терпел неудачу²⁹.

17 (30) июля. В ночь была назначена атака всей группы противника в этом районе частями 1-й и 3-й дивизий, но, вследствие не вполне закончившейся перегруппировки, таковая была остановлена. На рассвете 17 (30) июля далеко влево завязался сильный бой, явившийся, по-видимому, для противника совершенной неожиданностью. Выстрелы становились все отчетливее и отчетливее. Тогда противник подымается и переходит в наступление, держа общее направление на наш правый фланг. Весьма малочисленный по составу 1-й батальон встречает противника метким огнем своих стрелков и пулеметов. Наша артиллерия засыпает движение противника снарядами. Противник, неся огромные потери, всей своей массой опрокидывается на наш правый фланг, занимаемый 5-й ротой, врывается в окопы и выбивает внезапным ударом остатки этой роты. Не обращая внимания на остальной наш участок, противник в полном беспорядке двинулся в станицу Раздорскую в юго-восточном направлении, преследуемый нашим сосредоточенным огнем. Брошенная из резерва наперерез полу-

рота 1-й роты своей задачи не в состоянии была выполнить, ибо и без того беспорядочное отступление противника приняло уже порядок бегства. Как позднее выяснилось, противнику был нанесен слева сокрушительный удар частями 3-й пехотной дивизии и Кубанским стрелковым полком.

Бой в течение 16 (29) и 17 (30) июля стоит полку огромных жертв. Пали смертью храбрых командир 1-го батальона подполковник Плохинский, командир 4-й роты ротмистр Дударев и командир 3-й роты штабс-капитан Вознесенский. Тяжело ранен и умер от ран командир 2-го батальона Генерального штаба полковник Хованский. По окончании боя полк вышел в станицу Кореновскую, здесь простоял до вечера, ночью погрузился в эшелоны и к утру 18 июля прибыл на станцию Бейсуг.

18 (31) июля. Разгрузившись, полк перешел в станицу Ново-Девичью, где и расположился на отдых, имея сторожевое охранение в сторону станицы Березанской.

19 июля (1 августа). Получив распоряжение, полк двинулся в направлении хутора Журавского. В пути получают сведения, что противник занимает большими силами хутора Журавского и Малеванного и снова станицу Кореновскую. Нашими разведчиками на уровне станицы Выселки обнаруживаются передовые части противника. В бой вводится 2-й батальон и 1-я рота 2-го батальона, 2-я и 5-я роты остаются в резерве. Завязавшийся бой продолжается до вечера, не дав положительных результатов, и обе стороны остаются на своих позициях³⁰.

Означенный батальон в течение 15 (28), 16 (29), 17 (30) и 18 (31) июля стоял спокойно, успев сформировать здесь из кубанских казаков 10-ю роту, которая уже 16 (29) июля несла сторожевую службу в районе разъезда Ларис. 18 (31) июля к 16 часам со стороны Екатеринодара противник начал обстреливать артиллерийским огнем сторожевое охранение и все наше расположение. Немного погодя с запада, на уровне разъезда Ларис, также начался артиллерийский обстрел, и приблизительно к 18 часам появились густые цепи противника, намеревавшиеся нанести нам удар с фланга. Батальон, имея ввиду огромное превосходство сил противника, начал с боем отходить на север вдоль полотна железной дороги. В пути получил распоряжение оставить район Динской и присоединиться к полку, оперировавшему в районе станицы Выселки. На станции Плотниковской батальон благополучно погрузился в эшелон и прибыл на станцию Козырьки, где под артиллерийским огнем противника разгрузился и к ночи присоединился к полку и назначен в полковой резерв.

20 июля (2 августа). Получив вечером пополнение из мобилизованных и кубанских казаков, полк с утра вновь завязывает бой с противником, длящийся весь день непрерывно. К вечеру полк атакует

противника, но первая атака отбита; атака повторяется нами четыре раза, но безрезультатно; наконец, в шестую атаку полк ведет лично доблестный командир полка полковник Тимановский. Неся большие потери, полк достиг позиций противника и опрокинул красных, отступивших в беспорядке к хутору Журавскому. Сумерки не дали дальше возможности преследовать красных, и полк остановился.

21 июля (3 августа). Утомленный жестоким боем противник был пассивен. Вечером 1-й и 2-й батальоны сменяются 3-м батальоном и 5-м пластунским батальоном. 1-й и 2-й батальоны отошли в полковой резерв на станции Выселки. Здесь 1-й батальон принимает полковник Блэйш вместо раненого полковника Соколова.

22 июля (4 августа). 22 и 23 июля (4 и 5 августа) никаких перемен в боевой обстановке не произошло. Стоявшие 1-й и 2-й батальоны в полковом резерве пополнялись мобилизованными казаками, и, кроме того, 5-я рота переведена во 2-й батальон, а 3-я – в 1-й батальон. В ночь на 24 июля (6 августа) к полку присоединился 3-й батальон, стоявший на позиции³¹.

24 июля (6 августа). Утром полк в полном составе выступил на хутор Малеванный, расположенный по обе стороны железной дороги южнее Выселок. Часть этих хуторов, а именно, влево от железной дороги, была занята 1-м Офицерским конным полком, а другая, что вправо от железной дороги – красными. Сменив конный полк, марковцы заняли позицию параллельно железнодорожному полотну; на позиции – 1-й и 3-й батальоны; в резерве – 2-й батальон. В 12 часов было приказано атаковать противника, занимавшего господствующую позицию. Атака была встречена сильным огнем противника, и лишь одна 9-я рота дошла до окопов красных и бросилась в штыки, остальные роты, не дойдя до штыкового удара, залегли; 9-я рота попала под сильный фланговый огонь и понесла тяжелые потери, пал смертью храбрых командир роты капитан Зубов. Противник, желая отбросить сблизившиеся роты, переходил несколько раз в контратаки, но каждый раз, неся большие потери, возвращался в окопы.

25 июля (7 августа). Утром красные безо всякого давления с нашей стороны начали поспешный отход на запад. Полк бросился преследовать, но нагнать не удалось. Влево от полка показались цепи 3-й пехотной дивизии, ударившие противника по флангу и тылу, обратив всю группу в паническое бегство. Вечером весь полк сосредоточился на хуторе Малеванном. В этих боях в рядах красных был впервые обнаружен новый элемент – китайцы, которые, попадая в плен, и на вопрос «зачем воюете?» отвечали: «За ладная Кубань».

26 июля (8 августа). Вечером полк выступил из хутора Малеванного на разъезде Козырьки, где погрузился в эшелон и прибыл на станцию Выселки, составив собой армейский резерв.

27–28 июля (9–10 августа). Полк продолжает стоять на станции Выселки в эшелонах.

28 июля (10 августа). В ночь полк перебрасывают на станцию Кореновскую, где полк выгрузился и отправился на стоянку в станцию Станичную, где и расположился по квартирам³².

1 (14) августа. Получив приказ, полк грузится на станции Кореновской в эшелоны и отправляется в назначенный пункт – станцию Динскую, куда прибывает к полудню.

2 (15) августа. Полк к полудню продвигают на станцию Ларис. Здесь марковцы выгрузились и, имея в авангарде 1-й батальон, двинулись к городу Екатеринодару, достигнув к ночи его предместья «Сады». Задача полка – овладеть Екатеринодаром со стороны Черноморского вокзала.

3 (16) августа. С рассветом полк продолжает выполнение задачи. Назначенный для овладения вокзалом 1-й батальон достиг разведывательными частями этого пункта и установил, что в ночь на 3 (16) августа Екатеринодар занят уже частями Добровольческой армии. Тогда полк двинулся в город Екатеринодар и к 9 часам вступил в город со стороны Пашковской, восторженно приветствуемый населением. Прибыв на Соборную площадь, полку было отведено под квартиры Реальное училище; на этой же площади, где расположились 1-й и 2-й батальоны, и против Реального училища – в Женской гимназии – разместился 3-й батальон³³.

Утром полк вступил в город Екатеринодар и расположился по квартирам: 1-й и 2-й батальоны – в Реальном училище, 3-й батальон – в Женской гимназии, штаб полка и команды – по частным домам, находясь в личном распоряжении командующего Добровольческой армии генерала Деникина. Все время стоянки (по 12 (25) сентября) полк вел строевые и тактические занятия и, постепенно пополняясь офицерами и казаками (кубанцами), развернулся в двенадцатиротный состав. Каждая рота имела 4 взвода пехотные и 1 пулеметный. 4-я рота переведена в 1-й батальон, и, таким образом, нумерация роты стала соответствовать нумерации батальонов.

Командир 1-го батальона – полковник Блейш;

1-й роты – полковник Поляков;

2-й роты – подполковник Гартьер;

3-й роты – полковник Волнянский;

4-й роты – капитан Савельев.

Командир 2-го батальона – полковник Трусков;

5-й роты – полковник Крестов;

6-й роты – капитан Кобзелевский;

7-й роты – подполковник Наумов;

8-й роты – подполковник Энгельгардт.

Командир 3-го батальона – полковник Наркевич;

9-й роты – полковник Булаткин;

10-й роты – капитан Сенкевич;

11-й роты – полковник Клейн;

12-й роты – полковник Кочкин.

Командир полка – полковник Тимановский, его помощник – полковник Дорошевич и полковой адъютант – штабс-капитан Образцов.

9 (22) августа. Из состава полка были выделены офицеры Гвардии, и пришедшая в этот же день рота пополнения (командир роты Понамарев), состоявшая из взятых в плен красноармейцев, была дана на формирование 4-го батальона, впоследствии Сводно-Гвардейского полка, командиром коего был назначен Гвардии полковник Дорошевич³⁴.

10 (23) августа. Весь полк выходил на место смерти генерала Л.Г. Корнилова (молочная ферма в 3-4 верстах от города) на панихиду по павшему. После панихиды генерал Алексеев произвел смотр нашего полка, 1-го Кубанского стрелкового полка, 1-й Марковской батареи и текинцам бывшего конвоя генерала Корнилова. На смотре присутствовали генералы Деникин, Романовский, Казанович и другие. 7-я рота ушла на охрану железнодорожного моста у разъезда Кубань. 8-я рота ушла в Дубинку на охрану переправы через реку Кубань.

29 августа (11 сентября). Рота генерала Маркова и 3-я рота под командованием полковника Жигулина были отправлены по железной дороге на станцию Усть-Лабинскую для соединения со 2-м Кубанским пластунским батальоном (Гвардии полковник Моллер), который был выдвинут к станции Белореченской как заслон против Туапсинской группы красных, двигавшейся на присоединение с главными силами Сорокина, действовавшего в районе города Армавира.

30 августа (12 сентября) роты разгрузились на станции Усть-Лабинской и в тот же день перешли в станицу Царский Дар, где и заночевали, войдя в связь с полковником Моллером.

1 (14) сентября роты заняли позицию в 4 верстах севернее Белореченской, упираясь правым флангом в реку Белую и позицию 2-го пластунского батальона. День прошел спокойно, красные ничего не предпринимали.

2 (15) сентября около 17 часов красные атаковали пластунов, неожиданно появились перед 1-й и 3-й ротами, выйдя им во фланг и тыл. Роты открыли сильный огонь, но позиции пришлось все же оставить, и с большим трудом пробившись поздно к вечеру к Царскому Дару, где и заночевали, выставив отряд на охранение в Леонтьевской.

3 (16) сентября генерал Покровский, выйдя в тыл красным, ликвидировал их и очистил Майкопский отдел.

4 (17) сентября роты на повозках переехали на станцию Ладожская, неся и там охранение в сторону Майкопа и Армавира.

6 (19) сентября роты погрузились на станции Ладожской в эшелон и в тот же день прибыли в город Екатеринодар. За эту операцию роты потеряли 6 человек ранеными.

1 (14) сентября. В ночь с 1-е на 2-е 10-я рота была выслана на станцию Кавказскую для охраны железнодорожной переправы через реку Кубань.

3 (16) сентября. 5-я и 6-я роты ушли на присоединение: 1-я – к 7-й, вторая – к 8-й.

9 (22) сентября. 10-я рота вернулась со станции Кавказской.

АРМАВИРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

После взятия Екатеринодара Добровольческая армия и Кубанские части вели упорные бои в Армавирском и Ставропольском направлениях, и в первых числах сентября город Армавир был взят 3-й пехотной дивизией. Красный командир Сорокин, отлично учитывая все значение этого пункта, решил вернуть его во чтобы то ни стало.

11 (24) сентября он повел наступление против 3-й дивизии довольно крупными силами, и 12 (25) сентября бой уже шел на окраинах города, и красные сумели его окружить, перерезав железнодорожную линию Армавир – Кавказская и тем нарушив связь дивизии со Ставкой. К ночи 12 (25) сентября 3-я дивизия занимала окраины города, прижатая к реке Кубань, через которую имелся всего лишь один мост у Фортштадта. Начальник дивизии полковник Дроздовский, соображаясь с малочисленностью состава дивизии, крайним переутомлением людей боями и численно превосходящими красными, в ночь на 13 (26) сентября очистил город, отойдя на правый берег реки Кубани и Фортштадта, сжегши мост. Генерал Деникин предпринял новую операцию по овладению Армавиром, и с этой целью туда был двинут 1-й Офицерский генерала Маркова полк. Поздно ночью по тревоге был собран 3-й батальон, отправленный на станцию железной дороги, ночью погружен в эшелон и на рассвете 12 (25) августа двинут был через станцию Кавказскую под город Армавир.

12 (25) сентября. Около 17 часов эшелон 3-го батальона, проходя 283-ю версту по линии Кавказская – Армавир, был обстрелян артиллерией красных. Тотчас же остановился и разгрузился. В это время красные вели бой с 5-м Кубанским пластунским батальоном (улагаевцы), который не выдержал нажим, начал отходить, и в это время подошел наш эшелон. Красные, заметив подход подкрепления, ослабили свое наступление и вскоре совсем оставили его.

Красные отошли на свои позиции, а мы восстановили сторожевое охранение тремя ротами на линии 284-й версты в направлении на станцию Михайловскую, Армавир и Прочноокопскую. 2-й батальон, команды и штаб полка вечером спешно были погружены в эшелон и отправлены на присоединение к 3-му батальону. 1-й батальон продолжал оставаться в городе Екатеринодаре.

13 (26) сентября 2-й батальон прибыл на станцию Кубанскую, разгрузился и около 7 часов подошел к 3-му батальону. Вместе со 2-м батальоном приехал и командир полка. Около 13 часов полк занял исходное положение, повел наступление на бугры, что южнее и правее 283 версты, с целью овладеть ими. 3-й батальон перехватывал железную дорогу, имея одну роту левее ее, две роты правее и одну роту в резерве. 2-й батальон – правее 3-го, выделив две роты в полковой резерв, который расположился за правым флангом полка. Атака была крайне энергична, и после короткого и слабого сопротивления бугры остались за нами, а красные отошли на северо-западные и южные окраины города. Потери у нас незначительные. Ночевал полк на занятых буграх, выставив охранение и выслав разведку к городу³⁵.

14 (27) сентября. Около 4-5 часов к будке 283 версты со стороны Прочноокопской подошла 3-я дивизия. На происшедшем тут же совещании начальников, согласно ранее полученным директивам, решено было сегодня атаковать и взять Армавир. Атака была назначена на 6 часов. Исходное положение было занято следующим образом: 3-я дивизия упиралась в реку Кубань до железнодорожного моста, на полк – правее железной дороги, в том же порядке, в каком остался после боя вчерашнего и правее полка – 4-й Кубанский пластунский батальон. В промежутке между 2-м батальоном и пластунами были поставлены одна рота и 2 батальона. Ровно в 6 часов началось наступление. Красные открыли губительный огонь артиллерией и пулеметами. Продвижение частей стало затруднительным, и тут же выяснилось, что 3-я дивизия еще не успела занять исходного положения, и красные, главным образом, обрушились на нее. Дивизия, с трудом справившись и приведя себя в порядок, повела наступление, но красные были уже наготове и атаки ее отбили. Около 10 часов подошел бронепоезд «Офицер», и с 12 часов бой возобновился с новой силой, и 2-му батальону удалось взять завод «Саломас». Пластуны подошли к Туапсинскому вокзалу, но не взяли его. Наступление вновь приостановилось, а около 16 часов возобновилось с новой силой. Завод переходил несколько раз из рук в руки и в результате остался за красными. Пластуны несколько раз атаковали Туапсинский вокзал, но также безуспешно, и только 3-й батальон к вечеру занял кладбище в 1/2 версте от Владикавказского вокзала. Бой затих. Красные и мы понесли большие потери. Убиты командиры 6-й и 11-й рот, капитан Кобзелевский и полковник Клейн. Около 23 часов красные, разведя пар на паровозе, дали ему полный ход и пустили его в нашу сторону, рассчитывая вывести из строя наш бронепоезд. Но вовремя предупрежденная станция Кубанская предприняла меры, и паровоз разбился, сойдя с рельсов³⁶.

15 (28) сентября. На рассвете, около 5 часов, части, атаковавшие Армавир, отошли на исходное положение. Полк занял прежнее свое место и приступил к постройке окопов³⁷.

16 (29) сентября. 2-й батальон сменен 4-м Кубанским пластунским батальоном, а утром ушел под станцию Михайловскую и, не дойдя 7-8 верст, заночевал в кукурузе, стоя в затылок 2-му батальону 2-го Офицерского стрелкового полка. 9-я рота была переведена на правый фланг и стала в резерв полка у стогов соломы. Приехал генерал Деникин и, благодаря за лихую атаку, сказал: «Чтобы держать за собою Армавир, надо взять станцию Михайловскую».

16 (29) сентября. В отряд вошли 2-й батальон нашего 2-го Офицерского полка и части Самурского полка.

17 (30) сентября. День прошел спокойно. Генерал барон Врангель со своими конными частями вел бой у станции Кургановой и занял ее. На 18-е (1 октября) назначена атака станицы Старо-Михайловской. 3-й батальон по прежнему несет сторожевую службу под Армавиром, отправив 10-ю и 11-ю роты на станцию Отрада-Кубанская, где они погрузились в эшелон. Сторожевое охранение заняли полурота 9-й роты, 12-я рота и 4-й пластунский батальон. Другая полурота 9-й роты передвинулась на станцию Кубанскую.

18 сентября (1 октября). Утром отряд Гвардии полковника Морозова начал наступления на станцию Старо-Михайловскую. Согласно диспозиции на сей день батальон 2-го Офицерского стрелкового полка вел наступление на станицу по обе стороны полевой дороги, что от 283 версты к станице Старо-Михайловской, части самурцев – влево и наш 2-й батальон – в затылок 2-му батальону 2-го Офицерского полка, в шагах 800. При приближении к буграм, что в 2 верстах северо-восточнее станицы, занятыми красными, части батальона 2-го Офицерского полка разделились на 2 половины и, продолжая атаку, ничего не сообщили нашему батальону, и морозовцы очутились лицом к лицу с красными и сразу попали под убийственный огонь пулеметов. Произошло небольшое замешательство, но при спокойствии командующего состава порядок был быстро восстановлен, и батальон лихо пошел в атаку на красных, нанес им большие потери, сбил с бугров, опрокинул назад в станицу и взял несколько пулеметов. Но станицу взять не удалось, так как батальон понес большие потери и никем не был поддержан. По занятии бугров батальон остановился на них и до вечера отбивал малоэнергичные атаки красных. К вечеру бой затих. Потери: около 100 человек убитыми и ранеными. Одна рота похоронила 13 убитых офицеров. Ночью в 23 часа батальон двинулся к станице Петропавловской, что северо-западней Старо-Михайловской³⁸.

Поздно ночью по приказанию штаба Добровольческой армии 2-я рота 1-го батальона (2-я и 4-я) под командой полковника Гаврилина с приданным ему взводом пушек Марковской батареи под командой капитана Тишевского спешно были погружены в эшелон на станции Екатеринодар и отправились на станцию Торговую.

19 сентября (2 октября). Сторожевое охранение 3-го батальона сменено конной сотней полка и 4-м пластунским батальоном и отправлено на станцию Отрада-Кубанская, где и погружено в эшелон 2-й батальон с рассветом Отрада подошел к станции Петропавловской и в 3 верстах северо-восточнее нее расположился в кукурузе, выставив собственное охранение. Отряд полковника Гаврилова (2-я и 4-я роты и 1 взвод пушек Марковской батареи) около 15 часов прибыл на станцию Торговую и стал по квартирам в селе Воронцовском. К этому дню обстановка на этом участке была такова: левый фланг Добровольческой армии (отряд генерала Станкевича) был в селе Медвежьем Ставропольской губернии, правый фланг Донской армии упирался в село Маныч. Почти в 100 верстах – прорыв между армиями, где находился только один конный дивизион есаула Растегаева, одна сотня которого стояла в районе села Ивановского, другая – где-то севернее села Ново-Егорлыцкого. В этот-то прорыв и направлялась конная группа Жлобы, и отряд полковника Гаврилова был выслан для прикрытия станции Торговой.

20 сентября (3 октября). 3-й батальон весь сосредоточен на станции Отрада-Кубанская, где и отдыхает до 30 сентября (13 октября). 2-й батальон продолжает оставаться под Петропавловской.

21 сентября (4 октября). Утром в 8 часов 2-й батальон сел на подводы и, около 14 часов прибыв на станцию Отрада-Кубанская, погрузился в эшелон. 4-я рота (отряд полковника Гаврилова) ушла на линию реки Большой Егорлык для несения сторожевой службы и стала пополюротно в селах Сандатовском и Егорлыцком, держа связь вправо и влево с частями Донской и Добровольческой армий при помощи сотен есаула Растегаева. Отряд простоял в Торговой до 7 (20) октября, когда 4-я рота под давлением красных оставила линию реки и отошла верст на 6-8 к северо-западу, сосредоточившись на хуторе и выставив сторожевое охранение в сторону реки. Во время перестрелки было убито 2, ранено 4. 9 (22) октября на станцию Торговую прибыл Корниловский ударный полк, сменил 2-ю и 4-ю роты, и 10 (23) октября в 14 часов роты погрузились и уехали под город Армавир.

25 сентября (8 октября). В день полкового праздника был отслужен молебен, а вечером праздник был омрачен телеграммой о смерти всеми любимого главы Добровольческой армии – генерала Алексеева, по которому была отслужена панихида.

27 сентября (10 октября). Поздно вечером 1-я и 3-я роты выехали из Екатеринодара под Армавир.

28 сентября (11 октября). Около 16 часов на станцию Кубанскую прибыли 1-я и 3-я роты. Расположились в хуторе Кубанском, где и простояли до 1 (14) октября.

30 сентября (13 октября). Около 8-9 часов 2-й и 3-й батальоны двинулись по направлению к Армавиру, и не доходя до 5-6 верст, 3-й ба-

тальон сменил сторожевое охранение конной сотни, а 2-й батальон стал в имении барона Штейнгеля «Хуторы». Вечером была выслана разведка от 3-го батальона, но никаких результатов она не дала³⁹.

1 (14) октября. В 18 часов 2-й батальон выступил под Армавир. Готовились к новой атаке, днем которой было назначено 2 (15) октября. Положение на фронте Добровольческой армии к этому дню было следующее: генерал Покровский своими конными частями занимал районы станиц Лабинской и Костромской и должен был, действуя в направлении на Невинномысскую, разбить против себя красных и обрушиться на них во фланг и тыл. Генерал барон Врангель (1-я конная дивизия) занимал район станиц Старо-Михайловской и Курганной и должен был атаковать позиции красных, прорвать их и действовать по тылам Армавирской группы. 1-я пехотная дивизия генерала Казановича сосредоточена в районе станции Кубанской, должна атаковать самый город и отбросить красных за реку Кубань. Кубанская самооборона станиц Прочноокопской и Форштадта, занимающая оба этих пункта, упорно обороняла их от красных, пытавшихся переправиться на правый берег реки Кубань. Генерал Слащев (Кубанская пластунская бригада) наблюдал и оборонял правый берег реки Кубани от Убежного до Николаевской. 3-я пехотная дивизия (полковник Дроздовский) и 2-я пехотная дивизия (генерал Боровский) сдерживали натиск красных на город Ставрополь, и еще левей – генерал Улагай (2-я Кубанская казачья дивизия), поддерживающий фланг 2-й пехотной дивизии.

2 (15) октября. К утру части, предназначенные для атаки Армавира, заняли исходное положение в следующем порядке: от реки Кубани вправо – Улагаевский пластунский батальон, правее – наш полк, 6-я рота – до линии железной дороги и в резерв этого участка – 7-я рота. Несколько сзади, за бугорком, стояли 2 легких орудия. Правее железной дороги – 8-я, 5-я, 11-я и 10-я роты, в резерве, уступом за правым флангом и выслав туда же разведку, стояли 9-я и 12-я роты. 1-я и 3-я роты – в полковом резерве у железной дороги между 280-й и 281-й верстами. Правее расположения нашего полка с некоторым прорывом расположены были Сводно-Гвардейский и Лабинский казачий полки, которым была задача атаковать красных вдоль Туапсинской железной дороги. Согласно приказанию, наступление частей должно было начаться по появлении нашего бронепоезда «Единая Россия» в 10 часов. Едва только «Единая Россия» стал приближаться к цепям, как бронепоезд красных «Пролетариат» быстрым и неожиданным своим выдвижением и сильным огнем своим заставил «Единую Россию», не дойдя до цепей (как было условлено), отойти несколько назад. Начало атаки задерживалось. Наконец около 10 1/2 часов «Единая Россия» на полных парах вышел на линию наших цепей, обстреливая красных сильным артиллерийским огнем. Атака началась.

2-й батальон при поддержке «Единой России» стремительно атаковал красных. 6-я и 7-я роты, не обращая никакого внимания на убийственный огонь «Пролетариата», заняли пулеметный холм, завод и кладбище, выходя к Владикавказскому вокзалу, но вынуждены были приостановить свое движение и залечь на кладбище ввиду того, что справа не все было благополучно. Сводно-Гвардейский пехотный и Лабинский казачий полки были обойдены Таманскими красными конными полками и вынуждены были отойти. В силу этого 3-й батальон, 5-я и 8-я роты не могли взять Туапсинский вокзал. 6-я и 7-я роты, бывшие в районе кладбища, были взяты под сильный пулеметный и ружейный огонь, и в тоже время были атакованы конным полком красных, но с честью вышли из этого положения, отбив конницу огнем, несмотря на несколько раз прорывавшийся им в тыл «Пролетариат», подвергший 6-ю и 7-ю роты убийственному огню с фланга и тыла. Справа же в это же время произошла настоящая катастрофа. Гвардейский полк не выдержал атаки красной конницы, бросился бежать и целиком стал достоянием красных¹⁰. Здесь пал смертью храбрых командир 1-го Офицерского генерала Маркова полка, доблестный Гвардии полковник Дорошевич, который отбивался от красных до последнего патрона. Командир полка, полковник Тимановский, видя тяжелое положение 3-го батальона, ввиду случившегося с Гвардейским полком около 15 часов бросил в атаку на Туапсинский вокзал конную сотню. Но атака ее не удалась, и сотня, потеряв несколько всадников, вернулась обратно. Почти одновременно с конной сотней по приказанию командира полка полковой резерв (1-я и 3-я роты) был передвинут к правому флангу полка, где и встал в резерв за 3-м батальоном. 3-й же батальон, атаковав красных, после гибели Гвардейского полка принужден был начать отход. Но сделать это было не так легко, так как красные неотступно следовали за ним и готовы были броситься в атаку. Контратака была очень успешна, и 3-й батальон к вечеру благополучно отошел в исходное положение. Полк понес тяжелые потери. Тяжело ранены командиры 5-й и 7-й рот полковник Крестов и подполковник Наумов. Полк занял прежние позиции у Армавира⁴¹.

3 (16) октября. Приступлено к укреплению позиций, постройке землянок и прочее. Командир полка полковник Тимановский назначен командиром бригады 1-й пехотной дивизии, командиром полка – генерал-майор Ходаковский. Рано утром под командой полковника Гаврилова на станцию Кубанскую прибыли 2-я и 4-я роты (из района станции Торговой) и стали в резерв за правым флангом полка.

Общее положение на фронте Добровольческой армии к 12 (25) октября: после неудачной попытки 2 (15) октября овладеть Армавиrom части Добровольческой армии, непосредственно атаковавшие этот же участок, отойдя на прежние позиции, заняли пассивное, выжидатель-

ное положение. 1-я конная дивизия генерала Врангеля также принуждена была занять выжидательное положение, ограничиваясь разведывательной деятельностью. Но зато деятельность красных под Ставрополем проявлялась самым активным образом. Имея перед собой остатки 2-й и 3-й пехотных дивизий, численностью около 500 штыков и 250-300 сабель, красные перешли в энергичное наступление и, с большим трудом сдерживаемые нашими частями, овладели городом Ставрополем, продолжая свое движение на запад в Армавирском направлении и на северо-западном по железнодорожной линии Ставрополь – Кавказская. Главное командование, учитывая создавшееся положение, решило взять Армавир и разгромить эту группу красных, насчитывавшую в своих рядах до 15 тысяч штыков и сабель. Атака назначена на 13 (26) октября.

13 (26) октября. В ночь с 12 на 13 (25 на 26) октября была произведена перегруппировка, и к рассвету части заняли исходное положение. Краткая диспозиция такова: 1-й Кубанский стрелковый полк, располагаясь правее Туапсинской железной дороги, атакует красных в направлении железной дороги; 1-й Офицерский генерала Маркова полк, упираясь левым флангом в полотно Владикавказской железной дороги, атакует красных, занимающих Туапсинский вокзал и завод «Саломас», и Улагаевский пластунский батальон от полотна Владикавказской железной дороги до реки Кубани атакует кладбище и вдоль реки Кубани. Ночью подошли 2-я и 4-я роты, присоединившись к своему 1-му батальону, и после произведенной перегруппировки батальоны заняли положение: 1-й батальон – правее железной дороги, с задачей атаковать завод «Саломас», Владикавказский вокзал; 2-й батальон – правее 1-го с задачей атаковать Туапсинский вокзал; 3-й батальон – полковой резерв. В 10 часов над Туапсинским вокзалом разрывается снаряд (условный знак начала общей атаки), и батальоны, поддержанные артиллерией и бронепоездами, бросились в атаку. Противник Таманской армии не ожидал атаки и пытался отбить нас огнем. Но порыв и движение наших частей настолько были стремительны и неудержимы, что красные сразу были сбиты и побежали. Часть их была захвачена в плен, часть перебита, а остальные – панически настроенные – убежали. Атака продолжалась всего 15 минут, и город был взят. Захвачены богатые трофеи. Потери наших крайне незначительны⁴².

14 (27) октября. В ночь с 13 на 14 (26 на 27) октября произошла перегруппировка. Марковцы остались на прежнем месте, по правую сторону железной дороги, улагаевцы – по левую, до реки Кубани, и 1-й Кубанский стрелковый полк перешел на правый берег Кубани, заняв Форштадт. Атака красных, занимавших левый берег реки Уруп назначена на 12 часов. Рано утром в город подошел 7-й Кубанский пластунский батальон и стал в резерв нашей дивизии на станции Армавир-Владикавказская.

Ввиду болезни полковника Тимаковского во временное командование бригадой вступил генерал Ходаковский, полком – полковник Наркевич, и 3-м батальоном – полковник Булаткин. К утру же выяснилась линия, занимаемая красными. Позиция красных проходила по целому ряду бугров левого берега реки Урупа, имела заранее подготовленные окопы и ровную открытую местность перед собой. В тылу же у себя красные имели крутой обрывистый берег и всего лишь одну переправу через реку. В 12 часов при поддержке бронепоездов «Единая Россия» и «Генерал Корнилов» полк начал атаку позиций. Батальоны шли: 1-й – правее железной дороги, 2-й – вправо от него, и 3-й – уступом за 2-м батальоном. Атака была настолько стремительна, что наша артиллерия не успела открыть огня для поддержки атакующих. Красные встретили полк ураганным пулеметным и орудийным огнем, но все же натиска не выдержали и, оставив свои позиции, бросились бежать. Большая часть красных бросилась к единственной переправе. Но подбежав к ней и оценив безвыходность создавшегося положения (сзади крутой овраг, около 5 саженьей высоты, единственный мост, а впереди беспощадный противник), перешли в контратаку, но тотчас же были смяты и отброшены в реку Уруп, где гибли массами в ледяной воде. Другая, меньшая часть (около 500 человек), отделившись, сильно уклонились вправо и столкнулись со взводом пехоты, высланным 3-м батальоном для наблюдения и охраны фланга. Взвод замялся, положение это было своевременно замечено начальниками, и моментально 2 броневомобиля бросились в самую их гущу. Вскоре сюда же подоспел и весь 3-й батальон, и группа красных была ликвидирована. Часть взята в плен, часть разбежалась, и очень много погибло в реке Уруп.

В это время 1-й батальон занял железнодорожную переправу через реку Уруп, и вскоре весь полк переправился на правый берег. 1-й батальон перешел в хутор Вольный в 5 верстах юго-восточнее переправы на берегу реки Кубани, а 2-й и 3-й батальоны ночевали на холмах правого берега.

15 (28) октября. С рассветом приказано полку наступать с целью овладения станцией Коноково и селом Успенским. На правом берегу реки Кубани – 1-й Кубанский стрелковый полк, на левом – улагаевцы и наш полк и правее нашего полка – 7-й Кубанский пластунский батальон. С рассветом полк, 1-й батальон правее 2-го и 3-й батальон в полковом резерве при поддержке бронепоездов «Единая Россия» и «Вперед за Родину» начали наступление. Красные, не оказывая сильного сопротивления, медленно и в порядке (цепями) постепенно отходили, и в 16 часов 2-й батальон занял станцию Коноково. На 1-й же батальон при его подходе к селу красные перешли в контратаку, и бой закипел с особой силой. Но вскоре подоспел 7-й пластунский батальон, вышедший им во фланг, и атака была отбита. Красные отошли, и 1-й батальон занял село Успенское. Потери незначительны. Против-

ник отошел в юго-западном направлении по линии железной дороги. 3-й батальон, став на станции Коноково, выставил сторожевое охранение. 1-й и 2-й батальоны на ночлег остановились в селе Успенском.

16 (29) октября. Получено приказание занять село Маламино. Полк выступил из села Успенского в 10 часов, имея в авангарде 2-й батальон. Село Маламино оказалось красными очищено и занято нами около 16 часов. Выйдя из села Маламино, в трех-четыре верстах от него авангард около 17 часов наткнулся на сильное сопротивление красных, и на усиление 2-го батальона были введены постепенно 1-й батальон, а затем 2-й, которые разворачивались вправо один от другого. Перешедший в контратаку противник был отбит, но продолжал, распространяясь вправо, охватывать фланг 3-го батальона, в силу чего последний переменял направление почти на юг. Несколько позже оказалось, что 7-й Кубанский пластунский батальон, шедший правее нас, отстал на несколько верст, благодаря чему и создалась угроза нашему правому флангу и тылу. 1-й Кубанский стрелковый полк, шедший по правому берегу реки Кубани, также отстал, и благодаря этому, артиллерия красных простреливала наши цепи продольным огнем. К товарищам около 18 часов подошли два эшелона пехоты, которые тотчас же выгрузились и втянулись в бой. Силы были крайне неравномерны. Перед самым наступлением темноты, дабы не дать себя окружить, полк перешел в решительную контратаку и оттеснил товарищей версты на две. Красные наступления не возобновляли, и к темноте бой затих. Около 2-х часов полк оттянут в село Маламино и выставил сторожевое охранение от 3-го батальона. Ночью, ввиду создавшегося положения вправо и влево от нас, полк получил приказание оставить Маламино и отходить к станции Коноково. Начав около 24 часов отход, пройдя версты 3, полк снова получил приказание вернуться в Маламино. 3-й батальон не успел даже еще сняться с места, полк вернулся и стал по квартирам на ночлег.

17 (30) октября. К утру красные, подтянув резерв, совместно с конницей в 8 часов перешли в наступление на село Маламино. 2-й батальон, левым флангом в реку Кубань, занял бугры юго-восточнее окраины селения. Правее по окраине расположился 3-й батальон, и в тыл между ними – 1-я отдельная Кубанская сотня. 1-й батальон остался в деревне, за правым флангом полка. Правее полка, уступом сзади находился 7-й Кубанский пластунский батальон, вне огневой связи с полком. Согласно приказанию батальоны должны были подпустить красных на дистанцию 600 шагов, открыть ураганный ружейный и пулеметный огонь и перейти в контратаку совместно с 1-м батальоном, который должен был, развернувшись правее, охватить флангом противника. Красная пехота вела наступление очень вяло. Подпустив товарищей на указанную дистанцию, батальоны открыли огонь. Завязалась перестрелка. Вскоре был убит командир 1-й от-

дельной Кубанской сотни, и сотня, потеряв своего командира (единственный офицер в сотне), пришла в расстройство и оставила позицию, отойдя в деревню. Благодаря этому связь между 2-м и 3-м батальонами была нарушена, и образовался угрожающий прорыв между ними. Красная конница, заметив создавшееся у нас положение, бросилась за этой сотней и ударила во фланг и тыл 2-му батальону. Одновременно с этим красная кавалерия охватила левый фланг 3-го батальона и бросилась в промежуток между 1-м и 3-м батальоном. 2-й батальон с большим трудом, не имея возможности предупредить о случившемся соседней, начал отходить по берегу реки Кубани. 1-й же батальон, разрезанный конницей с 3-м батальоном, также вышел за Маламино. 3-й батальон, атакованный с обоих флангов конницей и с фронта пехотой, начал отход через деревню, отбиваясь со всех сторон от красных. Войдя в деревню, уже занятую красной кавалерией, батальон с большим трудом, пользуясь канавками, изгородями и прочим, отошел за селение и присоединился к полку. Тут выяснилось, что 7-й Кубанский пластунский батальон тоже отошел и обнажил фланг полка. В силу чего полк около 15 часов начал отход к селу Успенскому, а затем и селу Коноково, куда и подошли к 17 часам. В это время на станцию Коноково приехал генерал Деникин и, узнав о тяжелом положении полка, приказал держать нас в резерве. Потери полков в этот день очень большие. Убит командир 11-й роты подполковник Табунов. Расположившись в селении Коноково, полк привел его в оборонительное состояние и расположился на ночлег, выставив охранение. Станцию занял 7-й Кубанский пластунский батальон.

18 (31) октября. С утра красные повели наступление на станцию Коноково. Пластуны не выдержали и начали отходить на реку Уруп. Полк согласно приказанию также отошел и задержался на линии хутора Вольный на холмах. День прошел спокойно.

20 октября (2 ноября). В 9 часов полк выступил из хутора Вольный с целью наступления на станцию и село Коноково, но, подходя к станции, было замечено, что 1-й Кубанский стрелковый полк отходил на правом берегу реки Кубани под сильным давлением красных к станице Прочноокопской. Этим создавалась угроза Армавиру с востока и севера. Ввиду этого, дождавшись темноты, полк отошел к хутору Вольный. Общее положение фронта Добровольческой армии к 21–22 октября (3–4 ноября) можно было назвать катастрофическим. На левом фланге армии части 2-й конной дивизии генерала Улагая в районе Московского, части 2-й и 3-й пехотных дивизий, вернее, остатки, в районе ст. <нрзб.>, и остатки пластунской бригады генерала Слащева в районе Сенгилеевской, оставив город Ставрополь, теснятся сильнейшим противником, еле-еле сдерживая его натиски. Части 1-й пехотной дивизии, потерпев неудачу в районе

Коноково – Маламино и понеся большие потери, также отошли почти к Армавиру. Казалось, что нет сил, чтобы справиться с красными.

21 октября (3 ноября). Генерал барон Врангель, расположенный в районе Урупской, наносит своими конными частями сокрушающий удар красным, прорывая их расположение в районе станицы Урупской, на правом берегу реки Уруп, и ударяя в тыл красным частям, действовавшим против нашей 1-й пехотной дивизии и на станции Коноково. Генерал Покровский своими конными частями наносит удар в направлении на станицу Невинномысскую и занимает ее. Генерал Врангель, разбив красных против себя и 1-ой пехотной дивизии, переправился на правый берег реки Кубани и помог частям, действовавшим в районе Ставрополя. Этот удар генерала Врангеля спас все положение.

22 октября (4 ноября). Вечером полк погрузился в эшелоны и двинулся на станицу Овечка. 1-я, 2-я и 3-я роты под командой полковника Докукина переброшены на станицу Невинномысскую для оказания поддержки частям генерала Покровского.

23 октября (5 ноября). Утром 1-й батальон возвратился на станицу Овечка. 2-й и 3-й батальоны под командой полковника Булатки на переброшены в Армавир, где и ночевали.

24 октября (6 ноября). Утром отряды 2-го и 3-го батальона выгрузились и подошли к станице Прочноокопской с целью выбить оттуда красных, захватив в свои руки переправу через реку Кубань. Пройдя почти к самому берегу, полковник Булаткин вызвал охотников, и под прикрытием пулеметного огня последние бросились на переправу и захватили ее. Красные, не оказав почти никакого сопротивления, очистили станицу. Отряд станицу занял и переночевал.

25 октября (7 ноября). Утром 2-й и 3-й батальоны выступили из станицы в Армавир, где погрузились в эшелон, и переброшены на станицу Николаевскую, куда к этому времени прибыл и 1-й батальон со станицы Овечка¹³.

27 октября (9 ноября). Около 15 часов полк выступил в хутор Николаевский, где и заночевал.

28 октября (10 ноября). Около 9 часов полк согласно приказу выступил в хутор Недреманный, имея в авангарде 1-й батальон. Верстах в 3-4 от хутора (северо-восточнее) находилась гора Недремная, которой полк и должен был сегодня овладеть. Около 15 часов авангард, пройдя в хутор, в 1-й версте от него завязал бой с красными. Правее, со стороны Темнолесской, действовал генерал Покровский со своими конными частями, левее, в сторону Сенигилеевской – 1-й Кубанский стрелковый полк. Красные занимали весь горный хребет и оказывали серьезное сопротивление. На усиление 1-го батальона был брошен 2-й, а 3-й батальон был поставлен в прорыв, между полком и генералом Покровским, уступом сзади. Наступление велось медленно и к на-

ступлению темноты совершенно приостановилось. Цепи наши были в 1/2 версты от красных.

29 октября (11 ноября). На рассвете 1-й батальон без выстрела атаковал красных. Атака была настолько стремительна и неожиданна, что красные быстро очистили гору, не нанеся почти потерь батальону. Но вскоре, приведя себя в порядок, противник перешел в контратаку, но был отбит с большими потерями. До 8 часов красные переходили 5 раз в контратаку, и на поддержку 1-го батальона был рассыпан 3-й вправо, а потом и 2-й влево. Все атаки красных были безуспешны, и к 8 часам гора осталась за нами, а красные отошли в хутор Средне-Егорлецкий. В наши руки попало много пленных, оружия и т.п. Около 12 часов, приведя себя в порядок и отдохнув, полк повел наступление на Средне-Егорлецкий в 12 верстах от горы Недреманной, все время идя цепями. Около 16 часов почти без сопротивления хутор остался за нами, но за хутором красные, оказав сильно сопротивление, стали отходить на город Ставрополь. Около 19 часов наши заняли хутор Верхне-Егорлецкий без боя, где и остановились на ночлег, выставив сторожевое охранение от 2-го батальона. За ночь взяли до 400 перебежчиков⁴⁴.

30 октября (12 ноября). На сегодня назначена атака горы Меловой. Около 14 часов полк, имея 2-й и 3-й батальоны в передовой линии, 1-й батальон в резерве, начал атаку горы. Гора имела почти отвесный склон, что и затрудняло крайне движение батальонов. Несмотря все же на это и на убийственный огонь красных, который около 17 часов достиг наивысшего напряжения, гора осталась за нами. Продвигаясь далее почти без сопротивления, полк к вечеру занял небольшую часть села Татарское, южную окраину. Центр же селения и северная его часть были в руках красных. Выставив сторожевое охранение, полк расположился на ночлег. Потери за этот день небольшие.

31 октября (13 ноября). Весь день шел бой на улицах села Татарское. Красные несколько раз переходили в контратаку, но были отбиваемы, и к вечеру они отошли на северную окраину селения. Потери были большие и особенно сказывались ввиду небольшого состава полка.

1 (14) ноября. Около 7 часов красные перешли в атаку, сбили наше сторожевое охранение и потеснили его квартала на два назад. Собравшийся полк тотчас же перешел в контратаку и выбил красных из села Татарское совершенно, которое и было нами окончательно занято около 9 часов, и полк занял позицию на железной дороге. Около 14 часов красные снова повели наступление на село Татарское, но 7-й пластунский батальон, бывший влево от нас, ударом во фланг быстро нагнал красных, и последние отошли на село Надежденское. Полк отошел на ночлег в село Татарское. Сторожевое охранение было выставлено от 1-го и 2-го батальонов.

2 (15) ноября. За ночь были получены сведения о взятии города Ставрополя. В командование полком вступил Генерального штаба

полковник Гейдеман. В 9 часов полк выступил походным порядком в город Ставрополь. Не доходя двух верст до города, полк получил приказание атаковать немедленно красных, ведущих наступление из села Надежденское на село Татарское с выходом в тыл городу. Около 12 часов 2-й и 3-й батальоны, развернувшись, повели наступление на село Надежденское. Красные тотчас же наступление приостановили, заняв позицию, и завязалась перестрелка. Вскоре развернулся 1-й батальон, и весь полк двинулся в атаку на красных. Красные оказали сильное огневое сопротивление и вскоре начали отходить к селу Надежденское. Потери у нас ничтожные.

3 (16) ноября. В 9 часов 2-й и 3-й батальоны подошли к 1-му батальону, и полк развернулся, повел наступление на село Надежденское. Красные оказали сильнейшее сопротивление. В особенности тогда, когда 1-м батальоном были заняты несколько окраинных домов. К тому же, погода изменилась к худшему (пошел дождь со снегом и туман), и наступление около 17 часов пришлось приостановить. Ночевал полк на позиции, выставляя от каждого батальона сторожевое охранение. Потери около 15 человек убитыми и ранеными.

4 (17) ноября. 2-й и 3-й батальоны вели упорный бой с красными и, с большим трудом продвигаясь вперед по улицам, к вечеру овладели половиною села Надежденское. 1-й батальон стоял на месте, обеспечивая правый фланг полка. На ночь все батальоны выставляли сторожевое охранение.

5 (18) ноября. К утру красные совершенно очистили село Надежденское, и полк, заняв его, выставил сторожевое охранение. Где и простоял до 9 (22) ноября.

9 (22) ноября. Рано утром полк выступил из села Надежденское походным порядком и около 11 часов прибыл в город Ставрополь, где и расположился по квартирам, неся гарнизонную службу⁴⁵.

16 (29) ноября полк погрузился в эшелон и к вечеру прибыл на станцию Старо-Марьевку, где выгрузился и заночевал в селе Старо-Марьевском.

17 (30) ноября. Утром полк выступил в направлении на село Коновка с целью выбить оттуда красных. Для выполнения этой задачи были направлены: правее 1-й Кубанский стрелковый полк и левее 2-й конный полк. В 10 часов полк развернулся и всеми батальонами перешел в наступление. Красные занимали позицию по западной окраине селения и высоты левее его. Перед позиций противника протекала болотистая речка. Наступление полка красные встретили убийственным пулеметным и ружейным огнем. Тут же вскоре обнаружился неуспех 1-го Кубанского стрелкового полка, вследствие чего полк, приостановив наступление, отошел на исходное положение и, имея боевой порядок, заночевал. Потери очень значительные. Ранены командир бригады генерал-майор Тимановский, командир 6-й роты Ала-

бовский, 7-й роты – капитан Павлов и 9-й роты – штабс-капитан Борцов⁴⁶.

18 ноября (1 декабря). Полк окапывается.

19 ноября (2 декабря). В 15 часов полк, имея расположение батальонов в порядке их номеров, начал наступление на село Кононовку. Перед позицией красных параллельно ей проходил глубокий овраг с обрывистыми берегами. Красные оказали сильнейшее огневое сопротивление, и, благодаря чрезвычайной трудности форсирования оврага, полк приостановил наступление и окопался. С наступлением темноты было выставлено сторожевое охранение, и заночевали на позиции.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРОНТА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ 16 (29) – 21 НОЯБРЯ (3 ДЕКАБРЯ) 1918 г. И УДАР ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ

С занятием нами города Ставрополя очередной задачей становилась полнейшая ликвидация красных на Северном Кавказе, силы которых еще были довольно внушительны. Операция, начатая 1-й пехотной дивизией в районе села Кононовки – Спицевки, не давала желательных результатов в силу превосходящих сил красных и крайней малочисленности наших частей. К утру 20 ноября (3 декабря) расположение добровольческих частей в районе о. Бешпагир – станция Грачевка было следующим. В районе Бешпагир – конные части генерала Покровского. В районе села Кононовки и села Старо-Марьевского – 1-я пехотная дивизия, и в районе станицы Грачевка и несколько севернее – конная группа генерала Врангеля, около 4-5 тысяч сабель. 21 ноября (4 декабря) утром генерал Врангель, прорвав красных, нанес удар им в тыл и фланг села Кононовки, и красные покатались на восток и юго-восток.

21 ноября (4 декабря). День начался перестрелкой. Согласно диспозиции, полк должен был начать атаку села Кононовки, когда 1-й Кубанский стрелковый полк, ведущий довольно успешный бой с красными на подступах к этой деревне с южной стороны, подойдет на нашу линию. Около 8 1/2 часов командир полка, полковник Гейдеман, выехал вперед для рекогносцировки позиции красных, был ими подпущен на близкую дистанцию и раздавшимися неожиданно залпами был убит. Во временное командование полком вступил полковник Булаткин. Около 9 часов показались цепи противника. Красные перешли в наступление. Но вскоре что-то замялись, потоптались немного на месте, повернулись назад и в беспорядке бросились убежать, оставив Кононовку. Оказалось, что конные части генерала Врангеля сделали свое дело. Тотчас же полк поднялся и цепями двинулся на Кононовку, прошел ее и остановился на восточной ее окраине. Около 10 часов полк в колонне пошел на село Сергеевское, но,

пройдя версты 3-4, было получено приказание отправиться на ночлег в Спицевское, куда полк и прибыл к 15 часам и расположился по квартирам⁴⁷.

25 ноября (8 декабря). Бывший генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии Генерального штаба полковник Сальников принял наш полк.

27 ноября (10 декабря). Полк перешел в село Сергеевское.

28 ноября (11 декабря). Полк перешел в село Грушевское.

29 ноября (12 декабря). Около 7 часов части красной конной дивизии Кочергина сделали налет на село Грушевское и благодаря тому, что нами не выставлялось никакого охранения, заняли восточную его окраину. Тотчас же по тревоге был собран на церковной площади весь полк. К этому времени красные успели окружить деревню, и наш полк начал выбивать красных со всех четырех сторон, и часам к 10 деревня была очищена, и красные отошли по направлению к Падинскому. Полк, выйдя несколько вперед окраины, окопался и выставил наблюдение в сторону противника. Около 15 часов спешенная красная конница снова повела наступление на полк, но, подойдя шагов на 800, залегла и не поднималась до вечера. Пользуясь темнотой, красные ушли. Полк на ночлег отошел в село Грушевское и выставил сторожевое охранение на все четыре стороны.

5 (18) декабря. В 24 часа 1-й батальон ушел в село Калиновское, куда прибыл около 3 часов 6 (19) декабря и сменил 1-й Кубанский стрелковый полк, который получил задачу взять Александровское. Сторожевое охранение выставлено было в сторону Падинских хуторов.

12 (25) декабря. 1-й батальон, смененный 1-м Кубанским стрелковым полком, не удержавшим Александровского, пришел в село Грушевское, соединившись с полком.

14 (27) декабря. Около 9 часов 2-й, 3-й батальоны и 4-я рота выступили на село Медведовское с целью овладения им, но ввиду тумана и скверной погоды подошел к селению поздно и заночевал перед ним в поле, в снегу. 1-я, 2-я и 3-я роты и одна сотня 1-го Кубанского стрелкового полка под командой полковника Блейша остались в селе Грушевском нести сторожевую службу.

15 (28) декабря. Около 9 часов согласно диспозиции 1-й Кубанский стрелковый полк, бывший левее нас, перешел в наступление, сбил красных и дошел до бугров, что западнее села Медведовского. Но красные вскоре перешли в контратаку и потеснили кубанцев. В это время наш полк, имея в боевой линии 2-й и 3-й батальоны и 4-ю роту в полковом резерве, перешел в энергичное наступление, сбил красных и около 10 часов занял село Медведовское, выйдя на северо-восточную его окраину. Красные отошли на село Шишкино. Мы спали по квартирам, а 1-й Кубанский стрелковый полк выставил сторожевое охранение.

16 (29) декабря. В 7 часов полк выступил из села Медведовского на село Шишкино с целью овладения им, имея 3-й батальон в авангарде. Не доходя 2-х верст до селения, полк развернулся: 3-й батальон оседлал дорогу, 2-й батальон левее 3-го и 7-я рота в полковом резерве. И около 11 часов при поддержке артиллерии и конных частей генерала Покровского, действовавшего версты 1 1/2 от нас влево, перешел в наступление. Красные оказали сильное сопротивление, но все же нам удалось занять половину села. В эту минуту перед частями генерала Покровского неожиданно появился трактор, вооруженный пулеметами. Конные части не выдержали и начали отходить. Красные же, заметив отход нашей конницы, большими силами обрушились на 3-й батальон, который напора этого не выдержал, и полк начал отходить. Отход совершался с большим трудом и потерями. Отойдя на 1/2 версты от села Шишкино, задержались и, окопавшись, простояли до темноты, когда обозначился обход нашего правого фланга. В 22 часа полк оставил позицию и перешел в село Медведовское и стал по квартирам. Убиты командир 3-го батальона, полковник Волнянский, и полковник Миончинский. Около 15 часов пехота красных при поддержке небольших конных частей и артиллерии повела наступление на село Грушевское со стороны Падинского. В силу большого тумана красные были обнаружены в нескольких шагах от окраины, и 1-му батальону пришлось разворачиваться в самой деревне. Завязавшийся огневой бой не приносил никаких результатов. С наступлением темноты 1-й батальон отошел в сторону деревни к церкви и расположился на ночлег, заняв сторожевым охранением все выходы к противнику. Во время боя со стороны красных был перебежчик, сообщивший, что завтра, 17 (30) декабря, на Грушевское будут наступать 2 пехотных и 1 конный полки⁴⁸.

17 (30) декабря. Около 7 часов красные повели наступление на село Медведовское. Тотчас же 3-й батальон занял бугры, что восточнее селения. 2-й батальон – северо-западную окраину селения, и левее занял позицию 1-й Кубанский стрелковый полк. Главный удар красных был направлен на 3-й батальон, который сдерживал их натиск до 12 часов. Одновременно красные напали на 1-й Кубанский стрелковый полк, который, не выдержав их натиска, начал отходить в 11-12 часов, благодаря чему создалась угроза 3-му батальону. В 12 часов под прикрытием 7-й роты начался отход полка на село Ореховское. 7-я рота оказала серьезное сопротивление, задержав продвигающихся красных часа на 2-3, и потом отошла на присоединение к полку. В село Ореховское пришли к вечеру, где и заночевали, выставив сторожевое охранение в сторону сел Медведовского и Грушевского. Рано утром 1-й батальон произвел разведку и, установив отсутствие красных, снова занял всю деревню, выставив сторожевое охранение в сторону Падинского и Медведовского. В 7 часов со стороны се-

ла Шишкино показались густые цепи красной пехоты со спешенной конницей, которые, показавшись на горизонте, стали принимать вправо, постепенно приближаясь к Грушевскому. Приблизившись версты на 1 1/2, красные, наступавшие со стороны Шишкино, повернули и повели наступление прямо на Грушевку. Одновременно с этим на буграх показались густые цепи красных. Красные, приближаясь к селу, все время вели интенсивный огонь. Огонь нами был открыт с расстояния около 1500 шагов. Около 10 1/2 часов со стороны Высоцкого на помощь батальону подошел 29-й казачий полк с 1-м орудием. Орудие это тотчас приняло участие в бою, чем несколько сдерживало красных, а полк выслал разъезды на фланги, оставаясь в нем около церкви. Около 12 часов ясно обозначилось полнейшее окружение села Грушевского, и батальон и казачий полк начали отходить по дороге на село Сергеевское. Пулеметы красных, установленные на холмах севернее и южнее селения, расстреливали отходивших. При выходе из села 2-й Уманский полк развернулся и бросился в атаку на бугры, что западнее села, сбил красных, и в образовавшийся прорыв успели проскочить остатки 1-го батальона. Потери огромны. Из роты генерала Маркова вышло только 4 человека, из 3-й – 15-20 человек, 14-я сотня 1-го Кубанского стрелкового полка погибла вся. Около 22 часов батальон пришел в Сергеевское и расположился на ночлег. Сторожевое охранение выставили уманцы⁴⁹.

18 (31) декабря. 1-й батальон перешел в село Ореховское и соединился с полком.

19 декабря (1 января 1919 г.). Около 7 часов красные большими силами атаковали села Ореховское и Высоцкое. Благодаря большому туману им удалось подойти почти на 30 шагов, и, обойдя фланги 2-го и 3-го батальонов, неожиданным ударом сбили нас, и мы отошли в Высоцкое и заняли его западную половину. Полк быстро был приведен в порядок, занял позицию и оставался на ней до вечера. Красные больше не наступали, и до самой темноты полк оставил селение и отошел на бугры, что юго-западнее его, по направлению к Сергеевскому. Ночевали в поле.

20 декабря (2 января). Перегруппировка. Полк отошел версты на 3 в юго-западном направлении и занял позиции в поле. 1-й Кубанский стрелковый полк расположился левее нас, против села Высоцкого, правее – одна сотня 2-го Запорожского казачьего полка. Весь день шла перестрелка⁵⁰.

21 декабря (3 января). Около 7 часов красные большими силами перешли в наступление, и мы, в силу крайнего переутомления, начали отходить в сторону села Сергиевского, не оказав красным почти никакого сопротивления и имея ничтожные потери. Около 7 1/2 часов мы перешли в контратаку, но она была настолько вяла и нерешительна, что красные, отойдя немного, снова перешли на нас в наступ-

ление, и мы начали отходить. Около 8 1/2 часов сотня 2-го Запорожского казачьего полка, выждав благоприятный момент, бросилась во фланг красным, смяла их и погнала. Красные побежали, сломя голову. Наш полк тотчас же перешел в контратаку. Успех полный. Взято в плен 500 человек (весь 5-й Таманский красный полк) и 18 пулеметов. Около 10 часов подошли к селу Высоцкому и заняли его и село Ореховское, выставив сторожевое охранение по буграм. Ночевали в селе Ореховском⁵¹.

ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ К СЕРЕДИНЕ ДЕКАБРЯ 1918 г. И РЕШАЮЩИЙ УДАР ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ

В середине декабря положение Добровольческой армии на Северном Кавказе в районе Ставрополя было близко к катастрофическому. В середине декабря красные по всему фронту от Кавказских гор до Маньчжских озер перешли в решительное наступление. На крайних флангах они были, хотя и с трудом, сдержаны корпусами генералов барона Врангеля и Покровского. На Невинномыском же направлении и особенно Ставропольском подавляющие силы красных теснили шаг за шагом наши измученные части генералов Ляхова и Казановича. Резервов в тылу не было, кроме пополнявшегося в Екатеринодаре Корниловского ударного полка, что для такого громадного фронта совершенно являлось недостаточным. Особенно безвыходным казалось положение 20—21 декабря (2—3 января), когда 1-й корпус генерала Казановича, отошедший в районе села Сергиевского на реку Калаусь, насчитывал в своем составе всего около 600 штыков (два полка – Марковский и Кубанский стрелковый) и 800-900 шашек (1-й конный генерала Алексева и 2 казачьих полка), а против него была полностью Таманская армия красных, силою не менее 20-25 тысяч штыков и шашек при 100 орудиях. Невольно закрадывалось мыслю о последних днях Добровольческой армии.

Положение было спасено блестящими действиями 1-го конного корпуса генерала барона Врангеля. Его маневр заключался в следующем: на всем громадном фронте от села Покровского до Маньчжских озер (свыше 120 верст) было оставлено 2-3 конных полка, весь же остальной корпус (около 10 полков) двумя ночными тяжелыми маршами по невылазной ставропольской грязи к 23 декабря (5 января) был сосредоточен в районе Петровское – Донская Балка. Утром 23 декабря (5 января) 1918 г. вся эта масса конницы (не менее 4000 шашек при 10-15 орудиях), управляемая лично генералом Врангелем, нанесла внезапный стремительный удар в обход правого фланга Таманской армии, в районе примерно «Сухой буйвол». Удар, нанесенный неожиданно с севера корпусом генерала Врангеля, который

красные считали разбросанным на громадном фронте до Маныча, имел для них роковое последствие. Перегруппировки красные сделать не могли, так как удар генерала Врангеля развивался со стремительной быстротой, прийдясь во фланг и даже в тыл противнику. В 1-2 дня было взято 1-2 штаба дивизии, несколько полковых штабов, несколько тысяч пленных и несколько десятков орудий. Управление было нарушено, так как штаб Таманской армии бежал на восток на Святой Крест*. Части были предоставлены сами себе и, несмотря на зачастую героическое сопротивление, гибли под ударами наших численно слабых, но хорошо управляемых войск. Через несколько дней грозная для нас Таманская армия бежала в восточном направлении на Святой Крест и Минеральные воды, превращаясь в дезорганизованную толпу беглецов. Весь фланг красных от Маныча до Кавказских гор дрогнул и обрушился в бегство, преследуемый с севера вдоль железной дороги Армавир – Минеральные воды – Владикавказ – Петровск 1-м конным корпусом генерала Покровского. Это выдающееся непрерывное параллельное преследование конницы с обеих флангов привело к тому, что в течение менее 2-х месяцев нами был очищен от красных весь Северный Кавказ. Грозная Красная армия, владеющая им, прекратила свое существование.

24 декабря (6 января). Около 8 часов полк выступил в село Калиновское и, расположившись по квартирам, выставил сторожевое охранение в сторону Александровского.

26 декабря (8 января). Около 12 часов красная конница сделала налет на село Калиновское, удавшийся в силу большого тумана. Было прорвано сторожевое охранение 1-го Кубанского стрелкового полка (в сторону Грушевского), и конница вошла в селение. Но наш полк быстро собрался и очистил селение от красных. Потерь никаких. В 10 часов полк выступил из Калиновского в село Александровское⁵².

6 (19) января 1919 г. Утром полк перешел в село Саблинское. Перешел в Греческие хутора.

8 (21) января. Полк двинулся в Донской-Каменноугольный через город Ростов-на-Дону.

* Название города Буденновск до 1920 г

ПОХОД НА МОСКВУ

Окончание 2-го Кубанского похода стало началом новых боев в Каменноугольном бассейне (Донбассе). В течение нескольких месяцев, с января по май 1919 г., продолжались операции, по окончании которых Вооруженные силы юга России (далее – ВСЮР) получили, наконец, выход на «широкую московскую дорогу».

20 июня (3 июля) 1919 г. генерал А.И. Деникин, находясь в освобожденном Царицыне, издал так называемую «Московскую директиву». К началу «Похода» Вооруженные силы юга России опирались на занятую в июне 1919 г. линию Екатеринослав – Харьков – Царицын. Директива в стратегическом отношении предусматривала нанесение главного удара по сходящимся к центру направлениям – на Курск и Воронеж, прикрываясь с запада движением по Днепру и к Десне. «В психологическом – она ставила ребром перед известной частью колебавшегося казачества вопрос о выходе за пределы казачьих областей. В сознании бойцов она должна была будить стремление к конечной – далекой, заветной цели. «Москва» была, конечно, символом. Все мечтали «идти на Москву», и всем давалась эта надежда»⁵³.

«Поход на Москву» получил поддержку далеко не у всех. В числе противников «Московской директивы» были командующий Кавказской армией генерал П.Н. Врангель и командующий Донской армией генерал В.И. Сидорин. Врангель считал необходимым нанесение главного удара через Урал на соединение с армиями А.В. Колчака. Уже позднее он характеризовал директиву как «безграмотную в военном отношении» и «смертный приговор армиям Юга России». Сидорин предлагал вначале обустроить тыл, «закрепиться на Дону» и подготовить для наступления на Москву соответствующую базу.

Сам Деникин впоследствии писал о значении директивы в обстановке 1919 г.: «Директива... потом в дни наших неудач осуждалась за чрезмерный оптимизм. Да, не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был тогда оптимистом. И это чувство владело всем Югом – населением и армиями. Это чувство нашло отклик там, на севере, за линией фронта, среди масс, придавленных еще большевистским ярмом и с нетерпением, с радостью ждавших избавления. «Кассандры» примолкли тогда. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще

до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги»⁵⁴.

«Поход на Москву» связывался с ростом массового антибольшевистского сопротивления в прилегающих к фронту районах, а вместе с этим – с численным ростом рядов ВСЮР. Белые полки получили крупные пополнения из добровольцев, мобилизованных и пленных: «Мы занимали огромные пространства, потому что только следуя на плечах противника, не давая ему опомниться, устроиться, мы имели шансы сломить сопротивление превосходящих нас численно его сил. Мы отторгали от советской власти плодороднейшие области, лишали ее хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армии. В подъеме, вызванном победами, в маневре и в инерции поступательного движения была наша сила. Истощенный многими мобилизациями Северный Кавказ уже не мог питать надлежаще армию, и только новые районы, новый прилив живой силы могли спасти ее организм от увядания»⁵⁵.

Наступление развивалось стремительно. 3 (16) июля после двухдневных боев группой генерала Бредова была взята Полтава, части 5-го кавалерийского корпуса во главе с генералом Юзефовичем освободили Полтавскую и Черниговскую губернии, выйдя к Новгород-Северскому и Брянску. Группа генерала Шиллинга наступала на Херсон, Николаев и Одессу. В августе была взята Одесса, и вскоре вся Новороссия была в руках белых.

Одним из наиболее показательных эпизодов «Похода на Москву» стал знаменитый рейд 4-го Донского корпуса генерала К.К. Мамантова в августе 1919 г. В состав корпуса, специально созданного как ударная сила для прорыва фронта и действий в тылу противника, вошли лучшие казачьи подразделения, прошедшие школу боев 1918–1919 гг. под Царицыным и Воронежем. После тщательной подготовки корпус смог провести глубокий конный рейд, результатом которого были взорванные склады, мосты, разрушенные сообщения всего Южного фронта красных, сотни пленных красноармейцев. В ходе этого рейда повсеместно восстанавливались органы земского и городского самоуправления. В Ельце, Тамбове, Воронеже и других населенных пунктах формировались отряды самообороны, захваченное оружие раздавалось местным крестьянам и впоследствии использовалось участниками Тамбовского восстания 1920–1921 гг., известного как «Антоновщина».

На главном направлении летне-осеннего наступления 1919 г. находился 1-й корпус Добровольческой армии под командованием генерала А.П. Кутепова, в который наряду с другими «цветными» подразделениями (корниловскими, дроздовскими, алексеевскими) входили и марковские части. И именно здесь, на этом направлении к началу октября Добровольческая армия достигла наибольших успехов. 17 (30) сентября казаками генерала Шкуро был взят Воронеж, 1 (14) октября части

Корниловской дивизии заняли Орел. Конным разездам корниловцев удалось дойти до Мценска, а Партизанский генерала Алексеева полк, заняв Новосиль, вступил в пределы Тульской губернии. Ни одна из белых армий за все время гражданской войны не подходила так близко к большевистской столице. До Москвы оставалось не более 250 верст.

Переломным для Белого движения на юге и, по существу, для всей гражданской войны в России стал октябрь 1919 г. Растянувшийся на тысячу верст фронт ВСЮР, устремленный к Москве, оказался сломлен на самой своей вершине, в районе Орла. Начиная с середины октября части ВСЮР столкнулись со все нараставшим сопротивлением красных войск, по своей численности значительно превосходящих уставшие от напряженных боев белые полки. 28 сентября (11 октября) началось контрнаступление красного Южного фронта. Части 1-го корпуса под командованием генерала А.П. Кутепова в течение двух недель стойко выдерживали атаки. Однако конница Шкуро и Мамантова не выдержала наступления кавалерии Буденного. 11 (24) октября был оставлен Воронеж. 7 (20) октября, потеряв в кровопролитных боях почти половину бойцов, оставили Орел части Корниловской ударной дивизии. 21 октября (3 ноября) оставили Ливны марковцы, а 24 октября (6 ноября) дроздовцы отошли от Брянска. Началось отступление ВСЮР, закончившееся в марте 1920 г. их эвакуацией в Крым.

Раздел «Поход на Москву» печатается по книге: Павлов В.Е. «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг.». Кн. 2. Главы: «На Москву», «Отход», «Отступление», «Снова в Донбассе» и «В Ростове»⁵⁶.

Публикуемые главы охватывают период летне-осеннего наступления с момента издания «Московской директивы» по октябрь месяц. Описывается период развертывания марковских частей в дивизию, занятие города Ливны и бои за Елец, а также осенне-зимнее отступление частей ВСЮР и разгром Марковской дивизии у села Алексеево-Леоново в Донбассе.

ПОХОД НА МОСКВУ

НА МОСКВУ

Девятнадцатое июня (2 июля) генерал Деникин отдал директиву, получившую название «Московской», в которой говорилось:

«Имея целью захват сердца России, Москвы, приказываю: (опускаются пункты, касающиеся Кавказской Добровольческой и Донской армий)

Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск – Орел – Тула».

Время перехода в наступление не указывалось.

Но вот уже конец августа, а Добровольческий корпус ведет бои на тех же местах, в то время как Кавказская Добровольческая армия наступает на север от Царицына, а на левом фланге 10 (23) августа взята Одесса, 17-го (30) – Киев, и фронт протянулся до польской границы. Правда, на участке Добровольческого корпуса задержан удар 13-й и 14-й красных армий. К концу августа фронт Добровольческого корпуса оказался значительно удлиненным не только к западу, но и к востоку: была добавлена полоса шириною до 50 верст по обе стороны линии Валуйки – Елец.

С ликвидацией Купянского прорыва, казалось, открывались возможности перейти в наступление. Так судили и марковцы: им достаточно было одной недели полного отдыха, чтобы загореться стремлением вперед. 1-й полк уже насчитывал до 1800 штыков. На фронте 1-й дивизии, от Корочи до Обояни, стояли теперь 1-й Марковский, Черноморский конный, 1-й Корниловский, Кабардинский, 2-й Корниловский, Марковская инженерная рота; в резерве – 2-й Марковский. Сила! Почему не наступать? Вправо от дивизии стоял особый отряд со Сводно-Стрелковым полком, влево – 3-я дивизия. Корпус генерала Шкуро ушел на Воронеж.

Были и другие основания для наступления: скоро зима, враг ослаблен, и, главное, он укрепляется. Говорили о «красной крепости Курск» с окопами и проволокой. Конечно, марковцы не сомневались, что в штабах вырабатывается план наступления, хотя сами совершенно не ощущали влияния этой подготовки.

Начальник штаба 1-й дивизии, полковник Битенбиндер, пишет: «Когда мы разрабатывали план атаки укрепленной позиции у Курска,

приехал генерал Кутепов, схватился за голову и категорически запретил атаку. Мы должны ждать, пока прибудет тяжелая артиллерия, ибо без нее нельзя и думать об атаке укреплений Курска».

Тимановский решил взять Курск внезапной атакой на свою ответственность. Он не был высокого мнения о духе защитников Курска и надеялся на своих корниловцев и марковцев.

«Я даже доволен, что атака будет проведена без согласия генерала Кутепова. По крайней мере, Доставалов (начальник штаба корпуса) не будет знать времени начала атаки», – сказал генерал Тимановский.

И наступление началось 1 (14) сентября; для марковцев – 31 августа (13 сентября), когда 1-й полк неожиданно выступил на север, выбил красных из села Толстое и в длительном бою занял Холодное; команда пеших разведчиков выбила противника из села Холань. До 80 человек потерял полк в этот день. Его численность уменьшилась еще и на 40-50 офицеров, отправленных с полковником Наумовым во главе в Харьков на формирование 3-го Офицерского генерала Маркова полка.

На следующий день, когда перешла в наступление вся дивизия, на 1-й полк легла задача обеспечивать наступление с востока, где красные держали фронт у Нового Оскола. Задача как будто скромная, но ответственная.

АТАКА «КРАСНОЙ КРЕПОСТИ КУРСК»

До Курска дивизии предстояло пройти с боем 50 верст. Первый этап – отбросить противника с его передовых позиций на укрепленную полосу, находящуюся в 12-15 верстах впереди Курска; второй – взять эту полосу и третий – перейти текущие с востока на запад реки Рать (Щигор) и Сейм с их болотистыми руслами и возвышенным северным берегом.

Красные уже на первом этапе оказали серьезное сопротивление и потребовалось 4 дня, даже с помощью танков, чтобы отбросить их на укрепленную полосу. Отлично действовали приданные корниловцам батареи марковцев, и не только своим огнем. Командир 1-й батареи, штабс-капитан Шперлинг, следуя с батареей за батальоном и увидев в стороне стреляющую четырехорудийную батарею красных, со своими конными разведчиками атакует ее, забирает и сразу же открывает из захваченных орудий и пулеметов огонь по красным, отходившим на эту батарею. Вечером, уже в темноте, тот же штабс-капитан Шперлинг сталкивается с группой конных, мгновенно атакует и берет пулемет и чинов комсостава. Через два дня он со своими и присоединившимися корниловскими разведчиками снова атакует, но на этот раз колонну пехоты: 400 пленных и два пулемета.

На участке 2-го Корниловского полка конные разведчики запасной Марковской батареи захватили одно оружие в полной упряжке, которое тут же вошло в состав батареи, ставшей трехорудийной.

Сопrotивление красных не ослабевало и требовало ввода резервов. В резерве был всего лишь батальон 2-го Марковского полка. (Другие батальоны заканчивали формирование в Харькове).

4 (17) сентября. 1-й батальон 2-го полка высаживается на станции Обоянь и на следующий день, войдя в подчинение командиру 2-го Корниловского полка, под сильным огнем берет село Никольское и хутора Селиховские, захватив два шеститидюймовых орудия, потеряв при этом до ста человек из шестисот.

6 (19) сентября – атака укрепленной позиции. Выданы ножницы для резки проволоки. Под сильным огнем батальон шел на сближение и залег, не доходя до проволоки несколько сот шагов. В это время по окопам красных открыли беглый огонь батареи. Пять, десять минут, может быть, и больше бьют они. Красные разбегаются. Атака батальона была встречена слабым огнем и стоила ему трех убитых и нескольких раненых.

Артиллерия красных продолжала стрелять, когда батальон быстро шел вперед, преследуя в беспорядке бегущие толпы противника, оставляющие позади себя своих убитых и раненых. Нагонять противника поскакали командир батальона, капитан Перебейнос, начальник пулеметной команды, поручик Стаценко, с верховыми. Свернув на оружейные выстрелы в рощу, они взяли два тяжелых французских орудия Канэ.

Подойдя к железной дороге Воронеж – Киев, батальон столкнулся с красным бронепоездом «Черномор» и его вспомогателем. Марковская запасная батарея подбила вспомогатель, который и был взят с семью пулеметами. Для батареи особенно ценны найденные на нем пять панорам.

Продвинувшись дальше к северу вплоть до реки Сейм, батальон взял села Верхнее и Нижнее Гуторово и стоящие на позиции три тяжелых орудия. Среди пленных захвачен командир батареи и его помощник, которые сначала скрывали свое звание, но были выданы крестьянином. Им пришлось сознаться, что они не только бывшие офицеры, но и коммунисты.

Вот описание укреплений «красной крепости Курск», данное поручиком Стаценко:

«Окопы были полной профили, с проволочными заграждениями в три кола, с ходами сообщения, с артиллерийскими щелями, со скрытой под землей телефонной связью по фронту и в глубину с землянками и убежищами. Почти каждый стрелок в окопах имел стальной щит. Неимоверное количество гранат валялось повсюду.

Взяв такие окопы, мы ахнули. Просто не верилось, что с нашими силами и к тому же почти без потерь мы взяли так хорошо оборудо-

ванную позицию. Посади нас в такие окопы, нас пришлось бы дымом выкуривать, да и то – вряд ли это удалось бы».

Позиция двухорудийной батареи «Канэ» описана так: «Все было оборудовано на позиционный лад: хорошие землянки, убежища, погребка, полные снарядов, беседки, клумбы цветов. Уют, да и только! По найденным тут же документам установили, что это была латышская батарея».

На правом фланге дивизии наступал отряд генерала Третьякова: Алексеевский полк (4 батальона) и Черноморский конный. Отряд держался, форсируя болотистое верховье Сейма. Ему помогли корниловцы от станции Солнцево. Впереди – укрепленная позиция, и в помощь отряду высылается 3-й батальон марковцев 1-го полка. В ночь на 7 (20) сентября отряд атакует и берет ее.

7 (20) сентября. Атака Курска с форсированием рек Рать и Сейм. Решающую роль сыграл бронепоезд «Офицер» (полковник Лебедев) и его вспомогатель (поручик Залевский), за которыми шел «Единая Россия» Ночью, починив железнодорожное полотно, они ворвались на станцию со стрельбой из орудий и пулеметов. Среди красных поднялась такая паника, что команда их бронепоезда «Кронштадт» бросила состав. Без потерь «налетчики» с этим ценным трофеем отошли назад. Красные стали покидать город. Ускорил их отступление подход с востока дивизиона Черноморского конного полка.

Отряд генерала Третьякова, взяв ночью укрепленную позицию, быстро наступал тремя колоннами: на Щигры; через переправу на реке Рать у села Троицкое, на станции Охочевка и через переправу и деревню Грачевка на станцию Отрешково и на Курск, всюду встречая слабое сопротивление.

К вечеру части корниловцев выдвинулись верст на десять к северу от Курска, где преследовали красных «Офицер», вспомогатель и дивизион черноморцев. Вернувшиеся в Курск поезда были набиты пленными. Были взяты и станции Отрешково и Охочевка и на них несколько железнодорожных составов с продовольствием.

В этот день 1-й батальон 2-го полка пришел в Курск.

«Трудно передать словами, что представляло собою в этот день шоссе. Оно сплошь на всем протяжении до самого Курска было забито идущими нам навстречу красноармейцами. Это была целая армия здоровых людей, уроженцев юга России, с нескрываемой радостью возвращавшихся «к себе по домам». Они шли к нам в тыл, никем не сопровождаемые. Их была армия, нас горсточка...»

«После обеда мы пошли на Курск. Буквально все улицы, по которым мы проходили, были запружены народом, шумно и радостно нас встречавшим. То и дело раздавались возгласы: «Христос Воскресе!», и на это в толпе же отвечали. «Воистину Воскресе!» У большинства,

как у жителей, так и у нас, были на глазах слезы – у них от радости и сознания спасения, а у нас – от сознания выполняемой святой миссии – освобождения Родины и народа».

8 (21) сентября в Курске был парад, который принимал генерал Кутепов. Участвовали батальон корниловцев и две марковских батареи, получивших особую благодарность командира корпуса.

И вот из записок полковника Битенбиндера:

«Приехал генерал Кутепов и сделал выговор Тимановскому за ослушание. Это никакого отношения к неподготовленности тыла не имеет, а объясняется просто: Кутепов был человек железной силы воли. Лично храбрый, подвижный, энергичный и решительный, но он был властная натура, не переносившая самоволия и не терпевшая противоречия в какой бы то ни было форме. Тимановский испытал это на собственной персоне. Но так как оба генерала были друзья, то недоразумение было быстро улажено».

Через некоторое время генерал Тимановский был произведен в генерал-лейтенанты.

«Красная крепость Курск» была взята 1-й дивизией в течение девяти дней. Честь победы принадлежит корниловцам, алексеевцам, кабардинцам (не вошедшим в город, а отправленным на другой участок фронта), черноморцам, бронепоездам, танкам и, в какой-то доле, Марковцам – их батареям, двум батальонам и инженерной роте, обеспечивающей левый фланг дивизии. Долю победы марковцев можно определить по захваченным ими трофеям:

1-м батальоном 2-го полка – 6 орудий, пулеметы;

1-й батареей – 4 орудия, пулеметы;

2-й запасной – 1 орудие и вспомогатель;

3-м батальоном 1-го полка – пулеметы;

и всеми ними – многие сотни пленных

В этот день, 8 (21) сентября, отряд генерала Третьякова продолжал наступление при возрастающем сопротивлении красных. Одна колонна пошла на север; другая – батальон алексеевцев и батальон марковцев 1-го полка – вдоль железной дороги на Щигры, на который с юга наступал и дивизион черноморцев. Батальон алексеевцев обходил город с севера, батальон марковцев шел по большой дороге; между ними – взвод марковцев в 19 штыков при пулемете «Люиса». Командиру взвода, поручику Чеботкевичу, генерал Третьяков дал задачу: энергичным наступлением приковать к себе внимание и возможно большие силы противника. Задача несложная, но для 18 штыков?..

Взвод наступал, не имея зрительной связи с батальонами. Не доходя до города версты 2-3, он встретил красных, повел «энергичное» наступление, и ему сдались 77 человек во главе с командиром роты, бывшим прапорщиком. Едва сдавшиеся отошли в тыл, как красные перешли в наступление подавляющими силами, а по взводу стали рваться тяжелые снаряды. Не сдержат их. Во взводе уже четверо раненых, один тяжело, ранен и командир взвода. Красные в 200 шагах. И вдруг они поворачивают назад и бегут.

Обходящие город с севера алексеевцы вышли в тыл красным и взяли два тяжелых и три легких орудия. Бывший с ними взвод Марковской батареи громил бегущих, а его конные разведчики в числе 6 человек выскочили вперед, атаковали обоз, захватив часть его и несколько пулеметов. Взвод поручика Чеботкевича блестяще выполнил свою задачу.

3-й батальон марковцев атаковал город с запада, Черноморский конный дивизион – с юго-востока. Среди пленных – 40 бывших офицеров из запасных артиллерийских частей красных.

НАСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОГО ПОЛКА

1 (14) сентября, когда дивизия перешла в наступление на Курск, 1-й полк с 4-мя орудиями также тронулся в северном направлении. В селе Истобное он отбил наступление красных справа в его тыл и, преследуя, выбил их из села Меловое. В следующие два дня он снова отбил красных с востока и преследовал до села Верхний Ольшанец.

Два дня полк довольно спокойно простоял в селе Юшково, где от него ушел 3-й батальон. Затем он в селе Гущино, где уже побывали части Черноморского полка.

7 (20) сентября – в селе Кузькино. Сообщение о взятии Курска. У марковцев радость и досада.

8 (21) сентября полк приходит в Тим, а котором тоже побывали черноморцы и даже корниловцы. Досада растет. «Приходим на готовое! Загнали в степь, и сиди в 60 верстах от Курска». А тут узнали, что взяты и Щигры, в 25 верстах к северу.

9 (22) сентября полк выступил в северо-восточном направлении, отправив запасный батальон в Курск. Остановился в селе Кшень. Охранение в северном, восточном и южном направлениях.

10 (23) сентября полк повел наступление на станцию Мармыжи, занимаемую значительными силами красных с двумя батареями и бронепоездом. Не рискуя атаковать в лоб, он стал обходить ее. Угроза пересечь железную дорогу на север заставила красный бронепоезд выйти со станции и, к удивлению, не продолжать поддерживать своих, а полным ходом скрыться. Станция была взята атакой; захвачено до 700 человек в плен, четырехорудийная батарея в упряжке, 14 пулеметов.

Выход из боя красного бронепоезда вскоре объяснился: севернее, у станции Долгая, к железной дороге подходил 3-й батальон полка с двумя орудиями и двумя эскадронами (Черноморского полка и полковой сотни). Но конные подрывники успели подорвать полотно, и бронепоезд, уже подбитый артиллерийским огнем, сошел с рельс и был захвачен. Вооружен он был тремя орудиями и несколькими пулеметами. Назывался он «III Интернационал». Наступавшая красная пехота была отбита батальоном.

11–12 (24–25) сентября – сильные бои перед станцией Мармыжи с наступавшим противником. Внезапным ночным налетом один из батальонов ворвался на станцию Долгая, захватив командира и штаб одного из полков 42-й стрелковой дивизии, но затем вынужден был оставить ее.

Несмотря на тяжелое положение у Мармыжей, полку, уже занявшему станцию Кшень, приказано вести наступление на станцию Касторная. Ему в помощь придавались Офицерская рота 2-го полка в 200 штыков и бронепоезд «Слава Офицеру».

Оставив на станции Кшень Офицерскую роту, 1-й батальон взял станцию Лачиново. Он находился в тылу у красных и всего в 10 верстах от Касторной. Силы слабые, чтобы атаковать Касторную, тем более, что бронепоезд не мог продвинуться к ней из-за ненадежности железнодорожного мостика (он был подорван мамантовцами и плохо починен красными). В налет на станцию были посланы 2 роты – 100 штыков. Они дошли до станции Касторная-Старая, видели движение на станции Касторная-Новая. Соблазн атаковать был большой, но за ротами подъехал состав: «Немедленно назад!»

Когда они вернулись на станцию Лачиново, там шел бой с наступающими с юга красными, две роты, 2 орудия и бронепоезд едва их сдерживали. Собравшийся батальон их отбросил. Бронепоезд был вызван на Мармыжи, но ему пришлось задержаться почти на всю ночь, так как красные подорвали железнодорожный путь.

13 (26) сентября красные атаковали Мармыжи, два раза врвались на станцию и в конце концов были отброшены. Неудачны были их атаки и на станциях Кшень и Лачиново.

Ночью они оставили Касторную, которую занял Сводно-Стрелковый полк.

1-й Марковский полк выполнил за две недели большую задачу и стал на переднем фланге дивизии, удлиннив ее фронт к востоку; четырехдневные бои у станции Мармыжи стоили ему свыше 400 человек потерь, восполненных тут же взятыми пленными.

Эти бои протекали уже в резко изменившейся обстановке. Во-первых, наступила осень с туманами, дождями и пониженной температурой. Во-вторых, изменились и очертания местности. Степная полоса осталась позади; местность стала более изрезанной, волнистой; широ-

кие балки сменились оврагами; кончился и чернозем, который сменил суглинок; села и деревни стали более частыми, но значительно менее населенными; изменилось и население.

В истории Марковской артиллерийской бригады так описывается деревня Степановка у станции Кшень, уже на территории Орловской губернии:

«Уныло выглядела первая истинно великорусская деревня: вместо опрятных малороссийских «мазанок» или аккуратных хат зажиточных курян-«перевертней» виднелись нагроможденные в хаотическом беспорядке, нештукатуренные, красного кирпича закопченные избы с бесформенными серого известкового плитняка крышами. Крестьяне ютятся вместе со скотом и домашней птицей в донельзя загрязненных избах.

С большим трудом взводу удалось найти место для оружейного парка, так как обычный способ располагать его на широких улицах здесь был неприменим из-за отсутствия прямых и сколько-нибудь просторных. Много недоразумений вызвал прибывший наряд обывательского транспорта: большинство повозок было запряжено одиночными, невероятно изнуренными клячами, парные же телеги приводили в полное отчаяние, так как большей частью были запряжены коровами».

Но было и иное, что отличало здесь поселение от населения пригородных районов. Это – доброта, отзывчивость, искренность к белым бойцам и... открытая ненависть к красной власти. Последующие боевые операции и отношение населения показали с полной наглядностью, и первый показатель – начавшееся добровольное поступление крестьян в ряды марковцев.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ЛИВНЫ

Только один день, 14 (27) сентября, был для полка днем относительного отдыха. Красные не наступали, а полк провел перегруппировку своих частей: 1-й батальон, около 450 штыков при двух орудиях, сосредотачивался на станции Лачиново; 2-й батальон, около 450 штыков при двух орудиях – на станции Кшень, и 3-й батальон с командой разведчиков, всего до 550 штыков, при двух орудиях – на станции Мармыжи; в резерве – комендантская рота и бронепоезд «Слава Офицеру»; конная сотня и полковая пулеметная команда поровну придавались батальонам и резерву. Полк вошел в отряд генерала Третьякова вместе с Алексеевским. Отряду приказано на следующий день перейти в наступление: марковцам занять Ливны и выйти на рубеж реки Чернавка, а алексеевцам, наступающим левее, выйти на пересечение железной дороги Елец – Орел у станции Верховье. До Ливен около 60 верст.

Полк должен наступать тремя колоннами: 1-й батальон – вдоль большой дороги на Ливны, но так как он на правом фланге, притом от-

крытом, то до прихода 2-го Марковского полка ему держаться уступом сзади; 2-й батальон – вдоль реки Кшень, что неизбежно обязывало его действовать по обоим берегам ее; 3-й батальон – вдоль железной дороги, причем в полосу его наступления входило пространство влево до реки Тим, разграничительной линии с алексеевцами.

15 (28) сентября полк перешел в наступление на фронте до 30 верст, и сразу же 2-я и 3-я колонны встретили упорное сопротивление, и только на следующий день, 16 (29) сентября, они вышли на линию станции Долгая.

Обнаружились трудности: перед полком – большие силы противника, стоящие сплошным фронтом, и сосредоточен сильный кулак между железной дорогой и рекой Тим. Генералу Третьякову пришлось первый выгрузившийся батальон 2-го полка с двумя орудиями направить на левый фланг 1-го как 4-ю наступающую колонну.

Двухдневный бой вызвал большой расход снарядов. Во 2-м батальоне был снаряжен транспорт под охраной 22-х конных разведчиков от 1-й батареи и двух батальонных пулеметов. При переезде через реку Кшень ночью транспорт нарвался на заставу красных, но батарейцы смяли ее, взяли 15 пленных под носом недалеко от стоявшего их батальона. Возвращаться пришлось уже кружным путем с 250 снарядами и 20 тысячами патронов.

Всю ночь велась конная разведка. Во 2-м батальоне не хватало верховых тем более потому, что правая колонна уже занимала уступное положение. Вызвался в разведку со своими верховыми штабс-капитан Шперлинг. Он никогда не ограничивал себя как командира батареи кругом обязанностей исключительно батарейных, но расширял их до задач целой части, которой батарея придана. Требовалась разведка в восточном направлении, и он ночью отправился. 10 верст – никого. Светает. Нужно возвращаться, навстречу скачущая телега. Крестьянин ехал сообщить белым, что полк кавалерии красных в 4 эскадрона при 5 пулеметах направляется на село Воловое. Штабс-капитан Шперлинг нагнал батальон уже ведшим наступление. Его командир, капитан Марченко, развернул карту: фланг его батальона под ударом, но там должен быть в этот день 1-й батальон. Беспокоиться особенно не приходится.

17 (30) сентября утром в наступление перешли все четыре колонны. 2-й колонне пришлось полностью и не раз по частям переходить реку Кшень и вести бой на обоих берегах. Едва не погиб взвод 1-й батареи, неожиданно атакованной красным эскадроном.

– С передков! Пулеметы! – кричит штабс-капитан Шперлинг. Момент – и залились пулеметы, другой – раздалась картечные выстрелы. Когда подбежала рота, батарейцы ловили оседланных лошадей, снимали седла с убитых, захватили значок 1-го эскадрона Ахтырского полка.

3-я и 4-я колонны теснили противника, поддерживаемого 2-3 батареями, имея 4 орудия и один бронепоезд.

Но у 1-й колонны положение создалось крайне тяжелое. Батальон пришел в село Воловое как раз, когда полк красной кавалерии подошел к нему. Красные не атаквали, но охватили село. И в это время один крестьянин сообщает: большие силы красной пехоты идут на село Верхнее Большое, в котором батальон ночевал. Угроза в тылу, и полковник Слоновский, командир батальона, ведет его обратно все время под угрозой конной атаки. Но село уже занято противником. Батальон атакует и берет его. Красные отошли недалеко. Наступила ночь. Весь батальон на позиции вокруг села. Стрельба. Атака противника неминуема и тогда... даже если атака будет отбита? Решение: выводить батальон и отходить за реку Кшень, к селу Урусово.

Противник следовал за батальоном и подошел к реке Кшень. Он был теперь в 15 верстах от станции Мармыжи, в 10 верстах от железной дороги на Ливны и в 10 верстах в тылу у 2-го батальона. Из резерва полка выдвигается комендантская рота. Но противник может не только сорвать наступление на Ливны, но угрожать 2-му полку, разворачивающемуся на фронте вправо до станции Касторная. Генерал Третьяков требует немедленной высылки кавалерийских частей. Ему обещают Мусульманский (Горский) конный полк, дивизион Черноморского конного полка и затем конную сотню штаба корпуса.

18 сентября (1 октября) 1-й батальон (1-я колонна) переходит в распоряжение командира 2-го полка, полковника Морозова. Остальные три колонны продолжают наступление.

2-му батальону, у которого теперь противник с трех сторон, придается 2 взвода пеших разведчиков из 3-го батальона и один взвод конной сотни. Наступление развивается успешно. Взято две станции, Прудки и Редьковская. Отчаянный бой у левой колонны – батальона 2-го полка. Красные не только отбиваются, но и контратакуют, местами удачно, их прорывы доходят до трех верст в глубину. Но роты и взводы батальона маневрируют, бьют во фланги. Попадает в плен штаб 21-го полка. 3-й батальон, где противник уже сдавал, высылает на поддержку роту. Красные не выдерживают удара, отходят, теряя массу пленных. Пленные принадлежали к 19-му, 20-му, 21-му, 23-му, 60-му и 2-му Симбирскому полкам 3-й стрелковой дивизии.

19 сентября (2 октября). До Ливен оставалось 15 верст. Ожидалось сильное сопротивление на реке Сосна, протекавшей перед городом, имевшей возвышенный противоположный берег. Сопротивление красных слабело. Взята станция Коротыш. Уже впереди в легком тумане видны очертания города. Марковцев тянет вперед.

Довольно сильный бой у правого фланга батальона, и вдруг в сумерках красные быстро отходят и, к удивлению, даже не оказывают сопротивления на реке Сосна у деревни Лучи. Батальон идет к городу.

Центральный батальон у реки и готов перейти ее вброд, но артиллерийская стрельба красных вдруг прекращается.

Левобангговый батальон, не встречая сопротивления, подходит к селу Крутое; там уже батальон алексеевцев, и им взята переправа через реку Сосна. Батальон обходит город с северо-запада, берет село Моногородо, захватив при этом в плен два батальона красных, и подходит к железной дороге, по которой полным ходом на север проскакивает красный бронепоезд и вспомогатель. Севернее у станции Русский Брод, к которой уже подошел другой батальон алексеевцев, бронепоезд был подбит снарядами Марковской батареи, и он, «Стенка Разин», и вспомогатель с одним орудием были захвачены.

Обход города принудил красных поспешно оставить Ливны. Под самый вечер пришлось иметь легкое столкновение с полком кавалерии, 9-м Советским, причем совершенно очевидно сдались несколько красных всадников и среди них командир этого полка, оказавшийся сыном известного всей России генерала Брусилова – ротмистр Брусилов.

3-й батальон, пройдя город, остановился на его северной окраине. С востока пришел 2-й батальон. Батальон 2-го полка остался в Моногородо.

За пятидневное наступление на Ливны марковцы прошли до 60 верст, а с начала наступления от Корочи – до 150. За три недели – новый, второй «скачок на север». Скачок, во-первых, значительно меньший, нежели из Донбасса до Корочи, а во-вторых, и с большими усилиями. Но настроение было отличное даже при большой усталости, даже видя свои тяжкие потери: в 1-м полку – до 800 человек, в батальоне 2-го полка – свыше 200 человек. Надежда их пополнить здесь в городе полная – офицерами, добровольцами среди явно расположенных к армии крестьян, затем – отборными пленными из взятых 3000 человек.

ВТОРОЙ ПОЛК В БОЯХ

По взятии Курска туда сразу же из Харькова переехали все части 2-го полка и сразу же получили большое пополнение как офицерами, так и солдатами. Роты полка стали иметь до 250 штыков; рота генерала Маркова и отдельная офицерская рота – по 200 с лишним офицеров. Сила теперь у полка огромная – до 3500 штыков при 40 пулеметах. Но был существенный недостаток – отсутствие не только конной сотни, но и команды конных разведчиков. Сорока всадников при штабе полка и при батальонах едва могло хватить для поддержания связи.

11 (24) сентября внезапно выступила на фронт Офицерская рота, 14-го (27) стали грузиться и все части полка, и на следующий день они уже выгружались на станции Кшень, где стояла Офицерская рота.

Полку дана задача сменить на станции Касторная Сводно-Стрелковый полк, отзываемый на внутренний фронт против Махно, и обеспечить правый фланг наступающего на Ливны 1-го полка. Полк должен стать на фланге дивизии, имея вправо от себя в 35 верстах, в городе Землянске, отряд в 400 конных и 400 пеших при батарее, наблюдавший шестидесятиверстный разрыв между станциями Касторная и городом Воронежем, взятым корпусом генерала Шкуро.

16 (29) сентября из полка выделяется один батальон на левый фланг наступающего 1-го полка. В Касторную приходит лишь один батальон с Офицерской ротой, другой с командой разведчиков останавливается на станции Лачиново.

17 (30) сентября красные внезапно перешли в наступление к северу от Касторной в направлении на Мармыжи и по западному берегу реки Олым на Касторную и подошли на 15-20 верст к обеим станциям. Смена стрелков была отменена, а 2-му полку, которому был придан батальон 1-го полка, приказано отбросить красных.

18 сентября (1 октября) все части полка сталкиваются с противником, но, не имея орудий, не могут сбить его, имеющего несколько батарей. И только батальон 1-го полка, проделавший за минувший день до 30 верст и отдохнувший лишь 4 часа, сбил его передовые части на реке Кшень и с боем занял село Верхнее Большое, отбив несколько атак.

19 сентября (2 октября) он выбивает красных из села Воловое и удерживает его. А в это время они снова занимают село Верхнее Большое и южнее его деревню Екатериновку. Батальон 2-го полка с подошедшими к нему двумя орудиями выбивает красных из села Сергиевка и в течение дня отбивает их атаки. Остальные шесть рот едва сдерживают напор на Касторную.

Положение создается тяжелое: у противника подавляющие силы; давит его артиллерийский огонь; прорывы между батальонами до 10 верст; резерва нет; нет и кавалерии, которая наблюдала бы интервалы между батальонами; и главное, нет никакой части, чтобы обеспечить разрыв в 40 верст между селом Воловое и занятыми в этот день Ливнами.

Генерал Третяков (в его отряд вошел 2-й полк) требует от 1-го полка немедленной отправки к месту прорыва красных возможно больших сил. Из трех батальонов назначаются: один батальон, команда пеших разведчиков, полусотня и взвод орудий – под общей командой командира батальона капитана Марченко. Отдохнув всего около пяти часов, отряд тронулся из Ливен по большой дороге на юг.

20 сентября (3 октября). Красные атакуют 2-й полк, но он держится. Батальон из Сергиевки идет на запад и с жестоким боем занимает деревню Екатериновку. 1-й батальон 1-го полка вынужден был оставить село Воловое.

Отряд капитана Марченко выступил ночью и шел в обратном своему вчерашнему наступлению на город направлении. С переходом реки Сосны он вступил в район совершенно не наблюдаемый. В пути брались обывательские подводы и на них сажались пехотинцы. Впереди отряда ехали конная полусотня и 20 батарейцев, всего 75 шашек, со штабс-капитаном Шперлингом во главе. Этот славный артиллерист, теперь командир конной группы. У хуторов Юрских замечен разъезд красных; ему устроили засаду, и батарейцы взяли 8 человек в плен и троих убили. Вскоре показалась группа коней в 50, оказавшаяся сотней Горского полка. От нее получили сведения о положении в южном направлении.

С наступлением ночи весь отряд, пройдя 35 верст, сосредоточился в селе Цуриково. Здесь были получены сведения о занятии противником села Гатище. Отряд отрезается от Ливен. Положение ухудшается, и генерал Третьяков вынужден взять из Ливен еще один батальон. У Ливен остается один батальон. Связавшиеся ночью 1-й и 2-й батальоны 1-го полка составили отряд полковника Докукина, помощника командира полка.

21 сентября (4 октября). Ночью – приказание атаковать противника: 2-му полку – с юга 6-ю ротами (пошло два орудия) и 4-мя ротами (1-м батальоном) с юго-запада; полковнику Докукину – двумя батальонами с северо-запада и севера, нацелив часть сил в обеспечение себя со стороны Гатища.

Наступление с юга сразу же было остановлено огнем артиллерии и густыми цепями противника, и в течение дня ни та, ни другая сторона не смогли сдвинуться с места. 1-й батальон 2-го полка начал наступать от Екатериновки и, вынужденный развернуть все свои 4 роты, наконец, сбил красных и стал их преследовать, выведя Офицерскую роту в резерв. Взял села Верхнее и Нижнее Большое. Местность пересеченная, наблюдение за флангами из-за отсутствия верховых отсутствует. Батальон увлекся, и вот... в каких-нибудь 600-700 шагах вправо от резервной роты на складке появилась цепь противника. Рота с места перешла в атаку. Удар был стремителен, и офицеры мгновенно смяли красных и преследовали их на следующий гребень. В это время красные охватили с фланга цепи головных рот, которые стали менять направление под огнем с двух сторон. Одна за другой останавливаются пулеметные двуколки: перебиты лошади. Роты отбиваются, взвод орудий поддерживает. И вдруг, когда Офицерская рота, которая так успешно отбила обход красных справа, вышла уже на второй гребень, на нее справа налетела кавалерия. Рота приняла атаку «в штыки», но в каком положении? С правого фланга до левого взвод за взводом легли под ударами шашек и штыков подбежавшей пехоты.

Батальон стал отходить. Уже в редкие его цепи переданы последние 30 пулеметных лент; кончаются снаряды и у орудий, и стоят они на позициях «для вида». Противник, заняв село Нижнее Большое, остановился, остановился и батальон. В нем осталось только 250 человек из 800, начавших бой, и 3 пулемета; от Офицерской роты – 21. Наступившей ночью со стороны противника подошло еще человек 20-30 раненых и здоровых. Они сообщили: красные поспешно отошли. Батальон теперь мог быть более или менее спокоен, а особенно потому, что с ним связались разъезды от дивизиона черноморцев, только что прибывшего на этот участок. Поздно, но все же не окончательно поздно. В сумерках их эскадрон налетел на маленький хутор, разметал в нем пехоту противника и спас от расстрела 16 уже раздетых офицеров. Неожиданный отход красных вызван был успешным наступлением отряда полковника Докукина и особенно батальона капитана Марченко.

Батальон полковника Слоновского в течение долгого и упорного боя взял село Воловое и здесь получил приказание «ждать дальнейших распоряжений». И он выполнял это приказание даже тогда, когда прискакал из села Нижнее Большое офицер от попавшего в тяжелое положение батальона 2-го полка с просьбой оказать поддержку. (Расстояние между батальонами не превышало 5 верст).

Батальон капитана Марченко, ведший наступлений в южном направлении, несмотря на опасность слева, с боем взял деревню Богдановка, а затем и село Липовчик, но не задержался в нем и, несмотря на ночь, продолжал наступление, когда получил приказание «оставаться в селе Липовчик и ждать приказаний». При этом сообщалось о неудаче 1-го батальона 2-го полка. Это приказание «ждать распоряжений» и спасло красных: они смогли отойти.

Ночью – приказ: утром 2-му полку и отряду полковника Докукина перейти в наступление и отбросить красных за реку Олым; и добавлялось – на село Гатище будет вести наступление батальон 2-го полка, вызванный от Ливен. Но затем другое приказание: 1-му батальону и команде разведчиков 1-го полка немедленно и в самый короткий срок быть в Ливнах, где противник повел наступление.

2 (15) сентября. 2-й полк и батальон капитана Марченко пошли вперед. И опять 2-й полк не смог сбить противника на сокращенном фронте, теперь не более как в 10 верст – у красных стреляло 12 орудий против четырех.

Но батальон капитана Марченко берет село Кирилловское. Ему слышен бой впереди и вправо, и он идет на выстрелы, не обращая внимания на угрозу своим флангам и даже тылу. Штабс-капитан Шперлинг со своими конными ведет разведку. Два взвода, посаженных на подводы, и взвод орудий – у капитана Марченко летучий резерв, переезжающий с фланга на фланг. Штабс-капитан Шперлинг замечает в низине колонну кавалерии, и летучий резерв рассеивает ее. Баталь-

он приближается к району, где впереди и вправо идет бой. Летучий резерв перебрасывается в этом направлении. Еще немного, и видно село Языково и позиции красных на северо-западной его окраине. Батальон почти на их фланге. Артиллерийский взвод открывает огонь, красные не выдерживают и начинают отходить. В сумерках батальон входит в Языково с севера, а с запада – слабый, пострадавший накануне батальон 2-го полка. Но южнее противник еще держится. До крайности утомленный дневным маневренным боем батальон, а в особенности артиллерийские лошади, преследовать не могут.

Дан отдых до утра, а утром опять в наступление, но уже не встретившее упорного сопротивления. Батальон капитана Марченко первым перешел переправу через реку Олым и остановился на станции Набережная. Преследование вели части 2-го полка, а батальон капитана Марченко, отдохнув часа два, на подводах уже ехал по срочному вызову в Ливны. Во взятом батальоном 2-го полка селе Гатище он заночевал.

2-й полк получил участок фронта от села Касторное включительно на север вдоль реки Олым, а затем с поворотом от нее в направлении на Ливны до реки Сосна, за которой начинался участок 1-го полка.

Участок в 50 верст, тянувшийся 30 верст прямо с юга на север – участок, на котором 2-й полк должен был обеспечивать не только фланг, но и тыл 1-й дивизии и всего корпуса. В его распоряжение были приданы дивизион черноморцев, сотня штаба корпуса и слабый Горский полк. Полк сразу же, как только был отброшен противник, расположился: два батальона на станции Касторная, приступив к смене стрелков; один батальон в трех пунктах в районе села Гатище на переправах и рота на переправе у станции Набережная; в промежутках – конные части. Но участок был не по силам его занимавшим.

Потери 2-го полка за пять дней боев огромны – до 1250 человек. Если прибавить потери батальона, наступавшего с 1-м полком на Ливны, то до 1500 человек. От 3500 штыков осталось до 2000. Влитое из пленных пополнение увеличило его численность всего на 200 человек. 1-я рота, в составе 35-40, была отправлена в Новодевицк на пополнение офицерами. Перед уходом она участвовала в похоронах своих убитых офицеров. До 50 гробов одних только офицеров стояло у церкви села Касторное.

Полк переживал тяжелое моральное состояние – огромные потери и никакого, в сущности, успеха. 500 человек, взятых в плен – утешение слабое; противник отошел, не будучи разбитым. На следующий день, 24 сентября (7 октября), он уже атаковал две роты, стоявшие у деревни Козинка, занял деревню, но был отброшен. Пленные сообщили о готовящемся наступлении красных, по крайней мере, силою двух

бригад пехоты и двух полков кавалерии. А крестьяне сообщили, кроме того, что подошли и свежие коммунистические полки елецких и петроградских рабочих и Реввоенсовета 13-й армии. В это время красные вели наступление на 1-й полк.

25 сентября (8 октября) красные повели второе контрнаступление от слободы Чернова и с востока на село Гатище и в южном направлении, вдоль западного берега реки Олым.

Батальон, стоявший в районе села Гатище, сразу же оказался разьединенным кавалерией красных. Две роты отошли в Гатище и здесь были окружены красными. Из села они пробились благодаря полному самопожертвованию пулеметчиков, но потеряв одно орудие. Они отошли за реку Кшень, потеряв связь даже с сотней штаба корпуса и Горским полком. С ближайшей станцией Студеная было сообщено о положении в штаб 1-го полка и отряда. Но был наготове резерв, Стрелковый полк, уже погруженный в эшелоны, и его два батальона немедленно отправляются через Мармыжи на станцию Студеная.

26 сентября (9 октября) они с батальоном 2-го полка, собравшимся за ночь в полном составе, сосредоточились на реке Кшень под общим командованием командира Стрелкового полка, полковника Гравицкого.

В этот день 2-й полк перешел в наступление от станции Касторная по обе стороны реки Олым. На восточном берегу его части выдвинулись верст на 20 к северу, но на западном встретили жестокое сопротивление и вынуждены были отходить. Потребовалось еще 3 дня, чтобы полку с подошедшим к нему 3-м батальоном стрелков и отряду полковника Гравицкого сломить упорное сопротивление и принудить красных к поспешному отступлению.

30 сентября (13 октября). Стрелки заняли слободу Чернава, а 2-й полк вел наступление по обе стороны железной дороги в направлении на Елец. У села Большие Плоты красные попытались оказать серьезное сопротивление, но были разбиты, потеряв при этом четырехорудийную батарею с зарядными ящиками и в полных упряжках. Атаковали батарею конные разведчики того артиллерийского взвода и ординарцы того батальона, которые в селе Гатище были окружены, но пробившись с потерей одного орудия.

1 (14) октября полк остановился на линии станции Долгоруково. Кавалерийские части, приданные ему, были отозваны. И на этот раз прорыв красных кончился для них полным, главным образом, моральным поражением.

А в это время у Ливен...

19 сентября (2 октября) 1-й полк взял город. Полное расстройство противника позволяло продолжать наступление, но обстановка в тылу

требовала немедленной отправки туда трети сил, а через день – и второй трети. В Ливнах остались лишь один батальон и комендантская рота с двумя орудиями.

22 сентября (5 октября) красные, подкрепленные свежими частями, перешли в наступление. На следующий день бой шел уже на окраине города, и только подход с юга 1-го батальона с командой разведчиков позволил удержать его. 24-го (7-го) в критический момент подошел с юга и 2-й батальон.

25 сентября (8 октября) отбита сильнейшая атака красных, после чего они были отброшены несколько к северу. Этот день – день праздника 1-го полка. Полк провел его в бою. И только в городе собравшиеся чины штаба полка во главе с командиром полка, полковником Блейшем, и немногими представителями батальонов отметили его.

26 сентября (9 октября) полк перешел к активной обороне. Для него назревала опасность с юга. 1-й батальон переходит на южный берег реки Сосна и ведет наступление на восток, держа связь вправо с отрядом полковника Гравицкого.

30 сентября (13 октября) он, не доходя до слободы Чернава, снова переходит на северный берег реки, обходит Чернаву с запада и занимает село Троицкое в пяти верстах от нее. Его команда разведчиков с капитаном Дубининым в 60 человек забирает 2 орудия. Красные под угрозой обхода оставляют слободу Чернава, которую и занимает Стрелковый полк. Но в то же время батальон оказывается в тылу у противника, стоявшего против Ливен. Один из красных полков торопится уйти на север за реку Чернавка, преследуемый 2-м батальоном, и у реки натывается на две роты, уже подошедшие к переправе. Красный полк попадает между двух огней, ищет спасение вброд. С противоположной стороны его встречают огнем свои.

1 (14) октября 1-й полк весь вышел на линию притока реки Сосны – Чернавка, заняв фронт в 25 верст от села Троицкое по село Медвежье, в 20 верстах к северу от Ливен. Потери его доходили до 300 человек. Успех был явный (одних пленных было взято 1500), и он одержал его благодаря подвижности всех своих частей и инициативе их начальников. Огромную помощь оказали крестьяне, дававшие в ходе боев сведения о силах и передвижениях противника.

Физическая усталость покрывалась отличным настроением. Не высказывали его лишь лошади. Им действительно пришлось очень тяжело поработать, таская пулеметы и орудия по размокавшим от дождей дорогам и полям. Для лошадей необходимо, чтобы их совершенно разамунчивали. Командиры артиллерийских взводов просили об отводе на отдых и получили ответ: «Боеспособность артиллерийской единицы зависит от исправности боевой части и, пока пушки целы и не отказываются стрелять, не может быть никакой речи об отдыхе батарей».

1-й полк быстро пополнил свои потери. В Ливнах в его ряды стало около 100 офицеров из жителей этого города, немало добровольцев из крестьян, и прибыла партия в 300 человек, на вербованных в глубоком тылу, много было влито пленных. Полк стал снова большой силой: по 700 штыков в батальоне, по 5-6 пулеметных взводов в каждом; комендантская рота и команда разведчиков по 200 штыков, даже конная сотня полка возросла вдвое.

Иное положение было во 2-м полку. Ликвидация второго прорыва стоила ему также огромных потерь – до 1000 человек. Огромный участок? Встреча с коммунистическими частями, с двумя бригадами, с двумя кавалерийскими полками? Да, конечно. Но только ли это? Стали разбираться в своих упущениях, и не только в своих, и не в группах младших и средних командиров, но с участием командира полка, полковника Морозова. В частности, по вопросу о взаимной поддержке. Полковник Морозов не мог оставить без последствий неопознание поддержки в бою 21 сентября (4 октября) со стороны 1-го батальона 1-го полка батальону 2-го, попавшему в тяжелое положение. Он и капитан Образцов непрерывно были в тесной связи со всеми частями полка, укрепляя в них дух.

Помимо того, даже в положении, в каком находился полк, выпускались приказы касательно всех сторон боевой службы, отмечались ошибки, упущения и проявления доблести офицеров и солдат. В приказах были фамилии пулеметчиков – младшего унтер-офицера Папкова, ефрейтора Рогова, ефрейтора Плетнева. Общими усилиями полк решительно подымал свой дух, совершенствовал руководство боя и разрабатывал тактику в бою.

Он пополнялся пленными, а из тыла к нему пришло большое пополнение. Роты его стали по 120-150 штыков; пулеметов было достаточно, но оставалось сыгравшее уже роковую роль отсутствие в полку достаточной команды конных разведчиков.

Подъему настроения в обоих полках очень помогло сообщение, что 1 (14) октября был взят Орел. Марковцы кричали «ура» корниловцам. Надежды на скорую победу крепили. Считали, сколько оставалось переходов до Москвы.

Но вот возвращавшиеся в полки говорили: газеты пишут, и все говорят: «Корниловцами взят Курск. Корниловцами взят Орел». Генерал Май-Маевский сказал: «Орел – орлам» и... ни слова о марковцах. Будто их и не существует. Раненые марковцы напрасно искали в газетах что-либо о своих полках. Впрочем, прочли сообщение: «Отряд капитана Коломацкого взял город Ливны». Догадались, что говорится

о них, марковцах, только по фамилии капитана Коломацкого, и еще потому, что знали о наступлении своих частей от Корочи на Тим, Щигры, Мармыжи... Но кто другой догадается? Как-то было досадно. Стоит они где-то, и если назвать эти пункты, то они окажутся большинству неизвестными и даже не на всех географических картах отмеченными. Значит, и роль их незначительная.

1 (14) октября оба марковских полка вышли на линию станция Долгоруково – слобода Чернава и далее на север по реке Чернавка. Их общий фронт – до 60 верст. Стрелковый полк ушел на погрузку для отправки на внутренний фронт. Его сменил батальон алексеевцев, вошедший в подчинение командиру 1-го полка. Фронт полков был почти прямой линией. Но на флангах?

Правый фланг 2-го полка «висел в воздухе». Правда, в 25 верстах к востоку с севера на юг протекал Дон. Но может ли это быть гарантией? Правда, вдоль Дона вели наблюдение кавалерийские части Землянского отряда, но центр отряда – в Землянске, теперь в 45 верстах к югу. Может ли служить обеспечением его фланга и Марковская инженерная рота, ставшая в Касторной, в 50 верстах к югу? Может быть, железная дорога, на которой стоит полк, является гарантией: подъедут бронепоезда, резервы? Нет. Все мосты на ней основательно взорваны проходившими здесь мамантовцами. Фланг «висит в воздухе».

Левый фланг 1-го полка. Между ним и Алексеевским полком, пересекшим линию железной дороги Елец – Орел у станции Верховье уже в Тульской губернии, разрыв в 20 верст. Фланги обоих полков могут быть подвержены удару противника, силы которого против них составляют две стрелковые дивизии, Симбирская бригада, кавалерийская бригада и другие части. Елец, находящийся в 25-30 верстах, является опорным пунктом красных, к нему с севера подходят 2 железнодорожные линии, по которым быстро могут быть подвезены резервы.

Можно ли сказать, что отряд генерала Третьякова из трех полков, растянувшийся на 100 верст, имеющий к тому же «на весу» левый фланг алексеевцев (более чем тридцативерстный разрыв с корниловцами наблюдался лишь Черноморским конным полком), крепко стоит на месте?

Но об этом марковцы не думали. Их цель – взятие Ельца, большого города, отмеченного на всех географических картах. «Вот только подойдет младший брат – третий полк!» <...>

ТРЕТИЙ ОФИЦЕРСКИЙ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА ПОЛК

Еще в начале июня в Купянске было объявлено о формировании не только 2-го, но и 3-го полка, и сказано, что основным кадром 3-го полку служит 9-я Офицерская рота, но к формированию не приступали. 9-я рота продолжала участвовать в боях, неся потери. И только

1 (14) сентября, в первый день наступления на Курск, кадр, пополненный чинами других рот, в составе 60-70 офицеров и солдат выехал в Харьков.

Командиром полка назначен полковник Наумов, его помощником – командир роты капитан Урфалов. Форма одежды – марковская с добавлением к таковой 2-го полка – белого канта к верхнему обрезу рукавов гимнастерки. Полковой флажок – на черном фоне белый Андреевский крест, как и в 1-м полку, но с белой обшивкой по краям.

Полк начал свое формирование, в полном смысле, с азов. Ему не было дано ни одной готовой части, роты ли, пулеметного взвода, как это было со 2-м полком. Первое пополнение в 400 человек состояло сплошь из пленных, и все они были назначены в 1-й батальон, и 12 (25) сентября, когда формирование было перенесено в Курск, полк получил большое пополнение мобилизованными и пленными офицерами и солдатами, что позволило начать формирование 2-го и 3-го батальонов и команд.

Со снабжением полка необходимым снаряжением, обозом, лошадьми было еще хуже. В Харькове полковник Наумов напрасно пытался что-либо получить от штаба армии: все было, но отправлялось в другие формирующиеся части, и только с переездом в Курск полк начал получать необходимое. Но не хватало лошадей, двуколок, телег. Роты доведены были до 120-130 штыков; в каждом батальоне одна рота была офицерской. Кадр полка непрерывно пополнялся возвращающимися по выздоровлению от ран и болезней марковцами.

Но формировать полк – не значит только создавать ему известную организацию, снабжать необходимым и даже готовить его части к бою, но и заниматься моральным его становлением: создавать дух, единство боевой доктрины, полное взаимопонимание и взаимное доверие. В этом отношении в полку было большое упущение. Занимались лишь в батальонах, а общего связующего руководства не было. Все, и то лишь в некоторой степени, решалось личным общением среднего и младшего командного состава. Штаб полка был как-то мало чем связанной с полком единицей. В нем шла своя жизнь, отдаленная от готовящегося к боям полка. Один из чинов штаба, поручик, полуинвалид, доброволец-второположник, за совершенное им преступление был по приказанию генерала Кутепова расстрелян.

Самостоятельно шла жизнь и подготовка и батальонах, руководимых своими командирами. Занятия велись по их усмотрению, добросовестно, с расчетом закончить подготовку в кратчайший срок. Обращалось серьезное внимание на становление главного – духа. Проводились беседы, особенно с офицерами, почти поголовно из мобилизованных в Курске и его районе. В одном из батальонов командир на первом же занятии указал приблизительно следующее:

«Господа офицеры! Мы ведем борьбу с большевиками и не мне объяснять, почему и зачем. Вы лучше меня знаете, что такое большевизм, коммунизм, рабоче-крестьянская власть, «вся власть Советам» и так далее. Вы испытали их! О борьбе могу одно сказать – она должна быть доведена до полной победы.

Нас, как армию, должно прежде всего интересовать, как вести эту борьбу, как достичь победы. Вы знаете, она ведется с конца 1917 г. Вы знали, читали о гибели Корнилова, Маркова, Дроздовского, о смерти Алексева; читали и о победах красных армий и прочее. Но тем не менее, вот, мы здесь, в Курске.

Дело в том, что, как сказал наш шеф, генерал Марков: «И с малыми силами можно делать большие дела», и Добровольческая армия их делала».

Далее командир батальона приводил примеры из истории марковцев, говорил о понесенных жертвах и о долге, который они, офицеры, теперь призваны и обязаны выполнить.

Затем было предложено задавать вопросы. И по этим вопросам можно было судить, насколько эти «новые» офицеры не могут постичь высоты духа старых добровольцев. Им казалось, что численной силе должна быть противопоставлена такая же или немного уступающая численно сила, чтобы добиться победы.

Закончил беседу командир так:

– Господа! От нас требуется решительно победить в себе все колебания и страхи. От офицеров – без всякого снисхождения!

В конце сентября полк смотрел генерал Кутепов. Внешний вид был блестящий. Но красоты недостаточно для боя: нужны были пулеметы не на двуколах казенного образца, а на любых тачанках, подводах. Совершенно отсутствовала хотя бы маленькая команда ординарцев-разведчиков.

ПЕРВЫЕ БОИ ПОЛКА

На фронте наступление шло успешно, и кадр молодого полка уже подумывал об участии в нем: в боях быстро пройдут и обучение, и внедрение должного духа, и, наконец, пополнение всем необходимым.

Фронт подходил уже к Орлу, на правом фланге дивизии – к Ельцу. Скорей туда, к своим старшим братьям – 1-му и 2-му полкам! И... неожиданно и срочно грузится 2-й батальон, едет на участок к корниловцам и выгружается на станции Становой Колодезь, в 20 верстах не доезжая Орла, где стоял штаб дивизии. На следующий день он выступил в западном направлении. 5 (18) октября высаживается и 3-й батальон.

Что случилось? Почему полк побатальонно отправляется на фронт и притом не на присоединение к своим полкам?

Наступление Добровольческого корпуса не везде шло одинаково успешно. В то время, когда на правом фланге 1-й и 2-й Марковский полки подошли к Ельцу, левее алексеевцы пересекли железную дорогу Елец – Орел, далее влево корниловцы были у Орла, на левом фланге 3-я дивизия значительно отстала. Между корниловцами и 3-й дивизией образовался уступ верст в 20.

Штабу армии было известно, что к западу от Орла в 60 верстах, у города Карачева сосредотачивается ударный кулак в составе Латышской дивизии и кавалерийских частей, но, тем не менее, он не сдерживал наступление корниловцев, а побуждал их взять поскорее Орел. Корниловцы, уже испытывавшие давление слева, продолжали наступление и 1 (14) октября взяли Орел и сразу оказались под ударом не только слева, но и под угрозой обхода. Им в тыл устремились латыши. Из Курска навстречу им высылаются батальоны 3-го Марковского полка.

2 (15) октября 2-й батальон столкнулся с латышами, уже перешедшими на восточный берег Оки южнее Орла. Во встречном бою он не удержался и с потерей четверти своего состава, до 125 человек, отошел. На следующий день он, отбив латышей, перешел в наступление, но дошел лишь до вчерашнего места боя, где подобрал своих многочисленных убитых. Батальон вошел в подчинение командиру 2-го Корниловского полка. Латыши напирали. Положение становилось тяжелым. 5 (18) октября оставлен был Орел.

На фронт вызывается весь 3-й Марковский полк.

7 (20) октября 2 батальона переезжают на станцию Дяжье. Полку (два батальона) дан участок от реки Оки до правого фланга 3 дивизии.

9 (22) октября им без одного орудия приказано перейти в наступление в направлении на город Кромы, во фланг обходящему корниловцев противнику.

Морозный день. Колонна шла в образцовом порядке, выслав вперед дозоры. Все шли в полном молчании. О чем думали офицеры и солдаты, идущие в первый для них бой с красными? «Старые» марковцы шли, пытливо присматриваясь к «молодым», волнуясь не за себя, а за них, им еще неизвестных. Они привыкли, что в старых марковских рядах шли с песнями, шутками, уверенно, смело. Образцовый порядок не был показателем надежности. Видно было, как впереди в версте как-то не по-«марковски» шли дозоры.

Там началась стрельба. Батальоны, под артиллерийским огнем развернувшись в боевой порядок, перешли в наступление, один на село Спасское, другой на село Добрыня.

Атака была стремительной, и латышский полк их 1-й бригады стал отходить. Выдохлись пулеметчики, таща пулеметы в лямках, и поздно открыли огонь. В обоих батальонах выбыло из строя 128 человек. Отменно наступала 3-я рота, ее довел до штыкового удара старший унтер-офицер за выбытием офицеров.

В ротах настроение повысилось. Продолжая преследование, полк остановился, не доходя двух верст до Кром, так как у него оказался под ударом левый фланг.

10 (23) октября батальоны перешли в наступление на хутора, расположенные по обоим берегам реки Кромы – один восточнее города, другой западнее; расстояние между ними превышало три версты. Часть хуторов на южном берегу реки была взята легко, но перейти речку смог лишь левый батальон. И опять дальнейшее наступление было остановлено. Кромы оставались незанятыми.

Ночью латыши атаковали левый батальон и принудили его отойти на южный берег. Здесь выказала свою слабость Офицерская рота, но поплатилась лишь потерей подводы с вещами. «Не огорчайтесь! И без вещей можно воевать», – говорили в утешение «старые» марковцы.

11 (24) октября. Приказ: взять город, причем слева обеспечивать фланг будет Конный полк.

Переправы и город были взяты легко и почти без потерь, но удерживать их на фронте до пяти верст невозможно. К этому выводу пришли оба командира батальонов, о чем и сообщили в штаб полка, оставшийся в трех верстах к югу. Никакие убеждения, доказательства и просьбы «приехать и убедиться» не подействовали. «Город удерживать!» Была установлена телефонная связь между штабом и батальонами.

Командирам батальонов пришлось самим решить город не удерживать, но удерживать переправы, однако перед городом держать по две роты в качестве охранения. Шел мелкий холодный дождь. Наблюдение стало хуже. Почва размякла. Из рот тревожные сообщения в связи с приближавшей ночью. Крестьянин сообщил о готовящемся ночном наступлении латышей. Из штаба полка – приказание: усилить охранение, выслать разведку, полная бдительность и готовность.

– Все уже сделано, – был ответ.

Наступила ночь. На участке 3-го батальона захвачены два пулеметчика и пулемет. Пленные сообщили: наступают части 3-й Латышской бригады, а им было приказано выдвинуться с пулеметами насколько возможно вперед. О наступлении латышей сообщили в штаб, и оттуда приказание – «немедленно прислать пленных».

Донесение от командира 11-й роты, поручика Семенюшкина: «Латыши наступают. Взято 30 в плен. Роты отходят к переправе».

Внезапно телефонная связь с 1-м батальоном прерывается. Там глухо слышна стрельба, и на всем участке взвиваются светящиеся ракеты, тускло видимые сквозь пелену дождя. Неожиданно на переправу 3-го батальона прискакали подводы, пулеметные двуколки 1-го батальона с людьми на них. Они сообщили: красные атаковали переправу и взяли ее; куда отходит батальон, они не знают.

Наконец подходят латыши; пулеметы открыли огонь. Батальон уходит за переправу. Разлетевшиеся на мост латыши скошены огнем Офицерской роты.

Командир батальона решает не задерживаться на хуторе у переправы, а отвести батальон на две версты в Закромский хутор. Сзади Офицерская рота. Настроение у всех нервное. И вдруг, когда латыши заняли хутор и осветили ракетами, роты увидели бегущих на них слева... Они в панике схлынули с дороги. Первой приведена была в порядок Офицерская рота и крутыми мерами. Бегущие оказались не латышами, а чинами 1-го батальона, где-то перешедшими вброд неглубокую и неширокую речку и бежавшими, «куда глаза глядят». Латыши не преследовали. 30 человек пленных латышей, конечно, скрылись.

12 (25) октября. Всю ночь и утро собирался 1-й батальон и, наконец, выяснилось, что потерял он не больше 50 человек; 3-й – всего лишь троих ранеными. Потери ничтожны в обстановке, в которую были поставлены батальоны. Но моральное поражение они испытали огромное.

Из штаба полка проведен телефон в 3-й батальон. Командир полка вызывает к телефону командира батальона.

– Каково настроение в батальоне?

– Начиная с меня, у всех скверное, – был ответ.

– К вам выезжает батарея: четырехорудийная, запасная, 3-й дивизии.

Ее командир, полковник Думбадзе, сам поехал на разведку местности.

Во второй половине дня вправо на участке 1-го батальона латыши перешли в наступление. Полковник Думбадзе это видел и уже установил на позиции свою батарею.

– Ерунда, а не наступление, – сказал он.

Но из штаба полка – приказание отходить. Полковник Думбадзе по телефону передал в штаб: а зачем он здесь? И приказание было отменено; 1-й батальон остановил латышей, а подошедший эскадрон черноморцев атаковал и взял 10 человек в плен без того, чтобы батарея дала хотя бы один выстрел. Вечером батарея была отозвана из полка.

13 (26) октября. Ночь прошла спокойно, с небольшой перестрелкой прошел и день. А вечером, в связи с общей обстановкой, батальоны были отведены к станции Дьячье, оставив перед ней в деревне Зиновьева 6 рот. Подошедший к этому времени 2-й батальон, бывший с корниловцами, остановился в селе Караськово. Оба пункта на северной стороне небольшого притока Оки.

14 (27) октября. Холодно. Уже выпал снег. К станции Дьячье подошел Корниловский полк, который с 3-м Марковским составил отряд под командой помощника начальника Корниловской дивизии полковника Пешня. Отряду дан участок от Оки вдоль ее притока до большой дороги из Фатежа на Орел включительно.

15 (28) октября. С утра латыши перешли в наступление на деревню Зиновьева и село Караськово и заняли их. У Зиновьево бой шел целый день.

Отходить пришлось через речку в аршин глубиной и три шириной, так как мост был под обстрелом. Люди устали, проголодались, вымокли. Командир батальона распорядился, чтобы от каждой роты высылались по взводу в ближайšie дома. Уже была ночь.

– Вас требует командир полка, – доложил ординарец командиру батальона. Ординарец подвел капитана Павлова к группе.

– Явитесь к начальнику отряда, полковнику Пешня, – сказал полковник Наумов и указал на другую, стоявшую в стороне, группу.

Небольшого роста... и это все, что можно было рассмотреть в темноте.

– Доложите о бое! – Голос звучал слабо, но сухо. Доклад был короткий и сейчас же спокойным, твердым тоном последовало:

– Возьмите деревню обратно. Достаточно ваших четырех рот. Даю на подготовку два часа. О выступлении донесите, – и добавлено:

– В деревне батальон обсушится, отдохнет и будет сыт. Идите. – Подойдя к полковнику Наумову, капитан Павлов не успел сказать слова, как услышал:

– Я не верю в успех атаки!

Круто повернувшись, он пошел к батальону. Это была единственная встреча за время боев командира батальона с командиром полка.

Подготовка к атаке растянулась на три часа. Она была проведена отчаянным налетом в лоб и обходом деревни и встречена короткими очередями двух-трех пулеметов и десятком-другим ружейных выстрелов. Деревня была взята. Через час раздалась на окраине деревни еще несколько выстрелов. Привели двух бывших офицеров – командира красной батареи и его помощника, но не привели батарею – она, услышав выстрелы, ускакала назад. Батальону пришлось ограничиться слабыми трофеями: 3 пулемета, несколько подвод и десяток пленных. Но были и иные: десятки пар обуви, снаряжение и в каждом доме готовый ужин. Всю ночь по деревне выбегали и скрывались в темноте одиночные люди. Пленные говорили, что на деревню наступал батальон латышей и учебная рота, всего до 700 человек. Потери батальона при обороне – до 30 человек, а в атаке – всего лишь двое, причем один из них был ранен штыком в схватке на улице своим же.

С 16 (29) по 21 октября (3 ноября) шли непрерывные бои на всем фронте отряда. Наступали латыши, наступал и отряд. Участок удерживался, и создавалось впечатление, что латыши выдыхались. Но что удивляло марковцев – их батальоны действовали вразбивку и входили в подчинение корниловским начальникам, а не своему командиру полка.

Почему? Что случилось?

Узнали не сразу. Оказалось, командир полка отстранен начальником отряда от командования и вместо него назначен корниловец, поручик

Левитов; более того, батальоны корниловцев и марковцев перемешаны, якобы ввиду небоеспособности 3-го полка; оказались сведными даже два батальона, состоящие из двух рот марковцев и двух корниловцев.

На такую комбинацию капитан Павлов ответил: «При таком составе батальона я не могу быть в нем уверен!» И оказался прав: при выполнении одного ночного задания две роты корниловцев оставили батальон.

22 октября (4 ноября) 3-й генерала Маркова полк отводится в резерв в Курск. Было многое, чему радоваться.

Много самых разнообразных впечатлений осталось у чинов полка после трехнедельных первых испытаний. Дожди, сырость, слякоть, а потом снег и мороз... ночные и дневные бои, бессонные тревожные ночи, моменты крайней паники и радость удач... смелый и дерзкий враг – латыши, но и некоторое ощущение своей силы... Однако, как знать, что думают и как переживают «молодые» марковцы все это и в особенности отход и оставление Орла?

«Старые» отнеслись ко всему, как к неизбежным на войне явлениям. Оставление Орла? Местный тактический неуспех, который может быть исправлен, и думали, будет исправлен. Но их беспокоило и волновало иное: упущения, недочеты и большие недостатки в руководстве действиями их полка, вскрыть и устранить которые нужно немедленно.

В первые дни эта задача была отвлечена подсчетом понесенных потерь и приемом пополнения. Потери огромны – до 500 человек. Третью часть полка. Потеряно 2 пулемета, но взято больше. Полученное пополнение в 400 человек позволило довести роты до 80 штыков. Начались занятия, но опять без какого бы то ни было участия штаба полка. Если его участие и не важно в подготовке рот, то оно крайне необходимо в подготовке руководства в бою. Грубые недостатки в минувших боях были совершенно очевидны, и тем не менее, их не пытались объяснить и даже попытаться устранить. Вопросы ставились, но штабом они отводились. Прошедший опыт умышленно не учитывался. В результате между штабом и командирами батальонов не было ни взаимопонимания, ни доверия. Не было и должной связи, за исключением формальной. С тревогой смотрели вперед начальники, несущие на себе ответственность.

ДИВИЗИЯ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА

Первая дивизия Добровольческого корпуса после взятия Курска включала в себя уже три корниловских, два марковских, один алексеевский и конный Черноморский полк; формировались 3-й Марков-

ский и 2-й Алексеевский. Она уже действовала по двум отдаленным друг от друга направлениям – через Орел и через Елец. Настало время раздела ее, как было решено раньше, на две дивизии – Корниловскую и Марковскую, и раздел был проведен со взятием Орла.

Генералу Тимановскому было предложено принять Корниловскую как более сильную (3 полка четырехбатальонного состава и большой численности). Он отказался, так как не хотел уходить от марковцев. Но ему не пришлось принять и Марковскую дивизию: два полка стояли под Ельцом, а 3-й – на Орловском направлении. Он назначается временно начальником обороны Курска и получает в свое распоряжение 3-й Марковский полк, отведенный в резерв.

Однако обстановка последующих дней не только не позволила соединить 3-й полк с 1-м и 2-м, но и потребовала вывода на фронт отдельно от них. Дивизия не могла собраться воедино, и генерал Тимановский оказался без своих частей и без дела. Его желание принять командование над 1-м, 2-м и Алексеевским полками удовлетворено не было: ими, как отрядом, уже с середины сентября, успешно командовал генерал Третьяков. Генерал Тимановский грузит в свой поезд раненых и больных марковцев, лежащих в Курске, едет в Белгород и там ждет.

Дивизии не скоро удалось собраться, хотя все ее составные части и были готовы: три полка, инженерная рота, артиллерийская бригада и даже была санитарная летучка имени генерала Маркова. Она могла быть веской силой, но по ряду причин, от нее независящих, собраться и стать ею не могла. Не могла она присоединить к себе и одну батарею, остававшуюся с корниловцами.

О ней нужно рассказать особо. При наступлении на Курск она в составе двух орудий была придана корниловцам. Ее разведчики захватили одно орудие и поставили в строй. В Курске она получила 4-е орудие. При наступлении в Орловском направлении опять атакой разведчиков взяли два орудия и тоже поставили в строй, став шестьюорудийной. При дальнейшем наступлении с корниловцами она своим огнем разметала красных, и в результате боя был взят в плен штаб 55-й стрелковой дивизии во главе с начальником, бывшим генералом Станкевичем, братом генерала Станкевича, начальника 1-й дивизии в Донбассе, умершего от тифа. Подбила бронепоезд красных. Затем, однажды, по инициативе командира батареи, полковника Изенбека, разведчиками батареи и корниловскими был проведен налет и захвачена четырехорудийная батарея не только в полной упряжке, но и с полным составом чинов. Батарея стала десятиорудийной, однако через несколько дней передав два орудия в Корниловскую артиллерийскую бригаду.

Успешное действие батареи обязано и корниловским частям, и ее собственному составу. Среди марковцев батарея называлась «детским садом», потому что состояла исключительно из молодежи, частично из той юнкерской, которая прибыла в Добровольческую армию в конце

1917 г. в Новочеркасск, потом произведенной в офицеры. Молодежь была в этой запасной батарее для усовершенствования и расширения знаний, приобретения навыков в стрельбе. Насколько она усвоила необходимые для офицера артиллериста знания, например, «построение всером», неизвестно, но в бою «детский сад» показал себя отлично.

БОИ ЗА ЕЛЕЦ

До марковцев не доходили сведения о положении на других фронтах и даже на отдельных участках дивизии. Оставление Орла, и корпусом генерала Шкуро Воронежа им известно не было. Они знали лишь об усилении красных у Ельца и считали, если наступление их неизбежно, то лучше предупредить его контрнаступлением. Кроме того, недалек город, и он тянет к себе.

И действительно, после четырехдневного затишья 5 (18) октября 2-й полк переходит в наступление, и 8 (21) октября, после тяжелого боя (на одном из участков с отрядом матросов в 600 человек), отбрасывают красных на северный берег Сосны, правым своим флангом заняв станцию Талица-Елецкая на линии Грязи-Елец. Полк растянулся вдоль реки, имея вправо и в тылу по реке Дон слабые кавалерийские части Землянского отряда, а влево – разрыв до слободы Чернава в 10 верст, никем не занятый.

В эти же дни у 1-го полка...

5 (18) октября генерал Третьяков собирает старших начальников и объявляет им о наступлении с целью разбить сосредотачивающихся перед полком красных и затем совместно со 2-м полком взять Елец. Объясняет план операции и назначает ее начало на следующий день, 6 (19) октября. Но еще не закончилось собрание, как поступает сообщение: красные взяли слободу Чернава. Наступление откладывается на день с тем, чтобы батальон алексеевцев с поддержкой 1 батальона марковцев восстановил положение.

6 (19) октября Чернава взята, и с наступлением ночи 1-й полк стал занимать исходное для наступления положение под начавшимся дождем. 1-й батальон и батальон алексеевцев сосредоточились у Чернавы, 2-й батальон шел 12 верст из Преображенского в Рахманино к 3-му батальону. Частям выдается провизия на целый день; транспорт с огнеприпасами из Ливен растянулся, и несколько подвод безнадежно застряли. Дождь испортил дороги, хотя и перестал лить.

Задача: от Чернавы двум батальонам при двух орудиях при каждом разбить противника и занять села Афанасьевка и Хмельное; двум другим с 6-ю орудиями от села Рахманино выдвинуться на север к железной дороге, затем, свернув на восток, прийти в Афанасьевку, которая

к тому времени должна быть взята батальоном алексеевцев. Этим батальонам предстоял рейд по расположению красных не менее 35 верст. Команда пеших разведчиков переходит в Чернаву в резерв, а комендантская рота с конной сотней обеспечивает тридцативерстный фронт, до сего занимаемый тремя батальонами.

7 (20) октября приступили к выполнению задачи. 2-й и 3-й батальоны под командой полковника Блейша рассеивают охранение противника и вклиниваются в его расположение. Влево в трех верстах в деревни Лески взят целиком батальон в 300 штыков. Донесения разведчиков серьезны: впереди село Троицкое занято большими силами; со станции Рассошная проехали к Ельцу два пустых состава, а от нее отправились к деревням по ту сторону железной дороги две колонны; по словам крестьянина, на станции Шатилово красные выгрузились из двух составов и ушли в направлении Чернавы.

Чтобы не ввязываться в серьезный бой у села Троицкое, батальоны сворачивают на восток. Они идут по тылу противника, встречая слабое сопротивление. Но село Черник им пришлось брать с боем. Взятые сотни в плен, которых отправили на юг с подехавшими с линии реки Чернавка разъездами конной сотни.

Не задерживаясь в селе, пройдя версты 3-4, батальоны вдруг остановились, а две роты пошли назад. Оказалось, красные охватили оставшие подводы со снарядами и их прикрытие. Но возвращение рот было неожиданным для красных; снова было взято 300 пленных, 6 пулеметов, 20 повозок и 3 походных кухни с готовым обедом, и освобождены свои подводы. Роты позволили себе короткий отдых. Потом их спрашивали, зачем они ходили назад? Отвечали: «чтобы пообедать». Батальоны, не ожидая возвращения рот, пошли дальше и встретили сильное сопротивление у деревни Бараново, но и здесь красные были сбиты: большая их часть стала отходить на юг, меньшая – к северовостоку на Афанасьевку, находящуюся всего в 10 верстах. Наступал вечер. Силы измотаны. Скорей к цели. Но в том направлении, куда отступила большая часть красных, слышна орудийная стрельба. Нужно идти на выстрелы.

Батальоны выходят на большую дорогу из Чернавы на Елец. Полная тишина. Ночь. Связываются с алексеевцами, стоящими южнее. Связываются с генералом Третьяковым. Приказано занять Афанасьевку. Дошли, не встретив противника, а через короткое время в село входила и колонна красных. Не потеряв еще инерции движения, марковцы в темноте смяли эту колонну, захватив еще до 300 пленных и несколько пулеметов. И только теперь настал час отдыха после 17 часов похода с боем.

Полк выполнил задачу, хотя и не вполне по плану. Батальон алексеевцев, занявший днем село Афанасьевка, атакованный пехотой и кавалерией, вынужден был отойти к Чернаве в очень тяжелых условиях,

едва не потеряв два орудия, командир которых, поручик Плотников, спасая их, был убит.

Марковцы понесли небольшие потери – до 150 человек; серьезные они были у алексеевцев. Обидные потери понесли артиллеристы: нагонявшие свою батарею капитан Князев и поручик Грачев с несколькими солдатами, за исключением одного, успевшего перескочить плетень, были зарублены насковившей красной кавалерией. Ночью убитые были привезены в Чернаву спасшимся солдатом.

Казалось, красным нанесено серьезное поражение: одними пленными они потеряли свыше 1000 человек из частей 3-й и 42-й стрелковых дивизий, много пулеметов. Казалось, теперь будет занят и Елец. И 1-му полку дается приказ атаковать город, с востока на него будет наступать 2-й полк. Батальон алексеевцев, заняв село Черник, будет обеспечивать наступление слева; два взвода команды разведчиков – обеспечивать тыл батальонов у села Афанасьевка.

8 (21) октября. Выпал туман. Подъем до рассвета. 1-й батальон наступает из села Хмелевое. На его пути глубокий овраг с речкой Варголь, за которой позиция красных. С большими усилиями овраг перейден. Красные атакуют справа из леса; атака отбита, лес занят. К востоку, может быть, верстах в пяти слышен сильный бой – там наступает 2-й полк. Батальон приближается к самому городу. До него две-три версты. По батальону бьют тяжелые и легкие батареи. Отбивается сильная контратака. Батальон на окраине, но справа угрожают красные, а влево нет связи с 3-м батальоном. Время идет...

3-й батальон выступил из Афанасьевки по дороге южнее железной; сбивает красных с позиций по речке Варголь. Город близко, но доносят: в тылу – красные. Он поворачивает назад и во встречном бою наталкивается на крайне упорное сопротивление. Встречные контрудары. Взятые в плен матросы Балтийского флота из отряда в 500-600 штыков. Сбить не удастся, тем более что красные на фланге, и пули летят в тыл со стороны Ельца. Наступила ночь. При таком положении остается одно – отходить в единственном свободном направлении, к югу. 1-й батальон, не дождавшись у города 3-го, с наступлением ночи тоже стал отходить.

Наступление 2-го батальона. Ему дана задача: по большой дороге из Чернавы на Елец обойти город с северо-запада, чем содействовать 1-му и 3-му батальонам во взятии города. Задача рискованная: он углубится в расположение противника и при атаке города будет иметь его в тылу. Батальону придется четырехорудийная 1-я батарея.

В тумане батальон сбивает заставу противника на железнодорожном переезде у станции Казаки. Идет дальше. Туман быстро исчезает, и под лучами восходящего солнца открывается четкая панорама: хуто-

ра, волнистый рельеф, вправо виден Елец и всюду цепи противника, высыпавшие из хуторов и спешившие собраться у дороги. Но быстрое движение батальона мещает им. У села Казаки красные оказали первое сопротивление, были биты и отошли на север. А дорога уже круто свернула на восток, затем на юго-восток, на город. Оставив роту в селе Казаки, батальон шел дальше.

В сиянии яркого осеннего солнца перед батальоном представилась картина: Елец, железнодорожная станция, мечущиеся по ней тревожно гудящие паровозы, уходящие на север составы, скачущие по полям подводы... Огонь батареи прекратил движение поездов. Цель близка. Путь батальону открыт. Но... прискакал ординарец с донесением: красные большими силами наступают на село Казаки. Туда поскакала батарея. Остановить красных не удалось: село ими взято и дорога, по которой шел батальон, перерезана. Продолжать наступление на Елец, имея в тылу противника? Но кого можно встретить в городе? Связи с другими батальонами нет, и батальон начинает отходить, стремясь выйти на большую дорогу. Он идет, сдерживая красных справа, его обоз и батарея по полевым дорожкам и прямо по полю. Переход через овражистое русло реки Варголь. Выдержит ли мостик тяжелые орудия? Красные напирают. Потери растут, все подводы и даже пулеметные тачанки наполнены ранеными. Батальон отбился и вышел на большую дорогу. Пройдено 8 верст, когда казалось – «конец».

Справа идет колонна кавалерии красных, но что впереди? Видно полотно железной дороги, видна на нем цепь. Чья? Вперед скачут ординарцы и... их встречают огнем. Но, может быть, «своя своих не познаша»? Цепь встает и идет навстречу батальону, огромная, густая. Две головные роты батальона рассыпаются в цепь, другие – в арьергарде, за которым следует противник. А батарея? Она становится на позицию и открывает огонь бизантными гранатами. 4 орудия по 12 снарядов на орудие – 48 гранат в течение 1-2 минут. Роты двинулись вперед. А на полотне – другая цепь, и снова огонь батареи по узкому месту, чтобы пробить брешь. Красные разметаны. Роты на полотне железной дороги повернули свой фронт – одна, в одну сторону, другая – в другую, прикрыв дорогу, по которой на рысях скакали подводы, батарея... под обстрелом с двух сторон. Раненые и убитые среди раненых; батарея теряет 6 лошадей, два человека убиты и 4 ранены. Переехав полотно, батарея снова открывает огонь. Бой прекращается уже ночью, когда отошли все роты.

До села Афанасьевка оставалось 3-4 версты. Но кто в нем? Посланные верховые сообщили: подходит чья-то колонна с запада. Батальон обходит село с востока. Сзади начался бой; вероятно, красные столкнулись друг с другом. В полночь батальон остановился в деревне Коткая, войдя, наконец, в связь с полком.

Ход событий минувшего дня стал ясен. Когда с утра батальоны полка перешли в наступление на город, резервы красных, стоявшие западнее, также перешли в наступление. Они у села Черник потеснили батальон алексеевцев, а у села Афанасьевки обрушились на два взвода команды разведчиков, которые с потерей 60 человек из ста отошли к югу. Красные, оставив часть сил у села, потом встретивших отходивший 2-ой батальон отрядом матросов, следовали за 3-м батальоном и ударили ему в тыл. Два дня боя и проделанные 60 верст изморили полк. Потери его доходили до 400 человек.

9 (22) октября красные стремились развить свой успех. На село Хмелевое наступали матросы, но, не взяв его, направились к Ельцу. К концу дня все батальоны полка отошли почти к самой слободе Чернава.

10 (23) октября снова наступали красные. Их отбрасывали контра-таками на версты.

В эти дни ночами выпадал густой туман, державшийся долгие часы. Отчасти из-за него не замечались движения частей противника, но главным образом, потому, что при полку не было его конной сотни, оставленной для наблюдения тридцативерстного участка к западу. Полная неудача атаки Ельца объяснялась этим.

Но на Елец наступал и 2-й полк. Положение у него сложилось такое: он был в 20 верстах восточнее 1-го и должен держать 2 роты в обеспечении своего правого фланга на станции Талица и две роты в обеспечении левого. Наступать он мог лишь 9-ю ротами – силами слабыми.

8 (21)-го числа, когда 1-й полк наступал на город, 2-й отбросил перешедших в наступление красных с южного берега реки Сосна и подошел к городу на 4-5 верст.

9 (22) октября, когда 1-й полк отбивался от красных, уже отойдя от города, 2-й с боем перешел реку Сосна. Левый его фланг южнее города встретил упорное сопротивление матросов; центр подошел к городу, но, оказавшись под ударом слева, остановился; правый фланг серьезного сопротивления не встретил. Но туман. Части полка растянулись веером, связь затруднительна.

Пулеметный взвод подпрапорщика Сербинова, которому дана задача обеспечивать правый фланг, подъезжает к группе домов. Из дома выходит красноармеец и спрашивает: «Какого полка?» Ему отвечают – «Второго». «Ничего не понимаю! Все бегут. Говорят, белые вышли в тыл», – говорит он и идет в дом, а за ним Сербинов с двумя своими. В комнате несколько человек. Выходивший из дома берет телефонную трубку, кому-то докладывает о положении, а затем, выслушав что-то и обернувшись, сказал: «Приказано сдерживать белых! На помощь приходит 61-я дивизия». Только теперь пулеметчи-

ки заявили, кто они, и, забрав телефон и пленных, вернулись в расположение своих частей».

Туман исчезал, и по мере того, как увеличивалась видимость, усиливалась пулеметная, ружейная и артиллерийская стрельба. Все яснее становилась угроза левому флангу полка со стороны матросов. Совершать перегруппировку рот нет возможности. Приказано держаться до вечера и отойти за реку, удерживая за собой переправы.

10 (23) октября, усилив свой левый фланг, полк снова перешел в наступление. На левом фланге под ударом «в штыки» матросы стали отходить и остановились на подготовленной и занятой их резервами позиции. (Подошел их отряд, бывший против 1-го полка). Центр полка опять у города, который защищают 2-3 коммунистических полка; им взята товарная станции, но он наталкивается на баррикады. На правом фланге, где теперь было меньше сил, цепи полка внезапно встретились с наступающей массой красных (бригада 42-й стрелковой дивизии), которая с «ура» двинулась вперед, но залегла под огнем.

Туман рассеивался. Гремели тяжелые и легкие батареи красных. Марковцы ожидают атаку противника. И, редкое явление, снимают свои пулеметы с тачанок и ставят на землю.

В наступление перешли матросы. Их теперь едва ли не 1000 штыков. Идут планомерно, перебежками с охватом левого фланга. Марковцы стали отбегать. Подлетевший на поддержку пулемет на тачанке замолк: 2 пулеметчика убито, перебиты и лошади.

Приказ: отходим за реку. Матросы на плечах полка перешли реку. Со станции Талица снимаются 2 роты на поддержку.

11 (24) – 12 (25) – 13 (26) октября. Выпал первый снег, туман. Красные стремятся развить успех. Тяжелые бои у деревень Пушкарное, Козинка и села Голубовка. Отчаянно отбиваются марковцы, бросаются в контратаки. Не выдерживают против матросов, грозные цепи которых шли с диким ревом, но быстро собираются, контратакуют, и не выдерживают уже матросы, бегут, ища спасения за рекой. В полку большие потери. Ранены командир полка, полковник Морозов, полковник Кудревич. В командование полком вступает капитан Образцов. В это время подходит к полку в составе 150 офицеров сформированная 1-я Офицерская рота.

Положение для полка создавалось угрожающее: красные уже в тылу, на пути к Касторной. Ночами полк побатальонно отводится в слободу Чернава, не к югу, а к запалу.

А у Чернавы в эти дни, с утра, в тумане непрерывные стычки трех батальонов 1-го полка и батальона алексеевцев с наступающими красными, которых всегда к концу дня отбрасывали. 1-й батальон полка, получивший задачу провести рейд по ближайшему тылу противника, из-за густого тумана не выполнил приказаний. Капи-

тан Попов получил повторное приказание. Под утро батальон с двумя орудиями скрывается в тумане, рассеивает охранение противника и его части в хуторах. В деревне Бараново он разметывает строящиеся части противника, берет пленных, часть обоза, в полном составе оркестр музыки, флаг кавалерийской бригады. Батальону дается короткий отдых. Играет захваченный оркестр. Часа через два батальон выступает дальше, отправив трофеи и пленных в Чернаву. Он сворачивает направо, идет на Афанасьевку. Мелкие стычки, более серьезные – с кавалерией. Только во второй половине дня несколько рассеялся туман. Из Афанасьевки красные бежали. Батальон в тылу у красных, почти в 10 верстах от их передовой линии.

Наступает ночь, и снова находит туман. Батальон расположен тесно: он сам весь в охранении на все четыре стороны. Всю ночь на него нарывались всадники, группы красных. Их запирали в сараи; их сотни. Говорят, их части разбегаются. А утром в тумане батальон тронулся назад приблизительно той же дорогой. Ему на этот раз пришлось столкнуться с развернувшейся в бою пехотой. Взятых в плен он оставил в сараях. Батальон благополучно присоединился к полку.

О моральном состоянии частей советской 42-й стрелковой дивизии дал интересные показания один из взятых в плен краскомов.

Под Ельцом дивизия была укомплектована до полного состава и готовилась к переходу в наступление. Комиссары и краскомы в ежедневных беседах с красноармейцами убеждали их в скорой и неизбежной победе над белыми и близком конце войны. Один из доводов – малочисленность белых, несущих большие потери, восполнить которые они не могут, так как никто не хочет служить в Белой армии, в то время как силы Красной непрерывно растут. Настроение красных, казалось, становилось бодрее. Но стоило только «чернопогонникам» начать наступление, как моментально пропадала бодрость, и охватывала паника. Белые, казалось, были всюду. Роты и батальоны быстро рассеивались или сдавались. Пополнение прибывало непрерывно, но и оно заражалось страхом. Начальство принуждено было принимать суровые меры и включать в полки свежие батальоны из тыла взамен рассеявшихся.

Если начальству удавалось заставить свои части драться, то эти части несли всегда огромные потери. Быть раненым для красноармейца – желанный выход из бессмысленной для него войны. Сам пленный краском признавался, что воевал поневоле, чувствовал свою беспомощность, так как дерзкие по смелости действия «чернопогонников» парализовали его ум и волю.

Ну а марковцы? Они держались, несмотря на неделю отчаянных боев, несмотря на значительно уменьшившуюся численность, несмотря на сокращение часов, когда могли отдохнуть. Прошло теплое

и сухое время, когда в боях и в охранении можно полежать на земле. Теперь на нее, мокрую и холодную, не ляжешь. Плохо стало и с подвозом пищи – части всегда в движении. Сутками до них не могли добраться кухни с хлебом, а когда добирались, бойцы были рады и мисиву в кухне, и черствому, промокшему хлебу. Как отлично не были расположены к белым крестьяне, но что они могли дать?

Моральное состояние? Оно уже не было прежним. О наступлении на Москву не говорили и не думали. Но настроение было крепко на том градусе, который требовался, чтобы сдерживать противника, не считаясь с его и своими силами.

ОПЯТЬ ОБОРОНА ЛИВЕН

Бои не прерывались ни на один день.

12 (25) октября красные повели наступление на Ливны, на левый фланг 1-го полка, где стояла лишь комендантская рота в 250 штыков и отчасти Конная сотня. Наступление велось большими силами, но было: сдерживал туман и, очевидно, угроза удара во фланг со стороны алексеевцев.

13 (26) октября к комендантской роте спешила на помощь команда разведчиков, и прискакал полковник Блейш. Он сказал: «Дальше ни шагу!», и сам вступил в руководство боем.

В этот день все батальоны полка вели бои у Чернавы, и только ночью был снят 2-й батальон, получивший приказание срочно идти вдоль реки Чернавки для удара в левый фланг и тыл наступающему на Ливны противнику.

14 (27) октября. Перед рассветом батальон проходит села Пречистенское и Гниловоды и у села Преображенское встречается с колонной красных, отбрасывает ее на север за речку, но тотчас же вынужден вступить в бой с другой колонной, занявшей пройденные им Гниловоды.

Положение на фронте полка грозное. Отбив на рассвете атаку красных перед Чернавой, 1-й батальон по вызову спешит теперь выполнить задачу 2-го. Но и он встречает третью колонну противника у Пречистенского и с боем занимает село.

15 (28) октября на рассвете, когда красные начали наступление, он, не принимая боя, выступил под артиллерийским обстрелом для выполнения поставленной ему задачи и под огнем проходит у села Гниловоды, где вел бой 2-й батальон. После полудня он пришел к деревни Прилепы. Ему слышен бой в сторону Ливен обстановка совершенно неизвестна. Но наступающие на город красные уже знают об угрозе их тылу и начинают отходить, принимают в сторону, теряют порядок, бегут. Их преследуют комендантская рота, команда разведчиков, конная сотня и частично 1-й батальон, начавший только раз-

бираться в обстановке. До 600 человек из бригады 3-й стрелковой дивизии было взято в плен.

За три дня боя комендантская рота под командой капитана Шевченко и руководством полковника Блейша отошла на 12-15 верст, оказывая упорное сопротивление. Из 250 штыков она потеряла 117.

Оставшийся один у Гниловод 2-й батальон с трудом отбивался, будучи охваченным кавалерией. Его выручил 3-й батальон, подошедший от Чернавы. Но оба они вынуждены были отходить под давлением трех колонн противника: 2-й – в Козьмодемьянское, 3-й – в Хмелевое. Преследование 3-го батальона пехотой и кавалерией велось без перерыва, ночью он был окружен и атакован в деревне. Его выручил 2-й батальон. Едва 100 штыков перешли с ним в Козьмодемьянское.

Фронт марковцев прорван.

Батальоны 1-го полка уходили из Чернавы, когда туда стягивался 2-й полк.

14 (27) октября в слободу пришел головной батальон и сразу же занял позицию на северной окраине. Батальон алексеевцев немедленно ушел на юг для обеспечения тыла: красные наступали на юг вдоль восточного берега реки Олым.

Теперь снова фронт отряда генерала Третьякова шел от станции Касторная, на которой стояла Марковская инженерная рота с двумя орудиями, на север вдоль реки Олым до слободы Чернава, откуда сворачивал на запад до пересечения железной дороги от Ливен на Верховье – фронт протяжением до 100 верст.

Слобода Чернава делилась рекой Сосной на две части – восточную и западную; западная – притоком Сосны, Чернавкой – на северную и южную. Позицию батальона 2-го полка пересекала Чернавка.

15 (28) октября красные перешли из леса в наступление на правый фланг батальона. На ровном голом поле они, понеся большие потери, отхлынули назад. Усилив артиллерийский огонь, атаковали снова; пехота залегла, но из леса вынеслась лава кавалерии. Она достигла окраины слободы, за нею ринулась пехота. Стоявшая на правом фланге Офицерская рота оказалась отрезанной от моста. Часть ее пробилась, часть успела перейти топкую речку, но 50 офицеров были частью убиты, частью пропали без вести.

Контратакой, проведенной вброд через речку, положение было восстановлено. Батальон потерял до 125 человек.

16 (29) октября ожидалось снова наступление на батальон с охватом левого фланга, но его не было: красным пришлось бы идти по телам своих раненых и убитых, продолжавших лежать на поле.

Они пошли с востока на два батальона, отошедших к слободе после ряда столкновений с противником, пытавшимся преградить им путь отхода. Красные ворвались в слободу, ее восточную часть, но им удалось захватить только часть ее и несколько рот оттеснить к югу верст на 5-6 к переправе у деревни Бутырки, которую роты удержали за собой.

17 (30) октября, сверх ожиданий, противник оставался пассивен. «Затишье перед бурей», и ожидаемая буря сжимала сердца. С рвением поспешно все чистили винтовки, пулеметы, орудия, подковывали лошадей.

Крестьяне говорили: красные обходят слободу с запада. Вывод: 1-й полк отошел. Очень тревожно. И только вечером – приказание: с наступлением ночи полк оставляет слободу и в двое суток должен перейти на станцию Касторная. 60 верст!

Приказание потрясло всех. Что это? Отступление? Мысль отказывалась верить...

ОТХОД

Положение Добровольческого корпуса было критическим. Красное командование поставило задачей разгромить его, захватив в клещи с запада ударной группой, с востока – конным корпусом Буденного. Наступление последнего шло весьма успешно. Генерал Шкуро отступал перед главными подавляющими силами красной конницы. От него была взята Терская дивизия, отправленная на подавление разрастающегося в тылу восстания Махно. Буденный подходил к станции Касторная, находящейся более чем в 50 верстах к югу от правого фланга марковцев. Эта угроза заставила генерала Третьякова быстро отвести туда 2-й полк.

В ночь на 18 (31) октября 2-й полк, потерявший в боях у Ельца и Чернавы до 500 человек, шел двумя колоннами: батальоны – вдоль реки Олым, а артиллерия с обозами – несколько западнее. На восточном берегу реки были красные. Батальон алексеевцев, стоявший в обеспечении тыла, ушел на присоединение к своему полку.

Скверная погода, тяжелые дороги, многочисленные овраги тормозили движение. В орудия и подводы приходилось «впрягаться» людям. И только к концу третьего дня на станцию пришел один батальон, и на четвертый – весь полк. Инженерная рота и орудия при ней уже обстреливали приближавшиеся с севера разъезды кавалерийских частей противника.

Красные активны на всем фронте отряда. Приказано: 2-му полку удерживать район станции Касторная во что бы то ни стало; 1-му полку – сдерживать противника на фронте от деревни Веселая на реку Олым до села Козьмодемьянское, выслав один батальон в село Ни-

кольское на реке Олым, в 20 верстах к северу от Касторной; Алексеевскому полку – удерживать район Ливен. Полосы отхода: 1-го полка – между рекой Олым и рекой Кшенева; алексеевцев – между рекой Кшенева и рекой Тим по обе стороны железной дороги Мармыжи – Ливны.

17 (30) октября. 1-й батальон 1-го полка после крупного успеха к северу от Ливен был поражен неожиданным для него приказанием идти в село Никольское, куда он пришел на четвертый день и через которое только что прошел 2-й полк; 2-й батальон полка выступил вправо для занятия участка от деревни Веселая до реки Сосны; 3-й батальон с командами оставался в селе Козьмодемьянское.

2-й батальон, выступив, скоро столкнулся с колонной красной пехоты, идущей на юг. Он ее разметал и тут же узнал, что другая колонна уже прошла. Батальон последовал за ней и у деревни Липовчик разметал и ее. Переночевав, он тронулся к деревне Веселая, которая оказалась уже занятой противником. Две роты повели наступление и скоро отбросили красных за Олым. Но в это время в тылу батальона разворачивалась еще одна колонна красной пехоты, пришедшая с севера. Завязался настолько серьезный бой, что пришлось вызвать из Веселой на помощь ведущим бой двум ротам сначала одну роту, затем и другую. Красные, отошедшие за реку, снова занимают деревню.

Только благодаря исключительной поддержке славной 1-й батареи красные оттеснены, и батальон мог пройти к деревне Липовчик. Но там уже красные. Не рискуя атаковать ее, когда за ним вплотную следует противник, батальон поворачивает на юг в село Круглое, куда приходит ночью. Но и здесь отдохнуть после тридцативерстного перехода не удалось: красные перешли Олым южнее деревни Веселая и были вблизи от него. Видя, что теперь задачу, данную батальону, не выполнить, командир батальона, капитан Марченко, отводит его к западу в деревню Парные Колодцы, ближе к 3-му батальону, с которым, как и со штабом полка, он давно уже потерял связь.

19 октября (1 ноября) прошло спокойно, и батальон немного отдохнул.

20 октября (2 ноября) красные взяли Ливны. Алексеевцы и 3-й батальон отошли к югу. Фронт отряда значительно выровнялся и сократился. 2-му батальону приказано взять Круглое, в котором он был позавчера.

В селе красных не оказалось, но не успели выставить охранение, как новое приказание: выбить противника из Парных Колодцев, которые он только что оставил. Едва батальон собрался выступать, как противник повел энергичное наступление. Пришлось отбивать его в течение долгих часов и уже экономить снаряды. Тем не менее, красные взять села не смогли. Наступила ночь. Что делать батальону? Выполнять с многочасовым опозданием приказание? Связь со штабом полка порвалась. Противник с трех сторон. Капитан Марченко решает отвести батальон к югу в деревню Трубицыно.

Как будто, в ней никого. Батарея, обоз и раненые подходят к деревне. И вдруг налетает лава. Батарейные пулеметы открыли огонь; подбежала рота. Красные скрылись в темноте, успев, однако, зарубить трех человек. Деревня в яме, оставаться в ней нельзя. И как раз приказание: батальону перейти в село Навесное, где его ждет транспорт со снарядами. Придя туда, батальон чувствовал себя очень тревожно. А с утра, 21 октября (3 ноября), в течение всего дня отбивал красных с двух сторон.

Наступила ночь. Охранение на три стороны. Уже за полночь. И вдруг красные атаковали. Сопротивления им почти не было. В полном беспорядке, рассыпавшись, перемешавшись, марковцы выскакивали из села. Батарея вылетела через дворы. Переехав ложбину, она дала несколько выстрелов и явилась центром, куда стали собираться все. Батальон отошел на три версты к западу. Не оказалось целиком 5-й роты. Она отрезана, ее нужно спасти, и временно командующий батальоном капитан Алабовский ведет его обратно в Навесное. Красные тоже застигнуты врасплох. Взято до ста человек в плен, два пулемета, отбиты подводы со снарядами и... нашлась 5-я рота. Общее оживление и радость. В батальоне пропало без вести всего 25 человек.

22 октября (4 ноября). Не пришлось и часа на сон, как получено приказание отойти к югу в село Гатище, а там ждало новое – перейти в деревню Юрская. Остаток дня прошел спокойно, но ночь?

Эта ночь была не совсем обычной: в северном направлении слышалась ружейная стрельба. «Наши в тылу у красных?» Но приехавшая из штаба полка связь сообщила: это ведут бои крестьяне, не желающие оставаться у красных и пробивающиеся к Добровольческой армии, и приказание из штаба – иметь это в виду и не обстрелять их. Сообщено было еще, что за минувшие дни 3-й батальон с комендантской ротой и командой разведчиков в тяжелых боях сдерживали красных; в одном из них нанесли им огромные потери, но и сами понесли немалые. Пришлось оказывать помощь и алексеевцам.

Крестьяне пробирались на юг одиночно и группами, иные в сотни человек. Сколько их? 3-й батальон ими пополнял свои потери. На 1-й батальон, стоявший у реки Олым, за трое суток вышло около 400 человек. Они не просто уходили, а для того, чтобы бороться со своими врагами. Они просили зачислить их в ряды, дать оружие. Но включали только по числу имеющихся винтовок. Очень грустно было отказывать. «Почему не проведена своевременно мобилизация?» – говорили марковцы, – «Красные ее проводили в прифронтовой полосе. А как нам нужно было бы пополнение и, тем более, такое верное».

23 октября (5 ноября). Всю ночь в распоряжение 2-го батальона пробирались крестьяне. Всю ночь он провел в напряженном состоянии, на холоде, голодный. А утром красные наступали.

Атаку начал полк кавалерии, за ней последовали атаки пехоты с севера и востока. К вечеру кавалерия повисла с юга. Снова нет связи со штабом полка. Наступила ночь. Нервы у всех натянуты до предела – нужно быть в полной готовности. Холодно. Не выдержит батальон ночной атаки... и он отводится к западу, к реке Кшенева, в село Ольшанка, в тыл 3-му батальону.

Всего 10 верст прошел 2-й батальон, но лошади едва тянули тачанки, орудия. Придя в село, все уснуло как убитые.

Донесение об отходе батальона было передано в штаб полка через офицера-артиллериста, а вернулся он с приказанием батальону взять село Юрское.

Выдержка из «Истории Марковской артиллерийской бригады»:

«Впервые приказание штаба было подвергнуто в батарее (среди офицеров) беспощадной критике. Действия штаба полка казались непонятными ни с какой точки зрения. Не говоря о крайней утомленности людей, к тому же совершенно раздетых, без обуви, не получавших в течение трех дней горячей пищи, наступление было полной бессмыслицей из-за отсутствия снарядов и патронов, из-за отсутствия сколько-нибудь целесообразной идеи. Получивши боевой приказ, офицер обратился к адъютанту с просьбой указать, в чем заключается главная цель данного наступления, вообще – достижение каких целей возложено на батальон. В ответ на это было получено заявление: «Одна цель – воевать!»

Когда офицер передал приказание и весь разговор командиру батальона, тот немедленно поехал в штаб сам и вернулся с транспортом снарядов и патронов, с частью команды пеших разведчиков и... с тем же приказанием. В батальоне объявлен подъем.

Свыше 400 крестьян, прошедших через расположение красных, смотрели на строившийся батальон в 350 штыков. Смотрели на них и марковцы. «Ведь это целый батальон готовых бойцов!»

24 октября (6 ноября). Батальон двинулся, вяло разворачивался, вяло атаковал противника на переправе и к полудню пришел в село Юрское. Красные из него ушли к югу.

25 октября (7 ноября). Ночь прошла крайне тревожно: можно было ожидать красных со всех сторон. Но только в полдень они начали наступать и до вечера не могли взять села. Наступила опять ночь. Состояние жуткое. На взмыленном коне прискакал ординарец (он едва не попал в руки красной кавалерии) с приказанием отойти в деревню Замарайка, в 15 верстах к югу.

26 октября (8 ноября). Деревня оказалась занятой красными. На рассвете батальон атаковал ее. Но это не была атака, а какой-то медленный «наполз» валящихся от усталости и бессонницы людей. Бой был упорный и тяжелый. Деревня взята, но отдохнуть не пришлось: батальону приказано идти в восточном направлении в деревню Богда-

новка, в 10 верстах. С трудом удалось разбудить уснувших людей. Пройдя полдороги – новое приказание: идти в село Голицыно, почти в обратном направлении. Более 10 верст были напрасно пройдены. К вечеру доплелись до села, а через два часа уже шли еще на 6-7 верст к западу за реку Кшеневу, в село Урусово. Все уснули мертвецким сном, не прикоснувшись даже к хлебу. На этот раз батальону посчастливилось, он проспал часов шесть, чтобы наутро, 27 октября (9 ноября), снова выступить на восток, перейти реку, выбить противника из ряда хуторов, по приказанию вернуться обратно и через час снова выступить на восток, опять выбивать из хуторов, вступить в серьезный бой у деревни Новые Выселки, взять ее и к ночи остановиться в селе Платовец. Но в каком состоянии?

«К вечеру конский состав батареи был настолько изнурен, что некоторые лошади в виде протеста ложились на землю, и не было никаких сил поднять бедных животных и заставить их тянуть по обледенелой грязи тяжелые пушки. Ночью ударил мороз. Вместе с ним для батареи явились новые испытания – лошади скользили, зачастую падая на спусках и подъемах; некоторые из них настолько поотбивали колени, что пришлось их выпрягать и заменять верховыми».

Если бы ночью противник напал, он мог бы легко захватить весь батальон. В штаб послано донесение, в котором решительно и твердо заявлялось, что батальон не в состоянии передвигаться.

В этот день 3-й батальон отбил наступление на село Кобылье, преследовал противника 10 верст, был атакован справа кавалерией, едва не захватившей батарею, отбил ее и вернулся в исходное положение.

28 октября (10 ноября) – исключительно спокойный выдался день. Противник не беспокоил ни 2-й, ни 3-й батальоны. Лишь перед 1-м, простоявшим спокойно 9 дней на переправе через реку Олым, он вплотную пошел к нему.

29 октября (11 ноября) 1-й батальон перешел в село Верхнее Большое. 2-й отбил красных. Тяжел этот день был для 3-го батальона с комендантской ротой. Ему было приказано оставить село Кобылье и отойти к югу. Но красные уже наступали большими силами. Батальон отходил с боем, задерживаясь и переходя в контратаки. Вдруг на участке комендантской роты началось беспорядочное движение, когда красные были перед ней шагах в 600-х: часть роты стала отбегать назад, часть оставалась на месте, а часть побежала с поднятыми руками в сторону красных. Красные рванулись вперед. Что случилось?

Рота лежала в цепи и вела огонь по наступавшему противнику. Неожиданно командир взвода, поручик Крицман, с револьвером в руке забегал перед взводом с криком: «Бросайте винтовки! Мы сдаемся». Стрельба взвода стала замолкать. «Цепь назад!» – командует другой офицер взвода. Поручик Крицман подбегает и в упор убивает его. «Сда-

емся!» – кричит он. Красные в 100-200 шагах. Рота потеряла около 100 человек. Нет еще двух офицеров. В ней осталось около 80 штыков.

30 октября (12 ноября). Наступление противника отбивается всеми тремя батальонами, но просачивание его между ними заставляет отойти к югу.

31 октября (13 ноября) противник продолжает наступление. В тяжелое положение попал 3-й батальон, атакованный одновременно пехотой и кавалерией, но отбил. К вечеру полк отошел на линию железной дороги Касторная – Мармыжи – Курск: 1-й батальон – к станции Лачиново, 2-й – к станции Кшень, 3-й – к станции Мармыжи.

С 7 (20) октября полк был в непрерывных боях: наступление на Елец перешло в активную оборону, а с 13 (26) октября – в отход на фронте в 20, а затем в 25 верст, продолжавшийся 17 дней. Полк, ввиду тяжелого положения у алексеевцев, все время подавался влево.

Не более 1200 штыков насчитывалось в его рядах; не набралось бы и 900, если бы не пополнение добровольцами-крестьянами. Две трети своего численного состава потерял полк с 7 (20) октября – до 2000 человек.

Потери, тяжелое время года, физическая усталость и подавленное душевное состояние, нарастающая сила противника, отход и... начавшее проявлять себя моральное разложение. И среди кого?

Поручик Крицман. В полк попал в Ливнах в комендантскую команду. Был назначен командиром взвода. Латыш, полный энергии, воли, отличный офицер. В боях за Ливнами отлично руководил взводом. И вдруг, спустя несколько дней, изменил, убил офицера, может быть, еще двух, побудил сдать своих подчиненных. И только теперь стали говорить о нем, что он казался «темной личностью». Но как своевременно определить действительно «темную личность»? Может быть, таковые есть еще в полку?

Другой случай. В одной из рот служил юноша, тоже недавно поступивший. Разбитной, толковый, с гимназическим образованием. Он был назначен в связь к командиру роты. И вот, будучи послан в заставу, исчез. Так как расчет времени в выполнении каждого приказа в боевой обстановке строго учитывается, его быстро схватились. Найти! Поймать! И его нашли впереди линии охранения, почти под носом у красных. Пойманный оправдывался – заблудился. Его обыскали, нашли записную книжку, в которой – фамилии начальников, их характеристика, фамилии горожан Ливен, крестьян, которые высказывались за Добровольческую армию и т.п. Он сознался: служил у красных, а свои записки он должен был оставлять для передачи красным.

На вопрос: «Почему же ты не выполнил в точности приказа своих, а решил кончить свою работу и перейти к красным?» – ответил, что за

то время, как он в Марковском полку, он настолько устал, что не имел уже сил продолжать ее. В этом он был совершенно прав.

И опять, как и в случае с Крицманом, об этом юноше стали с запозданием говорить: он не внушал доверия, держался отчужденно и даже за ним замечалась какая-то особая нервозность.

Вывод – обострить бдительность. Но как это трудно в создавшихся условиях.

НА ЛИНИИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КАСТОРНАЯ – КУРСК

Еще до отхода 1-го полка к железной дороге красные перерезали ее к западу у города Щигры. Отряд генерала Третьякова оказался отрезанным от Курска, лишенным прямой связи со штабом корпуса, которому он непосредственно подчинялся. Казалось, что связь будет восстановлена, так как из Курска выступил к Щиграм 3-й полк, вместе с Черноморским конным составивший отряд полковника Наумова, также непосредственно подчинявшийся генералу Кутепову. Таким образом, все полки марковцев стали на этой железной дороге вместе с Алексеевским и Черноморским. Их фронт – 100 верст. Марковцы считали, что на этой линии они должны держаться во что бы то ни стало и что связь с Курском по железной дороге будет восстановлена.

Состав отряда генерала Третьякова:

2-й Марковский полк – до 1400 штыков;

1-й Марковский полк – до 1200 штыков;

Алексеевский (сведен в 2 батальона) – до 800 штыков;

Конная сотня 1-го полка – 150 сабель.

И это все его силы. Инженерная рота, сменная в Касторной 2-м полком, еще 2 (15) октября уехала в Курск. Перед отрядом стояли 3-я и 42-я стрелковые дивизии, отдельная стрелковая бригада и бригада конницы, не считая резервов – отряда матросов и других частей.

ВО ВТОРОМ ПОЛКУ

22 октября (4 ноября) 2-й и 3-й батальоны заняли позиции на северной и северо-восточной окраинах села Касторное. 23 октября (5 ноября) небольшие кавалерийские части противника приблизились к селу. Ясно, велась боевая разведка. К востоку слышна приближающаяся орудийная стрельба. Батальоны объехал временно командующий полком капитан Образцов. Он говорил:

«Конный корпус Буденного, силою до 10000 сабель и штыков, подходит к Касторной. Задача полка: удерживать станцию и село, как опорный пункт для действий корпуса Шкуро. Здесь решается судьба Белой борьбы!»

Утверждение ответственное, ставящее на карту не только результат местных боев, но и всего Дела.

Марковцы восприняли слова командира с сознанием полной ответственности. Они забыли свое огорчение отходом и свое новое положение сочли тактическим маневром, вызванным обстановкой. Обстановка требовала помочь шкуринцам. Одно это вызвало подъем, так как памятли были дни под Корочей, когда шкуринцы помогли марковцам.

Второй полк приготовился. Была полная уверенность в себе. Настроение более чем отличное. Ночами и днем, не обращая внимания на скверную погоду, служба неслась безукоризненно. Все начальники в полном контакте с подчиненными.

24 октября (6 ноября). В трех-четыре верстах к северо-востоку и северу села Успенское и Архангельское заняты красными. Утром из них пехота с поддержкой кавалерии перешла в наступление на 2-й и 3-й батальоны и была отбита. Даже внезапная атака кавалерии на роту поручика Делюденко, стоящую у железнодорожного моста в 2-х верстах от села, потерпела полную неудачу. А из села казалось, что с ротой покончено.

В этот же день на станцию Касторная подходили первые части корпуса генерала Шкуро. Стоявшие в резерве роты 1-го батальона видели их. Проскакала группа в сотню всадников со значком – изображение волчьей головы – генерала Шкуро со своим штабом и конвоем. Затем несколько сотен. Все закутаны в башлыки, платки, с нахлобученными на головы шапками-кубанками; в бурках, скрывающих фигуры; из вооружения видны лишь винтовки; все на похудевших, усталых конях. В сотнях лишь по 30-40 всадников. Не было у кубанцев их прежнего воинственного вида. При ближайшем знакомстве оказалось, что и дух у них сильно подорван. Все это вызвало в марковцах чувство тревоги, но была уверенность, что казаки воспрянут, почувствовав их поддержку.

2-й полк перешел в распоряжение генерала Шкуро и вошел в пехотную при нем группу генерала Постовского, состоящую из: Кавказского стрелкового полка – 400 штыков, 25-го Смоленского полка – 400 штыков, сформированного в Воронеже из добровольцев, главным образом, рабочих, и Волчьего батальона – 150 штыков. Вошел в эту группу и Землянский отряд – 150 штыков и 400 сабель. Итого в пехотной группе стало до 2750 штыков и 400 сабель.

Группа охватила село Касторное и прилегающие к нему с востока пункты. Конный корпус расположился к югу от села. В распоряжении генерала Шкуро были еще 4 танка и 3 бронепоезда. Правее стоял конный корпус генерала Мамантова.

Соотношение сил противников, готовых к решающему бою, марковцев мало интересовало: какое оно ни было бы, а сразиться неизбежно придется. Для них цифра, приведенная капитаном Образцовым – всего лишь цифра, не могущая изменить положения.

Но все же, каковы были силы обеих сторон?

Советские источники дают для корпуса Буденного 7500 сабель, около 200 пулеметов и 26 орудий. По одному из источников можно судить о силе приданной Буденному пехоты – до 5000 штыков. В них, между прочим, говорится о непрерывном пополнении кавалерийских частей. Силы белой конницы советские источники считают превышавшими красную. А между тем, белые источники дают 3000 сабель в каждом корпусе генерала Шкуро и генерала Мамантова. Всего 6000 сабель. По свидетельству одного марковца, говорившего с кубанцами о силе их корпуса-дивизии (Буденный говорит о 6 полках), он получил ответ: «Не наберется и 2000 сабель».

25 октября (7 ноября) – годовщина Октябрьской революции. Этот день красное командование хотело ознаменовать взятием Касторной.

Густые цепи пехоты вышли из сел Успенское и Архангельское и ринулись на 2-й и 3-й батальоны марковцев. Их допустили на 1000 шагов и огнем заставили залечь. Напрасна была поддержка их двух батарей. Поднявшись, цепи красных смогли пробежать лишь 200-300 шагов, чтобы залечь снова. И батальоны не выдержали пассивного стояния: они рванулись на красных. На плечах бегущей пехоты противника они ворвались в оба села и, выйдя на противоположную их окраину, столкнулись с колоннами красной кавалерии, которые пошли было в атаку, но были рассеяны огнем. Повторная попытка тоже окончилась неудачей. Пехота и кавалерия красных отходили, покрыв своей массой поле, представляя отличные цели для артиллерии. Но два артиллерийских взвода оставались на своих позициях в Касторном: они не рассчитывали на контрнаступление. Ночью оба батальона были отведены в исходное положение. Их потери оказались крайне ничтожными.

В этот же день было отбито наступление красных и с востока, с помощью подошедшего из резерва 1-го батальона марковцев. Здесь произошла встреча с 25-м пехотным Смоленским полком. Смоленцы жаловались на казаков, которые, по их словам, не желали воевать и отходили даже перед более слабым противником. Их, смоленцев, перебрасывали с участка на участок спасать положение; они не знали отдыха и были измотаны до предела. Что у них в резерве марковцы, они очень обрадовались. Вечером батальон ушел в резерв.

На следующий день красные повторили наступление с севера, охватывая село с запада, и опять неудачно. И снова резервный батальон ходил на помощь смоленцам и с ними разметал и отбросил кавалерию. Марковцы были в восторге от слабых числом, но сильных духом смо-

ленцев; таким же отзывом им и их артиллерийскому взводу отплатили и смоленцы. Однако, отход конных частей генерала Шкуро принудил генерала Постовского отвести свои части, стоящие восточнее села Касторное, к селу и населенным пунктам южнее его.

Батальон марковцев снова ушел в резерв, но не прошло и часа, как он с артиллерийским взводом был спешно вызван на станцию. Уставший, прозябший, вымокший, грузился он и, конечно, в вагонах сразу же развел костры. А температура быстро падала. Не задерживаясь, эшелон тронулся в сторону Мармыжей. Ясно – где-то «затыкать дыру».

Группа генерала Постовского уменьшилась на 350 штук и 2 орудия, и это в критический момент у Касторной. Она лишилась резерва, и пришлось снять с участка 3-й батальон марковцев в резерв, а его участок занять 2-м батальоном и смоленцами, таким образом удлинившими свой фронт.

27–29 октября (9–11 ноября) на участке группы спокойно, но эти три дня доносился гул боя к югу, где красная кавалерия теснила шкуринцев и подошла к станции Суковкино. Пехотные части генерала Постовского там удержали свои позиции с поддержкой резервного батальона марковцев.

30–31 октября (12–13 ноября) всюду было сравнительно спокойно из-за чрезвычайно скверной погоды, но резервный батальон и слабая конная бригада группы генерала Постовского провели успешный налет на станцию Набережная.

Ослабление боевых действий в последние дни было вызвано не только отчаянной погодой, но и тем, что красное командование не надеялось занять Касторную силами лишь корпуса Буденного и поджидало прихода с севера 42-й стрелковой дивизии, задержанной действиями 1-го полка и прорывом крестьян. Оно намечало окружение Касторской группы. Но положение на фронте Касторная – Курск создалось трагическое: он прорван у Щигров. Силы отряда генерала Третьякова: 1-й Марковский и Алексеевский полки слабы для занимаемого ими фронта в 30 верст. Даже подход из Касторной батальона 2-го полка не облегчал положения. Принимается решение выдвинуть на боевой участок последний резерв Касторской группы – батальон 2-го полка с командой пеших разведчиков, занять ими участок у станции Лачиново, а стоящий там батальон 1-го полка передвинуть ближе к Мармыжам.

1 (14) ноября. 3-й батальон 2-го полка становится на станции Лачиново и в близлежащем селе Успенское. Группа генерала Постовского удлиняет свой фронт к западу на 10 верст и лишается последнего резерва. Надежды возлагались на поддержку бронепоездов.

День проходил спокойно. Слышна лишь орудийная стрельба к югу. Идет снег. Наступила ночь. Впереди время от времени раздаются ру-

жейные выстрелы. У марковцев полное напряжение нервов, духа, воли. Неизбежен судьбоносный бой.

2 (15) ноября. Приближается утро. Земля покрывается падающим снегом. Морозит. Легкий туман.

Марковцы, кто не в нарядах, лежат вповалку и своих помещениях. И спят, и бодрствуют одновременно. Кто-то быстро поднялся, встряхнулся, посмотрел в окно. Будто рассвет. «Приготовься», – тихо сказал он себе ли, всем ли. Услышали все, никто не спал. Стали подыматься. Заговорили о чем угодно, но не о том, что каждый ждал. Вне дома тихо. А пока – скорей кипятить чай и съесть хоть кусок хлеба. Входит взводный. Он видит, что люди уже встали и, сказав: «Быть готовыми», уходит. Пьют чай, болтают, но каждый подходит к своей винтовке, ощупывает ее и висящий на ней патронташ. Пулеметчики хлопочут у лошадей, которые, будто чувствуя, что им придется поработать, торопятся есть.

Светает. Кто-то, вошедший в помещение, говорит: «Стрельба в окрестностях». Все ждут команды выходить.

Бой разгорается. Гремят орудия. Красные ведут наступление густыми цепями в 2-3 линии на Успенское и Лачиново. На участке 2-го батальона спокойно.

Красные наступают методично, в порядке. Два орудия при батальоне не могут взять под огонь всех наступающих на многоверстном фронте. Когда пулеметы начали пристрелку, красные стали наступать перебежками. И только с подходом их на 1000 шагов открыли огонь роты. Красные заматались, залегли. Напрасны были усилия командиров поднять цепи. Напрасен был огонь их двух батарей. Вправо красные шли в прорыв между батальонами, но во фланги им били орудия, и они остановились. Влево они уже перешли железную дорогу, но им в тыл стреляли орудия со станции Кшень. А когда марковцы обозначили контрнаступление, вся масса красных ринулась назад. Только часа три шел этот бой, а затем наступила тишина.

Но гром боя все сильнее доносился с юга.

Было около 14 часов, когда красные снова перешли в наступление на этот раз и на село Касторное. И опять без успеха. Отбили атаку и смоленцы, однако на их участке бой скоро возобновился.

В 16 часов к капитану Образцову прискакал офицер с просьбой оказать помощь Смоленскому полку, так как тот едва сдерживает наступление красной пехоты. Капитан Образцов направил туда

свой последний резерв, Офицерскую роту. Через 20 минут другой ординарец сообщил – фронт смоленцев прорван и их атакует кавалерия.

Капитан Образцов едет на этот участок. На улицах ему встречаются бегущие смоленцы. Он их останавливает и с помощью славянских офицеров этого полка организует оборону, а сам едет дальше, ожидая приход Офицерской роты. На одной из улиц он попадает под огонь красных. Падает убитый под ним конь, а в это время налетают кавалеристы. Капитан Образцов отстреливается из револьвера и падает под ударом сабли. Его ординарец успевает ускакать.

В центре села Офицерская рота оказалась охваченной красными и, не имея представления об обстановке, стала отходить на западную окраину. Командир 2-го батальона, узнав, что в селе уже противник, стал отводить батальон вдоль западной окраины. За ним следовала красная пехота и кавалерия. Батальон отбивался. Он был бы окружен, если бы не вышедшая в это время из села Офицерская рота. Батальон и рота стали отходить на станцию Касторная-Старая. Красных остановил огонь бронепоезда, поддержавшего отходящих марковцев, смоленцев и кавказцев. Село было взято противником. Наступила ночь.

Придя в порядок, пехотные части генерала Постовского заняли позицию, прикрыв железную дорогу. 2-й батальон и Офицерская рота были отведены в резерв в деревню Озерки. В батальоне оставалось около 250 штыков. Общие потери двух батальонов и двух рот доходили до 300 человек из общего их числа в 900 человек.

Красные не добились ни малейшего успеха на левом фланге; в центре заняли село, но на правом фланге против конных частей генерала Шкуро они имели успех значительный: они оттеснили их к западу, взяв станцию Суковкино. Перерезав железную дорогу, они отрезали отход на юг трем бронепоездам, но пехотную группу все же не окружили.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ У СТАНЦИИ КАСТОРНАЯ

3 (16) ноября. Смерть капитана Образцова и большие потери тяжело легли на настроение марковцев, но не сломили дух. Их очень беспокоило положение на участке шкуринцев. Однако, надежды еще не потеряны.

Ночь проходила спокойно, но уснуть никто не мог. Рассветало. Началась артиллерийская стрельба. Бронепоезда стреляли беглым огнем. Красные наступали со стороны села и на 3-й батальон с командой пеших разведчиков, но всюду были отбиты.

Ожнее шел бой масс кавалерии. День был ясный, и можно было видеть маневрирующие лавы. Уже за полдень, но кавалерийский бой идет на том же месте. И вдруг – роковое: «Наши отходят!»

Части генерала Шкуро осаживали назад. Однако не было видно, чтобы противник одержал явную победу: еще гремели орудия трех бронепоездов; еще атаки от села Касторное не сдвинули с места пехотных частей; держится 3-й батальон; еще не тронут с места резерв – 2-й батальон с Офицерской ротой.

Вторая половина дня... «Шкуринцы отходят!» – передают с наблюдательных пунктов... Глухие взрывы... Бронепоезда уже не двигались и не стреляли – они подорваны их командами. От станции отходят редкие цепи с танками.

Время к вечеру. Небо покрывается тучами, пошел снег. Ветер усиливался. Уже ничего не видно.

В батальоны марковцев прискакали ординарцы с приказаниями: 3-му батальону оставить станцию Лачиново и перейти в деревню Солдатское, в южном направлении; 2-му – идти в западном направлении в район Тима и там войти в подчинение генералу Третьякову.

Пути батальонов пересекались, но они не встретились. 2-й полк оказался разбросанным побатальонно.

В ОТРЯДЕ ГЕНЕРАЛА ТРЕТЬЯКОВА

Когда отряд отходил от Ливен, левый его фланг все время охватывался красными, теснившими Черноморский полк, занимавший интервал в 30 верст между отрядом и корниловцами. Отряд был еще в 30 верстах к северу от Мармыжей, когда красные 26 октября (8 ноября) заняли Щигры, выбив из них формирующийся 2-й Алексеевский полк и прервав связь с Курском. Восстановить связь и держать фронт на линии Касторная – Курск должны были с востока отряд генерала Третьякова, со стороны Курска – отряд полковника Наумова.

У генерала Третьякова в то время были два полка: 1-й Марковский и Алексеевский, всего 5 батальонов на фронте до 30 верст. Силы ничтожные, и в отряд из группы генерала Постовского у Касторной в ночь на 27-е (9 ноября) направляется батальон 2-го Марковского полка с двумя орудиями. Ночью же батальон прибывает на Мармыжи. Генерал Третьяков дает ему задачу: выбить противника из Щигров. В помощь дается бронепоезд «Генерал Корнилов». «Потушить костры, так как на каждом шагу можно ожидать нападения противника!» – добавил он.

До Щигров около 30 верст. Составы шли медленно, ощупью. Мороз. И по-прежнему в вагонах горели костры. Утром показался город, встретивший эшелоны артиллерийским огнем. Роты моментально выгрузились, повели наступление и через час выбили красных из города, а затем и отбили их контратаку, взяв до ста пленных и пулемет.

На станции стояли два состава с беженцами из Воронежа. Никогда до этого не испытывали марковцы такого тяжелого чувства, не сжима-

лись так больно их сердца, как при виде этих беженцев, переживших суточный плен у большевиков, ими обобранных, оскорбляемых, насилуемых, оставшихся в холоде и голоде. Эшелоны с ними были немедленно отправлены в Курск.

Как только Щигры были взяты, бронепоезд отозвали на Мармыжи. Но не прошло и часа – сообщение: он потерпел крушение в пяти верстах от города. Рельсы оказались развинчены, две контрольные и одна бронированная площадка стояли на шпалах. Немедленно командир батальона, штабс-капитан Перебейнос, отправляет туда роту и пленных для подъема площадок. Когда рота подходила к бронепоезду, тот уже отстреливался из всех орудий и пулеметов от наступающих красных. Рота отбросила их, но не настолько, чтобы они не могли мешать работе. Среди чинов команды бронепоезда и пленных были потери. И только с приходом всего батальона, сменного батальоном 3-го полка, подъехавшим из Курска, красные были отброшены.

Напрасны были усилия поставить на рельсы бронеплощадку. Оставалось ее и две других сбросить с полотна, и только под утро укороченный «Генерал Корнилов» уехал дальше.

Возвращаться в Мармыжи приказано и батальону, и, чтобы не допустить красных к железной дороге, батальон стал грузиться в подошедший свой состав здесь же, в поле, на морозе и на сильном ветру.

Задержка случилась не с погрузкой тачанок и телег, которые поднимались на платформы на руках, а лошадей. Три шпалы и длинные веревки служили средством их погрузки. Лошадям набрасывали на головы мешки, валили с ног и по шпалам втаскивали в вагоны. Люди поработали так, что от всех валил пар столбом. К счастью, батальон передал свои 2 орудия батальону 3-го полка. Красные пытались мешать погрузке, но неудачно. Эшелон осторожно пошел на Мармыжи с голодными и промерзшими марковцами, откуда был направлен на станцию Долгая и там разгрузился. Но алексеевцам уже не нужна была помощь и, снова погрузившись, он вернулся в Мармыжи и... снова поехал в направлении на Щигры. Проехав, однако, всего верст 10, он выгрузился.

Сначала у железной дороги, потом в 12 верстах юго-западнее Мармыжей в деревне Мажурово стоял он дней пять, имея задачу обеспечить левый фланг отряда. Он был придан командиру Алексеевского полка, и ему дан взвод орудий. Стоянка тревожная: всюду рыщут разьезды красных.

В ПЕРВОМ ПОЛКУ

К вечеру 31 октября (13 ноября) 1-й полк отошел на железнодорожную линию, заняв станции Лачиново, Кшень и Мармыжи. Левее него – Алексеевский полк. Фронт в 20 верст – непосильный для пол-

ка – и он сокращается: Лачиново передается группе генерала Постовского, а стоявший на ней 1-й батальон переходит на Кшень. Переход он совершил, нанеся удар по сосредоточивающимся к северу частям красных. Свой рейд батальон провел успешно. Фронт полка сократился на 8 верст. Но наступившей ночью полк без давления противника оставил Мармыжи и стал еще более сосредоточенно: 1-й батальон – на станции Кшень, а остальные – в деревнях Березовчик и Липовчик, несколько южнее железнодорожного пролета между Кшень и Мармыжи.

Каково было положение отряда генерала Третьякова и, в частности, 1-го полка, марковцы не знали, но чувствовали, что оно опасное. Они не решались спрашивать, но были серьезные показатели: хозяйственный обоз как-то прижимался к своим частям, чувствуя опасность в тылу; хозяйственные чины говорили, что часть обоза, которая снабжала продуктами и хлебом, куда-то ушла, почему все привозимое достается в ближайших деревнях, и в результате – жидкая пища и маленькие порции хлеба. Затем, что особенно показательно: как никогда полк собран «в кулак», и штаб полка тут же с ним; как никогда часты вызовы начальников и совершенно изменившийся, ставший строго официальным тон приказаний даже командиров взводов, и притом приказаний, насыщенных мельчайшими подробностями; пытливые вопросы и испытующие взгляды начальников в отношении подчиненных. Командир полка, полковник Блейш, отдал приказание: «Строго следить за настроением!»

Что полк «в кулаке», успокаивало, но что он, находясь в опасном положении, малочисленен, беспокоило. Возникло острое желание увеличить численность рот, тем более, что было, кем увеличить – бегущими от большевиков крестьянами. Но это желание в теперешнем положении отвергалось опытом: малые роты более подвижны, ударная их сила в маневренной войне значительней. А когда о возможности влить в роты по десятку-другому штыков сказали полковнику Блейшу, он твердо заявил: «Теперь не время». Командиры рот все же приняли в свои роты по несколько человек.

Части полка сжались; все стали чуткими к каждому слову и жесту начальников; будто утеряно чувство страха, и улетучились слабости; нервы взвинчены, но каждый держит себя в руках. Дисциплина, субординация, порядок дошли до высшей степени.

2 (15) ноября, рано утром, когда уже почти никто не спал, команда: «Строиться!» В момент все в строю. Роты расходятся, разворачиваются и как-то спокойно, без суеты, равнодушно к рвущимся снарядам и наступающим на них густым цепям, идут вперед. Загремели орудия, затрещали пулеметы. Красные шарахались в стороны, стали залегать. Марковцы ринулись вперед. Они бежали бы за противником не две-три версты, а больше, если бы не приказание отойти к железной дороге.

Произошла какая-то внутренняя «разрядка» в каждом бойце. Заговорило даже чувство страха. Гром орудий со стороны Касторной пробуждал это чувство, и нужно было усилие каждого над собой; нужно было и начальническое «Спокойствие!»

Во второй половине дня красные опять перешли в наступление. Оно велось уверенно в охват левого фланга. Напряженно-тяжелый бой закончился полной неудачей для них. Кажется, никогда не оставалось их столько лежать на поле. После боя все стали более спокойными.

Ночью полковник Блейш объявил начальникам: завтра генерал Шкуро переходит в наступление, полку быть готовым к переходу в решительное контрнаступление.

3 (16) ноября. Полк поднят до рассвета и разведен по участкам. Светает. Утро ясное. Видимость отличная. У красных не заметно никаких приготовлений к наступлению. На Касторной уже гремят орудия. С возвышенных мест бинокли направлены в ту сторону. Расстояние до 20 верст, но видно довольно хорошо. Там до полудня, как будто, без перемен; без перемен и здесь.

«Наконец (из «Истории Марковской артиллерийской бригады»), около двух часов дня начали появляться долгожданные части конного корпуса в сопровождении трех легких танков. На станции Касторная дымилась бронепоезда. Ни у кого не было сомнений в исходе боя. Командиры батальонов отправили распоряжение готовиться к движению вперед.

Вдруг из толпы добровольных наблюдателей послышались восклицания: «Шкуринцы отходят!» Все высыпали на железнодорожную насыпь; бинокли вырывались из рук; поднялся невообразимый шум. Чтобы прекратить его, раздалось: «В ружье!», и запрещено разговаривать между собой.

Конная масса шкуринцев в беспорядке рысью отходила. На поле оставались танки и редкие стрелковые цепи, которые также начали быстрый отход.

Спустя некоторое время прибыл разъезд, высланный утром на станцию Касторная для связи, и сообщил: «Кубанцы не хотят воевать».

Уже подул ветер, небо покрылось тучами и стал падать густой снег. Снижалась температура.

Постояв еще немного на местах, части полка стали сворачиваться в колонны и направлялись в Березовчик и Липовчик, но там не задержались и шли дальше. Ветер усиливался. Начиналась метель. Ночь.

Сама природа, ярким днем осветив последний бой у Касторной, разразилась страшной метелью.

В ТРЕТЬЕМ ПОЛКУ

21 октября (3 ноября) полк из района Кром прибыл в резерв корпуса в Курск, а 26 (8 ноября) уже грузился для следования в восточном направлении; красные наступали в тридцативерстном разрыве между отрядом генерала Третьякова и корниловцами. Батальоны грузились каждый в отдельный состав; отдельно – штаб полка с командами, санитарным, хозяйственным и боевым обозами. Объяснено это тем, что батальоны могут вступить в бой прямо из вагонов в разных пунктах.

27 октября (9 ноября) батальоны стоят на Мелехино в вагонах. Запрещено разводить костры и удаляться от эшелонов, так как в любую минуту составы могут тронуться дальше. К вечеру батальоны переехали на станцию Охочевка. Штаб полка, команды, обозы остаются на Мелехино.

Наступила ночь. Выставлено охранение к востоку, северу и западу от станции. Но батальоны в вагонах, и опять нельзя разводить костры, чтобы согреться хотя бы горячим чаем. Уже более суток, как не выдавалась горячая пища, выданный сухой запас подходит к концу.

Помощник командира полка, капитан Урфалов, объединявший командование тремя батальонами, говорит: Щигры заняты противником, который приближается к Охочевке – Мелехино; говорит о том, что на Мелехино выгружаются два запасных батальона – Марковский и Алексеевский, и что полковник Наумов назначен начальником отряда, в который, кроме полка и запасных батальонов, входят Черноморский конный полк, находящийся в соприкосновении с противником, и конвой штаба корпуса.

28 октября (10 ноября) головной батальон с бронепоездом «На Москву» выехал в направлении на Щигры, которые только что взяты батальоном 2-го полка со стороны Мармыжей, и там сменяет последний. Короткая первая встреча «младшего брата» – 3-го полка со «средним» – 2-м.

Противник у Щигров, у Охочевки и приближается к Мелехино. Два батальона остаются на Охочевке.

29 октября (11 ноября). Красные наступают на Щигры и обходят их с востока. 1-й батальон полка отбивает атаки, местами уже на улицах города. Отчаянное сопротивление оказала рота прапорщика Кавуновского, потерявшая половину состава – до 30 человек, и в числе убитых – своего командира.

Чтобы отстоять город, высылаются остальные батальоны. На Охочевке остается переехавший туда эшелон со штабом полка.

Едва последний батальон прибыл в город, как красные повели наступление в обход города со стороны Курска. Бронепоезд «На Москву» успел проскочить назад перед цепями красных, уже пересекавших

железнодорожное полотно. Батальон быстро вышел на обрамляющую город с запада возвышенность, на которую уже подымались красные, и контрударом обратил их в бегство. Огнем своих подыхавших пулеметов он расстреливал их, сбившихся в лощине. И только наступившая ночь и лава кавалерии на фланге остановили преследование. Потери красных были жестокие. Между прочим, с убитых было снято три значка – 2 серебряных и золотой с красными звездами, выдававшиеся комиссарам и командирам, состоящим в партии. Общие потери батальонов за день боя – 82 человека.

В этот день красные заняли Охочевку, и штаб полка с командами и обозами уехали в Мелехино. Три батальона полка оказались отрезанными от отряда. Их положение: они остались без походных кухонь и подвоза пищи, но это не столь важно; они не могут надеяться на помощь полковой пулеметной команды, что также не столь важно, но они не могут рассчитывать на пополнение патронами, а два орудия, оставленные здесь батальоном 2-го полка – снарядами; в распоряжении капитана Урфалова – всего лишь 10 ординарцев, а необходимо поддерживать связь с разбросанными на трех окраинах города батальонами, необходимо связаться со штабом отряда, необходимо вести разведку. Высланные кружным путем в штаб отряда два ординарца едва не попали в руки красных и на взмысленных конях вернулись обратно.

Ночью из Щигров были высланы кружным путем вдоль южного берега реки Рать транспорт с ранеными и два ординарца для связи со штабом отряда.

30 октября (12 ноября). Батальон, стоявший на восточной окраине города, проводит разведку на подводах и выясняет: красные большими силами перешли железную дорогу в южном направлении. Высылаются разъезд в три коня на юг по дороге в Тим. Батальоны ведут лишь наблюдение и отдыхают в теплых домах, утоляя голод скромными дарами жителей.

Но в этот день начальник отряда высылает два запасных батальона с бронепоездом и двумя орудиями занять Охочевку и установить связь со Щиграми. Батальоны с боем берут станцию. Бронепоезд идет к Щиграм, но рельсы разобраны, и вблизи разъезды красных. Батальоны алексеевцев и бронепоезд отзываются на Мелехино.

А в Щиграх в это время противник держится пассивно. Но командиры батальонов, стоявших на северной и западной окраинах, не зная даже результатов разведки в восточном направлении, беспокоятся. Их план – оставить Щигры и пробиваться на соединение с отрядом.

Наконец, срочный вызов командиров батальонов. Капитан Урфалов коротко освещает обстановку: связи с отрядом нет; противник ведет наступление на Щигры с юга, о чем сообщил разъезд, и, не спрашивая мнения командиров батальонов, приказывает полку с наступлени-

ем ночи собраться на юго-западной окраине, откуда он пойдет по как будто свободному юго-западному направлению, по южному берегу реки Рать. Предложение пробиться вдоль железной дороги отвергнуто коротко и твердо: «Приступить к выполнению приказа».

Тихо. Падает снег. Батальоны собрались и тронулись. Красные заметили, и на недолете до колонны разорвалось несколько снарядов. Стреляла батарея с южной стороны города. Соскользнуло с дороги в канаву орудие. Потребовался чуть ли не час, чтобы его вытащить. Полк отошел верст 10 и остановился.

31 октября (13 ноября). Скоро утро. Идет снег. От полка выехали в разных направлениях разезды на санях. К северу и востоку слышаны выстрелы. Красные наступали со стороны Щигров. Один батальон их отбил и взял до 60 человек в плен. Что же дальше? С нетерпением ожидается восстановление связи со штабом отряда. Ночь, а ее все нет.

В полку не знали и не слышали, что утром, всего лишь в 5-6 верстах к северу, у Охочевки шел бой. Посланные туда разезды на санях, столкнувшись с красной кавалерией, вернулись назад.

На Охочевке запасной батальон марковцев с двумя орудиями почти окружен. Командир его, капитан Космачевский, телефонирует о положении и высказывает неуверенность в своих людях. Ему приказано удерживать станцию и обещана помощь бронепоезда.

Светало, шел снег. Красные наступали нерешительно и залегли под огнем взвода орудий и пулеметов. Но в двух ротах волнение – они готовы сдаться. Капитан Космачевский подводит резерв – учебную команду. Красные поднимаются и идут вперед; роты бросают винтовки; красные встречает учебная команда, беглый огонь орудийного взвода и подъехавшего бронепоезда; они бегут назад.

Капитан Космачевский собирает ненадежные роты и отводит их на станцию. Из штаба приказание: бронепоезду возвратиться в Мелехино, погрузив на него эти роты, туда же прибыть и взводу орудий, оставшимся частям батальона, 200 штыков при двух пулеметах, удерживать Охочевку. «Немедленно сообщать обо всем, что происходит».

Положение явно безнадежное. Рвется связь со штабом. Капитан Космачевский оставляет станцию и ведет свой батальон на присоединение к отряду по южной дороге через село Троицкое, где останавливается на ночь. Но едва роты расположились на отдых, как с тыла по улицам проскакал разезд и бросил в дом ручную гранату, убившую одного и нескольких ранившую. Батальон поставлен в такое положение, что капитан Космачевский решает отводить батальон не к отряду, а на юг. Через день батальон приезжает на станцию Солнцево. Связавшись со штабом корпуса и объяснив, что произошло, батальон получает приказание отправиться в Белгород.

Отряд полковника Наумова, таким образом, потерял связь с еще одним своим батальоном и остался в составе запасного батальона алексеевцев, Черноморского полка, команд разведчиков и пулеметной 3-го полка и всех полковых обозов при 8 орудиях и бронепоезде.

1 (14) ноября. Полк – отошедшие из Шигров три батальона – теперь в отчаянном положении. Это ясно всем, решительно всем. Уже началось дезертирство солдат. Высылаемые на санях разъезды доносят о глубоком обходе с юга. Направляется батальон, который отбивает противника. Фронт полка – 8 верст.

В сохранившемся календаре боевых действий полка изо дня в день отмечены переходы и бои, но без деталей. Он не говорит даже о том, что уже пять дней нет связи со штабом отряда. О 2 (15) ноября сказано только: «Отход полка с боем в село Березки (Лузково). Сторожевка. 8-я рота потеряла весь солдатский состав».

Что же действительно происходило?

Бой кончился сравнительно благополучно, и полк отводился в село Лузково. На походе к командиру 3-го батальона, капитану Павлову, подъехали четыре ординарца и отрапортовали: «В ваше распоряжение прибыли», передали ему записку от командующего полком, капитана Урфалова: ввиду его отъезда вступить в командование полком. К этому капитан Павлов совершенно не был подготовлен – он не был заместителем; с 30 октября (12 ноября) не встречался с командующим полком и был абсолютно не в курсе не только задачи полка, но и того, что происходило на его участке. У него не было карты, а единственная, бывшая в полку, ему передана не была. В его распоряжение не был передан и офицер, выполнявший роль адъютанта – он уехал вместе с капитаном Урфаловым.

Так проведена была передача полка.

Батальоны отошли в Лузково, и один немедленно был отправлен на северный, возвышенный берег реки Рать, в село Троицкое, с задачей установить связь с штабом отряда, который, по предположениям, мог находиться на станции Мелехино. Другие батальоны выставили охранение в восточном и южном направлениях.

Собрались командиры батальонов, командир артиллерийского взвода, чтобы обсудить положение. Общая обстановка совершенно неизвестна. Задача полку также. Настроение в полку тревожное и ненадежное. Люди уже неделю не получали ни горячей пищи, ни хлеба. Патроны и снаряды на исходе. В полку только 4 ординарца, крайне измученных. Решено немедленно послать ординарца в штаб отряда с подробным донесением и требованием осветить обстановку и дать задание полку. Предполагалось, что к утру ординарец вернется.

Донесение написано и отправлено, причем ординарцу приказано ехать кружным путем на станцию Отрешково, где и узнать о местонахождении штаба.

3 (16) ноября. Довольно светлое утро. О противнике никаких сообщений, лишь перед селом Троицким маячат его разъезды. Спокойно вокруг, беспокойно в полку: начальники справляются, не установлена ли связь с отрядом.

«Если к 12 часам не будет связи, выступим прямо в Курск!» – говорит капитан Павлов. Это несколько успокаивает.

Вдруг радостный крик вбежавшего офицера: «Из штаба ординарец!» Капитан Павлов хватается за тонкий пакет, как за якорь спасения. Время и место отправления «20 часов. 2 (15) ноября. Разъезд Мелехино». Значит штаб всего лишь в 10 верстах. Но что дальше? Письмо короткое и личное – от полковника Наумова капитану Павлову – начиналось: «Береги полк!», и дальше сообщалось, что отправлены уже с ординарцем приказание, освещение обстановки и транспорт снарядов и патронов. Время отправки не указано, но ясно, они были отправлены раньше 20 часов.

– Где же ординарец и транспорт? – спрашивает капитан Павлов.

– Не могу знать, – отвечает прибывший.

Прошло более 12 часов, как они были высланы. Нет сомнения: они направлены кратчайшим путем и попали в руки красных.

– А как ты добрался сюда?

– Ехал обратно той же дорогой, как и туда, дорогой, которую вы мне указали.

Полк оставался в прежнем положении – полной оторванности.

Из охранения донесли: к югу идет бой. Капитан Павлов садится в крестьянские сани, едет с версту и в бинокль видит, как в верстах в восьми с востока наступает большая цепь, и перед ней отходит реденькая, садившаяся на сани и телеги.

– Где идет бой? – спрашивает капитан Павлов крестьянина.

– На большой дороге от Тима в Курск.

Из ответов выясняется: от места боя до переправы через реку Рать у деревни Грачевка – 10 верст, сколько и от места стоянки полка. Вывод: полк должен немедленно выступить к переправе.

В сумерках он пришел в Грачевку, где остался один батальон, а два с батареей поднялись на высокий противоположный берег и расположились в двух смежных деревнях. В первый раз за много дней полк мог себе поставить ясную задачу, применимую, как казалось, к общей обстановке: оборонять подступы к Курску с юго-востока, считая, что севернее его на железной дороге стоит отряд полковника Наумова.

Пошел густой снег.

Но настроение в полку скверное. Часа три назад, когда полк оставлял Лузково и Троицкое, около 50 солдат заявили: «Мы остаемся». Узнали от жителей, что через эти деревни прошли на Курск какие-то конные части, проехали солдаты на подводах со стороны Тима и что недалеко к северо-востоку слышна была стрельба.

– Неужели отошли и не предупредили? Немедленно выставить сильное охранение к северу! Быть в полной готовности!

Не прошло и часа, как явился командир артиллерийского взвода и сообщил:

– На северной окраине деревни стрельба. Пули ложатся в расположении батареи.

Прибежавшая из охранения связь доложила:

– Красные наступают! Принимать бой бессмысленно.

– Уводите ваш взвод на Курск, пока есть возможность, – приказал капитан Павлов командиру артиллерийского взвода.

Под прикрытием одного батальона прошел на Курск другой; третьему, оставленному за рекой, приказано идти южным ее берегом. Полк вышел благополучно.

Снег валит, усиливается ветер.

Пройдя несколько верст, колонна подошла к деревне, но вошла в нее только произведя разведку. Это было село Долгая Клюква, состоявшая из 8 смежных деревень, разделенных балками и лесом. Оставив в первой деревне села один батальон, капитан Павлов с другим, перейдя балку, заросшую лесом, пришел в следующую деревню. На улице стояли распряженные подводы, а в домах отдыхали черноморцы. Отправив батальон искать свободные дома, сам он направился к командиру Черноморского полка, возбужденный и радостью соединения со своими, и в то же время глубочайшей тревогой.

Капитан Павлов вошел в освещенную комнату, где за столом сидели и пили чай несколько офицеров.

– Я временно командующий 3-м Офицерским генерала Маркова полком! – представился вставшему полковнику.

– Командир Черноморского полка! – отрекомендовался полковник Главче.

Среди присутствующих был полковник Левиков, начальник артиллерии при отряде полковника Наумова. Все с интересом смотрели на вошедшего.

– Полк отошел в это село! – коротко сообщил капитан Павлов и увидел, как это сразу же вызвало большое волнение.

– Как? Полк уже здесь? – спросил полковник Главче. – Мы предполагали, что он находится, по крайней мере, верстах в десяти отсюда.

Полковник Главче развернул десятиверстку и склонился над ней.

– Да, действительно, сегодня в полдень полк находился не в 10, а в 20 верстах отсюда. Теперь он здесь, – коротко ответил капитан Павлов.

Наступило молчание. Все смотрели то на карту, то на офицера, сообщившего неожиданную неприятную новость.

– Каким образом мог полк так быстро оказаться здесь? – последовал вопрос, но вместо ответа на него капитан Павлов ставит свой:

– У вас есть связь с полковником Наумовым? Где полковник Наумов?

– На станции Отрешково, – холодно сказал полковник Главче.

– Какова задача нашему полку? – твердо ставится новый вопрос.

Полковник Главче ответил не сразу. Ему, видимо, не нравилось возбужденная настойчивость офицера, и он небрежно ответил:

– В данный момент, как видите, мы отдыхаем, а к утру ждем приказаний.

Этот ответ и его тон взорвали капитана Павлова.

– Господин полковник! Полк часа два назад с боем оставил деревни Грачевка и Красенькое. Противник наступал с севера...

Его перебил полковник Главче:

– Эти деревни проходили мои эскадроны, и там не было ни вас, ни противника.

Капитан Павлов чувствует, что его хотят в чем-то упрекнуть.

– А! Так это были ваши эскадроны? Как отлично поставлена у нас связь. Полк, следовательно, пришел в Грачевку вслед за нашим эскадроном. Теперь он здесь, а в Грачевке красные. Они наступали со стороны железной дороги. А есть ли у вас гарантия, что этой же ночью они не нападут на Клюкву с севера? Вы говорите, что там, на станции Осташково, полковник Наумов? Я вполне допускаю, что красные могут напасть и с севера. На восточной стороне села я оставил один батальон. Я не знаю ни обстановки, ни этой местности. Считаю необходимым выставить охранение и выслать разведку в северном направлении, – категорически закончил капитан Павлов.

Сказанное взволновало всех. Посыпались вопросы: Вы допускаете? Вы считаете?.. Глаза не отрывались от карты, а пальцы не только обводили фронт, на котором мог появиться противник, но и пути отхода от села.

– Господин полковник! – обратился к полковнику Главче капитан Павлов.

– Я предлагаю вам принять командование собравшимся здесь отрядом.

Ответа не последовало. Все смотрели на полковника Главче и молчали. Он о чем-то думал и, обратившись к одному из офицеров, приказал ему:

– Передайте в эскадроны: седлать коней и быть наготове.

В этот момент в комнату вошел поручик Юренинский. Чтобы была понятна описанная напряженная встреча и последующие события, следует сказать о том, что происходило в штабе отряда с 1 (14) ноября.

Он был на разъезде Мелехино, в 25 верстах от Курска. В распоряжении полковника Наумова оставались лишь Черноморский конный полк, команда пеших разведчиков с командой комендантской – всего

до 100 штыков, пулеметная команда, 9 орудий и бронепоезд «На Москву» и еще – все редуемый запасной батальон алексеевцев. Отряду приказано сдерживать противника, пока отходившие на Курск корниловцы не останутся, имея свой правый фланг на разъезде между станцией Отрешково и Курском. Предполагалось, что это будет 3 (16) ноября.

Противник в непосредственной близости перед отрядом. Его разведчики действуют смело и дерзко: захватывают алексеевцев, сняли караул команды разведчиков. В начале ночи на 3 (16) ноября черноморцы взяли в плен красных разведчиков-эстонцев, которые сообщили, что этой ночью их полку приказано атаковать разъезд и захватить штаб отряда. Полковник Наумов отдает приказание: Черноморскому полку и батареям отойти в село Долгая Клюква, а остальным частям – на станцию Отрешково.

Черноморцы совершили переход в 25 верст, имея столкновения с противником. Были очень измотаны: с середины октября, усиленно сдерживая противника, отходили от линии железной дороги Елец – Орел, нуждались в отдыхе и надеялись его получить в селе Долгая Клюква.

На станции Отрешково день 3 (16) ноября начался спокойно. Сообщение, что корниловцы отошли на разъезд, ближний к Курску, убеждало штаб отряда в благополучном завершении его задачи. Что происходило потом, говорит выписка из записей поручика Юренинского.

Около 10-11 часов дня (3 (16) ноября) полковник Наумов отдал мне приказание вести команды, боевой обоз (20 подвод с патронами) и остальной обоз в село Долгая Клюква, а сам с полковой пулеметной командой и ординарцами через некоторое время также оставит станцию Отрешково и перейдет на ближайший к Курску разъезд, обещав через короткое время приехать также в село Долгая Клюква. При этом полковник Наумов сообщил, что в селе непосредственной опасности не предвидится.

«Двигались по проселочной дороге. К востоку и юго-востоку слышалась пулеметная стрельба. В село пришли около 16 часов и расположились в центральной его деревне. Из разговоров с крестьянами можно было сделать вывод, что вообще творится что-то неладное. Грозит большая опасность. Я выставил заставы и выслал патрули.

Не имея до 21 часа от полковника Наумова никаких распоряжений, был весьма обеспокоен. Но в это время от крестьян узнал, что в деревне Марвино остановились какие-то наши части и кавалерия, и поехал туда. Проезжая западную деревню, меня окликнули: «Кто идет?» Оказалось, стояли наши батареи в упряжках и часовые при них. Дул северный ветер, временами со снегом. Наконец добрался по освещенного дома – штаба».

Поручик Юренинский отрекомендовался как начальник группы 3-го полка, стоящей в этом селе. Все удивлены. Никто не знал о нахождении здесь группы в 100 штыков, не знал и поручик Юренинский, что в село прибыл Черноморский полк, пока ему не сообщили крестьяне.

– Неужели вас не предупредили, что в селе остановится Черноморский полк?

– Нет.

– Откуда вы пришли сюда?

– Со станции Отрешково.

– А где полковник Наумов?

– Около полудня отряд должен был оставить станцию Отрешково, а полковник Наумов – отправиться на полустанок, чтобы, не задерживаясь там, приехать в это село, – сказал поручик Юренинский.

У всех вытянулись лица.

– Господин полковник! – обратился поручик Юренинский к полковнику Главче, – какова задача нашего полка и какие у вас сведения о противнике?

– Мне известно пока только одно: отряду дается новая задача – прикрыть железную дорогу от Курска на юг вдоль реки Сейм. Вероятно, завтра мы туда и тронемся. Оборонять город будут корниловцы.

– А вы, господин капитан, что имеете? – обратился поручик Юренинский к капитану Павлову.

– Ни задачи, ни связи!

Поручик Юренинский поделился своими сведениями относительно красных и возможности их наступления на село. Сказанное окончательно убедило полковника Главче и других в реальности опасений капитана Павлова. Полковник Левиков ушел. Полковник Главче занялся отдачей распоряжений.

– Ну что ж? В случае чего, будем уходить за Сейм, – сказал капитан Павлов поручику Юренинскому. – А пока пойдем к своим. Будем держать связь.

В этот момент в комнату вбежал всадник и доложил:

– На улицах стрельба!

Капитан Павлов вышел на крыльцо. Дул сильный морозный ветер, неся во все стороны густые струи снега. Сквозь завывание ветра слышалась беглая ружейная стрельба со стороны Курска. По улицам неслись всадники, подводы, бежали люди. Да! Капитан Павлов, предупреждая о возможности нападения красных с севера, несколько ошибся – красные атаквали с запада.

– Ординарцы! – крикнул капитан Павлов.

– Здесь, господин капитан.

– Один во 2-й батальон. Батальону отходить на южную окраину села и, не задерживаясь, за реку Сейм. Другому – разыскать 1-й батальон; и ему за Сейм. Третьему – со мной в 3-й батальон.

Капитан Павлов шел рядом с ординарцем по глубокому снегу среди бегущих людей и подвод, держась за его стремя. Батальон уже построен. «За мной!» Во все усиливающейся метели слились две колонны: батальона и 11-ти орудий.

В МЕТЕЛИ НОЧЬЮ...

«Вьюга превратилась в снежную бурю.

Проводники окончательно отказались указывать путь. Отряд превратился и беспомощную толпу ослепших путников. Голова колонны остановилась. Дальше идти нельзя: ничего не видно, кроме сплошной пелены перед глазами. Предложили идти по компасу. Батальонный адъютант вынул планшет, но ничего нельзя разобрать, темно. Спички гаснут. Предложили зажечь щепотку пороха. После ряда неудач – ветер моментально сдувал и смешивал со снегом добытый из ружейных патронов порох – артиллеристы пожертвовали один снаряд. Из нескольких бурок возле одной из пушек образовали подобие шалаша. Вспыхнула лента, обжигая ресницы, брови, папахи склонившихся над картой людей. Направление установлено прямо на юг. Но светящийся компас испорчен. Берутся за простые. Но одно и то же, стрелки без движения и прижаты к циферблату. Наконец, появились артиллерийские бусоли – прежнее разочарование.

После ряда экспериментов и предположений, тщетно старавшихся обосновать или объяснить общую порчу компасов влиянием орудийных и винтовочных стволов на магнитную стрелку, все пришли к заключению, что происходит магнитная буря, и никому не пришло в голову, что отряд является свидетелем одного из явлений так называемой Тимско-Щигровской магнитной аномалии.

Простояв более часа среди снежного хаоса, уже приближаясь к отчаянию, было решено двигаться, чтобы не замерзнуть, и в выборе направления положиться на инстинкт лошадей. В голову колонны были пущены две отпряженные от обывательских подвод лошади. Бедные животные прошли несколько шагов, остановились в недоумении и возвратились к людям.

Наконец, было предложено организовать группы охотников, которые разойдутся в разные стороны в поисках деревни. Был 4-й час ночи, когда раздался спасительный залп. Спустя четверть часа быстрого движения, подошли к огромному пылающему стогу соломы. После 11-часового блуждания отряд возвратился туда, откуда вышел.

«Батальон отходил с большой колонной артиллерии в 11 орудий. Его вел крестьянин, только по настойчивому требованию взявшийся

быть проводником в эту отчаянную ночную метель, хотя до намеченной деревни было всего лишь 8 верст. Перед глазами снежный поток. Не видно спины идущего впереди, слух не улавливает шум двигающейся колонны, хотя в ней идут по мерзлой земле дребезжащие тяжелые орудия; слышен лишь вой ветра и резкий стеклянный звук снежной крупы. Нелзя открыть глаз – так больно режут их крупинки мерзлого снега.

Пройдя с версту, проводник стал выражать своими движениями явное беспокойство: он нагибался к земле, ощупывая ее, озирался по сторонам. «Дороги нет!» – сказал он, продолжая, однако, идти дальше и все чаще останавливаясь. Колонна сжималась, разжималась.

Но вот они и идущие с ним стали падать: они попали в какую-то канаву, занесенную снегом. Но колонна остановилась не сразу и лишь тогда, когда головное орудие застряло в канаве.

– Это окопы красных. Здесь они защищали Курск этим летом, – заявил проводник.

Начались поиски если не дороги, то хотя бы места, где можно было бы пересечь эти окопы. А в это время артиллеристы и все бывшие вблизи вытаскивали из окопа застрявшее орудие. Наконец, переезд найден, колонна сворачивает к нему и переходит неожиданное препятствие.

Вдруг спереди на нее налетает несколько подвод. Кто? Оказалось – хвост колонны, оторвавшейся и нагонявший ее. Его вел крестьянин-подводчик, взятый из деревни, из которой выступала колонна, в деревню, куда шла колонна. Два диаметрально противоположных направления в одну и ту же деревню. Проводники стали обсуждать положение. Оказалось, что хвост колонны только что объехал небольшой лесок; он в двухстах-трехстах шагах, но его не видно. Для них бесспорно – этот лесок находится у дороги, ведущей в нужную деревню. Теперь им нужно взять должное направление. Снова без дороги двинулись дальше.

И неожиданно раздались крики: «Огни! Огни!» Сквозь потоки снега справа сзади временами появлялись блески огней. «Это Курск!» – радостно сказал проводник. – «Теперь нам нужно свернуть левее». – Огни Курска должны быть сзади колонны. Но, пройдя некоторое расстояние, она упирается в овраг и останавливается. «Деревня теперь должна быть близко», – говорит проводник. Пока искать дорогу в разных направлениях поехали верховые, колонна стояла на краю оврага на морозном ветре, в потоках снега. Люди стали замерзать. Спасение только в движении. Но куда идти? Несколько человек скатились в овраг и оттуда кричали: «Спускайтесь вниз! Здесь нет ветра». Спустились многие. И действительно, там, хотя и по пояс в снегу, хотя и под ливнем сыпавшегося на головы снега, было значительно теплее.

Прошло полчаса, когда вернулся проводник, нашедший дорогу и когда приехали верховые, нашедшие деревню в полтора верстах.

Скоро колонна вошла в деревню, и люди забили все ее дома. Батарейам, за неимением места, пришлось идти в соседнюю.

Около 6 часов потребовалось, чтобы пройти 8 верст».

ОТСТУПЛЕНИЕ

Решительный поворот боевого счастья на участке Добровольческого корпуса положили не столько местные неудачи, сколько появление Буденного на его правом фланге. Даже прорыв красных на Тим не мог сыграть решающей роли. И этот поворот отметила природа отчаянной силы метелью. Но она сделала и нечто другое – остановила поток людей, бегущих от Советской власти: многие сотни крестьян, вышедшие на фронт марковцев, не тронулись дальше. А дальше начиналась полоса страны, равнодушная и к белым, и к красным.

Тяжелая доля выпала на марковские полки, два батальона алексеевцев и черноморцев, стоявших на стоверстном фронте, прорванном в центре и угрожаемом справа. Вся совокупность обстановки привела к тому, что марковцы отходили разбросано: 2-й полк – тремя колоннами, 3-й – четырьмя и только 1-й – с алексеевцами вместе; отдельно отходили черноморцы и колонна артиллерии, бывшая при 3-м полку.

ДВИЖЕНИЕ ОТРЯДА ПОЛКОВНИКА НАУМОВА

В селе Большая Клюква, в которое ворвались красные, частям 3-го полка было сказано: «За Сейм». Ничего более определенного сказать было невозможно. Батальоны и группа поручика Юренинского отходили самостоятельно. Два батальона в разное время перешли Сейм по переправе западной железной дороги у деревни Лебяжье; один батальон и группа поручика Юренинского – по льду в разных местах. Провалились под лед только две походные кухни и подвода с патронами.

На переправе через Сейм сошлись батальон, Черноморский полк и колонна батарей. Полковник Главче, полковник Левиков и капитан Павлов обсудили положение и искали ответа на единственный вопрос: «Что же дальше?»

Капитан Павлов спросил полковника Главче:

– Вам известна какая-то задача для вашего полка, а может быть, и для всего отряда. Не должны ли мы учесть ее для дальнейшего? – Полковник Главче ответил сразу и твердо:

– Теперь при создавшейся обстановке она отпадает, но мы должны как можно скорее связаться со штабом корпуса и от него получить указания.

Но где штаб корпуса? На Солнцево, в Ржаве, в Прохоровке? Идти туда вдоль железной дороги?

Все трое пришли к заключению: так как совершенно очевидно, что красные, давно уже взяв Тим, оттуда направились на станцию Солнцево и, может быть, уже заняли ее и так как моральное и физическое состояние людей отчаянное, следует идти обходным путем через Обоянь, затем выйти к железной дороге. Было написано донесение в штаб корпуса и отправлено с двумя черноморцами на ближайшую станцию для передачи.

– Я с полком иду самостоятельно, – заявил полковник Главче. – Я должен использовать большую скорость кавалерии, чтобы скорее быть в распоряжении штаба. – И, пожелав «счастливого пути», ушел.

Батальон и артиллерия двинулись вместе, но после первого перехода полковник Левиков сказал, что ввиду трудности пути он должен двигаться по большой дороге из Курска в Обоянь. Батальон и батареи расстались.

На станции Канкриновка черноморцы с донесением встретились с поручиком Юренинским. Донесение было передано в штаб корпуса и в штаб Корниловской дивизии в Курск. Из штаба корпуса – приказ: всем частям направляться на станцию Солнцево.

Поручик Юренинский занялся розыском частей, но ни одной найти не мог: батальон капитана Давыдова, перешедший по льду, без задержки шел на Солнцево, учитывая опасность у этой станции; два других без связи между собой шли прямо на Обоянь; и только днем к группе поручика Юренинского присоединилась группа генерала Наумова – пулеметная команда и 12 ординарцев. Полковник Наумов отвел собравшийся отряд, однако, не на Солнцево, а в село Старое Черемошное, в 15 верстах к северо-западу от станции, откуда и принял меры к розыску всех частей.

В минувший день полковник Наумов со станции Отрешкино выехал на разъезд, где остановились корниловцы, сказав поручику Юренинскому, что, не задерживаясь там, придет в село Большая Клюква. Но его задержала метель, а наутро, когда метель значительно стихла, он тронулся в село и нарвался там на красных. Потеряв трех человек, он переехал Сейм и встретился с поручиком Юренинским.

5 (18) ноября красные перешли Сейм у Солнцева и заняли станцию, принудив к отходу пришедший туда батальон 3-го полка. В нескольких местах к северу они подорвали железнодорожный путь. Грохот взрывов слышали в отряде полковника Наумова, но посланные туда ординарцы не возвращались.

6 (19) ноября отряд все еще остается в селе, тщетно разыскивая части. Офицеры настаивают на уходе и только 7-го (20 ноября), когда на село повели наступление красные, полковник Наумов повел свой от-

ряд в направлении на Обоянь, в пути едва избежав захвата пехотой и кавалерией красных.

Два батальона 3-го полка и колонна артиллерии, связавшись в Обояни со штабом корпуса, получили приказание идти к станции Прохоровка, куда и пришли 7-го (20 ноября). Полковник Наумов, о котором никто не имел сведений, присоединился к ним лишь 9 (22) ноября и вступил в командование полком.

Этот день для изголодавшихся марковцев памятен не только тем, что собрались все, но и тем, что в первый раз со времени выступления из Курска, 26 октября (8 ноября), они получили, наконец, горячую пищу и хлеб.

Фронт на линии Ржава – Обоянь заняли черноморцы и оставившие 6 (19) ноября Курск корниловцы.

В минувшие дни у станции Солнцево разразилась тяжелая драма: четыре бронепоезда и два вспомогателя, отходившие от Курска, наткнулись на взорванное полотно и пехоту красных. Починить его под огнем не было никакой возможности. Они направились было через Льгов, но и там был взорван, но уже своими, виадук. Поезда погибли.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТРЯДА ГЕНЕРАЛА ТРЕТЬЯКОВА

В ночь на 4 (17) ноября и свирепую метель, в более спокойный день и следующую ночь части отряда отступали, сбиваясь с дороги, пересекая пути друг друга. Едва не был оставлен батальон 2-го полка, стоявший в обеспечении левого фланга. Он не имел связи с алексеевцами: не прибывали ни их ординарцы, не возвращались ординарцы, высланные батальоном. Наконец, командир батальона решает еще раз на попытку связаться и отправляет последних верховых, вызвавшихся добровольно пулеметчиков – подпоручика Герасимова и рядового Беляева, бывшего красного курсанта. 18 часов. Было условлено: если они не вернутся к 24 часам, батальон выступит в южном направлении.

Подпоручик Герасимов и рядовой Беляев, сняв погоны и все отличия, скрылись в пелене метели. К сроку они не вернулись, но уже в батальоне более чем час как приехали два ординарца Алексеевского полка с приказанием немедленно отходить в южном направлении. Батальон, погрузившись на сани, в 24 часа выехал и днем связался со штабом алексеевцев. Ему сказали: выслано было 4 пары ординарцев, но одна пара пропала, и трое, столкнувшись с красными, вернулись. Подпоручик Герасимов и рядовой Беляев в штаб не приезжали.

Противник следовал за отрядом. Уже 4-го были столкновения; 5-го он был отброшен.

В этот день отряд сосредоточился весь в районе сел Верхняя Опочка и Рогозцы, 25 верст южнее Мармыжей. К нему присоединился ба-

тальон 2-го полка, пришедший от Касторной. Связь у него со штабом корпуса круговая – через Корочу, Белгород. Она уже не раз прерывалась разездами красных. Ему дали приказ: ударить в тыл красным, наступающим от Тима на станцию Солнцево, и частью сил выйти к станции, а другой – на южный берег верховья Сейма и там занять позицию. И добавочное: один батальон алексеевцев направить в Корочу.

Положение таково: отряд с трех сторон имеет противника, с четвертой – его разезды. До Солнцева – 40 верст по прямому направлению. Части противника уже у верховья Сейма, т.е. в 20 верстах южнее этого направления. Силы неизвестны. Для начала операции генерал Третьяков решает занять села Погожье и Кузькино.

6 (19) ноября. Подъем в час ночи и выступление. 1-й полк идет справа на Погожье; два батальона 2-го и батальон алексеевцев – на Кузькино. Между ними разрыв до 8 верст, но они должны идти, имея все батальоны в передовой линии и так, чтобы между ними была огневая связь. От каждого батальона по роте в резерве. Наутро по всему фронту отряда начались стычки с кавалерией красных. Атака на один батальон отбита; у другого хутора строившийся за ним дивизион рассеян батареями; у третьего – красные атаковали с тыла, едва не захватив батарею, но были отбиты пулеметным огнем и резервной ротой; у четвертого – красные, выскочив из него, отошли в сторону, но когда батальон прошел хутор, они ворвались в хутор; резервная рота повернула назад и выбила их. К вечеру отряд, пройдя до 25 верст, занял Погожье и Кузькино, захватив обоз 1-й бригады 2-й красной кавалерийской дивизии.

В Кузькино после долгой разлуки встретились 1-й и 2-й батальоны 2-го полка, и только здесь 1-й батальон узнал о боях у Касторной и о гибели капитана Образцова. О 3-м батальоне и Офицерской роте никто ничего не знал.

Ночь. Пурга. Отряд в тылу у красных. Охранение на все четыре стороны. Мороз. Смена каждые 3 часа. Отдыхающим «приказано спать». О противнике уже более определенные сведения: на юге по Сейму – бригада пехоты; на Солнцево ушли бригада кавалерии и пехота; в Тиме, в 6 верстах севернее – один-два полка; бригада кавалерии, рассеянная при наступлении, осталась к востоку. В этих условиях нужно принять решение для выполнения задачи.

Решение – отряд разделяется: 1-й полк идет на Тим, т.е. свернув вправо от прямого пути, с целью там разбить красных, так как они могут следовать за отрядом и грозить ему с тыла, а остальные части с генералом Третьяковым продолжают наступать на запад, берут село Верхоселье, от которого поворачивают к югу и выходят к переправам через Сейм.

В группе генерала Третьякова теперь 900 штыков (600 марковцев и 300 алексеевцев), 50 всадников и 8 орудий. В 1-м полку – до 1000 штыков, 100 всадников и 10 орудий.

РЕЙД ГРУППЫ ГЕНЕРАЛА ТРЕТЬЯКОВА

7 (20) ноября. С рассветом группа выступает из Кузькино, сопровождаемая с тыла и флангов красной кавалерией. В Верхоселье боевых частей красных не оказалось.

8 (21) ноября двинулась на юг на село Свинец, занятое пехотой. Красные не оказали серьезного сопротивления, а следовавшая за группой кавалерия была остановлена огнем.

9 (22) ноября наступление на юг продолжается. Село Суволочное с переправой через Сейм берется решительной атакой, а атаковавшая на этот раз кавалерия была жестоко отбита. Оставив здесь батальон алексеевцев, батальоны марковцев преследовали красных вдоль северного берега Сейма и смяли сопротивление у другой переправы у деревни Орлянка, находящейся в 10 верстах от переправы, через которую должен проходить 1-й полк.

Группа выполнила задачу и заняла позицию вдоль южного берега Сейма. Потери незначительны.

РЕЙД ПЕРВОГО ПОЛКА

7 (20) ноября. Задолго до рассвета полковник Блейш собрал старших начальников и объявил задачу: тяжелое положение на фронте требует нашего выхода на станцию Солнцево. Мы должны разметать красных на своем пути. Подтвердив все отданные раньше распоряжения, он сделал упор на точном, быстром и решительном выполнении всех приказаний. Он сказал: «Предстоят тяжелые переходы, дневные и ночные, с немногими часами отдыха. Всем побороть усталость!»

Еще не было 9 часов, при плохой видимости, когда полк подошел к городу Тим, сбил охранение и вошел в него. Красные выскакивали из домов, бежали по улицам. Части полка прошли небольшой район города и собрались на северо-западной окраине. Довершила дело конная сотня: она обезоруживала и загоняла во дворы сотни красных. Здесь был их полк и еще какие-то части.

Полковник Блейш, узнав, что к северу в селе Становой Колодезь остановился полк красных, после 4-часового отдыха повел свой полк туда. До села 8 верст. Красные приготовились, но стремительной атакой оно взято. И опять закончила дело конная сотня.

Несмотря на наступивший вечер, полковник Блейш ведет полк дальше, но взяв почти южное направление, однако скоро снова сворачивает на северо-западное. Он вводит противника в заблуждение относительно намерений полка. В 22 часа полк приходит в село Гнилой Колодезь, в котором противника не оказалось. Дает отдых на ночь. Но отдых оказался коротким: на окраине раздались выстрелы. Полк мгновенно построился. К полковнику Блейшу привели двух кавалеристов. Их разъезд в 5 всад-

ников ехал из села Рождественское от командира стрелковой бригады к командиру конной бригады, направляющейся в село Рождественское из района к северу от Тима. Учитывая, что спасшиеся три всадника ускакали к северу и не скоро могут сообщить в село Рождественское о случившемся, полковник Блейш немедленно ведет полк на это село, находящееся в 10 верстах и как раз в направлении на Солнцево.

8 (21) ноября. Около 5 часов утра в темноте два батальона стали охватывать село, а в это время – донесение: к селу с востока подходит большая колонна противника. «Резервному батальону подпустить ее и расстрелять!» – распорядился полковник Блейш. Колонна была сметена огнем этого батальона, и как раз в тот момент, когда два других ворвались в село. Среди раненых, убитых и лежавших на поле набрали уцелевших 150 человек. Разбит был полк в 600 штукков. А в селе был взят почти целиком тоже полк в 600 человек, четырехорудийная батарея в полной упряжке с полным составом чинов, много пулеметов и подвод, но штаб бригады успел скрыться.

Выяснив положение, полковник Блейш приказывает: «Отдых два часа! Когда требуется, марковцы не знают усталости. Когда полк выступит, оставить половину пленных». Захваченная батарея передается артиллеристам – новая боевая часть. Удвоился обоз с ранеными, больными, со снарядами и патронами – до 50 подвод. Колонна полка увеличилась, невольно отяжелела.

После полудня полк пришел в село Лещинская Плота, где красных не оказалось. Дан отдых на ночь.

9 (22) ноября. Ночью полк поднят и выступил. Известно, что в селе Субботино стоят части красных. Бой неизбежен, и притом с приготовившимся противником. «Напрячь все силы!» – сказал полковник Блейш.

До села Субботино 12 верст. В голове колонны идут два батальона, в арьергарде – третий. Отпускается снова часть пленных. Увидев приближающуюся колонну, красные открыли по ней орудийный огонь. Полк разворачивается на ходу; команда разведчиков и комендантская рота направлены в обход с запада на пересечение дороги к Солнцево. Сильнейший пулеметный и ружейный огонь. Цепи полка вынуждены передвигаться перебежками. Потребовалось 4 часа, чтобы сломить противника и еще часа два, чтобы выбить его из села окончательно. Это был тяжелый бой, выведший из строя свыше 100 человек. Снова разбит полк красных и вспомогательные части бригады. 200 человек взято в плен. И только в конце боя появилась кавалерия красных.

До Солнцево теперь оставалось 8 верст; их можно пройти в два часа и засветло, но неизбежен бой на переправе через Сейм, который может затянуться до темноты. Полковник Блейш остается в селе. Полк должен отдохнуть, будучи готовым к возможному ночному нападению.

Не имеют отдыха полковник Блейш и его ближайшие помощники. Нужно выяснить опросом пленных и жителей села, какие силы противника могут быть на той стороне реки у станции Солнцево. Нужно подробно узнать и о самой переправе. Выяснено, что через переправу перешли бригада кавалерии и 1-2 бригады пехоты. Часть этих сил ушла на Обоянь, часть стоит в Солнцево и в селе Зуевка непосредственно за переправой, часть к югу от станции. Переправа же представляет собой дамбу длиной до двух верст, затем мост и крутой, покрытый лесом, подъем; дорога идет на подъем косым направлением. Река – сама по себе не широкая, но имеет болотистый восточный берег с мелким кустарником. Главная опасность – болото не всегда замерзает; бывают провалы, которые теперь могут быть прикрыты снегом. Вывод: наступление цепями возможно, но опасно и будет медленным.

10 (23) ноября. Ночью полковник Блейш отдал приказ о порядке наступления и добавил, что предстоящий бой будет последним: полк, выполнив свою задачу взятием станции Солнцево, выйдет из окружения с поддержкой корниловцев и бронепоездов. Конечно, он сказал это для ободрения, так как сам ничего не знал – с 7-го (20) числа у него не было связи даже с генералом Третьяковым.

Часа за два до рассвета полк двинулся, оставив в прикрытии конную сотню и команды. Два батальона шли цепями по обе стороны дамбы, спустив свои силы на внешних флангах. Глубокий снег, осторожное движение. Светает, но легкий туман. Красные заметили. Начинается стрельба. Роты выходят на лед реки, залегают под сильным огнем у переправы, карабкаются на берег на флангах. Красные охвачены и отбегают. Быстро в колонне по дамбе и мосту идет резервный батальон, выходит на гребень, разворачивается и атакует Зуевку. Красные оставляют ее. Полк берет Солнцево уже с поддержкой батарей. До этого батареи, из-за тумана не видя целей, молчали.

Вслед за батальонами шли батареи, обоз, колонна пленных в 400-500 человек (отпущено до 300; взяты были лишь те, кто не пожелал остаться) и прикрывающие части, уже под обстрелом обложившей село красной кавалерии.

Телефонная связь от Солнцева к югу прервана, и, чтобы связаться, посланы крестьяне, которым нужно было пройти расположение передовых частей красных. Связь установилась быстро, так как красные поспешно отошли к западу.

Вечером на Солнцево прибыл бронепоезд, на который погрузил раненых, больных и пленных. Полк заночевал на станции и в Зуевке. А наутро он выступил к востоку для занятия боевого участка.

1-й и 2-й полки не только вышли из тяжелого положения, но и выполнили трудную и опасную задачу. Исключительную операцию вы-

полнил 1-й полк. Он начал отступление в ночь на 4 (17) ноября и закончил его 10-го (23). В течение 7 дней и ночей он находился в переходах и боях в отчаянную погоду. Им пройдено до 100 верст. Разбито и рассеяно, по меньшей мере, 6 полков пехоты. Противнику нанесены огромные потери. Выведено до 400 пленных; свыше 500 были отпущено, не считая сотен, которые были заперты в сараи. Взяты 4 орудия, много пулеметов, подвод. Полк потерял немногим более 200 человек.

«Винновником» всего для всех бесспорно является полковник Блейш. Не говоря о его смелых маневрах и умелом руководстве, все явно чувствовали на себе влияние его духа и воли. У Мармыжей и теперь, в этом рейде, он был с полком, и это сказалось благотворно.

Полковник Блейш был сильно простужен, что волновало всех.

ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА ОТСТУПЛЕНИЯ

Так или иначе, но марковские полки благополучно отошли со стоверстного фронта Касторная – Курск и прижались к линии железной дороги Курск – Белгород. Впервые все три полка оказались в тесной связи между собой и смогли, наконец, составить Офицерскую генерала Маркова дивизию как нечто единое. И только теперь мог принять ее генерал Тимановский. Генерал Третьяков получил назначение формировать Алексеевскую дивизию. Присоединился к своему полку и бывший в отрыве 3-й батальон 2-го полка с Офицерской ротой, отходивший от станицы Касторная к югу. Постепенно подъезжали обозы полков. Уже одно то, что дивизия собралась, подняло настроение. Марковцы стали говорить, что наступление на Москву отлагается «до весны». Они не знали о положении на остальном фронте и никак не допускали мысли, что «кубанцы не хотят воевать». Кубанцев постигла неудача, но ведь и марковцев тоже...

Показателем твердого духа бойцов был пример подпоручика Герасимова и рядового Беляева, высланных для связи в штаб Алексеевского полка 3 (16) ноября и вернувшихся 11-го (24). Их эпопея такова.

В первой же деревне они нарвались на красных, к счастью, на простачков. Разговорились с ними и узнали номера красных полков, находящихся в районе. Взяв более южное направление, они попались серьезным красноармейцам, которые их привели к начальству. Но в них при опросе не признали «белых», а чинами той части, которую они называли. Они были отпущены с указанием места расположения части. Пришлось ехать в обратном, северном направлении, чтобы в благоприятный момент свернуть на юг. Всюду были красные. Проходили дни, когда они сидели, укрывшись; ночи, когда они держали путь на юг. Наконец, добрались. Лошади были загнаны вконец, сами они держались еле на ногах от усталости, голода и бессонницы.

Совершенно иным было настроение в 3-м полку. Он стоял в резерве и остро переживал недавние горечи. Он понес большие потери – почти половину состава, до 500 человек. Только 100 человек убитыми и ранеными, 50 заболевшими, а свыше 300 – «без вести пропавшими». Это были не сдавшиеся в бою, а отставшие открыто («Мы остаемся»).

Кадр полка – средние и младшие начальники – находили объяснение столь массовому отставанию, сами пережив с большой душевной мукой недочеты в формировании полка, в руководстве его действиями. Они видели, что даже рядовой солдат чувствовал сложность положения, опасность, в которую поставлена его часть.

Чрезвычайно угнетали полк и слышимые суждения, даже обвинения по адресу марковцев: «Открыли фронт»; «Из-за них погибли четыре бронепоезда»; «Едва не погубили корниловцев, позволили красным зайти им в тыл».

Несколько успокоило сразу же начатое дознание по поводу развала отряда полковника Наумова.

В 3-м полку все осталось по-старому. Поступило пополнение в 400 человек, и ими, как и раньше, занялись командиры батальонов, рот, младшие командиры. Как и раньше, не встречались они с командиром полка и не обсуждали крайне серьезные вопросы, поставленные жизнью. Но пройдет недели две, и произойдет смена в командовании полком.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Красное командование, принудив Добровольческий корпус оставить линию Касторная – Курск – Льгов, не добилось, однако, разгрома корпуса и полного уничтожения частей Шкуро и Мамантова и решило продолжать наступление всеми силами и немедленно. Была поставлена задача «дальнего прицела»: используя силы своей кавалерии и слабость белой, наступать ею на юг и разъединить Добровольческую и Донскую армию. Прицел взят до Азовского моря.

Задачу красных облегчало то, что Добровольческий корпус вынужден был жаться влево и таким образом увеличить разрыв между армиями. В этот разрыв и пошли корпус Буденного и 13-я красная армия.

10 (23) ноября Добровольческий корпус стал на линии Ржава – Обоянь и западнее. Марковцы задержались правее и несколько севернее железной дороги по южному берегу Сейма.

11 (24) ноября 1-й полк оставил Солнцево и перешел к востоку за реку Сеймица ко 2-му полку. Батальон алексеевцев ушел в резерв. В этот день красные начали наступление с охватом правого фланга полков.

12–13–14 (25–26–27) ноября полки медленно отходят, отбиваясь контратаками.

Заболел тифом полковник Блейш, которого заместил полковник Докукин; заболел и временно командовавший 2-м полком капитан Перейбойнос, сменивший капитаном Крыжановским.

15 (28) ноября красные глубоко обходят справа, перебрасывая свои части на санях. Полки отводятся к югу и подаются влево. 1-й полк уже седлает железную дорогу у станции Прохоровка.

С тяжелым настроением отходит стоящий в резерве 3-й полк после того, как в нем воскресли было надежды на поворот боевого счастья на фронте. На фронт прибыла свежая бригада пехоты силою в 1500 штыков из формировавшейся в Харькове сводной дивизии трехполкового состава, которой командовал генерал Волховский. Один из полков ушел на внутренний фронт, а два стали на участке корниловцев, стоявших левее марковцев. Полки хорошо обмундированы, вооружены, снаряжены, морально крепки, в боевом отношении надежны, имеют значительный офицерский кадр – так характеризовал бригаду посетивший 3-й полк офицер из ее штаба. Конечно, марковцам было радостно слышать, но заявления офицера им казались чрезвычайно уверенными; сами они не отозвались бы так о своих частях. Но все-таки? И вдруг отход.

Дня через два узнали о причине. Бригада в два дня была совершенно разбита, большинство ее сдилось в плен. Рассказал об этом офицер-корниловец. Он был послан для связи к этой бригаде, но на ее позиции он нашел полевые караулы, сзади заставы и т.д., в точности по уставу. Добравшись до штаба полка, он нашел там полный покой. Не вытерпел и высказал свое недоумение. В ответ встретил удивление и полное непонимание. При такой расстановке бригады поражение ее было обеспечено, и оно произошло. Она вошла в бой, не зная духа, характера, тактики гражданской войны, со слепым следованием уставу, с пренебрежением к опыту не только текущей, но и мировой войны, с твердым отбрасыванием «партизанских» методов.

16 (29) ноября. Тяжелый день. 1-й полк отбивает сильные фронтальные атаки, а потом высылает один батальон на помощь корниловцам и выбивает прорвавших фронт красных из села Богородицкое. 2-й полк отбивает красных, наступающих с фронта и охватывающих справа, у села Редьковка. В разгар боя получает сообщение, что его батальон, высланный ночью на 10 верст к югу, в село Сагайдачное, ведет бой. Полк начинает отход, преследуемый противником. К Сагайдачному он подошел, когда там его батальон оказался почти окруженным. Батальон был спасен, но большие силы противника заставили полк отойти несколько к западу. Наступали здесь части Эстонской дивизии.

Положение на правом фланге дивизии становилось угрожающим. Красными занята Короча, и их части выдвинулись на Белгород. На их

пути стоит только батальон алексеевцев с двумя орудиями. Двадцать верст южнее – линии марковцев.

17 (30) ноября. 2-й полк спешит в село Казачье, имея на фланге кавалерию красных. Переход в 25 верст. 1-й полк подается вправо, оставаясь левым флангом на железной дороге. Влево от него становится батальон 3-го полка. Фронт дивизии 20 верст протяжением.

18–21 ноября (1–4 декабря) – тяжелые бои на всем фронте. Ночной атакой красные выбивают батальон 3-го полка из села Крюково-Барское, но последовавшей контратакой положение восстановлено. Они рвут фронт между 2-м и 1-м полками. Команда разведчиков 2-го полка с капитаном Андреевским во главе повторной ночной атакой берет деревню Кураковку, но, обойденная, к утру оставляет ее. Направляются два батальона 3-го полка с двумя орудиями. Они залегают под сильным огнем, замолкает и их батарея, осыпаемая снарядами. При попытке снять орудия с позиции убито 6 лошадей. Слева батальон 1-го полка, отбив атаку красных, отправляет на помощь 3-му полку свою четырехорудийную батарею, которая после часового беглого огня (выпущено 300-400 снарядов) расстроила противника, и тот стал отходить.

2-й полк в селе Казачье держится, но красные теснят батальон алексеевцев и обходят село с юга. Полк направляет два батальона, потеснены и они. Батальон, оставшийся в Казачьем, атакуется кавалерией; он ее отбивает, но ему приказано оставить село. Дорога, по которой до этого шли два батальона, проходившая через глубокую ложину, перехвачена красными; другая дорога – в двух верстах севернее у хутора, который занят противником. Временно командующий батальоном капитан Эмпахер решает отводить батальон северной дорогой. Быстрой атакой эстонцы выбиваются из хуторов, и под прикрытием 12 тяжелых и 6 ручных пулеметов батальон переходит ложину. Кавалерия опоздала: ее сдержал взвод пулеметов подпоручика Рузского, а за лощиной удар красных с противоположной стороны был сдержан командой разведчиков.

Атаки красных на всем фронте дивизии, и опять с угрозой охвата правого фланга. Батальон алексеевцев, а за ним и 2-й полк переходят в село Шейно; два батальона 1-го полка – в село Шляхово; 3-й полк занимает участок по обе стороны железной дороги; в центре – батальон 1-го полка и команды 1-го и 2-го полков. Дивизия на фронте в 25 верст.

Части переутомлены переходами, боями, усиленной сторожевкой до крайности. Туманы, снег, холод особенно сказались на конском составе, который только в небольшой части был перекован на шипы. Лошади скользили, падали. Чтобы втянуть на подъем орудие, нужно было впрягать лишнюю пару лошадей; для гаубиц требовалась даже двойная упряжка. В одной батарее на переход в 7 верст ушло 10 часов. У пулеметчиков выход нашелся: они отправили свои двуколки и тачанки в обоз, а пулеметы поставили на обывательские сани. Боль-

шинство крестьян охотно соглашалось быть подводчиками со своими лошадьми.

В довершение всех бед в полках шла смена командиров: 1-й полк принял полковник Слоновский, сменив вызванного в штаб армии полковника Докукина; 2-й полк принял мало известный всем полковник Данилов, командовавший короткое время отрядом во время ликвидации Купянского прорыва в августе месяце, сменивший заболевшего капитана Луцкалова, который только что сменил заболевшего капитана Крыжановского (четвертый командир в течение 11 дней); 3-й полк принял капитан Савельев вместо полковника Намова, первоходник, командовавший до этого особой ротой при ставке.

22 ноября (5 декабря). Красные продолжают долбить фронт марковцев. Сильное и упорное наступление вели они на село Шейно, где стоял батальон алексеевцев и куда ночью пришел 2-й полк; наступление свежими частями в образцовом порядке. Две атаки отбиты, в третью они ворвались в село, но были выбиты. Только в полку выбыло из строя до 250 человек.

Срочно батальон алексеевцев был вызван в Белгород. В течение дня отбиты атаки 1-м полком на село Шляхово, но сейчас же один батальон пошел на поддержку батальона, бывшего у реки Донец и попавшего в тяжелое положение. 3-й полк успешно сдержал противника.

Наступила ночь. Красные атаковали в центре дивизии.

Приказ – отходить к Белгороду.

В этот день красные производили новый Купянский прорыв, на этот раз всей массой своей кавалерии и пехоты, перед которыми не могла устоять конница генерала Шкуро и генерала Мамантова. Красная пехота уже обошла Белгород и заняла Волчанск.

23 ноября (6 декабря). Ночью 3-й полк через Белгород приходит на станцию Разумная, к которой уже подъезжали разъезды красных. Днем из Белгорода одной колонной под охраной батальона выступили на юг вдоль западного берега Донца все обозы дивизии. С наступлением ночи по той же дороге пошли остальные части со штабом дивизии, оставившим свой железнодорожный состав и севшим на коней.

Дивизия на фланге корпуса шла по полевым дорогам к большим массивам Муромских и Чугуевских лесов, где укрывались отряды зеленых, состоявших из дезертиров, бежавших пленных, организованные засланными туда коммунистами.

С тупой болью покидали марковцы Белгород, ставший для них родным, как раньше были Новочеркасск и Екатеринодар.

Пять месяцев назад Белгород стал для них «станцией» на пути к Москве. Здесь отдыхали, набирались сил. Молили о помощи Всевышнего у святынь города, получали благословение на продолжение ратного подвига в женской обители в селе Борисовка, благословение и четки.

Шли вперед. Пальцы рук мысленно перебирали шарики четок: Короча, Тим, Щигры, Ливны и задержались на следующем – Елец. Потом перебирание назад и... отпал первый, Белгород. Дальше – узел четок с крестом.

Да будет воля Божья!

Марковцы отступали в полном порядке.

В ЛЕСАХ

В Харькове собралась группа в 20-30 марковцев, возвращавшихся из отпусков, командировок, госпиталей. Разговоры о положении на фронте и в тылу. Тревога за фронт, за свои части, тревога и от все усиливающегося зеленого движения в тылу.

– Меня задерживали, назначали начальником отряда, но тянуло в полк, – говорил один.

– Ни от кого не добьешься, где наша дивизия. Говорят, будто отходит на Купянск и советуют ехать туда.

Поехали. В поезде комендант раздал винтовки: «В Чугуевских лесах зеленые». Марковцев это не удивило. Где их теперь нет? Медленно шел поезд, с длительными остановками между станциями. Но проехали благополучно.

В Купянске встреча с двумя своими. «Что вы тут делаете?» – «Вербуем добровольцев, но безуспешно. Нужно смываться отсюда». Удивление. Где фронт? В городском саду марковцы видели два малых танка, производящих занятие, свободно и легко ломающих деревья. В первый раз их видели. Они не на фронте, следовательно, не так уж плохи должны быть там дела. На следующий день на справку – где дивизия? – комендант отвечает: «Отходит, кажется, на Чугуев, но ехать туда нужно обождать, так как с Чугуевым нет связи».

– Ну и ну! Никто не может точно сказать, где целая дивизия. Но это судьба наша – бродить по задворкам. – А вечером твердый совет – ехать в Донбасс и оттуда начинать розыски.

Станция Нырково. Строгий допрос коменданта: «Кто вы? Почему здесь, а не в своих частях?», и приказание ехать в Славянск. В Славянске уже собралось до 40 марковцев. Старший пошел к коменданту:

- Документы!
- Просрочены.
- Арестовать!

Выручила вся группа. Выдали винтовки и привлекли к несению дозорной службы, сказав, что когда будет известно о местонахождении дивизии, сообщат. Благо, стали давать продукты.

Из Белгорода дивизия выступила на село Муром (Корниловская – по шоссе на Харьков). 1-й полк – в голове обозов и в арьергарде; 2-й – в прикрытии с востока; 3-й – с запада. Идти легко, морозно. Сплошной стеной с востока стоят леса, тянущиеся по реке Северский Донец.

Второй день похода. Батальон 2-го полка стоит в селе Архангельское; команда разведчиков – впереди за лесом у реки, верстах в двух. Туман. Команда не заметила, как красная пехота обошла ее. Она отскочила в сторону, а красные неожиданно обрушились на отдохавший батальон. Люди выскакивали из домов в чем были, ни о каком сопротивлении нельзя было и думать. Лишь одна рота и пулеметная команда, стоявшие на противоположном конце, вышли в относительном порядке. На их линии стали останавливаться все бегущие. Едва красные показались из села, батальон перешел в атаку. Через час село было взято, и красные отброшены за реку. В батальоне оказалось лишь несколько раненых и никаких других потерь.

Батальон пришел в деревушку в 10-12 дворов, окруженную лесом. В деревне не оказалось ни одного мужчины старше 15 лет. Стали спрашивать, где же они? Бабы плакали, а старики отмалчивались. Откровеннее были дети: «Да все ушли в лес».

– Неспроста! И не приведут ли они по неведомым дорожкам красных? Тут возможна для нас могила!

В крайнем напряжении и в беспокойстве простоял здесь батальон, а в сумерках, насторожившись, готовый ко всему, выходил из леса.

Дивизия третий день в походе. Проходит село Муром и втягивается в село Терновое. Тяжелая дорога, пересекаемая частыми оврага. Уже сзади наседали разезды красных, и по ним был даже открыт артиллерийский огонь; уже и 3-й полк ведет перестрелку с зелеными.

На 4-й день стала подыматься температура, и пошел дождь, продолжавшийся целую ночь. Таял снег, оттаивали дороги. Стало тяжело двигаться, а во второй половине дня и совсем трудно. Еще голове колонны сносно, но середине и хвосту ее приходится идти по густому месиву снега и чернозема. С большой наезженной дороги, ведущей на Харьков, дивизия свернула влево на проселочную и входила в лесное дефиле. Колонна стала растягиваться и одновременно расширяться. На санях еще можно ехать по нерастаявшему снегу. Лошади выбивались из сил. Стали приставать. Приходилось бросать телеги, с каким бы грузом они ни были. В подводы с ранеными и больными впрягали еще по 1-2 лошади. Артиллеристы впрягали в орудия и ящики всех верховых лошадей, пулеметчики навьючивали пулеметы на лошадей.

Метались больные, волновались раненые. Но с ними были сестры, ангелы-хранители, помощницы, утешительницы; помогали, чем могли и как могли.

«На много верст по дороге валялось брошенное имущество: ящики со снарядами и патронами; стояли с выдохшимися лошадьми орудия, пулеметы. Всюду павшие кони. Такую картину нам всем пришлось увидеть впервые за все время добровольчества. А главное – нам самим это делать. Это была дорога смерти», – записал один из участников.

А зеленые, между тем, осмелели: всюду стрельба; появился их конный отряд, его разогнали огнем. Пропали, удалившиеся в сторону, фуражиры-артиллеристы. Туда отправлены конная сотня и два орудия. В деревушке нашли зверски убитым поручика Хренова и ранеными двух солдат. Выданные населением виновники были расстреляны, а деревня сожжена.

В колонне объявили: еще 10 верст, и мы выйдем из лесов. Это подбодрило. К вечеру голова колонны втягивалась в местечко Рогань, на большой дороге из Харькова в Чугуев, но хвост задержался на ночь в 10 верстах сзади.

В Рогань уже стояли части Корниловской дивизии. Марковцы от Белгорода шли почти прямой дорогой, в то время как корниловцы – круговой. Прошли до 70 верст, а пришли позже более чем на сутки. Дорого им стоил этот семидневный отход. Голодными уснули, кто где пристроился.

30 ноября (13 декабря). Утром подъем. Дивизии нужно идти в Чугуев, в 20 верстах. Первое ощущение – холод. За ночь температура упала, и подул северный холодный ветер, который будто вгонял сырость одежды вовнутрь тела. Спасение в движении.

Дивизия тронулась двумя колоннами: одна шла по шоссе, другая – севернее через село Каменная Яруга. Обе дороги проходили через леса. И здесь зеленые не оставили дивизию в покое: обстреливали и в одном месте, наскочив на обоз, убили поручика Евлампиева и нескольких солдат. Дорога была сравнительно легкая, и к вечеру колонны втягивались в город Чугуев. Арьергардный батальон пришел лишь к полуночи.

Город мертв. Но теплые дома, какой-то уют оживили марковцев. Кое-что достали для еды. Неотложные дела: для одних – смена охранения чуть ли не через час; для других – заботы о лошадях, о технической части; у третьих – приведение всего вывезенного в должный порядок.

«Ровно в 24 часа дежурный по команде доложил мне, что пулеметы приведены в полную готовность и поставлены на двуколки. Вышел лично проверить и отрадно было видеть, что дух в команде еще не

угас. Люди по-прежнему остались такими же, несмотря на постигшие неудачи. При подсчете оказалось, что отстал один солдат и потеряно три ящика с патронами».

Хуже было в ротах. Их ряды снова поредели. В 1-м полку – по 50-100 штыков, а во 2-м и 3-м – по 30-50. Немало заболевших – в полковом околотке их не меньше 100 человек. Но куда отправить?

Глубокой ночью, когда часть людей, едва подкрепившись тем, что удалось достать, спала мертвым сном, в расположении батальонов раздались крики: «Выходи за обедом!» С гомоном, с проснувшейся бодростью, гремя кастрюлями, мисками, подходили к походным кухням.

– Ага! Вот они! Где вы были десять дней? Почему морили нас голодом? – шутили спрашивали кашеваров и артельщиков.

– Говорите спасибо, что кухню не бросили, хлеб привезли, да и сами не пропали, – возражали те.

Кашевары были щедры и разливали густой мясной суп, наполняя до краев подаваемую посуду, а артельщики также без счета раздавали буханки черствого, подмоченного хлеба.

– Ешьте, что дают и какой остался. Хлебом по дороге лошадей кормили.

– Ну и добрые вы стали, – говорят кашеварам. – Всегда бы и каждый день так.

– Получай и не рассуждай!

Обед показался прямо лукулловским, да и ели его в «культурной» обстановке, сидя за столами, из тарелок, свободными от сдавливающего тела снаряжения, поясов, сапог. Спокойный свет керосиновых ламп и свечей создавал уют.

За обедом поговорили об обстановке и положении спокойно, будто не отдавая себе отчета в том, что произошло и что происходит. «Оставлен Харьков? На войне все возможно». Сытный и обильный обед сразу валил в сон. Тишина, прерываемая лишь голосом и толчками наряда: «Вставай в охранение!» Дивизия имела врага с 4-х сторон.

1 (14) декабря. Рано туманным утром на участке 2-го полка раздался выстрел. Когда роты выбегали из домов, пули уже неслись вдоль улиц. Ясно, охранение просмотрело, а стояло оно на самой окраине. Без команд марковцы неслись на выстрелы. Выскочили пулеметы. Короткая стычка, и противник бежал.

Спокойно пообедали. А потом приказание: батальону 2-го полка выбить противника из поселка Кочеток, в 4-х верстах к северу от города, и уничтожить там мост через Донец. Вперед поехало четверо верховых и, не встретив никого, въезжают в поселок. И вдруг из дома выходят четверо, на одном венгерка, отороченная мехом.

– Вы кто? – спрашивают их.

– Мы ваши, товарищи, мы ваши, – отвечают они на ломаном русском языке.

В этот момент из домов выбежали вооруженные красные. Уложив этих четырех, всадники поскакали назад.

Батальон подходил к поселку. Одна из рот отправилась к мосту. Но батальон оказался охваченным слева и стал отходить. Прижатая к реке рота стала перебегать на другой берег. Рядовой Селиванов со своим «Люисом» сдерживал противника, а при переходе через реку он и пятеро других провалились на льду и утонули.

Когда батальон отходил в исходное положение, у Чугуева уже шел бой по всей западной окраине города. Красные наступали большими силами на 1-й и 2-й полки, но были жестоко отбиты. Наступали части 46-й стрелковой дивизии, 14-й красной армии. На следующий день они повторили наступление, и опять неудачно. До вечера противник уже не тревожил, а в 20 часов марковцы покинули Чугуев и сосредоточились в селе Малиновка.

3 (16) декабря дивизия выступила по большой дороге на Купянск. Красные и зеленые сжимали кольцо вокруг нее. 3-й полк выбил их из села Коробочка. Арьергард сдерживал противника. Сильный разъезд от дивизии, обеспечивающий ее с юго-запада, подвергся нападению и потерял несколько человек. Высланный туда отряд сжег деревню.

С наступлением ночи дивизия собралась в деревне Граково. С нею большой обоз с ранеными и больными. Предполагали, что она идет к Купянску на присоединение к генералу Шкуро. Но оказалось, что Купянск уже сдан, а красные от Купянска наступают в направлении на Изюм, в тыл Добровольческому корпусу. Марковской дивизии приказано прикрыть эту дорогу, для чего 2-й и 3-й полки должны идти на погрузку на станцию Шаблиевка, чтобы быть переброшенными срочно к Изюму. 1-й полк, как наиболее сильный, должен идти туда пешим порядком, взяв прямое направление. Ему придется пройти свыше 50 верст по лесной местности, занятой зелеными.

Ввиду того, что для погрузки полков давалось ограниченное число вагонов, было приказано все тяжелые пулеметы, обозы полков и батарей отправить особой колонной в Изюм через станцию Балаклея. Прикрывать ее назначена команда в 50 штыков.

4 (17) декабря дивизия расходится. 2-й и 3-й полки со своими батареями и транспортом раненых благополучно доходят до станции Шаблиевка. Немедленная погрузка по 50 и более человек в вагон и по 12 лошадей. Но обозная колонна, растянувшаяся свыше чем на версту, подверглась нападению зеленых. Голова ее под прикрытием команды проскочила, хвост – пулеметные команды – успел свернуть в сторону и, уже разбившись по группам, самостоятельно пробирался к железной дороге; третья часть, главным образом, обозы, была захвачена зелеными.

1-й полк, пройдя 12 верст, узнает, что село Волхов Яр, через который он должен идти, занят противником, но узнает еще и то, что деревня в трех верстах влево от него тоже занята. Полк останавливает-

ся и высылает влево батальон, чтобы выбить из этой деревни противника, могущего ударить в тыл полку, когда он будет наступать на село. Бой батальона с оказавшимися перед ним эстонцами закончился неудачей: эстонцы в порядке отошли на короткое расстояние. Пришлось подтянуть весь полк, а ночью стало известно, что они ушли к Волхову Яру.

Утром полк повел наступление на село. Красные имели артиллерию и оказали упорное сопротивление, но, обойденные с флангов, бежали, понеся большие потери, несколько пулеметов и в числе пленных – начальника штаба эстонской бригады, бывшего офицера Генерального штаба.

Полку был дан двухчасовой отдых и выдан обед. Но пообедать спокойно не пришлось: эстонцы внезапно атаковали и снова жестоко поплавились. За день они потеряли до 300 пленными, которых выступивший дальше полк с собой не взял. К вечеру он пришел в село Бригадировка, встреченный лишь небольшой стрельбой.

На 3-й день полк, имея столкновение у села Крючки, где взял один пулемет, пришел в село Кунье, где ему приказано было оставаться впредь до получения приказа. До Изюма было 15 верст, в десяти верстах восточнее которого уже стояли 2-й и 3-й полки.

6–7–8 (19–20–21) декабря полки сдерживали наступление эстонской дивизии на Изюм, а затем, когда корниловцы отошли к городу, двигаясь к югу перекатами, остановились перед Славянском.

9 (22) декабря. Охват правого фланга корпуса продолжался, но уже 3 стрелковой дивизией, которая перешла реку Северский Донец и подошла к Славянску на 25 верст, тогда как корниловцы еще находились в 40 верстах к северу от него. Четыре батальона марковцев сдерживали красных перед городом, и три батальона – несколько севернее; а два батальона стояли в тылу, обеспечивая его от «махновцев», как здесь уже называли зеленых. Кругом леса.

Если зеленые, с которыми приходилось иметь дело до этих мест, представляли собой группы или отряды дезертиров и скрывавшихся большевиков, то махновцы были уже не только группы и отряды, а чуть ли не все крестьянское и рабочее население района.

Одна из пулеметных команд, выскочившая от зеленых в леса и избегая леса, шла несколько западнее. В одном селе к ее начальнику пришла делегация от «Союза обороны» и вежливо предложила сдать оружие. За этой «вежливостью» крылась серьезная угроза. Начальник команды вежливо заявил – не будет выдано даже одного патрона. Делегация настаивала. Команда приготовилась «к бою». Не вступая в долгие «переговоры», начальник команды заявил: будет хотя бы один выстрел, от села останется пепелище. Отдохнув, команда спокойно оставила село.

10–11 (23–24) декабря сильные бои к востоку от Славянска с упорно наступающим противником. Марковцы подавались назад. В сумер-

ках 11-го (24) они отбили атаки в 5-6 верстах от города, в который отходили корниловцы.

Ночью дивизия получила приказание идти в Бахмут.

Она отводилась в резерв. Ее место на правом фланге корпуса заняла свежая 2-я пехотная дивизия, переброшенная с Грузинского фронта, занявшая участок вдоль южного берега реки Северский Донец, повернувшей свое течение на восток. Теперь уже противник не мог так свободно обходить Добровольческий корпус справа.

Марковская дивизия выполнила свою тяжелую задачу, от Ельца находясь бессменно на фланге корпуса в обстановке и условиях исключительно тяжелых. Она таяла, не получая пополнения. Лишь в Славянске, наконец, к ней присоединилось до 150 марковцев, пехотинцев и артиллеристов, тщетно искавших ее с момента оставления Белгорода.

В Славянске осталась из-за забитости путей санитарная летучка дивизии. Часть раненых и больных в ней была перебита красными, а другая гибла в течение ряда дней от холода, голода и отсутствия какой бы то ни было помощи. Напрасны были мольбы врачей и сестер милосердия.

Еще в Изюме стало известно о назначении 27 ноября (10 декабря) Командующим Добровольческой армией генерала Врангеля вместо генерала Май-Маевского. Общая радость и подъем. В генерала Врангеля верили. Хотя назначение и запоздало, но, во всяком случае, он не допустит развала и поражения армии. В приказе генерал Врангель писал:

«Я требую исполнения каждым долга перед Родиной. Перед грозной действительностью личная жизнь должна уступить место благу Родины».

«С нами тот, кто сердцем русский, и с нами будет победа».

Наконец-то, спустя месяц, услышали марковцы голос своего Командующего армией.

СНОВА В ДОНБАССЕ

12 (25) декабря. Ночь и часть дня; проделав сорок верст, части дивизии собрались в Бахмуте. Однако дивизия не в полном составе. Инженерная рота отделилась еще в Белгороде, отошла на Купянск, а затем к Ростову для возведения перед ним укрепленной линии. Три батареи были отведены в резерв армии, а одна придана корниловцам. Не подошли еще все пулеметные команды и обозы.

Боевой состав дивизии был приблизительно такой: в 1-м полку – 800 штыков; во 2-м и 3-м – по 550; в полках – по 20 тяжелых пулеметов; в конных сотнях – по 60-100 пашек. При ней – 14 орудий и фор-

мирующийся конный дивизион в 200 коней, в который генерал Тимановский приказал передать почти всех лошадей; дивизион частично без седел и, конечно, необученный, годный лишь для разведки.

В Бахмуте во 2-й и 3-й полки было влито пополнение до 200 чинов расформированной стражи и 15 юношей-добровольцев. Дивизия представляла собой солидную силу численно, но морально...

К своему начальнику приходит отличный боец, к которому было полное доверие.

– Господин капитан! Вы меня знаете не первый год и знаете с хорошей стороны. Я пришел вам честно сказать, что ухожу домой. Мое село у Купянска. Что с моей женой и ребенком, не знаю. Я не красный, не служил у них и служить им меня не заставят.

Капитан приказал сдать коня и оружие, за исключением револьвера, и уйти так, чтобы никто не знал. На прощание они обнялись.

В команде конных разведчиков одного батальона было 11 человек махновцев. Их наверховал один из них, старший унтер-офицер, еще когда полк шел на север. Отличные были бойцы. А когда отходили по лесам, тот же унтер-офицер сказал своему начальнику: «Армия отходит, и мы решили разойтись по домам».

– Ну что ж? Коли так, прощайте! – только и мог сказать начальник, удерживать, отговаривать их он не стал.

Капитан Орлов, георгиевский кавалер, из мобилизованных, как-то заметил бывшим с ним офицерам: «Теперь я не верю в победу». Ему не возражали. Немного спустя он снова сказал: «Бороться дальше бессмысленно». На это ему горячо возразили, напомнили о Чести и Долге. Видимо, мучительно поборов себя, он тихо сказал: «Я кончил воевать». В одну из ночей этот офицер исчез.

Большим моральным ударом было, когда в Бахмуте узнали о разложении казаков. Справится ли с развалом их генерал Врангель?

Тем не менее, несмотря ни на что, у марковцев было решение сначала молчаливое, а затем и открыто высказываемое: «А продолжать бороться мы все же будем!» Как было не прийти к такому решению, когда им говорили женщины, дети, старики, пусть немногие:

– Неужели вы оставите нас? Если уйдете, то хоть возвращайтесь скорее. К Рождеству возвращайтесь!

Были среди бойцов разговоры и на боевые темы.

– Ну что ж? Начнем опять с обороны Донбасса.

– Вероятно нам придется вообще аннулировать весь этот год, уйти в казачьи области и оттуда начать новый поход.

– А если красные помешают?

– Помешают? Пройдем силой.

У марковцев было лишь одно представление: если суждено отходить, то только на Дон, хотя и знали, что можно отойти на Крым и, безусловно, с меньшими усилиями. Дон, Кубань, вообще весь Северный

Кавказ – базы армии, места наиболее настроенного против большевиков населения. Оттуда только и можно собраться с силами и снова начать наступление. Там почти все их раненые и больные – верное пополнение. Даже если бы марковцы и знали, что творилось в это время на Кубани, если бы и знали, что на верхах командования были разные мнения, на Дон или на Крым, то их суждения все же склонялись бы – на Дон. То, что им и всему корпусу придется, может быть, пробиваться на Дон, имея дело с кавалерией Буденного, их не смущало.

Ночь. Где-то началась стрельба, но дежурная часть быстро разогнала осмелевших шахтеров. Приказ: утром дивизия выступает в район Дебальцево с ночевкой в селе Луганское. Выступать двумя колоннами: левой, северной – полки, батареи; южной – обозы с прикрытием. Возможна встреча с конницей Буденного.

13 (26) декабря. Выступление в 5 часов. Еще темно. В боковых улицах видны группы шахтеров. Что-то зловещее в их виде. Вот из центра города уходит последний батальон, и за ним слышен грохот, шум...

– Толпа громит магазины! – докладывают командиру батальона.

– Батальон, стой!

Взвод возвращается на площадь и дает несколько залпов по толпе. Последняя разбегается. Уже горит дом. Впечатление тяжелое, нервное.

Ночевка в Луганском в полной готовности. Пошел дождь.

15 (28) декабря – выступление под дождем и мокрым снегом. Доложили о дезертирстве чинов стражи из бахмутского пополнения. – «Черт с ним!»

Части расположились: 1-й полк – в Чернухино, 2-й – два батальона на станции Баронская и в ближайшей к ней деревне, 3-й – на станции и поселке Дебальцево; в резерве на станции Чернухино – батальон 2-го полка и команда разведчиков со штабом дивизии.

Дивизия заняла центральный участок в Донбассе с задачей прикрыть железную дорогу на Ростов, дать корпусу (остальные части армии отходили на Крым) пройти Донбасс. Участок дивизии был хорошо известен по боям марта и апреля этого же года. Тогда он занимался полком в 150 штыков при 4 орудиях, теперь – дивизией в 2000 штыков при 14 орудиях и значительно большем числе пулеметов. Не было лишь бронепоездов. Донской «Казак» со вспомогателем Марковской железнодорожной роты стоял на станции Чернухино, но он имел задачу курсировать по линии на станцию Лихая.

Дивизия подготовилась к обороне.

«Нам выдали ружейное масло, и было приказано вычистить и смазать винтовки, пополнить носимый запас патронов... Настроение было приподнятое, и мы с удовольствием ждали встречи с Буденным. Я не знаю, да и не думаю, что кто-нибудь из нашей команды в 120 штыков

знал о положении на фронте. Наша команда (разведчиков 1-го полка) была хороша. Капитан Шевченко был смел и любим солдатами».

В других частях дивизии настроение было несколько сниженное, но кадры не упускали ни одной минуты, чтобы поднять его. В плохом положении оказался 3-й полк, стоявший на Дебальцево, там чувствовалось враждебное настроение среди рабочих. Слабых оно удручало, сильных озлобляло, но всех подбадривала погода – начало подморазивать, падал снег, конец грязи.

Ночь прошла спокойно.

16 (29) декабря. Утром дивизия на передовом фесе фронта. Кубанцы, пройдя вправо от нее, подались к востоку; слева на линию Дебальцево – Никитовка отошла 2-я дивизия. Впереди показались разьезды противника, постепенно охватывающие ее с флангов.

В полдень – неожиданность: посланный во 2-ю дивизию разьезд для связи едва не был захвачен и прискакал обратно. Что во 2-й дивизии – неизвестно. Возможно все, и командир 3-го полка отсылает обоз на юг по единственной дороге, пересекающей лощины через села Дебальцево и Ольховатка. Через три часа – новая неожиданность: на обоз напала конная часть противника. Красная кавалерия обходит дивизию. Из штаба приказание: полку обеспечить себя с юга. За правым флангом дивизии красной кавалерией заняты станция и село Фашевка, 10 верст южнее расположения дивизии. Сообщается однако, что на станции Бесчинская, в 50 верстах к югу, выгружается Корниловская дивизия.

Командир 3-го полка, капитан Савельев, выслушивает информацию командиров батальонов, касающуюся местности и могущих быть затруднений для полка в случае отхода. Он не был в полку, когда в начале года здесь были бои. Говорили о лощине за дивизией, непроходимой для артиллерии, обозов и даже пулеметных тачанок. Говорили, что в этой лощине погиб полковник Булаткин. Говорили, что ее можно обойти только с востока, и если полку придется обходить лощину, то предварительно нужно будет идти верст 15 вдоль фронта к станции Чернухино. Туда две дороги; одна вдоль железнодорожной ветки, несколько круговая, с приближением в сторону противника; другая идет через глубокую балку. Первую может пересечь противник, вторая может быть тяжелым препятствием.

Все беспокоятся, но мнение у всех одно – будем биться. Капитан Савельев молчал, слушал как-то рассеянно и наконец сказал: «Генерал Тимановский сильно болен. Никому об этом не говорить».

«Меня больше всего беспокоило состояние начальника дивизии. За последние дни он осунулся, сгорбился и перестал интересоваться окружающим. Молчал, думал без конца и, в довершении всех бед, начал пить чистый спирт. Наши неудачи сразили его, что-то у него в голове было не в порядке. Было ли это предчувствие близкой смерти?»

Неожиданно у него появилась высокая температура...» (Из записок начальника штаба полковника Битенбиндера).

В этот день совершенно оголился левый фланг дивизии. 2-я пехотная дивизия отходила под давлением кавалерии противника. В Енакиево в это время стоял запасной батальон 1-го полка, пулеметная команда и обоз, которые не знали о близости противника и готовились выступить утром следующего дня. Случайно несколько офицеров встретили отходящую кубанскую часть в 50-60 сабель, командир которой и сообщил им о приближении красных.

Сообщение было неожиданным и ошеломляющим. Ответы на заданные марковцами вопросы еще более поразили их. Оказалось, что кубанская часть, которую офицеры встретили, была не сотня, а полк, а офицер, с которым они разговаривали, командир полка. Он сказал, что кубанцы больше воевать не хотят и ушли к себе на Кубань, а это все, что осталось от полка. Такое же положение и в других кубанских полках.

Марковцы были настолько поражены, что больше не задали ни одного вопроса. Махнув безнадежно рукой, замолчал и командир Кубанского полка... «Уходите!» – только и мог выговорить он.

Офицер-артиллерист, служивший в корпусе генерала Шкуро, так описал развал у кубанцев:

«Командир одного полка построил его и держал речь, призывая казаков к исполнению долга, и в конце речи объявил, что полк пройдет мимо него, и кто из казаков останется верным долгу, пусть выстраивается за ним, а кто решил ехать домой, пусть едет прямо. Это была горестная и трагическая картина. Из каждой сотни сворачивало 5-15 всадников, а остальные ехали прямо, запев свои кубанские песни. Оставшиеся печально смотрели на уходивших. У многих были слезы на глазах. Они считали себя обреченными, но чувство долга у них оказалось сильнее. Среди ушедших казаков не было офицеров и урядников». (Капитан Шкляр, позднее переведенный в Марковскую артиллерийскую бригаду).

Новости были потрясающие. Знали, что казаки не хотят воевать, не принимают атак красных, их сотни отходят перед небольшими разъездами... но что они уходят домой, узнали только теперь.

Офицеры поспешили к командиру батальона, полковнику Бржезицкому, но тот не поверил сообщению, хотел остаться до утра и отдал приказание лишь под твердым их давлением.

Полковник Бржезицкий не так давно принял запасной батальон. Первое впечатление от него было отличное: стройный, интересный, бодрый, общительный. В первые же дни он вошел в тесное общение с офицерами просто и непринужденно и даже рассказывал о себе: кадровым поручиком за революционное выступление в 1905 г. был разжалован и сослан в Сибирь; в 1917 г. получил свободу и для уравнивания в чинах со сверстниками чин полковника. Об этом он говорил не без

гордости. Как он попал в Добровольческую армию, оставалось неизвестным, но совершенно ясно для всех, что он не питает острой ненависти к большевикам. Офицеры стали внимательно присматриваться к нему. Он не высказывал никакого интереса к полку, для которого готовилось пополнение, к своим обязанностям относился формально, его распоряжения были легкомысленны, его совершенно не беспокоили события на фронте. В результате – к нему родилось недоверие.

15 (28) декабря. Крепкий мороз, вызвавший гололедицу, слегка прикрываемую падающим снегом. Беспокоятся пулеметчики и артиллеристы. Светает, и открывается картина: огромные цепи пехоты на всем фронте дивизии идут в наступление. И неожиданно приказ: дивизии отходить, так как справа красная кавалерия уже в селе Грабово; слева обходит лощину; для дивизии в двадцати верстах к югу остается проход верст в 15-20. Корниловцы же находятся южнее села Грабово в 15 верстах.

При занимаемом дивизией положении все ее части могут отходить лишь через станцию Чернухино, а для этого нужна последовательность: 3-й полк может начинать отходить лишь тогда, когда от станции Баронской отойдут два батальона 2-го полка; 1-й полк – когда пройдут 2-й и 3-й полки. Обеспечивать обход лощины должен резерв. Дивизия будет отходить вдоль железной дороги всего в 10 верстах от противника.

9 часов утра. Батальоны 2-го полка начали отходить от Баронской уже под обстрелом; когда фланговый батальон подходил к дороге на Чернухино, красные уже были у нее, потеснив правый фланг 3-го полка. Наступали части 9-й стрелковой дивизии. Совместно с 3-м полком он отбросил красных и пошел к Чернухино. Настало время отходить 3-му полку. Но он отбивает натиск противника; он в горячем бою. Задержка.

Постепенно его части уходят со станции и поселка Дебальцево, и опять задержка: рабочие стреляют по прикрывающим отход взводам, которые бросились в дома и улицы, откуда раздавались выстрелы. Пощады не было. Пока ждали выхода всех из поселка, красные опять потеснили правый фланг и пересекли дорогу на Чернухино; подошли их части и со стороны Баронской. Для 3-го полка осталось или прочищать себе путь по большой дороге, имея противника с трех сторон, или идти прямо по дороге через лощину. Решено идти кратчайшим путем. В аррьергарде батальон и конная сотня медленно отходят, задерживая и отбрасывая красных. Наконец им приказание – остановиться и держаться.

Время идет и приближается вечер, а батальон стоит. Но почему задержка? К командиру батальона подъезжает капитан Савельев.

– Вы перейдете в авангард. Будете идти на станцию Чернухино со всеми предосторожностями. Узнать, кто на станции. Там должен быть

1-й полк. С вами батарея, – говорит он с нескрываемым сильным волнением.

От балки подходит батальон, и на ходу проводится смена.

– Что случилось?

– Увидишь.

Когда батальон подошел к лощине, причина задержки стала ясной: спуск в лощину был довольно крутой и обледенелый. Как раз в это время по узкой дороге спускался зарядный ящик на всех тормозах и канатах, с помощью которых артиллеристы и пехотинцы старались задержать скольжение вниз, цепляясь за кусты. Лошади сводились отдельно. На дне лощины на узком пространстве все разъединенные части собирались воедино. Батальон без задержки спустился вниз. Подъем оказался более пологим, и артиллерийский взвод легко взял его.

Уже темно. Где-то слышны редкие выстрелы. Впереди, вероятно на станции, зарево пожара. Высылаются двое верховых, которые возвращаются с сообщением: на станции красные. Посылается донесение командиру полка.

Положение ясное: придется полку атаковать станцию, чтобы выйти на дорогу на юг. До станции около двух верст. Высланная влево рота подошла к железной дороге и без выстрела захватила стоявший у будки караул. Пленные сообщили, что на станции расположились 105-й и 108-й полки 12-й стрелковой дивизии, а остальные части в Чернухино. Все данные для успешной внезапной атаки. Посылается второе донесение.

Время идет, а полка все еще нет. Не возвращаются и ординарцы, нет приказаний. Притаившийся батальон замерзает. Становится очевидным – он с двумя орудиями предоставлен своей участи. И командир батальона решает уводить его «на авось», взяв направление несколько южнее станции, и выйти к железной дороге, идущей на юг. Мерзлая земля облегчала батарею движение по полю, а слой снега смягчал ее грохот. Ни одного выстрела. Вот и железная дорога... В полночь батальон пришел в Никишины хутора. Никого. «Ваши уже давно ушли», – сообщили жители. Но нет уже сил. Объявлен отдых до утра. А через два часа в хутора пришел и полк. Он не пошел за батальоном, посланным в авангард, а двинулся по лощине в южном направлении. Его вел проводник из лощины в лощину. Понадобилось 8 часов, чтобы пройти 10 верст. В хутора пришли все измученными, нервными. Через несколько часов полк установил связь со штабом дивизии, прервавшуюся в полдень минувшего дня.

За это время...

1-й полк в течение дня сдерживал наступление 12 стрелковой дивизии на село Чернухино. Охватываемый справа, он отошел к станции, продолжая вести бой. Прошли батальоны 2-го полка, но нет еще

3-го полка. Уже темно. Уже и на станции полк охвачен. Прошли все сроки, и он оставил станцию. Ему было приказано выделить отряд для ночного налета на село Фашевка. Подходя к селу, отряд увидел, что из него выезжала красная кавалерия. Налет не удался, и отряд пошел на присоединение к полку, остановившемуся на линии хуторов Струков, южнее Никитиных хуторов.

2-й полк быстрым маршем шел к югу. Ему дана задача занять хутор Рассыпной и село Грабово и один батальон назначить в резерв дивизии на станции Рассыпная. Но в пути, ввиду потери связи с 3-м полком, который должен был стать в селе Н. Орловка, батальон, предназначенный в резерв, пошел в это село обеспечивать дивизию с запада. В Рассыпной красных не оказалось, но налет на Грабово удался в полной мере: противник не ожидал и в беспорядке оставил село, потеряв оседланных коней и пленными несколько буденовцев 6-й кавалерийской дивизии.

В штабе дивизии крайнее беспокойство: тяжелое положение дивизии и пропал 3-й полк. Большой генерал Тимановский вне себя. На него едет начальник штаба, полковник Битенбиндер. Ночь. На него насакивают несколько всадников. Свои. Полк ищут на южном краю лощины, а он вышел впереди расположения 1-го полка на восточный ее край. Наконец, связь установлена, и 3-му полку приказано идти в Н. Орловку.

17 (30) декабря. Так, только с рассветом дивизия благополучно отошла на новый участок в 12-15 верстах южнее. Минувшие сутки стоили больших испытаний, но и наступивший день не дал ей ни покоя, ни отдыха. Ее фронт имел вид дуги протяжением до 15 верст, на флангах которой висела кавалерия противника. Занят он был разбросанными батальонами, что совершенно не соответствовало обстановке. Каждый час приносил новые осложнения и ухудшал положение. Высланный сильный разъезд для связи с корниловцами, находящимися предположительно в районе станции Бесчинская, прискакал обратно, едва не попав в руки красных. Высланный в тыл в село Алексеево-Леоново обоз с охраной в 30 человек был захвачен противником.

Следуют распоряжения: дивизии сосредоточиться у станции Рассыпная; команде разведчиков 1-го полка – немедленно на станции Чистяково. Едва прибыв туда, она отбрасывает дивизион красных, вышедший из села Алексеево-Леоново. Когда шло сосредоточение дивизии, лавы красных уже надвигались с севера и востока и маячили с запада. Батальон 2-го полка в Рассыпном, чтобы дать отойти 1-му полку, задержался и отбил атаку. Появились лавы и с юга. Атака на станцию была отбита.

Воспользовавшись некоторой заминкой противника, дивизия стала отходить тремя колоннами: правая – 2-й полк – вдоль западной сто-

роны железной дороги; средняя – 1-й полк; 3-й – в левой колонне. Лавы насаждают снова. Дивизия отходила медленно, перекатами, отбиваясь огнем. На полдороги ей грозила атака справа и в тыл, но выступление из Алексеево-Леоново полка красной кавалерии задерживает команда разведчиков.

Неуязвимость дивизии остановила наступление противника, и к вечеру 1-й и 2-й полки отошли на станцию Чистяково, а 3-й – в хутор Ольховчик, в шести верстах западнее. Мороз не меньше 10 градусов. Марковцами забиты все дома. Усталые лошади, тянувшие по полю пулеметы и орудия, покрытые чем попало, стоят не распряженные на улицах. Голодны они, голодны и люди.

На станции в состав грузятся раненые и больные и среди них совершенно больной генерал Тимановский. Связь с узловой станцией Иловайской есть, но сказано, что полной безопасности в пути нет. Через некоторое время сообщили – состав прибыл благополучно. О болезни генерала Тимановского и его эвакуации мало кто знал.

В штабе корпуса, естественно, должны были разгадать намерения противника. Было два предположения: или он будет стремиться отрезать путь отступления Добровольческого корпуса к Ростову, т.е. наступать в южном направлении, или, по ряду сведений, готовится нанести удар прямо на Ростов, чтобы, захватив его, не только пересечь путь, но и окружить корпус.

При быстро сменяющихся событиях для штаба корпуса отпадала агентурная разведка, не было времени производить и боевую разведку, кое-что мог дать опрос пленных буденовцев. Опрос ведет поручик Критский. Он составил сводку и, по принятому правилу, дал свое заключение: «Марковская дивизия находится под ударом».

Начальник штаба генерал Достовалов, прочтя сводку, спросил поручика Критского:

– Из чего вы вывели, что Марковская дивизия под ударом?

– Таково мое мнение на основании опроса, – ответил тот.

– Ошибка! Конная армия прет прямо на Ростов, – твердо заявил Достовалов. – Ее главные силы нацелены на Ростов. Они атакуют корниловцев.

– Ваше Превосходительство. Помимо вывода, разрешите сказать вам. Буденный не может идти на Ростов, оставив позади себя три наших дивизии.

Достовалов, уже в нервном и раздраженном тоне, возразил:

– Что Конная армия повернула на Ростов, говорят донесения и сообщения штаба армии. Немедленно повторить опрос!

«А может быть, и на Ростов! Мы не знаем», – отвечали пленные.

В штабе дивизии. К 23 часам созваны все старшие начальники частей. Не приехал лишь командир 3-го полка, капитан Савельев: ординарец, посланный за ним, ночью не нашел хутора, где стоял полк.

Открыл совещание, начальник штаба прежде всего сказал: «Начальник дивизии, генерал Тимановский, эвакуирован в тяжелом состоянии, и я, на основании устава о полевом управлении войск, вступил в командование дивизией». Затем он осветил обстановку. Корниловская, Марковская и 2-я дивизии прикрывают главную артерию эвакуации железную дорогу на Ростов; Дроздовская и конные части отходят вдоль нее. В данный момент 2-я дивизия находится примерно в 10 верстах к западу; Корниловская – примерно в 15 верстах к востоку. Точное расположение их неизвестно. Расположение противника: 6-я конная дивизия вклинилась между Корниловской и Марковской дивизиями; перед дивизией – 12-я стрелковая дивизия; 9-я стрелковая и части 4-й кавалерийской дивизий угрожают с запада.

Согласно полученной директиве, дивизия должна идти в восточном направлении и соединиться с корниловцами. Этой ночью она приступит к выполнению задачи. Ее марш – через село Алексеево-Леоново, хутор Ореховский на деревню Степановка. Где пройдет 2-я дивизия и когда, за отсутствием связи, неизвестно. Выступит дивизия в 5 часов. 1-й полк должен взять село Алексеево-Леоново и выдвинуться на бугры влево. Под его прикрытием остальные полки проходят вперед. Расчет на быстрое движение.

Затем полковник Битенбиндер предложил высказаться. Все начальники видели чрезвычайную сложность и трудность движения по указанному пути. Высказывались и опасения: дивизии придется переходить две лощины; будучи между ними, она будет иметь глубокую лощину и с третьей стороны и лишь одну дорогу к югу; с четвертой стороны – гребень, который обязательно должен быть занят частями дивизии. Эту задачу выполнить можно лишь при условии быстроты, глазомера и натиска. Однако, не вызовет ли задержек переход лощин по одной дороге? Было предложение идти не этой дорогой, а более южной, по другую сторону лощины. Но полковник Битенбиндер считал, что марш дивизии через село Алексеево-Леоново «отвечает обстановке и положению ее».

С совещания начальники расходились с беспокойным чувством: все ли взвесили, все ли учли? А каково состояние мостов через лощины? Каковы скаты лощин? Но теперь уже поздно. Нужно думать о выполнении каждым полком его задачи.

Начинает бои 1-й полк; за ним 2-й; 3-й – в арьегарде.

18 ДЕКАБРЯ

Ночь. Сильный мороз.

3-й полк на хуторе в лощине. Видимость по покрытой снегом земле до 1000 шагов. У марковцев обычная смена караулов и сон. Спят, как мертвые. Еще бы! Минувшую ночь провели в лощине в тяжелом движении. Но не до сна лицам ответственным.

– Ты не спишь? – спросил вошедший в дом офицер своего соратника, при слабом свете лампы что-то записывающего в дневник. – После запишешь!

– Когда потом? Видишь, удобный случай. Да и есть, что записать! – ответил тот.

– Да-а-а, – протянул пошедший и затем сказал. – Зашел к тебе потому, что вспомнились мне март и апрель этого года. Помнишь? Тяжело было: вперед, назад, а в общем – ни с места. Как это пели тогда в шутку? Красные нажмут, а мы врассыпную драпаем на Рассыпную. А с Рассыпной не было пути иного, драпали на Чистяково. Но с Чистяково всегда лишь на «ура», вперед на Никитины хутора... Теперь как-то не до шуток... Ну, пойду!

Наконец прибыл ординарец из штаба дивизии, и в 4 часа полк выступает на Чистяково. Сборы коротки, и полк «длинной и тонкой змейей» вытянулся по дороге. Колонна шла спокойно, без шума, без единого слова. Хрустел лишь снег под ногами. Темное звездное небо не далее как в 1000 шагах сливалось с землей, покрытой снегом, далее начиналась неизвестность.

Около 5 часов, когда полк пришел на станцию, там выстраивались части дивизии, а 1-й полк уже ушел.

– Командира 3-го батальона к командиру полка! – передали по колонне.

– Ваш батальон остается на станции в арьбергарде дивизии, – торопясь и сухо говорил капитан Савельев. – Немедленно смените охранение 2-го полка на северной и северо-западной окраинах. Задача: оставаться до тех пор, пока полк не войдет в село Алексеево-Леоново. Вся дивизия идет через это село. Затем догоняйте полк.

1-й полк должен был начать атаку села еще в темноте, но задержался и начал ее с рассветом. С потерей 15 человек село было взято. Левый фланг полка обеспечивала команда разведчиков.

«Мы быстро, чуть стало светать, заняли нашу позицию возле мельницы. Сначала наша артиллерия сильно била, и мы видели, как конница Буденного была выбита из села, и наша дивизия с многочисленным обозом втягивалась в него».

Алексеево-Леоново – большое село, растянувшееся с севера на юг по обе стороны лощины. Западная сторона его, на которую велась атака – низменная, восточная – возвышенная. Обе эти стороны в южной части села соединялись единственным мостом.

«Было 10 часов. Противник начал обстреливать нашу команду артиллерийским огнем, и приблизительно в то же время последние части 3-го полка входили в село. Настроение у нас было прекрасное, и все думали, что все идет хорошо, так как дивизия заняла село».

Действительно, головной батальон 1-го полка занял возвышенную часть села и вышел на его северную окраину. Остальные батальоны

его шли через мост и должны выйти один за головным батальоном, другой на северо-восточную окраину села. Произошла задержка на подъеме: обледеневшую дорогу не могли взять пулеметные двуколки; лошади скользили, падали, им стали помогать проходившие роты

– Не задерживаться! Вперед!

Головной батальон на северной окраине ждет подхода и батальонов и своих пулеметов. Он не может пойти вперед, если не обеспечен правый фланг (левый упирался в лощину, за которой стояла команда разведчиков). Впереди какие-то здания, и оттуда стреляют красные пулеметы. Выдвижение одной из рот стоило 20 человек потерь из 60. Наконец подъехали пулеметы, но пока разогревали воду в их кожных.

К командиру батальона, капитану Папкову, подскакивает командир полка, полковник Слоновский.

– Немедленно в атаку! Взять рудники! Вперед! – кричит он. Капитан Папков, всегда хладнокровный, спокойный, всегда оценивающий обстановку, а действующий смело и решительно, возражает.

– В атаку! – вне себя кричит полковник Слоновский.

– Батальон... Вперед! – командует капитан Папков.

А между тем, на подъеме улицы шла тяжелая, тревожная «осада» пулеметными двуколками, подводами с патронами, батареей, приданной 1-му полку. Много времени уходило на то, чтобы двумя уносами вытянуть одно орудие, затем другое, зарядные ящики... Крики, шум...

1-й батальон быстро идет вперед под пулеметным огнем. Сзади разворачивается другой батальон. Третий разворачивается на северо-восточной окраине, против которой уже лавы кавалерии.

Атакующему батальону остается 300-400 шагов; вот-вот он ринется в атаку. Но внезапно из-за рудников вылетают густые лавы. Момент, и цепи батальона смяты. Лавы не задерживаются, летят к селу и сминают другой батальон. С первым кончают следующие волны лав. Красные перешли в атаку всем своим фронтом, обтекая село с востока.

Эту картину видела команда разведчиков на другой стороне лощины.

Слева показались тучи кавалерии. Я видел, как рубили первый батальон – высокая фигура капитана Папкова в белой «маньчурской» папахе, по которой молотили шашки, останется у меня в памяти до смерти. Мы хотели броситься на помощь, но – грозный оклик: Стой! Назад!

Правее – такое же и с сопротивляющейся группой капитана Цветкова.

Передняя лава красных, подскакав к селу, спешивается и ведет наступление по нему, где в панике скачут подводы. Лавы, охватывающие село, отбрасываются, но их фланг обтекает село глубже по всей вос-

точной окраине. Два орудия, первые поднявшиеся на гору, вылетают на окраину и успевают дать только два выстрела. Из села вылетают в атаку сотни штаба дивизии и 1-го полка. Красные отскакивают перед ними, но атакуют их во фланг. Сотни отлетают к югу и окончательно выходят из боя.

Бой в селе. 1-й полк совершенно расстроен. Еще держится батальон на восточной окраине, но за ним в селе красные.

2-й полк еще в селе, вдоль улицы через мост. Он расстроен всем, что происходит на подъеме. Руководства им нет.

3-й полк на западной окраине отбил атаку кавалерии, но уж наступает пехота. На улице, на площади – затор: батареи, пулеметы, подводы. Командир батареи видит наступающих красных, ставит как-то одно орудие на позицию и... выстрел. Произошло что-то невероятное: лошади рванулись в стороны, все смешалось.

«Начальник команды быстрыми шагами шел к нам; как только приблизился, приказал немедленно построиться и следовать за ним. Спустившись в село, мы увидели роту 3-го полка, с колена залпами отбивающую атаку конницы. Миновав обозы и выйдя на западную окраину села, мы увидели, что прямо на нас несется с двух сторон конница. Начальник приказал остановиться, и мы из-за плетней залпами на расстоянии ста шагов отбили атаку и двинулись в направлении ручья» (поручик Майборода).

Поручик Незнамов дает некоторые подробности:

«Обозы, в которые врезалась кавалерии, помчались вперед. Одно орудие проскочило мостик, но сломало его; второе застряло на нем. Обозы кучей... Когда на нас налетела кавалерия, мы в упор отбили ее, побивав многих».

Капитан Шевченко увидел ясно, что сопротивляться больше невозможно, и стал выводить свою команду.

Но что с арьегардным батальоном? Он оставлен на станции. Светает. Показалась колонна кавалерии, идущей вдоль полотна по обе стороны. Под пулеметным огнем она быстро спустилась в лошину и скрылась в ней. Перед батальоном она может появиться в 600-800 шагах. Это не страшно. Но показался бронепоезд. Он вошел в выемку. Показались и цепи пехоты красных. Батальон уже чувствует свое полное бессилие: с ним не уставлено ни одного орудия. Бронепоезд приближается к станции.

Из лощины на левый фланг батальона вышла лава, но под обстрелом скрылась обратно. Начал огонь бронепоезд, целясь по стреляющим пулеметам. Безднадежно оставаться здесь батальону, хотя еще виден хвост колонны дивизии. Батальон начал отходить. Едва он вышел из поселка, как кавалерия атаковала его, но неудачно. Отойдя еще не-

много, он оказался под обстрелом бронепоезда справа. Батальон принимает несколько влево, но не может не только обороняться, но и, самое главное, обеспечить тыл дивизии. Выход один – перейти небольшую лощину и занять позицию на противоположном высоком ее крае. Там он видит на западной окраине 3-й полк, до левого фланга которого нет и полуверсты. Позиция отличная, фланкирующая подступы к селу.

Внезапно слева на него налетает дивизион кавалерии, который отбит. Однако батальон уже не может оставаться на этой позиции, он должен был отойти за другую небольшую лощину. В момент перехода он снова подвергся атаке и снова отбил, потеряв 16 человек.

За следующей лощиной батальон оказался лишь зрителем агонии дивизии в Алексеево-Леоново, поставив себе задачу не допустить противника обойти и вторую лощину и отрезать путь отхода выбиравшимся из села по большой лощине, шедшей из него.

АГОНИЯ

Красная кавалерия уже охватила село и с юга. Село окружено. Пулеметы красных на тачанках бьют по всем, кто пытается из него выйти. Но вот одна из пулеметных команд 2-го полка, пробив себе дорогу через дворы и выехав на окраину, открыла огонь. Кольцо с южной стороны разжалось, и команда, двигаясь перекатами, дошла до лощины и с ней десятки пехотинцев и два орудия. Крутой спуск в лощину, а в ней – обрывистое русло речки. Одно орудие выехало, другое застряло и было брошено. Спустя некоторое время, за ними понеслись еще два орудия, но были настигнуты красными.

В село на главную улицу с востока безнаказанно въехали красные. Они мечутся среди подвод. И вот, командир 8-й роты 1-го полка капитан Букин, бывший со своей ротой на северо-восточной окраине и видя полное расстройство сопротивления, оттягивает роту к южной окраине и выходит на главную улицу. Красные очищают этот район села. Но тут капитан Букин видит красных к югу от села; рота открывает огонь, и дальнейший путь к югу, к большой лощине, свободен. Рота, отстреливаясь, доходит до спасительной лощины, прикрыв отход десяткам человек и нескольким подводам с ранеными. Последних вывезла сестра милосердия роты, Ольга Елисеева. Она не только перевязывала и клала на подводы раненых, но с револьвером в руке останавливала бегущих, приказывала им... Благодаря ей вывезено было до 30 раненых.

За 8-й отходила к южной окраине 5-я рота поручика Бетьковского, сдерживая красных. Вот и она на главной улице, из которой выбила снова ворвавшихся красных. Ей оставалось, как и 8-й роте, пробиться

к югу, как в это время туда вышла из села команда разведчиков 1-го полка.

И вот что записал поручик Майборода:

«Не успев пройти от села и ста шагов, мы увидели тучу конницы, которая направлялась с южной стороны на нас. Все почувствовали, что дело идет о жизни и смерти. Командир приказал команде остановиться и выстроиться в две шеренги. Приказано было без команды не стрелять.

Конница с красными знаменами густыми большими колоннами неслась в нашем направлении. Вот 600, 500, наконец и 200 шагов. Слышна команда командира, который с браунингом стоял на правом фланге: «Пли!» Первый залп был как на учении. Снова команда – «Пли!» Второй залп, третий, четвертый...

После первого залпа в коннице началось смятение, но атака велась правильно; после второго – масса коней неслась во все стороны без всадников; после третьего – почти вся конница повернула назад, но некоторые всадники подскочили шагов на 50. После пятого залпа обоймы винтовок были израсходованы, но конница была уже в шагах 500–600 и отступала во всех направлениях.

Картина была неопиcуемая: по полю бегали лошади, люди, лежали убитые и раненые. Я как сейчас помню, какое почувствовал облегчение, точно проснулась жизнь.

В это время из-за нашего левого фланга выскочила сотня красных и повела атаку, которая была легко отбита, и мы спустились к ручью в лощине, которая скрывала нас от взоров и огня противника, обстреливавшего наши конные части, рассеянные по полю в двух верстах от нас. Из лощины мы стали подыматься на гору. Нас обстреливала частым и метким огнем орудий. Но противник нас не преследовал».

А поручик Незнамов так закончил свои воспоминания о бое команды:

«Благодаря капитану Шевченко команда удержалась, отбиваясь ружейным огнем, прикрыв отход других и присоединив к себе многих, вытащила и вывезла своих раненых. Помню сцены: поручик Ковалевский дает винтовку полковнику Битенбиндеру, командующему дивизией, шедшему в одиночку. Помню фигуру командира 5-й роты, поручика Вакха Бетьковского, которого чуть не убили, приняв за буденовца, он вел свою роту и присоединился к нам».

Команда разведчиков, 5-я и 8-я рота были последними частями, вышедшими из села. Здесь, на поле к югу от него, раздавались последние выстрелы. Одним, поручика Лебедева, спасен был полковник Битенбиндер: он сразил красного, занесшего шашку над его головой.

Но красные всадники еще не пробились к тому месту, где собственно и началась трагедия дивизии, к площади села, мосту и подъему.

У церкви все еще оставался хвост 2-го полка. Там была рота поручика Делюденко. Она оказала сопротивление вошедшей в село красной пехоте. Пал убитым поручик Делюденко, и кончилось сопротивление роты.

А на подъеме у моста с безумными усилиями торопились поднять подводы, батареи...

«6-я батарея несколько задержалась. С большим трудом ей удалось перейти по мосту через речку (мост тяжестью одного орудия провалился), но на подъеме батарея остановилась: лошади не могли втянуть орудий в гору. С помощью людей кое-как почти втащили 3 орудия, а над четвертым еще бились, когда на батарею налетела конница. Орудия были захвачены красными. Спаслось очень немного чинов батареи. Убито 5 офицеров, юнкер, несколько солдат».

В селе продолжалась лишь редкая стрельба: отбивались маленькие группы, не желавшие сдаваться. Раздавались и одиночные глухие выстрелы: это кончали с собой непримирившиеся.

Дивизия была в яме, окруженной противником. Получилось еще и так, что единственная лазейка из ямы, лощина с ручьем на дне, оказалась забитой подводами. Нужно было самообладание, чтобы не остановиться перед баррикадой, а пробираться сквозь нее. Но и эта последняя лазейка из ямы не давала полной гарантии уйти: по обе стороны ее были красные.

– Сдавайтесь, чернопогонники! – кричали вплотную подсакивавшие красные всадники. По ним стреляли. Те отскакивали, и тогда стреляли их пулеметы.

Редкая цепочка марковцев уходила по этой лазейке, отстреливаясь направо и налево. Командующий 3-м полком, капитан Савельев, пробирался по ней верхом со своим ординарцем.

– Господин капитан! Я сорву флажок, – сказал ему тот, который на древке имел полковой значок, и... упал, сраженный пулеметной очередью. Марковцы, шедшие с ручными пулеметами «Люиса», отстреливались. Окончательно закрыть последний выход из села красным удалось не сразу.

Так выходили из села под двусторонней опасностью с версту и более, пока не добрались до большой лощины, где опасность грозила только с одной стороны. Увеличились надежды выбраться, уверенней и спокойнее стали отбиваться.

Одни смогли уйти, другие остались, раненые и убитые устлали лощину и село своими телами. Исход из села постепенно прекратился.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОСТАТКОВ ДИВИЗИИ

Было около 13-14 часов. Красные не преследовали. Их эскадроны строились в колонны у села, а другие в лавах оставались стоять на

краю лощины, ведя редкий ружейный и пулеметный огонь. Из села стреляла батарея.

Те, которые вышли из села последними, собравшись в группы, продолжали уходить по лощине, готовые сопротивляться, и в условиях уже более благоприятных: красным пришлось бы спустаться с крутого края лощины и переходить обрывистую речку.

Это ли или что другое удерживало красных от того, чтобы довершить разгром? Может быть, они не решались потому, что им пришлось бы атаковать в порядке отходившие цепи команды разведчиков 5-й и 8-й рот и стоявшую в версте цепь 3-го батальона 3-го полка? Может быть, их сдерживала колонна пехоты, идущая в двух верстах южнее лощины, атаковать которую их уже сильно потрепанными силами было немислимо? Это проходила 2-я пехотная дивизия.

«По тракту шла дивизия, – записал поручик Незнамов, – мало обозов, пулеметы на одинаковых повозках, порядок в пехоте. Наше начальство бросилось просить помощи. Мы, несмотря на смертельную усталость, уже приготовились броситься на буденовцев, спасти обозы, артиллерию, раненых... Но командир идущего полка заявил, что за ним идет огромная колонна красных и все, что он может сделать, это дать патроны и принять нас к себе. На душе было очень тяжело. Все пропало – оружие, раненые, сестры...»

В стороне от проходившей 2-й дивизии стоит группа – видимо, штаб. К нему спешит командир арьергардного батальона.

– Ваше Превосходительство! Марковская дивизия гибнет. Окажите ей помощь!

– Марковская дивизия свою задачу выполнила! – был ответ.

Батальон пристроился в хвост 2-й дивизии, за ним дивизион Черноморского конного полка.

Дорога шла на сближение с большой лощиной, разделявшей противников. Еще дальше она пересекала эту лощину. Казалось, неизбежно столкновение. Но его не произошло: красные ограничились сильным пулеметным обстрелом, под которым 2-я дивизия должна была остановиться. Батальон марковцев не остановился, продолжая идти по дороге, пересек лощину и так прошел до 8 верст, когда только увидел группу всадников. Оказалось – штаб Корниловской дивизии. Батальон был направлен в Степановку, чтобы там связаться с корниловскими частями. Ночью ему приказано идти в Ростов.

Главная масса марковцев, вышедших из боя, собралась верстах в 30 к югу, в Успенском. Здесь было около 300 пехотинцев с 20 тяжелыми и легкими пулеметами, артиллеристы с лошадьми и одним орудием, десятки подвод. Первая мера полковника Битенбиндера – связать всех рассыпавшихся по району марковцев и объявить им о переходе в Ростов; вторая – снятие с командования 1-м полком полковника Слоновского. К этому марковцы отнеслись с горькой иронией: его

вина – лишь малая доля главной, основной вины. Но не до того им было в это время.

19 декабря (1 января 1920 г.). Марковцы разными путями направлялись к Ростову. Давно уже без связи с дивизией туда же отходил запасной батальон, обозы, команды, батареи, бывшие в резерве. На подводы было перегружено самое необходимое, что находилось в составах из-за полной забитости линии. Мало пострадавший арьергардный батальон ехал на подводах. Впереди видна высокая гряда – отличная позиция для обороны. Не на ней ли та «линия чести», о которой шли разговоры еще в Бахмуте? И действительно, на гряде лежали груды колев и мотков проволоки. Работали чины Марковской инженерной роты.

– Торопитесь! – говорили им.

Ночевка в селе Султан Салы. На следующем переходе навстречу шла колонна пехоты – Терский пластунский батальон. Пластуны, почти сплошь молодежь, шли с мрачными лицами, тяжелой поступью, согнувшиеся под тяжестью несомого каждым груза. Молча прошли они, молчали и марковцы. За пластунами ехало два орудия, оказавшиеся Марковской запасной батареей. Марковцы приветствовали марковцев, но вместе с радостью встречи была у тех и других тревога. Разгром дивизии потряс батарейцев. Была надежда на Терскую казачью дивизию генерала Топоркова, которая выступает на фронт. С добрыми взаимными пожеланиями разъехались соратники – одни в бой, другие залечивать свои раны. (Через несколько дней этот артиллерийский взвод погиб целиком).

В РОСТОВЕ

С 20 декабря (2 января) марковцы собирались в Ростове. Пришла большая колонна в 400 человек, потом – в 160, несколько небольших групп, колонна чуть ли не в сотню лошадей, десятки подвод, одно орудие, пулеметы на тачанках. Горожане остановились, смотрели на входивших глазами, полными недоумения, растерянности, ужаса... В самом деле – входили марковцы, которые были где-то под Орлом, а теперь здесь. Судьба города и их, жителей, определена: придут большевики, у некоторых текли слезы, а большинство, взглянув на входивших, усталых, унылых, поворачивались и уходили.

Марковцы расположились в центре города. Встречи, объятия... Жив? Расспросы: «Где А.?', «Что с Б.?'».

«Убит. Зарублен. Ранен. Оставлен раненым. Застрелился». Но чаще был ответ: «Неизвестно. В последний раз видели его...»

– Полковник Наумов застрелился! Мы пробежали мимо него. Он стоял с револьвером в руке. «Господин полковник! Мы будем пробиваться, идите с нами». Он не двинулся с места, а едва мы отошли, услышали глухой выстрел...» – Впечатление весьма тяжелое от рассказа

о таком печальном конце этого далеко незаурядного весьма известного марковца.

– Генерал Тимановский умер! Это известие потрясло всех. Марковцы лишились не просто доблестного любимого начальника, а внутренней силы, которая крепила их ряды и держала дух на большой высоте.

– Он умер в день нашего разгрома.

– Не пережил свою дивизию.

Была скорбная панихида по нему, по командиру 2-го полка, полковнику Морозову, умершем тоже от тифа, о чем узнали только теперь, и по всем погибшим. Ни одного гроба не стояло на панихиде. Все убитые остались «там», а гроб с генералом Тимановским был отправлен в Екатеринодар для погребения в склепе Войскового Собора рядом с генералом Алексеевым, полковником Гейдеманом, полковником Миончинским, полковником Морозовым.

За вопросами о соратниках следовали вопросы: «Как рота? Полк? Сколько вышло? Сколько вышло пулеметов, орудий? Что с сестрами?» Ответы были печальные. Вывод один: дивизия больше не существует, а наличного состава едва ли хватит на один полк.

Когда исчерпались эти темы, встал вопрос самый больной: «Как это могло произойти? Невероятно, что противник мог смять дивизию, загнать ее в яму и не выпустить оттуда».

– Наши отбивались геройски, отбивались исключительно ружейным и пулеметным огнем.

– Мы отбивались, когда уже были зажаты в тиски.

– Нашей вины не было – дрались на совесть, чтобы пробиться.

– От нас можно требовать все, но нельзя ставить нас в безнадёжные условия.

– Мы дрались бы до конца, но мы даже сопротивляться не имели возможности.

– Собственно говоря, и боя-то настоящего не было: роты не успели развернуться, пулеметы и батареи – занять позиции.

– Знаете ли вы, что наша артиллерия в 14 орудий весьма эффективно обстреляла красных, когда они оставляли село, и выпустила всего три снаряда, когда они атаковали?

– Задержка произошла на мосту.

– А я видел, она произошла на подъеме.

Среди средних начальников говорилось о другом. Виновен ли командир 1-го полка, полковник Слоновский? Зачем он послал в атаку батальон капитана Папкова, не подготовив все для ее обеспечения? Виноват ли командир 2-го полка, полковник Данилов, который ничего не предпринял в бою, оставил свой полк в полном бездействии и сам пропал без вести? Командир 3-го полка, капитан Савельев? На нем лежала пассивная задача арьергарда дивизии. Никаких распоря-

жений во время боя он не получал. А катастрофа началась в авангарде, помочь устройению которой он никак не мог, но он указал на одну из главных, даже основную причину:

«Я не был на собрании в штабе дивизии, когда решался вопрос о пути следования дивизии. Я бы решительно возражал».

Капитану Савельеву, как и всему 3-му полку, памятен отход от Дебальцево по обледенелой дороге через лощину. Случай, сыгравший роковую роль. Но было бы возражение капитана Савельева принято?

Слепое выполнение ошибочной директивы повлекло за собой трагический результат.

Полковник Битенбиндер объясняет неудачу тем, что полковник Слоновский начал наступление на село Алексеево-Леоново с более чем часовым опозданием. Это так. Но...

«Ладно вышло на бумаге,

Да забыли про овраги.

А по ним шагать...»

Марковцы крайне мучительно переживали свой разгром. Обвиняли всех, обвиняли и себя: растерялись, потеряли руководство своими частями и... не решились, видя положение, на самостоятельные действия. Вышли организованно только дерзнувшие...

ЗАДНЕПРОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Заключительный этап Белого движения на юге России связан с именем генерала П.Н. Врангеля, принявшего 22 марта (4 апреля) 1920 г. командование над Вооруженными силами юга России, переименованными им позднее в Русскую армию. Пребывание в Крыму ознаменовалось боями в Северной Таврии весной-летом 1920 г., августовским десантом на Кубань и Заднепровской операцией.

Описываемая ниже Заднепровская операция стала последней наступательной операцией Русской армии. Проведенная в последние дни сентября 1920 г., она закончилась неудачей, отступлением на левый берег Днепра. Далее последовали бои в Северной Таврии и отход на Перекопские укрепления, вскоре прорванные наступающей Красной армией.

Подготовка Заднепровской операции затянулась почти на месяц. По словам Врангеля, большие трудности представлял сбор необходимого понтонного материала. Вся подготовка по проведению операции осуществлялась в обстановке секретности, так как ее успех в большой степени зависел от неожиданности. Основной целью операции, руководство которой поручалось генералу Д.П. Драценко, было перенесение военных действий на правый берег Днепра, ликвидация Каховского плацдарма и попытка сохранения за собой стратегической инициативы. Согласно сентябрьской, директиве Врангель ставил следующие задачи перед частями, задействованными в операции: «...генералу Кутепову... обеспечивая себя со стороны Таганрога, Каменноугольного района, Чаплина и Синельникова, в ночь на 24 сентября (7 октября) форсировать Днепр в районе Александровска и, выставив заслон на Екатеринославском направлении и закрепившись на правом берегу Днепра, большей частью конницы наступать на фронт Долгинцево – Апостолово; генералу Драценко – с 3-м и конным корпусами и 42-м Донским стрелковым полком в ночь на 25 сентября (8 октября) форсировать Днепр на участке Никополь – Софиевка Нассауская и, направив конницу для захвата станции Апостолово, ударить в тыл Каховской группы красных; генералу Витковскому – обеспечивая сальковское и перекопское направления, в ночь на 25 сентября (8 октября) овладеть Каховским плацдармом, после чего форсировать течение Днепра ниже Бериславля, содействуя генералу Драценко в разбитии Каховской группы»⁵⁷.

Однако осуществить задуманное и взять Каховский плацдарм не удалось. Натолкнувшись в ходе операции на превосходящие силы противника и понеся значительные потери, генерал Драценко отдал 30 сентября (12 октября) приказ об отступлении обратно на левый берег Днепра.

Врангель основную вину за неудачу операции возложил именно на генерала Драценко: «Заднепровская операция закончилась. Правильно задуманная, тщательно подготовленная и планомерно развивавшаяся операция закончилась неудачей. Причиной этой неудачи, помимо случайной, приходящей – смерти генерала Бабиева – являлись неудачные действия командующего 2-й армией генерала Драценко. Последний с исключительным гражданским мужеством и подкупающей честностью сам признал это, прося освободить его от должности командующего армией»⁵⁸.

Иной взгляд на весь замысел операции высказал автор нижеследующего очерка, возлагая главную вину за ее неудачу на командира 1-го корпуса генерала Писарева и начальника штаба корпуса генерала Егорова (показательным также является и описанное Битенбиндером отношение командира корпуса к начальнику Марковской дивизии генералу А.Н. Третьякову, покончившему жизнь самоубийством вскоре после завершения операции). Воспоминания начальника штаба Марковской дивизии А.Г. Битенбиндера печатаются по рукописи, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 251. Лл. 1-10. Данный очерк представляет собой фрагмент воспоминаний начальника штаба Марковской дивизии, более полный вариант которых имелся в распоряжении В.Е. Павлова. Отрывки из этих воспоминаний, использованные Павловым при написании 2-й книги марковской истории, как и другие сведения, используемые Павловым, дополнительно приводятся в примечаниях к очерку.

**ДЕЙСТВИЯ МАРКОВСКОЙ
ДИВИЗИИ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ
РЕКИ ДНЕПРА В РАЙОНЕ
ЗАПАДНЕЕ ГОРОДА
АЛЕКСАНДРОВСКА
в период с 24.09 по 01.10 1920 г.⁵⁹**

**ОБСТАНОВКА В РАЙОНЕ ГОРОДА АЛЕКСАНДРОВСКА
К НАЧАЛУ ОПЕРАЦИИ**

8 (21) сентября 1920 г. марковцы совместно с 1-й Кубанской казачьей дивизией стремительным ударом овладели городом Александровском, захватив при этом около 1500 человек пленных, 8 эшелонов с ценным имуществом и двукольный обоз; захват последнего дал возможность создать свои войсковые обозы, расформировав таковые из обывательских подвод, чрезвычайно стеснявших маневренную подвижность дивизии⁶⁰.

По занятии города Александровска на дивизию была возложена задача – обеспечить город с северо-запада, во исполнение чего части дивизии расположились: конный дивизион штаба дивизии с 2-мя орудиями – в селе Михайловка, наблюдая дорогу на Екатеринослав, 1-й полк – в селе Воскресенское, наблюдая реку Днепр от села Мариенталь до города Александровска исключая, 2-й и 3-й полки – в самом городе; туда же через несколько дней прибыл штаб 1-го армейского корпуса. В Натальевку-Софиевку перешли дроздовцы для обеспечения Синельниковского направления.

Противник на левом берегу Днепра занимал Миргородовку – Терновое (46-я пехотная дивизия), и правый берег той же реки на участке Кичкасская переправа – Александровск занимался 3-й пехотной дивизией (3–3 1/2 тысяч штыков) и конным отрядом Кацюка – 600–800 сабель. Кичкасский понтонный мост был разведен к стороне противника.

ОСТРОВ ХОРТИЦА⁶¹

Остров Хортица был занят частями той же 3-й пехотной дивизии. Красные ружейным огнем с острова и артиллерийским с западного командующего берега Днепра обстреливали город, особенно вокзал, препятствуя восстановлению железнодорожного пути и нарушая нормальную жизнь города.

На очереди стоял вопрос о занятии Хортицы. Для этого нужно было форсировать реку Днепр, ширина которого у Хортицы равнялась 110-150 сажень. На Александровской пристани имелось десятка два пароходов, но золотники с машин были увезены большевиками. Пришлось довольствоваться рыбацкими лодками; таковых собрали 30-40, что было достаточно для переправы одного батальона.

В ночь с 10(23)/09 на 11(24)/09 батальон 1-го полка из Воскресенского направился на Хортицу, выбил оттуда 19-й полк красных, но по своей малочисленности мы прочно смогли занять только небольшую часть острова против юго-западной окраины Воскресенского. В течение дня на остров были переброшены остальные два батальона 1-го полка, которые заняли южную половину острова. В течение ближайших 2-3-х ночей красные 2-3-мя полками атаковали 1-й Марковский полк, но были отброшены за реку Речице, и остров окончательно остался за нами⁶². Туда же были переброшены 4 орудия 4-й батареи, что придало большую устойчивость обороне острова и не позволило артиллерии противника безнаказанно обстреливать город Александровск.

16 (29) сентября был получен приказ прочно занять и укрепить Хортицу. Чтобы занять весь остров, необходимо было перебросить туда еще один полк с батареей, но тогда крайне осложнялся вопрос питания людей, лошадей, подвоз боевых припасов, являлась настоятельная необходимость в мостовой переправе. В это время в одном из захваченных эшелонов были найдены золотники с машин пароходов, и командиру Марковской инженерной роты с помощью прибывших моряков удалось пустить в ход 5 речных пароходов и 2 моторных лодки.

Командиру Инженерной роты была поставлена задача построить мост через левый рукав реки Днепра для прохождения всех родов войск. К 21 сентября (4 октября) мост был готов, длина его равнялась 10 сажням, он был устроен частью на козлах, частью состоял из барж и понтонов.

Еще до окончания постройки моста 2-й полк с батареей был переброшен на Хортицу и занял северную половину острова. Все части, бывшие на острове, перешли в подчинение командиру 2-го полка генерал-майору Гравицкому и приступили к работе по укреплению острова. Резерв дивизии – 3-й полк – перешел в Воскресенское, туда же перешел и штаб дивизии для непосредственного руководства работами по постройке моста и укреплению острова. Остальные шесть батарей

дивизии расположились в районе Воскресенского, имея наблюдательные пункты на Хортице, которая была связана со штабом дивизии телеграфом и телефоном. Таким образом, к 21 сентября (4 октября) остров Хортица был надежно занят нами и связан прочной мостовой переправой с левым берегом реки Днепра.

ПЕРЕПРАВА НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДНЕПРА

22 сентября (5 октября) в Александровск прибыл генерал Кутепов. Мы узнали подробности предполагаемой операции. Мы уже раньше слышали о ней. При нашей дивизии должен был быть сформирован Украинский батальон, который на правом берегу Днепра предполагалось развернуть в дивизию. К нам даже прибыли какие-то не внушавшие своим внешним видом доверия украинцы, говорившие на «мове». Это сулило мало шансов на успех. Особенно ворчали строевые. Должен отметить, что в течение многих лет наблюдая близко жизнь строевой массы, мне неоднократно приходилось убеждаться, что в ней удивительно развито чувство предвиденья событий. И в данном случае, проводя целые дни на Хортице среди офицеров и солдат, несмотря на отличное их настроение, я нигде не встречал веры в успех затеваемой операции. Нас было мало. Мы должны были только побеждать. Каждая крупная неудача могла стать началом конца. Были ли старшие начальники уверены в успехе операции? Генерал Кутепов – как будто, да, его тревожит только вопрос о форсировании правого рукава Днепра при условии, что противник занимал господствующие высоты. Командир корпуса генерал Писарев и начальник штаба корпуса генерал Егоров, отдавая дань шумной жизни Александровска, по-видимому, мало интересовались исходом операции, предоставив полную свободу дивизиям, не приняв нужных мер для подготовки и обеспечения успеха операции. Начальник Марковской дивизии генерал Третьяков возлагал всю надежду на успешные совместные действия со 2-й армией. Так, насколько помню, высказывался и генерал Кутепов.

Приказ по корпусу разрушил все наши иллюзии. После переправы на правый берег реки Днепра корниловцы и кубанцы должны были двинуться на Токмаковку для содействия 2-ой армии, марковцы же должны были двинуться в северном направлении, обеспечивая движение корниловцев. Таким образом, одни должны были «содействовать», а другие «обеспечивать», спрашивается, кто же должен был наносить удар? Части после переправы через реку Днепр расходились веером в разные стороны; марковцы, предоставленные сами себе, легко могли подвергнуться отдельному поражению, чего в действительности избегли лишь благодаря доблести войск.

Корниловцы и кубанцы получили крайне неопределенную задачу, каждая дивизия действовала независимо одна от другой, самостоя-

тельно, а обе потом не подчинены командующему 2-й армией. Корниловцы и кубанцы, действуя в общем направлении на Токмаковку, по-прежнему должны были базироваться на Хортице и, таким образом, подставляли свой тыл под удары противника. Важнейший для корниловцев и кубанцев вопрос о снабжении их боевыми припасами оставался открытым. Все части значительно отдалялись от Хортицы, а, между тем, о непосредственной обороне переправ у Хортицы штаб корпуса не позаботился, и будь противник энергичнее, он легко мог бы занять и самый остров. Трудно себе представить более неудачно разработанную операцию. Казалось бы, все было сделано для того, чтобы обеспечить наш успех. Только благодаря доблести войск и ошибкам противника эта операция не закончилась полной катастрофой для переправившихся частей 1-го армейского корпуса.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ. РАЗВЕДКА БРОДОВ

Но приказ был отдан, и его нужно было выполнять. Дивизии была предоставлена средняя (Бурвальдская) переправа, корниловцам – южная (Нижне-Хортицкая). Несмотря на все приложенные усилия, мы не могли произвести основательной разведки бродов. Противник занимал заранее устроенные окопы на самом берегу (западном) реки Речице и вел с дистанции 100-150 шагов огонь при малейшей попытке приблизиться к берегу реки. При посредстве местных жителей мы, насколько было возможным, исследовали места бродов, но проверки сделать не могли. Со слов жителей, бурвальдский брод был глубиной по пояс, длиной – 200-300 шагов, а шириной – 80-100 шагов.

МЕСТНОСТЬ

Хортица в средней своей части имеет ряд высот, довольно круто опускающихся к реке Речице (к Бурвальдской переправе). У подножия этих высот и вдоль самого берега реки были небольшие рощи и кусты, которые только отчасти могли замаскировать расположение частей, но никак не укрыть их от огня противника. Берег противника командовал, имел много складок, удобных для укрытия расположенных частей, местами порос лесом и вообще был очень удобен для обороны⁶³.

ПЛАН ПЕРЕПРАВЫ

Условия местности и расположения бродов не допускали предварительной постройки мостов, отсюда и вытекал единственный способ действий – подход пехоты в ночь к соответствующим бродам с тем, чтобы в предрассветной мгле атаковать противника, форсируя реку

вброд. Большие споры вызвал лишь вопрос об артиллерийской подготовке, но пехота решительно воспротивилась таковой, указывая, что огонь нашей артиллерии вызовет ответный огонь противника по нашей пехоте в районах ее сосредоточения, и при отсутствии укрытий пехота может понести большие потери. Решено было в ночь атаки вести огонь лишь сторожевыми частями, как оно было и в предшествующие ночи. Артиллерия частью оставалась на своих позициях, дабы в случае нужды поддержать пехоту, частью скрыто расположившись возможно ближе к району переправы, и в случае успеха она могла сейчас же следовать за своей пехотой.

СИЛЫ И СРЕДСТВА

Дивизия в 3-х полках насчитывала 800-900 штыков при 150 конных и 24 орудиях. Люди были большей частью испытанные бойцы, и на них можно было положиться. Настроение было превосходное, в успехе самой переправы не сомневались. Полки заготовили рогатки, дабы передовые части могли закрепиться на том берегу до переправы всей пехоты.

ПЕРЕПРАВА

В 3 часа ночи на 25/09 (08/10) полки сосредоточились к месту переправы. Огней не разводили и не курили. Было жутко: в 200-300-х шагах от нас был противник, мы лежали очень скученно и могли понести большие потери. Противник около 3 часов ночи открыл ружейный и пулеметный огонь, который все более усиливался; по огню было видно, что окопы красных заполнились людьми. Несомненно, сосредоточение 2-х дивизий на острове Хортица не могло ускользнуть от слуха противника. Около 3 1/2 ночи красные открыли артиллерийский огонь по нашему расположению; земля гудела от разрывов снарядов, падавших во всех направлениях; становилось тяжело, но, к счастью, мы отделались небольшими потерями.

В это время начался ураганный огонь артиллерии корниловцев, противник оставил нас в покое и перевел огонь на корниловцев. Начальник дивизии генерал Третьяков подал условный знак, и роты 1-го Марковского полка вслед за начальником дивизии бросились на отмели к реке. Противник спохватился только тогда, когда марковцы были уже в реке; начался беспорядочный ружейный и пулеметный огонь; брод оказался глубокий – по грудь, но через минуту марковцы были в окопах противника. Красные не сопротивлялись. 19-й и 21-й полки почти полностью сдались в плен. Мы потеряли около 20 человек. Полки быстро заняли командующие высоты в районе колонии Бурвальд и оттуда повели энергичное наступление на колонию Розенталь – стан-

цию Канцеровка; к полудню марковцы заняли их. Красные спешно отходили в общем направлении на Лукашевка – Нейндорф. К этой минуте времени через Бурвальдский брод был выстроен мост на козлах.

Итак, эта в высшей степени рискованная операция закончилась полным успехом и, главное, с малыми для нас потерями. Вся переправа прошла именно так, как она предполагалась. Все чувствовали себя удовлетворенными. Утром приехал к нам генерал Писарев и... в присутствии всех начал разносить начальника за беспорядок в дивизии. Оказалось, что одно орудие застряло на броне и его еще не успели вытащить. Так был вознагражден начальник дивизии за операцию, в выполнение которой вложил всю свою душу, к тому же ежеминутно рискуя своей жизнью.

ДЕЙСТВИЯ ДИВИЗИИ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ДНЕПРА

Первая часть операции была закончена, приходилось думать о дальнейшем – обеспечении операции корниловцев и кубанцев со стороны Екатеринослава. Предстояло перейти в такой район, который перехватывал бы кратчайшие пути от Екатеринослава на Хортицу и к правому флангу корниловцев в Токмаковке. Таким пунктом могла явиться деревня Лукашевка, куда к вечеру 25/09 (08/10) и перешла дивизия. Красные заняли Виноградовку – хутор Петерса – Григорьевку⁶⁴.

Утром 26/09 (09/10) 3-я дивизия конницей Кацюка, подкрепленная 85-й пехотной бригадой, перешла в наступление одной бригадой 3-й дивизии от хутора Петерса на Лукашевку, обходя левый фланг марковцев, другой бригадой – в направлении на колонию Нейенбург (Мальшевку) – Нейндорф (Широка). Конница Кацюка с 85-й пехотной бригадой направлялась через Кронсвейд на Кичкас-Хортица, в обход правого фланга дивизии.

Таким образом, противник, пользуясь превосходством сил и наличием конницы, намеревался совершенно окружить дивизию. Начальник дивизии решил выставить заслон (1-й полк) на западе против частей 3-й дивизии, остальными силами атаковать 85-ю бригаду и Кацюка с тем, чтобы, разбив их, освободить свой правый фланг от угрозы быть отрезанным от переправы, затем обрушиться на 3-ю дивизию.

Около полудня 2-й и 3-й полки атаковали 85-ю бригаду и Кацюка в районе юго-западнее Кронсвейда, основательно потрепали 85-ю бригаду, захватив пленных и пулеметы; красные спешно отошли на Марientаль, прикрывая отход конницей. Начальник дивизии предполагал преследовать, дабы окончательно разбить указанную группу красных, но в тоже время получилось донесение от командира 1-го полка. Оно гласило, что полк не в состоянии выдержать напора красных (3-й дивизии) и что одна бригада этой дивизии от Широка на-

правилась на колонию Хортица. Начальник дивизии с 2-м и 3-м полками повернул на 3-ю дивизию, но последняя, завидя наше движение, боя не приняла и спешно отошла к Нейгорсту и частью затем на Лукашевку.

Вечер 26/09 (09/10) застал дивизию в поле на высоте южнее Малышевки. Было ясно, что противник на следующий день повторит тот же маневр, и дивизии снова придется метаться из стороны в сторону. Нужно было принять такое решение, которое дало бы нам инициативу действий. Начальник дивизии решил перейти к ночным действиям. Выбивая противника из мест ночлега и заставляя его всю ночь бродить, мы могли весь следующий день проводить спокойно. Несмотря на крайнее свое утомление, марковцы в ту же ночь атаковали красных, ночевавших в селениях Мариенталь, Лукашевка, было взято 2 орудия и несколько сот пленных. Красные перед всем фронтом дивизии начали отход в северном направлении⁶⁵.

День 27/09 (10/10) прошел спокойно. Вечером обнаружилось наступление красных на фронт Веселая – Кронсвейд. Части дивизии вновь перешли в район юго-западнее Малышевки, откуда ночью атаковали противника, выбили его из деревень Кронсвейд – Лукашевка – Веселая, захватив пленных и пулеметы. Красные отошли в северном направлении. Дивизия остановилась в Малышевке⁶⁶.

Утром 28/09 (11/10) было тихо. Мы узнали о налете небольших конных частей красных на Кронсталь – Шенберг и Бурвальд. Красные едва не захватили Бурвальдскую переправу. Спешно переброшенный туда Дроздовский запасной полк восстановил положение. Фактически полк не вел крупного боя, но веселящиеся чины штаба корпуса, сидевшие в городе Александровске, наконец, поняли, чем грозила такая беспечность. Свою ошибку постарались замаскировать, играя на доблести войск. Так, было объявлено, что Дроздовский запасной полк совершил какой-то сверхъестественный подвиг, было испрошено по телеграфу разрешение Главнокомандующего о переименовании этого Дроздовского полка за выдающиеся отличия в 4-й Дроздовский полк. Войска же это видели и по своему оценивали, доверие же к начальникам падало⁶⁷.

Утро 28/09 (11/10) мы предполагали провести в селе Лукашевка и, может быть, навсегда остались бы там, но, к нашему счастью нашим разездом в районе северо-западнее Веселая был захвачен чин команды связи бригады красных курсантов, который сообщил, что части 3-й дивизии, 85-й бригады, конница Кацюка и вновь прибывшая бригада 46-й дивизии в этот день должны были перейти в наступление на фронте Мариенталь – Лукашевка, в то же время бригада курсантов, состоявшая из петроградских и московских курсантов, общей численностью 1500 штыков, должна была совершить глубокий обход нашего левого фланга и выйти к колонии Розенталь, отрезав нас от Хортицы⁶⁸.

И действительно, в это время на фронте обнаружилось наступление густых цепей противника в направлении от хутора Петерса на Веселая – Лукашевка. Не имея вышеуказанных сведений о курсантах, мы бы, наверное, ввязались бы в решительный бой с наступающим на нас с севера противником и были бы окружены курсантами, оставшись без тыла, т.е. без боевых припасов. Теперь же обстановка была для нас ясна. Дивизия быстро сосредоточилась в районе южнее Малышевки и, выставив 2-й полк заслоном против красных, наступавших с севера, остальными силами устремилась навстречу курсантам в общем направлении на колонию Нейендорф (Широка). 3-й полк атаковал курсантов, только что подошедших к вышеуказанной деревне. Командир этого полка, доблестный полковник Никитин, с конными ординарцами и конным дивизионом штаба дивизии атаковал головной батальон московских курсантов, эти подпустили нашу конницу на 100 шагов, делая вид, что хотят сдать, но марковцы не поддались этой уловке, атаковали батальон и целиком изрубили его. К сожалению, и дивизион потерял почти половину своего состава, ибо курсанты отчаянно защищались. Одновременно 2-й и 1-й полки атаковали курсантов в самой деревне. От огня нашей артиллерии курсанты, наступавшие густыми колоннами, понесли большие потери, что в значительной степени способствовало успешной атаке полков, кончившейся занятием деревни Широка. Курсанты, видимо, павшие духом, отошли к деревни Нейгарт, даже не вводя в бой все свои силы. Только 2-й полк не мог сдержать напора значительных сил противника и медленно отходил к колонии Хортица – станции Канцеровка, куда к вечеру сосредоточилась и вся дивизия⁶⁹.

О каком-либо наступательном маневре и нечего было думать. В бесперывных боях этих дней люди измучились до крайности и от усталости валились с ног. В дивизии осталось не более 600-700 штыков, и с такими силами трудно было действовать активно.

Было решено оборонять высоты южнее Розенталя, уперев правый фланг дивизии в реку Днепр, что обеспечивало этот фланг и дало возможность выделить резерв для активной обороны нашего левого фланга.

Весь день 29/09 (12/10) шел бой, но все атаки противника со стороны Кичкаса – Малышевки – Широка и Шернгорст были отбиты⁷⁰. Части дивизии ночевали – 3-й полк в колонии Кронсталь, 1-й и 2-й полки со штабом дивизии в Бурвальде. Вечером мы узнали, что в колонию Шенберг прибыли корниловцы. Это нас и поразило, ибо мы полагали, что корниловцы со штабом находятся где-либо на правом фланге 2-й армии, но, с другой стороны, и обрадовало, хотя перед нами был столь численно превосходящий нас противник, что мы не могли ручаться за то, что удержим свои позиции при условии, что весь наш тыл (с южной стороны) был совершенно открытый для ударов противника.

И действительно, в тот же вечер красные атаковали с южной и юго-восточной стороны 3-й полк к колонии Кронсталь. Красных не ожидали видеть в нашем тылу, их сначала приняли за свих, благодаря чему им удалось ворваться в деревню. Разобравшись в чем дело, 3-й полк выбил противника. Несомненно, этот случай мог иметь место только благодаря тому, что 3-й полк не имел ближнего охранения в своем тылу⁷¹.

30/09 (13/10) марковцам совместно с корниловцами было приказано атаковать красных на фронте колоний Хортица – Михайловка. Главные силы красных были сосредоточены против нашего левого фланга (против корниловцев), поэтому начальник дивизии решил оставить 1-й полк для обороны высот южнее Хортицы, а с двумя полками перейти в наступление на станцию Канцеровка, действуя совместно с корниловцами в зависимости от обстановки. Но утром 30/09 перед выступлением было получено донесение командира 1-го полка о наступлении больших сил красных от колонии Хортица к Бурвальдской переправе, причем 1-й полк начал осаждать назад. Такое движение красных угрожало всей нашей группе быть отрезанной от переправы. Учитывая серьезное положение, начальник дивизии приостановил выступление 2-го и 3-го полков до восстановления 1-м полком своего первоначального положения. Вследствие этого 2-й и 3-й Марковские полки подошли к корниловцам только к 3 часам дня, когда дальнейшее наступление уже не имело никакого смысла. Около 6 часов вечера было получено приказание отойти на левый берег Днепра, что корниловцы и выполнили в ночь на 1 (14) октября.

ОБРАТНАЯ ПЕРЕПРАВА НА ХОРТИЦУ

На марковцев выпала тяжелая задача – прикрывать отход корниловцев и разрушить обе мостовые переправы. 3-му полку было приказано отходить на Нижне-Хортицкую переправу, а 1-му и 2-му полки – на Бурвальдскую. Противник с утра 01 (14)/10 повел энергичное наступление на Кронсталь – Бурвальд. Части медленно отходили, задерживаясь на каждом шагу, выигрывая время.

На высоте восточнее Бурвальда была последняя позиция, здесь около 1 часа дня наши батареи, выпустив последние снаряды, устремились на переправы.

Пехоте необходимо было задержаться еще на 1 – 1 1/2 часа, дабы обеспечить артиллерии возможность переправиться на Хортицу. Красные, развернув 7-10 рядов цепей одну за другой, заметив отсутствие нашей артиллерии, устремились на вышеуказанную высоту. Минута была критическая. Начальник дивизии приказал 1-му и 2-му полкам встретить атаку противника контратакой. Редкие цепи марковцев

сошлись с противником на 200-300 штыков. Передние цепи красных приостановились, но подталкиваемые задними, снова пошли вперед. Марковцы бросились в штыки, красные удара не приняли и осадили немного назад.

Время было выиграно. Марковцы тотчас начали отходить. Тогда красные быстро бросились вперед и местами перемешались с нашими частями. Все устремились к Бурвальдской мостовой переправе. О переправе по мосту и нечего было думать. Начальник дивизии приказал переправляться на хутор вброд через реку Речице, а сам со штабом поскакал к мосту; последний был так прочно сделан, что несмотря на все усилия саперов, не удавалось его разрушить. Между тем, красные были в 400-500-х шагах от моста. Общими усилиями удалось сорвать береговой устой, после чего все бросились в воду и направились к Хортице; и было вовремя, ибо в то же время цепи красных подбежали к мосту.

Предстояла трудная задача – окончательно разрушить мост, работая под ружейным огнем красных. Артиллерия с Хортицы открыла огонь по цепям красных, залегшим на берегу реки по обе стороны моста. Красные не выдержали огня и отхлынули назад, спрятавшись в прибрежных кустах.

Этим моментом мы воспользовались для уничтожения моста. Командир 1-й инженерной роты полковник Иванов лично работал по грудь в воде, совместно с саперами по частям вытащили весь мост на берег Хортицы. Нижнехортицкий мост был сожжен Марковской инженерной ротой. Боевая задача была выполнена – дивизия сосредоточилась на Хортице, мостовые переправы были уничтожены. Марковцы могли считать себя победителями, блестяще выполнив эту чрезвычайно сложную операцию. Но все знали, что наш успех частичный, и что, увы, мы побеждены. Об этом свидетельствовали и победные крики красных на правом берегу Днепра, как могильный звон раздававшиеся в наших ушах.

Сколько было положено трудов при выполнении всей этой операции, сколько понесено жертв и лишений, сколько было проявлено доблести, а для чего? – никто не мог ответить на этот вопрос. Но все чувствовали одно, что это была наша первая крупная неудача и что она знаменует собою нашу гибель. Дабы не повторяться, я не делаю выводов, которые уже имеются в самом тексте. Но как участник этой небывалой по количеству положенных на нее трудов операции, как офицер Генерального штаба, могу засвидетельствовать, что в такой бессмысленной, лишенной всякой идеи операции мне еще никогда не приходилось участвовать.

Фактически части 1-го армейского корпуса переправились на правый берег реки Днепра только для того, чтобы метаться из стороны в сторону, подставляя себя по частям под удары противника, не оказы-

вая никакого влияния на действия 2-й армии и не связывая с ней свои действия.

И снова, как всегда, посыпались многочисленные награды, которыми хотели поднять настроение частей. Но нас это не веселило. Все отлично понимали, что мы не настолько сильны, чтобы позволять себе такую роскошь, как терпеть поражения. А поражение было велико: мы потеряли веру в начальников, а следовательно, и в успех руководимого ими дела. Мы потеряли дух, а «дух потерять – все потерять». Наши начальники, по-видимому, не имели гражданского мужества откровенно доложить Главнокомандующему размеры понесенного поражения, ибо, если бы Главнокомандующий был хорошо ориентирован в настроении частей, то он, несомненно, не согласился бы на те рискованные маневры, которые были предприняты впоследствии частями, морально «битыми». А эти маневры повели за собой неслыханный, поразивший весь мир своей неожиданностью, разгром Русской армии. Но для войск этот разгром не был неожиданностью: он являлся логическим последствием неудачной правобережной операции⁷².

Примечания

- 1** История Марковской артиллерийской бригады. – Париж: Издание Исторической комиссии Марковского артиллерийского дивизиона. 1931. – 569 с.
- 2** Уже позднее вышли корниловские и дроздовская полковые истории: Критский М.А. Корниловский Ударный полк. – Париж: /Б.и./, 1936. – 232 с.; Левитов М.Н. Материалы к истории Корниловского Ударного полка. – Париж: /Б.и./, 1974. – 669 с.; Кравченко В. Дроздовцы от Яссы до Галлиполи. Т. 1. – Мюнхен: /Б.и./, – 411 с.; Т. 2. – Мюнхен: /Б.и./, 1975. – 401 с.
- 3** Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Кн. 1. – Париж: /Б.и./, 1962. С. 5.
- 4** Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Кн. 1. – Париж: /Б.и./, 1962. – 400 с.; Кн. 2. – Париж: /Б.и./, 1964. – 397 с.
- 5** Неполнота списка дававших свидетельства Павлов обуславливает принятием некоторыми из них советского гражданства. Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 396.
- 6** Там же. Кн. 1. С. 393-395.
- 7** Там же. Кн. 1. С. 395-396.
- 8** Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 381-382.
- 9** Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. – Париж: /Б.и./, 1967. – 305 с.
- 10** Марковцы Первопоходники-артиллеристы: Д., Виктор Ларионов, Иван Лисенко, Николай Прюц. Очерки. – /Б.м./, /Б.и./, – 80 с.; Ларионов В. Последние юнкера. – Frankfurt am Main: Посев, 1984. – 243 с.
- 11** Первая часть «Очерка» публиковалась в № 3 альманаха «Белая Гвардия»: Очерк об участии 1-го Офицерского генерала Маркова полка во 2-м Кубанском походе. // Белая Гвардия. 1998, № 3. С. 23-42.
- 12** Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж: /Б.и./, 1967. С. 299.
- 13** Текст печатается по: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Кн. 1. Париж: /Б.и./, 1962. Главы: «Первый поход Добровольческой армии», С. 117-120; 123-127; 129-135; 136-139; 140-161; 162-168; 170-186; «На Екатеринодар», С. 187-200; 202-232.
- 14** Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май-октябрь 1918 г. Берлин: Слово, 1924. С. 156.

15 Там же. Т. 3. С. 158.

16 Там же. Т. 3. С. 160.

17 Текст печатается по: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне за Россию. Кн. 1. Главы: «Снова на Дону», С. 240-247; 250-261; «Второй поход на Кубань», С. 264-274.

18 Текст печатается по: ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 96.

19 В.Е. Павлов пишет о реформировании полка в Новочеркасске, развернутом в 3 батальона до его выступления в поход: «В полку в момент его прихода в Новочеркасск было 5 рот, имевших в своем составе около 500 человек; 6-я, 7-я, 8-я и 9-я роты должны были быть сформированы полностью, причем 6-я должна была включить в свой состав чинов Гвардейских частей, а 7-я, 8-я и 9-я – стать ротами чисто офицерскими; 5-ю роту намечено оставить самой молодой по составу, т.е. из учащейся молодежи. Формирование рот шло быстрым темпом, особенно офицерских, в которые входили не только офицеры, но и чиновники, зауряд-врачи. Все значительные прибывающие партии назначались в эти роты, в то время как мелкие партии и группы шли на пополнение других рот. Уже через две недели в шести первых ротах было приблизительно по 150 штыков, а в офицерских до 200. Полковая пулеметная команда развернулась в 10, затем в 15 пулеметов, не считая ротных пулеметных команд». Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 256.

20 Павлов приводит данные об участии в бою у станицы Кагальницкой 2-х батальонов: 1-го и 3-го. Потери «...огромны. У главного участника боя – 3-го батальона: в 7-й роте – до 60 офицеров, из них около 15 убитых; в 8-й роте – свыше 200, при 40 убитых; в 9-й роте – до 45, при 10 убитых. В 1-м батальоне одна только рота генерала Маркова потеряла до 50 человек, из которых 4 убитых. Общие потери в 2-х батальонах достигали 400 человек, из них 80 убитыми». Погибли в бою командиры 7-й и 8-й рот (в 8-ой роте осталось всего 28 человек) – полковники Ценат и Попов. Трофеи: 1 орудие и более 10 пулеметов. Там же. Кн. 1. С. 279-281.

21 29 июня (12 июля) в 8-ю роту было влито пополнение – около 100 кубанцев. Там же. Кн. 1. С. 283.

22 Потери полка, по сведениям В.Е. Павлова, при взятии Тихорецкой (станции и станицы) составили 40 человек. Там же. Кн. 1. С. 287.

23 По сведениям В.Е. Павлова в состав полка (в 8-ю роту) было влито 87 офицеров. Там же. Кн. 1. С. 287.

24 Броневомобиль «Генерал Марков» был переименован из захваченного кубанцами у большевиков в станице 25 июня (8 июля) Новопокровской броневомобиля «Черный ворон». 24 июля (6 августа) он был поврежден в бою и подорван командой. Там же. Кн. 1. С. 276, 302.

25 Павлов пишет о потерях полка за 6 (16) июля: «Потери... за весь день 6 (16) июля были громадны, особенно рот 3-го батальона. 7-я и 9-я роты потеряли около 50 человек каждая, 8-я – около 100, т.е. половину своего состава. Сильно пострадала 4-я рота – 48 человек. В общей сложности полк потерял до 350 человек». Там же. Кн. 1. С. 290.

26 По сведениям Павлова потери полка составили до 100 человек. Там же. Кн. 1. С. 292.

27 К моменту занятия полком станции Кушевки Павлов пишет о состоянии полка: «От станции Тихорецкой за 7 дней они (марковцы – Р.Г.) преодолели лишь 80 верст <...> Правда, за этот период марковцы понесли большие потери: до 500 человек, т.е. до 35 процентов своего состава. Нужно пополнение, и полк его получил в количестве около 500 человек. Пополнение состояло сплошь из кубанских казаков. Казаки были влиты во все роты и даже в чисто офицерские: 7-ю и 9-ю, составив в них четвертые, «казачьи» взводы. Теперь полк генерала Маркова почти на две трети состоял из кубанцев». Там же. Кн. 1. С. 293.

28 Павлов приводит следующую дислокацию полка: «... 3-му батальону, как наиболее сильному офицерским составом, сменить на позициях 1-й и 2-й батальоны, а последним с одним орудием немедленно грузиться в железнодорожный состав. <...> С ними уехал командир полка (Н.С. Тимановский – Р.Г.) и начальник дивизии (Б.И. Казанович – Р.Г.). В Динской остался отряд под командой полковника Дорошевича: батальон марковцев с двумя орудиями и 2-ой конный офицерский полк». Там же. Кн. 1. С. 296.

29 Описывая потери полка, Павлов пишет: «Физическое состояние марковцев было чрезвычайно тяжелым. День боя под палящими лучами солнца, без воды, без еды. Подавлено в сильной степени и моральное состояние: неудачные атаки; десятки раненых, оставленных на поле боя, теперь занятого врагом; положение отрезанных от тыла; беспокойство за судьбу сотен раненых, наконец – свою. И в довершение всего – сильно поредевшие ряды рот: за день в двух батальонах выбыло из строя около 300 человек, т.е. почти треть состава». Там же. Кн. 1. С. 298.

30 Потери полка за 2 дня боев у Кореновской Павлов оценивает в 500 человек. Ротмистр Дударев упоминается как командующий батальоном (видимо, 1-м), полковник Генерального штаба Хованский убит, по сведениям Павлова, 24 июля (6 августа). Там же. Кн. 1. С. 300.

31 Имеется ввиду 3-й батальон: «Оставленный в станице Динской отряд полковника Дорошевича 16 (29) и 17 (30) июля провел в мелких стычках с красными, но 18 (31) июля последние перешли в наступление. Целый день шел бой. 3-й батальон отбивался контратаками, брал пленных, но в конце концов вынужден был отойти за речку Кочати». Там же. Кн. 1. С. 301.

32 Подводя итоги боям за предшествующие 12 дней, Павлов оценивал общие потери полка в 800 человек (выбывших из строя). Потери отчасти были восполнены: «...прибывшими пополнениями – двумя партиями добровольцев. Одна из них из города Екатеринослава, в 100 офицеров, была определена как 3-я рота полка, с переводом оставшегося ее состава в 1-ю и 2-ю роты. <...> Другая партия в 60 офицеров распределена по 7-й и 9-й ротам». Там же. Кн. 1. С. 304.

33 С занятием города Офицерский генерала Маркова пехотный полк с Отдельной конной сотней 1-й дивизии и 2-й батареей был назначен в резерв армии (составил гарнизон Екатеринодара, неся караульную и патрульную службы). Там же. Кн. 1. С. 311.

34 Павлов пишет о реорганизации полка в августе 1918 г. в Екатеринодаре: «С первых дней пребывания в Екатеринодаре в полку генерала Маркова стали проводиться большие перемены, как в составе, так и в организации. Из него выделялись значительные группы чинов на формирование новых частей: 1. Чины Гвардейского батальона, сначала, как 4-го батальона, а затем – как Сводно-Гвардейского полка, в командование которым вступил полковник Дорошевич, помощник командира Офицерского полка. 2. Гренадеры – в Сводно-Гвардейскую часть. 3. Моряки частью на бронепоезда, частью во флот, который должен возродиться с выходом армии к берегам Азовского и Черного морей. 4. Были выделены офицеры в формирующиеся Кубанские пластунские батальоны, ввиду недостатка офицеров из казаков. 5. Около ста первоходников были командированы на формирование особой роты при Ставке Командующего армией, для ее охраны и несения почетных караулов. Рота эта получила ту же форму одежды, что и полк генерала Маркова, но с заменой белых кантов и просветов на погонах оранжевыми. Черный и оранжевый – цвета Георгиевской ленты. 6. Наконец, по желанию, стали выделяться чины польского происхождения в Польский отряд. Возрождение свободной Польши было объявлено еще в начале Великой войны, а в революцию 1917 г. в составе Русской армии находился уже целый Польский корпус. С поражением Германии и восстановлением Польши этот отряд уехал на свою родину. В общем из полка было выделено около 400 человек. Но одновременно он и пополнялся добровольцами из южных губерний России, иногородними из освобожденных районов Кубани и отчасти пленными. Кроме того, в полк непрерывно возвращались выздоравлившие от ран. Вступив в Екатеринодар в количестве около 800 штыков, недели через три, полк достиг силы свыше 3000 штыков, не считая чинов разных команд. Полк получил следующую организацию: 1. 3 батальона, теперь уже по 4 роты в каждом. 7-я и 9-я роты остались чисто офицерского состава по 250 человек в каждой. Остальные роты – смешанного состава по 200 с лишним штыков. 2. Полковая пулеметная команда – 12 пулеметов и при ротах пулеметные взводы и 2 пулемета. 3. Конная сотня около 100 коней. 4. Разные вспомогательные отряды. Было получено начало обоза 2-го разряда». Там же. Кн. 1. С. 313-314.

35 Павлов пишет о потерях полка за бой 13 (26) сентября: 2-й батальон – 250 человек, 3-й батальон – 100 человек. Там же. Кн. 1. С. 324.

36 Потери полка в ходе боя 14 сентября составили около 250 человек. Там же. Кн. 1. С. 325.

37 Павлов отмечает прибытие в полк пополнения из 500 офицеров, казаков и добровольцев, после чего роты полка приблизились к составу в 200 штыков. Там же. Кн. 1. С. 326.

38 Потери полка в ходе боя 18 сентября (1 октября) оцениваются Павловым примерно в 150 человек. Там же. Кн. 1. С. 328.

39 За период с 21 по 30 сентября (4–13 октября) Павлов отмечает пополнение полка в 250 человек. Там же. Кн. 1. С. 329.

- 40** Сводно-Гвардейский полк, прибывший в Армавир в начале октября под Екатеринодар в составе около 1000 человек, за бой 2 (15) октября по данным Павлова, потерял не менее половины своего состава, после чего был отправлен на формирование в Екатеринодар. Там же. Кн. 1. С. 329, 331.
- 41** Потери полка за бой 2 (15) октября составили свыше 200 человек. Там же. Кн. 1. С. 331.
- 42** Потери полка при взятии Армавира составили около 300 человек. Там же. Кн. 1. С. 333.
- 43** Оценивая потери полка за время Армавирских боев, Павлов приводит следующее соотношение потерь и пополнения: за все время боев полк потерял до 2000 человек, получил пополнение до 1000 человек и перед Ставропольскими боями имел в своем составе около 1500 человек при числе рот от 40 до 200 человек. Там же. Кн. 1. С. 335.
- 44** Потери полка при взятии горы Недреманной не превысили 50 человек. Там же. Кн. 1. С. 343.
- 45** По оценке Павлова, потери полка за период Ставропольских боев составили до 500 человек, наличный состав рот достигал 30-40 человек и только в некоторых из них он доходил до 100. Там же. Кн. 1. С. 349. За время, проведенное в Екатеринодаре, полк пополнило около 800 человек (из них 300 офицеров), роты стали численностью около 100, а 7-я и 9-я офицерские роты – свыше 200 человек (общая численность до 1500 человек). Там же. Кн. 1. С. 350.
- 46** Потери полка составили 400 человек. Там же. Кн. 1. С. 352.
- 47** В Спицевском полк получил пополнение количеством около 400 человек из иногородних кубанской области взятых в плен. Там же. Кн. 1. С. 351.
- 48** В ходе боев под селом Медведовским 2-й и 3-й батальон потеряли 200 человек из 500. Там же. Кн. 1. С. 362.
- 49** 1-й батальон 16 (29) декабря потерял около 100 человек (из них 1-я рота – 60). Там же. Кн. 1. С. 364.
- 50** По данным Павлова, к 20 декабря 1918 г. (2 января 1919 г.) полк понес большие потери, в ротах осталось по 20-40 человек. Там же. Кн. 1. С. 367.
- 51** К 21 декабря (3 января) в некоторых ротах полка оставалось около 15 человек, а общая численность доходила до 300 человек. Там же. Кн. 1. С. 370.
- 52** В конце декабря в полк вернулось около 200 человек из числа выздоровевших от ран и обморожений. Кадр полка стал постепенно пополняться пленными и выздоравливающими. До 30 пулеметчиков было переведено учебную пулеметную команду при формирующемся в Ставрополе запасном батальоне полка. Там же. Кн. 1. С. 372.
- 53** Деникин А.И. Вооруженные силы юга России. // Белое Дело. Поход на Москву. М.: Голос – Сполохи, 1996. С. 41.
- 54** Там же. С. 41.
- 55** Там же. С. 53.

56 Текст печатается по: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Кн. 2. Главы: «На Москву», С. 89-107; 115-133; «Отход», С. 133-159; «Отступление», С. 160-177; «Снова в Донбассе», С. 178-194; «В Ростове», С. 195-196

57 Врангель П.Н. Записки. Ч. II // Белое Дело. Последний Главком. М: Голос, 1995. С. 262.

58 Там же. С. 266.

59 Текст печатается по: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 251. Лл. 1-10.

60 Павлов пишет о занятии Александровска: «В результате наступления дивизия взяла до 2000 пленных 3-й и 46-й стрелковой дивизии, бронепоезд, массу подвод с военным имуществом, походные кухни, прожектора, массу фуража и продовольствия. Захвачен и эшелон эвакуационного пункта со всем медицинским персоналом и даже состав с комиссарскими семьями, главы которых предназначались к занятию соответствующих постов в Северной Таврии и Крыму. Дивизия понесла потери в 150 человек». Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 288-289

61 Описывая местность в предстоящей Заднепровской операции, Павлов писал об острове: «Остров Хортица – самый большой из островов на Днестре. Его длина до 10 верст, ширина 2 версты. Он находился на том рубеже Днестра, где река, вырвавшись из восьмидесятиверстного порожистого русла со многими скалистыми маленькими островами и пройдя через узкие каменные ворота, над которыми проходила железная дорога, обретала, наконец, свое спокойное течение, делясь на многие рукава, протоки, между которыми находились известные днепровские плавни. Самый рубеж между каменной грядой, которую пересекал Днестр и начинавшимся к югу плавнями, проходил по острову, деля его почти на две равные половины, северную – возвышенную, и южную – низменную. <...> Остров обтекали два рукава: с восточной стороны – Новый Днестр, шириною до 150 шагов, глубокий и с быстрым течением; с западной – Старый Днестр, шириною шагов в 100, имевший пять бродов по грудь и один по пояс. Чтобы удерживать остров, нужно было, прежде всего, обладать им полностью и затем иметь на нем орудия, так как три брода не могут наблюдаться с восточного берега Днестра... Там же. Кн. 2. С. 290, 291.

62 Потери марковцев на острове Хортица в ходе боев 10–12 (23–25) сентября составили свыше 150 человек. Там же. Кн. 2. С. 291. Во время пребывания на Хортице до начала операции 1-й полк получил пополнение, роты полка стали насчитывать по 40-50 штыков. Там же. Кн. 2. С. 293.

63 Павлов писал о месте переправы на правый берег Днестра: «Как выглядело место переправы? На опушке леса – валик нанесенного песка. Затем шагов 30-40 – песчаный берег; дальше – русло Днестра в 100 шагов, снова песчаный берег в 50 шагов, валик песка, полоса кустарников и деревьев и круто поднимающийся высокий край реки. Позиция противника по валику наносного песка, перед ней устанавливается проволоочное ограждение; по высокому краю берега также окопы. В окопах

много пулеметов. Несколько батарей их пристреляно к броду Брод? Ясно виден – песчаный, глубиной по пояс, но только в своей наиболее мелкой части; влево он круто обрывается, и вода совершенно темная; вправо глубина увеличивается постепенно; течение быстрое. Там же. Кн. 2. С. 296.

64 По данным Павлова потери Марковской дивизии за 25 сентября (8 октября) составили около 150 человек, при этом было взято в плен до 500 пленных и на одной только переправе захвачено 12 пулеметов. Там же. Кн. 2. С. 299.

65 Павлов приводит сведения о взятии 3-м полком дивизии у деревни Веселая до 400 пленных. Там же. Кн. 2. С. 299.

66 Павлов отмечает взятие в плен 1-м полком до 300 человек пленных. Там же. Кн. 2. С. 299.

67 После отбития нападения на переправу 4-й Дроздовский полк был отозван в Александровск; на охране переправы остались Марковская инженерная рота и 1-я батарея Марковской артбригады, что, по мнению Павлова, перекладывало оборону переправы целиком на Марковскую дивизию и представляло для нее непосильную задачу. Там же. Кн. 2. С. 300.

68 Павлов, использовавший более обширные записки полковника А.Г. Битенбиндера, приводит отрывок из них, касающийся 28 сентября (11 октября): «...Но сон бежал от меня. Инстинкт подсказывал, что дивизии угрожает какая-то опасность. Я начал ломать себе голову – что бы такое предпринять, дабы приковать красных к фронту, отвлечь их внимание от нашего открытого левого фланга и тыла с переправой у Хортицы. В это время дверь открылась, и на пороге появился офицер, а за ним стройная фигура щегольски одетого советского офицера в шпашке «Буденовке», который вытянулся в струнку и отчетливо отразговаривал: «Начальник службы связи Московской школы красных курсантов». Мурашки пробежали у меня по спине: этого еще не хватало!». Там же. Кн. 2. С. 300.

69 Павловым приводятся строки из записок Битенбиндера об итоге маневра, предпринятого красными для окружения дивизии: «Красные сделали ошибку. Вместо дальнего обхода дивизии они совершили ближний обход. План их – взять марковцев в тиски между Днепром и частями 3-й и 46-й стрелковых дивизий с одной стороны и бригадой курсантов с другой вполне отвечал обстановке и соотношению сил. Но этот план не удался». Там же. Кн. 2. С. 301-302.

70 В ходе боев 29 сентября (12 октября) 2-й полк захватил до 400 пленных и потерял убитыми около 20 человек и ранеными около 100. Там же. Кн. 2. С. 301.

71 После данного случая начальник дивизии генерал Третьяков отстранил командира 1-го Марковского полка полковника Марченко, отвечавшего за охранение, от командования полком.

72 Павлов, подводя итог боям Марковской дивизии на правом берегу Днепра, писал: «Шли разговоры о минувших боях. В них была особен-

ность: чувство одиночества, сознание, что сзади Днепр, ощущение непосредственной силы врага, прикрепленность к месту без того, чтобы бить. Преследовать. Но все же бои провели хорошо. Восемь суток почти без отдыха и сна; трое суток без подвоза пищи; питались мясом убитых коров, в небольшой степени картофелем, но без соли и хлеба. Кашевары рассказывали, как они метались то к переправе, то обратно. Дивизия потеряла до 500 человек, почти четверть состава. Взяли до 1500 пленных, оружие, много пулеметов. Наглядно видели, какие большие потери нанесли красным и их курсантам. Разговор естественно переходил на большие масштабы. Дивизия выполнила определенную задачу в операции крупного размаха, цель которой – ликвидация Каховского плацдарма красных. Корниловцы говорили, что до него они не дошли, а чем завершилась эта операция, они не знали. Потом сообщили, что 2-я армия из-за Днепра тоже вернулась в исходное положение». Там же. Кн. 2. С.305

часть третья

**К ИСТОРИИ
МАРКОВЦЕВ**

Третий раздел книги – «К ИСТОРИИ МАРКОВЦЕВ» – содержит обширные сведения по истории частей, получивших в ходе войны именно шефство генерал-лейтенанта С.Л. Маркова. Помимо очерка по истории «марковских» частей, приводятся данные о возникновении и реформировании первых добровольческих частей на юге России, предшествовавших непосредственно «марковским» формированиям, данные о численности и потерях «марковских» частей в ходе войны, эволюции их социального и командного состава. Отдельный раздел составляют биографические сведения по командному составу частей генерала Маркова.

К ИСТОРИИ МАРКОВЦЕВ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ ЧАСТЕЙ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА

История частей, получивших впоследствии именное шефство генерал-лейтенанта С.Л. Маркова, берет свое начало со времени зарождения Белого движения на юге России.

Датой образования первой из них – 1-го Офицерского генерала Маркова полка – принято считать 4 (17) ноября 1917 г., когда после посещения генералом М.В. Алексеевым в Новочеркасске лазарета № 2 по Барочной улице, д. 39 из первых добровольцев была образована Сводно-Офицерская рота¹. Численный рост роты позволил к 15 (28) ноября выделить около половины состава в Юнкерскую роту. В начале декабря 1917 г., уже после занятия добровольцами Ростова, командование армии, рассчитывая на значительный приток добровольцев, главным образом, из Ростова, образовало 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю офицерские роты, послужившие впоследствии основой для образования Сводно-Офицерского полка. 13 (26) декабря 5-я офицерская рота была переименована в 1-ю, а 15 (28) декабря она была развернута в 1-й Офицерский батальон. В середине декабря в батальоны были развернуты и 2-я и 3-я офицерские роты².

В ноябре 1917 г. образовалась и артиллерийская часть, получившая впоследствии шефство генерала Маркова. 19 (29) ноября 2-й взвод Юнкерской роты был развернут в Сводную Михайловско-Константиновскую батарею образовавшуюся из юнкеров Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ и в дальнейшем послужившую ядром для Артиллерийской генерала Маркова бригады. В середине декабря она вошла в состав созданного 1-го отдельного легкоартиллерийского дивизиона как 1-я юнкерская батарея³.

С началом 1-го Кубанского похода 11 (24) – 13 (26) февраля 1918 г. в станице Ольгинской было проведено переформирование Добровольческой армии. Многочисленные, но слабые по своему составу части были сведены в более крупные соединения. В их числе были и Сводно-Офицерский полк, получивший впоследствии имя своего первого командира генерала С.Л. Маркова. Основу его составили 1-й, 2-й и 3-й Офицерские батальоны, при объединении которых в полк

были влиты Ростовская офицерская рота, остатки 3-й Киевской школы прапорщиков, Морская рота и Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии⁴. Юнкерская батарея в составе 1-го отдельного легкого дивизиона получила название 1-й офицерской⁵.

Уже в ходе 1-го Кубанского похода вновь сформированный Сводно-Офицерский полк стал называться Офицерским. С середины марта 1918 г. он входил в состав 1-й пехотной бригады, командование над которой принял генерал Марков. Во время реорганизации Добровольческой армии в станице Ново-Дмитриевской к 27 мая (9 июня) 1918 г. полк был переименован в 1-й Офицерский⁶.

В ходе 1-го Кубанского похода произошло переформирование будущей «марковской» артиллерии: 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион в конце марта (начале апреля) был расформирован, а входившая в него 1-я офицерская батарея, включив в себя 4-ю батарею дивизиона, стала именоваться 1-й отдельной батареей в составе 1-й пехотной бригады⁷.

Кроме этих двух основных частей, связанных с именем генерала Маркова, в середине марта была образована еще одна: на базе Технической роты (сформированной еще в декабре 1917 г.) была образована 1-я Инженерная рота, также вошедшая в состав 1-й бригады (затем дивизии). Позднее, 8 (21) декабря 1919 г. она получила именное шефство генерала Маркова.

После реорганизации Добровольческой армии, проведенной в начале июня 1918 г. перед 2-м Кубанским походом, 1-й Офицерский полк вошел в состав образованной 1-й пехотной дивизии. После гибели от полученных ранений в бою на станции Шаблиевская начальника дивизии генерала Маркова полк с 13 (26) июня 1918 г. приказом командующего Добровольческой армией был переименован в 1-й Офицерский генерала Маркова полк⁸. В составе 1-й пехотной дивизии он принял участие во 2-м Кубанском походе, в январе–апреле 1919 г. – в боях в Донбассе, неизменно направляясь на наиболее тяжелые участки фронта и неся в ходе боев большие потери.

В ходе 2-го Кубанского похода «марковская» артиллерия вновь была реорганизована: 8 (21) июля 1918 г. 1-я отдельная батарея была развернута в 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион (2-й по счету со времени создания Добровольческой армии) в составе 1-й пехотной дивизии, а 7 (20) августа 1-я батарея получила именное шефство генерала С.Л. Маркова и наименование 1-й Офицерской генерала Маркова батареи⁹. 4 (17) апреля 1919 г. приказом Главнокомандующего ВСЮР 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион был развернут в 1-ю артиллерийскую бригаду, включенную в состав 1-й пехотной дивизии¹⁰.

До начала 2-го Кубанского похода в мае 1918 г. была сформирована еще одна часть, ставшая впоследствии «марковской». По просьбе

командира 1-й пехотной бригады генерала Маркова из состава Конной бригады была выделена сотня кубанских казаков, получившая наименование Отдельной конной сотни при 1-й пехотной бригаде (позднее 1-й пехотной и Марковской дивизиях). Сотня неофициально стала называться «марковской», нашив по приказанию командира бригады черные «марковские» погоны¹¹. Приказом Главнокомандующего Русской армией № 3517 от 21 августа (3 сентября) 1920 г. на основе Отдельной конной сотни в дивизии был образован Конный генерала Маркова дивизион¹².

С началом «Похода на Москву» начался численный рост «марковских» формирований, закончившийся образованием одноименной дивизии.

В начале августа 1919 г. был создан 2-й Офицерский генерала Маркова полк, формирование которого проходило в Харькове¹³. Приказом по 1-й пехотной дивизии № 76 от 8 (21) июля был сформирован 4-й батальон 1-го полка, в который были влиты чины учебных частей¹⁴. Этот батальон приказом по дивизии № 97 от 7 (20) августа был выделен из состава 1-го полка и развернут в 1-й батальон 2-го Офицерского генерала Маркова полка, днем формирования которого, согласно приказу, принято считать 1 (14) августа. 2-й батальон полка был сформирован из части 1-го запасного батальона дивизии, а 3-й батальон – из кадра 1-го полка. Пополнялись батальоны из числа добровольцев и мобилизованных¹⁵.

3 (16) октября 1919 г. был сформирован 3-й Офицерский генерала Маркова полк. Его формирование велось с сентября и проходило в Харькове на базе 9-й офицерской роты 1-го полка¹⁶.

Приказом Главнокомандующего ВСЮР № 2544 от 14 (27) октября 1919 г. 1-я пехотная дивизия, куда входили все три Марковских полка, была развернута в Корниловскую ударную и Офицерскую генерала Маркова пехотные дивизии¹⁷. Помимо марковских полков в состав образованной дивизии вошла Артиллерийская генерала Маркова бригада, сформированная 15 (28) октября 1919 г. на базе 1-й артиллерийской бригады¹⁸, а также 1-я отдельная инженерная генерала Маркова рота. Весной-осенью 1919 г. были созданы запасные батальоны Марковской дивизии – один на всю дивизию и по одному на каждый полк, кадр которых шел на пополнение боевых частей. Батальоны были расформированы в начале 1920 г. В таком составе дивизия входила в состав 1-го армейского корпуса¹⁹.

8 (21) декабря 1919 г. приказом Главнокомандующего ВСЮР железнодорожный взвод 1-й генерала Маркова инженерной роты развивается в 1-ю генерала Маркова железнодорожную роту и придается 4-му железнодорожному батальону²⁰. Впоследствии, 9 (22) апреля 1920 г., после того, как все железнодорожные части были сведены в один железнодорожный батальон, рота вливается в него с наименованием 1-я генерала Маркова рота²¹.

18 (31) декабря 1919 г. в ходе отступления ВСЮР Марковская дивизия была разгромлена в Донбассе, у села Алексеево-Леоново²². После восстановления своей численности в январе 1920 г., она вновь была разбита 16 (29) февраля в бою у станицы Ольгинская, после чего в 17 февраля (1 марта) дивизия была переформирована в Офицерский генерала Маркова полк. Артиллерийская бригада была сведена в Отдельный артиллерийский генерала Маркова дивизион, конные сотни – в Конный дивизион²³.

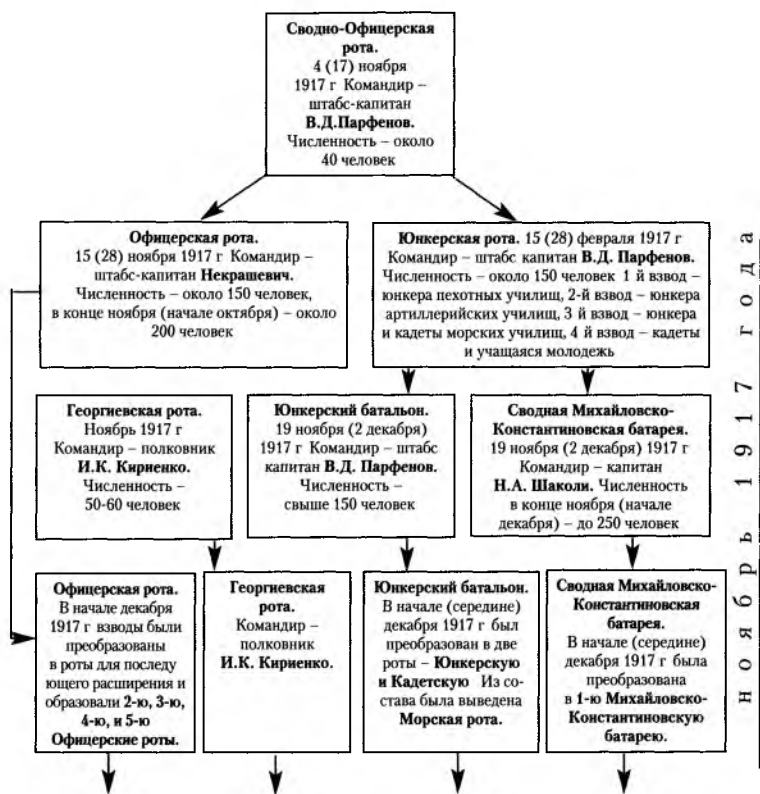
Перед эвакуацией «марковских» частей из Новороссийска в Крым, 13 (26) марта 1920 г., дивизия была восстановлена²⁴. В Крыму она вошла в состав образованного 1-го армейского корпуса.

28 апреля (11 мая) 1920 г. после переименования ВСЮР генералом П.Н. Врангелем в Русскую армию, Офицерская генерала Маркова дивизия была переименована в Пехотную генерала Маркова дивизию (в соответствии с этим переименованием стали называться полки дивизии, а также артиллерийская бригада)²⁵. Летом 1920 г. в составе дивизии были вновь созданы запасные батальоны полков и дивизии (последний предназначался для развертывания в 4-й полк, формирование которого было начато в октябре). В составе 1-го армейского корпуса Марковская дивизия участвовала в боях в Северной Таврии, Заднепровской операции, последних боях перед оставлением Крыма.

В начале ноября 1920 г. дивизия вместе с другими частями Русской армии эвакуировалась из Крыма. 14 (27) ноября в Галлиполи остатки дивизии были сведены в Марковский полк и Марковский артиллерийский дивизион.

СХЕМА РАЗВЕРТЫВАНИЯ ЧАСТЕЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ 4 (17) ноября 1917 – 12 (25) февраля 1918 г.

Новочеркасск. Ноябрь – декабрь 1917 г.

Новочеркасск. Декабрь 1917 г.

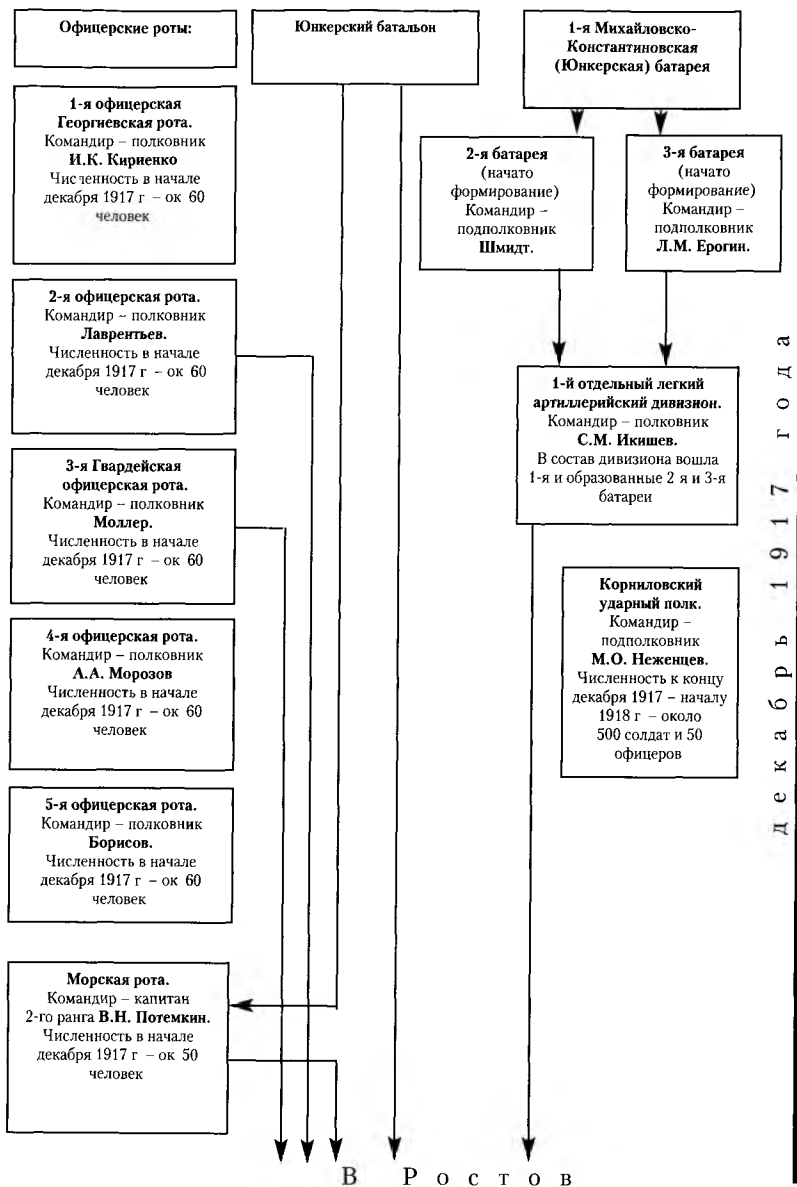
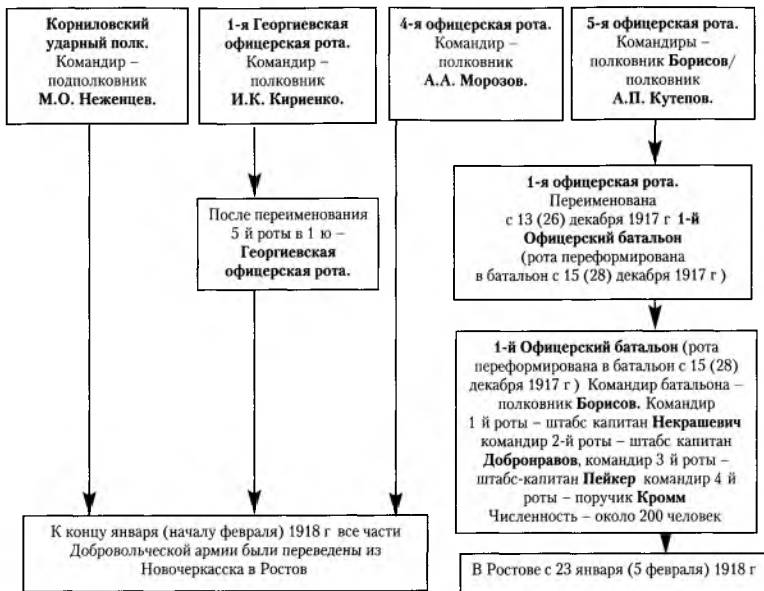

Схема развертывания частей Добровольческой армии в Новочеркасске. Декабрь 1917 – конец января (начало февраля) 1918 г.

декабрь 1917 – конец января (начало февраля) 1918 г

Части Добровольческой армии в Таганроге. Декабрь 1917 – январь 1918 г.

декабрь 1917 – январь 1918 г

Схема развертывания и пополнения 1-го Офицерского батальона. Декабрь 1917 – 12 (25) февраля 1918 г.

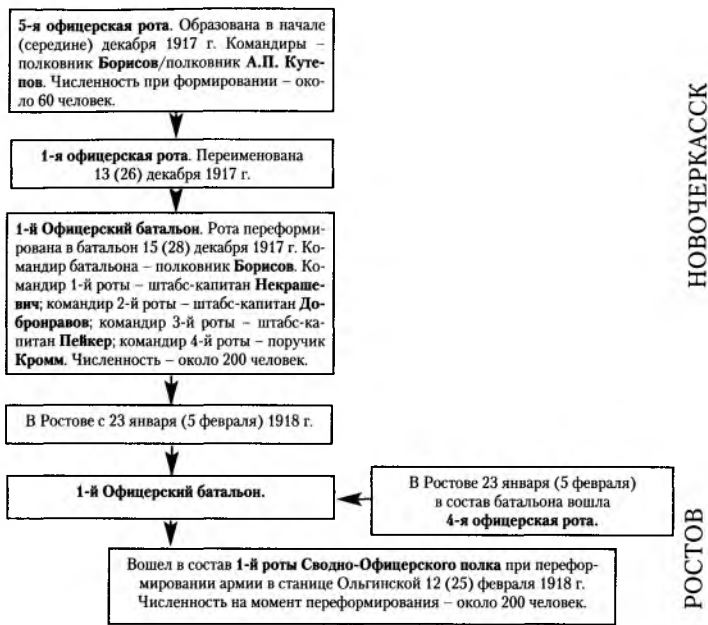

Схема развертывания и пополнения 2-го Офицерского батальона. Декабрь 1917 – 12 (25) февраля 1918 г.

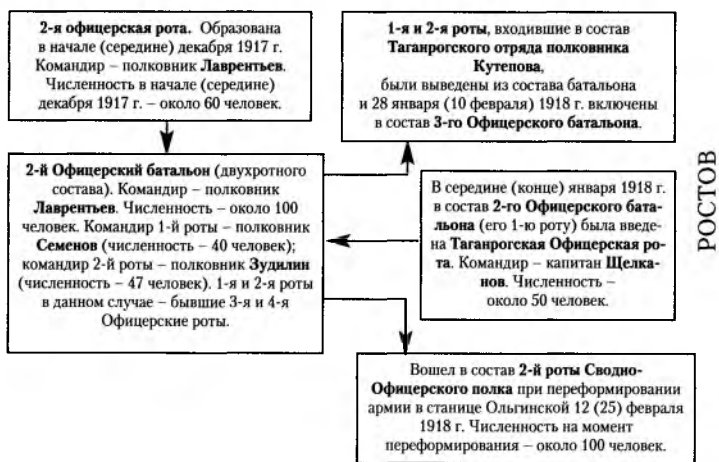
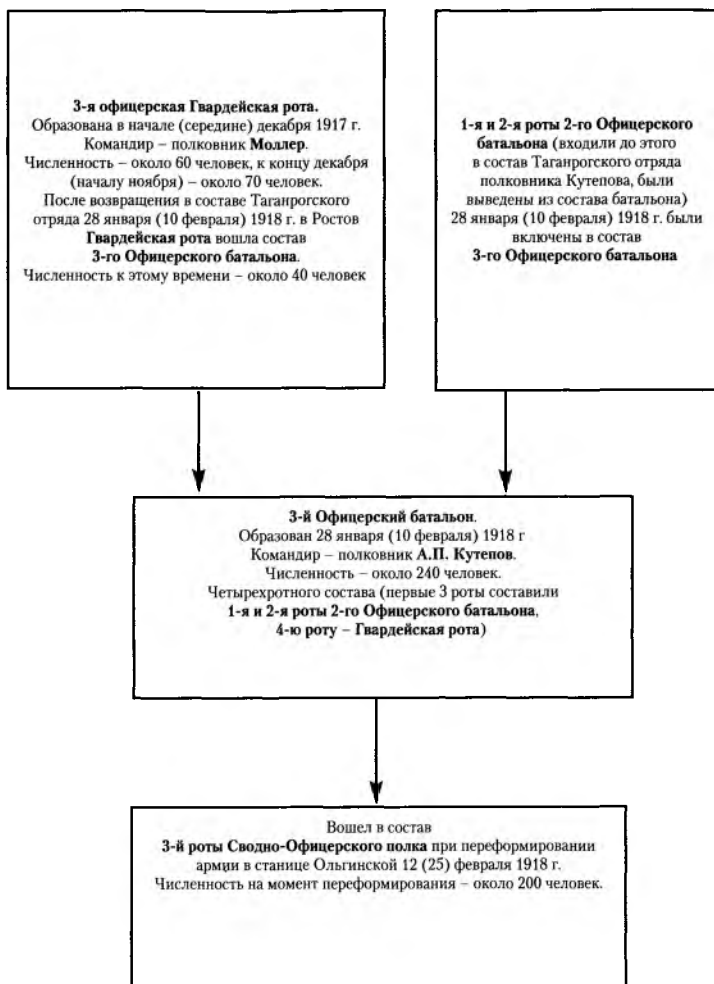

Схема развертывания и пополнения 3-го Офицерского батальона. Январь (февраль) 1918 г.

Р
О
С
Т
О
В

Схема формирования Сводно-Офицерского полка 12 (25) февраля 1918 г. в станице Ольгинской

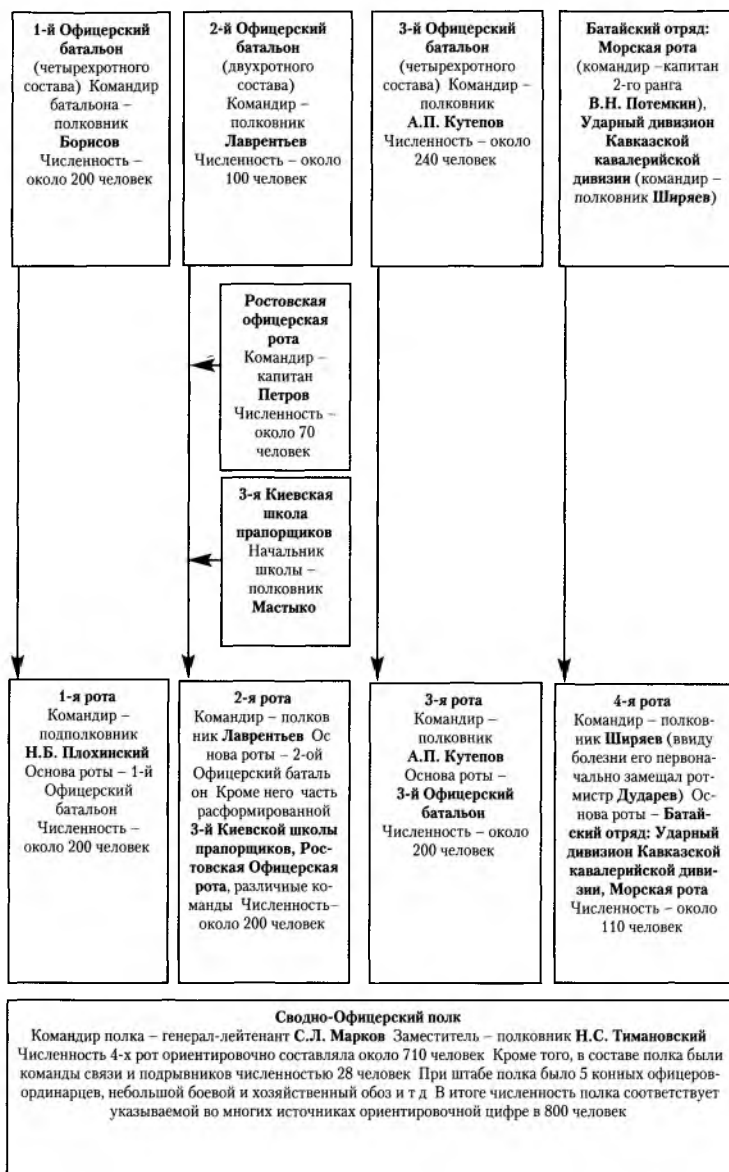

Схема пополнения и переформирования Корниловского ударного полка в станице Ольгинской

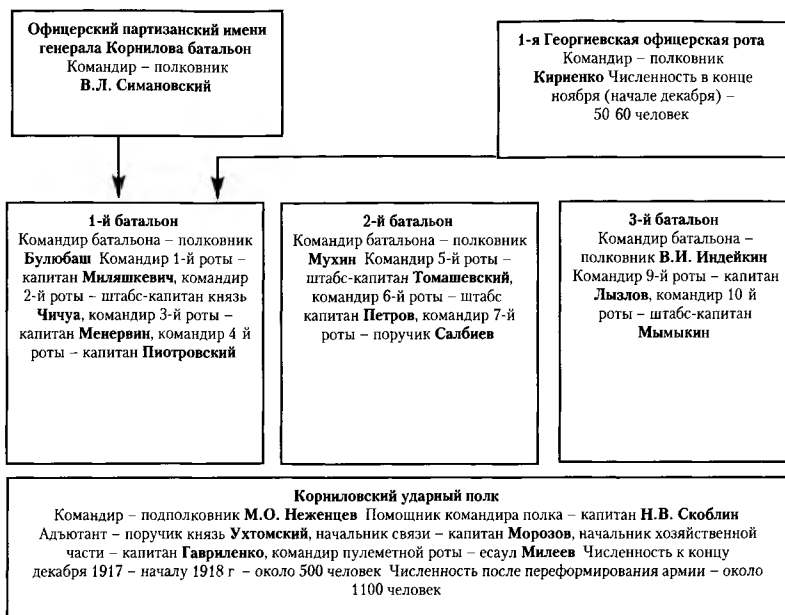

Схема формирования Особого Юнкерского батальона в станице Ольгинской

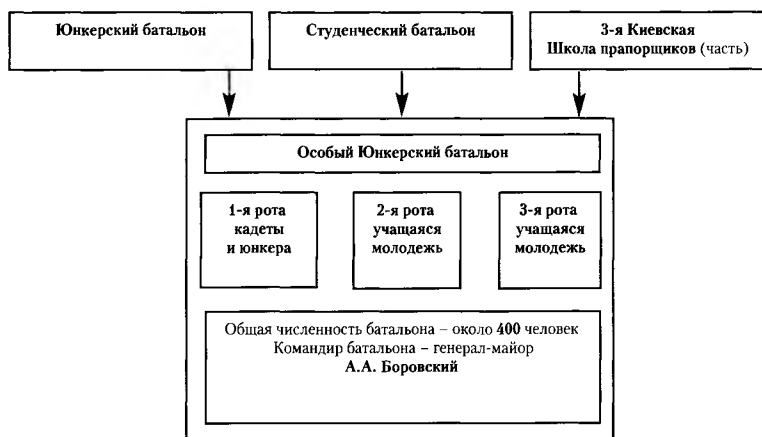

Схема формирования Офицерской генерала Маркова дивизии

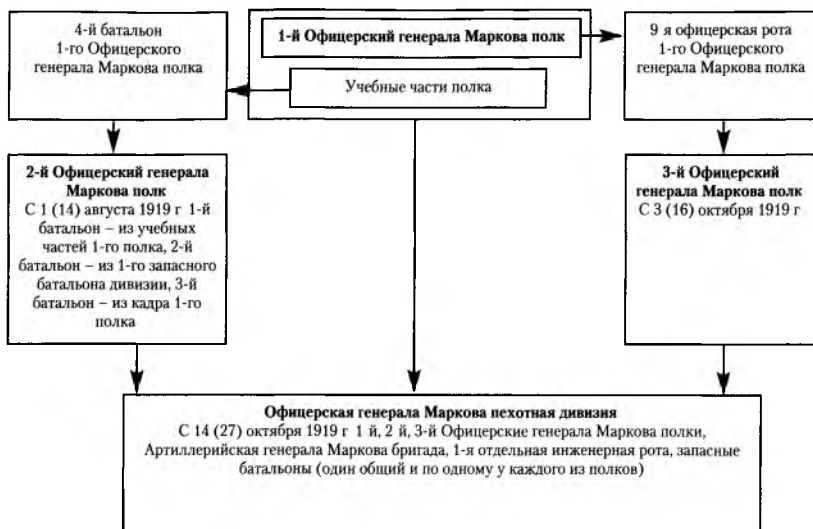
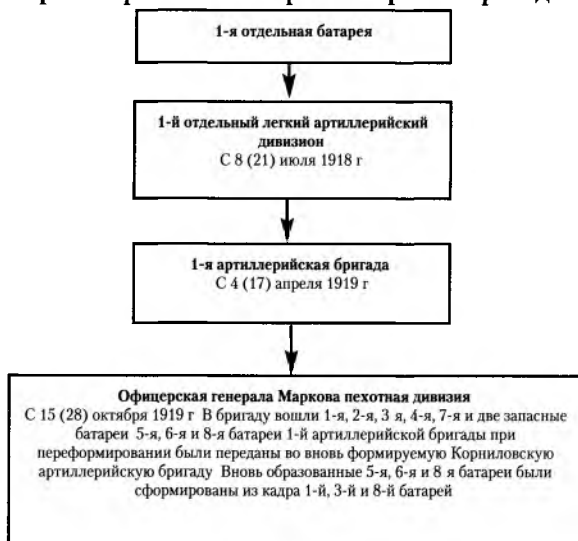

Схема развертывания Артиллерийской генерала Маркова бригады

**ПЕРЕФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ
И ИХ УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ:**

Новочеркасск – Ростов (ноябрь 1917 – январь-февраль 1918 г.)

<i>Наименование части и численность</i>	<i>Участие в боевых действиях</i>	<i>Переформирования</i>
<p>Офицерская рота. Командир – штабс-капитан Некрашевич. Численность к концу ноября – до 200 человек (располагалась в Новочеркасске)</p>	<p>в ночь на 26 ноября (9 декабря) выступила в составе отряда полковника Хованского к Ростову для очищения его от большевиков, принимала участие во взятии Ростова, закончившемся 1 (14) декабря; 28 ноября (11 декабря) рота без одного взвода была отведена в Новочеркасск</p>	<p>в начале (середине) декабря 1917 г. взводы роты были преобразованы в роты для последующего развертывания их в батальоны</p>
<p>1-й Офицерский батальон (в Ростове с 23 января (5 февраля) 1918 г.). Командир батальона – полковник Борисов. Командир 1-й роты – подполковник Н.Б. Плехинский (принял роту в январе 1918 г.); командир 2-й роты – штабс-капитан Доброправов (†19 января (1 февраля) 1918 г.)²⁶; командир 3-й роты – штабс-капитан Пейкер (†21 января (3 февраля) 1918 г.); командир 4-й роты – поручик Кромм. Численность в январе 1918 г. – около 150 человек (кроме того, до</p>	<p>в середине (конце) декабря 1917 г. отряд в 40 офицеров произвел налет на казармы запасных батальонов в Таганроге; с 18 (31) января по 21 января (3 февраля) 1918 г. участвовал в боевых действиях по защите Ростова с севера; с 23 января (5 февраля) нес охранную службу в Ростове; на 9 (22) февраля находился в резерве; 3-я рота 9 (22) февраля участвовал в боях в Темернике, последней отходила с позиций</p>	<p>12 (25) февраля 1918 г. при переформировании армии вошел в состав Сводно-Офицерского полка, составил 1-ю роту</p>

80 человек в различных экспедициях)		
<p>2-я офицерская рота.²⁷ Командир – полковник Лаврентьев</p>	—	в конце декабря – январе преобразована во 2-й Офицерский батальон ²⁸
<p>2-й Офицерский батальон (двухротного состава). Командир – полковник Лаврентьев. Численность – около 100 человек. Командир 1-й роты – полковник Семенов (численность – 40 человек); командир 2-й роты – полковник Зудилин (численность – 47 человек). Численность 1-й и 2-й роты к началу боев в составе отряда полковника Кутепова – 280 человек, по окончании боев – около 200 человек</p>	<p>31 декабря (13 января) 1-я, а затем 2-я роты батальона были отправлены в Таганрог на помощь 3-й Киевской школе прапорщиков и Таганрогской офицерской роте (к ротам было присоединено 3-е орудие 1-й батареи); вошли в состав Таганрогского отряда полковника Кутепова (вел бои в районе Таганрога); после возвращения 28 января (10 февраля) в составе Таганрогского отряда в Ростов 1-я и 2-я роты вошли в состав 3-го Офицерского батальона, несли караульную службу; 4 (17) февраля 2-й Офицерский батальон сменил на позициях возле Батайска Юнкерский батальон, держал оборону на позиции до 8 (21) февраля 1918 г. (совместно с артиллерийским взводом Юнкерской батареи); 9 (22) февраля продолжал бои на этом направлении</p>	<p>12 (25) февраля 1918 г. при переформировании армии вошел в состав Сводно-Офицерского полка, составил 2-ю роту</p>

<p>3-я офицерская Гвардейская рота²⁹. Командир – полковник Моллер. Численность – около 60 человек, к концу декабря (началу января 1918 г.) – около 70 человек. Со времени формирования в Новочеркасске в декабре 1917 г. ротой командовал полковник А.П. Кутепов</p>	<p>после 11 (24) января 1918 г. находилась в составе отряда Таганрогского отряда полковника Кутепова (бои в районе Таганрога)</p>	<p>после возвращения в составе Таганрогского отряда 28 января (10 февраля) 1918 г. в Ростов Гвардейская рота вошла состав 3-го Офицерского батальона (составила в нем роту); численность к этому времени – около 40 человек³⁰</p>
<p>3-й Офицерский батальон. Образован в конце января – первой половине февраля 1918 г. Командир – полковник А.П. Кутепов. Численность – около 240 человек. четырехротного состава (первые 3 роты составили 1-я и 2-я роты 2-го Офицерского батальона; 4-ю роту – Гвардейская рота)</p>	<p>после образования нес охранную и караульную службу в Ростове; 8 (21) февраля сменил на северо-западном направлении у местечка Султан Салы Ростовскую и Георгиевскую роты; 9 (22) февраля продолжал бои на этом направлении, оставался в районе ст. Нахичевань</p>	<p>12 (25) февраля 1918 г. при переформировании армии вошел в состав Сводно-Офицерского полка, составил 3-ю роту</p>
<p>4-я офицерская рота. В Ростове – с конца января (первой половины февраля) 1918 г. Командир – полковник А.А. Морозов. Численность в январе 1918 г. – около 50 человек. После окончания боев в конце января (начале февраля) 1918 г. численность роты – 30 человек</p>	<p>с конца января в Новочеркасске; с 9 (22) января 1918 г. действует в составе отряда есаула Чернецова, прикрывавшего Ростов с севера, вдоль железной дороги на Воронеж (отряд вел борьбу одновременно и в северном, и в западном направлении, вдоль отходящих от станций Зверово и Лихая линий железных дорог в Донецкий бассейн); 4-я офи-</p>	<p>23 января (5 февраля) 1918 г. вошла в состав 1-го Офицерского батальона (вошла в его 2-ю роту)</p>

	церская рота обеспечивала тыл отряда Чернецова вдоль линии железной дороги в сторону Дебальцево	
Морская рота. Командир – капитан 2-го ранга В.Н. Потемкин . Численность в начале (середине) декабря 1917 г. при формировании – около 50 человек ³¹ ; в январе – около 70 человек	в начале (середине) января 1918 г. направлена на усиление Таганрогского отряда полковника Кутепова (бои в районе Таганрога); к 27 января (9 февраля) Морская рота была возвращена в Ростов; с 31 января (13 февраля) 1918 г. в составе Батальонного отряда; 7 (20) февраля была выслана на помощь отряду генерала Черепова, державшего оборону у ст. Хопры; 9 (21) февраля продолжала бои	12 (25) февраля 1918 г. при реформировании армии вошла в состав Сводно-Офицерского полка , включена состав 4-й роты
1-я Георгиевская офицерская рота ² . Командир – полковник И.К. Кириенко . Численность в конце ноября (начале декабря) – 50-60 человек	26 ноября (9 декабря) выступила к Ростову вместе с Донским пластунским батальоном и сотней Новочеркасского военного училища для взятия города, участвовала в штурме города, завершившемся 1 (14) декабря; в конце декабря (начале января) была отправлена (вместе с Ростовской ротой) на помощь партизанским отрядам на станцию Матвеев Курган (35 верст севернее Таганрога); вошла в состав Таганрогского отряда полковника Кутепова (бои в районе Та-	12 (25) февраля 1918 г. при реформировании армии вошла в состав Корниловского ударного полка

	<p>ганрога до 28 января (10 февраля), была выделена (вместе с Ростовской ротой) в особый отряд, прикрывавший направление от Матвеева Кургана на Ростов, занимала вместе с Ростовской ротой позицию в направлении на местечко Султан Салы до 8 (21) февраля (была сменена 3-м Офицерским батальоном)</p>	
<p>Корниловский ударный полк. Командир – подполковник М.О. Неженцев. Численность к концу декабря 1917 – началу 1918 г. – около 500 солдат и 50 офицеров. Командир 1-го батальона – полковник Булюбаши; командир 2-го батальона – полковник Мухин; командир 3-го батальона – полковник В.И. Индейкин. Численность после переформирования армии 12 (25) февраля 1918 г. – около 1100-1200 человек</p>	<p>с 28 января (10 февраля) Сводная рота полка (командир роты – капитан Н.В. Скоблин, численность 128 человек, при 4-х пулеметах) участвовала в боевых действиях в составе Отряда генерала Черепова, прикрывая последний со стороны Таганрога; 30 января (12) февраля Сводная рота полка была сменена офицерской ротой полка (командир – штабс-капитан Заремба, численность – 120 человек); 8 (21) февраля полк был отведен в Лазаретный городок, рота 9 (22) февраля продолжала бои в направлении на ст. Хопры</p>	<p>в 1919 г. развернут в одноименную дивизию</p>
<p>Юнкерский батальон. Командир – штабс-капитан В.Д. Парфенов. Численность во второй половине декабря 1917 г. (первой половине января</p>	<p>22 ноября (5 декабря) совместно с взводом Юнкерской батареи и с сотней Новочеркасского военного училища принял участие в разоружении 2-х за-</p>	<p>при переформировании Добровольческой армии 12 (25) февраля 1918 г. вошел в состав Особого Юнкерского батальона</p>

1918 г.) – около **120** человек, при переправе через Дон (10 (23) февраля) – около **100** человек В начале (середине) декабря сведен в 2 роты: 1-я рота – Юнкерская (командир – ротмистр **Скасьирский**); 2-я рота – **Кадетская** (командир – штабс-капитан **М.В. Мезерницкий**)³³

пасных батальонов в пригороде Новочеркаска Хотунок; в ночь на 26 ноября (9 декабря) выступил в составе отряда полковника Хованского к Ростову для его очищения от большевиков, принимал участие во взятии Ростова, закончившемся 1 (14) декабря; с начала второй половины декабря (в конце декабря – начале января 1918 г.) находился в Ростове, нес караульную службу; с 16 (29) января 1918 г. прикрывал линию железной дороги Ростов – Таганрог для отхода Таганрогского отряда полковника Кутепова; к 27 января (9 февраля) Юнкерский батальон был возвращен в Ростов; в конце января (начале февраля) – на фронте у Новочеркаска, вместе с Партизанским Офицерским батальоном им Корнилова и 1-й Юнкерской батареей; возвратился в Ростов 30 января (12 февраля), нес охранную службу в городе; 1 (14) февраля участвовал в боях под Батайском, пытаясь прорвать окружение Батайского отряда, потерпел неудачу, был отведен за реку Бейсужок; 2–3 (15–16) февраля отбивал атаки

	красных (при поддержке Юнкерского артиллерийского взвода), 4 (17) февраля сменен на позиции 2-м офицерским батальоном	
Отдельный Студенческий батальон (двухротного состава). Образован 8 (21) января 1918 г. Командир – генерал-майор А.А. Боровский (помощник – полковник В.Ф. Назимов). Командир 1-й роты – полковник Зотов ; командир 2-ой роты – капитан Сасионков . Численность при формировании – 280 человек (при 25 офицерах), при переправе через Дон (10 (23) февраля) – около 200-300 человек	с конца января 1918 г. нес охранную и караульную службу в Ростове; 8 (21) февраля 1918 г. впервые выведен на боевые позиции на северо-западном направлении обороны Ростова (занимал позицию левее 3-го Офицерского батальона), вечером того же дня отведен в Лазаретный городок	12 (25) февраля 1918 г. при реформировании Добровольческой армии вошел в состав Особого Юнкерского батальона , составив в нем 2-ю и 3-ю роты
Отряд генерала А.Н. Черепова ³⁴ . Численность в декабре – около 200 человек.	—	первоначально планировалось создать Ростовский офицерский полк; в открытое Бюро записи в течение двух недель записалось около 300 человек, из которых около 200 составили Ростовскую офицерскую роту, а около 100 попали в начавшие формироваться Студенческий батальон, Техническую роту, 2-ю офицерскую, Гвардейскую и Морскую роты

<p>Ростовская офицерская рота. Командир – капитан Петров. Численность – до 200 человек (на момент вхождения в Сводно-Офицерский полк – около 70 человек)</p>	<p>в конце декабря (начале января 1918 г.) была отправлена (вместе с Георгиевской ротой) на помощь партизанским отрядам на станцию Матвеев Курган (35 верст севернее Таганрога); вошла в состав Таганрогского отряда полковника Кутепова (бои в районе Таганрога до 28 января (10 февраля)); была выделена (вместе с Георгиевской ротой) в особый отряд, прикрывавший направление от Матвеева Кургана на Ростов, занимала, позицию в направлении на местечко Султан Салы до 8 (21) февраля (сменена 3-м Офицерским батальоном)</p>	<p>12 (25) февраля 1918 г. при реформировании армии вошла в состав Сводно-Офицерского полка, вошла в состав 2-й роты</p>
<p>Офицерский партизанский батальон имени генерала Корнилова³⁵. Командир – полковник В.Л. Симановский. Численность в начале (середине) января 1918 г. – до 500 человек (четырёхротного состава)</p>	<p>в начале (середине) января 1918 г. направлен на усиление Таганрогского отряда полковника Кутепова (бои в районе Таганрога); к 27 января (9 февраля) находился на фронте под Новочеркасском; к 30 января (12 февраля) возвращен в Ростов; ночью 9 (22) февраля прикрывал с запада станцию Аксайскую, действуя вместе с другими мелкими отрядами и орудием 1-й Юнкерской батареи</p>	<p>12 (25) февраля 1918 г. при реформировании армии вошел в состав Корниловского ударного полка, составил 1-й батальон</p>

<p>Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии. Прибыл в Ростов во второй половине (конце) декабря 1917 г. Командир – полковник Ширяев (заместитель – ротмистр Дударев). Численность ко времени прибытия – около 80 человек; к концу января (началу февраля) 1918 г. – около 120 человек (в этом составе выступил в Батайск)</p>	<p>с 31 января (13) февраля вошел в состав Батайского отряда; участвовал в подготовке для Добровольческой армии переправы через Дон у станции Аксайской в ночь с 9 (22) на 10 (23) февраля</p>	<p>2 (25) февраля 1918 г. при переформировании армии вошел в состав Сводно-Офицерского полка, включен в 4-ю роту</p>
<p>1-й Кавалерийский дивизион (Отряд полковника Гершельмана)³⁶. Командир – полковник В.С. Гершельман. Командиры эскадронов: 1-го – подполковник Селиванов; 2-го – подполковник Балицкий. Численность к 30 декабря (12 января) – 48 человек³⁷; к 10 (23) января – 138 человек³⁸</p>	<p>с 13 (26) января 1918 г. участвовал в боях под Таганрогом и при отходе к Ростову</p>	<p>с началом 1-го Кубанского похода был сведен в офицерский эскадрон; 26 марта (8 апреля) 1918 г. был влит в 1-й конный генерала Алексеева полк</p>
<p>Сводная Михайловско-Константиновская (Юнкерская) батарея³⁹. Командиры – штабс-капитан Н.А. Шаколи (до середины декабря) /подполковник Д.Т. Миончинский (с 14 (27) декабря). Численность в начале (середине) декабря – более 200 человек. 1-й взвод – при 2-х орудиях; 2-й</p>	<p>22 ноября (5 декабря) взвод батареи (совместно с Юнкерским батальоном и с сотней Новочеркасского военного училища) принял участие в разоружении 2-х запасных батальонов в пригороде Новочеркаска Хотунок; 28 ноября (11 декабря) выступила из Новочеркаска к Ростову (совместно</p>	<p>в декабре 1917 г. включена в состав 1-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона, составила 1-ю офицерскую батарею</p>

<p>взвод – 50 человек (пеший). Кроме того, команда разведчиков, команда телефонистов, пулеметная команда (при 2-х пулеметах), хозяйственные чины</p>	<p>с сотней казаков и донским артиллерийским взводом), в подкрепление отряду полковника Хованского; участвовала во взятии Ростова, завершившемся 1 (14) декабря</p>	
<p>1-я Юнкерская (Офицерская) батарея. Командир – подполковник Д.Т. Миончинский</p>	<p>взвод батареи во главе с Д.Т. Миончинским участвовал в боевых действиях в составе отряда есаула Чернецова с 9 (22) по 28 января (10 февраля) 1918 г.; 9 (22) февраля взвод Юнкерской батареи участвовал в боях в Темернике; в начале (середине) января в Таганрогский отряд был послан подрывной взвод батареи; к 27 января (9 февраля) в Таганрогский отряд был послан взвод батареи, в этот же день основная часть батареи в месте с Партизанским Офицерским батальоном находилась на фронте под Новочеркасском; 2–3 (15–16) февраля взвод батареи совместно с Юнкерским батальоном отражал атаки красных со стороны Батайска, сменен 4 (17) февраля; 9 (22) февраля взвод батареи принимал участие вместе с 3-й ротой 1-го Офицерского батальона в боях в Темернике; орудие Юнкерской ба-</p>	<p>входила в состав 1-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона; при реформировании Добровольческой армии в станице Ольгинской переименована в 1-ю офицерскую батарею</p>

	<p>тарей ночью 9 (22) февраля вместе с Партизанским Офицерским батальоном прикрывало станицу Аксайскую с запада</p>	
<p>2-я батарея⁴⁰. Командир – подполковник Шмидт</p>	<p>в январе батарея получила 2 орудия от Юнкерской батареи; входила в состав отряда генерала Черепова; 9 (22) января была направлена в Лазаретный городок</p>	<p>входила в состав 1-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона, в середине марта 1918 г. вместе с 3-й батареей при расформировании дивизиона вошла в состав 2-й отдельной (офицерской) батареи</p>
<p>3-я батарея⁴¹. Командир – подполковник Л.М. Ерогин</p>	<p>—</p>	<p>входила в состав 1-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона; в середине марта 1918 г. вместе со 2-й батареей при расформировании дивизиона вошла в состав 2-й отдельной (офицерской) батареи</p>
<p>1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион. Командир – полковник С.М. Икишев</p>	<p>создан в декабре 1917 г.; в его состав входили 1-я юнкерская, 2-я офицерская и 3-я (смешанного) состава батареи</p>	<p>расформирован в конце марта начале апреля 1918 г.</p>
<p>Техническая рота. Командир – полковник Н.И. Кандырин (с 21 февраля (6 марта) – полковник Н.Д. Банин). Численность ко времени оставления Ростова – 120 человек</p>	<p>в Ростове занималась починкой железных дорог, мостов, телеграфных линий, поддержкой связи; подготавливала для Добровольческой армии пеправу через Дон у станицы Аксайской в ночь с 9 (22) на 10 (23) февраля</p>	<p>впоследствии была реорганизована в 1-ю Железнодорожную, 1-ю Инженерную и 1-ю Телефонографную роты</p>

<p>3-я Киевская школа прапорщиков. Начальник школы – полковник Мастыко (†16 (29) января 1918 г.). Командир 1-й роты – подполковник Дедюра; командир 2-й роты – подполковник Макаревич. Прибыла в Таганрог из Киева в начале (середине) ноября 1917 г. Численность – около 400 человек</p>	<p>со времени прибытия поддерживала порядок в Таганроге; одна из рот Школы встала по взводу на линии железной дороги в Ростове; в середине (конце) января 1918 г. вела бои с восставшими большевиками в Таганроге, действовала в составе Таганрогского отряда полковника Кутепова; к 27 января (9 февраля) была переведена в Ростов, где несла охранную и караульную службу в городе; участвовала в боях на северо-западном направлении до 8 (21) февраля, занимая позицию левее Студенческого батальона (позиция доходила до Темерника); 9 (22) февраля продолжала бои, вечером была отведена в Лазаретный городок</p>	<p>12 (25) февраля 1918 г. при реформировании армии частично вошла в состав Сводно-Офицерского полка (его 2-ю роту), а около трети – в Юнкерский батальон</p>
<p>Таганрогская офицерская рота. Командир – капитан Щелканов. Численность – около 50 человек (2 пулемета)</p>	<p>в середине (конце) января 1918 г. была влита в состав 1-й роты 2-го Офицерского батальона, вместе с ней вошла в состав Таганрогского отряда полковника Кутепова (бои в районе Таганрога)</p>	<p>в середине (конце) января 1918 г. была влита в состав 1-й роты 2-го Офицерского батальона</p>
<p>Карпато-русский отряд². Командир – прапорщик Б.Н. Яцев. Сформирован 21 января (3 февраля) 1918 г. Численность на мо-</p>	<p>к 9 (22) февраля 1918 г. находился в резерве, позднее занял фронт вдоль Дона, обеспечивая Ростов и Нахичевань с юга</p>	<p>12 (25) февраля 1918 г. при реформировании армии вошел в состав образованного Чехословацкого инженерного батальона</p>

<p>мент формирования – 41 человек</p>		
<p>Партизанский отряд есаула Чернецова. Командир – есаул (полковник) В.М. Чернецов (†21 января (3 февраля) 1918 г.). Сформирован 30 ноября (13 декабря) 1917 г. Численность при образовании – до 250 человек; в январе – около 600 человек</p>	<p>в декабре 1917 г. провел карательную экспедицию на Макеевские рудники; после возвращения в Новочеркасск отряд был перестроен и занял станцию Дебальцево, вскоре был отозван для защиты Новочеркаска; в середине января отряд с приданными орудиями Михайловско-Константиновской батареи и 4-й офицерской ротой был направлен на фронт в район станций Лихая-Каменская, где успешно действовал; 21 января (3 февраля) 1918 г. произведенный в полковники Чернецов попал в плен и был убит вместе с примерно 40 офицерами и добровольцами своего отряда</p>	<p>12 (25) февраля 1918 г. при перестроении армии остатки отряда вошли сотней в состав образованного Партизанского полка</p>
<p>Партизанский отряд сотника Грекова. Численность в январе 1918 г. – 150 штыков и сабель</p>	<p>9 (22) февраля вел бои в направлении на ст. Хопры</p>	<p>чины полка приняли участие в 1-м Кубанском походе в составе Партизанского полка</p>
<p>Партизанский отряд есаула Р.Г. Лазарева</p>	<p>9 (22) февраля вел бои в Темернике</p>	<p>12 (25) февраля 1918 г. при перестроении армии вошел в состав Партизанского полка</p>
<p>Таганрогский отряд генерала Кутепова. Действовал с 31 декаб-</p>	<p>отряд вел бои в направлении железнодорожной ветки с Матве-</p>	<p>—</p>

ря 1917 г. (13 января 1918 г.). Состав: **3-я Киевская школа прапорщиков, Таганрогская офицерская рота, 1-я рота 2-го Офицерского батальона, Ростовская офицерская рота, Георгиевская офицерская рота.** В начале (середине) января в состав вошла **Морская рота**, подрывная команда **Юнкерской батареи, Партизанский офицерский отряд.** 11 (24) января прибыла **Гвардейская рота**, 16 (29) января **Юнкерский батальон.** К 27 января (9 февраля) прибыла рота **Корниловского полка** и взвод **Юнкерской батареи.**

ева Кургана на Ростов; Ростовская и Георгиевская офицерские роты были выделены в отдельный отряд, прикрывавший направление на восток от Матвеева Кургана; 11 (24) января 2-я рота 2-го Офицерского батальона была вызвана в Ростов; 14 (27) января происходит восстание в Таганроге; к этому времени там находилась Юнкерская рота Школы прапорщиков во главе с полковником Мастыко, на помощь выслана 1-я рота 2-го Офицерского батальона которые оказались в окружении; 16 (29) января на помощь отряду прибыл Юнкерский батальон, защищавший железную дорогу на Ростов; к 20 января (2 февраля) отряд отошел на линию станции Бессергеновка; из его состава были выведены: Школа прапорщиков, Юнкерский батальон, Партизанский офицерский отряд и Морская рота; к 27 января (9 февраля) отряд отошел на ст. Морская (к этому времени в его составе – рота Корниловского ударного полка и взвод Юнкерской батареи); в этот же день отряд отошел к ст. Синявской, а 28 января

	(10) февраля был сменин Отрядом генерала Черепова	
Отряд генерала Черепова. Состав: Корниловский ударный полк, казаки ст. Гниловской, Партизанский отряд сотника Грекова, 2 орудия 2-й офицерской батареи. 7 (20) февраля в состав вошла Морская рота. Общая численность отряда – около 820 штыков	сменил Таганрогский отряд 28 января (10 февраля) на ст. Хопры	—
Батайский отряд. Командир – полковник Ширяев. Состав с 20-х чисел января (начала февраля): Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии, 10 офицеров из 2-го Офицерского батальона, Морская рота (с 31 января (13 февраля), 2 орудия Юнкерской батареи	части находились в Батайске с 20-х чисел января (начала февраля) 1918 г. для охраны города; отряд попал в окружение, вел неравные бои; вышел из окружения в ночь с 1 на 2 (14 на 15) февраля 1918 г.	—

**ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ
МАРКОВСКИХ ЧАСТЕЙ: 1918 – 1920 гг.**

1918 год

Сводно-Офицерский полк

(с 12 (25) февраля по конец марта (начало апреля 1918 г.)

*Данные о составе и численности ко времени реформирования
Добровольческой армии
и создания полка 12 (25) февраля 1918 г.⁴³*

Сводно-Офицерский полк	
1-я рота	
штыков	более 200
пулеметов	4
2-я рота	
штыков	более 200
пулеметов	4
3-я рота	
штыков	более 200
пулеметов	3
4-я рота	
штыков	около 110
пулеметов	4
команда связи и подрывников	28
5 конных офицеров-ординарцев, боевой и хозяйственный обозы, походный лазарет	—
Итого в полку	
штыков	около 800
пулеметов	11

**1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион
(начало (середина) декабря 1917 –
середина (конец) марта 1918 г.)⁴⁴**

Данные о составе к 12 (25 февраля) 1918 г.

1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион	
1-я офицерская батарея ⁴⁵	2 орудия
2-я офицерская батарея	2 орудия
3-я батарея ⁴⁶	2 орудия
4-я батарея	53 офицера и добровольца, 2 орудия

**Офицерский полк
(конец марта (начало апреля) –
конец мая (начало июня) 1918 г.)**

*Данные о составе и численности полка в конце марта (начале апреля)
1918 г. ко времени переформирования Добровольческой армии
в станице Ново-Дмитриевской⁴⁷*

Офицерский полк	
1-й батальон (трехротного состава)	–
2-й батальон (трехротного состава)	–
Всего в полку	
штыков	около 800
пулеметов	12

**1-я отдельная батарея
(конец марта (начало апреля) – 8 (21) июля 1918 г.)⁴⁸**

*Данные о составе батареи ко времени переформирования
в станице Ново-Дмитриевской*

1-я отдельная батарея	
орудий	4 ⁴⁹

*Данные о составе и численности полка
к началу (середине) апреля 1918 г. (по окончании боев у Екатеринодара)⁵⁰*

Офицерский полк	
1-й батальон	около 240 штыков
2-й батальон	около 130 штыков
Всего в полку	
штыков	не более 400

**1-й Офицерский полк
(27 мая (9 июня) – 13 (26) июня 1918 г.)**

*Данные о составе и численности полка ко времени начала пополнения
в Новочеркасске в конце мая – начале июня 1918 г.⁵¹*

1-й Офицерский полк	
1-й батальон (трехротного состава)	–
2-й батальон (трехротного состава)	–
Всего в полку	
штыков	около 500

**1-й Офицерский генерала Маркова полк
13 (26) июня 1918 г. – 28 апреля (11) мая 1920 г.**

*Данные о составе и численности полка
после пополнения в Новочеркасске в июне 1918 г.⁵²*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
1-й батальон (трехротного состава)	около 450 штыков
2-й батальон (трехротного состава)	около 450 штыков
3-й батальон (трехротного состава)	около 600 штыков
Всего в полку	
штыков	около 1500
полковая пулеметная команда	15 пулеметов ⁵³

*Данные о составе и численности полка
к 22 июня (5 июля) 1918 г.⁵⁴*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
1-й батальон	около 450 штыков
2-й батальон	около 450 штыков
3-й батальон	около 750 штыков ⁵⁵
Всего в полку	
штыков	около 1650

**1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион
(8 (21) июля 1918 г. – 4 (17) апреля 1919 г.)⁵⁶**

*Данные о составе дивизиона к моменту его формирования
8 (21) июля 1918 г.*

1-й отдельный легкий дивизион	
1-я батарея	4 орудия
2-я батарея ⁵⁷	2 орудия

*Данные о численности полка ко времени вступления в Екатеринодар
3 (16) августа 1918 г.⁵⁸*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	около 800

*Данные о составе и численности после пополнения в Екатеринодаре
в августе 1918 г.⁵⁹*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
1-й батальон (четырёхротного состава)	свыше 800 штыков
2-й батальон (четырёхротного состава)	свыше 850 штыков
3-й батальон (четырёхротного состава)	свыше 850 штыков
Всего в полку	
штыков	свыше 2500- 3000
пулеметов в ротах (по 2 при роте)	24
полковая пулеметная команда	12
конная сотня	около 100 сабель

*Данные о составе 1-го отдельного легкого дивизиона
к 17 (30) августа 1918 г.*

1-й отдельный легкий дивизион	
1-я генерала Маркова батарея	4 орудия
2-я батарея ⁶⁰	4 орудия
3-я гвардейская батарея ⁶¹	—
отдельное конное орудие ⁶²	1 орудие

*Данные о численности 1-го Офицерского
генерала Маркова полка
до начала Армавирских боев в октябре 1918 г.⁶³*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	около 2500

*Данные о численности полка после Армавирских боев
в конце октября (начале ноября) 1918 г.⁶⁴*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	около 1500

*Данные о составе и численности полка
после окончания боев за Ставрополь в начале (середине) ноября 1918 г.⁶⁵*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
1-й батальон	около 260-280 штыков

2-й батальон	около 120-160 штыков
3-й батальон	около 120-160 штыков
пулеметы	20
конная сотня	—
Всего в полку	
штыков	500-600 (700)

*Данные о составе 1-го отдельного легкого дивизиона
к 5 (18) ноября 1918 г.*

1-й отдельный легкий дивизион	
1-я генерала Маркова батарея	4 орудия
2-я батарея	4 орудия
3-я батарея ⁶⁶	4 орудия
1-я отдельная легкая гаубичная батарея ⁶⁷	4 орудия
отдельное конное орудие	1 орудие

*Данные о составе и численности 1-го Офицерского генерала Маркова
полка после пополнения в Ставрополе, начиная с 9 (22) ноября 1918 г.⁶⁸*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
1-й батальон	около 400 штыков
2-й батальон	около 500 штыков
3-й батальон	около 500 штыков
Всего в полку	
штыков	около 1400 (1500)
пулеметы	более 20
конная сотня	—

*Данные о численности полка
во время боев в Ставропольской губернии
к 21 декабря 1918 г. (3 января 1919 г.)⁶⁹*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	около 300

1919 год

*Данные о составе численности полка
к началу (середине) января 1919 г.⁷⁰*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
1-й батальон	около 230-260 штыков
2-й батальон	около 300-330 штыков
3-й батальон	около 300-330 штыков
Всего в полку	
штыков	около 830-920 (800)
пулеметы	20

*Данные о численности полка
к концу января – началу февраля (февралю) 1919 г.⁷¹*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	около 1500
пулеметов	около 30

*Состав 1-й артиллерийской бригады
с момента ее образования 4 (17) апреля 1919 г.⁷²*

1-я артиллерийская бригада	
1-й дивизион	1-я генерала Маркова и 2-я батареи
2-й дивизион	3-я и 4-я батареи
3-й дивизион ⁷³	5-я и 6-я батареи
4-й дивизион	7-я и 8-я батареи
запасной дивизион ⁷⁴	1-я и 2-я батареи

*Данные о численности 1-го Офицерского генерала Маркова полка
к 20 июля (2 августа) 1919 г.⁷⁵*

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	1712
пулеметов	20

Данные о численности полка к 25 июля (7 августа) 1919 г.⁷⁶

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
офицеров	479
штыков в пехоте	1712
людей в строевой команде	474
людей в нестроевой команде	374
Итого в полку	
человек	3039
пулеметов	20

Данные о численности марковских частей к августу 1919 г.

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	—
2-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	около 1800 ⁷⁷
1-я отдельная инженерная генерала Маркова рота	
штыков	—

Данные о численности марковских частей к 5 (18) сентября 1919 г.⁷⁸

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	1024
пулеметов	20
2-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	500
пулеметов	—
Итого в полках	
штыков	1524
1-я отдельная генерала Маркова инженерная рота	
саперов	401

Данные о численности марковских частей к 7 (20) сентября 1919 г.

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	—
2-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	до 3500 ⁷⁹
пулеметов	40

1-я отдельная генерала Маркова инженерная рота саперов		
		—

Данные о численности марковских частей ко времени боев в районе Курск – Орел в середине (конце) сентября 1919 г.⁸⁰

Марковские части	1	2
1-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков	—	809
пулеметов	—	20
2-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков	около 2200 ⁸¹	1166
пулеметов	—	27
3-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков	около 1440-1470 ⁸²	459
пулеметов	—	5
Итого в полках		
штыков	—	2434
пулеметов	—	52
1-я отдельная генерала Маркова инженерная рота саперов		
	—	420

Данные о численности марковских частей в конце сентября (начале октября) 1919 г.

1-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков		более 2100 ⁸³
2-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков		более 1000 ⁸⁴
3-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков		—
1-я отдельная генерала Маркова инженерная рота саперов		
		—

Данные о численности марковских частей в конце октября (начале ноября) 1919 г.⁸⁵

1-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков		до 1200
2-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков		до 1400

3-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	до 1400 ⁸⁶
Итого в полках	
штыков	до 4000
конная сотня 1-го полка	
сабель	150

Данные о численности марковских частей к 1 (14) октября 1919 г.⁸⁷

1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	882
пулеметов	20
2-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	1174
пулеметов	24
3-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	618
пулеметов	24
Итого в полках	
штыков	2674
пулеметов	68
1-я отдельная генерала Маркова инженерная рота	
саперов	563

Состав 1-й артиллерийской бригады к 5 (18) октября 1919 г.⁸⁸

1-я артиллерийская бригада	
4 дивизиона	8 батарей
запасной дивизион	2 батареи
легкие орудия	14
гаубицы	11

**Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия
(с 14 (27) октября 1919 г.)**

*Данные о составе и численности дивизии
к 20 октября (2 ноября) 1919 г.⁸⁹*

Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия	
1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	882
пулеметов	20

2-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков	674	
пулеметов	24	
3-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков	455	
пулеметов	19	
Итого в полках		
штыков	2011	
пулеметов	63	
Артиллерийская генерала Маркова бригада ⁹⁰		
1-й дивизион	1-я генерала Маркова и 2-я батареи	
2-й дивизион	3-я и 4-я батареи	
3-й дивизион	5-я и 6-я батареи	
4-й гаубичный дивизион	7-я и 8-я батареи	
запасной дивизион	1-я и 2-я батареи	
легкие орудия	26	
гаубиц	4	
Отдельная инженерная генерала Маркова рота		
саперов	596	
запасной батальон дивизии		
штыков	2446	
пулеметов	7	
<i>Данные о составе и численности дивизии к 5 (18) ноября 1919 г.⁹¹</i>		
Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия	1	2
1-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков	1000 ⁹²	733
пулеметов	—	20
2-й Офицерский генерала Маркова полк		
штыков	—	674
пулеметов	—	24

3-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	более 500 ⁹³ 832
пулеметов	— 23
Итого в полках	
штыков	2239
пулеметов	— 67
Артиллерийская генерала Маркова бригада	
4 дивизиона	8 батарей
легкие орудия	25
гаубицы	4
Отдельная инженерная генерала Маркова рота	
саперов	794
запасной батальон дивизии	
штыков	1132
запасной батальон 1-го полка	
штыков	127
запасной батальон 2-го полка	
штыков	20
запасной батальон 3-го полка	
штыков	289

*Данные о составе и численности дивизии
ко времени отступления в Донбасс 12 (25) декабря 1919 г.⁹⁴*

Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия	
1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	800
пулеметов	около 20
2-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	до 550
пулеметов	около 20
3-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	до 550
пулеметов	около 20
Итого в полках	
штыков	около 1900
пулеметов	60

конные сотни	
сабель	по 50-60
конный дивизион (в формировании)	
сабель	200
Артиллерийская генерала Маркова бригада	
орудий	14
запасной батальон дивизии	
запасной батальон 1-го полка	
запасной батальон 2-го полка	
запасной батальон 3-го полка	
штыков	289

*Данные о составе дивизии
перед ее разгромом у села Алексеево-Леоново 18 (31) декабря 1919 г.⁹⁵*

Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия	
1-й Офицерский генерала Маркова полк	
2-й Офицерский генерала Маркова полк	
3-й Офицерский генерала Маркова полк	
Артиллерийская генерала Маркова бригада	
2-я, 3-я, 5-я, 6-я батареи ⁹⁶	13 орудий
запасной батальон дивизии	
запасной батальон 1-го полка	
запасной батальон 2-го полка	
запасной батальон 3-го полка	
Всего в дивизии	
штыков	до 1500

*Данные о составе и численности дивизии после ее разгрома
у села Алексеево-Леоново 18 (31) декабря 1919 г.⁹⁷*

Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия	
1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	около 300
пулеметов	5-6
2-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	250
пулеметов	10

3-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	300
пулеметов	4-5
Итого в полках	
штыков	около 850
пулеметов	около 20

1920 год

*Данные о составе и численности дивизии
в середине (конце) января 1920 г.⁹⁸*

Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия	
1-й Офицерский генерала Маркова полк	
2-й Офицерский генерала Маркова полк	
3-й Офицерский генерала Маркова полк	
офицеров	641
солдат	1367
Итого в полках	
человек	2008
Артиллерийская генерала Маркова бригада ⁹⁹	
солдат и офицеров	282
легких орудий	5
гаубиц	6

Сводно-Офицерский генерала Маркова пехотный полк (17 февраля (1 марта) – середина (конец) марта 1920 г.)

*Данные о численности и составе марковских частей после разгрома
дивизии у станицы Ольгинской 16 февраля (29 февраля) 1920 г.*

Сводно-Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	около 500
Отдельный артиллерийский генерала Маркова дивизион Конный генерала Маркова дивизион	

*Данные о составе и численности полка
к началу (первой половине) марта 1920 г.¹⁰⁰*

Сводно-Офицерский генерала Маркова полк	
1-й батальон	
штыков	около 400
2-й батальон	
штыков	около 300

3-й батальон штыков	около 250
Итого в полку	
штыков	около 950
пулеметов	68
орудий	14
сабель	до 200
пулеметов	около 30

Данные о составе и численности Офицерской генерала Маркова пехотной дивизии в марте 1920 г. после Новороссийской эвакуации¹⁰¹

Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия	
1-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	около 450
пулеметов	15
2-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	до 650 ¹⁰²
офицеров	250 ¹⁰³
солдат	500 ¹⁰⁴
пулеметов	25
3-й Офицерский генерала Маркова полк	
штыков	около 350
пулеметов	12
Артиллерийская генерала Маркова бригада ¹⁰⁵	
офицеров, врачей, чиновников	246
солдат	около 500
легких орудий	2
гаубиц	2
пулеметов	16
Инженерная генерала Маркова рота ¹⁰⁶	
саперов	150
Железнодорожная генерала Маркова рота	
Телеграфная генерала Маркова рота	
Итого в дивизии	
штыков	1450
пулеметов	42
орудий	4

*Состав Артиллерийской генерала Маркова бригады
к середине (концу мая) 1920 г.*

Артиллерийская генерала Маркова бригада ¹⁰⁷	
1-й дивизион	1-я генерала Маркова и 2-я батареи
2-й дивизион	3-я и 4-я батареи
3-й дивизион	7-я гаубичная и 8-я батареи
легких орудий	8
гаубиц	4

Пехотная генерала Маркова дивизия

*Данные о составе и численности дивизии
в начале (середине) июне 1920 г.¹⁰⁸*

Пехотная генерала Маркова дивизия	
1-й генерала Маркова пехотный полк	
штыков	1000
2-й генерала Маркова пехотный полк	
штыков	900
3-й генерала Маркова пехотный полк	
штыков	800
Артиллерийская генерала Маркова бригада	
орудий	16
запасной батальон дивизии ¹⁰⁹	
запасной батальон 1-го полка ¹¹⁰	
запасной батальон 2-го полка	
запасной батальон 3-го полка	
Итого в дивизии	
штыков	около 2700
орудий	16

*Данные о составе и численности дивизии
в конце августа (начале сентября) 1920 г.¹¹¹*

Пехотная генерала Маркова дивизия	
1-й генерала Маркова пехотный полк	
штыков	около 500
пулеметов	около 20

2-й генерала Маркова пехотный полк	
штыков	около 500
пулеметов	около 20
3-й генерала Маркова пехотный полк	
штыков	около 500
пулеметов	около 20
Итого в дивизии	
штыков	около 1500
пулеметов	около 60
запасной батальон дивизии	
запасной батальон 1-го полка	
запасной батальон 2-го полка	
запасной батальон 3-го полка	
Всего в запасных батальонах	
штыков	около 300

Данные об офицерском составе Артиллерийской генерала Маркова бригады к 15 (28) сентября 1920 г в городе Александровске, ко времени начала Заднепровской операции¹¹²

Артиллерийская генерала Маркова бригада	
управление бригады	13 чел.
управление 1-го дивизиона	4 чел.
управление 2-го дивизиона	5 чел.
управление 3-го дивизиона	4 чел.
1-я генерала Маркова батарея	44 чел.
2-я батарея	25 чел.
3-я батарея	34 чел.
4-я батарея	33 чел.
7-я батарея	35 чел.
8-я батарея	36 чел.
огнесклад	16 чел
Итого в бригаде	249 чел

Данные о составе и численности дивизии к 1 (14) октября 1920 г.¹¹³

Пехотная генерала Маркова дивизия	
1-й генерала Маркова пехотный полк	
штыков	400
пулеметов	45

2-й генерала Маркова пехотный полк	
штыков	300
пулеметов	45
3-й генерала Маркова пехотный полк	
штыков	400
пулеметов	30
Марковский кавалерийский дивизион	
сабель	150
пулеметов	6
Артиллерийская генерала Маркова бригада	
легких орудий	15
тяжелых орудий	7
Отдельный эскадрон	
Итого в дивизии	
штыков	1100
сабель	175
пулеметов	130
орудий	22

Данные о составе и численности дивизии ко времени начала боев в Северной Таврии к 14 (27) октября 1920 г.¹¹⁴

Пехотная генерала Маркова дивизия	
1-й генерала Маркова пехотный полк	
2-й генерала Маркова пехотный полк	
3-й генерала Маркова пехотный полк	
Всего в полках	около 3500 штыков
Артиллерийская генерала Маркова бригада	
запасной батальон дивизии	около 1000 штыков
запасной батальон 1-го полка	около 1000 штыков
запасной батальон 2-го полка	около 1000 штыков
запасной батальон 3-го полка	около 1000 штыков
Всего в дивизии (с запасными батальонами)	около 7500 штыков

*Данные о составе и численности дивизии
к 21 октября (3 ноября) 1920 г.¹¹⁵*

Пехотная генерала Маркова дивизия	
1-й генерала Маркова пехотный полк	около 400 штыков
2-й генерала Маркова пехотный полк	до 200 штыков
3-й генерала Маркова пехотный полк	до 300 штыков
Итого в полках	около 900 штыков
запасной батальон дивизии	
запасной батальон 1-го полка	
запасной батальон 2-го полка	
запасной батальон 3-го полка	
Общая численность запасных батальонов	около 2000 штыков
Всего в дивизии (с запасными батальонами)	около 2900 штыков

Марковские части в эмиграции

*Состав и численность марковских частей
в Галлиполи к 14 (27) ноября 1920 г.*

Марковские части	
Марковский полк (3 батальона, улеметная и ординарческая команда) ¹¹⁶	1100 человек
Марковский артиллерийский дивизион (3 батареи) ¹¹⁷	500 человек
Марковский конный дивизион	160 человек
Марковская инженерная рота	120 человек
Марковская железнодорожная рота	150 человек
пулеметы	15
остатки гренадеров и миллеровцев (влиты в полк)	100 человек
Итого в частях человек	около 2030

ПОТЕРИ МАРКОВСКИХ ЧАСТЕЙ¹¹⁸

<i>Время и место действий</i>	<i>Части</i>	<i>Количество потерь (чел.)</i>
Боевые действия до начала 1-го Кубанского похода¹¹⁹		
	Сводно-офицерская рота, 4-я основная, 1-й, 2-й, 3-й Офицерские батальоны	около 300
	Морская рота	около 35
	Ударный дивизион	около 40
	Юнкерский батальон	около 80
<i>Итого в частях, образовавших в феврале Сводно-Офицерский полк: до 500</i>		
	Техническая рота	около 12
	1-я батарея	70
	Без вести пропавших в экспедициях	21
<i>Всего будущих марковцев: около 600</i>		
1-й Кубанский поход (февраль-апрель 1918 г.)¹²⁰		
	Офицерский полк и Юнкерский батальон	около 1100
	1-я батарея	35
	Техническая рота	40
Итого: около 1175		
2-й Кубанский поход		
Бои на Екатеринодарском направлении (июнь-июль 1918 г.) ¹²¹	1-й Офицерский генерала Маркова полк	около 2400
Армавирские бои (сентябрь-октябрь 1918 г.) ¹²²		до 2000
Бои за Ставрополь (октябрь-ноябрь 1918 г.) ¹²³		до 500
Бои в Ставропольской губернии (ноябрь-декабрь 1918 г.) ¹²⁴	1-й Офицерский генерала Маркова полк	свыше 2200 убитыми, ранеными и обмороженными, без вести пропавшими (около 60 человек) и больными

1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион	до 40	
<i>Итого за 1918 г.: около 7000-8000 (более 10000)¹²⁵</i>		
Бои в Каменноугольном бассейне (январь–апрель 1919 г.) ¹²⁶	1-й Офицерский генерала Маркова полк	до 2000
Бои во время майско-июльского наступления, бои в районе Белгорода, у ст. Готня и Корочи (май–июль 1919 г.) ¹²⁷	1-й Офицерский генерала Маркова полк	около 750
	Инженерная рота	до 100
<i>Итого: около 850</i>		
«Поход на Москву», бои в Орловской губернии, за Ливны, наступление на Елец (август–октябрь 1919 г.)	1-й Офицерский генерала Маркова полк	около 2380 ¹²⁸
	2-й Офицерский генерала Маркова полк	около 2600 ¹²⁹
	3-й Офицерский генерала Маркова полк	до 500 ¹³⁰
<i>Итого: около 5480</i>		
Осенне-зимнее отступление 1919 г., отступление от Ельца, оборона Ливен, бои в Курской губернии, отступление в Донбасс (середина октября – середина декабря 1919 г.)	1-й Офицерский генерала Маркова полк	свыше 2200 ¹³¹
	2-й Офицерский генерала Маркова полк	свыше 1100 ¹³²
	3-й Офицерский генерала Маркова полк	до 500 ¹³³
<i>Итого: около 3800</i>		
Разгром Марковской дивизии у села	Офицерская генерала Маркова дивизия	до 900 (из них крова-

Алексеево-Леоново 18 (31) декабря 1919 г.		вых потерь около 500 и около 400 попавших в плен; 67 офицеров и около 300 солдат) ¹³⁴
--	--	---

Итого за 1919 г.: около 13030¹³⁵

Бои в районе Ейска, Ростова в январе– феврале 1920 г. и разгром Марковской дивизии в станице Ольгинской 16 (29) февраля 1920 г.	Офицерская генерала Маркова дивизия	до 1500 (из них при подавлении Ейского восстания – около 60, при разгроме в ст. Ольгин- ской – около 1000 (из них 275 офицеров (половина офицерско- го состава дивизии) около 500 раненых)) ¹³⁶
--	--	---

Бои в Северном Причерноморье (май–июнь 1920 г.)	Пехотная генерала Маркова дивизия	свыше 1100 ¹³⁷
--	--------------------------------------	------------------------------

Бои в Северном Причерноморье (12 (25) июля – 20 августа (2 сентября) 1920 г.)	Пехотная генерала Маркова дивизия	до 2000 ¹³⁸
--	--------------------------------------	------------------------

Заднепровская операция (21 сентября (4 октября) – 2 (15) октября)	Пехотная генерала Маркова дивизия	до 500 ¹³⁹
--	--------------------------------------	-----------------------

Последние бои в Северной Таврии (октябрь 1920 г.)	Пехотная генерала Маркова дивизия	до 1850 ¹⁴⁰
--	--------------------------------------	------------------------

Итого за 1920 г.: более 6000¹⁴¹

Общие потери за 1918-1920 гг.: 26000-27000

Потери Марковских артиллерийских частей¹⁴²

Убитые или умершие от ран ¹⁴³	полковников	4
	капитанов	5
	штабс-капитанов	2
	поручиков	18
	подпоручиков	16
	прапорщиков	21
	юнкеров и кадет	30
	сестер милосердия нижних чинов	2 59
<i>Итого: 157</i>		
Умершие от болезней ¹⁴⁴	полковников	2
	капитанов	3
	штабс-капитанов	5
	поручиков	5
	подпоручиков	10
	прапорщиков	4
	врачей солдат	1 6
<i>Итого: 36</i>		

ИСТОЧНИКИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ МАРКОВСКИХ ПОЛКОВ

На протяжении гражданской войны источники комплектования и изменение социального состава «марковских» полков вместе со всеми Белыми армиями юга России прошло в своей эволюции несколько периодов, из которых можно выделить три, наиболее ярко выраженных. В течение первого в качестве основного источника комплектования преобладал офицерский кадр (конец 1917 – конец 1918 г.), в течение второго офицерский кадр постепенно утрачивает свое численное преобладание, и основную массу составляют мобилизованные, главным образом крестьяне (конец 1918–1919 г.), и в течение третьего – офицерский кадр окончательно утрачивает свою ведущую роль, и основную массу полка составляют мобилизованные и пленные красноармейцы (1920 г.). Данная периодизация в общих чертах соответствует и эволюции социального состава и комплектования большинства белых частей на юге России.

Содержанием практически всего первого периода является добровольческий принцип комплектования. Непосредственно в это время происходит становление Белого движения на юге России, с наиболее тяжелыми для него моментами – 1-м и 2-м Кубанскими походами.

Изменение состава Сводно-Офицерского (будущего 1-го Офицерского генерала Маркова) полка началось уже в ходе 1-го Кубанского похода. Выступив в поход почти полностью офицерского состава, полк в качестве пополнения начинает принимать добровольцев-казаков, чего практически не было ранее. Их приток к концу 1-го Кубанского похода начинает все более возрастать, а во время 2-го похода становится одним из основных источников пополнения. Огромные потери, понесенные полком на протяжении 1-го похода и особенно во время штурма Екатеринодара, восполнялись, главным образом, казаками, процент которых неуклонно рос. Очевидно, что казачий элемент в этот период составляет основную массу полка. К концу 1-го Кубанского похода полк «в значительной степени» был «не офицерского состава, а казачьего»¹⁴⁵.

В ходе 2-го Кубанского похода, когда на долю Офицерского полка выпали тяжелейшие бои, началось его пополнение за счет мобилизации. Добровольческие части, несшие огромные потери, не могли уже больше пополняться исключительно за счет добровольчества. Этого же требовала и общая установка на решение общероссийских задач. Первая мобилизация в части Добровольческой армии была объявлена 2 (15) августа 1918 г. на территориях Ставропольского, Медвеженско-

го и Благодарненского уездов Ставропольской губернии, а впоследствии – на территории всех районов губернии, занимаемых белыми частями при наступлении. Мобилизация распространялась на военно-обязанных призывов 1916, 1917 и 1918 гг. (1895, 1896 и 1897 гг. рождения)¹⁴⁶. Уже 30 октября (12 ноября) мобилизация распространилась на 1914, 1915, 1919 и 1920 гг. призыва (1893, 1894, 1898 и 1899 гг. рождения)¹⁴⁷. С 5 (18) января 1919 г. на военную службу призывались военнообязанные Черноморской и Ставропольской губерний и иногородние Кубанской области 1910, 1911, 1912 и 1913 гг. призыва (1889–1892 гг. рождения)¹⁴⁸. В дальнейшем мобилизация получила большое распространение и стала основным источником пополнения.

Первые большие пополнения в 1-й Офицерский генерала Маркова полк поступают в Екатеринодаре, взятом 3 (16) августа 1918 г. Полк пополняется добровольцами из южных губерний России, иногородними из освобожденных районов Кубани и отчасти пленными. Меньше чем за месяц полк пополняют свыше 2600 человек, главным образом, казаки. Примечателен тот факт, что в полковой истории впервые упоминается и о включении в состав полка пленных. После реорганизации в полку стало 12 рот, из которых только 7-я и 9-я роты оставались чисто офицерскими, общей численностью около 500 офицеров. Прибавив к 500 офицерам из этих рот офицеров из других частей полка, мы получим не более трети состава полка.

Приведенные выше сведения В.Е. Павлова подтверждаются и архивными данными – «Приказами» по 1-му Марковскому полку за 1918 г.¹⁴⁹ Для исследования взят отрезок времени с 17 (30) июля (начало 2-го Кубанского похода) до 10 (23) октября 1918 г.

В приказах о пополнении постоянно упоминается о характере включения прибывающих в состав полка. Интересно то, что чрезвычайно высокой является доля чинов, включенных напрямую в списки полка. Из 1787 чел. 1765 являются включенными в состав полка (99%) и только 22 чел. – прикомандированными к нему (менее 1%). Разница между указанными категориями заключается в том, что прикомандированные не сразу становились полноправным кадром полка. Они не имели права ношения формы и были лишены ряда других прав, которыми пользовались непосредственно включенные в списки. Прикомандирование к полку было, таким образом, своеобразным испытательным сроком.

Большая часть пополнивших полк, очевидно, влилась в него в качестве мобилизованных. 1563 чел. (87%), пополнивших полк, содержится в приказах без указания способа призыва. Но так как призыв по мобилизации не оговаривается отдельно (по нему указано всего 2 чел.), можно предположить, что они являются мобилизованными. Вольноопределяющиеся составили 48 чел. (3%), добровольцы – 174 (10%). Интересно, что в «анкетах на прибытие» в полк, помимо ка-

тегории добровольцев, есть и графа на мобилизованных, а также на пребывающих в бегах¹⁵⁰

Соотношение пехотных и казачьих чинов представляется следующим: общее количество мобилизованных и добровольцев, пополнивших полк, составляло 1132 чел., или 64% (из них рядовых – 373, вольноопределяющихся и добровольцев – 230, саперов – 1, канониров – 1, вахмистров – 1, МУО – 51, СУО – 45, ефрейторов – 18, прапорщиков – 117, подпоручиков – 84, поручиков – 86, капитанов – 20, штабс-капитанов – 48, подполковников – 5, полковников – 20); общее количество казачьих чинов составило 633 чел., или 36% (из них казаков – 433, пластунов – 120, подьесаулов – 3, хорунжих – 2, фельдфебелей – 5, приказчиков – 11, сотников – 1, старших урядников – 20, младших урядников – 38); итого – 1786 чел.¹⁵¹ Т.е. пополнение казаками составило около трети от всего пополнения за указанный период.

Соотношение рядового (включая добровольцев и вольноопределяющихся) и офицерского кадра (включая юнкеров), было следующим: рядовые чины составили 1360 чел., или 78% (из них рядовых – 373, ефрейторов – 18, вольноопределяющихся и добровольцев – 230, саперов – 1, канониров – 1, казаков – 433, пластунов – 120, МУО – 51, СУО – 45, фельдфебелей – 5, старших урядников – 20, младших урядников – 38, 25 чел. без указания чина (из них 14 были включены в состав нестроевой роты)); офицерские чины всех уровней составили 386 чел., или 22% (из них прапорщиков – 117, подпоручиков – 84, хорунжих – 2, поручиков – 86, сотников – 1, капитанов – 20, штабс-капитанов – 48, подьесаулов – 3, подполковников – 5, полковников – 20). Т.е. офицеры всех уровней составляли менее трети всего пополнения полка.

Пополнение, прибывающее непосредственно в офицерские роты полка (1-я генерала Маркова, 7-я и 9-я), только на 50% состояло из офицеров всех уровней (из общего количества пополнения в 90 чел. 15 составляют рядовые и 30 казаки, остальные – офицеры разных уровней).

В «Приказах» приводятся также и сведения об оставивших часть. Из 65 чел., оставивших полк, 47 – рядовые чины (7 рядовых, 30 добровольцев, 2 вольноопределяющихся, 1 военнопленный и 5 казаков, 1 МУО, 1 СУО) и 18 офицерских чинов (1 юнкер, 9 прапорщиков, 1 подпоручик, 4 поручика и 3 штабс-капитана).

Подводя итог первому периоду, можно сделать вывод, что основным содержанием его являлся добровольческий принцип комплектования частей как основной. Со второй половины 1918 г. постепенно получает распространение мобилизация. В течение 1918 г. основным кадром пополнения в 1-й Офицерский генерала Маркова полк было офицерство, немалую долю составляла учащаяся военная и гражданская молодежь, а также казачество.

Эти основные компоненты и определяли социальный состав полков. На протяжении первого периода офицерство прошло эволюцию

в своей численности, начиная примерно от 50% в первой до 30% во второй половине 1918 г. Утрата численного преобладания была связана со многими причинами. Это и огромные потери, и перевод офицеров полков в другие части Добровольческой армии, и отток офицеров в Донскую армию. В составе 1-го Марковского и других «цветных» полков остаются только офицерские роты, в то время как ранее офицеры составляли большинство наличного состава во всех ротах. К концу 1918 г. большая часть рот полка мало чем отличаются от рот других полков¹⁵². Остальные 50-70% личного состава полков (в разное время) составляли добровольцы: учащаяся молодежь и казачество (главным образом кубанское).

Общей тенденцией в комплектовании марковских полков во втором периоде можно считать оформление перехода от добровольческого принципа комплектования к мобилизации – строительству армии на регулярных началах. Конец 1918 – начало 1919 г. был ознаменован для 1-го Марковского полка участием в напряженных боях в Донском бассейне, в ходе которых он понес значительные потери, восполнявшиеся, главным образом, за счет мобилизованных во вновь занимаемых районах и, в меньшей степени, добровольцами. В этом регионе в состав Марковского полка впервые вошли рабочие, в составе несколько десятков человек¹⁵³. О переходе к «регулярству» в комплектовании армии говорит и создание системы запасных батальонов, первый из которых возник в 1-м Марковском полку весной 1919 г.¹⁵⁴

Во второй половине 1919 г., в ходе «Похода на Москву» начинается наращивание численности марковских частей, закончившееся образованием летом-осенью 2-х и 3-х одноименных полков, а затем и дивизии.

Изменение социального состава «коренного» и вновь образованных полков видно на примере пополнений, приходящих в их состав. Все реже встречаются упоминания о пополнении добровольцами и более – мобилизованными и пленными. Доля офицерства среди них по сравнению с 1918 г. уменьшается. Основными источниками комплектования являются: централизованный (через штаб дивизии и запасные батальоны) и самостоятельный. Из штаба 1-й пехотной (затем Марковской) дивизии поступали, главным образом, офицеры. Рядовой кадр, составлявший большую часть пополнения, поступал от уездных воинских начальников городов, рядом с которыми дислоцировались части, от которых пополнение направлялось либо в запасные батальоны (в большинстве случаев), либо сразу в часть. Эта особенность прослеживается как на примере полковой истории, так и по архивным источникам.

Имеющиеся в распоряжении приказы по 1-му Марковскому полку за 1919 г. позволяют проследить изменение состава «цветных» частей

по сравнению с 1918 г. Данные охватывают период с 5 (18) июля по 13 (26) августа 1919 г. (приказы №№ 116–155)¹⁵⁵.

Обращает на себя внимание увеличение количества прикомандированных к полку – кадра, подвергающегося первоначальной проверке. Если в соответствии с исследованными материалами в 1918 г. прикомандированные составляли менее 1%, то в 1919 г. – уже 15% (280 чел.). 85% были включены в списки полка напрямую (1597 чел.). Это, безусловно, говорит о ненадежности части прибывающего пополнения. Среди прикомандированных в равной степени был и рядовой, и офицерский кадр, поступивший как по мобилизации, так и добровольцами. Впоследствии прикомандированные включались за боевые заслуги в списки полка. В «Приказах» за 1919 г. есть образец подобного приказа¹⁵⁶.

Господствующим принципом комплектования в этот период была мобилизация. Из 1877 чел. пополнения она составила 1524 (из них 1356 включенных в списки и 168 прикомандированных), или 81%. Несмотря на то, что в полковой истории очень часто упоминается о включении в состав полков пленных, доля их по исследуемым приказам не представляется большой – всего 21 чел. (из них 18 включенных в списки и 3 прикомандированных), что составляет около 1%. Также невелика и доля перебежчиков со стороны Красной армии – всего 29 чел. (25 и 4 соответственно), или 2%. Достаточно большой была доля добровольцев – 186 чел. (142 и 44), т.е. 10%, и вольноопределяющихся – 7 чел. (все включенные в списки), или менее 1%. Кроме того, 110 чел., или 6%, отчасти также можно отнести к добровольцам, как переведенных из других частей (49 и 61).

Соотношение рядового и офицерского кадра по сравнению с 1918 г. увеличивается в сторону рядового. Из 1877 чел. нижние чины составляют 1544 чел., или 82% (в 1918 г. – 78%): рядовых – 1372, казаков – 18, МУО – 79, СУО – 40, ефрейторов – 26, фельдфебелей – 3, подпрапорщиков – 6. Офицеры всех уровней насчитывают 330 чел., или 18% (в 1918 г. – 22%): вольноопределяющихся – 15, юнкеров – 18, прапорщиков – 170, подпоручиков – 66, поручиков – 40, штабс-капитанов – 18, капитанов – 18. Таким образом, доля пополнения офицерскими чинами составляет около четверти от общего пополнения и уменьшается по сравнению с 1918 г.

Большую часть пополнения полку дали уездные воинские начальники – 1379 человек из 1877 (Бахмутский УВН – 81 человек, Белгородский – 29, Купянский – 1170, Харьковский – 99), а если к ним прибавить включенных из других УВН и комендатур различных городов, то их количество доходит до 1546 чел. Т.е. основная часть пополнения поступала в полк централизованно, главным образом, по мобилизации.

Механизм пополнения полка отчетливо виден, если сравнить распределение пополнения полка по его частям: всего 536 чел. было рас-

пределено по боевым частям полка и 1312 чел. – в учебный батальон и учебную пулеметную команду. Очевидно, что пополнение, ввиду небезучастности и ненадежности, отправляли сначала в учебные полковые части, где они проходили соответствующие обучение и «обработку», и только затем включали в состав полка. Это подтверждают и следующие данные: как уже говорилось, в полк напрямую было направлено 536 чел., а за этот же отрезок времени из учебных частей в строевые части полка были переведены 601 чел., что составило 47 и 53% соответственно. Т.е. большая часть пополнения поступала из учебных частей, уже пройдя определенную подготовку. Состав пополнения, переводимого из учебных частей в полк, по преимуществу состоял из рядового кадра: рядовых – 564, МУО – 1, СУО – 1, ефрейторов – 2, фельдфебелей – 1, добровольцев – 1, юнкеров – 1, прапорщиков – 6, подпоручиков – 1, поручиков – 2, штабс-капитанов – 1.

О ненадежности прибывающего пополнения свидетельствует и данные об оставлении частей полка. Так, все строевые части полка оставило за исследуемые промежутки времени 50 чел., в то время как учебные – 70. Из общего числа оставивших полк 116 чел. были рядовыми и только 4 – младшими офицерами.

Приказы также дают сведения о годах призыва военнообязанных, которые пополняли полк (данные об этом приводятся не во всех приказах): 1915 г. – 40 чел., 1916 г. – 228, 1917 г. – 340, 1918 г. – 259, 1919 г. – 274, другие года – 47. Таким образом, возраст пополнения колебался от 21 (1919 г. призыва) до 24 лет (1916 г.).

С осени 1919 г. увеличивается количество пополнения пленными. Здесь сыграла свою роль растянутасть тылов и вследствие этого затрудненность пополнения из запасных батальонов, а также большие потери, из-за которых запасные батальоны не успевали пополняться и готовить резерв. Полки в это время вынуждены были пополняться по собственной инициативе, что, несомненно, сказывалось на их боеспособности.

Формирование 2-го Офицерского генерала Маркова полка началось с выделения для его комплектования 4-го батальона 1-го полка, о составе которого есть достаточно подробные данные в уже упомянутых приказах по полку за 1919 г. Данные о составе 4-го батальона 1-го полка дают, таким образом, и сведения о начальном составе 2-го полка. Всего в 4-м батальоне находилось 759 чел., из которых рядовых было 622, МУО – 37, СУО – 17, фельдфебелей – 4, ефрейторов – 5, подпрапорщиков – 6, а общее количество офицеров составляло всего 69 чел. (юнкеров – 3, прапорщиков – 31, подпоручиков – 20, поручиков – 12, штабс-капитанов – 3). При этом большую часть полка составили переведенные из учебных частей – 712 чел., и только 47 – из боевых рот 1-го полка (главным образом, офицеры)¹⁵⁷. При летне-осеннем наступлении 2-й полк, как и 1-й, неоднократно пополнялся мобилизованными и пленными.

Формирование 3-го Офицерского полка, в отличие от 2-го, не представляется возможным отследить на основе архивных источников. Тем не менее, его состав, по преимуществу, солдатский, отслеживается и на основе данных полковой истории.

Таким образом, основным принципом комплектования полков на втором периоде становится мобилизация, т.е. фактически происходит переход к строительству ВСЮР на регулярной основе. Источники комплектования при этом делятся на централизованные и самостоятельные. К первым относятся пополнение из созданных запасных батальонов полков, пополнение, прибывающее из штаба дивизии, а также кадр более мелких частей, включенных в состав полков (например, части Южной армии и др.). Ко второму относятся включение пленных красноармейцев, составлявших большой процент, особенно с осени 1919 г.¹⁵⁸, включение в состав перебежчиков из Красной армии, также приходящееся на этот период, и включение в незначительных количествах местных добровольцев.

Социальный состав полков на протяжении 1919 г. представляется достаточно пестрым. Офицерство составляет максимально около трети, а в большинстве исследуемых полков – около четверти от общей численности. Причиной сокращения его численности были огромные потери, уменьшение пополнения офицерством, а также отток в большое количество формирующихся на юге России белых частей. Практически сходит на нет представительство учащейся молодежи. Причиной сокращения ее численности были потери, частичное исключение ее из составов полков и сокращение пополнения. Представительство казаков значительно уменьшается ввиду оттока их в свои войсковые формирования и оставления казачьих регионов. Наибольший процент личного состава полков составляют крестьяне, главным образом, мобилизованные в занятых областях, и пленные красноармейцы. В 1919 г. впервые в состав полков были включены рабочие. При этом следует отметить, что не было четкой грани в категории доброволец/мобилизованный между указанными слоями населения. Добровольцы и мобилизованные встречаются и среди офицеров, и среди крестьян, и среди рабочих. Даже, наоборот, среди офицерства, которое раньше давало большой процент добровольцев, в 1919 г. большей становится доля мобилизованных, т.е. его доля не только сокращается, но и изменяется характер его привлечения.

Третий этап эволюции социального состава и источников комплектования марковских полков по своим временным рамкам совпадает с последним периодом Белого движения на юге России – с существованием и действиями Русской армии генерала П.Н. Врангеля.

Основным источником комплектования в 1920 г. становятся пленные красноармейцы, что окончательно меняет социальный состав полков Уже в Крыму Марковская дивизия в 1920 г. получила ряд пополнений за счет включения более мелких частей. Эти пополнения не были велики по общей численности, поступали в разное время, но их отличие и достоинство заключалось в боевой ценности, так как в них был достаточно большим процент офицеров (так, в состав 3-го Марковского полка вошел Сводный батальон 2-й пехотной дивизии¹⁵⁹, во 2-й Марковский полк был влит Сибирский батальон, численностью в 650 штыков, сформированный еще в апреле 1919 г. из офицеров, служивших в Сибирских частях, в августе в состав марковцев влилось и небольшое количество «брдовцев»¹⁶⁰ и т.д.).

Но, в большей степени, видно, как на примере марковской полковой истории, так и других источников, что части Русской армии комплектовались за счет пленных¹⁶¹. Связано это было с ограниченными возможностями мобилизации в Крыму, где она осуществлялась с трудом. О сопротивлении крестьян Крыма и Северного Причерноморья мобилизации пишет в своих воспоминаниях последний командир 2-го Марковского полка генерал-майор Г. К. Гравицкий: «Крестьяне с необычайной стойкостью и упорством уклонялись от участия в гражданской войне; никакие репрессии не могли парализовать поголовного бегства мобилизованных из полков»¹⁶². Здесь следует сказать о механизме пополнения частей. До июня 1920 г. оно шло, главным образом, напрямую, ввиду отсутствия запасных батальонов, которые были воссозданы только в июне месяце¹⁶³. С их появлением пополнение идет по уже описанной схеме (лето–осень 1919 г.), с той разницей, что запасные батальоны пополняют в основном пленными и в малой части – мобилизованные, а добровольцы практически отсутствуют. Направленное из штаба армии пополнение и более мелкие части напрямую включались в состав полков. Еще одно отличие запасных батальонов образца 1920 г. от 1919 г. заключалось в намного меньшем времени, отводимшемся им на подготовку кадра для пополнения, и, как следствие, его низкое качество.

Подводя итоги третьему периоду, можно выделить следующие основные моменты. Комплектование происходило за счет тех же источников, что и в 1919 г. Отличие было в том, что основным источником пополнения было включение в состав полков пленных, прошедших через запасные батальоны, что объясняется необходимостью их подготовки, а также «обработки» и «отсеивания». Вследствие этого окончательно меняется социальный состав полков, становясь подавляюще солдатским (главным образом, крестьянским), при нехватке офицерского состава среднего и низшего звена.

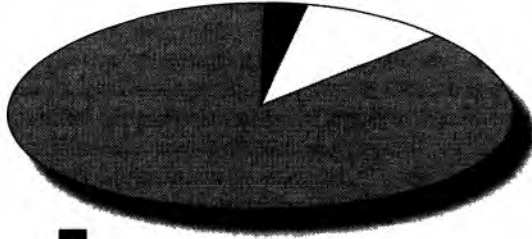
Социальный состав полков за период с конца 1919 г. по осень 1920 г. по сравнению со вторым периодом не претерпевает существенных из-

менений и также представляется достаточно разнородным. Офицерство окончательно утрачивает численную значимость в рамках полков и максимально составляет около четверти, а иногда и менее от общего состава полков. Сокращения процента офицерства было обусловлено теми же, что и в 1919 г., причинами. Наибольший процент личного состава полков составляют крестьяне – главным образом, пленные и мобилизованные в областях, занятых Русской армией.

Подводя общий итог, следует сказать, что марковские полки за время войны прошли большой эволюционный путь. Изменения, произошедшие в них, в целом характерны для всех белых частей юга России, с возможными оговорками на специфику и время существования (казацкие, национальные и другие формирования). Данные изменения затронули как количественную, так и качественную сторону. В конце гражданской войны тот же 1-й Марковский полк уже мало чем напоминал самого себя образца первой половины 1918 г., хотя офицерство и продолжало оставаться его ядром, наиболее дееспособным элементом, вокруг которого наращивалась основная масса личного состава.

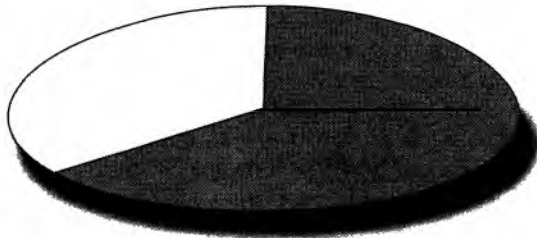
**Диаграммы, показывающие характер призыва
в 1-й Офицерский генерала Маркова полк
летом – осенью 1918 г., на основе приказов по полку¹⁶⁴**

Соотношение пополнения полка по характеру призыва

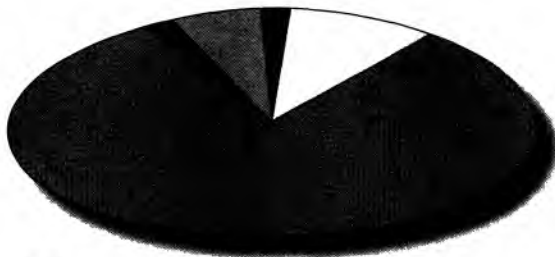
- Вольноопределяющиеся - 48 человек (3%).
- Добровольцы - 174 человека (10%).
- Мобилизованные - 1563 человека (87%).

Соотношение казачьих чинов и общего количества
мобилизованных и добровольцев

- Казачьих чинов 633 человек (36%).
- Общее количество мобилизованных и добровольцев - 1132 человека (64%).

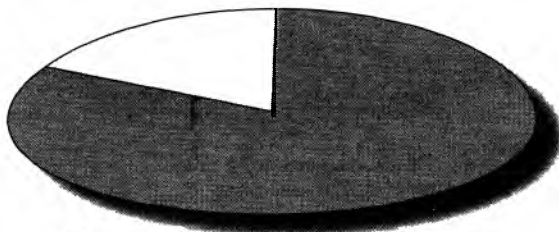
Соотношение офицерского и рядового кадра

- Вольноопределяющиеся - 7 чел. (менее 1%).
- Пленные - 21 чел. (1%).
- Перебежчики - 29 чел. (2%).
- Переведенные из другой части - 110 чел. (6%).
- Добровольцы - 186 чел. (8%).
- Мобилизованные - 1524 чел. (81%).

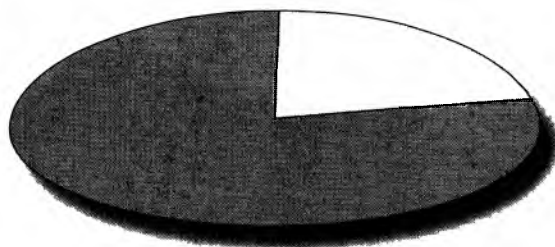
**Диаграммы, показывающие характер призыва
в 1-й Офицерский генерала Маркова полк
в июле – августе 1919 г., на основе приказов по полку¹⁶⁵**

Соотношение пополнения полка рядовым и офицерским кадром

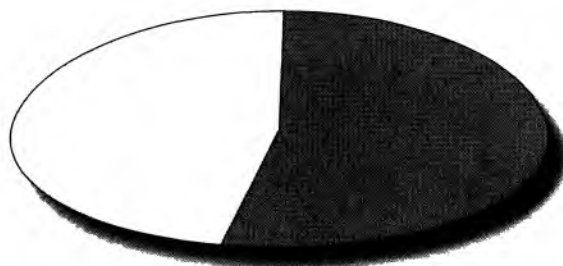
- Офицеры всех уровней - 330 человек (18%).
- Рядовой кадр - 1544 человек (83%).

Соотношение пополнения полка по характеру призыва

- Офицерский кадр - 386 человек (22%)
- Рядовой кадр - 1360 человек (78%)

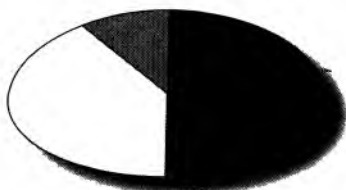
Соотношение пополнения полка напрямую и через учебные части полка

- Переведенные из учебных частей в части полка - 601 чел (53%)
- Пополнение полка (без учета вошедшего в учебный батальон) - 536 чел (47%)

Диagramмы, показывающие изменение социального состава Белых армий юга России на примере «цветных» полков

начало 1918 г.

- Учащаяся молодежь - около 40%
- Казачество - около 10%
- Офицерство - около 50%

конец 1918 - начало 1919 г.

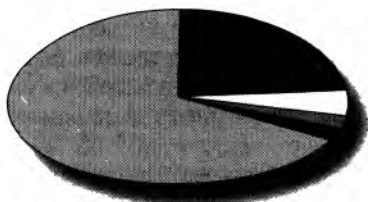
- Остальные - около 5%
- Казачество - около 65%
- Офицерство - около 30%

1919 г.

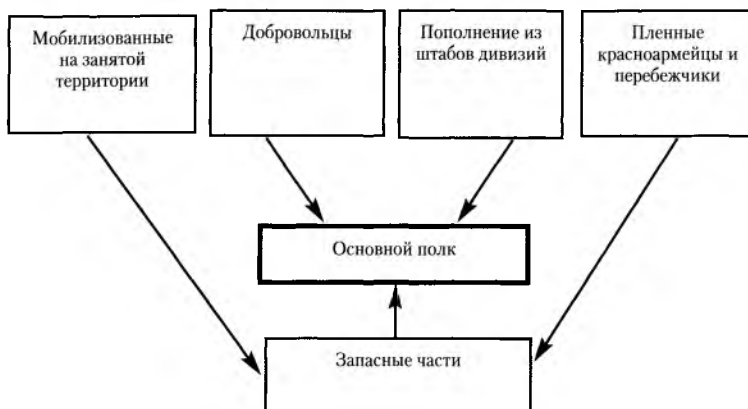
- Крестьянство - около 60-70%
- Офицерство - около 25%
- Казачество - около 5%
- Остальные - около 5%

1920 г.

- Офицерство - около 20%
- Остальные - около 5%
- Казачество - 2-3%
- Крестьянство - 70%
- Рабочие - 2-3%

**Схема пополнения «цветных» полков
летом-осенью 1919 г.**

Основная часть пополнения состояла из мобилизованных и пленных. Большинство из них включалось в состав «цветных» полков только после прохождения службы в учебных (запасных) частях.

Добровольцы большей частью включались напрямую в составы полков, но определенное количество также проходило через учебные части.

Направляемые в полки из штаба 1-й пехотной дивизии обычно включались напрямую в составы полков.

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ МАРКОВСКИХ ПОЛКОВ

В эволюции командного состава как марковских, так и других «цветных» частей юга России можно выделить три основных периода. На 1-м (конец зимы – лето – осень 1918 г.) во главе боевых частей преобладали военные начальники, выдвинувшихся как до, так и во время 1-й мировой войны. На 2-м (осень 1918 – первая половина 1919 г.) преобладал кадр из рядового офицерства, заканчивавший 1-ю мировую войну в чинах полковников и подполковников. На 3-м (вторая половина 1919 г. – 1920 г.) преобладали полковые командиры, выдвинувшиеся непосредственно на театрах гражданской войны во второй половине 1918 г. – 1919 г., многие из которых завершали мировую войну в чинах прапорщиков, поручиков, капитанов и штабс-капитанов.

Первый период совпадает со временем становления Белого движения на юге России, его организационного оформления. На его время приходятся наиболее героические эпизоды в истории «белого юга» – 1-й и 2-й Кубанские походы. Уже в этом периоде необходимо отметить преемственность в назначении командиров полков (в Офицерском полку из 9-ти командиров полка и временно исполняющих обязанности 5 были марковцами), которая в дальнейшем станет определяющей при назначении на командные должности. Вторая особенность: командирами становятся офицеры, зарекомендовавшие себя уже до и в ходе 1-й мировой войны, уже имеющие опыт командования полками и выше, и которые впоследствии уже не становятся во главе полков, занимая более высокие командные должности.

Следующий период приходится на время постановки перед Белыми армиями юга России общероссийских задач, выхода из Донецкого бассейна и начала «Похода на Москву». Во главе полков становятся офицеры, выдвинувшиеся уже не в период мировой войны, а получившие известность непосредственно в гражданскую войну – так называемые «первопоходники», в чинах более низких, чем командиры на предыдущем периоде. Полки становятся «закрытыми» для назначения в них командиров «не из их среды». Начиная со второго периода, их возглавляют почти исключительно «коренные» марковцы, часто не имеющие должного военного опыта, более известные как боевые командиры, всегда находящиеся на передовой. Это относится не только к марковским, но и другим «цветным» полкам. Пример командира полка полковника Сальникова, не принятого офицерским составом 1-го Офицерского генерала Маркова полка, показывает неприятие «цветными» полками командиров, назначенных со «стороны»¹⁶⁶. Командный состав полков в этот период ослабляет (помимо боевых потерь) выделение наиболее видных офицеров для формирования новых марковских полков («распыление» комсостава), а также других

частей ВСЮР. Во главе образованной осенью 1919 г. Марковской дивизии также становятся «собственные» марковские командиры, что подчеркивает выдвижение офицеров низшего и среднего командного звена во время гражданской войны на высшие командные должности. Однако назначение командиров, основным отличием которых являлось «доблестное участие в боях», не всегда было оправдано. Сказывались отсутствие у них опыта командования частями и должного образования, что вело к неудачам. Это, в частности, показывает пример командира 3-го Марковского полка полковника Наумова, неудачно руководившего отрядом из нескольких частей осенью 1919 г.

Обращает на себя внимание выдвижение в качестве командиров полков офицеров, по своему социальному составу происходящих из низших слоев – крестьян и мещан. Большинство командиров гражданской войны среднего звена – офицеры-разночинцы, получившие первые офицерские чины в ходе последних лет 1-й Мировой войны и, как уже говорилось, выдвинувшиеся на командные должности уже в ходе гражданской войны.

В этом свете показательны сведения, приводимые автором корниловской полковой истории Левитовым, о пополнении в Харькове офицерами и самом составе офицерства другого «цветного» полка – 1-го Корниловского: «Много офицеров было из народных учителей, землемеров Харьковской землеустроительной комиссии, артистов театра Корш, студентов, техников, служащих земских управ, учителей городских училищ, семинаристов... Все те, что в первую мировую войну приняли на свои плечи офицерские места после первого кровавого года войны, когда кадр мирного времени был уничтожен. Вся эта молодая Россия... призванная в армию, начиная с 1914 г., окончив школы прапорщиков и военные училища, довела войну... и в революцию образовала то, что называлось Белой армией»¹⁶⁷. Подобных свидетельств и высказываний можно привести немало.

Третий период связан с наибольшими успехом ВСЮР в продвижении к Москве и последним этапом Белого движения на юге России – действиями Русской армии генерала Врангеля. Происходит дальнейшее «мельчание» командного состава, обусловленное замкнутостью «цветных» полков. Причем офицерские кадры полков были настолько истощены потерями, а также замкнуты, что в трех марковских полках не осталось ни одного чина старше полковника. Назначенные во 2-й Марковский полк генерал-майоры Гаттенбергер и Гравицкий являются здесь исключениями, так как пришли во 2-й полк «со стороны». Главным критерием назначения на должность было пребывание в полках с начала их формирования и участие в 1-м и 2-м Кубанских походах¹⁶⁸.

Подводя итог, необходимо отметить, что командный состав марковских полков за время войны претерпел большие изменения. Эво-

люция социального состава русского офицерства, начавшаяся в годы мировой войны, получила дальнейшее развитие и в ходе гражданской. Выдвижение офицеров из разных социальных слоев на должности командного состава низшего, а главное среднего звена, меняет общую картину русского офицерства в сторону ее демократизации.

СПИСОК КОМАНДИРОВ 1-го МАРКОВСКОГО ПОЛКА

Сводно-Офицерский пехотный полк (с 12 (25) февраля 1918 г.)

<i>Командиры</i>	<i>Даты командования</i>
генерал-лейтенант Марков С.Л. (1918 Φ) (заместитель Тимановский Н.С.)	с 12 (25) февраля по начала (середины) марта 1918 г

Офицерский пехотный полк (с марта 1918 г.)

генерал-майор Боровский А.А. (заместители: полковник Кутепов А.П. (до 30 марта), полковник Дорошевич)	с начала (середины) марта по 20 апреля (3 мая) 1918 г.
временнo и.о. командира полка Гвардии полковник Дорошевич Н.Н. (1918 Φ)	20–21 апреля (3–4 мая) 1918 г.
временнo и.о. командира полка полковник Генерального штаба кн. Хованский И.К. (1918 Φ)	21 апреля (4 мая) – 27 апреля (10 мая) 1918 г.
полковник Тимановский Н.С. (1919 Φ)	с начала (середины) мая по 11 (24) октября 1918 г

1-й Офицерский генерала Маркова пехотный полк (с июня 1918 г.)

генерал-майор Ходаковский (Ходак-Ходаковский) Н.Н.	с 11 (24) октября по конец октября (начало ноября) 1918 г.
временнo и.о. командира полка полковник Наркевич	с конца октября (начала ноября) по 14 (27) ноября 1918 г.
полковник Гейдеман В.И. (1918 Φ)	с 14 (27) по 20 ноября (3 декабря) 1918 г.
временнo и.о. командира полка полковник Булаткин А.С. (1919 Φ)	с середины (конца) ноября по 14 (27) декабря 1918 г.
полковник Генерального штаба Сальников А.Н.	с 14 (27) декабря 1918 г. по март 1919 г.

полковник Блейш А.Н. (1920☉)	с середины (конца) марта по середину (конец) ноября 1919 г.
временно и.о. командира полка полковник Трусов	начало (середина) марта 1919 г.
временно и.о. командира полка полковник Докукин И.П.	14 (27) – 21 ноября (4 декабря) 1919 г.
полковник Слоновский Д.А.	21 ноября (4 декабря) – 18 (31) декабря 1919 г.

1-й Марковский пехотный полк (с 29 апреля (12 мая) 1920 г.)

капитан (с марта 1920 г. – полковник) Марченко Д.А.	с 22 декабря 1919 г. (4 января 1920 г.) по 29 сентября (12 октября) 1920 г.
полковник Слоновский Д.А.	с 29 сентября (12 октября) по начало (середину) октября 1920 г.
подполковник Лебедев Г.А. (1920☉)	с начала (середина) октября по 21 октября (3 ноября) 1920 г.
капитан Коломацкий В.В.	с конца октября (начала ноября) по ноябрь 1920 г.

Марковский полк в эмиграции

генерал Пешня М.А. (заместитель – Докукин И.П.)	с ноября 1920 по 1936 г.
временно и.о. командира полка полковник Марченко Д.А.	1936 – ?
генерал Жданов Г.В.	1936 – после 1943 г.

СПИСОК КОМАНДИРОВ 2-го МАРКОВСКОГО ПОЛКА

Сформирован 1 (14) августа 1919 г.

2-й Офицерский генерала Маркова пехотный полк

полковник Морозов А.А. (1919☉) (заместитель командира полка – капитан Образцов Д.В.)	с 1 (14 августа) по 11 (24) октября 1919 г.
временно и.о. командира полка капитан Образцов Д.В. (1919☉)	с 11 (24) октября по 2 (15) ноября 1919 г.
временно и.о. командира полка штабс-капитан Перебейнос Н.Н.	со 2 (15) ноября по 12 (25) ноября 1919 г.
временно и.о. командира полка капитан Крыжановский В.В.	с 12 (25) по 14 (27) ноября 1919 г.

временно и.о. командира полка капитан Луцкалов	с 14 (27) по 21 ноября (4 декабря) 1919 г.
полковник Данилов	с 21 ноября (4 декабря) по 18 (31) декабря 1919 г.
временно и.о. командира полка штабс-капитан Перебейнос Н.Н.	с 22 декабря 1919 г. (4 января 1920 г.) по 6 (19) января 1920 г.
полковник Докукин И.П.	с 6 (19) января по 10 (23) марта 1920 г.

2-й Марковский пехотный полк (с 29 апреля (12 мая) 1920 г.)

полковник Слоновский Д.А.	с 10 (23) марта по 6 (19) июня 1920 г.
генерал-майор Гаттенбергер Г.П. (1920Ф)	с 6 (19) июня по 29 июля (11 августа) 1920 г.
генерал-майор Гравицкий Г.К.	с 1 (14) августа 1920 г. по октябрь 1920 г.
временно и.о. командира полка полковник Кудревич В.В.	октябрь 1920 г.

СПИСОК КОМАНДИРОВ 3-го МАРКОВСКОГО ПОЛКА

Сформирован 3 (16) октября 1919 г.

3-й Офицерский генерала Маркова пехотный полк

полковник Наумов А.С. (1919Ф) (заместитель – капитан Урфалов А.С.)	3 (16) октября – 27 октября (9 ноября) 1919 г.
временно и.о. командира полка капитан Урфалов А.С. (1920Ф)	27 октября (9 ноября) – 1 (14) ноября 1919 г.
временно и.о. командира полка капитан Павлов В.Е.	с 1 (14) по 21 ноября (4 декабря) 1919 г. (замещал капитана Урфалова)
капитан Савельев М.Ф.	с 21 ноября (4 декабря) 1919 г. по конец февраля – начало (середины) марта 1920 г.

3-й Марковский пехотный полк (с 29 апреля (12 мая) 1920 г.)

подполковник Урфалов А.С.	начало (середины) марта – 8 (21) августа 1920 г.
подполковник Никитин Д.П.	с 8 (21) августа по конец сентября – начало (середины) октября 1920 г.

подполковник **Сагайдачный П.Я.** начало (середина)
октября 1920 г.

СПИСОК НАЧАЛЬНИКОВ МАРКОВСКОЙ ДИВИЗИИ
Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия
(с 14 (27) октября 1919 г.)

генерал-майор Тимановский Н.С.	с 14 (27) октября по 17 (30) декабря 1919 г.
временно и.о. начальника дивизии полковник Битенбиндер А.Г.	с 18 (31) декабря по 22 декабря 1919 г. (4 января 1920 г.)
временно и.о. начальника дивизии полковник Блейш А.Н.	с 22 декабря 1918 г. (4 января 1919 г.) по 6 (19) января 1920 г.
генерал-лейтенант Канцеров П.Г.	с 6 (19) января по середину (конец) февраля 1920 г.

Расформирование дивизии. Сведение ее
в Сводно-Офицерский генерала Маркова полк
(середина февраля (начало марта) 1920 г.).

Дивизия восстановлена в начале (середине) марта 1920 г.

полковник Блейш А.Н.	с февраля (конца) по начало (середину) марта 1920 г.
временно и.о. начальника дивизии полковник Машин П.Н.	несколько дней в марте 1920 г. замещал полковника Блейша перед принятием им дивизии (по 26 марта (8 апреля))

Марковская пехотная дивизия (с 28 апреля (11 мая) 1920 г.)

генерал-майор Третьяков А.Н. (1920Ф)	с 26 марта (8 апреля) по 13/14 (26/27) октября 1920 г.
временно и.о. начальника дивизии генерал-майор Манштейн В.В.	с 15 (28) по 21 октября (3 ноября) 1920 г.
временно и.о. начальника генерал-майор Гравицкий Г.К.	после эвакуации по болезни генерала Манштейна 20 октября (2 ноября) 1920 г. фактически выполнял некоторое время обязанности начальника

	Марковской пехотной дивизии (23 октября (5 ноября) дивизией руководил уже полковник А.Г. Битенбиндер)
временнo и.о. начальника дивизии полковник Битенбиндер А.Г.	с 23 октября (5 ноября) 1920 г., перед эвакуацией Русской армии, временно исполнял должность начальника дивизии (заместил заболевшего генерала В.В. Манштейна)

НАЧАЛЬНИКИ ШТАБА МАРКОВСКОЙ ДИВИЗИИ

полковник Битенбиндер А.Г.	с 10 (23) ноября 1919 г. по окончание войны (с 18 (31) декабря по 22 декабря 1919 г. (4 января 1920 г.) и несколько дней в середине (конце) октября 1920 г. – временно исполняющий обязанности начальника дивизии)
-----------------------------------	--

СПИСОК КОМАНДИРОВ 1-й АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ

1-я артиллерийская бригада (с 4 (17) апреля 1919 г.)

генерал-майор Третьяков А.Н. (1920 [†])	с 4 (17) апреля по июнь 1919 г.
полковник Машин П.Н.	с июня по 15 (28) октября 1919 г.

СПИСОК КОМАНДИРОВ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА БРИГАДЫ (с 15 (28) октября 1919 г.)

полковник (генерал-майор) Машин П.Н.	с июня по 15 (28) октября 1919 г. по окончание войны
---	--

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ЧАСТЕЙ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА (материалы к справочнику)

За годы войны во главе частей генерала Маркова – полков, батальонов, рот, дивизионов, батарей – находилось около 200 офицеров в чине от прапорщика до генерал-лейтенанта. Восстановить хотя бы краткую биографию каждого из них или даже установить полный список командного состава едва ли представляется возможным. Наиболее полные данные имеются только по командному составу полков. В большинстве же по многим персоналиям имеются лишь отрывочные сведения. Предлагаемые ниже данные представляют собой попытку составления биографического справочника по отдельным белым частям.

Сокращения: АБ – артиллерийская бригада, АГМБ – артиллерийская генерала Маркова бригада, ВСЮР – Вооруженные силы юга России, ДА – Добровольческая армия, МПД – Марковская пехотная дивизия, МПП – Марковский пехотный полк, ОГМП – Офицерский генерала Маркова полк, ОЛАД – отдельный легкий артиллерийский дивизион, ОП – Офицерский полк, СОП – Сводно-Офицерский полк.

1-й МАРКОВСКИЙ ПОЛК

Командиры полка

Боровский Александр Александрович (1875–1938). Генерал-лейтенант. Происходил из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус и Павловское военное училище в 1896 г., Николаевскую академию Генерального штаба в 1903 г. С февраля 1909 г. – младший офицер в Павловском военном училище. Позднее служил в 6-м Сибирском стрелковом полку. В мае 1914 г. произведен в полковники и назначен командиром полка. Участвовал в 1-й мировой войне. С февраля 1916 г. – командир 8-го Сибирского стрелкового полка. Позднее произведен в генерал-майоры и назначен командиром бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии.

В ДА – с ноября 1917 г. Командир сформированного им Студенческого батальона. После переформирования ДА в феврале 1918 г. – командир Особого Юнкерского батальона. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. При переформировании ДА в станице Ново-Дмитровской в конце марта 1918 г. назначен командиром ОП. 20 апреля (3 мая) ранен в бою у села Лежанка. С июня 1918 г. – начальник 2-й дивизии. В декабре 1918 г. назначен командиром Крымско-Азовского корпуса. С января по май 1919 г. – командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией. Произведен в генерал-лейтенанты. С июля

по октябрь 1919 г. – командующий войсками Закаспийской области. В 1920 г., не получив командной должности в Русской армии генерала Врангеля, эмигрировал. Скончался в эмиграции в 1938 г.

Булаткин А.С. (?–1919). Полковник. Участник 1-й мировой войны. Георгиевский кавалер, награжден Георгиевским оружием.

В ДА – с конца июля 1918 г. Назначен командиром 9-й офицерской роты 1-го ОГМП, в составе которого принимал участие во 2-м Кубанском походе. 12 (25) октября назначен командиром 3-го батальона полка. С середины (конца) ноября по 20 ноября (3 декабря) 1918 г. – помощник командира полка. 19 ноября (2 декабря) вступил во временное командование полком. 20 ноября (3 декабря), после гибели полковника Гейдемана, продолжал временно командовать полком¹⁶⁹. После назначения 14 (27) декабря командиром полка полковника Сальникова назначен помощником командира полка. Во второй половине января 1919 г. при обороне Донбасса командовал отрядом из батальонов полка. Погиб 13 (26) марта 1919 г. в бою в селе Ольховатка (Донбасс). Похоронен в Ростове.

Гейдеман Виктор Иванович (1872–1918). Полковник Генерального штаба. Родился 11 ноября 1872 г. Окончил Тифлисский кадетский корпус и 1-е Павловское военное училище по 1-му разряду. В службу вступил 1 сентября 1891 г. Из училища выпущен в Шемахинский резервный полк. 4 августа 1892 г. – подпоручик, 4 августа 1896 г. – поручик, 4 августа 1900 г. – штабс-капитан, 4 августа 1904 г. – капитан. К 1913 г. капитан 4-го Кавказского полка; награжден орденами Станислава 3-й степени (1907), Святой Анны 3-й степени (1910).

В ДА – с 1918 г. С июня по 19 ноября (2 декабря) 1918 г. – начальник штаба 1-й пехотной дивизии. С середины ноября 1918 г. – временно командующий 1-м ОГМП. 14 (27) ноября вступил в командование полком. 19 ноября (2 декабря) заместил на посту командира 1-й бригады 1-й пехотной дивизии раненого генерала Тимановского. 20 ноября (3 декабря) 1918 г. был убит в бою под селом Коноковским¹⁷⁰. Похоронен в Войсковом Соборе в Екатеринодаре.

Докукин Иван Павлович (1880–1956). Генерал-майор. Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Александровское военное училище. Из училища вышел в 82-й пехотный Дагестанский полк. Участник 1-й мировой войны. На фронт вышел командиром роты 262-го пехотного Грозненского полка 66-й пехотной дивизии Кавказской армии. Георгиевский кавалер – за бой и взятие Копских высот 3 июля 1915 г. В ноябре 1916 г. – полковник и командир батальона, затем временно командующий полком. В августе 1917 г. – командир 263-го пехотного Гунибского полка, с которым в составе одной из бригад 66-й пехотной дивизии был направлен в Персию.

26 января (8 февраля) 1918 г. участвовал в формировании Ставропольского офицерского полка, в котором занял должность командира

2-го батальона. В конце лета – начале осени – помощник командира 1-го батальона 1-го ОГМП, в составе которого принял участие во 2-м Кубанском походе. С 17 (30) по 27 октября (9 ноября) – временно командующий 1-м батальоном полка¹⁷¹. С 27 октября (9 ноября) – командир 7-го пластунского батальона Кубанского казачьего войска. В декабре 1918 г. – помощник командира батальона 1-го (Ставропольского) офицерского полка. С июня 1919 г. – помощник командира 2-го ОГМП. В конце сентября (октябре) командовал отрядом из батальонов марковских полков в районе города Ливны. В 10-х числах ноября назначен временно исполняющим должность командира 1-го ОГМП (замещал заболевшего тифом полковника А.Н. Блейша). В 20-х числах ноября отбыл в штаб армии. С 6 (19) января 1920 г. – командир 2-го ОГМП. 10 (23) марта ввиду болезни сдал полк. 8 (21) июня назначен помощником начальника МПД. После эвакуации из Крыма в Галлиполи был временно исполняющим должность командира Марковского пехотного полка. После принятия полка генералом Пешней занял пост помощника командира. На этой должности в 1921 г. прибыл с полком в Болгарию. 25 апреля 1922 г. произведен в генерал-майоры. Проживал в Болгарии, работал на руднике в Пернике, где и скончался 23 февраля 1956 г. Возглавлял группу Марковского пехотного полка в Болгарии.

Дорошевич (Дорошевич-Никшич) Николай Николаевич (?–1918). Гвардии полковник. Участник 1-й мировой войны, командир Лейб-гвардии Гренадерского полка.

В ДА – с декабря 1917 г. В феврале 1918 г. – командир 3-й офицерской Гвардейской роты. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. С 17 (30) марта – командир 2-го батальона ОП. Заместитель командира полка. 20–21 апреля (3–4 мая) 1918 г., после ранения генерала А.А. Боровского – временно командующий 1-м ОП. 21 апреля (4 мая) в бою за село Лежанка был ранен. С 3 (16) июня 1918 г. – помощник командира полка, в июле – командир 3-го батальона. 1 (14) июля был ранен в бою, но остался в строю. 22 июля (5 августа) отбыл в командировку в 1-й Кубанский полк, 25 июля (7 августа) прибыл из командировки. 25 июля (7 августа) в бою под станицей Выселки ранен и отправлен на излечение. 4 (17) сентября возвратился в полк¹⁷². В октябре 1918 г. возглавил сформированный Сводно-Стрелковый полк. Погиб 2 (15) октября 1918 г. в ходе Армавирских боев.

Коломацкий Всеволод Владимирович (?–после 1929). Капитан. Участник 1-й мировой войны. К лету 1916 г. – подпоручик, командир команды разведчиков 127-го Путивльского полка. К 1918 г. – поручик.

В ДА – с января 1918 г. Зачислен в 1-й Офицерский батальон 1 (14) января. При реформировании ДА в феврале 1918 г. зачислен в 1-ю роту СОП. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. 4 (17) мар-

та под станицей Кореновской был ранен, но остался в строю. 9 (22) марта вновь был ранен в бою у хуторов Филипповских, выбыл из строя. Постоянной врачебной комиссией при коменданте управления штаба ДА признан относящимся к 3-й категории 3-го разряда по состоянию здоровья вследствие ранения 19 октября (1 ноября) под Армавиrom и назначен дежурным генералом во 2-й армейский запасной батальон. 16 (29) ноября исключен из списков 1-го ОГМП. 3 (16) июня 1919 г. прибыл из 2-го армейского запасного батальона в 1-й ОГМП и зачислен в команду пеших разведчиков¹⁷³. В августе – командир команды пеших разведчиков. С 30 сентября (13 октября) – штабс-капитан. С конца октября (начала ноября) по ноябрь 1920 г. – командир 1-го МПП. Принял командование полком при его эвакуации из Крыма. Эмигрант. В 1929 г. проживал в Чехословакии, в селе Русском.

Лебедев Г.А. (?–1920). Подполковник. С 14 (27) по 23 сентября (6 октября) 1918 г. – временно командующий 8-й ротой 1-го ОГМП, штабс-капитан¹⁷⁴. Участник 2-го Кубанского похода. В декабре 1919 г. – поручик. В 1920 г. – подполковник, командир одного из батальонов 1-го МПП. С начала (середины) октября 1920 г. – командир полка. Смертельно ранен в одном из последних боев Русской армии в Крыму 21 октября (3 ноября) 1920 г.

Марченко Дионисий Андреевич (?–1968). Полковник. Окончил учительскую семинарию. Участник 1-й мировой войны. В 1915 г. поступил в Тифлисскую школу прапорщиков, которую окончил 5 января 1916 г. После производства в прапорщики отправлен с маршевой ротой на фронт. Назначен младшим офицером в 1-ю роту 127-го Путивльского полка. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В мае 1916 г. назначен командиром роты, в январе 1917 г. произведен в поручики. В ходе боев был ранен. Временно командовал 3-м батальоном полка.

В ДА – с 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.). Зачислен в 1-ю офицерскую роту. До начала 1-го Кубанского похода – рядовой 1-го Офицерского батальона. После переформирования в феврале ДА – офицер 1-й роты СОП. В ходе 1-го Кубанского похода был ранен, потерял руку. После продолжительного лечения выписался 16 (29) августа 1918 г. прибыл в 1-й ОГМП, назначен в роту генерала Маркова. Летом–осенью 1918 г. – штабс-капитан роты. 20 ноября (3 декабря) переведен в команду пеших разведчиков¹⁷⁵. С 14 (27) марта – капитан, комендант штаба 1-го армейского корпуса. С осени 1919 г. – командир 2-го батальона полка. В сентябре командовал отрядом, состоящим из 2-го батальона полка, команды пеших разведчиков, полусотни и взвода орудий, в районе города Ливны. 22 декабря 1919 г. (4 января 1920 г.) назначен временно исполняющим обязанности командира 1-го ОГМП. С начала (середины) января по 29 сентября (12 октября) 1920 г. – командир полка. 26 марта (8 апреля) произведен в полковни-

ки. Снят с должности 29 сентября (12 октября) начальником МПД генералом А.Н. Третьяковым. Эмигрант. Проживал в Югославии. Временно исполняющий обязанности командира Марковского полка в 1937 г. (назначен после смерти генерала М.А. Пешни)¹⁷⁶. Умер 24 сентября 1968 г. в Югославии.

Наркевич. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. Командир 3-го батальона 1-го ОГМП. 24 июля (6 августа) 1918 г. был ранен в бою под хутором Малеванным, остался в строю. В июле–августе – временно исполняющий должность помощника командира полка. С конца октября (начала ноября) по 14 (27) ноября 1918 г. – временно командующий 1-м ОГМП¹⁷⁷. После назначения командиром полка полковника В.И. Гейдемана не получил назначения и оставил полк.

Сальников А.Н. Полковник Генерального штаба. Осенью 1918 г. – генерал-квартирмейстер штаба ДА. С 14 (27) декабря 1918 г. по середину марта 1919 г. – командир 1-го ОГМП¹⁷⁸. При обороне Донбасса в начале января 1919 г. – начальник обороны Никитовского района. Снят с должности командира полка ввиду конфликта с командным составом.

Слоновский Д.А. Полковник. К 1919 г. – капитан. Летом 1919 г. – командир 1-го батальона 1-го ОГМП. Летом–осенью 1919 г. произведен в полковники. С 20-х чисел ноября 1919 г. – командир 1-го ОГМП (сменил отбывшего в штаб армии полковника И.П. Докукина). Отстранен от должности начальником штаба МПД полковником А.Г. Битенбиндером как один из виновников разгрома дивизии 18 (31) декабря 1919 г. С 10 (23) марта по 6 (19) июня 1920 г. – командир 2-го МПП. С 29 сентября (12 октября) по начало (середину) октября – командир 1-го МПП.

Трусов. Полковник. Прибыл в 1-й ОГМП 26 июля (8 августа) 1918 г., назначен во 2-й батальон; участник 2-го Кубанского похода. В августе – командир 2-го батальона¹⁷⁹. В середине марта 1919 г. – командир 2-го батальона и временно исполняющий должность командира полка (из-за болезни полковника А.Н. Блейша). 31 июля (13 августа) 1919 г. принял должность начальника хозяйственной части полка от полковника Николаева¹⁸⁰.

Хованский И.К. (?–1918). Князь. Полковник Генерального штаба. Участник 1-й мировой войны в составе Лейб-гвардии Литовского полка.

В ДА – с ноября 1917 г. В конце ноября командовал отрядом из Офицерской роты и Юнкерского батальона, который осуществлял взятие Ростова. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. Командир одного из батальонов ОП. С 21 апреля (4 мая) по 27 апреля (10 мая) 1918 г. – временно исполняющий обязанности командира ОП. После ранения оставил должность. В июле, вернувшись из эвакуации после

ранения, командовал 2-м батальоном 1-го ОГМП. Убит 24 июля (6 августа) 1918 г.

Ходаковский (Ходак-Ходаковский) Николай Николаевич. Генерал-майор. Участник 2-го Кубанского похода. Участник 1-й мировой войны. С 30 июня (13 июля) 1916 г. – командир 165-го пехотного Луцкого полка. С 6 (19) сентября 1916 г. – полковник¹⁸¹. Георгиевский кавалер.

8 (21) сентября 1918 г. зачислен в списки 1-го ОГМП. 9 (22) октября вступил во временное командование полком¹⁸², которым командовал до конца октября. 14 (27) октября, ввиду болезни полковника Тимановского, вступил во временное командование 1-й бригадой 1-й пехотной дивизии. В боях под Армавиrom был ранен, в полк более не возвращался.

Командиры батальонов

Алабовский Николай Иванович. Полковник. К 1918 г. – штабс-капитан. До начала 1-го Кубанского похода – офицер 3-го Офицерского батальона. После переформирования ДА в феврале 1918 г. – офицер 3-й роты СОП, в составе которой участвовал в 1-м Кубанском походе. 26 июня (9 июля) 1918 г. в числе группы офицеров направлен в Екатеринодар для формирования 10-й роты полка. Летом – офицер 6-й роты полка, участник 2-го Кубанского похода. 14 (27) сентября назначен командиром 6-й роты. 17 (30) октября в бою под селом Маломиной был ранен, но остался в строю. 17 (30) ноября ранен в бою под селом Коноковским и эвакуирован по болезни¹⁸³. К 1919 г. – капитан; в октябре – временно исполняющий должность командира 2-го батальона 1-го ОГМП. Эмигрант.

Волнянский (?–1918). Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. В ДА – с 28 июля (10 августа) 1918 г. Привел из Екатеринослава группу из 100 офицеров, включенную в состав 1-го ОГМП. В августе назначен командиром 3-й роты полка, куда вошли приведенные им добровольцы. В ноябре – командир 2-й роты. 21 ноября (4 декабря) назначен командиром 3-го батальона¹⁸⁴. В декабре – командир 1-го батальона полка. Погиб 16 (29) декабря 1918 г. в бою у села Шишкино Ставропольской губернии. Похоронен в Войсковом Соборе в Екатеринодаре.

Гаврилов. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. Прибыл на пополнение в 1-й ОГМП 5 (18) августа 1918 г., зачислен в списки 3-го батальона. 3 (16) сентября назначен временно командующим 1-м батальоном полка. 19 октября (1 ноября) по приказанию начальника 1-й пехотной дивизии выбыл в командировку в Улагаевский пластунский батальон¹⁸⁵.

Дударев (?–1918). Ротмистр. В ДА – с декабря 1917 г. (заместитель командира прибывшего с Кавказского фронта Ударного дивизи-

она Кавказской кавалерийской дивизии). Участвовал в боях в Батайске. После реформирования ДА в феврале 1918 г. замещал командира 4-й роты образованного СОП полка, в составе которого участвовал в 1-м Кубанском походе. В июле – командир 2-го батальона 1-го ОГМП. Погиб 17 (30) июля 1918 г. в бою у станции Кореновской.

Назимов Владимир Федорович (?–1949). Генерал-майор. В 1917 г. – подполковник. В ДА – с декабря 1917 г., в студенческом батальоне. 8 (21) января назначен помощником командира Отдельного Студенческого батальона. Участник 1-го Кубанского похода. При реформировании ДА в конце марта 1918 г. назначен командиром 2-го батальона ОП. Позднее – помощник командира 1-го ОГМП. Полковник. В 1919–1920 гг. находился в составе Марковской дивизии до эвакуации из Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. Осенью 1925 г. находился в составе Марковского полка в Болгарии. Умер 3 февраля 1949 г. в Мюнхене.

Никулин (?–1919). Полковник. В феврале 1919 г. – командир 4-го батальона 1-го ОГМП. Погиб в Донбассе, в бою у станции Дебальцево 10 февраля 1919 г.

Папков Михаил Владимирович (?–1919). Капитан. К концу 1917 г. – штабс-капитан. В ДА – с декабря 1917 г., в офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского похода в составе 1-й роты ОП. С 13 (26) октября по осень 1919 г. – командир 1-й роты в 1-м ОГМП. Осенью 1919 г. – командир батальона полка. В ноябре 1919 г. – командир 1-го батальона в 3-м ОГМП. С 14 (27) декабря – капитан. Погиб 18 (31) декабря 1919 г. во время разгрома МПД у села Алексеево-Леоново.

Плохинский Назар Борисович (?–1918). Подполковник. Происходил из крестьян. Участник 1-й мировой войны. В 1917 г. – командир роты в 126-м Рыльском полку. Летом 1917 г. переведен из 126-го полка в 127-й Путивльский полк помощником командира полка. Позднее отрешен от должности и назначен младшим офицером в 1-ю роту. Георгиевский кавалер, награжден золотым оружием и орденом Святого Владимира, имел английский орден.

В ДА – с декабря 1917 г. По прибытии принял командование 1-й ротой 1-го Офицерского батальона. При реформировании ДА в феврале 1918 г. – командир 1-й роты СОП. Ранен 16 (29) июля 1918 г. в бою у станции Кореновской. Ко 2-му Кубанскому походу – командир 1-го батальона полка. Скончался от ран 19 июля (1 августа) 1918 г.¹⁸⁶

Попов. Капитан. В октябре 1919 г. – командир 1-го батальона 1-го ОГМП.

Смирский. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. Летом 1918 г. – командир 2-го батальона 1-го ОГМП. 20 июля (2 августа) ранен в бою под станцией Кореновской и отправлен на лечение¹⁸⁷.

Стаценко. Капитан. В январе 1920 г. – командир батальона 1-го ОГМП при подавлении Ейского восстания. Эмигрант.

Шульга. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. Прибыл в 1-й ОГМП 26 июля (8 августа) 1918 г. 28 октября (10 ноября) возвратился из командировки, назначен временно исполняющим должность командира 3-го батальона¹⁸⁸. Летом 1919 г. – командир 2-го батальона полка.

Командиры рот и команд

Александрович (?–1919). Штабс-капитан. В августе 1919 г. – командир роты в 1-м батальоне 1-го ОГМП. Погиб 13 (26) августа 1919 г.

Белозерский. Подполковник. Участник 2-го Кубанского похода. Участник 2-го Кубанского похода. Летом 1918 г. – командир 7-й роты 1-го ОГМП. 27 июня (10 июля) оставил роту по болезни¹⁸⁹.

Бетьковский В. Поручик. В декабре 1919 г. – командир 5-й роты 1-го ОГМП.

Большаков Лев Петрович (?–1919). Капитан. Участник 1-й мировой войны, офицер Копорского полка. Георгиевский кавалер. В 1918 г. – штабс-капитан. 21 сентября (4 октября) 1918 г. зачислен в списки 1-го ОГМП, в составе которого участвовал во 2-м Кубанском походе. 18 ноября (1 декабря) возвратился в полк после ранения¹⁹⁰. Летом 1919 г. – командир 3-й роты полка. Погиб 13 (26) августа 1919 г. в боях под селом Короча. Автор статьи «Взятие Белгорода» в ростовской газете «Жизнь» в июне 1919 г. и статей об алексеевцах и марковцах в курской газете «Россия» в октябре 1919 г. («Партизанский Генерала Алексеева полк», «Те, кто красиво умирают»). Похоронен в Ростове.

Боровский. Штабс-капитан. Участник 2-го Кубанского похода. 25 июля (7 августа) 1918 г. назначен командиром 2-й роты 1-го ОГМП¹⁹¹.

Борцов. Штабс-капитан. Участник 2-го Кубанского похода. Осенью 1918 г. – командир 9-й роты 1-го ОГМП. 17 (30) ноября ранен в бою под селом Коноковка.

Букин. Капитан. В декабре 1918 г. – командир 8-й роты 1-го ОГМП.

Верещагин. Капитан. Участник 2-го Кубанского похода. В августе 1919 г. – командир 8-й роты 1-го ОГМП.

Вознесенский (?–1918). Штабс-капитан. Участник 2-го Кубанского похода. В июне 1918 г. – командир 3-й роты 1-го ОГМП. Погиб в бою 17 (30) июля 1918 г. в бою у станицы Кореновской.

Гавре. Подъесаул. Участник 2-го Кубанского похода. В августе 1918 г. – командир 5-й роты 1-го ОГМП¹⁹².

Гартиер. Подполковник. Участник 2-го Кубанского похода. 27 июня (10 июля) 1918 г. назначен командиром 8-й роты 1-го ОГМП. 9 (22) ноября, согласно приказу по ДА от 27 сентября (10 октября), произведен в полковники¹⁹³.

Громыко. Поручик. Участник 2-го Кубанского похода. В августе 1918 г. – начальник команды конной разведки и связи 1-го ОГМП¹⁹⁴.

Добронравов (?–1918). Штабс-капитан. В ДА – с декабря 1917 г. Командир 2-й роты 1-го Офицерского батальона. В январе 1918 г. участвовал в боевых действиях отряда есаула Чернецова на Новочеркасском направлении. Погиб 19 января (1 февраля) 1918 г. у станции Гуково.

Дубинин (?–1920). Штабс-капитан. В июне 1919 г. в боях в районе Белгорода сдался с батальоном красноармейцев 1-му батальону 1-го ОГМП. Летом–осенью 1919 г. назначен командиром команды пеших разведчиков полка. Ранен, эвакуирован в Крым. Примкнул к выступлению капитана Орлова. Позднее, в 1920 г. вернулся в полк. В апреле 1920 г. повешен по приказанию генерала Слащева.

Ершов (?–1919). Поручик. Командир команды конных разведчиков 1-го ОГМП. Погиб 23 июля (5 августа) 1919 г. у станции Готня.

Ждановский Александр А. Подполковник. В 1918 г. – штабс-капитан. С 14 (27) сентября по 2 (15) октября 1918 г. – временно исполняющий должность командира 11-й роты 1-го ОГМП, помощник командира 1-й роты. 17 (30) ноября ранен у села Устиновка и эвакуирован. Позднее вернулся в полк. 26 ноября (9 декабря) вновь ранен и эвакуирован¹⁹⁵. В августе 1919 г. – капитан, командир 11-й роты. Эмигрант.

Жигулин. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. В августе 1918 г. – командир 3-й роты 1-го ОГМП.

Зоннерштраль (?–1918). Поручик. Участник 2-го Кубанского похода. 20 июля (2 августа) 1918 г. назначен командиром команды конных разведчиков ОГМП. 25 июля (7 августа) убит у хуторов Малеванных¹⁹⁶.

Зубов (?–1918). Капитан. Участник 2-го Кубанского похода. В июле 1918 г. – командир 9-й роты 1-го ОГМП. 24 июля (6 августа) погиб в бою у хуторов Малеванных.

Зудилин (?–1918). Полковник. В феврале 1918 г. – командир 2-й роты 2-го Офицерского батальона. После реформирования ДА в феврале 1918 г. – заместитель командира 2-й роты СОП, в составе которого участвовал в 1-м Кубанском походе. Погиб в конце марта 1918 г. во время боев за Екатеринодар.

Каминский. Штабс-капитан. Осенью 1918 г. – офицер 11-й роты ОГМП, 26 ноября (9 декабря) назначен командиром 11-й роты¹⁹⁷.

Клейн (?–1918). Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. 3 (16) сентября 1918 г. назначен командиром 11-й роты ОГМП. Погиб 14 (27) сентября 1918 г. в боях под Армавиrom¹⁹⁸.

Кобзелевский Лев Александрович (?–1918). Капитан. Участник 2-го Кубанского похода. Летом–осенью 1918 г. – командир 6-й роты 1-го ОГМП. 16 (29) июля в бою под станицей Кореновской ранен. 14 (27) сентября погиб в боях под Армавиrom¹⁹⁹.

Колосов. Подпоручик. Участник 2-го Кубанского похода. В августе 1918 г. – начальник пулеметной команды 1-го ОГМП²⁰⁰.

Коротаев (?–1918). Подполковник. В 1-ю мировую войну – полковник 6-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. 4 (17) апреля 1918 г. принял командование 2-й ротой СОП, пополненной артиллеристами. В мае-июне месяце ранен, вернулся в строй 23 июня (6 июля). Умер 27 июля (9 августа) 1918 г.²⁰¹.

Кочкин. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. В августе 1918 г. – командир 12-й роты 1-го ОГМП.

Крестов. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. В августе–сентябре 1918 г. – командир 5-й роты 1-го ОГМП. 14 (27) сентября ранен, выбыл из строя. 28 сентября (11 октября) вернулся в роту²⁰². 2 (15) октября тяжело ранен в боях под Армавиrom.

Кромм. Поручик. В ДА – с осени 1917 г. С 15 (28) декабря 1917 г. командир 4-й роты развернутого из 1-й офицерской роты 1-го Офицерского батальона.

Лаврентьев (?–1918). Полковник. В середине декабря 1917 г. – командир 2-й офицерской роты, а затем 2-го Офицерского батальона, который участвовал в боевых действиях под Таганрогом и Батайском. После переформирования ДА в феврале 1918 г. – командир 2-й роты СОП, в составе которой участвовал в 1-м Кубанском походе. Погиб в марте 1918 г. во время штурма Екатеринодара.

Лешук. Поручик. Участник 2-го Кубанского похода. Осенью 1918 г. – начальник команды службы связи и командир конной сотни 1-го ОГМП, с 21 ноября (4 декабря) – начальник команды службы связи²⁰³.

Макас. Штабс-капитан. Участник 2-го Кубанского похода. С 26 ноября (9 декабря) 1918 г. – командир 11-й роты 1-го ОГМП²⁰⁴.

Моллер Михаил Николаевич (1890–1964). Полковник Лейб-гвардии Преображенского полка. В ДА – с конца 1917 г. В декабре 1917 г. возглавил 3-ю офицерскую Гвардейскую роту, позднее вошедшую в состав 3-го Офицерского батальона. Участник 1-го Кубанского похода в составе ОП (командир отделения гвардейского взвода, с 17 (30) марта – командир гвардейского взвода 3-й роты). В июне 1918 г. – в составе 4-го батальона ОГМП. Участник 2-го Кубанского похода. 26 июня (9 июля) 1918 г. во главе группы офицеров отправлен в Новочеркасск для формирования 10-й роты. В июле – наблюдающий за маршевым батальоном²⁰⁵. С 28 сентября (11 октября) – в Сводно-Гвардейском полку. С 29 сентября (12 октября) – начальник хозяйственной части полка. Умер в 1964 г. во Франции (похоронен на Сент-Женевьев-де-Буа).

Некрашевич (?–1918). Штабс-капитан. В ДА – с ноября 1917 г. С 15 (28) ноября по середину декабря – командир Сводно-Офицерской роты. После развертывания 1-й офицерской роты в 1-й Офицер-

ский батальон – командир роты. Участник 1-го Кубанского похода в составе ОП. Убит 30 марта (12 апреля) под Екатеринодаром.

Никульников. Поручик. В августе 1919 г. – командир комендантской команды 1-го ОГМП.

Парфенов Василий Дмитриевич (1892?–1920). Полковник. Из дворянской семьи. Участник 1-й мировой войны. В августе 1914 г. поступил добровольцем в команду конных разведчиков Лейб-гвардии Измайловского полка. За боевые отличия произведен в офицеры. К 1917 г. – штабс-капитан.

С конца октября 1917 г. занимался вербовкой и отправкой на Дон кадетов и юнкеров. В ДА – с 4 (17) ноября 1917 г. (прибыл с партией добровольцев в 25 человек). Возглавил первую воинскую часть ДА – Сводно-Офицерскую роту. 15 (28) ноября в Новочеркасске назначен командиром юнкерской роты, сформированной из кадетов, юнкеров и учащейся молодежи (позднее развернута в Юнкерский батальон). При реформировании ДА в феврале 1918 г. был смещен на должности командира Особого юнкерского батальона генералом А.А. Боровским. Не пожелал оставаться в батальоне на должности командира роты и покинул его. Участник 1-го Кубанского похода. По окончании похода оставил ДА и вступил в Астраханскую армию. В составе армии сформировал роту, участвовавшую в боевых действиях. В бою у станции Великокняжеской роты была почти полностью уничтожена. В начале 1919 г. вернулся в Добровольческую армию. Вступил в Сводно-Гвардейский полк (в полк вошли бывшие измайловцы). Летом 1920 г. в Крыму произведен в полковники и назначен командиром пехотного полка. Погиб по дороге в полк.

Пейкер (?–1918). Штабс-капитан. В ДА – с декабря 1917 г. Командир 3-й роты развернутого 1-го Офицерского батальона. В январе 1918 г. участвовал в боевых действиях отряда есаула Чернецова на Новочеркасском направлении. Смертельно ранен 21 января (3 февраля) 1918 г. под станцией Гуково.

Перепелицин. Капитан. Участник 2-го Кубанского похода. В августе 1918 г. – командир 6-й роты 1-го ОГМП²⁰⁶.

Пиллер (?–1919). Капитан. К 1918 г. – штабс-капитан. Участник 2-го Кубанского похода. Летом 1918 г. – офицер 9-й роты ОГМП. 1 (14) августа назначен командиром 9-й роты. С 16 (29) октября по 2 (15) ноября и в декабре 1918 г. – командир 12-й роты²⁰⁷. Тяжело ранен 16 (29) декабря 1918 г. Погиб в середине февраля 1919 г.

Поляков Павел Федорович. Штабс-капитан. В составе ОП – участник 1-го и 2-го Кубанских походов. С 23 мая (5 июня) 1918 г. – командир 1-й роты 1-го ОГМП. Летом 1918 г. ранен, эвакуирован на лечение. 14 (27) июля прибыл в полк. С 3 (16) сентября – временно исполняющий обязанности командира 1-го батальона. Осенью ранен, возвратился из эвакуации 13 (26) ноября. С 13 (26) по 30 ноября

(13 декабря) – временно командующий 1-м батальоном²⁰⁸. Вернулся на должность командира 1-й роты.

Попов (?–1918). Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. В июне 1918 г. – командир 8-й роты 1-го ОГМП. Погиб в бою 25 июня (8 июля) 1918 г. в бою у станции Кагальнической.

Рейтлингер. Участник 2-го Кубанского похода. Капитан. В августе 1918 г. – командир 8-й роты 1-го ОГМП²⁰⁹.

Румянцев. Капитан. В феврале 1920 г. – командир роты в 1-м ОГМП.

Сенкевич. Капитан. Участник 2-го Кубанского похода. В августе 1918 г. – командир 10-й роты 1-го ОГМП²¹⁰.

Соколов. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. В июле 1918 г. – командир 1-го батальона 1-го ОГМП. 21 июля (3 августа) из-за ранения сдал 1-й батальон полковнику Блейшу.

Стаценко. Поручик. В сентябре 1919 г. – начальник пулеметный команды 1-го ОГМП.

Сухарев. Капитан. В феврале 1920 г. – командир роты в 1-м ОГМП.

Табунов (?–1918). Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. 27 сентября (9 октября) 1918 г. назначен командиром 11-й роты 1-го ОГМП. 2 (15) октября назначен командиром 6-й роты. Согласно приказу по ДА от 27 сентября (10 октября) произведен в полковники²¹¹. Погиб 17 (30) октября 1918 г. под Армавиrom.

Ценат (?–1918). Полковник. Георгиевский кавалер. Участник 2-го Кубанского похода. В июне 1918 г. – командир 7-й роты 1-го ОГМП. Погиб 25 июня (8 июля) 1918 г. под станицей Кагальнической²¹².

Чернявский. Поручик. Участник 2-го Кубанского похода. В августе 1918 г. – командир 2-й роты 1-го ОГМП²¹³.

Шевченко П.Е. Капитан. Георгиевский кавалер. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. В 1919 г. в Белгороде назначен командиром команды пеших разведчиков 1-го ОГМП. Сумел целиком вывести команду разведчиков при разгроме МПД у села Алексеево-Леоново 18 (31) декабря 1918 г.

Шернберг. Штабс-капитан. 21 ноября (4 декабря) 1918 г. назначен командиром команды конных разведчиков 1-го ОГМП²¹⁴.

Шилов. Штабс-капитан. Участник 2-го Кубанского похода. В августе 1918 г. – командир 4-й роты 1-го ОГМП. 12 (15) октября назначен командиром 9-й роты²¹⁵.

Ширяев. Полковник. В ДА – с декабря 1917 г. Командир прибывшего с Кавказского фронта Ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии. В конце января возглавлял Батайский отряд, участвовавший в боевых действиях в Батайске. После переформирования ДА в феврале 1918 г. – командир 4-й роты СОП, в составе которой участвовал в 1-м Кубанском походе.

Энгельгардт. Участник 2-го Кубанского похода. Полковник. Прибыл на пополнение в 1-й ОГМП 5 (18) августа 1918 г. В августе 1918 г. – командир 8-й роты полка, с 1 (14) по 14 (27) ноября – командир 5-й роты²¹⁶.

Офицеры полка

Биркин Василий Николаевич. Офицер 6-го Гренадерского полка, преподаватель Донского кадетского корпуса. В ДА – с конца 1917 г. Офицер 4-й роты 1-го ОП, в составе которого участвовал в 1-м Кубанского походе. По окончании похода вернулся в корпус, вместе с которым весной 1920 г. был эвакуирован в Египет. Умер в эмиграции. Автор неопубликованных воспоминаний о 1-м Кубанском походе.

Бремпель Николай Ричардович (?–1919). Подпоручик. Участник 2-го Кубанского похода. В ДА – с лета 1918 г., зачислен в 1-й ОГМП. За время пребывания в полку был дважды ранен. В августе 1919 г. перешел в формирующийся 3-й ОГМП. 13 (26) октября 1919 г. был ранен в бою с латышами в деревне Караськово Кромского уезда Орловской губернии. 16 (29) октября от полученных ранений скончался в Курске²¹⁷.

Губарев. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. Начальник хозяйственной части 1-го ОГМП по 6 (19) июля 1918 г. (сменен полковником П.К. Николаевым).

Дончиков Владимир Николаевич (?–1956). К 1918 г. – поручик. Один из организаторов создания в январе 1918 г. Отдельного студенческого батальона в Ростове. После его создания 8 (21) января 1918 г. – адъютант батальона. Участник 1-го Кубанского похода. При переформировании ДА в станице Ново-Димитровской стал первым адъютантом ОП. Во ВСЮР и Русской армии – до эвакуации из Крыма. Галлиполиец. В 1922 г. жил в Болгарии. Осенью 1925 г. находился в составе 1-й Галлиполийской роты во Франции. Капитан. Умер 6 сентября 1956 г. в Париже.

Ерофеев. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. 24 сентября (7 октября) 1918 г. включен в списки 1-го ОГМП, назначен помощником командира. С 5 (18) октября – в командировке в штабе ДА²¹⁸.

Николаев Петр Константинович. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. С 6 (19) июля 1918 г. – начальник хозяйственной части 1-го ОГМП. 9 (22) ноября, согласно приказу по ДА от 27 сентября (10 октября) 1918 г. произведен в полковники²¹⁹. Начальник хозяйственной части 1-го ОГМП в 1919 г. Сдал хозяйственную часть 31 июля (13 августа)²²⁰.

Родичев Гавриил Дмитриевич (1889–1930). Военный врач, подпоручик. Из дворян Тверской губернии, сын мирового судьи. Родился

Командир Георгиевского батальона
полковник Н.С. Тимановский. 1917 г.
(ГА РФ)

Полковник Н.С. Тимановский –
командир 1-го Офицерского генерала
Маркова полка. 1918 г.
(ГА РФ)

Генерал-лейтенант Н.С. Тимановский.
Белгород. 1919 г. (ГА РФ)

Полковник Ф.В. Назимов в 1918 г. –
помощник командира Студенческого
батальона, позднее помощник
командира 1-го Офицерского генерала
Маркова полка. (ГА РФ)

Генералы П.Н. Врангель и А.П.
Кутепов. Мелитополь. 1920 г. (ГА РФ)

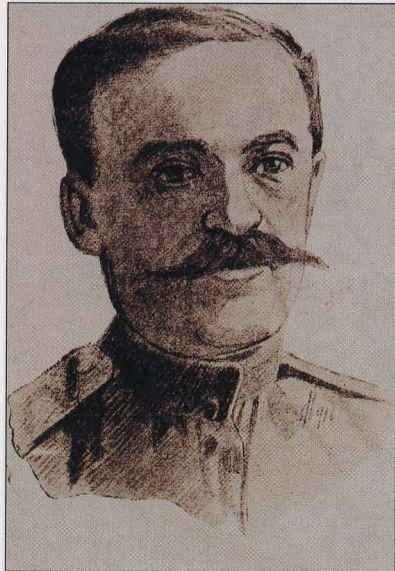
Генерал-лейтенант А.П. Кутепов
(ГА РФ)

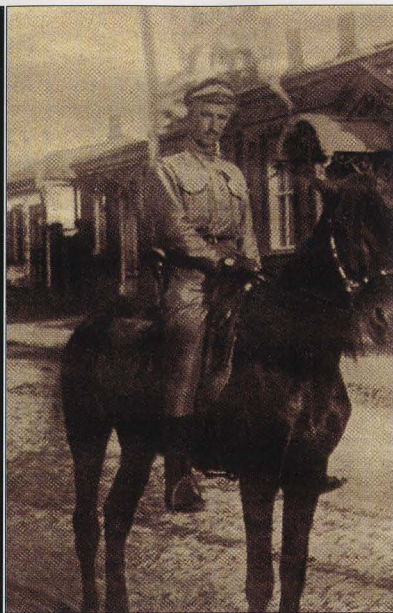

Генерал-лейтенант И.П. Романовский
(ГА РФ).

Генерал-лейтенант А.А. Боровский –
командир 1-го Офицерского полка в
1918 г. (ГА РФ)

*Полковник Д.Т. Миончинский –
командир 1-й генерала Маркова
батареи (ГА РФ)*

*Полковник Д.А. Марченко – командир
1-го Марковского полка (ГА РФ)*

*Подполковник В.Е. Павлов – автор
«марковской» полковой истории
(ГА РФ)*

Офицерская рота охраны Ставки Главнокомандующего
Вооруженными Силами юга России. Таганрог. 1919 г. (ГА РФ)

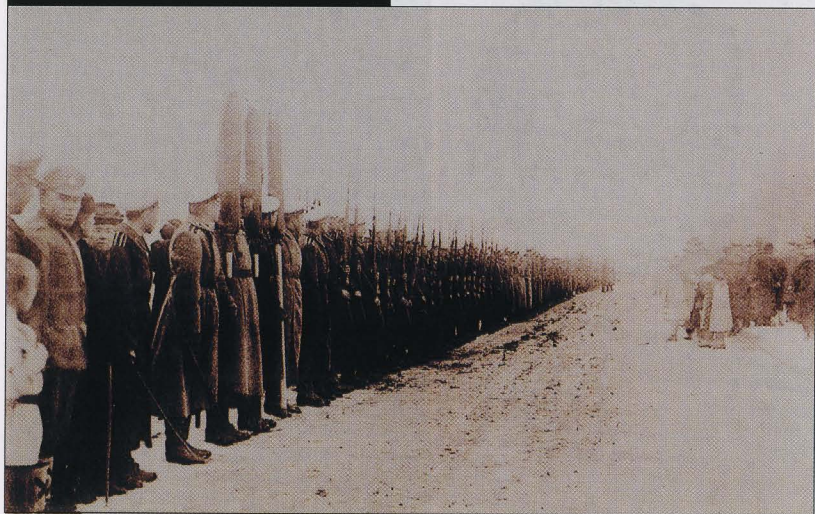

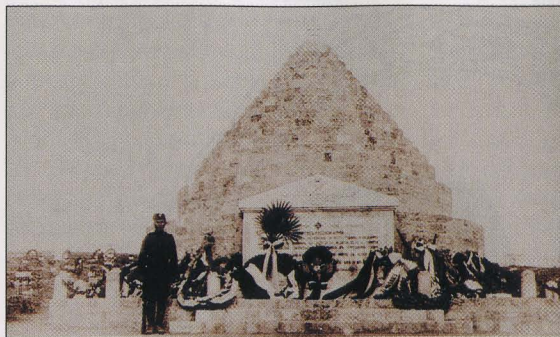
Полковник А.Н. Сальников – командир
1-го Офицерского генерала Маркова
полка (ГА РФ)

Галлиполи. В палатке Марковского полка (ГА РФ)

Болгария. Марковский полк. 1922 г.

Галлиполийский
памятник. 1921 г.

Болгария.
Чины 1-го армейского
корпуса. 1925.

Болгария.
Возвращение
Марковцев в
Белградчик после
подавления «красного
путча» болгарских
коммунистов. 1922 г.

Генераль-Лейтенантъ
СЕРГЪЙ ЛЕОНИДОВИЧЪ МАРКОВЪ

† 13-го іюня 1918 года.

„Вѣрьте, что Родина снова будетъ Великой, Единой, Могучей“
(предсмертныя слова ген. МАРКОВА).

КОПИЯ
РГВА
Фонд 39689
Опись 1
9
Лист

Листовка с портретом С.Л. Маркова. 1919 г. (РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 9. б/н)

23 января 1899 г. в Москве. Окончил 2-ю Московскую гимназию, учился в Московском университете. В 1-й мировой войне участвовал как младший военный врач. В ДА – с осени 1917 г. Во время 1-го Кубанского похода находился ординарцем при генерале Маркове (одно время заведовал казной Офицерского полка). После смерти генерала Маркова – ординарец при генерале Тимановском. Участвовал во многих боях МПД. В июне 1918 г. в приказе № 50 по 1-му Офицерскому генерала Маркова полку упоминается как младший врач полкового околотка. 19 ноября (2 декабря) по личному желанию переведен добровольцем в команду конных ординарцев 1-й бригады 1-й пехотной дивизии (которой командовал в то время Н.С. Тимановский)²²¹. Произведен в подпоручики. Эмигрант. В Галлиполи находился в распоряжении генерала Кутепова. В 1921 г. переехал в Тырново (Болгария), а в 1922 г. – в Чехословакию, где закончил свое медицинское образование. С 1927 г. находился на службе во Французском Конго. Умер 21 апреля 1930 г. в Париже.

2-й МАРКОВСКИЙ ПОЛК

Командиры полка

Гаттенбергер Георгий Петрович (1876–1920). Генерал-майор. Родился в Воронеже. Окончил Воронежский кадетский корпус, Алексеевское военное училище. По окончании выпущен в один из Сибирских полков, в составе которого участвовал в русско-японской войне. С 24 августа 1907 по 1913 г. занимал должность офицера-воспитателя Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса. Капитан. Участник 1-й мировой войны. С начала войны прикомандирован к 311-му Орскому пехотному полку. В 1915 г. в чине подполковника за бой около фольварка Прожекторов (Польша) получил Георгиевское оружие. 23 июля 1916 г. назначен командиром 331-го Орского пехотного полка с производством в полковники. Награжден орденами Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 3-й степени с мечами, Святого Станислава 2-й степени с мечами и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. В 1917 г. назначен начальником 53-й пехотной дивизии с производством в чин генерал-майора. В августе 1917 г. попал в плен, откуда вернулся в 1918 г. Командовал в Киеве Особым Сибирским отрядом и принимал участие в борьбе с большевиками.

В конце 1918 г. приехал в Сибирь. Командир одного из корпусов. Принимал участие в боях в Поволжье. Весной–летом 1918 г. был отправлен на юг России в качестве уполномоченного Верховного правителя России А.В. Колчака для набора офицеров в Сибирь. В апреле 1919 г. с разрешения Деникина формирует в Таганроге из офицеров, служивших в Сибирских частях и желающих ехать на восток России,

Отдельный Сибирский батальон. К началу октября 1919 г. сформировал батальон четырехротного состава. 9 (22) марта 1920 г. Отдельный Сибирский Офицерский батальон был влит в состав 2-го ОГМП. Назначен командиром 3-го батальона полка. С 6 (19) июня 1920 г. – командир 2-го МПП. Погиб в Северной Таврии под Большим Токмаком 29 июля (11 августа) 1920 г.²²²

Гравицкий Георгий (Юрий) Константинович (1882–?). Генерал-майор. Окончил Новгород-Северское двухклассное городское училище, Чугуевское пехотное юнкерское училище (1902). Участник 1-й мировой войны, командир 428-го пехотного Лодейнопольского полка.

В 1919 г. – командир Сводно-Стрелкового полка. В августе 1919 г. при ликвидации Купянского прорыва Красной армии в районе Белгорода – Харькова командовал отрядом из 1-го ОГМП, формирующегося 2-го ОГМП, Сводно-Стрелкового, Терско-Астраханского и части Самурского полка (состав отряда менялся). В марте–апреле 1920 г. – командир 1-го Кавказского стрелкового (Сводно-Стрелкового) полка. При обороне Крыма в начале 1920 г. командовал отрядом, занимавшим Арабатскую стрелку. В 1920 г. – генерал-майор. С 1 (14) августа 1920 г. – командир 2-го МПП. 15 (28) октября назначен принявшим командование МПД генералом В.В. Манштейном заместителем начальника дивизии. После эвакуации по болезни генерала Манштейна с 20 октября (2 ноября) фактически выполнял некоторое время обязанности начальника МПД. Эмигрант. В 1920 г. из Болгарии вернулся в Россию. Автор воспоминаний «Белый Крым. 1920 г.».

Данилов. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. С 25 июля (7 августа) 1918 г. – командир 1-го запасного батальона 1-го ОГМП²²³. В августе 1919 г. командовал отрядом при Купянском прорыве красных (в отряд входили батальон корниловцев, три роты марковцев с 3-мя орудиями). С 21 ноября (4 декабря) по 18 (31) декабря 1919 г. (начало января 1920 г.) – командир 2-го ОГМП. В ходе разгрома МПД 18 (31) декабря 1919 г. у села Алексеево-Леоново пропал без вести.

Крыжановский Всеволод Владимирович (1892–1980). Капитан. В феврале 1918 г. – штабс-капитан. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов в составе 1-й роты ОП. 28 сентября (11 октября) 1918 г. ранен, отправлен на излечение²²⁴. В июле 1919 г. – в составе команды пеших разведчиков 1-го ОГМП. С 12 (25) по 14 (27) ноября 1919 г. – временно исполняющий должность командира 2-го ОГМП. Капитан. Оставил полк по болезни. Позднее – в составе 2-го ОГМП до эвакуации из Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. находился в составе Марковского полка во Франции. Полковник. Умер 31 декабря 1980 г. в Монморанси (Франция).

Кудревич В.В. Полковник. В октябре 1919 г. – офицер 2-го ОГМП. Ранен в октябрьских боях. В октябре 1920 г. – временно ис-

полняющий обязанности командира 2-го МПП. Ранен 21 октября (3 ноября) 1920 г.

Луцкалов. Капитан. С 14 (27) по 21 ноября (4 декабря) 1919 г. – временно исполняющий должность командира 2-го ОГМП. Оставил должность по болезни.

Морозов Алексей Аполлонович (?–1919). Полковник. Участник 1-й мировой войны. На фронт вышел в чине штабс-капитана Лейб-гвардии Павловского полка. С января 1917 г. – командир полка. Награжден Георгиевским оружием. В 1917 г. – полковник.

В ДА – с конца 1917 г. Командир 4-й офицерской роты, приданной отряду есаула Чернецова. Участвовал в боевых действиях в Новочеркасском районе в январе 1918 г. После того, как 23 января (5 февраля) 4-я офицерская рота была влита в состав 1-го Офицерского батальона, отказался стать в нем командиром 2-й роты, оставшись в батальоне рядовым бойцом. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. Летом–осенью 1918 г. – наблюдающий за командами в 1-м ОГМП. Возвратился из командировки 2 (15) сентября 1918 г.²²⁵ 28 сентября (11 октября) выделен из полка в Сводно-Гвардейский полк, позднее командир Н.С. Тимановского в Одессу и формировании там добровольческих частей. Назначен командиром 15-го стрелкового полка. Возвращается из Одессы вместе с Тимановским. В конце мая – начале июня 1919 г. – начальник гарнизона города Купянска. В начале июля 1919 г. – командир Корочанского отряда (состоял из батальона Корниловского ударного полка и 17-го гусарского полка). Первый командир 2-го ОГМП – с 1 (14) августа 1919 г. 11 (24) октября в бою под Ельцом был ранен, оставил должность 15 (28) октября. В ноябре заболел тифом и 21 ноября (4 декабря) 1919 г. скончался. Похоронен в Екатеринодаре, в усыпальнице Войскового Собора.

Перебейнос Никифор Никитович. Штабс-капитан. Принимал участие в 1-м и 2-м Кубанских походах. В 1918 г. – штабс-капитан 9-й роты 1-го ОГМП. 25 июня (8 июля) 1918 г. эвакуирован на лечение. 24 июля (6 августа) назначен командиром 3-й роты²²⁶. К 1919 г. – капитан. 24 февраля (9 марта) 1919 г. в бою под станицей Денератовской ранен и эвакуирован на излечение. С 18 (31) июля был помощником командира 4-го батальона (до образования 2-го ОГМП) 227. В сентябре–октябре 1919 г. – командир 1-го батальона 2-го ОГМП. С 2 (15) ноября по 12 (25) ноября – временно исполняющий должность командира полка. Оставил полк по болезни. С 22 декабря 1919 г. (4 января) по 6 (19) января 1920 г. – вновь временно исполняющий должность командира полка.

Командиры батальонов

Агабеков. Полковник. В октябре 1920 г. – командир батальона во 2-м МПП.

Грекалов (?–1920). Полковник. В октябре 1920 г. – командир батальона во 2-м МПП. Убит в бою 16 (29) октября 1920 г.

Замаруев (?–1920). Полковник. В октябре 1920 г. – командир батальона во 2-м МПП. Смертельно ранен в бою 16 (29) октября 1920 г.

Эмпахер Мечислав. Капитан. В декабре 1918 г. – поручик 7-й роты 1-го ОГМП²²⁸. В ноябре 1919 г. – капитан. Во время боев в районе Белгорода временно командовал батальоном 2-го ОГМП.

Командиры рот и команд

Делюденко (?–1919). Поручик. В 1919 г. – командир одной из рот 2-го ОГМП. Погиб 18 (31) декабря 1919 г. при разгроме МПД у села Алексеево-Леоново.

Костенко. Капитан. В июле 1920 г. – командир роты во 2-м МПП.

Рейнгардт Юрий (Георгий) Александрович (?–1976). Капитан. Студент Института восточных языков. Окончил Александровское военное училище в 1917 г., прапорщик 175-го пехотного полка. Член Алексеевской организации в Петрограде. С января 1918 г. – в 1-м Офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского похода в составе 1-й роты ОП. С октября 1918 г. – в 1-й роте 1-го ОГМП. Позднее в охране Великого Князя Николая Николаевича, охранной роте при Ставке. С мая 1919 г. – в 1-м ОГМП, затем во 2-м ОГМП. С июля 1920 г. и до эвакуации из Крыма – командир роты во 2-м МПП. Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца. Капитан. Эмигрант. Проживал в Бельгии. Умер 5 апреля 1976 г. в Брюсселе.

Шумаковский (?–1919). Поручик. Летом 1919 г. – командир одной из рот 2-го ОГМП. Погиб 13 (26) августа 1919 г.

3-й МАРКОВСКИЙ ПОЛК

Командиры полка

Наумов А.С. (?–1919). Полковник. К 1918 г. – подполковник. Участник 2-го Кубанского похода. 3 (16) июня 1918 г. прибыл в 1-й ОГМП, зачислен в 7-ю роту. 27 июня (10 июля) назначен временно командующим 7-й ротой. 3 (16) июля назначен командиром 7-й роты. 22 июля (4 августа) временно назначен командиром 2-го батальона полка. 2 (15) октября тяжело ранен в боях под Армавиром. 9 (22) ноября, согласно приказу по ДА от 27 сентября (10 октября), произведен в полковники²²⁹. В марте 1919 г. – командир одного из батальонов пол-

ка. Во время боев в Донбассе в марте 1919 г. командовал группой из марковских подразделений. 1 (14) сентября назначен командиром формирующегося 3-го ОГМП. В 20-х числах октября 1919 г. временно отстранен командиром отряда, действовавшего в районе Орел–Кром, полковником М.А. Пешней от командования полком (3-й полк, входивший в состав отряда, на время принял корниловец поручик М.Н. Левитов). С 27 октября (9 ноября) 1919 г. – командир отряда, действующего в районе Кром (в отряд входили 3-й ОГМП, запасной Марковский батальон, запасной Алексеевский батальон, Черноморский конный полк и конвой штаба корпуса). В начале ноября, ввиду неудачных действий и потери большей части отряда, был снят с должностей, а по его деятельности (развал отряда) начато расследование. В конце декабря 1919 г. покончил жизнь самоубийством.

Никитин Д.П. Подполковник. К февралю 1920 г. – командир одного из батальонов 3-го ОГМП. С 8 (21) августа по конец сентября – начало (середину) октября 1920 г. – командир 3-го МПП. Оставил должность по болезни.

Образцов Дмитрий Васильевич (?–1919). Полковник. Участник 1-й мировой войны. На фронт вышел добровольцем, студентом 3-го курса в 14-й Олонецкий пехотный полк. Награжден Георгиевскими крестами 4-х степеней. В 1915 г. за боевые заслуги произведен в офицеры. Награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. В 1917 г. – командир батальона. К 1918 г. – штабс-капитан.

В ДА – с конца 1917 г. 3 (16) января 1918 г. зачислен в 3-ю роту 1-го Офицерского батальона. 9 (22) января назначен начальником нестроевой команды 1-го Офицерского батальона. 31 января (13 февраля) сдал должность начальника нестроевой команды. Переведен в 3-й Офицерский батальон офицером Сводно-гвардейской роты, с февраля – офицер СОП. Участник 1-го Кубанского похода в составе ОП. 4 (17) марта ранен в бою под станицей Кореновской 4 (17) марта, эвакуирован на излечение. Возвратился из эвакуации 20 марта (2 апреля). 20 апреля (3 мая) ранен осколком разрывной пули в лицо и голову, остался в строю. 4 (17) июня уволен в кратковременный отпуск. С июля 1918 г. – адъютант 1-го ОГМП. 20 июля (2 августа) ранен в бою под станицей Кореновской и отправлен на излечение²³⁰. В декабре 1918 г. – в 6-й роте полка. Во время боев в Донбассе в феврале–марте 1919 г. – на должности адъютанта. В конце февраля переведен на службу в 7-ю роту полка, с назначением ее командиром. С 14 (27) марта – капитан. С 7 (20) июля – командир 4-го батальона 1-го ОГМП. Помощник командира 2-го ОГМП с момента его создания – 1 (14) августа 1919 г. После ранения командира полка полковника Морозова 11 (24) октября временно принял командование полком. Убит в бою под селом Касторное 2 (15) ноября 1919 г. Посмертно произведен в полковники.

Павлов Василий Ефимович (1895–1989). Подполковник. Родился 25 февраля 1895 г. в Смоленске. Окончил реальное училище, Алексеевское военное училище в октябре 1914 г., из которого вышел на фронт. Трижды ранен, награжден орденом Святого Георгия. К 1917 г. – капитан.

В ДА – с конца марта 1918 г. Принимал участие в 1-м и 2-м Кубанском походах. 30 июня (13 июля) 1918 г. назначен помощником командира 7-й роты 1-го ОГМП. 21 июля (3 августа) назначен командиром 7-й роты. 17 (30) ноября в бою под деревней Коноковкой был ранен и эвакуирован на излечение²³¹. В 1919 г. – командир 5-й роты 1-го ОГМП. После формирования 3-го ОГМП – командир 3-го батальона. С 1 (14) ноября по 21 ноября (4 декабря) 1919 г. – временно исполняющий обязанности командира полка.

Эмигрант. Галлиполиец. С 1922 по 1925 г. проживал в Болгарии, затем переехал во Францию. Член РОВСа и Народно-Трудового Союза (НТС). В 1925 г. вступил в Кружок русской молодежи в Болгарии. В 1926 г. возглавил Кружок русской молодежи в Нормандии (Франция). Позднее председатель Национального союза русской молодежи в Гренобле (Франция). Из Германии был командирован резидентом НТС в город Лепель (Белоруссия). После войны окончил ранее начатую полковыми историками работу по истории марковских частей. В 1962 и 1964 гг. в Париже вышли в свет два тома истории: «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг.». Умер 20 декабря 1989 г. в доме для престарелых в городе Шель (Франция), похоронен на кладбище города Клиши²³².

Савельев М.Ф. Капитан. До начала 1-го Кубанского похода был прикомандирован к Ударному дивизиону, во время похода – офицер 4-й роты ОП. Участник 1-го и 2-го Кубанского походов. В августе 1918 г. – поручик, с 25 августа (7 сентября) – капитан, командир 4-й роты 1-го ОГМП²³³. Командир Особой роты при Ставке Главнокомандующего ДА. С 21 ноября (4 декабря) 1919 г. по конец февраля – начало (середину) марта 1920 г. – командир 3-го ОГМП. Отказался от полка. Эмигрант.

Сагайдачный Петр Яковлевич (1899–1964). Полковник. Родился 10 апреля 1899 г. в Петербурге. По окончании Владимирского пехотного училища в 1912 г. вышел в 95-й пехотный Красноярский полк. В годы 1-й мировой войны в составе полка участвовал во всех его сражениях. В середине 1916 г. переведен в 94-й пехотный Енисейский полк. В июне 1917 г. был командирован во Францию в Русский экспедиционный корпус, где оставался до окончания войны. Награжден орденом Святого Владимира, Георгиевским оружием.

В ДА – с 1918 г. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов в составе 1-го ОГМП. К маю 1919 г. – капитан. С 15 (28) по 18 (31) мая 1919 г. – временно командовал ротой генерала Маркова. 16 (29) июля

переведен из роты генерала Маркова в 4-ю роту²³⁴. В 1920 г. – командир одного из батальонов 3-го ОГМП. В 1920 г. – подполковник. Во 2-й половине 1920 г. награжден орденом Святого Николая за производством в полковники. С начала (середины) октября 1920 г. – командир 3-го МПП. 16 (29) октября принял командование бригадой из 1-го и 3-го МПП, которой руководил в последних боях Русской армии в Крыму.

Эмигрант. Из Галлиполи переехал в Болгарию, где проживал до 2-й мировой войны. Во время 2-й мировой войны вступает в Русский Корпус, в 3-й полк, откуда командируется в РОА. После расформирования РОА живет в лагере в Германии. В 1949 г. переселяется в США, в Лос-Анжелес (Калифорния). В Лос-Анжелесе с 1949 г. по сентябрь 1964 г. непрерывно работает на деревообделочной фабрике. Параллельно работал в составе редколлегии в Лос-Анжелесском журнале «Родные Дали». Скончался в Лос-Анжелесе 31 декабря 1964 г.

Урфалов Александр Сергеевич (?–1920). Подполковник. Участник 1-й мировой войны. Начал войну прапорщиком запаса. В 1915 г. – штабс-капитан.

В ДА прибыл из Одессы в 1918 г. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. Штабс-капитан 9-й роты 1-го ОГМП. 17 (30) ноября ранен под деревней Коноковка и эвакуирован на излечение. 15 (28) декабря – возвратился из эвакуации²³⁵. Капитан, командир роты. С 1 (14) сентября по 27 октября (9 ноября) 1919 г. – помощник командира 3-го ОГМП. С 27 октября (9 ноября) по 1 (14) ноября – временно исполняющий должность командира полка. Снят с должности. Заместитель командира 3-го ОГМП до марта 1920 г. С начала (середины) марта по 8 (21) августа 1920 г. – командир 3-го МПП. В 1920 г. произведен в подполковники. Убит 8 (21) августа 1920 г. в бою на станции Пришиб²³⁶. Похоронен в Симферополе.

Командиры батальонов

Стрелин. Капитан. В октябре 1920 г. – командир батальона в 3-м МПП.

Чибирнов. Подполковник. В октябре 1920 г. – командир батальона в 3-м МПП. Во время 2-й мировой войны находился в составе Русского Корпуса. Погиб в его рядах.

Командиры рот и команд

Кавуновский (?–1919). Прапорщик. В октябре 1919 г. – командир одной из рот 3-го ОГМП. Погиб в бою в районе Щигров 29 октября (11 ноября) 1919 г.

Семеновкин. Поручик. В октябре 1919 г. – командир 11-й роты 3-го ОГМП.

Сергеев (?–1920). Поручик. Летом 1920 г. – командир роты в 3-м ОГМП. Убит 8 (21) августа 1920 г.

МАРКОВСКАЯ ДИВИЗИЯ

Начальники дивизии

Битенбиндер (Биттенбиндер) Артур Георгиевич (1886–1972). Полковник Генерального штаба. Потомственный почетный гражданин. Окончил Витебское городское училище, Виленское пехотное юнкерское училище в 1907 г., Николаевскую академию Генерального штаба в 1914 г. Участник 1-й мировой войны, исполняющий должность помощника управляющего генерал-квартирмейстера штаба, помощника Главнокомандующего армиями Румынского фронта.

Участник Белого движения на юге России. Полковник. С 22 июля (4 июля) 1919 г. – начальник штаба 1-й пехотной, а затем МПД. После разгрома дивизии у села Алексеево-Леоново с 18 (31) декабря по 22 декабря 1919 г. (4 января 1920 г.) – временно исполняющий должность начальника дивизии, позднее – вновь начальник штаба. С 24 октября (6 ноября) 1920 г., перед эвакуацией Русской армии, вновь временно исполнял должность начальника дивизии (заместил заболевшего генерала В.В. Манштейна). Эмигрант.

Блейш Александр Николаевич (?–1920). Полковник. Участник 1-й мировой войны. К 1917 г. – подполковник. Награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. В ноябре 1917 г. – командир 2-го Оренбургского ударного батальона, входившего в Отряд ударных частей, сформированного по приказу Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина. Отряд предназначался первоначально для обороны Ставки Главнокомандующего от большевиков. 20 ноября (3 декабря) 1917 г. отряд был отправлен на Дон и в боях с 29 ноября (12 декабря) по 6 (19) декабря разбит. К концу 1917 г. – полковник.

В ДА – с мая 1918 г. Участник 2-го Кубанского похода. В июне 1918 г. – командир 9-й офицерской роты 1-го ОГМП. С 22 июня (5 июля) – командир 1-го батальона, временно исполняющий должность помощника командира полка. 14 (27) сентября остался для амбулаторного лечения в Екатеринодаре, 27 сентября (10 октября) вернулся к исполнению своих обязанностей²³⁷. Осенью 1918 г. ранен. Вернулся в полк в начале января 1919 г. Командир 1-го батальона полка. Во время боев в Донбассе в конце февраля (начале марта) 1919 г. вновь ранен. С середины марта по середину ноября 1919 г. – командир полка. В ноябре 1919 г., во время отступления ВСЮР, 1-й полк под его руководством совершил с 4 (17) по 10 (23) ноября рейд Тим – Солнцево протяженностью около 100 верст. В середине (конце) ноября заболел тифом и оставил полк. Временно исполняющий должность начальни-

ка МПД с 22 декабря 1919 г. по 6 января 1920 г. (4–19 января 1920 г.). Возглавил дивизию после смерти начальника Н.С. Тимановского и ее разгрома в Донбассе, у села Алексеево-Леоново. Помощник начальника дивизии генерал-лейтенанта П.Г. Канцера в январе–феврале 1920 г. В конце февраля – начале марта 1920 г. – начальник МПД. В начале (середине) марта 1920 г. скончался от тифа в Новороссийске при эвакуации армии.

Канцеров Павел Григорьевич. Генерал-лейтенант. Участник 1-й мировой войны. 13 августа 1914 г. произведен в полковники. С 15 ноября 1915 г. командир 283-го пехотного Павлоградского полка. Позднее начальник 71-й пехотной дивизии. Награжден орденами Святого Георгия 3-й и 4-й степени.

С 6 (19) января по середину (конец) февраля 1920 г. – начальник МПД. Отстранен от должности после разгрома дивизии у станицы Ольгинской 16 (29) февраля 1920 г. Зачислен в резерв. Позднее – начальник тыла 1-го армейского корпуса.

Тимановский Николай Степанович (1889–1919). Генерал-лейтенант. Участник русско-японской войны, на фронт которой вышел добровольцем-гимназистом 6-го класса. Награжден двумя Георгиевскими крестами. Был тяжело ранен в бою под Мукденом. После окончания войны и выздоровления сдал офицерский экзамен. После экзамена вышел подпоручиком в 13-й стрелковый генерал-фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полк 4-й («железной») Стрелковой бригады (во время войны развернута в дивизию) генерала А.И. Деникина. В составе 13-го стрелкового полка, в чине капитана, вышел на фронт 1-й мировой войны. За доблесть, проявленную во время Луцкого прорыва в 1916 г., был награжден офицерским Георгиевским крестом и Георгиевским оружием. 2 апреля 1916 г. за боевые отличия произведен в подполковники со старшинством 26 ноября 1915 г.²³⁸ В 1917 г. назначен командиром Георгиевского батальона при Ставке Верховного главнокомандующего. В феврале 1917 г. Тимановский под командованием генерала Иванова был отправлен в Петроград, но не смог продвинуться далее станции Вырица. Не получив никаких приказаний от генерала Иванова, вынужден был вернуться обратно в Могилев.

В ДА – с декабря 1917 г. Назначен командиром роты. После формирования ДА в феврале 1918 г. – помощник командира СОП. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. С марта 1918 г. – начальник штаба 1-й пехотной бригады ДА. С 27 мая (9 июня) 1918 г. – командир ОП. В июне 1918 г. – в отпуске. 22 июня (5 июля) прибыл из отпуска и вступил в командование полком²³⁹. 11 (24) октября 1918 г. произведен в генерал-майоры и назначен командиром 1-й бригады 1-й пехотной дивизии. 19 ноября (2 декабря) был ранен в боях в Ставропольской губернии. В начале 1919 г. отбыл в Одессу для формирования ча-

стей ДА. В марте 1919 г. возглавил Отдельную Одесскую стрелковую бригаду, с которой под натиском войск Украинского фронта отступил в Румынию, откуда при содействии союзников был перевезен в Новороссийск (прибыл в 20-х числах апреля (начале мая) 1919 г.). 2 (15) июня 1919 г. в Купянске принял командование 1-й пехотной дивизией ДА. После ее разделения в Орле на Корниловскую и Марковскую дивизии назначен начальником МПД. 18 (31) декабря 1919 г. скончался от тифа в Ростове. Похоронен в усыпальнице Войскового Собора в Екатеринодаре.

Третьяков Александр Николаевич (1877–1920). Генерал-майор. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. Из училища вышел в Лейб-гвардии 3-ю артиллерийскую бригаду. Участник 1-й мировой войны. В 1914 г. – полковник, командир 3-й батареи в 3-й артиллерийской бригаде. Георгиевский кавалер за бои под Лодзью в ноябре 1914 г. В 1916 г. – командир дивизиона в Лейб-гвардии стрелковой артиллерийской бригаде.

В ДА – со 2 (15) января 1918 г. При переформировании ДА в феврале 1918 г. принял командование 4-й офицерской батареей в составе 1-го ОЛАД, вместе с которой участвовал в 1-м Кубанском походе. Во 2-м Кубанском походе – командир артиллерийского дивизиона и генерал-майор. 4 (17) 1919 г. назначен командиром 1-й АГМБ. В июне 1919 г. назначен командиром бригады в МПД. В сентябре в должности командира бригады, командовал ударным отрядом при взятии Курска 7 (20) сентября 1919 г. На следующий день, 8 (21) сентября 1919 г., со своим отрядом занял город Щигры. В октябре 1919 г. участвовал в боях за город Ливны, а в конце месяца оборонял станцию Касторная от 1-й Конной армии Буденного. 29 октября (11 ноября), после отхода на линию Касторная – Белгород, был назначен командиром Алексеевской пехотной бригады. После отступления войск ВСЮР к Новороссийску и эвакуации в Крым 26 марта (8 апреля) 1920 г. назначен начальником МПД. Участвовал с дивизией во всех боях в Северной Таврии летом 1920 г. После неудачных боев в Заднепровье был отрешен генералом П.Н. Врангелем от командования дивизией и назначен комендантом крепости Керчь. Получив телеграмму об этом в ночь с 13 на 14 (26 на 27) октября, застрелился в штабе дивизии, находившемся в Березовке. Похоронен в Севастополе.

ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ МАРКОВСКОЙ ДИВИЗИИ

Бржезицкий. Полковник. В 1905 г. – в чине поручика, за участие в революционном выступлении разжалован и сослан в Сибирь. В 1917 г. – освобожден и для уравнивания в чинах со сверстниками произведен в чин полковника.

Командир запасного батальона МПД в конце 1919 г. и летом 1920 г. Переведен в Симферополь, назначен командиром 7-го запасного батальона. В октябре 1920 г. встал во главе военно-революционного комитета в Симферополе.

Космачевский Евгений Константинович. Капитан. 18 ноября (1 декабря) 1918 г. прибыл на пополнение в 1-й ОГМП, зачислен в 9-ю роту²⁴⁰. В октябре–ноябре 1919 г. – командир запасного батальона МПД. Эмигрант.

Мальшев Петр Ефимович (1877–1931). Полковник. Родился в городе Змиеве Харьковской губернии. Окончил Чугуевское юнкерское училище в 1898 г., по окончании вышел в 204-й Обоаянский резервный батальон в Курске. В 1-ю мировую войну в составе 1-го Туркестанского корпуса участвовал в сражениях в Восточной Пруссии при городах Лыке, Башелеке и под Мславой, где был тяжело ранен.

Осенью 1919 г. – начале 1920 г. – командир запасного батальона 3-го ОГМП. В Русской армии генерала Врангеля воевал в составе Кавказского стрелкового полка. Эмигрант. До 1925 г. проживал в Болгарии, позднее переехал во Францию, где поступил на работу на металлургический завод в Белфоре. После шести лет работы скончался от разрыва сердца в Белфоре 2 февраля 1931 г.²⁴¹

Тарковский. Капитан. Первопоходник. В октябре 1920 г. – командир роты в запасном батальоне МПП.

Фриде Б.А. Полковник. Летом-осенью 1920 г. – командир запасного батальона МПД. Эмигрант. Начальник группы Марковского пешотного полка в эмиграции во Франции.

МАРКОВСКАЯ АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ БРИГАДА

Командиры бригады

Машин Петр Николаевич. Генерал-майор. К началу 1918 г. – подполковник. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. С конца 1917 г. состоял в отряде капитана Покровского на Кубани. В феврале–марте 1918 г. – старший офицер 4-й батареи, позднее в 1-й батарее. Во время 2-го Кубанского похода – начальник хозяйственной части 1-й батареи 1-го ОЛАД. 10 (23) июля принял командование 1-й батареей дивизиона. Полковник. 16 (29) декабря 1918 г. после гибели полковника Д.Т. Миончинского был назначен командиром дивизиона. 4 (17) апреля 1919 г. назначен командиром 1-го дивизиона 1-й АБ, развернутой из 1-го ОЛАД. В июне принял командование 1-й АБ (позднее развернутой в АГМБ). В марте 1920 г. – временно исполняющий обязанности начальника МПД (замещал перед принятием дивизии полковника А.Н. Блейша). Позднее вернулся на прежнюю должность. 6 (19) июня

1920 г. произведен в генерал-майоры. Эмигрант. Галлиполиец. Командир Отдельного Марковского артиллерийского дивизиона, в который была сведена бригада в Галлиполи. В начале декабря 1921 г. сдал командование дивизионом генерал-майору Л.Л. Илляшевичу.

Командиры дивизионов

Айвазов Г.В. Полковник. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. С августа 1918 г. по начало 1919 г. – командир отдельного конного орудия при 2-й батарее 1-го ОЛАД. С 13 (26) апреля 1919 г., после развертывания дивизиона в 1-ю АБ – командир 4-го дивизиона бригады. В сентябре-октябре 1920 г. – командир 4-го дивизиона АГМБ. Эмигрант. В Галлиполи – командир 3-й батареи Отдельного Марковского артиллерийского дивизиона, в который была сведена бригада.

Иванов Б. (?–1920). Полковник. С 4 (17) апреля 1919 г. – командир 2-й батареи 1-й АБ. Тяжело ранен в середине апреля. С июня – командир 1-го дивизиона бригады (впоследствии АГМБ). Умер 14 (27) марта 1920 г. во время Новороссийской эвакуации.

Икишев Сергей Михеевич (1874 – после 1925). Генерал-майор. Сын коллежского асессора. Полковник 22-й артиллерийской бригады. К 1917 г. – полковник. В ДА – с декабря 1917 г. С конца 1917 по середину марта 1918 г. – командир 1-го ОЛАД (до расформирования дивизиона). В его составе участвовал в 1-м Кубанском походе. Летом 1919 г. – заместитель начальника 6-й пехотной (затем Сводно-Гренадерской) дивизии. Позднее – командир Сводно-Гренадерской артиллерийской бригады. С 15 (28) апреля – в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В Русской армии находился до эвакуации из Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. С апреля 1922 г. – в Болгарии. Осенью 1925 г. – в составе Алексеевского артиллерийского дивизиона в Югославии.

Левашов Анатолий Николаевич (?–1960). Штабс-капитан Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. После окончания 1-го Кубанского похода – в батарее своей бригады. Участник Бредовского похода. 20 июля (2 августа) 1920 г. эвакуирован в Югославию. Позднее возвратился в Крым. Полковник. В эмиграции проживал в Бельгии. Командир 3-й батареи Отдельного Марковского артиллерийского дивизиона, в который была сведена АГМБ. Умер 30 июня 1960 г. в Брюсселе.

Миончинский Дмитрий Тимофеевич (1889–1918). Полковник. Родился 26 октября 1889 г. в Казани. Потомственный военный. Окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус (1906) и Михайловское артиллерийское училище (1909). Из училища вышел в 1909 г. в 31-ю артиллерийскую бригаду. В 1914 г. сдал экзамен в Ни-

колаевскую академию Генерального штаба. С наступлением 1-й мировой войны выходит на фронт старшим офицером 1-й батареи бригады 31-й бригады. Тяжело ранен в боях на реке Гнилой Липе 13 августа 1914 г. После возвращения на фронт участвовал со своей батареей в тяжелых боях в октябре–ноябре 1914 г. на реке Сан. Награжден за эти бои орденом Святого Георгия. В 1916 г. произведен в подполковники с назначением командиром 5-й батареи 31-й артиллерийской бригады.

В ДА – с 12 (25) декабря 1917 г. 14 (27) декабря назначен командиром Сводной Михайловско-Константиновской батареи, принявшей участие в боевых действиях в составе отряда есаула Чернецова. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов, командир 1-й офицерской батареи в составе 1-го ОЛАД (до его расформирования в середине марта). С марта по июль 1918 г. – командир 1-й офицерской батареи. 8 (21) июля 1918 г., после того, как батарея была развернута в 1-й ОЛАД, назначен командиром дивизиона, произведен в полковники. 16 (29) декабря 1918 г. смертельно ранен в бою у села Шишкино Ставропольской губернии. Похоронен в Екатеринодаре в усыпальнице Войскового Собора.

Михайлов Алексей Алексеевич (?–до 1945). Полковник. В 1-ю мировую войну – офицер 48-й артиллерийской бригады. К 1918 г. – подполковник, во второй половине 1918 г. – полковник. Во время 1-го Кубанского похода в феврале–марте 1918 г. – заведующий хозяйственной частью 4-й офицерской батареи. Старший офицер 1-й отдельной батареи. В начале июня 1918 г. назначен командиром сформированной 2-й батареи 1-го ОЛАД. С 4 (17) апреля, после создания 1-й АБ – командир 3-й батареи, с 13 (26) апреля 1919 г. – командир 2-го дивизиона бригады (впоследствии АГМБ). Эмигрант. В Галлиполи – командир 2-й батареи Отдельного Марковского артиллерийского дивизиона, в который была сведена бригада. Погиб до 1945 г.

Падчин. Полковник. С 9 (22) декабря 1919 г. по 2 (15) января 1920 г. – командир 2-го дивизиона АГМБ.

Шкурко. Полковник. Во второй половине 1919 г. – 1920 г. – командир запасного двухбатарейного дивизиона АГМБ. Осенью 1920 г. входил в управление бригады.

Командиры батарей

Боголюбский Николай Николаевич 1-й (?–1964). Подполковник. К 1918 г. – поручик. Участвовал в боевых действиях отряда есаула Чернецова в январе 1918 г. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. Во время 1-го Кубанского похода – командир пешего взвода 1-й батареи. С июня – командир 4-го орудия батареи. В 1919 г. – старший офицер 2-й батареи 1-й АБ. 7 (20) октября 1919 г., после гибели капитана А.С. Князева, вступил в командование 2-й батареей (позднее 2-я бата-

рея АГМБ). К маю 1920 г. – капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. находился в составе Марковского артиллерийского дивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции проживал во Франции. Умер 19 августа 1976 г. в Париже.

Воробьев. Полковник. С 22 июля (4 августа) 1919 г. – командир 6-й батареи 1-й АБ.

Жолондковский Владимир Ефремович. Полковник. В сентябре 1920 г. – подполковник, офицер 7-й батареи АГМБ. В 1920–1930 гг. – начальник группы марковцев-артиллеристов во Франции.

Жуков Иван (?–1920). Поручик. В 1920 г. – временно исполняющий обязанности командира 4-й батареи АГМБ. Умер 14 (27) марта 1920 г. во время Новороссийской эвакуации.

Изенбек Федор (Али) Артурович (1890–1941). Полковник. Родился в Петербурге. Из семьи морского офицера. Окончил кадетский корпус, поступил в Академию художеств. Позднее служил в Туркестанской артиллерийской бригаде. Окончил службу в чине прапорщика. Был художником-зарисовщиком в экспедициях на Востоке. К 1918 г. – штабс-капитан. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. С июля 1919 г. – командир 2-й запасной батареи 1-й АБ (позднее АГМБ). С 9 (22) декабря 1919 г. – командир 4-й батареи АГМБ. В 1920 г. – полковник. Эмигрант. В эмиграции жил в Париже, затем в Брюсселе. Скончался в 1941 г.

Князев Андрей Серапионович (?–1919). Штабс-капитан. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1905). В 1905 г. за недонесение о найденной у солдата революционной прокламации исключен со службы и приговорен к годичному тюремному заключению (впоследствии срок был сокращен). Позднее окончил институт, инженер. С началом 1-й мировой войны призван подпоручиком в Мортирный артиллерийский дивизион. Награжден Георгиевским оружием и многими орденами. К 1917 г. – командир батареи, штабс-капитан.

В ДА – с декабря 1917 г. Назначен старшим офицером в Юнкерскую батарею. Участвовал в боевых действиях отряда есаула Чернецова перед выходом ДА из Ростова. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. В 1918 г. – старший офицер 1-й офицерской батареи, командир 3-го орудия. С 16 (29) декабря 1918 г. по начало марта 1919 г. – временно командующий 1-й генерала Маркова батареей 1-го ОЛАД. В марте приступил к формированию 4-й батареи в Армавире (позднее 2-я батарея). С мая 1919 г. – командир вновь сформированной 2-й батареи 1-й АБ. Погиб 7 (20) октября 1919 г. у села Казанцево под Курском.

Левиков Всеволод Павлович. Полковник. Участник 2-го Кубанского похода. В 1918 г. – командир 1-й легкой гаубичной батареи, входившей в состав 1-й пехотной дивизии. Во главе батареи в феврале 1919 г. участвовал в подавлении волнений на Тереке. Начальник ар-

тиллерии отряда полковника А.С. Наумова, действовавшего в октябре 1919 г. в районе Кром. В сентябре 1919 г. – 1920 г. – командир 7-й батареи 1-й АБ (затем АГМБ). Эмигрант.

Лепилин Александр Михайлович. Полковник. В 1-ю мировую войну – офицер 3-й гвардейской артиллерийской бригады. К 1918 г. – капитан. Участник 2-го Кубанского похода. 17 (30) августа 1918 г. возглавил в Екатеринодаре формирующуюся 3-ю Гвардейскую батарею 1-го ОЛАД. С 26 декабря 1918 г. (8 января 1920 г.) – командир 3-й Марковской батареи. С середины мая по сентябрь – командир 4-го дивизиона, с сентября – 1-го дивизиона АГМБ. В Галлиполи – командир батареи Отдельного Марковского артиллерийского дивизиона, в которой была сведена бригада.

Масленников (?–1920?). Штабс-капитан. В 1918 г. – офицер 4-й офицерской батареи. С июля 1919 г. – командир 1-й запасной батареи 1-й АБ (позднее АГМБ). Позднее, летом 1920 г., 1-я запасная батарея штабс-капитана Масленникова вышла из состава АГМБ.

Михно. Штабс-капитан. С октября 1919 г. – командир 6-й батареи АГМБ.

Песчанников С.А. Капитан. Осенью 1918 г. – старший офицер 1-й легкой гаубичной батареи, включенной 5 (18) ноября в состав 1-го ОЛАД. В сентябре 1919 г. – командир 8-й гаубичной батареи 1-й АБ (позднее АГМБ). К 1920 г. – полковник.

Петренко. Полковник. С 22 июля (4 августа) 1919 г. – командир 5-й батареи 1-й АБ.

Стадницкий-Колендо Вячеслав Иосифович (?–до 1945). Подполковник. К 1918 г. – штабс-капитан. Во время 1-го Кубанского похода – офицер 4-й офицерской батареи, затем 1-й батареи. Во время 2-го Кубанского похода – командир 5-го орудия 1-й батареи (с июля – 3-го орудия 1-й батареи). В начале 2-го Кубанского похода 12 (25) июня был ранен в бою под станцией Шаблиевка. В конце ноября 1918 г. назначен командиром 3-й батареи 1-го ОЛАД. 26 декабря 1918 г. (8 января 1920 г.) сменил на должности командира полковником А.М. Лепилиным, остался 1-м старшим офицером 3-й батареи. С сентября 1919 г. – командир 5-й батареи, с апреля 1920 г. – 3-й батареи АГМБ. В марте 1920 г. произведен в подполковники. Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. находился в составе Марковского артиллерийского дивизиона в Польше. Погиб до 1945 г.

Тишевский В.В. Капитан. В июне 1919 г. – временно исполняющий обязанности командира 2-й батареи 1-й АБ. С апреля 1919 г. по 2 (15) января 1920 г. – командир 4-й батареи АГМБ.

Харьковцев Б.В. Полковник. К 1918 г. – капитан. В 1918 г. – командир 3-го орудия 1-й офицерской батареи. С 7 (20) августа по 24 октября (6 ноября) 1918 г. – командир легкого бронепоезда «Офицер».

С апреля 1919 по 13 (26) марта 1920 г. – командир легкого бронепоезда «Слава Офицеру» (в боях с начала июля), захваченного бронепоездом «Офицер» и оставленного при эвакуации Новороссийска. В 1920 г. – полковник. Начальник конвоя генерала А.П. Кутепова, полковник. С 6 (19) августа 1920 г., после гибели полковника А.А. Шперлинга – командир 1-й генерала Маркова батареи АГМБ.

Шоколи (Шаколи) Николай Александрович (1886–1963). Полковник. Из дворянской семьи. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. Курсовой офицер Михайловского артиллерийского училища. В ДА – с ноября 1917 г. Командир артиллерийской роты, а затем Сводной Михайловской-Константиновской артиллерийской батареи. В середине декабря 1917 г. переведен на другую должность. Участник 1-го Кубанского похода. В феврале–апреле – офицер 4-й офицерской батареи. Позднее – в составе 1-го ОЛАД и 1-й АБ. Эвакуирован из Крыма до августа 1920 г. Полковник. В эмиграции – председатель Общества офицеров-артиллеристов. Умер 9 августа 1963 г. в США²⁴².

Шмидт Евгений Владимирович (?–1952). Полковник. В 1-ю мировую войну – офицер 28-й артиллерийской бригады. К 1918 г. – подполковник. С конца 1917 г. по середину марта 1918 г. – командир 2-й батареи 1-го ОЛАД (до расформирования дивизиона), участник 1-го Кубанского похода. Полковник. Умер 12 ноября 1952 г. в Зальцбурге (Австрия).

Шперлинг Александр Альфредович (1895–1920). Полковник. Из семьи прибалтийских дворян. В 1913 г. окончил 1-й Московский Императрицы Екатерины II-й кадетский корпус, в 1914 г. – Михайловское артиллерийское училище. 1 декабря 1914 г. вышел на фронт 1-й мировой войны в одну из артиллерийских бригад. Награжден Георгиевским оружием. В 1917 г. – штабс-капитан.

В ДА – с начала декабря 1917 г. Участвовал в боевых действиях отряда есаула Чернецова перед выходом ДА из Ростова. Командовал 1-м орудием в составе Сводной Михайловско-Константиновской батареи. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов, боев в Донбассе, летнего наступления 1919 г. В 1919–1920 гг. – командир 1-й генерала Маркова батареи, 1-й АБ (затем АГМБ). К марту 1920 г. – капитан. С 26 марта (8 апреля) 1920 г. – полковник. Кавалер ордена Святого Николая. Погиб в боях в Северной Таврии у села Чакрак 6 (19) августа 1920 г. Похоронен в Симферополе.

Щавинский Вадим Всеволодович. Подполковник. В гражданскую войну – поручик. С декабря 1918 г. – офицер 3-й батареи 1-го ОЛАД. С 9 (22) декабря по апрель 1920 г. – командир 3-й батареи АГМБ. К сентябрю 1920 г. – подполковник, старший офицер 4-й батареи бригады. Эмигрант. В 1920–1930-е гг. – начальник группы дивизиона марковцев-артиллеристов в Париже. В 1934 г. сменил на должности

командира Отдельного Марковского артиллерийского дивизиона генерал-майора Илляшевича.

Яковлев А.Я. Полковник. В эмиграции – командир 2-й батареи Отдельного Марковского артиллерийского дивизиона, в который была сведена бригада.

МАРКОВСКАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ РОТА

Бонин. Полковник. Во время 1-го Кубанского похода в апреле 1918 г. – командир 1-й инженерной роты.

Гротенгельм Г.М. (?–1930). Полковник. В 1-ю мировую войну – командир 11-го саперного императора Николая II батальона. В гражданскую войну – командир Марковской инженерной роты. В Галлиполи – командир кадра саперного батальона. Член союза участников 1-го Кубанского похода. Погиб 15 июля 1930 г. в Белграде²⁴³.

Кондырин (Кандырин) Николай Иванович (1884–?). Полковник Донского казачьего войска. В ДА – с декабря 1917 г. Командир сформированной в январе 1918 г. Технической роты, во главе которой участвовал в 1-м Кубанском походе. Позднее генерал-майор (1918), командир Донской броневой железнодорожной бригады. Эвакуирован до осени 1920 г. В эмиграции жил в Югославии.

Чибирнов. Полковник. В сентябре 1920 г. – командир Марковской инженерной роты.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ветлугин А. Герои и воображаемые портреты. – Берлин, 1922.
- Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). – М., 2000.
- Волков С.В. Трагедия русского офицерства. – М., 1999.
- Гравицкий Ю. Белый Крым (1920 год). // Военная мысль и революция. М., 1923. Кн. 2. С. 98-121.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. Тт. 1-5. – Париж – Берлин, 1921–1926.
- Дерябин А.И. Гражданская война в России. 1917-1922: Белые армии. – М., 1998.
- Дерябин А. Гражданская война в России. 1917-1920. Юг – «Цветные части». // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 30-35.
- Залесский К.А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
- История Марковской артиллерийской бригады. – Париж, 1931.
- Кавтарадзе А.Г. Приложения. // Слащов Я.А. Белый Крым. 1920: мемуары и документы. – М., 1990.
- Клавинг В.В. Белая Гвардия. – Спб., 1999.
- Клавинг В.В. Кто есть кто в Белой гвардии и военной контрреволюции. – Спб., 1998.
- Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т.1. – Мюнхен, 1973; Т.2. – Мюнхен, 1975.
- Критский М. А. Корниловский ударный полк. – Париж, 1936.
- Ларионов В. Последние юнкера. – Frankfurt an Main, 1984.

Левитов М.Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. – Париж, 1974.

Марковская Артиллерийская бригада (краткий исторический очерк). // Часовой. 1930. № 30. С. 8-10.

Марковская железнодорожная рота (краткая история). // Часовой. 1930. № 30. С. 10-11.

Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. – Париж, 1967.

Марковцы Первопоходники артиллеристы: Д., Виктор Ларионов, Иван Лисенко, Николай Прюц. Очерки. – /Б.м./; /Б.г./.

Марченко Д.А. На боевых постах. // Часовой. Брюссель. 1973. №№ 562 (4), с. 13-16; 563 (5), с. 13-15; 564 (6), с. 10; 565 (7), с. 13; 566-567 (8-9), с. 13-14; 569 (11), с. 12; 570 (12), с. 11-13; 1974. №№ 572 (2), с. 8; 573 (3), с. 8-9.

Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Кн. 1. – Париж, 1962; Кн. 2. – Париж, 1964.

Первые бои Добровольческой армии. / С.В. Волков. – М., 2001.

Первый кубанский («Ледяной») поход. / С.В. Волков. – М., 2001.

Путеводитель по фондам Белой Армии. / Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М. Чижова. – М., 1998.

Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил на Юге России. – М., 1997.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Кн. 1. – Париж, 1962. С. 47.
- 2 Там же. Кн. 1. С. 51, 56, 58, 69-70.
- 3 Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. – Париж, 1967. С. 16, 22.
- 4 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 125.
- 5 Марковцы-артиллеристы... С. 72-73.
- 6 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С.187.
- 7 Марковцы-артиллеристы... С. 100-101.
- 8 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май-октябрь 1918 г. – Берлин, 1924. С. 161.
- 9 Марковцы-артиллеристы... С. 133.
- 10 Там же. С. 162.
- 11 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 245.
- 12 Путеводитель по фондам Белой Армии. / Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М. Чижова. – М., 1998. С. 301.
- 13 Согласно данным Павлова, приказ по 1-му корпусу о создании 2-го Офицерского генерала Маркова полка вышел 25 июня (8 августа) 1919 г. – Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 58.
- 14 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Лл. 26, 102.
- 15 Там же. Лл. 152, 165.
- 16 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 115-116.
- 17 Путеводитель по фондам Белой Армии... С. 301.
- 18 Марковцы-артиллеристы... С. 189-190, 213.
- 19 РГВА. Ф. 39540. Д. 35. Лл. 229-250.
- 20 Железнодорожный взвод Марковской инженерной роты получил именное шефство генерала Маркова 10 (23) декабря 1918 г.
- 21 Марковская железнодорожная рота (краткая история). // Часовой. 1930. № 30. С. 10-11.
- 22 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 187-193.
- 23 Там же. Кн. 2. С. 219.
- 24 Там же. Кн. 2. С. 223.
- 25 Там же. Кн. 2. С. 237.
- 26 Указаны убитые (V) только до начала 1-го Кубанского похода.
- 27 Пополнялась добровольцами из Ростова, но главным образом – офицерами с Кавказского фронта.

- 28** Преобразована в батальон уже в Ростове.
- 29** Пополнялась за счет чинов Гвардейских частей.
- 30** При выходе из Ростова 9 (22) февраля 1918 г. потеряла 16 человек.
- 31** Состояла преимущественно из офицеров. Из 25 ее чинов, о которых сохранились сведения, 1 капитан 2-го ранга, 4 старших лейтенанта, 7 лейтенантов, 7 мичманов, 4 гардемарина и кадетов.
- 32** Кадр роты составляли офицеры и солдаты Георгиевского полка, находившегося во время мировой войны при Штабе Верховного главнокомандующего. В начале (середине) декабря 1917 г. при формировании 5 офицерских рот получила 1-й номер, с 13 (26) декабря – Георгиевская рота. – Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура. – М., 2000. С. 160.
- 33** В двухротный состав был сведен ввиду потерь, понесенных в ходе ноябрьских (декабрьских) боев 1917 г.
- 34** Самостоятельно образован в Ростове для охраны города. 4 (17) декабря 1917 г. генерал-майор А.Н. Черепов по согласованию с начальником ростовского гарнизона генерал-майором Д.Н. Черноярным организовал собрание местных офицеров, на котором было решено создать отряд для охраны порядка в Ростове. В декабре отряд вошел в состав Добровольческой армии. – Волков С.В. Указ. соч. С. 265.
- 35** Состоял в основном из офицеров, пробравшихся с фронта.
- 36** Формирование было начато в январе 1918 г. в Ростове. Затруднялось отсутствием лошадей. Многие кавалеристы по этой причине находились в пеших частях. 6 (19) января переведен в Таганрог. – Волков С.В. Указ. соч. С. 11-12.
- 37** В 1-м эскадроне – 18 офицеров, во 2-м – 26 добровольцев при 4 офицерах. – Там же. С. 11-12.
- 38** В 1-м эскадроне – 63 офицера, 2 врача, сестра милосердия и 2 добровольца, во 2-м эскадроне – 62 добровольца при 5 офицерах. – Там же. С. 11-12.
- 39** Образована 19 ноября (2 декабря) 1917 г. после выделения из Юнкерского батальона 2-го взвода юнкеров артиллерийских училищ и прибытия на Дон 100 человек юнкеров-артиллеристов (после объединения образовали Юнкерскую батарею). Во второй половине ноября батарея насчитывала около 250 человек (60 «михайловцев», остальные «константиновцы»). – Там же. С. 295.
- 40** Офицерского состава.
- 41** Смешанного состава из добровольцев и офицеров.
- 42** Сформирован в Ростове в помещении общества «Червоная Русь» из добровольцев-студентов, уроженцев Прикарпатской Руси, по инициативе товарищей председателя Русского народного совета Прикарпатской Руси Г.С. Мальца и Л.Ю. Алексеевича. – Волков С.В. Указ. соч. Там же. С. 202.
- 43** Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 125.
- 44** Марковцы-артиллеристы... С. 22, 72-73, 100-101.
- 45** При переформировании Добровольческой армии 1-я юнкерская (бывшая Сводная Михайловско-Константиновская) батарея была

переименована в 1-ю офицерскую. 2 орудия батареи при реформировании были переданы во 2-ю батарею, оставшуюся без орудий.

46 Смешанного состава.

47 Павлов пишет о включении в Сводно-Офицерский полк Юнкерского батальона численностью около 200 штыков, который составил 5-ю и 6-ю роты полка. Здесь и далее состав батальонов трехротный. – Там же. Кн. 1. С. 187.

48 В конце марта (начале апреля) 1918 г. 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион был расформирован. 1-я офицерская батарея, включив в себя 4-ю батарею дивизиона, стала именоваться 1-й отдельной батареей. 8 (21) июля 1918 г. после формирования 2-й батареи она была развернута в 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион (2-й по счету со времени создания Добровольческой армии). – Марковцы-артиллеристы... С. 100-101.

49 После отступления от Екатеринодара количество орудий было сокращено до двух, впоследствии (6 (19) мая) – вновь доведено до 4-х. – Там же. С. 107-108, 117-118.

50 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 208.

51 Там же. Кн. 1. С. 256.

52 7-я, 8-я и 9-я роты полка – офицерские. Здесь и далее полк трехбатальонного состава, батальоны – трехротного состава. – Там же. Кн. 1. С. 256.

53 Кроме того, говорится о ротных пулеметных командах, численность которых не указывается.

54 Указывается на большое количество пулеметов. – Там же. Кн. 1. С. 276-277.

55 7-я, 8-я и 9-я роты полка – офицерские, численностью 250 штыков каждая.

56 Сформирован 8 (21) июля 1918 г. на базе 1-й отдельной батареи, после начала формирования 3 (16) июля 2-й батареи. Первоначально включал 2 батареи. – Марковцы-артиллеристы... С. 126-129, 162.

57 3-е орудие 2-й батареи было установлено на платформу для борьбы на железных дорогах. – Там же. С. 128.

58 Указывается общая численность полка в 800 штыков. – Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 314.

59 В Екатеринодаре была проведена реорганизация полка. Около 400 штыков было выделено на формирование различных частей. Здесь и далее состав батальонов полка четырехротный. – Там же. Кн. 1. С. 314.

60 Там же. С. 134.

61 Батарея первоначально комплектовалась офицерами Гвардии. – Там же. С. 133-134, 139-140.

62 Формирование отдельного конного орудия под командой полковника Айвазова начато 17 (30) августа 1918 г. Орудие предназначалось для совместных действий с 1-м конным офицерским полком. – Там же. С. 133.

63 Данные получены путем включения в указанный позднее Павловым состав полка потерь во время Армавирских боев. – Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 335.

64 Говорится о потерях полка в ходе Армавирских боев в 2000 и пополнении в 1000 штыков. Состав рот Павловым определяется от 40 до 120 штыков. – Там же. Кн. 1. С. 335.

65 Данные приводятся ко времени окончания боев. Полк находился в Ставрополе с 9 (22) ноября 1918 г. 7-я и 9-я роты полка – офицерские. – Там же. Кн. 1. С. 349.

66 21 ноября (4 декабря) почти все офицеры Гвардии 3-й батареи были переведены в Крым в Гвардейский отряд. В 3-ю батарею, сменившую красные погоны на черные марковские, были назначены офицеры из батареи генерала Маркова. Марковцы-артиллеристы... – Там же. Кн. 1. С. 139-140.

67 5 (18) ноября 1-я легкая гаубичная батарея была включена в состав 1-й пехотной дивизии. На формирование было выделено 2 гаубицы. В скором времени она пополнилась офицерами (около 100 человек), а 15 (28) ноября прибыло 26 мобилизованных солдат. – Там же. Кн. 1. С. 139.

68 Павлов указывает на пополнение полка в Ставрополе (начиная с 9 (22) ноября) на четвертый-пятый день отдыха. 7-я и 9-я роты полка – офицерские. – Там же. Кн. 1. С. 349-350.

69 Павлов пишет, что в некоторых ротах полка осталось не более 15 штыков; наличный состав 7-й офицерской и 8-й рот полка составил 47 штыков. – Там же. Кн. 1. С. 370.

70 Общая численность полка Павловым указана в 800 штыков. 7-я и 9-я роты полка – офицерские. – Там же. Кн. 2. С. 9.

71 В полк был влит батальон из Кабардинского и Сибирского полков численностью в 400 штыков (образовал 4-й батальон в полку). – Там же. Кн. 2. С. 14.

72 4 (17) апреля 1919 г. приказом Главнокомандующего ВСЮР 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион был переименован в 1-ю артиллерийскую бригаду. Бригада состояла из 4-х дивизионов (3-й был предназначен к формированию), включавших 8 батарей. В 7-ю батарею была переименована 1-я Отдельная гаубичная батарея. – Марковцы-артиллеристы... С. 162.

73 С 20 июля (2 августа) 1919 г.

74 Формировался с 29 июля (11 августа) 1919 г.

75 РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 35. Лл. 1-13.

76 Там же. Лл. 14-33.

77 Данные получены сложением указанной численности рот 3-х батальонов 2-го полка, при четырехротном составе батальонов (численность рот – 150 штыков, офицерской – 100 штыков). – Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 58-59.

78 РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 35. Лл. 81-98.

79 Павловым приводится общая численность полка. Состав обычных рот (по 4 роты в 3-х батальонах) – до 250 штыков, офицерской – до 200 с лишним штыков. – Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 99-100.

80 В первом столбце данные приводятся по: Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 103 (сведения относятся к середине (концу) сентября 1919 г., ко времени боев на линии Курск – Орел); во втором столбце по: РГВА. Ф. 39540. Д. 35. Лл. 129-144 (данные к 20 сентября (3 октября) 1919 г.).

- 81** Один из батальонов 2-го полка участвовал вместе с 1-м полком в боях под Ливнами.
- 82** Павлов приводит данные о численности 3-го полка к 10-м числам (концу) сентября 1919 г. Численность рот полка доходила до 120-190 штыков, общая численность доходила при этом до 1440-1470 штыков. – Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 115-117.
- 83** Сведения о численности 1-го полка, приводящиеся ко времени окончания боев под Ливнами, получены путем сложения указанных Павловым данных численности 3-х батальонов, каждого по 700 штыков. Кроме того, в полку было по 5-6 пулеметных взводов при каждом батальоне, комендантская рота и команда разведчиков – по 200 штыков, а также конная сотня, численность которой не указана. – Там же. Кн. 2. С. 105.
- 84** Цифра «немногим более 1000 человек», приводимая Павловым о численности 2-го полка расходуется с приведенными им там же данными о численности рот в 120-150 штыков. При трехротном составе батальонов численность полка составляла бы 1080-1350 штыков, при четырехротном – 1440-1800 штыков. – Там же. Кн. 2. С. 106.
- 85** Павловым приводятся данные по отряду генерала Третьякова в конце октября (начале ноября) 1919 г., в который были включены 1-й и 2-й полки. – Там же. Кн. 2. С. 139.
- 86** Павловым приводятся данные о численности 3-го полка ко времени окончания боев под Орлом. Говорится о сокращении численности полка после их окончания до 1000 штыков и получении пополнения в 400 штыков. – Там же. Кн. 2. С. 122.
- 87** РГВА. Ф. 39540. Д. 35. Лл. 184-204.
- 88** Там же. Л. 159.
- 89** Там же. Лл. 207-228.
- 90** Артиллерийская генерала Маркова бригада была сформирована 15 (28) октября 1919 г. на базе 1-й артиллерийской бригады, из состава которой во вновь образованную бригаду вошли 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 7-я и две запасные батареи. 5-я, 6-я и 8-я батареи 1-й артиллерийской бригады при реформировании были переданы во вновь формируемую Корниловскую артиллерийскую бригаду. Вновь образованные 5-я, 6-я и 8-я батареи были сформированы из кадра 1-й, 3-й и 8-й батарей. – Марковцы-артиллеристы... С. 189-190, 213; РГВА. Ф. 39540. Д. 35. Лл. 207-228.
- 91** Данные приводятся в 1-м столбце по: Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2.; во 2-м по: РГВА. Ф. 39540. Д. 35. Лл. 229-250.
- 92** Данные к 6 (19) ноября 1919 г. Также указана численность конницы (10) и орудий (10). – Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 163.
- 93** Павловым приводятся данные к началу (середине) ноября 1919 г. – Там же. Кн. 2. С. 167.
- 94** Там же. Кн. 2. С. 178.
- 95** Там же. Кн. 2. С. 197.
- 96** Остальные батареи бригады в сражении у села Алексеево-Леоново участия не принимали: 1-я генерала Маркова батарея отступала самостоятельным путем вдоль железнодорожной линии Харьков – Славянск

и прибыла в Ростов 22 декабря 1919 г. (4 января 1920 г.); 4-я и 7-я батареи в связи с общим отходом 17 (30) декабря выступили из Н. Ханженково; 8-я батарея 13 (26) декабря была передана на усиление Корниловской дивизии и прибыла в Нахичевань 24 декабря (6 января); 2-я запасная батарея (с 9 (22) декабря – 4-я батарея, развертывающаяся в дивизион), имевшая 7 орудий, также двигалась отдельно через Бахмут и прибыла в Ростов 17 (30) декабря. Оставшиеся с дивизией батареи потеряли 12 из своих 13 орудий. – Марковцы-артиллеристы... С. 227-228.

97 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 197.

98 Там же. Кн. 2. С. 208-209.

99 Приводятся данные к 1 (14) января 1920 г. Из общего количества личного состава бригады 33 офицера и 150 солдат были чинами 4-й батареи (бывшей 2-й запасной), которая включила в себя 4-ю основную батарею. В январе были восстановлены: 1-я генерала Маркова (4 легких орудия), 2-я (2 легких орудия), 3-я (2 легких орудия), 4-я (4 легких орудия) батареи, а также 7-я и 8-я батареи (по 2 английских гаубицы). 5-я и 6-я батареи расформировывались. Общее количество орудий дошло до 16 (12 легких орудий и 4 гаубицы). На пополнение бригады пошел состав 9-й артиллерийской бригады. – Марковцы-артиллеристы... С.236.

100 Данные приводятся Павловым перед развертыванием полка в дивизию в Новороссийске. – Там же. Кн. 2. С. 223.

101 Данные приводятся ко времени не позднее 19 марта (1 апреля) 1920 г. Состав полков здесь и далее трехбатальонный. – Там же. Кн. 2. С. 228-229.

102 Из общего числа 400 штыков составлял влитый в полк Сибирский батальон.

103 Данные на 27 марта (9 апреля) 1920 г. по: РГВА. Ф. 39690. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

104 Там же. Л. 11.

105 Данные по бригаде приводятся ко времени прибытия в Новороссийск. При эвакуации было оставлено 10 орудий. В Крыму за отсутствием материальной части чины 3-й, 4-й, 5-й и 8-й батарей были сведены в Отдельный пеший артиллерийский батальон – до 200 штыков (8 пулеметов) под командой полковника Ф.А. Изенбека. 16 (29) апреля 3-й дивизион был расформирован, а 2-й заново сформирован из 2-го и 3-го дивизионов Алексеевской артиллерийской бригады. – Марковцы-артиллеристы... С. 242, 245.

106 Выведена из состава дивизии.

107 Здесь и далее в бригаде было три дивизиона и 6 батарей. – Марковцы-артиллеристы... С. 247.

108 Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 244-245.

109 Предназначался для разворачивания в 4-й Марковский пехотный полк. Кадр полка не шел на пополнение действующих полков.

110 Все три полковых запасных батальона предназначались для пополнения своих полков.

111 Там же. Кн. 2. С. 282.

112 Приводится только список офицерского состава бригады. Общий итог в 251 человек в приводимом списке неверен (всего 249). Из приведенного

списка офицеров: 1 генерал-майор, 11 полковников, 9 подполковников, 16 капитанов, 76 штабс-капитанов, 43 поручика и 93 подпоручика. – Марковцы-артиллеристы... С. 288-291.

113 РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 115. Лл. 14-19.

114 Павловым приводятся данные до начала боев в Северной Таврии в середине (конце) октября 1920 г. – Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 282, 336.

115 Приводятся данные ко времени окончания боев в Северной Таврии (к 21 октября (3 ноября) 1920 г.). – Там же. Кн. 2. С. 333.

116 Осенью 1925 г. полк насчитывал 515 человек (все офицеры). – Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура. – М., 2000. С. 236.

117 По неполным данным в Константинополь прибыли 1 генерал-майор, 16 офицеров (чины не приведены), 14 штаб-офицеров, 141 обер-офицер, 9 чиновников, 293 солдата (всего 474 человек). Марковцы артиллеристы... С. 293. Осенью 1925 г. дивизион насчитывал 340 человек, в том числе 220 офицеров. – Волков С.В. Указ. соч. С. 236.

118 Сумма потерь учитывает количество чинов, выбывших из строя в ходе боев (включая раненых и больных), многие из которых позднее возвратились в свои части.

119 Там же. Кн. 1. С. 234.

120 Там же. Кн. 1. С. 234.

121 Там же. Кн. 1. С. 281, 290, 293, 300, 303. Только за один бой 25 июня (8 июля) 1918 г. под ст. Кагальницкой Марковский полк потерял 216 человек. – РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Лл. 16-17.

122 Там же. Кн. 1. С. 335.

123 Там же. Кн. 1. С. 349.

124 Там же. Кн. 1. С. 375.

125 По подсчетам Павлова потери всех “марковских” частей с начала 2-го Кубанского похода и до начала 1919 г. составили более 10000 человек. Там же. Кн. 1. С. 376. 12 (25) февраля 1919 г., в годовщину создания полка, подводя итог своим потерям, марковцы оценивали их в 11000 человек. – Там же. Кн. 2. С. 15.

126 Там же. Кн. 2. С. 27.

127 Там же. Кн. 2. С. 34, 40, 54, 57.

128 Там же. Кн. 2. С. 66, 71-72, 90, 95, 99, 105, 126, 128.

129 Там же. Кн. 2. С. 63, 99, 103, 106.

130 Там же. Кн. 2. С. 118, 120, 122.

131 Там же. Кн. 2. С. 132, 138, 166.

132 Там же. Кн. 2. С. 133, 144, 170.

133 Там же. Кн. 2. С. 149, 167.

134 Там же. Кн. 2. С. 197.

135 Подводя итог со времени двухгодичного выступления Добровольческой армии в 1-й Кубанский поход, Павлов оценивает потери марковцев за 1919 г. как свыше 10000 человек (подсчет по приблизительным данным потерь за 1919 г. дает около 13030 человек). – Там же. Кн. 2. С. 212.

136 Там же. Кн. 2. С. 210, 211, 219, 224.

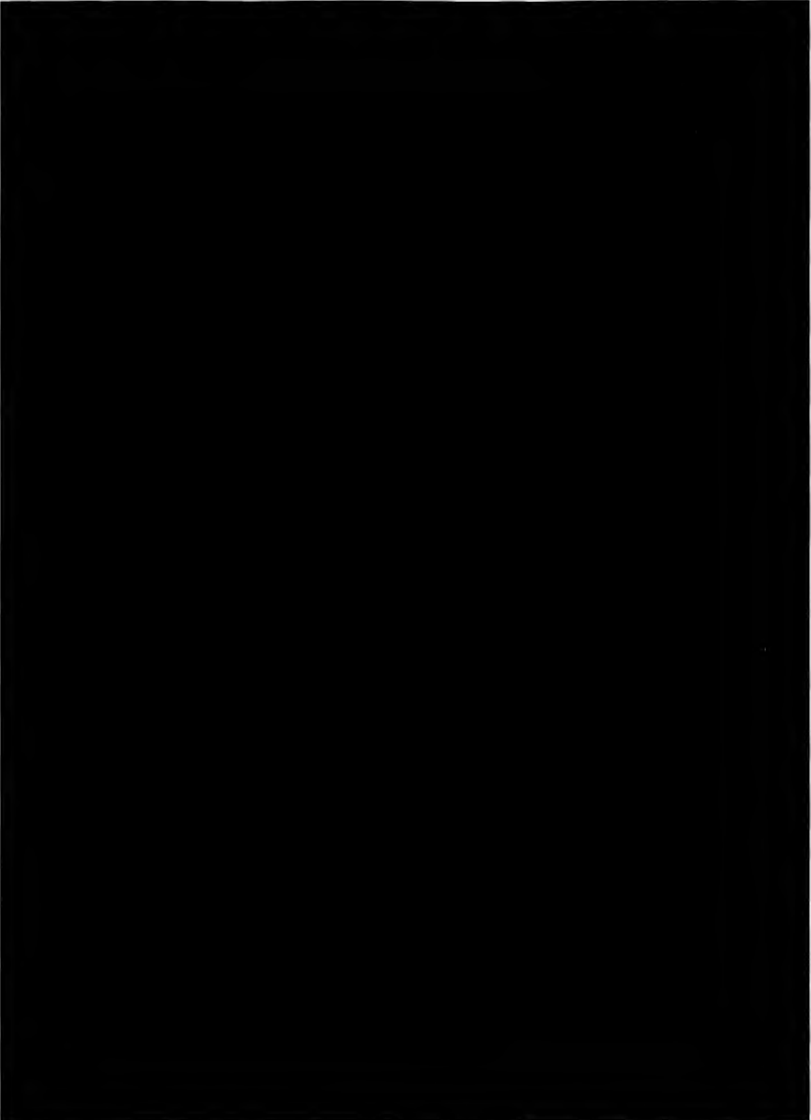
- 137** Там же. Кн. 2. С. 243, 257-258.
- 138** Там же. Кн. 2. С. 279.
- 139** Там же. Кн. 2. С. 299, 301, 305.
- 140** Подводя итог потерям дивизии за октябрьские бои, Павлов пишет об их распределении: у села Днепровка – 800 чел., у села Б. Белозерка – 200 чел., у села Н. Григорьева – 100 чел., в Геническе – 750 чел. Всего до 1850 чел. Кроме того, до 1500 чел. потеряли запасные батальоны дивизии. – Там же. Кн. 2. С. 317, 320, 326, 327, 336.
- 141** Общий итог потерь за войну Павлов «в грубой цифре» оценивает в 30000 человек, из которых число убитых доходит до 20%, или 6000 человек. Кроме того, около 1000-2000 дезертиров, несколько сот пропавших без вести и несколько тысяч пленных. – Там же. Кн. 2. С. 385.
- 142** Данные о потерях марковцев-артиллеристов неполные (особенно по рядовым чинам) и приводятся, главным образом, по офицерскому составу.
- 143** Марковцы-артиллеристы... С. 283-286.
- 144** Там же. С. 286-287.
- 145** Там же. Кн. 1. С. 234.
- 146** Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4. – Берлин, 1925. С. 82-83.
- 147** Там же.
- 148** Там же.
- 149** РГВА. Ф. 39689. Д. 11.
- 150** Там же. Лл. 44-44 об.
- 151** То же. Кроме того: 14 человек без указания чина были включены в состав нестрелковой роты, 4 чиновника, 1 младший писарь, 1 санитар, 1 сестра милосердия.
- 152** Об изменении численности и роли офицерских рот, в частности, писал С.В. Волков. – Волков С.В. Белое движение в России... С. 270-271.
- 153** Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 14.
- 154** Там же. Кн. 2. С. 26.
- 155** РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12.
- 156** Там же. Л. 106.
- 157** РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Лл. 26, 102, 116, 141, 118-123, 152, 165, 170 об.
- 158** В марковской полковой истории за время с конца июня по конец 1919 г. не менее 14 раз отмечается взятие в плен красноармейцев общей численностью свыше 7000 человек. Часть из этих пленных направлялась непосредственно в запасные части.
- 159** РГВА. Ф. 39688. Оп. 1 Д. 25. Л. 3.
- 160** Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 272.
- 161** О достаточно большом пополнении мобилизованными упоминается в «Журнале боевых действий Марковской пехотной дивизии». – РГВА. Ф. 39688. Оп. 1 Д. 25. Л. 4 об.
- 162** Гравицкий Ю. Белый Крым (1920 год). // Военная мысль и революция. М., 1923. Кн. 2. С. 107.
- 163** Павлов В.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 244-245.

- 164 Диаграммы составлены на основе: РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11.
- 165 Диаграммы составлены на основе: РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12.
- 166 О подобных отношениях в «цветных частях» пишет напрямую, видимо, испытавший их «замкнутость» генерал-майор Г.К. Гравицкий, принявший в августе 1920 г. 2-й Марковский полк: «В армии царила своеобразная дисциплина, носившая специфический «добровольческий» характер. В смысле назначений на командные должности существовала преемственность власти, независимо от старшинства и способностей назначаемого, важна была санкция и сочувствие той части, где имелась вакансия. Вновь пребывающие в армию офицеры, независимо от чина и возраста, назначались в офицерские роты, отдавались под команду неопытных и молодых офицеров, но имеющих солидный добровольческий стаж, которые прямо издевались над попавшими к ним под команду, упиваясь неограниченной властью и безнаказанностью. Все это, конечно, не способствовало симпатии вновь вливающихся в армию офицеров. Офицеры «цветных» частей третировали старших офицеров других дивизий, что вызывало вражду между теми и другими. Высшие начальники были бессильны бороться с этим...процессом...». – Гравицкий Ю. Указ. соч. С. 105.
- 167 Левитов М.Н. Материалы к истории... С. 305.
- 168 Из 31-го командира и исполняющих обязанности 3-х Марковских полков только о 6 можно точно сказать, что они не были в полках до своего назначения (большинство из них были назначены в 1918 г.). Остальные либо были в своих частях с момента их формирования, либо минимально полгода находились в их рядах, во многих случаях на низовых должностях.
- 169 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Лл. 41 об., 103, 156 об.
- 170 Там же. Лл. 133, 141, 155 об.
- 171 Там же. Лл. 49, 155 об., 196.
- 172 Там же. Л. 51.
- 173 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Л. 103.
- 174 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Л. 196.
- 175 Там же. Лл. 169 об., 176 об.
- 176 Павловым Марченко как временно командующий Марковским полком не упоминается. Сведения приводятся по: Часовой. 1937. № 202-203. С. 20. (согласно распоряжению генерал-лейтенанта В.К. Витковского от 6 декабря 1937 г. назначен в связи со смертью генерала М.А. Пешни).
- 177 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Л. 33 об., 41 об., 128.
- 178 Там же. Л. 109.
- 179 Там же. Лл. 39 об., 41 об.
- 180 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Лл. 142, 144.
- 181 Список полковникам по старшинству. Исправлен по 1-е августа 1916 г. – Пг., 1916. С. 373.
- 182 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Л. 101 об.
- 183 Там же. Лл. 9-9 об., 107, 160, 162.
- 184 Там же. Лл. 41 об., 155 об.
- 185 Там же. Лл. 41, 49, 155 об.

- 186 Там же. Л. 30.
187 Там же. Л. 30.
188 Там же. Лл. 39 об., 128.
189 Там же. Л. 10.
190 Там же. Лл. 80, 204.
191 Там же. Л. 32.
192 Там же. Л. 41 об.
193 Там же. Лл. 10, 135.
194 Там же. Л. 41 об.
195 Там же. Лл. 107 об., 109 об., 169, 180.
196 Там же. Лл. 29, 33 об.
197 Там же. Л. 180.
198 Там же. Лл. 50, 107 об.
199 Там же. Лл. 52, 85.
200 Там же. Л. 41 об.
201 Там же. Лл. 6, 33.
202 Там же. Л. 107.
203 Там же. Л. 159.
204 Там же. Л. 171 об.
205 Там же. Лл. 9-9 об., 33 об.
206 Там же. Л. 41 об.
207 Там же. Лл. 38 об., 196.
208 Там же. Лл. 8, 27, 49, 161 об., 196.
209 Там же. Л. 41 об.
210 Там же. Л. 41 об.
211 Там же. Лл. 95 об., 135.
212 Там же. Л. 16 об.
213 Там же. Л. 41 об.
214 Там же. Л. 159.
215 Там же. Лл. 41 об., 103.
216 Там же. Лл. 41, 196.
217 Россия. Курск. 1919. № 20. 24 октября.
218 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Лл. 83, 155 об.
219 Там же. Лл. 22, 135.
220 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Лл. 141, 142, 148 об.
221 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Лл. 11, 152 об.
222 РГВА. Ф. 39688. Оп. 1. Д. 25. Л. 12 об.
223 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Л. 152.
224 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Л. 82.
225 Там же. Л. 55.
226 Там же. Лл. 12 об., 31 об.
227 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Лл. 126, 134 об.
228 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Л. 176 об.
229 Там же. Лл. 10, 18, 30, 135.
230 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Лл. 116, 134 об.
231 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Лл. 13, 29, 162 об.

- 232 Учетная анкета члена НТС. Архив НТС. Frankfurt am Main.
233 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Л. 196.
234 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Лл. 113, 143.
235 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Лл. 16 об., 175 об., 205.
236 РГВА. Ф. 39688. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.
237 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Лл. 30, 107, 155 об.
238 РГВИА. Ф. 3528. Оп. 1. Д. 125. Л. 43 об.
239 РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
240 Там же. Л. 204 об.
241 Часовой. 1931. № 51. С. 25.
242 Вестник Первопоходника. 1964. № 29. С. 43.
243 Часовой. 1930. № 38. С. 25.

п р и л о ж е н и я

Приложения

Раздел «ПРИЛОЖЕНИЯ» содержит документы и публикации о жизни и деятельности С.Л. Маркова и воинских формирований, получивших впоследствии его именованное шефство.

Большая часть документов, касающихся жизни С.Л. Маркова (главным образом, о русско-японской и 1-й мировой войнах), взята из личного фонда генерала, хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве. Другая часть публикации относится к периодике гражданской войны и русского зарубежья.

МАРКОВ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Письмо штабс-капитана С.Л. Маркова для передачи родным в случае смерти

Маме. Написано в Харбине 12-го июля 1904 года ввиду возможности не вернуться совсем. Распечатать только в случае моей смерти¹.

Передавай всем-всем, кто хоть некоторой симпатией дарил меня при жизни, мой последний и вечный привет. Целуй всех сердечно близких моих людей².

Поселись с Лелей и сделай все, чтобы его добрые задатки нашли достойное применение. Он добр, куда добрее меня, честен. Он побережет тебя, он сумеет найти охоту и способность сгладить для Вашей совместной жизни свои шероховатости.

Обо мне не плачь и не грусти, такие как я не годны для жизни, я слишком носился с собой, чтобы довольствоваться малым, а захватить большое, великое не так-то просто. Вообрази мой ужас, мою злобу-грусть, если бы я к 40-50 годам жизни сказал бы себе, что все мое прошлое пусто, нелепо, бесцельно!

Я смерти не боюсь, больше она мне любопытна, как нечто новое, неизведанное, и умереть за своим кровным делом – разве это не счастье, не радость?!

Мне жаль тебя и только тебя, моя родная, родная бесценная Мама, кто о тебе позаботится, кто тебя успокоит.

Порою я был груб, порой, быть может, прямо-таки жесток, но видит небо, что всегда, всегда ты была для меня все настоящее, все прошлое, все будущее.

Мое увлечение Ольгой было мне урок и указало на полную невозможность и нежелательность моего брака когда-либо и с кем бы то ни было; почему – теперь объяснять долго, но это лишний раз подтвердило, что вся моя работа, все мои способности, энергия и силы должны пойти на общее дело, на мою службу и на мой маленький мирок – мою семью, мою Маму.

Иногда желание захватить побольше от жизни делало меня сухим и черствым, но верь, что только наружно и <с> показной стороны. Судьба распорядилась по-своему. Когда ты получишь это письмо, ме-

ня уже не будет в живых. Верь, как верю я в настоящую минуту, и верю искренне, глубоко, что все, что ни делается, делается к лучшему и нашему благу.

Эти строки пишу у Голицина на квартире, в день отъезда в Мукден. Пишу на всякий случай, ибо мало ли что может быть, надо все предусмотреть, все предвидеть. Крепко-крепко обними, родная, за меня Лелю, его любил я, как умел, но любил сильно, хоть, может быть, со стороны это было и трудно видеть. <...>

Прости Ваню похлопотать о пенсии тебе. Ты можешь, как мне сказали, получить ввиду моей смерти из Инвалидного капитала Александровского комитета раненых, от земства и т.д. Пусть моей последней волей будет желание, чтобы ты, несмотря на грустные очи, не упускала из виду свои собственные интересы. Бери и требуй все – я и ты, мы заслужили это и у правительства, и у общества. Ване отдай дедины часы (золотые).

Прощай еще раз, прости, целую крепко, долго.

**Черновики, наброски истатьи С.Л. Маркова,
написанные на фронте для публикации
в периодике**

**Странички из моего дневника³
11 февраля 1905 года. Деревня Шуанго**

<Мир создан странно, люди в нем вечно носятся, суетятся, возятся со своими делами, каждый одолевая свои небольшие...>⁴

Прошел почти месяц со дня начала последних «Хейгоутайских» боев нашего корпуса, и только теперь, успокоившись, оценив все минувшее, всю минувшую драму геройства и смерти, я берусь за перо. В моем рассказе читатель не найдет ни оценки стратегических или тактических действий, ни критики высших властей, ни поклеп на соседей и тяжелые местные условия. Давать все это на страницах газеты я не могу и не имею права. История в будущем скажет свое правдивое слово, назвав черное черным, а белое белым. Моя роль же, <мое> желание скромное. <Если> ряд картинок и ощущений помогут <вам>, сидя в городах и селах далекой <Родины>, понять нашу жизнь, наше настроение – я буду счастлив. Когда к нам сюда в далекую Маньчжурию добираются <газеты>, мы жадно схватываем их и... и каждый раз с горьким чувством досады <читаем> сплошную ложь, неведение, подтасовку событий.

Никогда раньше не писал я, теперь же считаю своим долгом бросить несколько строк, воспользовавшись уже готовыми страничками моего дневника. Условия службы и деятельности позволяют мне знать и использовать то, о чем не имеет понятие большинство ваших корреспондентов (прошу извинения за откровенность), а привычка вести ежедневный дневник сохраняет богатый материал.

Странички из дневника.

24 августа 1904 года. Деревня Сыгуаньтунь.

*Всенощная в 1-м Восточно-Сибирском
стрелковом Его Величества полку⁵*

Здесь на чужбине, больше чем дома <друг> захотелось хоть чем-нибудь отметить наступление праздника.

Слабо религиозный, как большинство в мои годы (мне 26 лет), я с детства привык посещать и люблю некоторые наши церковные службы.

Потянуло и теперь услышать давно забытые слова и напевы, так странно звучащие здесь под раскаты редких глухих выстрелов. Это на нашем правом фланге и у Путиловской сопки нет-нет, да рявкнет, перебивая друг друга, то осадное, то скорострелка.

Около 3 1/2 часов дня мы вдвоем с Генералом Б. отправились верхом в ближайший к Штабу 1-й стрелковый Его Величества полк на всенощный. Яркий солнечный день, бодрящий, чистый, чуть-чуть морозный воздух и прекрасные зимние дороги делают прогулки по Маньчжурии в это время года удивительно привлекательными.

Ехать пришлось недолго. Через 1/2 часа мы были уже на месте в ожидании начала службы зашли в фанзу командира полка Полковника Л.

Скоро нас позвали.

В церковь был обращен построенный к Георгиевскому дню барак-столовая. Длинное полутемное помещение, наполненное серыми фигурами, расступающимися перед нами, казалось какой-то пещерой первых веков христианства.

Служба уже началась... Где-то вдали слабо слышался голос священника...

Я за генералом и командиром полка прошел вперед. Перед нами вдруг засиял сотнями свечей наших русских восковых свечей скромный иконостас.

Все, от самого барака-церкви до алтаря, молящихся, иконостаса было и своеобразно, и оригинально.

Гаоляновые стены без окон, такая же крыша напоминали каждому, где он, и что, быть может, завтра ожидает его.

Перегородка для иконостаса, царские ворота и боковые двери были искусно скомбинированы из двух выбеленных печей, полотниц палаток, сосновых веток и кустиков омелы.

На всем этом яркими пятнами зажженных свечей выделялось всего четыре образа: Спасителя, Божьей матери, Святителя Николая и икона праздника.

Одна фигура за другой, усиленно крестясь и отламывая земные поклоны, несла свою свечу с горячей молитвой к Тому, Кто учил нас общей любви и «мирови миров».

Молодые загрубевшие лица, уже побывавшие в боях, бородачи, недавно прибывшие в полк, унтера с Георгиями и медалями за Китай, весь этот люд, собранный со всей матушки-России, тянулся с тоненькой свечкой, сливаясь в одной горячей молитве, молитве без слов, но понятной для всех.

Простые трогательные молитвы хора любителей-солдат, убежденный, без всякой аффектации голос священника, струйки дыма и запах ладана, мерцание свечи перенесли меня далеко-далеко...

Дума за думой, картинка за картинкой промелькнули пережитые годы, а воображение уже рисовало новые образы, новые сцены.

«Уединенный, слабо освещенный лампадой угол церкви, на коленях сторбленная, одинокая, до боли знакомая фигура. Черное траурное платье, мокрое от слез лицо, заглушенные рыдания – вот молитва, вот слезы войны.

Родная, не плачь, брат нашел славную долю, верь в то, что я вернусь, верь в Того, кто сохранит тебе последнего сына...»

Что-то подступило к горлу, слеза покатилась на заношенное, истрепанное пальто.

Я очнулся...

А служба все шла и шла.

С боков, сверху из щелей гаоляна весело и дерзко врываются лучи заходящего солнца.

Сквозь крышу виднелось далекое голубое маньчжурское небо.

Где-то за сопками раздался запоздалый выстрел...

Назад ехали уже в темноте. Лошади шли крупной рысью, небо вывездилось и глядело на нас большими, яркими огнями.

Туман окутывал низины, скрывая полуразрушенные китайские деревушки. Тишина кругом зачаровывала, мы двигались молча, только звон подков о мерзлую землю нарушал общую гармонию.

*Сергей М.*⁶

Деревня Сыгуантунь. 27 декабря 1904 года

Письмо в редакцию⁷

Минувшие 6 месяцев, проведенные мною на театре военных действий, заставили над многим призадуматься, возбудили много новых гучух вопросов.

Одним из таковых является вопрос обеспечения правительством матерей тех убитых офицеров, служба которых давала их близким, родным кусок хлеба и некоторую обеспеченность.

У нас в военном мире принято считать лучшим боевым элементом холостую молодежь.

«Слезы жен, осиротелых детей – все это до известной степени уменьшает порыв, отдаляет момент высшего напряжения воли, необходимый для желанной победы».

Так ли это на самом деле, сходится ли в этом случае теория с практикой?

На мой личный взгляд, далеко не всегда так: с одной стороны, умирающий семейный офицер знает, что его дети и жена будут обеспечены правительством, с другой стороны, после них в большинстве случаев остаются жены еще в цвете лет, полные сил, здоровья, работоспособности, а дети получают образование и воспитание в казенных учебных заведениях.

Совсем с иным сознанием умирает сын, после него остается мать, почти всегда уже пожилая, слабая, надломленная жизнью, и остается без всяких средств к существованию.

У меня здесь на войне десятки товарищей и по корпусу, и по училищу, и по академии, и многие из нас находятся именно в таком положении.

Разве не заслужили мы, явившиеся сюда умирать, приносящие свою жизнь, свое я на службу Родине, чтобы эта Родина в лице правительства пришла бы на помощь дорогим нам существам – нашим матерям?

Сколько горьких дум, сколько тяжелых минут, какие ужасные предсмертные часы переживает сын, оставляя где-то далеко старуху-мать почти нищую.

Во время славной для нас Путиловской сопки я потерял брата, офицера одного из полков 1-го армейского корпуса. Раненый 3-го октября, брат умер через десять дней со светлым отрадным сознанием исполненного долга и спокойным за будущность своей матери: у нее оставался еще сын – автор этого письма...

Я не обращаюсь к общественной благотворительности, нам не нужно общих сборов, новой газетной подписки, я надеюсь, больше, уверен, что правительство найдет законным и возможным облегчить <судьбу> остающихся после нас матерей какой-нибудь пенсией, а не временной денежной премией.

Пусть Родина, которой мы служим, отзовется на этот призыв, пусть милостивое, великое слово Царя радостной надеждой озарит последние минуты умирающего сына.

Здесь не может быть, конечно, речи о людях со средствами, вряд ли кто-нибудь из истинно русских захочет воспользоваться потом добытой копеечкой все эти трудные для нас дни.

Является только вопрос, следует ли прийти на помощь тем матерям, которые еще до войны получали пенсии, оставленные им нашими отцами.

Мне кажется, да и тысячу раз да, конечно, если эти пенсии не превосходят 100-70 рублей в месяц (норма скромного существования нашего класса). Следует не забывать, что ничтожная пенсия (а она зачастую именно такая), с которой остается мать, не обеспечивает покой-

ной старости, и смерть сына ведет к ряду тяжелых материальных лишений.

Впрочем, не мое дело указывать, как и в каком размере надо откликнуться на это письмо.

Моей целью было поднять один из многих забытых вопросов, пусть другие трактуют его с большим знанием и опытностью, я же старался передать только настроение всех нас, сыновей и братьев.

Листовки о русско-японской войне из документов С.Л. Маркова

Офицеры русской армии⁸

К вам, честные офицеры, с самоотвержением исполняющим свой долг, как бы исполнение его ни было тяжело для вашего сердца, к вам, офицеры, составляющие опору Родины, мы обращаемся не с указанием вашего долга, а с выражением нашей веры в Вас.

Мы верим, что ваша любовь к родине, знание вами отечественной истории, ваша честь, дадут вам силы отстоять целостность нашего Отечества, мыслимую только при Самодержавной власти, только при Самодержавии, не пойдущего к распадению, которое наблюдается в Австрии. Только благодаря Самодержавию, никакие неудачи в войне с Японией не разрушат нашего государства, только при Самодержавии мыслимо наиболее удачное завершение этой войны. Пусть враги Самодержавия утверждают, что эта война – прихоть Самодержавной власти. Знающий нашу историю поймет, что не концессии на Ялу побудили Ермака Тимофеевича двинуться к Иртышу, не Безобразов указал Невельскому устье Амура, не Царский произвол вызвал настоящую войну.

В историческом движении на восток настоящая война указывает на то, что только ныне Россия там впервые встретила мужественного и грозного врага, как в прошлых столетиях, в своем движении на запад она встречала такового в шведах, поляках и турках. Война, а может быть, и ряд войн решит: испытать ли России участь Польши или стать ей грозно на берегах Тихого океана, как грозно стоит она на берегах Балтийского моря, Вислы и моря Черного. В войне победит тот, кто возымет веру в свое Отечество, тот, чье войско вместо бесплодной критики употребит все силы для исполнения воли державного вождя, где каждый солдат и каждый генерал по совести и присяге исполнит свое дело.

Гений и талант – дар Божий. Но в парламентарной Франции и гений не сделает французское войско выше германского, где войско абсолютно, вне парламентского контроля подчинено единственно императору. Легко указывать на наши неудачи. А приходилось ли какому-либо государству вступать в борьбу с таким врагом, как японцы, да

еще при такой географической обстановке, как в нашу войну. При всей тяжелой обстановке мы не видели еще ни Гиены, ни Седана. Значит, доблесть, мужество и преданность Царю и Отечеству живут в офицерах и солдатах. Если хулиганы, революционеры и всякие неучи осмеливаются оскорблять офицерское достоинство – верьте, что истинно русские люди, от скромного пахаря до Самодержавного Царя, смотрят на вас с верой и уважением. Народ, настоящий народ, а не крикливые земцы, не жидовствующие адвокаты, не бастующие студенты, настоящий народ верит и живет Самодержавием, верит и в вас, потому что допускает возможность всеми искажения царской воли, но только не царскими войсками. Где царское войско, там царская и рука.

А тем, кто хулит офицерское звание непосредственным ли оскорблением, или пасквилем, или предложением изменить своей клятве – ответьте презрением. Честные люди вас уважают и молят Бога, да поможет Он вам в тяжелую годину испытания нашей дорогой родины охранить ее целостность и неприкосновенность, борясь крепко за Веру, Царя и Отечество.

Русские люди

Нашим недругам⁹

Кипит вражда; злорадствуют народы; весь Запад скопом судит ныне нас и вкривь, и вкось, решив бесповоротно, что свет любви в нас к родине угас. На мир идти советуют скорее, вмешательством подумают пугнуть, и снова нам готовят униженья, чтоб и себе кус добрый оттянуть.

Не радуйтесь. Напрасны ожидания. Мы на конгресс ваш больше не пойдем; за нашу кровь платить мы вам не станем, и выход мы иной себе найдем. Забыв добро, забыв заветы веры, глумитесь вволю в наш тяжелый час; мы справимся при помощи бывалой, и помощь та сильней и выше вас.

Молитвами заступников исконных, Владычицы покровом вековым, мы вымолим у Господа ту помощь, смирясь не перед вами, а пред Ним.

Управимся. Но никогда, то знайте, услуги лжи не примет наш народ; на мир гнилой, бесславный и позорный родную Русь наш Царь не поведет. Сплотимся мы; утихнут в нас раздоры; сольемся все в единую семью и, выпив чашу посланных страданий, умилюстивим Господа-Судью.

Недаром храбро гибнут наши братья; полна страданья участь их, люта; недаром вся Маньчжурия до моря рекою крови русской залита. И никогда, доколе все не сгибнем, доколе дышим воздухом родным, мы тех полей, насыщенно кровавых, и тех могил врагу не отдадим!

А.А. Наврацкий (Н.А. Вроцкий)

Дозволено цензурою. Спб. 26 марта 1905 г.

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

**Записка подполковника С.Л. Маркова
в управление военно-учебных заведений
с просьбой о рассмотрении учебника**

Помощник делопроизводителя Особого делопроизводства Главного управления Генерального штаба подполковник Марков.

1 февраля 1911 г. № 49. Спб.

Его Превосходительству АФ. Забелину начальнику Главного управления военно-учебных заведений.

*Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь Александр Федорович!*¹⁰

Позволяю себе представить Вашему Превосходительству новую книгу «Военная география иностранных государств», составленную мною совместно с Генерального штаба полковником Гиссером строго по программе 1910 г.

Я уже имел честь лично докладывать Вашему Превосходительству в декабре 1910 г. напечатать и этот отдел курса. В минувшую пятницу мне, к сожалению, не удалось лично представиться Вашему Превосходительству ввиду отмены у Вас приема.

Служебные занятия совершенно не позволяют мне на этой неделе вновь явиться Вашему Превосходительству, а потому осмеливаюсь представить нашу книгу при этом письме, не желая задерживать передачу таковой.

Буду крайне признателен Вашему Превосходительству, если явится возможность рассмотреть нами представленный труд в ближайшем времени.

Что потребность в подобной книге вообще назрела, кроме трудности читать лекции и производить репетиции без подходящего курса, показывает еще и поступление ко мне требований на новый учебник от училищ, где мы не преподаем, и помимо всякой рекламы с нашей стороны.

Две такие же книги мною уже представлены при рапорте в Главное Управление Военно-Учебных Заведений.

Извиняясь за причиняемое беспокойство, прошу Ваше Превосходительство принять заверение в совершенном моем уважении и почтении.

Вашего Превосходительства

Покорный слуга

С. Марков

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

Письмо и рапорт генерала А.И. Деникина от 18 мая 1915 г. исполняющему должность начальника штаба 8-й армии генерал-майору П.Н. Ломновскому с просьбой об утверждении полковника С.Л. Маркова

в должности командира 13-го стрелкового полка

*Ваше Превосходительство, многоуважаемый Петр Николаевич!*¹¹

Прилагаю копию рапорта, посланного по команде.

Генерал Станкевич болен и эвакуирован, полковник Бирюков тяжело ранен и эвакуирован. Прошу помочь сохранить мне Маркова – отличного командира, воина по призванию.

Если бы Петербург не согласился, покорнейше прошу сохранить существующее положение, т.е. должность не защищать, а полковника Маркова назначить временно командующим.

Буду очень благодарен, а дело выиграет.

Подлинный подписал: командующий 4-й стрелковой дивизии генерал-майор Деникин.

Верно: временно исполняющий должность старшего адъютанта поручик Третьяков.

Командиру 17-го корпуса

/генералу от инфантерии П.П. Яковлеву/

1915 г. 18 дня мая. № 504512

Ввиду того, что командующий 13-м стрелковым полком генерал-майор Гамбурцев эвакуирован, с 14 февраля в районе Творильни полк и бригада попали в весьма тяжелое положение, я назначил временно командующим 13-м полком начальника штаба бригады, полковника Маркова, который командует уже более 3-х месяцев.

Доблестный штаб-офицер этот сжился, сроднился с полком и, проявляя большое личное мужество и искусство, неизменно ведет полк к славе.

Оборона Творильни, тяжкие бои за овладение высотой 771 (март, район Журавина), лихое преследование австрийцев до Бережков (там же), двукратное овладение высотой 783 (март-апрель, район Яблоново) и, наконец, бои с 6 мая в районе Тамановище составляют такой актив полка и его командира, с которым нельзя не считаться.

Поэтому усердно ходатайствую, не взирая на мертвую линию старшинства, о назначении полковника Маркова командиром 1-го стрелкового полка.

Подлинный подписал: командующий 4-й стрелковой дивизией генерал-майор Деникин.

Верно: временно исполняющий должность старшего адъютанта поручик Третьяков.

**Письмо полковника С.Л. Маркова
начальнику штаба Верховного главнокомандующего
генералу от инфантерии Н.Н. Янушкевичу с просьбой
об утверждении его командиром 13-го стрелкового полка**

Начальнику штаба Верховного главнокомандующего, Генералу от инфантерии Николаю Николаевичу Янушкевичу.

Ваше Высокопревосходительство, Николай Николаевич¹³

Обращаюсь к Вам, как к своему бывшему начальнику, от которого кроме хорошего ничего никогда не видел.

14 февраля был ранен командир 13-го стрелкового генерал-фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полковник Гамбурцев, ныне генерал-майор <нрзб.>. Я по приказанию начальника бригады (ныне дивизии) генерал-майора Деникина принял полк. С <февраля> прошло больше 3 1/2 месяцев. Я, продолжая командовать этим полком, сроднился с ним, знаю каждого офицера, многих стрелков, меня знают и ко мне привыкли в полку; хорош ли я или плох как командир, судить, конечно, не мне, но месяцы войны, бои, в которых я водил полк вперед, еще более тяжелые бои, когда обстоятельства заставляли нас отходить, сделали больше, чем годы мирного времени – я и полк слились в одно целое, мне дорог каждый стрелок, каждый юноша-прапорщик.

В настоящее время бывший командир полка генерал-майор Гамбурцев отчислен, 13-й стрелковый полк стал свободен. Начальник дивизии вышел с ходатайством об утверждении меня командиром полка, зная, что по кандидатскому списку очередь до меня не дошла.

Быть командиром полка в нашей дивизии, где 150 % командиров уже переранены или убиты – это великая честь, но честь, сопряженная с постоянным риском быть покалеченным или убитым. Я пока цел, но это дело случая – 21-го мая на моих глазах была оторвана снарядом голова временно командующего 14-м Сибирским полком, я сам уцелел, облитый кровью своего товарища. Так было 21-го мая, что будет на этих днях – одному Богу известно. За последнее время я уже представлен или представляюсь по всем высшим наградам <до> Святого Георгия 4-й степени включительно, заработав эти награды в рядах полка, но именно поэтому я не считаю себя нравственно вправе уходить из полка опять в штаб дивизии. Особенно это трудно сделать теперь, когда в полку до 40 человек некомплекта офицеров, когда наличные офицеры почти исключительно прапорщики, готовые умереть, но требующие руководства на каждом шагу, когда чинов от старых кадровых стрелков осталось в полку десятка два-три.

Ввиду изложенного, я прошу как милости и высшей награды утверждения меня командиром славного 13-го стрелкового имени Августейшего отца Верховного Главнокомандующего <полка>. Пусть это

утверждение, или промыслу угодно будет <стать> моим смертным приговором, но я чувствую всем своим существованием, что сделать так надо для пользы полка, а значит, и общего дела.

Даже хороший новый командир, пока он привыкнет, будет хуже старого посредственного. А моим назначением я никого не обгоняю и готов после войны уйти, куда прикажет Правительство.

Мое назначение вполне в Ваших руках, все остальные инстанции просят или готовы просить об этом.

Препятствие одно – кандидатский список, в котором я стою, кажется 24-м. Но всегда ли и всюду ли кандидатские списки есть нечто неизменное? Я знаю уже многих, моложе меня значительно, командуемых ныне полками и даже получивших генеральский чин. Ведь получив полк, я никого не обгоняю, мое старшинство остается прежнее. Думается мне, что теми бессонными ночами, которые я проводил иногда в целях полка, теми нравственными болями, которые испытал, видя, как тает близкий мне полк, гибнут последние офицеры, утомлением, которое испытывал, до известной степени высшим <нрзб.>.

Трудно вообще писать о себе, еще труднее что-либо просить для себя. Мне будет больно, если Вы посмотрите на это письмо, как на способ обогнать товарищей. Бог с ними, никого я не хочу обскакивать и обгонять, в эти дни не до карьеры. Здесь постоянно ходишь по краю могилы и твердо знаешь, что не имеешь легкой карьеры. В последние бои я давно приговорил себя к мысли умереть в рядах полка, которым руковожу уже почти 4 месяца войны, честь и слава стрелкам, близким моему сердцу.

Думая о себе исключительно, я это письмо не написал бы Вам. Простите за форму изложения и бумагу, пишу в землянке на клочках оберток, за причиняемое беспокойство. Решился на это письмо лишь твердо веря в Ваши неизменно добрые чувства ко мне.

Глубоко Вам преданный и уважающий

С. Марков

**Приказы генерала А.И. Деникина и полковника С.Л. Маркова
о сдаче полковником Марковым 13-го стрелкового полка**

Приказ¹⁴

*По 13-му стрелковому генерал-фельмаршала
Великого Князя Николая Николаевича полку
№ 158 от 14 апреля 1916 года
Дом лесника к северо-западу от деревни Петушково.
По строевой части*

<...>

2. Объявляю приказ 4-й стрелковой дивизии от 14 апреля с.г. за № 64.

П. 1. Командир 13-го стрелкового генерал-фельмаршала Великого Князя Николая Николаевича полка полковник Марков предназначен на должность начальника штаба 2-й кавказской казачьей дивизии.

Основание: телеграмма 40-го армейского корпуса от 12-го сего апреля за № 01734. <...>

Приказ¹⁵

*По 13-му стрелковому генерал-фельмаршала
Великого Князя Николая Николаевича полку
№ 176 от 28 апреля 1916 года
Дом лесника к северо-западу от деревни Петушково.
По строевой части*

И. 14 февраля 1915 года, т.е. более 14-ти месяцев назад, я принял полк и ныне по воле начальства ухожу от Вас.

ПРОЩАЙТЕ, РОДНЫЕ, СПАСИБО ЗА ВСЕ.

Вечная слава да сопутствует полку.

Мне трудно передать свои чувства словами, дни, проведенные среди Вас, стрелки, для меня лучшее время жизни.

Да хранит Вас всех Бог.

Не поминайте лихом.

Подлинный подписал: Командир полка полковник Марков.

Верно: полковой адъютант штабс-капитан Яковлев.

*Приказ¹⁶**По 13-му стрелковому генерал-фельмаршала**Великого Князя Николая Николаевича полку**№ 177 от 28 апреля 1916 года**Дом лесника к северо-западу от деревни Петушиково.**По строевой части*

I. Сего числа я отбыл к новому месту службы.

Основание: Предписание начальника 4-й стрелковой дивизии от 28 апреля с.г. за № 3435.

Подлинный подписал: Командир полка полковник Марков.

Верно: полковой адъютант штабс-капитан Яковлев.

*Приказ¹⁷**По 13-му стрелковому генерал-фельмаршала**Великого Князя Николая Николаевича полку**№ 178 от 28 апреля 1916 года**Дом лесника к северо-западу от деревни Петушиково.*

Объявляю приказ по 4-й стрелковой дивизии от 25-го сего апреля за № 73.

П.1. Командиру 13-го стрелкового генерал-фельмаршала Великого Князя Николая Николаевича полка полковнику Маркову отправиться к месту предстоящего служения, в штаб 2-й Кавказской казачьей дивизии.

П.2. Во временное командование 13-м стрелковым генерал-фельмаршала Великого Князя Николая Николаевича полком вступить полковнику 15-го Стрелкового Его Величества Короля Черногории Николаю I полка Непенину.

О сдаче и приеме полка мне донести.

П.3. В тяжелые дни Творильни полковник Марков принял 13-й стрелковый генерал-фельмаршала Великого Князя Николая Николаевича полк.

С тех пор, сроднившись с ним, в течение года с высокой доблестью, самоотверженно и славно провел его через Журавин, Зубовецкий лес, Мыслячители, по крестному пути отхода армии, через Дюксин, Олешву, Новоселки, Должицу и Будин.

Нам всем и памятно, и дороги эти имена. С чувством искреннего сожаления, расставаясь со своим сотрудником (по штабу), соратником и другом, желаю ему на новом фронте признания, счастья и удачи.

Подписал: командующий дивизией генерал-майор Деникин.

**Письма офицеров полковнику С.Л. Маркову
при его оставлении 13-го стрелкового полка**

Старшему штаб-офицеру 13-го стрелкового полка¹⁸

Сердечно благодарю общество офицеров полка за приглашение принять участие в чествовании Глубокоуважаемого Сергея Леонидовича, но извиняюсь, что по служебным причинам сделать этого не могу.

Прошу с разрешения старшего, передать господам офицерам, как моим бывшим однополчанам, следующее: «Знаю, что полковник Марков не только не хотел покидать Вас, но даже принял все зависящие от него меры к тому, чтобы не расставаться с полком.

Я его вполне понимаю: командир полка и полк сживаются между собою, как неделимые части организма. Отделение этих частей друг от друга не может произойти без боли для обоих. Вот почему я присоединяюсь и к Вашему чувству горечи, и к чувству Глубокоуважаемого Сергея Леонидовича, чувству тоски предстоящей разлуки. И мне даже вчуже странно подумать, что 13-й стрелковый полк останется без Сергея Леонидовича, а Сергей Леонидович без 13-го стрелкового полка.

Но это не совсем так.

13-й стрелковый полк и с другим командиром, продолжая жить духом Сергея Леонидовича, будет воевать также доблестно, как воевал раньше, а Сергей Леонидович на новом месте службы будет учить подчиненные ему части воевать так, как воевал 13-й стрелковый полк. И эта связь будет всегда соединять Вас. Я прошу Глубокоуважаемого Сергея Леонидовича, как моего соратника, принять мой от всего сердца привет и наилучшие пожелания на новом поприще и выражаю надежду, что после окончания войны, если даст Бог, мы увидим его не один раз среди нашей родной семьи, «железной» дивизии. Ура ему!

Н. Бирюков

Глубокоуважаемый Сергей Леонидович!¹⁹

От лица офицеров батареи и своего поднимаю заздравный бокал за Ваше здоровье.

От души желаю всякого благополучия.

Вполне уверен, что и в новом месте служения Вы приобретете такую же любовь и уважение подчиненных Вам и всех имевших с Вами встречи, как служебные, так и частные, каковые Вы нашли у нас.

Счастлива та часть, которая будет иметь во главе Вас.

Вас мы любим, Вам верим и свободно идем за Вами. Не льщу Вам ни капли и говорю от чистого сердца то, что чувствую, тем более, что говорю Вам сейчас, когда мы с Вами расстанемся, и Бог знает, придется ли нам еще встретиться.

С сердечной грустью расстаюсь я с Вами. Желаю Вам счастья, здоровья и дальнейших боевых успехов. К великому моему огорчению не могу лично сказать Вам то, о чем пишу Душою и мыслями с Вами.

Примите сердечный привет искренне преданного и глубоко уважающего Вас < >

*Господа офицеры!*²⁰

Те немногие месяцы работы отряда в железной бригаде тесно связали нас с Вами, герои 13-го стрелкового полка.

С Вашей стороны мы всегда встречали только самое предупредительное и теплое отношение, и это давало нам силы легче и спокойнее нести нашу работу.

Словами нельзя выразить то, что чувствуешь сердцем. Присоединяемся к чествованию Вашего доблестного героя командира и вместе с Вами скорбим о его уходе.

До свидания, дорогой Сергей Леонидович!

«Родзянки»

< > 16 апреля 1916 г.

ГЕНЕРАЛ С.Л. МАРКОВ В АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В 1916 г.

Из встреч с генералом Марковым²¹

Громадная, светлая аудитория. Здесь над кафедрой на черном фоне резкая надпись «зал Михаила Ивановича Драгомирова», там вдоль стен гипсовые, белые бюсты величайших полководцев, резкий профиль Тюренна с рассыпанными по плечам кудрями, дальше старый и хитрый Фридрих, вот набожный Густав-Адольф, видны Цезарь, Ганнибал. А вот и российский войск победоносец граф Александр Васильевич Суворов.

Николаевская военная академия, с минуты на минуту начнется лекция по общей тактике. Аудитория полна, двести пятьдесят молодых офицеров ждут лектора, состав слушателей необыкновенный, это первые ускоренные курсы военного времени – со всех фронтов из всех армий здесь собраны те, которые носят в себе порыв, отвагу и доблесть. На первые курсы присланы только офицеры, и получившие георгиевский крест или георгиевскую шапку. Необыкновенный исторический состав аудитории, все искушены войной, большинство неоднократно ранены. Общая тактика проделана вся, и проделана тщательно, каждым продумана на полях сражений до мельчайших деталей. Что скажешь такой аудитории нового или значительного?

Аудитория напряженно ждет. Лекция обещает быть захватывающего интереса, лектор – молодой генерал, только что приехавший с ту

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

начальника штаба 2-й Кавказской казачей дивизии полковника Сергея Маркова

Komis. SSh-91

✓
Въ 1. кл. 4. кл. Б. кл.
Получено
30-го *Августа* 1916 г.
Н. Р. № *273* *Сиб*

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ

*Математика Штаба 2-й Кавказской ка-
зачей дивизии Полковника Сергея Маркова.*

Составленъ августа въ дня 1916 года.

ЦГВИА СССР
Фонд № <i>409</i>
Опись № <i>1</i>
Дело № <i>69312</i>

ПОИСК

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

начальника штаба 2-й Кавказской казачей дивизии полковника Сергея Маркова

IX.
ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; произведено въ слѣдующіе чины и званія служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и переименованія изъ одного звѣна службы или должности въ другое съ объясненіемъ, по какому случаю; по ходъ начальства или по собственному желанію; когда отправленъ и братья къ походу войту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія, Военно-статейными расписками, Высочайшія благоволенія.

	Года.	Мѣсяца.	Числа.		Года.	Мѣсяца.	Числа.
Предписаніемъ генерал-майора Василия Савицкого отъ 4376 откомандированъ отъ Управленія начальника восточной армии	1904	Августъ	7	Ванъ въ штабъ 2-го Кубанскаго армейскаго корпуса	1904	Августъ	6
Назначенъ на должность адъютанта штаба во вновь сформированной штабъ восточнаго отряда	---	---	---	Приказомъ по штабу 2-го Кубанскаго армейскаго корпуса за № 98 назначенъ исполняющимъ должность старшаго адъютанта штаба	---	---	---
Прибылъ въ штабъ восточнаго отряда	---	---	17	Приказомъ по штабу 2-го Кубанскаго армейскаго армейскаго корпуса за № 70, за отпущенія въ отпускъ противъ Ананьева съ 2го сентября по 4е октября 1904 года награжденъ орденомъ Св. Станислава 3-й ст. съ мечомъ и бантомъ	---	---	8
Приказомъ по восточной армии за № 683 за отпущенія въ отпускъ противъ Ананьева награжденъ орденомъ Св. Анны 4й ст. с мечомъ, за храбрость.	---	---	18	Приказомъ по восточной армии за № 18 марта 1905 года за отпущенія въ отпускъ противъ Ананьева съ 2го по 18	---	---	14
Предписаніемъ начальника штаба восточнаго отряда за № 593, по предписанію штаба восточнаго отряда № 130 отпущенъ въ отпускъ	---	---	---				

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

начальника штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии полковника Сергея Маркова

IX.

ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ.

Когда из службы退伍ны и произведены въ первый офицерскій чинъ; произведено въ сѣдующіе чины и дальнѣйшая служба; военная, гражданская и по выборамъ; переводы и переименованія изъ одного мѣста службы или должности въ другое съ объясненіемъ, по какому случаю; во войъ начальства или по собственному желанию; когда отправлена и прибыла къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія, Всемилоуствительныя рескрипты. Въ мѣсяцѣ и днѣ благовѣстія.

	Годы	Мѣсяца	Числа.		Годы.	Мѣсяца.	Числа.
бу и труды, поименные въ время казенныхъ службъ, ордена Св. Владиміра 1-го класса Высочайшаго Зейскаго	95	авг.	13	Летомъ 1915 года № 207.	95	июн.	25
приказъ по бригадѣ отъ 17го февраля 1915 года № 141.				Высочайшимъ приказомъ отъ 25го июня 1915 года Государь Императоръ, Всемилостивѣйше соизволивъ помянутымъ за отличія въ дѣлахъ противъ неприятеля и за имъ описанную службу Св. Владиміра 3-го ст. 1. приказъ по дивизіи отъ 13го июля 1915 г. № 381.	71	июн.	25
Ветеринар. во время войны, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-го ст. 1. приказъ по бригадѣ отъ 17го февраля 1915 года № 141.	71	декр.	14	Приказомъ Командующаго 2-й Арміей отъ 13го июля 1915 года № 335, назначенъ 3-го ст. 2-го класса ордена Св. Владиміра 3-го ст. 1. приказъ по дивизіи отъ 13го июля 1915 года № 381.			
Приказомъ Армии 1-го-3-го класса отъ 5го февраля 1916 года за № 166 награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-го ст. 1. приказъ по дивизіи отъ 17го июля 1915 года № 141.			5	Приказомъ Командующаго 2-й Арміей отъ 17го августа 1915 года за № 615, назначенъ 3-го ст. 2-го класса ордена Св. Владиміра 3-го ст. 1. приказъ по дивизіи отъ 17го июля 1915 года № 166.	71	июль	12
Приказомъ Командующаго 2-й Арміей отъ 23го июля 1915 года назначенъ на должность старшего адъютанта 1-го ст. 1. приказъ по дивизіи отъ 24го				Приказомъ Командующаго 2-й Арміей отъ 17го августа 1915 года за № 615, назначенъ 3-го ст. 2-го класса ордена Св. Владиміра 3-го ст. 1. приказъ по дивизіи отъ 24го			

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

начальника штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии полковника Сергея Маркова

IX
ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ.

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; произведено из следующих чин и должностей в службу: военная, гражданская и по выборам; переводы и переименования из одного места службы на должности в другом съ обязанностями, по какому случаю; до какой выслуги или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: знаками, орденами, знаками отличия, Всемилостивейшими рескриптами, Высочайшими благоволениями.

Годы.	Месяцы.	Числа.	Годы.	Месяцы.	Числа.
<p>Высочайшимъ приказомъ 20 апреля 1860 года назначенъ Начальникомъ Штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии съ переводомъ въ Кавказскій Штабъ</p>					
		916	Апр		20
<p>Привыкъ и вступилъ въ исполненіе должности Начальника Штаба дивизии</p>					
		-	Мая		12
<p>Высочайшимъ приказомъ 16 июня 47 года даровано старшинство въ чинѣ Подполковника, на основаніи № 133 В.В. 1875 года съ 6 декабря 1911 года</p>					
		-	июня		16
<p>Въ служебнѣмъ гражданскомъ и по выбору дворянства не служилъ.</p>					
<p>Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ не поощренъ.</p>					

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

начальника штаба 2-й Кавказской казачей дивизии полковника Сергея Маркова

X.

БЫТНОСТЬ ВЪ СЛУЖБѢ.

а) Во временных отпускахъ когда уволенъ, на какое время и явился ли въ срокъ, а если просрочилъ, то сколько именно и при какихъ обстоятельствахъ; б) За пользования ранъ: гдѣ и когда, по какому разрешенію, съ какого и по какое время; в) въ безсрочномъ отпуску в запасъ, не состоя на гражданской или общественной службѣ; съ какого и по какое время; г) по роду оружія, безъ исполненія службы; д) въ изгнѣ, когда и гдѣ вѣдѣнъ и когда возвратился на службу; и е) въ отставкѣ: когда уволенъ и когда вновь прибылъ на службу.

	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
Въ бытѣ отпусковъ:				Кривая вѣрота.		
По производству въ офицеры чинами						
№ 88 или действительный отпусковъ	съ 888	Апр	11			
	по	"	Вит	8		
Въ 10 действительный съ сокращеніемъ содержания	съ	"	Серіал	28		
жесткая	по	889	члв.	6		
1 Месяц	съ	"	Апр	11		
	по	"	Апр	21		
Въ 7ми действительный съ сокращеніемъ содержания	900	Апр	11			
	по	"	"	24		
1 Месяц	съ	901	свѣр	5		
	по	"	"	12		
Въ 2х мѣхъ сянисим съ сокращеніемъ содержания	907	Апр	14			
	по	"	Апр	14		
Въ мѣхъ сянисим отпуску съ сокращеніемъ содержания	909	Июль	8			
	по	"	Июль	8		
1 Месяц	съ	911	Мая	20		
	по	"	Июль	20		
Въ 3х мѣхъ действительный отпуску	съ	915	Июль	4		
	по	"	"	24		
1/4 пункта по дивизии отъ 9-го ноября 1905 года № 24.						
По болѣзни отпуску	до	"	Сентяб	16		

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

начальника штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии полковника Сергея Маркова

<p>XI</p> <p>Холост ли женат, на ком, имфеть ли детей, если имфеть, то кого именно: год, мѣсяц и число рождения детей: какого они и жена вѣроисповѣданія</p>	<p>Имя первая супруга на догори грѣсѣвительнаго Статскаго Свѣтлицы на пѣяренъ дѣвцы Маріанной Павловны <i>Курятниковой</i>; имфеть детей: сына Леониды родивъ 24го декабря 1907 года, дочь Маріанну родивъ 11го мая 1909 года, дочь вѣроисповѣданіе православнаго.</p>																				
<p>XII.</p> <p>Есть ли за нимъ, за родителями его, или когда женатъ, за женою, недвижимое имущество, родовое или благопріобрѣтенное.</p>	<p><i>Нѣтъ</i></p>																				
<p>XIII.</p> <p>Подвергался ли наказаніямъ или взысканіямъ, соединеннымъ съ ограниченіемъ въ преимущества по службѣ, когда и за что именно; по судебнымъ приговорамъ или въ дисциплинарномъ порядкѣ.</p>	<p><i>Не подвергался.</i></p>																				
<p>XIV.</p> <p>Бытность въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля, съ объявленіемъ гдѣ именно, съ какою и по какому времени; оказанныя отличія и полученныя въ сраженіяхъ раны или контузы; особая порученія, сверхъ прямыхъ обязанностей по В. С. о чинахъ и повѣстаніямъ, или отъ начальства.</p>	<p><i>Участвовалъ въ Русско-Турецкой войнѣ</i></p> <p><i>Предписаніемъ командовавшихъ войсками сообщеніемъ отъ 27го июля 1904 года за № 4023 адресованному сиротскому дому на Мухоморова, черезъ г. г. Мухоморова, Сивдана, Васильева - женамъ по г. Мадяру</i></p> <p><i>Предписаніемъ Генерала Квартиршей стера за № 7925, командированъ для рекогносцировки дорогъ</i></p>	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Годъ</th> <th>Мѣсяцъ</th> <th>Число</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>1904</td> <td>июль</td> <td>14</td> </tr> <tr> <td>1905</td> <td>окт.</td> <td>2.</td> </tr> <tr> <td>1904</td> <td>июль</td> <td>28</td> </tr> <tr> <td>"</td> <td>"</td> <td>№ 1.</td> </tr> <tr> <td></td> <td></td> <td>6</td> </tr> </tbody> </table>	Годъ	Мѣсяцъ	Число	1904	июль	14	1905	окт.	2.	1904	июль	28	"	"	№ 1.			6	
Годъ	Мѣсяцъ	Число																			
1904	июль	14																			
1905	окт.	2.																			
1904	июль	28																			
"	"	№ 1.																			
		6																			

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

начальника штаба 2-й Кавказской казачей дивизии полковника Сергея Маркова

изъ дер. Сызрантай на д.д. Кусатизоч-пер. Мельников, д.д. Нахурай, Мельниковы, Мельниковы и выполнили задану, но уже подъ огнем Японцев, предвещивших 1-го августа въ наступление	св	904. Авр.	8
Предписанием Генерала Квартурийстера Мамгуурской армии за № 8328 командированъ въ штабъ 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса для связи со штабомъ армии, где и находился въ дни боевъ подъ Мельниковъ на высотахъ 99 и въ д. Шоушантоу	св	" "	13
19. Августа получилъ приказание Генерала Квартурийстера отъправиться на железно-колейную путю, избравшимся для переезда въ наступление нашего мѣлого фронта противъ Куропи, где и пробылъ	св	" "	16
Предписаниемъ Генерала Квартурийстера Мамгуурской армии за № 8528, командированъ въ намествѣ организатора и руководителе партизанскихъ отрядовъ для выбора разведки и маршрутной связи путей связи въ разн. партизанск. Мамгуурской Армии на западн. направлении отъхода отъ Мурдена на Шаньши и далее на северъ, работы были оставлены на высотахъ отъ Сизрантай	св	" "	19
Предписаниемъ Генерала Квартурийстера Штаба Главкома командующаго за № 3057 командированъ для выбора, осмотры и охраны позицій для 2-го Мамгуурской армии северные отъходы Куропи на линіи Чаянпо-Шисандзи	св	" "	21
Согласно приказанія войскамъ 6-го армейскаго корпуса за № 12, представилъ въ полевой походный штабъ своихъ офицеровъ 6-го армейскаго корпуса въ намествѣ руководителя партизанъ	св	" "	22
Находясь въ служебной командировкѣ въ Киевскомъ военномъ округѣ	св	905. Мар.	8
	св	905. Мар.	14
	св	" "	15
	св	907. апр.	27
	св	" мая	10
	св	909. февр.	12
	св	" "	20

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

начальника штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии полковника Сергея Маркова

Находился в походе против в Черкессии для усовершенствований в знании казачьего оружия.	с 910	Мая	3
Находился в командировке на полевую практику в штабе Инвалидов Генерального Штаба.	с 911	Июня	22
	по 912	Июня	6
Участствовал в походе против Австро-Германии.	с 914	Июля	24
	по 916	Апр.	28
Участствует в походах против турков, в составе 2-й Кавказской казачьей дивизии.	с 916	Июля	12

В службе сего штаба офицера не было обстоятельством препятствующим его права на получение знака отличия орденом Кавказского ордена, или отягчающим его в этом отношении.

Подписанный подписать: Вр. командующий 2-й Кавказской казачьей дивизии, Полковник Павлов.

С 2-м подписанным вступило: Старший Адъютант Штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии, Есаул Марков.

В настоящем послужном списке пронумеровано, пронумеровано и каждой строчкой приняты одинаковые листы; 115/1

Августа 6 дня 1916 года.

Старший Адъютант,
Есаул Марков.

рецкого фронта Слухов о нем было много, но его еще никто повидал, ибо это была первая лекция

Широко раскрытые двери аудитории, большими нервными шагами, быстро входит совсем молодой сухой генерал с резкими чертами худого нервного лица Георгиевский крест георгиевская шапка, в руках серая папаха

– Я – генерал Марков, приехал к вам с Кавказского фронта, будем вместе с вами беседовать по тактике, поменьше зубрежа, прошу на лекциях слушать, а главное, почаще меня останавливать, всякий вопрос, всякое несогласие несите сюда, ко мне, не оставляйте его при себе, дело военное – дело практическое, никакого трафарета, никакого шаблона

Аудитория захвачена – она уже в руках у лектора Способность управлять массами сказалась в полной мере Резкие, подчас угловатые движения, приковывают к себе внимание слушателей Образная речь, полная примеров из военной истории, громадный запас примеров из личного опыта японской и последней мировой войны Всегда резкие умозаключения

Аудитория с напряженным вниманием слушает нового лектора Это не была лекция в общепринятом смысле слова Пред аудиторией горел факел большого военного воодушевления Поскольку смелы были выводы и умозаключения, постольку же смело они отдавались на суд, критику и возражения С кафедры сверкала живая мысль, категорически порвавшая со всеми шаблонами прошлого и мятежно ищущая новых свободных путей И молодая аудитория вместе со своим молодым лектором жила одной жизнью

26 ноября – день храбрых Академический праздник Был молебен, идет товарищеский обед Прошли казенные традиционные тосты, понемногу раздаются все больше и больше слова, идущие из глубины сердца

Старый профессор геодезии генерал Витковский в шуточной форме, как всегда, сказал свою очередную обычную арабскую поговорку о трех видах счастья для мужчины, которое может быть, по его словам, или на груди любимой женщины, или на спине прекрасной лошади, или за письменным столом

Молодежь-офицеры громадной толпой окружали генерала Маркова Чувствовалось, что он наиболее отвечал порыву и настроению всех

– Мы ждем от Вас слова!

– Слово просим сказать! – кричали офицеры

– Довольно, будет! – отбивался генерал, – я много говорил

– Нет, еще, еще!

– Так знайте же, господа, что хотя я здесь призван уверять Вас, что ваше счастье за письменным столом, в науке, но я не могу, это выше

моих сил; нет, ваше счастье в подвиге, в военной доблести, ваше счастье на спине прекрасной лошади; идите туда, на фронт и ловите ваше счастье.

Восторженное офицерство подняло на руки горячего генерала.

Генерал Сергей Леонидович Марков нашел свое счастье на спине прекрасной лошади в горячем кровавом бою. Он ушел от нас совсем, оставив о себе большие, яркие воспоминания.

А.Г.

Снова в академии²²

В ноябре 1916 г. в Петроград съехалось свыше 200 офицеров, командированных для прохождения сокращенного курса академии Генерального Штаба. Эти офицеры должны были потом, по окончании академии, восполнить большой недостаток офицеров-специалистов в работе в штабах. Все они были в чине не ниже поручика; все прошли практически боевую службу на фронте, имели боевые награды и были переранены. Первые разговоры их – о программе курса и о профессорах и преподавателях.

Преподавателем предмета «Общая тактика» числился Генерального штаба генерал-майор Марков. Мало, кто знал и слышал о нем до приезда в академию, но тут все узнали, что генерал Марков – молодой генерал, только что произведенный в этот чин, что он – кавалер ордена Святого Георгия 4 степени и Георгиевского оружия и что он прошел на фронте годичный стаж командования полком и показал себя как командир полка с самой блестящей стороны. Но вопрос: «Каким он будет как профессор?» – оставался нераскрытым и неясным. Большинство не предполагало, что молодой генерал может быть хорошим преподавателем по такому серьезному предмету, как общая тактика.

Первая лекция.

В аудиторию быстрыми шагами вошел молодой генерал, поднялся на кафедру и поклонился вставшим офицерам. Генерал был в защитной форме, но с серебряными погонами и аксельбантами Генерального штаба, с орденом Святого Георгия на груди, при шашке с Георгиевским темляком. Он окинул взглядом своих черных глаз всю аудиторию и сказал: «Прошу сесть, господа офицеры!» Вошел он и произнес первые слова не как «человек науки», а как офицер, начальник. «Игра», «поза» – промелькнула мысль у некоторых слушателей.

В наступившей тишине, ровным, твердым и четким голосом, генерал Марков начал вступительную к лекции речь:

«Господа! Мне впервые приходится читать лекцию в столь блестящей по заслугам и боевому опыту аудитории. Но господа офицеры! Не

забудем, что, быть может, наиболее достойнейшие не здесь, а остались на проволоке!». Короткий поклон и продолжал:

«Я генерал Марков, приехал к вам с Кавказского фронта. Будем вместе беседовать по тактике. Поменьше зубрежки. Дело – военное, дело – практическое; никаких трафаретов, никаких шаблонов...», и с кафедры сверкала живая мысль, категорически порвавшая со всеми шаблонами прошлого и мятежно устремленная к поискам новых свободных путей.

Первое впечатление: генерал глубоко продумал практику боевой службы; он знает, любит и глубоко понимает свой предмет.

Один из слушателей академии, подполковник Пермьяков, записал:

«Лекции профессора С.Л. Маркова пользовались большим успехом. Блестяще излагаемые методы ведения современного боя были подкрепляемы примерами из опыта текущей войны на Кавказском и Западном фронтах, участником и непосредственным руководителем коих был генерал или же был их свидетелем. Эти лекции, излагаемые в коротких и резких штрихах не профессором-теоретиком, а боевым генералом-профессором, имевшим за плечами двухлетний опыт на строевых и штабных ступенях боевой деятельности, были ценнейшим вкладом для «имеющих уши – слушать».

Во всех лекциях генерала Маркова не только всегда ярко и четко проводилась идея или идеи, но и ощущалась сильная одухотворенность всего им высказываемого. Дух возбуждает идеи; ум их творит; воля их осуществляет. В боевой практической жизни должна быть гармония: духа, ума и воли. Генерал Марков делил всех на одухотворенных и неодухотворенных, на идейных и безыдейных, на волевых и безвольных, как бы ставя перед каждым слушателем задачу – разобраться в себе и развить в себе эти три качества. Верность присяге и чувство долга он считал далеко недостаточными.

«Дух должен быть свободен от теорий, хотя книги надо читать». «Знание, которые вы получите здесь, вам необходимы. Вы вернетесь в штабы, но вы должны всегда думать и знать, что знание необходимы не для того, чтобы быть штабными работниками, а работниками-руководителями в реальном деле – бою». Или, вдруг, генерал Марков скажет так:

«Забудьте все теории, все расчеты. Помните одно: нужно бить противника и, выбрав место и время для удара, сосредотачивайте там наибольшее количество ваших сил. Демонстрации? Да! Но не в ущерб силам для удара. И вообще – демонстративные удары оставьте, как достояние книг. Весь ваш дух должен быть мобилизован на месте удара».

Иногда смелые высказывания генерала Маркова казались слушателям вызванными влиянием условий войны на Кавказском фронте и недооценкой условий на главном. Но и на эти мысли был ответ. Генерал Марков называл войну на Кавказском фронте «поэтической», «а мы – не поэты. Офицеры должны уметь воевать в любой обстановке,

обстановка же на фронте большой войны дает большие возможности для проявления своего духа». «Активность – всегда и всюду основа успеха».

В своих требованиях к слушателям генерал Марков был строг. На его вопросы, на задаваемые им задачи должны быть точные ответы, короткие, ясные, полные. В представляемых схемах он ценит не красоту, а наглядность. Свою неудовлетворенность ответом генерал Марков проявлял резко – обрывал отвечающего, отправляя «на место», стучал мелом, ломал его... Однажды даже швырнул мел, но тут же извинился. Его побаивались, однако общая оценка молодого генерала была – строг, но справедлив.

Он не говорил о дисциплине, но всегда и во всем требовал ее коственным путем. Опоздавшему на лекцию офицеру он скажет: «Если вы задержались игрой на биллиарде, идите, продолжайте». Все лекции генерала налагали огромное впечатление: они не только давали знания, но и заставляли творчески работать мысль; они не только возбуждали дух, но и побуждали к его развитию, укреплению, усилению; они требовали неуклонно волевого развития.

Немного месяцев пробыл генерал Марков лектором в академии: его тянуло на фронт, и он высказался откровенно и решительно, когда закончил свою очередную лекцию:

«Все это, господа, вздор, только сухая теория! На фронте, в окопах – вот где настоящая школа. Я уйду на фронт, куда приглашаю и вас!». И он уехал.

За немногие месяцы преподавания в академии генерал Марков оставил в офицерах неизгладимую и незабываемую о себе память.

В.Е. Павлов

БЕЛОЕ ДЕЛО

Дорога на Дон

Ночная встреча с генералом С.Л. Марковым²³

Вероятно, в жизни многих людей неожиданная встреча или какой-то, как будто, маловажный случай оказывали влияние на жизнь человека, направляя ее по новому направлению и даже спасая его от смерти.

О такой встрече я и хочу рассказать.

После захвата власти большевиками в Петрограде в октябре 1917 года Чрезвычайная следственная комиссия по «Делу генерала Корнилова» стала выпускать из Быхова младших офицеров и других лиц, не имевших большого значения в выступлении генерала Корнилова. Оставались в заточении генералы Корнилов, Деникин, Марков, Лукомский и Романовский, несмотря на падение Временного Правительства и все более и более усиливающиеся угрозы большевиков за-

хватить Ставку Верховного главнокомандующего и «ликвидировать» быховских узников.

Нужно сказать, что жизнь быховцев была сохранена верностью Текинского полка, не желавшего оставить на произвол судьбы своего «Бояра» – генерала Корнилова, и отчасти присутствием в Быхове штаба одного из полков Польской дивизии, с которым комендант Быхова установил связь.

Для упрочения этой связи генерал Довбор-Мусницкий, командир польского корпуса, штаб которого находился в Минске, по просьбе генерала Корнилова согласился назначить меня временно исполняющим должность начальника штаба польской дивизии в Быхове.

До принятия этой должности я, по просьбе генералов Маркова и Романовского, поехал сопровождать их супруг в город Сумы, где жила и моя жена, так как хаос на железных дорогах все усиливался.

В Сумах я провел один день и собрался в обратный путь. На вокзале носильщик взял мои вещи и пошел за билетом, а я уселся у стола. Было тихо, и я задремал. Но тишину нарушили чьи-то твердые шаги и стук отодвигаемого стула у моего стола. Сон слетел, и я увидел севшего наискось по другую сторону стола офицера, судя по погонам – поручика саперных войск. Увидев, что я поднял голову, поручик приподнялся и отдал мне честь. Я ответил. Лицо офицера показалось мне необыкновенно знакомым, но кто он, я не мог сообразить, решил подойти к нему и я узнал... генерал Романовский.

– Почему вы здесь и в форме поручика? – спросил я.

– Вчера мы покинули Быков и сегодня вечером приехали в Сумы, заехали к Харнитоненко и едем дальше на Дон.

– Кто это – мы?

– Я и генерал Марков. Он на платформе – пойдем, я вам его покажу. Генералы покинули Быхов, переодевшись, как кто хотел, а генерал Корнилов ушел походным порядком с Текинским полком. Быхов опустел.

На платформе мы прошли мимо какого-то солдата, стоявшего облокотившись на фонарный столб, который покосился на нас и продолжал, не меняя, позы лузгать семечки. Дойдя до конца платформы и не видя генерала Маркова, я с недоумением спросил:

– Где же генерал Марков?

Мы вернулись и подошли к солдату. Я поднял было руку, чтобы отдать честь, как тот зашипел на меня:

– Попробуйте только отдать честь и назвать меня Ваше Превосходительство!

Я невольно рассмеялся – такой у него был настоящий вид революционного солдата.

– Ну что, хорош? – усмехнулся генерал Марков, – нагяделся я на них; оказалось не так трудно быть сознательным революционным солдатом!

Мы говорили вполголоса.

– Итак, вы едете на Дон, и в Быхове никого нет. Могут ли я туда ехать?

– Конечно! Прите на Дон и не задерживайтесь, иначе будет трудно туда добраться – большевики быстро распространяются к югу.

Подождал поезд, идущий на Харьков. Марков вошел в третий класс, а Романовский – во второй. Генерал Марков помахал мне рукой с площадки вагона, и поезд ушел.

Я вернулся к жене и рассказал о встрече с генералами, и через день, в штатском костюме, с паспортом гражданина города Сумы, я ехал в Новочеркасск и благодарил Бога за эту ночную встречу. Если бы ее не было, я, вернувшись в Быхов, попал бы прямо в руки банде Крыленко, разгромившей Ставку.

Хочу сказать еще несколько слов о генерале Маркове. Впервые я увидел его на экзаменах в Военной академии – он экзаменовал нас по уставу, а в течение года был одним из наших руководителей по тактическим занятиям. Его побаивались за сарказм и некоторую раздражительность при неудачных ответах.

В Быхове относились к нему очень хорошо потому, что знали его как храбрейшего офицера и ярко выраженного противника большевиков. Он первый поднял вопрос о необходимости создания армии на добровольческих началах и возможно скорейшего начала борьбы с большевиками.

Я вспоминаю, как лестно было мне во время Кубанского похода дважды заслужить его похвалу.

С. Ряснянский

Из Быхова на Дон²⁴

По одному или по два, в костюмах шоферов, солдат и офицеров ехали на Дон из Быхова «быховские пленники» – генералы Корнилова.

Генерал Марков ехал вместе с генералом Романовским. Романовский – в форме прапорщика, а Сергей Леонидович Марков был его денщиком.

Генерал-денщик озаботился подбором подходящего костюма и очень искусно играл роль офицерского «личарды»-денщика.

Так же искусно боевой генерал Романовский исполнял роль прапорщика.

Но на одной из станций, когда генерал Романовский присел к табльдоту, чтобы выпить чаю, около него выросла фигура офицера-корниловца Гогосова.

– Здравия желаю, ваше Превосходительство, – прапорщик зашипел на Гогосова.

– Тише, тише, я еду инкогнито.

Гогосов сообщил Романовскому, что он едет на Дон с пакетом к генералу Каледину.

Дальше условились ехать вместе, а пока генерал Романовский предложил Гогосову присесть за его стол.

Едва Гогосов уселся, как перед столом предстал старательный денщик – типичный солдат из кашеварной команды с чайником в руке.

Гогосов подивился привязанности денщика-солдата к офицеру в наши дни и поощрительно похлопал по плечу солдата.

– Молодец, Иван, служи и впредь так своему офицеру.

Улыбался во все лицо денщик, улыбался прапорщик, а Гогосов был в восторге от денщика-генерала.

В наши-то дни...

Уселся вместе в вагон.

Только здесь Гогосов подметил странные отношения между генералом и его денщиком.

Стал всматриваться в денщика и, наконец, узнал в нем Маркова.

– Ваше Превосходительство... Затапчите меня ногами... Как я осмелился...

Генерал Марков сквозь смех, душивший его, прикрикнул на Гогосова.

– Тише, тише, не горланьте. Ведь вы нас выдадите.

Гогосов снова успокоился и в дальнейшем очень неохотно признавал в генерале Маркова денщика и все время сбивался с тона.

А в душе, вероятно, kloкотала злоба, что мать-родина возит боевых генералов под видом денщиков.

В.К.

**Приказ и удостоверение
о награждении генерала С.Л. Маркова
«Знаком отличия первого Кубанского похода»**

Главнокомандующий
Вооруженными силами юга России

7 января 1919 г.

№ 577

г. Екатеринодар

М.П. Марковой²⁵

Милостивая Государыня Марианна Павловна,

В воздаяние воинской доблести и отменного мужества, высказанных во время 1-го Кубанского похода чинами Добровольческой армии и Кубанского Добровольческого отряда и понесенных ими беспримерных трудов и лишений, мною установлен «Знак отличия Первого Кубанского похода». Покойный Ваш супруг, Сергей Леонидович, явля-

ется посмертно награжденным установленным «Знаком отличия Первого Кубанского похода».

Препровождая Вам при этом заслуженный покойным Сергеем Леонидовичем знак за № 4 и соответствующее удостоверение, прошу Вас принять уверение в преклонении моем вместе со всеми участниками исторического похода к памяти Вашего покойного супруга и в совершенном моем почтении и преданности.

А. Деникин

*Удостоверение*²⁶

В воздаяние воинской доблести и отменного мужества в боях и понесенных беспримерных трудов и лишений в Первом Кубанском походе, предьявителю сего генерал-лейтенанту Сергею Леонидовичу Маркову выдано настоящее удостоверение на право ношения «Знака отличия Первого Кубанского похода» 1-й степени, что подписью с приложением казенной печати удостоверяю.

25 октября.

г. Екатеринодар

Основание: приказ Добровольческой армии 1918 г. № 499.

Главнокомандующий Добровольческой армии Генерал-лейтенант Деникин.

Скрепил: начальник Штаба Генерал-майор Романовский

Верно: Дежурный генерал Генерал-майор <...>

Сверял: начальник Наградного отделения, Полковник <...>

Стихотворение памяти Маркова

*Славной памяти генерала Маркова*²⁷

Угас безвременно отчизны верный сын,
Погиб за Родины святое воскресенье,
Средь верных ратников, средь боевых дружин
Победой завершив последнее сраженье.

Еще одна могила средь могил,
И в тишине загробного молчанья
Гласящих, что еще в России много сил,
Готовых ей отдать не праздного мечтанья

Плоды... а душу всю, все силы, жизни свет
Принести ей жертвою, любовь к ней сожженной,
За то, чтоб видеть вновь над Родиной рассвет
И Русь, святую Русь, великой, возрожденной.

Игорь Владимирович

Приложения

МАРКОВЦЫ

1-Й КУБАНСКИЙ ПОХОД

Д.Т. Миончинский²⁸

16 декабря минувшего 1918 года под селением Шишкиным Ставропольской губернии осколком большевистской гранаты был убит командир 1-го отдельного легкого артиллерийского Дивизиона полковник Дмитрий Тимофеевич Миончинский, герой первого и второго кубанских походов. Неумолимая судьба вырвала еще одного из стаи славных корниловцев*.

Полковника Д.Т. Миончинского по праву можно назвать основателем добровольческой артиллерии. 14 декабря, через два дня по приезде своему на Дон, был назначен командиром Михайловско-Константиновской сводной юнкерской батареи (первая по времени артиллерийская часть Добровольческой армии). Вся артиллерия армии тогда состояла из этой батареи, которая имела только одну легкую пушку старого образца. С этой пушкой юнкера выступили в Чернецовский поход. В один из первых же налетов партизан полковник Миончинский с горстью юнкеров захватил четыре большевистских орудия в полной исправности, которые сразу были пущены в дело. Так образовалась 1-ая батарея, ныне носящая имя генерала Маркова...

Вскоре начался Корниловский поход. Молодой, горячий, беззаветно храбрый полковник работой своей батареи быстро заслужил широкую популярность и любовь всей армии. Его работу знали все.

– Первая батарея пошла. Ну Миончинский им покажет, – говорили пехотинцы, когда батарея на рысях выезжала на позицию.

И, действительно, он «им» показывал. Меткий, губительный огонь батареи скоро обращал в бегство большевистские банды и не раз решал судьбу боя...

Во время сражения Миончинский сам руководил огнем, подавал команды, зачастую сам наводил орудия.

*Полковник Д.Т. Миончинский родился в 1888 г. в Казанской губернии. Получив образование в Нижегородском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище, он был назначен в 31-ю артиллерийскую бригаду, в рядах которой и провел вторую отечественную войну, участвуя во всех боях бригады с 1 августа 1914 г. по 21 июня 1917 г. За боевые отличия, помимо других наград, получил Георгиевское оружие и Георгиевский крест 4-й степени. В Добровольческой армии – с 12 декабря 1917 г. (примечание документа)

Это был артиллерист по призванию.

Каждый выстрел он принимал близко к сердцу и очень любил быструю и отчетливую работу. Его юнкера старались во всю, и нужно было видеть их довольные лица, когда после очередной победы полковник благодарил их за молодецкую стрельбу.

– Рады стараться, господин полковник, – дружно отвечали они любимому командиру...

Время шло. Промелькнули бои под Выселками, Кореновской, Усть-Лабой, прошли тяжелые дни екатеринодарской осады. Измученная и физически, и нравственно, армия отступала. Казалось, спасения не было... Немецкая колония, брошенные в ней орудия... Настала ночь на 3-е апреля. Предстоял переход железной дороги. Медленно, без шума длинной лентой подходила армия к станции Медведской. На востоке еле-еле брезжила заря. Колонна остановилась... Глухо прогремели орудия 1-й батареи, двинувшиеся к самому полотну железной дороги. Потом опять стало тихо... Вдруг впереди сразу блеснули две молнии, раздалось два гулких выстрела, крики «ура», на минуту снова все смолкло, а потом беспорядочно затакал пулемет и быстро-быстро заговорили винтовки. Там, где блеснули молнии выстрелов, появился огонь, начал расти, расплзаться, и скоро на огненном фоне четко и резко обрисовался силуэт горящего большевистского поезда.

То орудия полковника Миончинского сделали свое дело, метким ударом по притаившемуся большевистскому броневнику разбили и зажгли его... Генерал Марков с револьвером в руке остановил поезд, полковник Миончинский уничтожил его... Два выстрела-молнии Миончинского пополнили иссякшие боевые запасы армии и воскресили угасший было дух добровольцев.

Через несколько минут по всей колонне передавалась команда: «Всем здоровым на погрузку снарядов...»

Большевики бежали, армия была спасена.

После боя генерал Деникин горячо благодарил Миончинского:

– Ну и молодец у нас полковник Миончинский, – сказал он, пожимающая ему руку.

– Не я один, вся батарея, ваше Превосходительство, – скромно отвечал полковник...

Как в первом, так и втором кубанских походах, 1-ая батарея большею частью работала с офицерским полком под высшим командованием генерала Маркова.

Вся батарея, начиная с своего командира, души не чаяла в покойном генерале, и когда он в бою под Шаблиевкой пал, сраженный неприятельским снарядом, полковник Миончинский, потрясенный его смертью, до зари не спал, всю ночь в волнении проведя из угла в угол...

– Я подал рапорт о даровании нашей батарее имени генерала Маркова; лучшей награды для нас быть не может... – как-то сказал он после утренней поверки, и теперь 1-ая батарея его стараниями стала родной сестрой 1-му генерала Маркова офицерскому полку.

8 июля, когда 1-ая батарея развернулась в артиллерийский дивизион, полковник Миончинский был назначен его командиром. Но, получив более высокое назначение, он не забывал своей батареей и по-прежнему во время боя находился на ее позициях. Он продолжал делить с ней ее радости и ее печали...

Наступило 16 декабря. Мы вели наступление от села Медведовского на село Шишкино, стараясь сбить упорно дравшегося противника. Снаряды рвались непрерывно, неумолчно такали пулеметы... Пасмурный зимний день склонялся к вечеру... И вдруг страшная весть:

– Убит полковник Миончинский.

В этот день, как рассказывал полковник Т., Миончинский не собирался приезжать на позицию. Его задерживали неотложные дела по управлению дивизиона. Но, слыша непрекращающийся гул канонады, не выдержал, вскочил на коня и примчался на место боя.

Батарея осиротела...

Ее первый командир ушел за ее славным шефом...

Но за его смерть жестоко ответят большевистские палачи и уже ответили на Северном Кавказе... Теперь ее выстрелы победно гудят на Украине – за Великую Россию, за ее будущее, за ее честь...

М. Петропольский

Бой под Медведовской²⁹ (апрель 1918 г.)

31-го марта 1918 года не стало генерала Корнилова.

Осиротелая горсточка бойцов первых добровольцев, еще по инерции атаковала красный Екатеринодар. Один против ста, одна шрапнель против тысячи и один патрон пулемета или винтовки против десяти тысяч. Цепи таяли... Из старших начальников почти все были убиты или ранены. В ротах оставалось по несколько стрелков. За стеной кожевенных заводов залегли несколько десятков юнкеров и кадетов Офицерского полка. Пулеметы матросов со стороны казарм били неумолчно, туча листьев неслась сбиваемая пулями. Голову поднять мог не всякий.

На юнкерской батарее полковника Миончинского осталось четыре гранаты, и нечем было поддержать редкую цепочку партизан и корниловцев, оконавшуюся впереди батареи. В дыму разрывов бризантных гранат и шрапнелей неистовствующих красных бронепоездов лежали на земле последние добровольцы, дожидаясь приказа о решительном штурме или... смерти.

На левом фланге, в редких перелесках фруктовых садов, все чаще и чаще ближе лязгали винтовки – там красные все глубже охватывали

конницу генерала Эрдели, стремясь прижать армию добровольцев к Кубани.

Такова была обстановка, когда генерал Деникин решил взять на себя смелость отдать первый в Корниловском походе приказ об отходе. Он решил спасти последнюю горсть добровольцев, выведя ее из окружения. Задача казалась совершенно неразрешимой – красные заняли все населенные пункты вокруг, сосредоточив броневые поезда на всех возможных переходах добровольцев через железные дороги за ночь.

Армия стянулась к немецкой колонии Гначбау, где провели тяжелый и особенно безнадежный день. Все улицы были запружены обозом раненых, во дворах ломали лафеты, колеса лишних орудий, ящики, подводы: приказано было бросить все, что возможно. Уныние царило полное.

Красные наступали с трех сторон, шрапнель била стекла в домиках колонии, гранаты, вздымая бурые столбы на улицах и в огородах, разбивали повозки, калеча лошадей и добивая раненых. Темные, зловещие слухи поползли о сдаче, о бегстве, говорили, что кто-то уже бежал... В обозе была паника – кто-то застрелился...

На околице у мельниц, наскоро окопавшись, несколько сот не спавших четверо суток корниловцев, партизан, юнкеров и офицеров почти без выстрела одним своим присутствием прикрывали от зверской красной расправы несколько тысяч своих раненых братьев.

За околицей тайно хоронили генерала Корнилова и его близкого соратника полковника Неженцева, командира Ударного Корниловского полка.

Стоны, крики новых раненых целый день раздавались на улицах Гначбау. Мужественные сестры выбились из сил.

Спускалась быстро южная весенняя ночь, еще грохотали последние очереди красных орудий... Добровольцы чудом удержались на подступах к Гначбау весь день.

Куда-то в сгустившийся сумрак прямо по целине в степь пошла на рысях разношерстная конница генерала Эрдели. По степной дороге, сделав ложный крюк, двинулись тяжелым уставшим шагом еще более поредевшие роты, прогремела батарея полковника Миончинского, бесконечной лентой повозок, лошадей, быков, изможденных страданием лиц, серых окровавленных шинелей потянулся обоз и полевой лазарет армии Корнилова...

Куда идем, не знал никто. Сказали только: «Не разговаривать громко и не курить»... Тяжел был этот переход, мрачна южная ночь, охватившая спасительным покровом своим армию генерала Корнилова, но бесконечной казалась она – словно не было иной жизни, кроме грохота телег, колес во мраке, сумрачных фигур соседей, зловещей мысли: завтра – смерть... Огоньки хуторов направо и налево по сторонам, далекий собачий лай – слышат за много верст чужое движение станичные псы.

Но вот встали впереди... Остановились и мы. Стояли долго... Кто-то прилег... Крик вдали – неразборчивый... ближе-ближе – это передача: «батарею вперед... орудия... артиллерию...». Штабс-капитан Шперлинг поднялся с земли, сел на коня, и недовольным, как всегда со сна, голосом протянул:

– Повод вправо, рысью марш.

– Артиллерию пропусти, посторонись... – несло по серым во мраке кучкам пехоты.

Внезапно выросла железнодорожная насыпь и на темном ночном небе контуры телеграфных столбов.

Белела железнодорожная будка. Она была освещена. У будки виднелась характерная фигура в белой папаше с нагайкой в руке – это была «душа армии» генерал Марков. Рядом с ним высилась фигура нашего батарейного командира полковника Миончинского.

– Дмитрий Тимофеевич, поставьте ваши орудия: одно налево, другое направо, – слышался голос генерала Маркова. Потом он что-то крикнул обозу, отчего повозки затарахтели рысью по переезде. Как говорили потом, генерал Марков торопил обоз, потому что со станции Медведки вызвал по телефону (из будки) красный бронепоезд.

Наступила зловещая тишина... орудия остановились у насыпи шагах в 60. Номера, бывшие юнкера михайловцы и константиновцы, копошились, быстро окапывая сошник, снимая чехлы, вынимали из передка последние четыре гранаты. Штабс-капитан Шперлинг сам встал у панорамы. «Передки, убирайтесь к...», – взволнованно бросил откуда-то из темноты полковник Миончинский. Налево от орудия штабс-капитана Шперлинга устраивались с «Максимом» кадеты – батарейные пулеметчики. Позади их растаяла во мраке цепочка Офицерского полка.

«Идет...» – чуть слышен стук и лязг буферов и колес. «Идет...».

Огневая точка... чуть мелькнула... растет и растет – это топка паровоза. Дыханье замерло в груди, лишь тревожно бьется сердце... Растет во мраке чудовище – кованный железом красный бронепоезд... Подкапывает медленно. «Стой, поезд. Стой!» – металлический голос из мрака. Кричал генерал Марков. В это время штабс-капитан Шперлинг дернул за боевой шнур, паровоз был в перекрестии его панорамы... С треском ахнула граната по паровозу, и сразу крики и тревожные голоса прокатились по бронепоезду. А через секунду несколько пулеметов с платформ и орудия выплюнули струи пуль и картечи... Свист, треск, грохот, крики пошли по степи... Вспышки яркого огня озаряли на миг пригнувшиеся фигуры в шинелях, метавшихся по степи лошадей, повозок без седоков, кухни...

Но среди суматохи, под роем пуль штабс-капитан Шперлинг спокойно всаживает вторую гранату в паровоз: он завалился в облаках пара... потом по платформам...

Номера за щитом орудия, за ящиком укрываются, как могут, от пулеметов бронепоезда. Налево целый заряд картечи в упор опрокидывает наш батарейный пулемет: три мальчика-кадета растерзаны пулями.

«Вперед» – кричит выскочивший на самое полотно генерал Марков. – «Ура». Из темноты появляются фигуры в шинелях, кричат «ура»... бегут к платформам, раздаются взрывы ручных гранат и опять крики... беспорядочная дробь выстрелов... Пушки смолкли.

Горит задний вагон с патронами – точно бой винтовок – на самом деле, все кончено.

В вагонах и платформах бронепоезда только трупы убитых... Дрались жестоко.

– Снаряды. Перегружать снаряды. Повозки сюда, – кричат генерал Марков и полковник Миончинский.

Снаряды – жизнь армии, снаряды – всеобщее спасение. Грохочут подводы, сворачивая на пахоту...

Светает... На востоке разорвалась мгла. Справа в предрассветном тумане дымятся новые подходящие бронепоезда, идут цепи красных...

Пулеметы стучат в степи... начинается арьергардный бой. 2-ое орудие отвечает броневикам...

Капитан Шаколи, курсовой офицер Михайловского артиллерийского училища, сам за панорамой. Он тяжело ранен в плечо, несмотря на приказание полковника Миончинского, не покидает орудие.

Последние повозки лазарета галопом, уже под пулеметом, проскакивают переезд.

«Победа» – на лицах у всех: «Победа». «Победа», – разнеслось и по лазарету. Радостны бледные лица страдальцев...

Утренний ветерок полощет черный значок генерала Маркова... Бодрый и веселый, провожаемый словами восторга и приветствия, скачет он с разведчиками в голову колонны...

Армия генерала Корнилова вырвалась из кольца... Мудрой решимостью генерала Деникина и безграничной доблестью генерала Маркова она была спасена от распыления и гибели.

Юнкерская батарея, столь лихо сбившая бронепоезд, развернувшись в Марковскую артиллерийскую бригаду, впила немало в венки Добровольчества лавров, отдав в борьбе за Родную Землю свою гордость: полковника Миончинского, штабс-капитана Шперлинга и немало славных учеников и соратников их: офицеров и юнкеров, и солдат-добровольцев.

Штабс-капитан Ларионов

Генерал Марков³⁰

В ярко индивидуальной личности Маркова нашел отражение пафос Добровольчества, свободный от темного налета наших внутренних немощей, от разъедающего влияния политической борьбы. Марков всецело и безраздельно принадлежит армии. Судьба позволила ему избежать политического омута, который засасывал других. Офицер, Доброволец, военный вождь – вот его призвание. Военная карьера, штаб и, главным образом, боевое поле – вот арена его деятельности, источник его славы и предопределение его гибели.

Умевший честно подчиняться своему начальнику, не теряя инициативы, умевший властно приказывать своим подчиненным, Марков был один воплощенный порыв. Он никогда не нуждался в повторений приказа об атаке. Он наступал и преследовал со своим полком с удалью, с увлечением, не раз, как под Журавиным и Чертворьском, теряя связь со своей «Железной Дивизией», забираясь в тыл противнику, прославив себя и свой 13-й стрелковый полк. Но если Японская война и Мировая создали боевую репутацию Маркову, то Первый Кубанский поход облек его имя легендой. Кто из участников Первых походов может забыть так хорошо знакомую фигуру в белой папахе, в расстегнутой куртке, с нагайкой в руке!.. Фигуру, появлявшуюся в опасных местах боя в наиболее критические минуты его и вносящую уверенность и подъем в ряды... Кто из Первопоходников не знает или не помнит Маркова в Ледяном походе – переправляющегося через полузамерзшую речку – и с Добровольцами, обратившимися в ледяные фигуры, под градом пуль врывающегося в станицу Ново-Дмитриевскую?!... Маркова в трагические дни штурма Екатеринодара, поднимающего свои войска в атаку на артиллерийские казармы!.. Маркова в дни смятения и упадка духа армии, потерявшей своего вождя, бросающегося с нагайкой и бомбой в руке на большевистский бронированный поезд под Медведовской!

Словно кусочек былинного эпоса, словно полотно старой батальной картины, когда не было еще умопомрачительной техники и личная доблесть решала участь сражений...

Догматизм и политическая нетерпимость были чужды Маркову. Конечно, его, как человека интеллигентного, не могли не занимать вопросы государственного бытия России. Но напрасно было бы искать в нем определенной политической физиономии: никакой политический штамп к нему не подойдет. Он любил Родину и честно служил ей. Вот и все.

Так, в первое время революции он записывает обрывки своих мыслей и впечатлений:

«Говорили о событиях в Петрограде... Дай Бог успеха тем, кто действительно любит Родину...»

«Все ходят с одной лишь думой – что-то будет?! Минувшее все поразили, а настоящего не ожидали. Россия лежит у пропасти, хватит ли сил достигнуть противоположного берега?..»

«Все то же, руки опускаются работать... Многие подлое ушло, но и всплыло много такого же... Погубит армию эти депутаты и советы, а вместе с нею – и Россию».

Не политическая нетерпимость, а боль и скорбь за армию и за Россию слышатся в этих случайных и искренних строках.

Пока была надежда на восстановление власти Временного Правительством, он работал с ним лояльнейшим образом. Говорил, спорил, ругался, «ублажал», как он выражался, «полуграмотных в военном деле членов комитета» и «несведущих, фантазирующих, претендующих на особую роль комиссаров». Теряя терпение, выходил иногда из себя и наживал врагов немало.

Потом, когда все надежды рухнули, не принимая фактического участия в Корниловском выступлении, совместно со своим главнокомандующим фронтом принял все же на себя моральную ответственность за выступление.

В результате – тюрьма! Бердичев и Быхов. Первый и Второй походы...

И когда в горячие минуты боя слышался обычный приказ:

– Друзья, в атаку вперед! – то части, которыми он командовал, люди, которых он вел на подвиг и смерть, шли без колебаний и сомнений.

Их не смущали пресловутые «неясность и недоговоренность лозунгов». Они несли свои головы не за революцию и не за реакцию; не за «землю и волю» и не за «помещичью реставрацию»; не за «рабочий контроль» и не за «эксплуатацию капиталом»... Суровая и простая обстановка Первых походов и в войнах, и в вождях создавала такую же упрощенную, может быть, военную психологию Добровольчества, одним из ярких представителей которой был Марков!

За Родину!

Д.

СВЕТЛЫЕ ВОИНЫ

Отрывок из книги В.Е. Павлова³¹

Группа офицеров батальона с капитаном Слоновским пришла в монастырь поклониться его святыням. Их встретил настоятель монастыря и игуменья. Настоятель благославил защитников Веры Православной и раздал всем черные монашеские четки – символ служения церкви и людям. Офицеры были тронуты глубоко этим благословением. Надев четки на руки, они сочли этот дар относящимся не только к ним лично, но и ко всему полку, сочли, что все марковцы с этого дня могут носить монашеские четки.

Судьба как бы сама направляла марковцев на путь христианского служения Вере и Отечеству, Церкви и людям. И тогда вспоминали... Когда в Новочеркасске формировался 1-й Офицерский батальон, в его рядах поднимался вопрос о создании «крестовых рот», которые имели бы на своих погонах кресты – символ похода за Веру и Отечество. Но тогда комиссия установила голые черные погоны с белой выпушкой – символ смерти и воскресения. Вспоминали и благословление другой женской обители – Покровского монастыря под Екатеринодаром. Говорили и о благославлении Святого Сергия Радонежского – небесного покровителя полка и Шефа – генерала Маркова.

Необычайно было видеть марковцев с монашескими четками на руке. Те, кто их носил – носил с достоинством. Говорили – принадлежность формы марковцев. Но это не привилось – начальство полка отнеслось несерьезно: оно не огласило этот глубокий по смыслу факт по полку, предало его забвению. Может быть потому, что знало – в разгаре жестокой борьбы невольно гложет голос христианской совести, ожесточается сердце и неизбежны нарушения долга, связанные с ношением четок. Молчал о благословлении и полковой священник. Но о них не забыли: были, которые в своей жизни и поступках мысленно перебирали шарики четок.

СТАТЬИ КАПИТАНА Л.П. БОЛЬШАКОВА*

Взятие Белгорода³²

Белый город у белых скал. И в белизне невысоких домиков, окаймляющих задумчивые улицы, в тишине монастырских стен, золотоглавых церквей, медлительном перезвоне колоколов есть нечто от сонного спокойствия московских переулков. Точно здесь, на крестном пути Добровольческой армии, призрачным сном стал пред нею прообраз Белокаменной. Она уже чувствуется здесь, на грани Украины – петлюровской, германской и советской. Отсюда идут родные и знакомые имена: Курск, Орел...

Здесь – острие меча, направленного в сердце советской республики. Недаром до взятия Белгорода ораторы истерически выкрикивали на митингах о «смертельной опасности, грозящей революции» и недаром, чтобы скрепить треснувший под нашим ударом фронт, сюда приезжал «сам» Троцкий. Для защиты города он бросил лучшие силы. На мобилизованных красноармейцев, разбегающихся толпами по домам, бросающих винтовки, пулеметы и снаряжение надежды были плохи. Пришлось двинуть коммунистическую бригаду товарища Трунова, поклявшегося «умереть, но не сдать Белгород», и отряд курских коммунистов товарища Черняка.

*Капитан Лев Петрович Большаков – командир одной из рот 1-го Марковского полка. В 1919 году написал ряд статей о добровольческих частях. Подробнее – см. 3-ю часть книги

При поддержке четырех бронепоездов и наземных батарей, снабженные множеством пулеметов, прекрасно вооруженные и обмундированные с иголочки они атаковали наши части в семи верстах южнее Белгорода, у станции Разумовная.

Но здесь шли марковцы и корниловцы – Добровольческая гвардия. Правда, был лишь один бронепоезд, но он назывался «Офицер» и с честью носил свое имя. Вместе с передовыми цепями он принял на себя удар врага, а там, в стороне от железной дороги, уже нащупали уязвимое место на фланге противника наши роты.

«Товарищи» не любят обходов. Это их слабость. Они не умеют и боятся маневрировать: боятся оторваться от своих. Вот почему в их рядах крик: «обходят» – немедленно сменяется другим: «Тикай».

Коммунисты оказались более стойкими. Появление на их фланге обходящих цепей смутило их, но не рассеяло. Но когда загрело «ура», когда в 400-х шагах от себя они увидели наши офицерские роты, шедшие во весь рост, не сгибаясь,двигающиеся неотвратно, как лавина – «товарищи» дрогнули. Тщетны были призывы командного состава, тщетно стрелял по бегущим застрелившийся потом у нас на глазах матрос Шевченко – один из сотрудников Трунова: все смешалось, спуталось, и в беспорядке, тесня друг друга, бросая винтовки и иногда «для легкости» сапоги, коммунисты хлынули назад, на Белгород.

Стемнело. В селе Разумном, занятом нашими войсками, уже приветно задымились «зенитные орудия» – трубы походных кухонь; утомленные боем, спешили поесть и воспользоваться кратким ночным отдыхом стрелки и офицеры. И скоро деревня затихла. Только на северной окраине слышался негромкий говор, вспыхивали огоньки папирос, и чернели колеблющиеся силуэты: это рота марковцев готовилась к ночному движению. Ей предстояло глубоким обходом выйти в тыл противнику и поставить его между двух огней.

Все приготовления закончены, все приказания отданы, и вот, среди неподвижной мглы беззвездной ночи двинулась рота. Впереди, рядом с командиром роты, уверенно разбираясь в сети извилистых проселочных дорог и заросших меж, шагал проводник, местный крестьянин, как и все они, ярый противник «коммунии». За ним, более чувствуя, чем видя друг друга, потянулись ряды стрелков и чуть поскрипывающие «тачанки» пулеметов.

Потянул предрассветный холодок, чуть побледнел восток, поредела мгла. Впереди, в ложине, густо заросшей краснолесьем, забелели стены хат мазанок: там, по предположению, должен быть противник. Рота остановилась. Неслышно отделились от передовой заставы тени разведчиков, скользнули в овраг, мелькнули между деревьями, вошли в село. Вот и донесение: село полно большевиками, но беззаботные

«товарищи» не выставили даже наружных дневальных, не то что сторожевой охраны. Соблазн велик – нагрянуть на них, как снег на голову, но надо выполнять боевую задачу: двигаться дальше, в тыл Белгороду. И вот, бесшумно, быстро, но спокойно рота огибаёт оврагом село и движется дальше.

Рассвело. По высокой траве протянулся росистый след. Впереди в сонном спокойствии раскинулся Старый Город – большое село в полутора верстах севернее Белгорода. Вот из него выезжает всадник и спокойной, неторопливой рысцой подъезжает к роте. Ему бояться нечего: ведь не может быть, чтобы сюда, в такой глубокий тыл, забрались «проклятые кадеты». Вот он вплотную приблизился к роте: еще минута – и на лице его отражаются изумление, растерянность, ужас. Но слишком поздно: под наведенными дулами винтовок всадник покорно слезает с коня, выворачивает карманы и с грустью следит, как проворные «кадеты» достают оттуда запечатанный пакет. Оказывается, донесение начальнику узла Белгородской обороны. А из донесения ясно, что в Старом Городе стоит резервная часть 135-го советского полка – старых знакомых, еще и раньше битых первым батальоном марковцев и в хвост, и в гриву; часть эта ночевала в Старом Городе и должна на рассвете выступить в Белгород.

С этим стесняться нечего. И в то время, как сонные красноармейцы, переругиваясь и зевая, собираются в одном конце деревни, дерзкие марковцы, имея впереди себя лишь дозоры, колонной, не спеша, втягиваются в деревню с другого конца, точно у себя дома, движется рота.

Но вот прозвучали резкие слова команды: рота развернулась в боевой порядок. Еще несколько слов – и вот, будто неожиданным громовым ударом, грянули в ушах насмерть пораженных красноармейцев ружейные залпы и, точно швейная машина, застучали, вышивая красные цветы смерти, пулеметы.

Обезумевшие «товарищи», тыкаясь сослепу во все закоулки, бросая оружие, оставляя раненых и пленных, выскакивая из хат в одном белье, ринулись панической волной на Белгород. Не прошло и получаса, как в городе поднялась суматоха: поскакали в разные стороны обозы, спешно двинулись на Курск составы, а вылетевший к Старому Городу красный бронепоезд нещадно стал осыпать из пулеметов ни в чем не повинные хаты. Марковцев уже не было в деревне: заняв позицию на возвышенности между нею и Белгородом, они завязали бой со спешно высланным из города отрядом коммунистов.

Вот, развивая полный ход, понеслись по Курской ветке в тыл эшелоны. Но «товарищам» не везло сегодня. В 50 саженьях от головного паровоза вдруг блеснул яркий огонь, поднялся столб черно-бурого дыма и загремел протяжный, низкий гул: это взлетел на воздух взорванный нашими подрывниками железнодорожный путь на Курск.

А в это время уже гремели наши батареи и с юга, от станции Разумная, весело, как на ученьи, пошла в наступление гвардия чести – марковцы и корниловцы. «Побеждает тот, у кого крепче нервы». Первые коммунистов оказались в тот день слишком слабы. Потрясенные вчерашним поражением, неспособные ориентироваться в обстановке, смущенные стрельбой в тылу, теснимые огнем с фронта – они не выдержали и хлынули в тыл.

Через мост стройными рядами, под звуки песен входили в Белгород рыцари черных цветов – марковцы – и рыцари цветов черных – корниловцы.

Где-то еще грохотали, обстреливая большевиков наши орудия, а здесь радостно звучали колокола, яркие блики бросало на белые стены солнце, и девушки в белых платьях бросали белые цветы победителям.

Форвард

Те, кто красиво умирают³³

У всякого полка есть своя физиономия. Неистощим зазор и молодечество дроздовцев. Непоколебимо спокойное мужество, неотвратимый порыв корниловцев. Есть еще один полк. Странен и неповторим его облик. Строгая, простая без единого украшения черная форма, белюют лишь просветы, да верхи фуражки. Заглушенный, мягкий голос.

Замедленные тихие движения. Точно эти люди знают какую-то тайну. Точно обряд какой-то они совершают, точно сквозь жизнь в обеих руках проносят они чашу с драгоценным напитком и боятся расплескать ее.

Сдержанность – вот отличительная черта этих людей, которых провинциальные барышни давно очертили «тонные марковцы». У них есть свой тон, который делает музыку, но этот тон – похоронный перезвон колоколов, и эта музыка – «De profundis». Ибо они действительно совершают обряд служения неведомой прекрасной Даме – той, чей поцелуй неизбежен, чьи тонкие пальцы рано или поздно коснуться бьющегося сердца, чье имя – смерть. Недаром у многих из них четки на руке: как пилигримы, скитающиеся в сарацинских песках, мыслью уносящиеся к далекому гробу Господню, так и они, проходя крестный путь жертвенного служения Родине, жаждут коснуться устами холодной воды источника, утоляющего всех. Смерть не страшна. Смерть не безобразна. Она – прекрасная Дама, которой посвящено служение и которой должен быть достоин рыцарь.

И марковцы достойны своей Дамы: они умирают красиво. Помню смерть полковника N в тяжелых боях в Ставропольской губернии, когда большевики собрали лучшие силы, чтобы остановить наше продвижение, и с мужеством отчаяния наносили нам последние удары, он со своим батальоном, окруженный вдесятеро сильнее врагом, отходил к своим. Как всегда: первый во время атаки, в последних рядах

во время отхода. И смертельно раненый пулей в живот, с парализованными конечностями, уже чувствуя приближение смерти, он не издал ни крика, ни стога. Так же спокойно, только с бескровным, бледным лицом и лишь пробившись к своим, не оставив ни одного трупа полковник Н вытянулся на повозке и затих. Помню еще одну недавнюю смерть. Молодой офицер, почти мальчик, капитан Гурбиков, в бою под Крюковым увидел, что левый фланг наших цепей, обойденный из леса, начал отходить. Он бросился туда, остановил стрелков и повел их в атаку на лес, занятый ротой большевиков. Он кинулся вперед и за ним ближайших семь стрелков, семь против полутора. И такова сила безумства храбрых, что рота товарищей начала отходить вглубь леса, не ожидая, пока к горстке безумцев присоединятся другие. На опушке леса капитана Г. настигла та пуля, что была ему предназначена. Он упал с простреленной головой, с рукой, протянутой к лесу, и костенеющими устами последний раз еще произнес: «Вперед!».

Будет время, под благовест кремлевских колоколов преклонят перед Добровольческими полками – Дроздовским, Корниловским и Марковским – свои венчалные головы двуглавые орлы старинных знамен. И поблекнут старые девизы, и на скрижали истории будут вписаны новые. Тогда девизом Марковского полка будет: «Ave patria, morituri te salutant», а на братской могиле павших марковцев высечено будет: «Те, кто красиво умирают».

Марковец

P.S. Печатаемая статья принадлежит перу одного из героев славного 1-го Марковского полка. Сейчас автор его уже один из тех, «которые сумели красиво умереть».

Вот что мы имеем об его кончине (из письма одного из добровольцев его роты):

14 августа мы вместе с 1-й Терской дивизией генерала Шкуро наступали на город Корочу, причем большевиков было 3 дивизии. Целый день шел сильный бой. В этот день из нашей роты выбыло убитыми и ранеными 43 человека; столько у нас приблизительно ранеными выбыло за все время моего пребывания в роте.

Большевики лавой бросились на 2-ю роту, которая находилась справа от нас, и сбили ее и, зайдя нам во фланг уничтожили сильным ружейным и пулеметным огнем наш правый фланг так, что мы вынуждены были отступить, оставив там несколько раненых, в том числе и раненого командира.

Когда мы, перейдя в контратаку, вернулись на прежнее место, то нашли наших раненых изрубленными, а у ротного командира были выколоты глаза, все лицо в синяках, а потом выстрелом в упор был снесен череп. Около него лежала винтовка, из которой он, раненый, до последней возможности стрелял по подходившим большевикам. На

левом виске была револьверная рана. Не желая попасть в руки большевиков живым, он застрелился.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА М.А. ПЕШНИ О ГЕНЕРАЛЕ А.П. КУТЕПОВЕ

Первый марковец³⁴

Я впервые встретился с генералом Александром Павловичем Кутеповым в Каменноугольном районе на станции Дебальцево, куда он приехал ознакомиться с положением боевых дел на фронте только что принятого им Добровольческого корпуса. Это было ранней весной 1919 года. С этого времени, на протяжении следующих двух лет жестокой борьбы с большевиками, наше общение заключалось в рамках чисто служебного характера, поскольку это вызывалось необходимостью по занимаемым мною последовательно должностям – помощник командира полка, командира полка, помощник начальника дивизии в Корниловской ударной дивизии.

Генерал Кутепов, как правило, лично знакомился с положением дел на всем фронте вверенного ему Добровольческого корпуса. Он знал, где назревали боевые кризисы или жестокие бои, лично следил за ними, посещая соответствующие воинские части и их штабы. Беседы почти всегда велись на темы боевого характера текущего дня.

Каждое появление генерала Кутепова на фронте оставляло приятное настроение и у начальства, и в войсках. Александр Петрович своими веселыми фразами, иногда далеко не в веселой обстановке, давал понять и начальникам и войскам, что его вера в Добровольческий корпус безгранична, и тем самым вселял в войска дух собственной мощи и непобедимости. За время гражданской войны войска полюбили генерала Кутепова как боевого командира корпуса, и он платил тем же своему корпусу за его лихие боевые дела.

При таком духовном взаимоотношении начальника с войсками 1-й корпус эвакуировался в Галлиполи, где условия новой жизни потребовали героических усилий от командира корпуса до последнего солдата, что, естественно, должно было вызвать к жизни строгую дисциплину с присущими ей дисциплинарными взысканиями. Эта область галлиполийской жизни весьма примечательна, интересна и оригинальна. Кто не слышал о гауптвахте с ее особым укладом, пребывание на которой не считалось оскорбительным, и где наказуемый считал для себя за честь высоко нести звание русского воина... Вместе с тем, особая манера в обращении генерала Кутепова с подчиненными не вызвала у них ни обиды, ни горечи и тем более озлобления, если он кого наказывал и наказывал даже сурово.

Мало знающие Александра Петровича или, вернее, не понимающие души этого замечательного человека считали его бездушным и жестоким. Утверждаю, что это не так и голословно.

Став ближе к Александру Петровичу как старшему марковцу, мне приходилось обнаруживать в нем самые высокие, светлые качества человека, находящие себе подтверждение в разновременных эпизодах, как в течение гражданской войны, так и во время пребывания в эмиграции. Характерная особенность Александра Петровича – скрывать от окружающих его лиц свои радости и свои страдания и только в обществе отдельных лиц, с которыми он был внутренне близок, иногда выявлять жизнь своей души.

Так, с внешней стороны казалось, что все боевые успехи генерал Кутепов принимает, как должное, и мало кто видел в таких случаях его величайшую радость. Но я помню, как я встретил его в деревне Чаплинка по выходу Русской армии с Перекопа в Таврию. При моем приближении для доклада Александр Петрович раньше всего произносит такую фразу.

– Какое Бог посылает нам счастье... Мы выходим в Таврию.

Второй случай.

На стоге соломы мы наблюдаем обход нашего фланга большевистской кавалерией и противодействие ему наших пехотных частей (3-й Корниловский полк полковника Щеглова). Александр Петрович, наблюдая самоотвержение добровольцев, не удержался от охватившего его восхищения:

– Как они прекрасны... Я был бы счастлив вот теперь идти вместе с ними, чтобы помочь им лично... Как просто, без страха, гибнут драгоценная для России жизни патриота-офицера и рядом с ним русского солдата.

Еще эпизод.

При приближении к Днепру генерал Кутепов прибыл ко мне в штаб рано утром и говорит, что хочет сегодня наступать вместе с нами, абсолютно не вмешиваясь в распоряжения и руководство боем подчиненного начальства. Александр Петрович продвигался за наступающими цепями и, увидев Днепр, перекрестился:

– Вижу родной наш Днепр... Теперь я уеду. Потери в войсках генерал Кутепов принимал как неизбежное. При каждом посещении штаба он обязательно спрашивался о ком-либо:

– Давно не вижу такого-то...

Если он оказывался убитым, набожно крестится:

– Пошли, Господи, Царство Небесное...

Все эти черты, указать на полноту которых нет возможности, далеко не говорят о бездушности человека. В действительности, Александр Петрович те или иные явления воспринимал с глубоким чувством: в известном случае мог бесконечно радоваться или сильно страдать.

Еще одна замечательная черта генерала Кутепова.

Однажды, в решительный боевой момент, когда вопрос касался самого бытия Добровольческой армии, генерал Кутепов на совете войсковых начальников, выслушав их мнения, заявил:

– Я отдам приказ, но если замечу, что он не выполняется, я больше вам не начальник...

В этом случае Александр Петрович всю ответственность брал на себя, отказав в инициативе подчиненным начальникам, могущим тем самым разделить с Александром Петровичем ответственность за судьбы Добровольческого корпуса, а вместе с ним и армии.

По эвакуации 1-го корпуса в Галлиполи генерал Кутепов, чтобы сохранить корпус, ясно представлял, что необходима серьезная работа начальников всех категорий. Корпус необходимо было воспитать в духе регулярности, на очереди стоял вопрос об очищении частей войск от тех вредных навыков, которые проникли в них из аморальной атмосферы в период трехлетней гражданской войны.

В Галлиполи Александр Петрович имел постоянное общение с войсковыми начальниками на общих собраниях, разрешая на них насущные вопросы. Кроме того, Александр Петрович вызывал к себе персонально тех лиц, советы и опыт которых считал полезными. В этих случаях Александр Петрович умел пробудить интерес собеседника к труду и творчеству. Благодаря общим успехам создавалось Галлиполи – большая школа, где воспитывалась любовь к России, ко всему укладу русской жизни, к разумному порядку и дисциплине.

Изучая Галлиполи, нельзя не познать широкого размаха русской души его создателя – генерала Кутепова, самоотверженным усилием которого было сделано исторически большое русское дело.

Александр Петрович по тем или другим причинам, имея частые беседы с известными лицами, вступал с ними в дружеские отношения, которые затем никогда не нарушались. Я лично чувствовал доброе к себе отношение Александра Петровича, и, когда представлялся случай, мы вели разговоры на самые разнообразные темы. Некоторыми из них я хочу поделиться.

В моей палатке в Галлиполийском лагере, за чашкой чая, Александр Петрович рассказывал эпизоды из Великой войны. Коснулся начала разложения Императорской армии и расформирования командуемого им полка. Особо замечательно, из этого разговора следующее:

– Вы знаете, – говорил Александр Петрович, – как я дорожил своим полком. В нем были еще унтер-офицеры, которых я сам учил в учебной команде. Они меня понимали с одного слова, и вот, как лучшую память об этом полку, я храню у себя на груди эмблему его Всероссийской славы...

Александр Петрович расстегнул гимнастерку и показал Георгиевский крест со знамени полка, который носил всегда на цепочке с нагрудным крестом.

Эту ценность он, несомненно, увез с собою в неизвестность...

В Болгарии, в один из приездов генерала Кутепова в штаб Марковского полка, я встретил Александра Петровича на станции. Мы отправились в город на санях через лесистую гору. По дороге Александр Петрович, осведомившись о жизни полка, сообщил мне, что в одном поезде с ним приехал в город Белградчик министр юстиции, и что он – Александр Петрович – пригласил его посетить полк вместе с собою.

На следующий день Александр Петрович принял почетный караул при винтовках. На параде присутствовал и министр, прибывший с Александром Петровичем. Когда почетный караул взял «на-краул», министр, как и собравшиеся, посмотреть на русских местные болгары сняли шапки. Генерал Кутепов поздоровался, а затем произнес здравицу за Царя Бориса, за генерала Врангеля и за присутствовавшего министра.

Местный фотограф сфотографировал парад. Во время гонений на русских в Болгарии эта фотография являлась доказательством того, что русские не сдали орудия, а отсюда – аресты, высылка и... отставка министра. Причиной же гонений было, конечно, не оружие, а выполнение большевистского плана уничтожения русских военных организаций.

В этот приезд мне удалось переговорить с Александром Петровичем о многом. Мы засиделись у меня на квартире далеко за полночь. Говорить с Александром Петровичем было легко, интересно, некоторые его мысли мы можем рассматривать, как его заветы.

Мы вспоминали Галлиполи. Вспомнили, как один французский офицер оскорбил жену русского офицера. Русский офицер вызвал на дуэль оскорбившего. Начальник местного французского гарнизона не разрешил этой дуэли на том основании, что он рассматривает бывших чинов Русской армии как беженцев, состоящих на иждивении французского правительства, вследствие чего вызов французского офицера на дуэль является не только отсутствием понятия об элементарной благодарности, но и дерзким оскорблением должностного лица... Вспоминая этот эпизод, Александр Петрович сказал с волнением:

– Точка зрения офицера, бывшего нашего союзника, меня глубоко задевает. При первой возможности нам необходимо будет с благодарностью вернуть французскому правительству выданные нам в Галлиполи пайки... Будущая Россия не забудет своих долгов и, надеюсь, таровито, по заслугам, отблагодарит своих друзей и недругов за период ее несчастий...

Говорили о будущей России. Александр Петрович остановился на вопросе о воспитании народа:

– У нас есть пример... Бисмарк сказал, что Германию создал учитель... Бисмарк дал хороший урок... Мы ясно должны представлять себе роль офицера и учителя, они должны воспитывать народ в духе патриотизма, в духе любви к родине... Тогда не будет и большевизма.

– У нас – кто в этом виноват, судить не берусь, но на это не следует закрывать глаза – учитель был всегда протестант и революционер. Влача полуголодную, беспросветную, ничего не обещающую в будущем жизнь, он только озлоблялся. Мог ли он, полуинтеллигент, сознавать свою высокую роль в воспитании молодого поколения в духе патриотизма?

– Кому следует, тот должен это иметь в виду в будущем... Высококачества офицер и учитель будут только способствовать строительству новой России...

Когда наша беседа близилась к концу, я задал Александру Петровичу такой вопрос:

– Ваше Высокопревосходительство, и мне, и всем марковцам интересно знать Ваше общее впечатление о Марковском полку после того, как Вы теперь детально ознакомились с его жизнью в Болгарии.

Александр Петрович ответил:

– Большого от марковцев я не ожидал. О том, что я видел, отдам приказ по корпусу, а в частности скажу вам, что мне было очень приятно провести эти два дня в полковой семье, в которой я на гражданской войне начал свою боевую службу командиром третьей роты. С тех пор я особенно люблю марковцев. Они своей доблестью заслужили, что их можно не только любить, но и гордиться ими. Я чувствую с ними какое-то душевное родство. Мне приятна марковская форма, которую почти не снимаю, я окружен марковцами: мой конвой, мои адъютанты, мой вестовой – марковцы, да и сам я считаюсь первым марковцем... Мы все, марковцы, должны помнить о нашем шефе – генерале Маркове – и довести начатое им дело спасения Родины до конца...

На этом закончилась наша беседа...

Генерал-майор Пешня

Примечания

- 1 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 7. Л. 3. – Надпись на конверте, в который, очевидно, было запечатано письмо С.Л. Маркова к родным.
- 2 Там же. Л. 2.
- 3 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- 4 Зачеркнуто.
- 5 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5. Лл. 4-5.
- 6 На черновике рукопись подписана вначале: «Один из многих», позднее зачеркнуто и подписано – «Сергей М—в».
- 7 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5. Лл. 6-7.
- 8 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 10. Л. 2. Листовка.
- 9 Там же. Л. 1. Листовка.
- 10 РГВИА. Ф. 725. Оп. 46. Д. 1077. Лл. 6-6 об.
- 11 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.
- 12 Там же. Л. 10.
- 13 Там же. Лл. 25-26. Черновик письма.
- 14 РГВИА. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 125. Л. 28-28 об.
- 15 Там же. Л. 55.
- 16 Там же. Л. 55 об.
- 17 Там же. Л. 51.
- 18 РГВИА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 14. Л. 24.
- 19 Там же. Лл. 19-20.
- 20 Там же. Лл. 17-18.
- 21 Донская Волна. Екатеринодар. 1918. № 3 от 24 июня. С. 5-6.
- 22 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Кн. 1. – Париж, 1962. С. 384-387.
- 23 Там же. Кн. 2. С. 379-380.
- 24 Донская Волна. Екатеринодар. 1918. № 3 от 24 июня. С. 6.
- 25 Первопоходник. Лос-Анжелес. 1975. № 25. Без нумерации страниц.
- 26 Первопоходник. Лос-Анжелес. 1975. № 25. Без нумерации страниц.
- 27 Игорь Владимирович Славной памяти генерала Маркова. Стихотворение. // Первопоходник. Лос-Анжелес. 1974. № 19. С. 56.
- 28 Донская Волна. Екатеринодар. 1919. № 11 (39) от 10 марта. С. 13-14.
- 29 Часовой. Париж. 1930. № 30. С. 6-8.
- 30 Марковцы Первопоходники артиллеристы: Д., Виктор Ларионов, Иван Лисенко, Николай Прюц. Очерки. – /Б.м./, /Б.г./ С. 4-5.
- 31 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Кн. 2. – Париж, 1964. С. 51.
- 32 «Жизнь». Ростов-на-Дону. 1919. № 55 от 28 июня.
- 33 «Россия». Курск. 1919. № 8 от 10 октября.
- 34 Пешня М.А. Первый Марковец. // М.А. Критский. Александр Павлович Кутепов. Биографический очерк. – Париж, 1935. С. 247-253.

Оглавление

В.Ж. Цветков
ПРЕДИСЛОВИЕ
3

часть первая
МАРКОВ
7

Р.Г. Гагкуев
ГЕНЕРАЛ МАРКОВ
9

Н.Л. Калиткина
«Я СМЕРТИ НЕ БОЮСЬ»
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ МАРКОВ
59

БИБЛИОГРАФИЯ С.Л. МАРКОВА
72

БИБЛИОГРАФИЯ ОБ С.Л. МАРКОВЕ
73

ПРИМЕЧАНИЯ
75

часть вторая
МАРКОВЦЫ
(составители *Р.Г. Гагкуев, В.Ж. Цветков*)
83

1-Й КУБАНСКИЙ ПОХОД
86

В.Е. Павлов
ПЕРВЫЙ ПОХОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ
88

2-Й КУБАНСКИЙ ПОХОД
190

В.Е. Павлов
ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД
192

ОЧЕРК ОБ УЧАСТИИ 1-ГО ОФИЦЕРСКОГО ГЕНЕРАЛА
МАРКОВА ПОЛКА ВО ВТОРОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ
218

ПОХОД НА МОСКВУ
258

В.Е. Павлов
ПОХОД НА МОСКВУ
261

ЗАДНЕПРОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
362

А.Г. Битенбиндер
ДЕЙСТВИЯ МАРКОВСКОЙ ДИВИЗИИ НА ПРАВОМ
БЕРЕГУ РЕКИ ДНЕПРА В РАЙОНЕ ЗАПАДНЕЕ ГОРОДА
АЛЕКСАНДРОВСКА В ПЕРИОД С 24/09 ПО 01/10
364

ПРИМЕЧАНИЯ
375

часть третья
К ИСТОРИИ МАРКОВЦЕВ
(*Р.Г. Гагкуев*)
385

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ
ЧАСТЕЙ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА

386

ИСТОЧНИКИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ
СОСТАВ МАРКОВСКИХ ПОЛКОВ

435

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ МАРКОВСКИХ ПОЛКОВ

449

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ЧАСТЕЙ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА

456

БИБЛИОГРАФИЯ

486

ПРИМЕЧАНИЯ

488

приложения

(составители Р.Г. Гагкуев, В.Ж. Цветков, Н.Л. Калиткина)

501

МАРКОВ

502

МАРКОВЦЫ

526

ПРИМЕЧАНИЯ

544

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

Сборник статей.

Послесоветская Россия уже не первый год живет с расколотым сознанием: кто она? Наследница Советского Союза? Или тысячелетней России? Или вовсе новое образование, построенное по западным шаблонам на пустом месте? Настоящий сборник обосновывает нравственную и политическую необходимость восстановления в нашей стране юридической и идейной преемственности от докоммунистической России, освещает с этой точки зрения события XX века и рассматривает ряд политических вопросов сегодняшнего и завтрашнего дня.

В 2000 году в Москве группой научных и общественных деятелей был создан коми-тет «Преемственность и возрождение России». Книга содержит два документа и статьи шести его членов.

С.В. ВОЛКОВ.

ПЕРВЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ НА ЮГЕ РОССИИ.

Очередное исследование известного московского ученого-историка, члена Комитета «Преемственность и возрождение России» С.В. Волкова посвящено истории зарождения южнорусского Белого движения, Первому Кубанскому («Ледянному») походу Добровольческой армии. Настоящая книга, представляет собой мартиролог первых участников Белой борьбы на Юге России, включает в себя 5 614 биографии генералов, офицеров, юнкеров, кадет. Для удобства пользования все фамилии расположены в алфавитном порядке. Этот ценный справочник, весьма полезный каждому, кто изучает историю Белого движения в России, представляет собой первую часть из готовящегося «Словаря участников Белого движения» (к настоящему времени собраны сведения о более 200 тыс. чел.)

С.В. Волков

Первые добровольцы на Юге России

ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОЕ ВОССТАНИЕ. 1918 год.

Под редакцией В.Ж.Цветкова.

Брошюра «Ижевско-Воткинское восстание. 1918 год.» продолжает серию изданий «Библиотечки россиеведения», посвященных истории народных антибольшевицких восстаний в России в годы гражданской войны. Рассматриваются проблемы, связанные с предпосылками, ходом, последствиями самого крупного вооруженного восстания рабочих против советской власти — восстания Ижевского и Воткинского заводов.

Приводится подборка воспоминаний участников восстания — от командиров до простых рабочих и крестьян, даются документальные материалы из повстанческой прессы. Исследуется программа восставших, эволюция их лозунгов, особенности военных действий, социальный состав повстанческой армии.

Издание иллюстрировано фотографиями и схемами.

Для всех интересующихся отечественной историей XX века.

Л.А. МОЛЧАНОВ ГАЗЕТНЫЙ МИР АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ

Монографическое исследование профессора Л.А. Молчанова, постоянного автора «Белой Гвардии» посвящено проблеме, выражаясь современным языком, «четвертой власти» в годы гражданской войны в России. На основании значительного числа документальных источников, не вводившихся ранее в научный оборот, автор рассматривает вопросы организации и деятельности отделов пропаганды белых правительств в различных регионах, их структуру, особенности взаимоотношений с другими ведомствами. Параллельно с этим разбираются вопросы связанные с деятельностью военной цензуры, формированием идеологии Белого движения, его программных установок. Монография вышла ограниченным тиражом, поэтому заказы следует направлять заблаговременно.

ФОТОАЛЬБОМ «БЕЛАЯ РОССИЯ» 1917 - 1922 гг.

Годы «второй русской смуты», гражданской войны долгое время были в России за-претной темой. Представления о Белом движении искажались, факты замалчивались. И хотя в последние годы в России появилось уже немало книг, брошюр, статей посвященных Белому делу, еще очень много страниц его истории остается неизвестными для современных читателей.

До сих пор ни в России ни за рубежом нет полного издания фотографий по истории Белого движения. А ведь образы героев Белого дела говорят подчас гораздо больше чем су-хие строчки боевых расписаний или, даже самые обширные и интересные мемуары.

Альманах «Белая Гвардия» заканчивает работу по изданию альбома «Белая Россия. 1917 - 1922 гг.». На его страницах будут опубликованы фотографии, относящиеся к различным регионам Белой России - Белому Югу, Сибири, Северу, Северо-Западу и Дальнему Востоку, а также к первым годам русской военной эмиграции – Галлиполи, Болгарии, Маньчжурии... Здесь опубликованы фотографии из центральных архивов России, а также из архивов Русского Зарубежья, из частных коллекций.

Часть фотографий, вошедших в данный номер альманаха, будут также представле-ны на страницах нашего фотоальбома.

Надеемся, что издание фотоальбома станет еще одним звеном в восстановлении связи России сегодняшней и России исторической, Русского зарубежья накануне нового ве-ка. Восстановление исторической правды – наш долг перед теми, кто отдавал свои жизни во имя России.

История Белого флота остается на сегодняшний день практически неисследованной страницей как в летописи гражданской войны в России, так и во всей истории Российского флота. Изучение Белого флота неотделимо от изучения Белой борьбы. Достаточно сказать, что Верховный Правитель России, лидер российского Белого движения, Александр Васильевич Колчак был адмиралом, последним предреволюционным командующим Черноморским флотом. Русские корабли, ушедшие в 1920 г. из Архангельска и Крыма, а в 1922 г. из Владивостока, остались непокоренной территорией Белой России.

Редакция альманаха «Белая Гвардия» представляет читателям первый тематический номер, полностью посвященный изучению проблем, связанных с историей морских сражений в годы гражданской войны. Рубрики номера — традиционные для нашего альманаха, их содержание отражает боевые действия не только Белого флота, но и союзников Белых, в частности, операции англичан на Балтийском море в 1919 г. В альманахе приведены интересные мемуары флотских офицеров, участников морских сражений и походов. Впервые приведены полные боевые расписания Белых флотов и флотилий. Четвертый номер альманаха подготовлен совместно с журналом «Флотомастер». Этот факт показывает, что результаты сотрудничества в научно-издательской деятельности могут быть весьма эффективными. Редакция планирует продолжить издание подобных тематических номеров. Надеемся, что они станут интересными и нужными для всех занимающихся отечественной историей.

Заказы на книги направлять по следующим адресам:

В России:

103031, Москва, ул. Петровка, д.26, стр. 2, пом. 96.

Некоммерческое Партнерство «Посев», В.Ж. Цветкову.

Телефон: (095) 925-81-38, факс (095) 925-92-48;

E-mail: posev.ru@online.ru

За рубежом:

Possev-Redaktion, Flurscheideweg 15, D - 65936, Frankfurt a. M.,

GERMANY, H. Pohl, Tel.: (49-69)34-12-65;

E-mail: Possev-Flm@t-online.de

Марков и марковцы.

Издание осуществлено при финансовой поддержке А.Н. Аликаева

Корректор

М. Беляева.

Верстка текстовой части

Е. Львова, И. Баранов

Компьютерные работы для иллюстративной части

А. Иткин, С. Иткин, С. Коробов, Е. Старшинова

Техническая поддержка

Д. Погорелов.

Формат 60x90/16 Объем 34,5 п.л. Гарнитура «Петербург» Тираж 2000 экз.

ООО «Восточный горизонт»

Лицензия серия ЛР № 065061 от 24 марта 1997 г.